Пам'ятки
історичної думки
України

М.О.МАКСИМОВИЧ

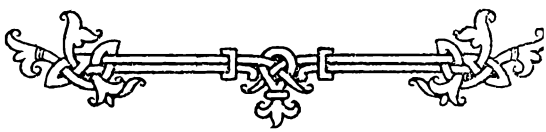
КІЕВЪ ЯВИЛСЯ ГРАДОМЪ ВЕЛИКИМЪ...

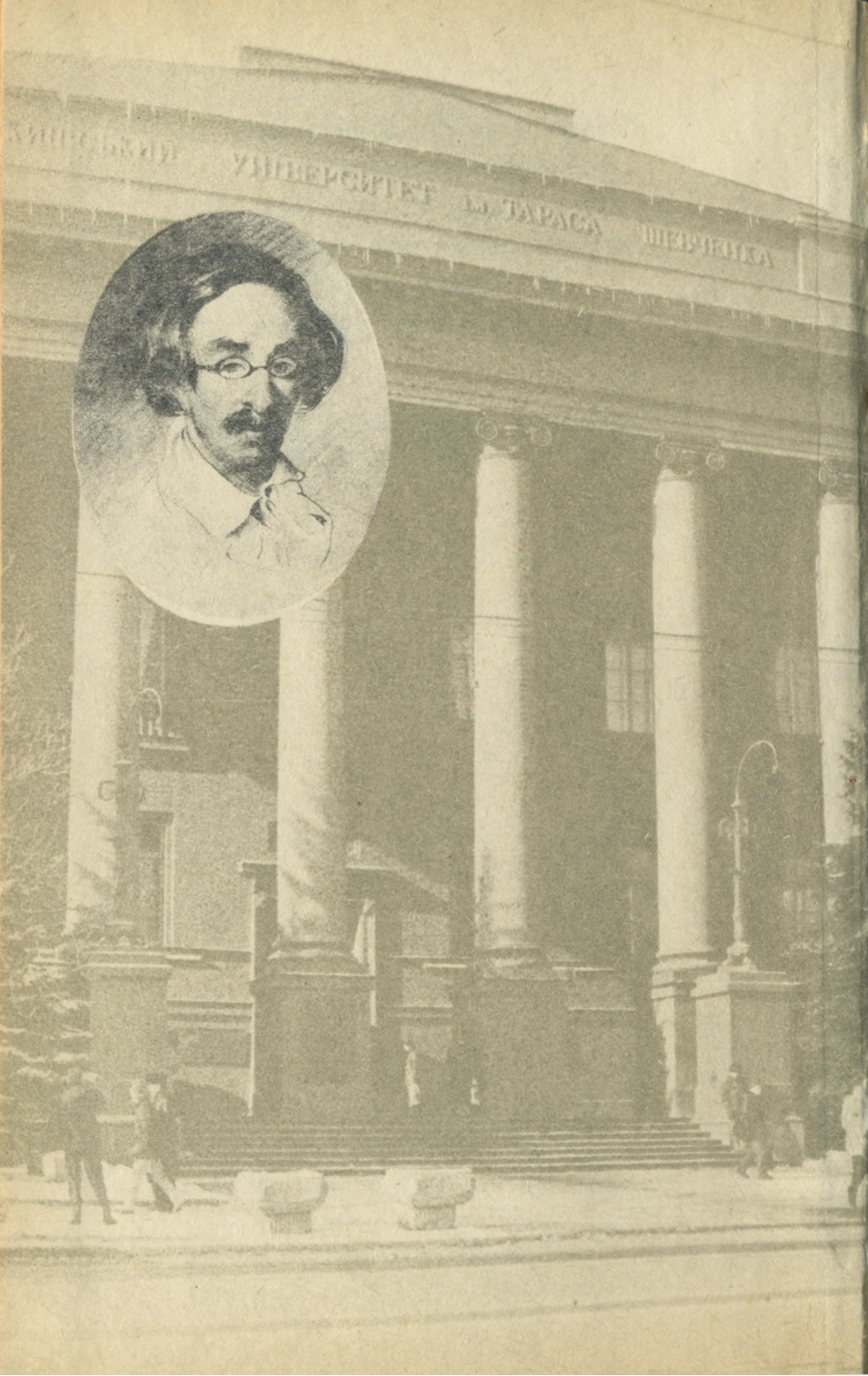
Вибрані
українознавчі твори

ім. Т. Г. ШЕВЧЕНКА

160-річчю від дня заснування
Київського університету
та 190-річчю від дня народження
його першого ректора професора
М.О.Максимовича
п р и с в я ч у є т ь с я

УНИВЕРСИТЕТ
ТАРАСА

Кожному своя доля! І моя, якою б важкою не була інколи, та незрівняно вища і краща багатьох інших.

М.Максимович

Його найбільшим подвигом, як і подвигом передреволюційного українознавства взагалі, було вияснення народної основи української історії, її тяглості і неперервності, укріплення на сім грунті того переконання, що український народ — це дійсний будівничий великого тисячолітнього діла української історії і одвічний господар української землі, политої його потом і кров'ю.

М.Грушевський

Некогда Пушкин сказал о Ломоносове, что он сам был первым русским университетом... Максимович был для Киевской Руси целым ученым историко-филологическим учреждением, и вместе с тем живым народным человеком.

М.Драгоманов

Усе своє тихе життя смиреномудрого вченого, людини поміркованої в своїх бажаннях, переконаннях та мріях, ставився він прихильно і брав близько до серця лише питання культурного та літературного поступу в українській справі — і так було за всі останні сорок років його життя і праці на Україні і для України.

І.Житецький

М. А. МАКСИМОВИЧЪ.

М.О.МАКСИМОВИЧ

КІЕВЪ ЯВИЛСЯ ГРАДОМЪ ВЕЛИКИМЪ...

Вибрані
українознавчі твори

КИЇВ
«ЛИБІДЬ»
1994

ББК 63.3 (4 УКР)
М17

Бібліотека
«Пам'ятки історичної думки України»
Заснована 1989 року

Редакційна колегія бібліотеки:
Ю. П. Дяченко, В. О. Замлинський, Л. Г. Мельник,
Ю. М. Мушкетик, В. Г. Сарбей, В. А. Смолій,
В. П. Тараник, Ф. П. Шевченко (голова)

Упорядник
Володимир Замлинський

Автор приміток

Іван Бутич

Рецензенти *С. В. Кульчицький, В. А. Качкан*

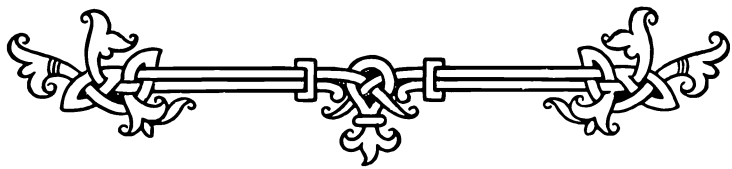
Головна редакція літератури з українознавства
та соціогуманітарних наук

Редактор *Микола Тимошик*

М 0503020902-059 / 224-94 БЗ 23-6-93

ISBN 5-325-00534-0

© В. О. Замлинський, упорядкування, історико-біографічний нарис, 1994
© І. Л. Бутич, примітки, 1994
© В. В. Скопенко, передмове слово, 1994

ПЕРЕДНЄ СЛОВО

Є певна закономірність у тому, що ці дві пам'ятні дати відзначаємо разом — 160-річчя Київського університету і 190-річчя від дня народження його першого ректора Михайла Максимовича. Історія нашої Альма-матері дійсно нерозривно пов'язана з ім'ям цієї людини, якій волею долі випало здійснити перший засів у освітню і наукову ниву навчального закладу. І в тому, що цей засів ліг на добре уготований попередниками грунт, також простежується закономірність.

Мрія про заснування в Україні справжнього осередку національної освіти для української інтелігенції постала віддавна: йшла вона ще від Костянтина Острозького. Це він наприкінці 70-х років XVI століття прагнув дати найдопитливішим, найздібнішим представникам різних народних верств саме таку освіту, відкриваючи в Острозі Греко-Слов'янську школу вищого типу. Пізніше з Києво-Братської школи, заснованої 1615 р., виросла Києво-Могилянська академія. Однак це не знімало питання про необхідність відкриття в Україні університету, про який мріяли українські козацькі гетьмани — Іван Виговський, Іван Мазепа, Кирило Розумовський.

І ось 1834 року в Києві, нарешті, відкрито університет. Щоправда, за задумом його петербурзьких засновників, навчальний заклад мав стати передусім центром русифікаторської політики південно-західного краю російської імперії. Та незважаючи на величезні потуги поліційно-репресивної великодержавницької машини, таким Київський університет не став. Не став тому, що тут завжди нуртував волелюбний дух, сюди завжди тягнулися найсвідоміші, найпередовіші національно-патріотичні сили.

Від самого початку їхніми провідниками стали побратими першого ректора по ідеї — Тарас Шевченко та Микола Костомаров.

Михайлові Максимовичу було лише тридцять років, коли він обійняв посаду ректора щойно заснованого університету святого Володимира в Києві. Як могло статися, що саме він, українець, нащадок козацького роду, який не мав впливових благодійників, у такому віці удостоївся цієї високої посади? Думається, багато в чому вибір був зумовлений високим авторитетом молодого вченого-енциклопедиста — природознавця і фольклориста, філолога й етнографа, історика і письменника. Вже на той час його багаточисленні наукові дослідження з цих галузей знань були відомі далеко за межами Москви і Петербурга, а за його підручниками навчалося не лише студентство України, Росії, а й ряду чужих країн.

Доля не завжди була прихильною до цієї людини. З юнацької пори й до останніх літ Михайла Олександровича не полишали різноманітні житейські негаразди — матеріальні нестатки, хвороби. А ще — терзання за вимушені компроміси совісті й сумління в умовах задушливої атмосфери тогочасного громадсько-політичного життя царської Росії, недовіри й зневаги до всього українського, народного, демократичного. Однак, незважаючи на все це, він невпинно працював.

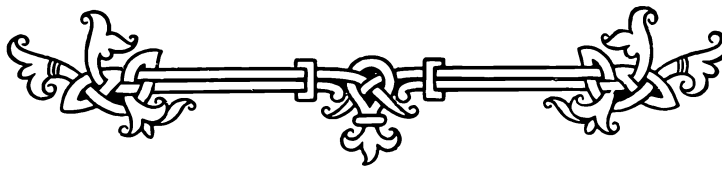
Зроблене Михайлом Максимовичем, зокрема, в галузі історії та філології сприяло згодом зародженню цілої історико-філологічної школи Київського університету, яка дала українській науці таких видатних учених, як В. Антонович, М. Драгоманов, М. Грушевський та інших діячів науки й культури України. Саме Максимович започаткував розвиток української журналістики своїми надзвичайно цікавими з пізнавального і художнього боку альманахами «Денница», «Киевлянин», «Украинец», а збірником «Малоросійські пісні» спонукав до пожвавлення й активізації студій на терені української фольклористики. І, нарешті, окремо слід сказати про Кирило-Мефодіївське братство, ідейним натхненником створення якого він був і яке своєю появою, своїми програмними документами відіграло виняткову історичну роль у національному пробудженні українського народу. Отож, без перебільшення можна сказати, що в започаткуванні прогресивних традицій Київського університету роль і значення Максимовича важко переоцінити.

На жаль, в історії нашого університету немало й драматичних сторінок. Писалися вони і в часи самодержавства, і в період диктатури комуністичної ідеології, коли внаслідок репресивних заходів навчальний заклад знекровлювався, збіднювався за рахунок найпрогресивніших, найталановитіших викладачів, студентів.

Нині, в непросту добу становлення незалежної демократичної української держави, переживає своє друге народження й Київський університет імені Тараса Шевченка. Повертаються втрачені надбання національної вищої школи, зважено перейнмається все передове, напрацьоване в світі. Відроджуються й кращі традиції, започатковані першим ректором університету Михайлом Олександровичем Максимовичем. Вони — в істинній, позбавленій будь-якої політичної заангажованості, науці, в уболіванні за долю своєї держави, в чистому і щирому прагненні багатотисячного університетського колективу бути корисним своєму народові.

Багата й різноманітна наукова, художня, публіцистична спадщина Михайла Максимовича протягом тривалого часу з різних причин залишалася малодоступною для широкого українського читача. Тому ідея видавництва «Либідь» при Київському університеті видати цей однотомник вибраних українознавчих праць нашого великого вченого і патріота, здається сьогодні вкрай своєчасною і важливою.

Віктор Скопенко,
ректор Київського університету
імені Тараса Шевченка,
академік Національної АН України

ПАТРІАРХ УКРАЇНСЬКОЇ НАУКИ

Відзначаючи заслуги Михайла Максимовича перед вітчизняною наукою, відомий політичний і громадський діяч, вчений і публіцист Михайло Драгоманов писав: «Якось Пушкін сказав про Ломоносова, що він сам був першим російським університетом. Невтомний трудівник на кафедрі в Києві і потім в хуторі... М. О. Максимович був для Київської Русі цілою науковою історико-філософською установою і разом з тим живою народною людиною»[1]. А український академік, етнограф, фольклорист та літературознавець Андрій Лобода вважав, що Максимович є «...у повному розумінні слова патріархом нашої науки в нашому університеті, в нашому краї»[2].

Природознавець, історик, фольклорист, етнограф Михайло Максимович ще за життя отримав блискучу оцінку здійсненого ним у кожній із названих галузей наук від таких його сучасників і друзів, як О. Пушкін, О. Дельвіг, М. Гоголь, П. Вяземський, В. Одоєвський і багатьох інших. Все, що написане ним, дійсно відзначалося не лише новизною постановки питання, а й особливим поглядом на суспільно-політичну значущість досліджуваних проблем.

У різний час про життя та діяльність цього непересічного вченого виходили монографії, наукові розвідки. На особливу увагу заслуговують, зокрема, статті М. Грушевського, який чи не вперше науково обгрунтував провідне місце М. Максимовича

---

[1] *Драгоманов М.* Некролог М. Максимовича // Вестник Европы. 1874. № 6. С. 453.

[2] *Лобода А.* Заслуги М. А. Максимовича в области языка и словесности // Чтения в Истор. общ. Нестора-летописца. К., 1905. Кн. 187. С. 117.

в українській науці, показав його роль як основоположника української історичної думки, фольклористики, мовознавства. Однак ці роботи не зняли необхідності докладніше, глибше, об'єктивніше осмислити наукову і творчу спадщину М. Максимовича, осягнути його діяльність у цілому, його роль і значення у вітчизняній науці, а заодно й виправити те, що було упущене або зумовлене ідеологічними стандартами чи й навмисно перекручене.

* * *

Михайло Максимович народився 3 вересня 1804 р., на хуторі Тимківщина поблизу Золотоноші Полтавської губернії. Козацький рід Максимовичів бере початок ще з XVII ст. від пращура Максима Васильківського, прозваного Печерським. Дід Михайла — Іван Максимович, пішовши у відставку секундмайором, придбав грунт у Прохоровці на Черкащині, заснував там родове гніздо, в якому й судилося закінчити свій вік його онукові.[1]

Батько Михайла, Олександр Іванович, у 19-річному віці дістав чин колезького реєстратора, тоді ж одружився з Гликерією Федорівною Тимківською. Вона також із козацького роду, що брав початок від козака Бубнівської сотні Тимофія Антоновича Тимка, вихідця з Лівобережної України. Його діти вже стали писатися Тимківськими. По матері у Михайла було аж п'ять дядьків. Один із них Ілля Федорович Тимківський — доктор права, професор Харківського університету. Інший — Роман Федорович — професор грецької та римської словесності Московського університету. У міністерстві закордонних справ служив дядько Єгор Федорович. Найулюбленіший дядько — близький до декабристів Василь Федорович Тимківський. Всі вони були свого часу відомими літераторами і кожен тою чи іншою мірою вплинув на долю свого племінника Михайла. Оскільки хутір Тимківщина входив до Залотоніського повіту, то й початкову освіту всі п'ятеро братів, а згодом і їхній племінник здобули в Золотоноші.

У 1808 р. в Новгороді-Сіверському заходами Іллі Федоровича Тимківського відкрито гімназію, яка скоро набула слави найбільш професіонального навчального закладу в цьому регіоні. До неї у 1812 р. і вступив для продовження своєї освіти малий Михайло.

Згадуючи ці роки, Михайло Максимович писав: «У гімназії сім років пройшли для мене як сім місяців. Мальовниче розташування Новгорода-Сіверського над Десною, з його стародавнім

[1] Центральна наукова бібліотека ім. В. Вернадського НАН України (далі: ЦНБ). Відділ рукоп. Ф. 1. Од. зб. 577. Арк. 1.

Спаським монастирем на кам'янистій горі, давали душі епічний настрій»[1].

Після закінчення гімназії в 1819 р. він вступає до Московського університету на відділ словесності. Провчившись тут два роки, студент Максимович захоплюється ботанікою і переходить на природничо-математичний факультет цього ж університету. Захоплення природничими дисциплінами почалося ще в Новгород-Сіверській гімназії, а в Москві вже переросло в справжнє наукове покликання. Успішно закінчивши цей факультет, він залишається на роботу спочатку в бібліотеці університету, в університетському гербарії, а згодом був призначений завідуючим ботанічним садом[2].

Працюючи на цій посаді, вчорашній випускник готує лекційний курс ботаніки і з 1828 р. починає його викладання в університеті. 1833 р. його затверджено ординарним професором кафедри ботаніки. На цей час припадає зростання Максимовича не лише як ученого-природознавця, а й як філософа. І це закономірно. Розробка проблем природознавства потребувала їх осмислення, що неминуче спонукало до філософії. Він все більше відходить від абстракцій і прихиляється до натурфілософії Шеллінга та Окена, яка, як йому здавалось, більше відповідала завданням пізнання природи й суспільства на тому етапі розвитку науки. Хто зна, може цьому сприяло те, що ще у 1824 р. до молодого викладача звернувся з листом один із перших російських натурфілософів Д. М. Велланський і попрохав перекласти одну з праць Окена російською мовою. В листі, зокрема, зазначалося: «Наукові Ваші заняття показують у Вас прагнення до дальшого пізнання і здібність до проникнення у глибину понять»[3]. І він не помилився в цьому. За короткий час М. Максимович підготував понад 100 наукових праць, пов'язаних із природознавством. Серед них особливо необхідно виділити написану в 1823 році, відразу ж після закінчення університету й видану через рік,— «Главные основания зоологии», а також «О разделении естествознания на ветви» (1827 р.), в якій викладені власні погляди на матерію світу. В 1828 р. виходять дві його праці: «Основания ботаники» (у 2-х частинах) та «Органология». В 1831 — «Систематика растений». У 1833 р. виходить його «Размышления о природе» і, нарешті,— в 1834 р.— «Книга Наума о великом божьем мире». Ці та інші праці з природознавства і філософії даного періоду засвідчують насамперед зачатки енциклопедизму молодого вченого, а також ту обставину, що, відображаючи загальну тенденцію розвитку

[1] ЦНБ. Відділ рукоп. Ф. 2. Од. зб. 577. Арк. 2.

[2] Библиографический словарь профессоров Московского университета: В 2 ч. М., 1885. Ч. II. С. 1—22.

[3] ЦНБ. Відділ рукоп. Ф. 2. Од. зб. 3891. Арк. 1.

науки в Росії, він уже на цьому етапі виявив надзвичайний творчий діапазон, оригінальність і сміливість у вирішенні теоретичних проблем природознавства. Його «Ботаника» була названа кращою працею того часу й стала настільною книгою чи не всіх природознавців Росії, а у Московському університеті прийнята як основний навчальний посібник. Праці М. Максимовича поширювалися у Варшаві, Празі, Берліні та інших містах Європи, особливо тих, де були університети. На них орієнтувалися вчені-природознавці у своїх подальших дослідженнях.

У науковому доробку М. Максимовича цього періоду особливе місце посідає праця, яка, з одного боку, засвідчила широту дослідницьких уподобань, а з іншого — його прихильність і любов до рідного краю, свого народу. Йдеться про «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (1827 р.). У збірнику, який по суті заклав основи наукової фольклористики, було зібрано 127 зразків української народної творчості — це думи та пісні — історичні, гайдамацькі, чумацькі, обрядові. Подані тут і пісні літературного походження («Віють вітри», «За Немань іду», «Де ти бродиш, моя доле»), які вказують, що основним критерієм у визначенні фольклорності твору упорядник вважав побутування його серед народу.

Українознавча збірка М. Максимовича справила на сучасників надзвичайно велике враження. Вже сама передмова до цієї книги, зазначав історик Д. Дорошенко, «звучить як літературний маніфест, і справді для свого покоління вона мала значення маніфесту, вона була прапором, на якому було написане магічне слово для тих часів: «народність»[1].

А ось оцінка українського письменника і політичного діяча І. Стешенка: «Два імені, яскравими зірками сяючими на горизонті російської літератури, Гоголь і Пушкін, найкраще свідчать про величезний вплив на інтелігенцію виданих Максимовичем пісень. Гоголь зачитувався цими піснями; Гоголь виховувався на їх дивних образах і вчився їх глибоких почуттів і життєвості... Гоголь, нарешті, черпав сили в широкому розвої народної фантазії, відображеної в піснях, і проникався величчю закарбованої в них української історії. Всі ці риси Гоголь вніс, як відомо, у свою творчість, створюючи ними епоху в російській літературі... Безсумнівний вплив українських пісень на Пушкіна, хоча останній і взяв від них зовсім іншу данину, ніж Гоголь: Пушкіна полонила ніжність і душевна краса жіночих типів української поезії, і тому не дивно, що при створенні

[1] *Дорошенко Д. І.* Нарис історії України. Львів, 1991. С. 501.

образу Марії у «Полтаві» він, за власним визнанням, «обирал песни Максимовича».[1]

Не буде перебільшенням сказати, що вихід «Малороссийских песен» ще більше зблизив цих двох людей, спонукав їх до тісної творчої співпраці (Максимович не пропускав нагоди «збагатити» російського поета знаннями з української історії — подарував йому, зокрема «Історію русів», а Пушкін охоче брав участь у виданні редагованого своїм новим товаришем альманаху «Денница»).

Така ж духовна спорідненість була у М. Максимовича і з М. Гоголем, котрий буквально наполягав на необхідності складання другого фольклорного збірника. І ось у 1834 р. виходять друком зібрані М. Максимовичем «Украинские народные песни». Цього разу упорядник поставив собі за мету в історико-тематичному плані дати читачеві такий матеріал, який би відбивав у собі історію українського народу від XVI ст. аж до сучасного йому періоду. Для кращого розуміння кожного зразка пісні та думи він дає широкі пояснення, тлумачення незрозумілих слів, а подекуди й художній переклад російською мовою. Особливо важливим для розуміння проблем української історії був розділ «Песни казацкие бытовые», з яких сміливо пробивався голос народного гніву проти самодержавства, заклик до боротьби за кращу долю. В часи жорстокої реакції й цензури Миколи I видання такої книги було сміливою і прогресивною справою.

Однак після виходу цієї збірки в публікаторській діяльності М. Максимовича настає тривала перерва, зумовлена життєвими обставинами. Наприкінці 1833 р. М. Максимович, після затвердження його ординарним професором, очолив кафедру ботаніки Московського університету. І хоч це була його перемога в досягненні поставленої мети, але до неї примішувалася й гіркота. Адже кафедрою вже кілька років до цього формально керував ректор, одержуючи відповідну платню. Хоча весь цей час роботу за нього, навіть читання лекцій, виконував Максимович.

Така несправедливість, постійна нервова напруженість та перевантаженість роботою неабияк вплинули на здоров'я молодого вченого, яке від природи було слабким. Майже перестало бачити ліве око, з'явилися ревматичні болі, які посилилися крововиливом у живіт[2]. Говорячи про цей складний період свого життя, Максимович у своїх спогадах пише, що друзі знали про його хворобу і всіляко прагнули допомогти. Так, вони клопочуть про його переїзд і шукають місця в Грузії, де б можна було

[1] Михаил Александрович Максимович: к столетию годовщины его рождения // Киев. старина. 1904. Т. 86. С. 351—352.

[2] ЦНБ. Відділ рукоп. Ф. 3. Од. зб. 5779. Арк. 1.

працювати в ботанічному саду. Але коли з цим нічого не вийшло, постала ідея про від'їзд до Кримського Нікітського ботанічного саду або до Одеси. Новоросійський губернатор граф М. С. Воронцов обіцяв університетським товаришам Максимовича влаштувати цей перехід, але практично нічого не зробив. Зірвалася справа і з переїздом до Криму. Залишався останній, але найжаданіший для Максимовича варіант — робота в Києві. Якраз для цього випадала рідкісна нагода.

8 жовтня 1833 р. цар підписав указ про утворення в Києві університету. В указі, зокрема, зазначалося, що «...після переведення Волинського ліцею з Кременця до Києва, перетворити оний у вищий навчальний заклад з відповідним поширенням і на твердих основах, переважно для мешканців Київської, Волинської і Подільської губерній»[1]. Така ідея, очевидно, вперше зародилася після польського повстання 1830 р., коли російський уряд з метою послаблення польського впливу на Правобережній Україні, запроваджував тут на повну силу політику русифікації. В 1831 р. Микола I утворив у Києві спеціальну комісію в справах західних губерній, яка й мала запропонувати проект реорганізації освіти на українських землях із переведенням усього навчання на російську мову. 25 грудня 1833 р. був затверджений статут і штати нового університету, а 15 липня 1834 р. відбувався «публічний акт відкриття» його.

Відразу ж після царського указу друзі М. Максимовича активно взялися «пробивати» йому місце в новому університеті. Справа просувалася важко. Кілька разів у міністра освіти С. Уварова були з цим питанням О. Пушкін, П. Вяземський, М. Гоголь, В. Жуковський, який згодом зазначав, що міністр «спочатку відмовився, а потім погодився».

Сам М. Гоголь також запалився їхати в Київ, мріючи завідувати в університеті кафедрою. 20 грудня 1833 р. він пише Максимовичу: «Туди, туди! В Київ! У древній і прекрасний Київ! Він наш, він не їх, правда? Там, чи навколо нього, діялись справи минувшини нашої... Так, це славно буде, коли ми займемо з тобою київські кафедри. Багато можна буде зробити добра»[2]. У Києві він хотів закінчити «Історію України і півдня Росії», над якою почав працювати.

Про бажаний перехід у Київський університет Гоголя і свій М. Максимович згадував так: «Туди ж погодився зі мною переміститись і мій незабутній земляк Гоголь; але йому не вдалося це: та й мені для того потрібно було замість ботаніки взяти кафедру російської словесності. Травня 4-го 1834 року призначений був я ординарним професором російської словес-

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* История университета св. Владимира. К., 1884. С. 9.

[2] *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 7. С. 93.

ності в університет св. Володимира і одночасно деканом 1-го філософського факультету»[1].

Після передачі справ у Московському університеті, де йому довелося пропрацювати 11 років, М. Максимович виїхав з Москви 5 червня 1834 р. і прибув до Києва 13 липня. По дорозі він відвідав батька, побував на могилі матері. У день свого прибуття відвідав попечителя Київського навчального округу відставного військового фон-Брадке і разом з ним був присутній на першому засіданні університетської ради. На цьому ж засіданні на нього було покладено обов'язок ректора університету.

І почалася для першого ректора нелегка буденщина. Справа ускладнювалася тим, що приміщення для університету ще не було (сучасний його «червоний» корпус було зведено 1842 р.), і він «абияк був розміщений у різних спорудах на Печерську і в Липках; приміщення були зайняті хоча й кращі, але незручні, невеликі й жалюгідного вигляду»[1].

Хоча загальна чисельність студентів в університеті була невелика (у 1834 році тут вчився 61 чоловік, з яких на філософському — 27), слід було виявляти велику увагу облаштуванню їхнього побуту. По суті все доводилося починати з «нуля» — від навчального процесу до наукової роботи. Максимович змушений був ще й керувати роботою «попечительського комітету», який стежив за функціонуванням навчальних закладів, організовувати господарське постачання. Він налагоджує і підтримує зв'язки з директорами гімназій та повітових училищ.

Працюючи на посаді ректора Київського університету, Максимович прагнув здійснити розроблений ним план удосконалення освіти в краї. Суть його зводилася до розширення можливості отримання освіти всіма без винятку верствами населення, включаючи й кріпосних селян, яких він вважав за необхідне вчити за державні кошти. Обов'язковою умовою була відміна тілесних покарань. Важливим пунктом цього плану було всіляке сприяння різнобічному розвиткові української науки, в тому числі історії, мовознавства, а також етнографії, фольклористики та ін. Максимович мав намір скласти український словник, видати нове зібрання українських пісень, підготувати українську енциклопедію. Його мрією було організувати видавничу справу в Україні, налагодити випуск у Києві журналів та ін. На виконання таких задумів він готовий був покласти своє життя, вважаючи це своїм «священним обов'язком».

Слабкий здоров'ям, Максимович усього себе віддавав новій для нього справі. Він годинами просиджував за вирішенням

[1] *Максимович М. А.* Автобиография // Киев. старина. 1904. Т. 86. С. 337—338.

поточних проблем. Сам старанно готував до кожного засідання університетської ради всі питання, докладаючи величезних зусиль, аби вони виконувалися. Домігшись навчання в університеті «казеннокоштних студентів», ректор підготував спеціальну «Інструкцію». У 1835 р. він виступає з клопотанням про видання при Київському університеті «Ученых записок», журналу «Киевские новости». Однак цей задум здійснити тоді не вдалося: «Записки» не видавалися через «недостатність матеріальних і наукових сил», а журнал — через те, що, як зазначив цар, «їх в Росії й так багато і немає необхідності видавати ще».

Одночасно М. Максимович здійснює значний обсяг викладацької й наукової роботи. Про манеру викладання М. Максимовича, широту його ерудиції напише згодом майбутній історик, що слухав лекції свого вчителя, В. Шульгін: «Як викладач, обдарований одушевленною мовою, він захоплював молодь університетську»[1].

В цей час М. Максимович тісно зійшовся з київським і галицьким митрополитом Євгенієм (Болховітіновим) — на той час уже добре відомим дослідником вітчизняної історії, археології та бібліографії, автором, зокрема, «Словника історичного про бувших у Росії письменників духовного чину грекоросійської церкви», «Опису Києво-Софійського собору» та «Опису Києво-Печерської Лаври». Теплі стосунки з Болховітіновим збагатили знання М. Максимовича з історії Києва, розширили тематику майбутніх занять українською історією в цілому. Такі ж стосунки склались і з ректором духовної академії Інокентієм (Борисовим), людини високої культури і знань, засновника київського тижневика «Воскресное чтение».

Однак знову, як і в Москві, але тепер уже в гострішій формі, стали нагадувати про себе хвороби. До того ж, чим далі ускладнювалася обстановка і в самому університеті. Це було зумовлено, передусім, посиленням нагляду влади за студентами і викладачами, що не могло не обурювати ректора. Він нервував, скаржився друзям. М. В. Гоголь, зокрема, співчував йому, прохав не засмучувати душу сумними мотивами. А в кінці липня 1835 р. сам прибув до Києва. Це була велика підтримка для М. Максимовича. І все ж після довгих роздумів М. Максимович наприкінці 1835 р. подав попечителю прохання про звільнення, через хворобу, з посади ректора. 11 грудня це прохання було задоволене царем. А 21 відбувалося засідання вченої ради університету, де Максимович виголосив прощальне слово. Він сердечно подякував за співпрацю, зазначив, що скільки дозволяло здоров'я, самовіддано виконував свої обов'яз-

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* История университета св. Владимира. С. 100—101.

ки ректора, але хвороба, на жаль, стала на заваді. «Ніяка інша причина,— сказав промовець,— не дала б мені права... залишити посаду.., бо яким би не було ще моє службове поприще, але я, звісно, вже ніколи не міг би сказати собі нічого кращого, ніж те, що я був першим ректором університету св. Володимира»[1].

Після відпустки, використаної для лікування в Криму, М. Максимович повертається в Київ і сповна віддається науковим дослідженням. Він пише ряд історичних праць, у тому числі «Исторические заметки», «Откуда идет русская земля», «Об участии и значении Киева в общей жизни России», «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево», «Обозрение старого Киева», інші праці. Можна сказати, що вони започаткували перші стежини до української історії, які сміливо пробивалися крізь офіційну концепцію історії Росії. Згодом, викладаючи М. Погодіну свої погляди на російську історію, Максимович писав: «... у вас (Великоросії) багато дивляться на всю російську землю з москворецької висоти Івана Великого; тут (у Малоросії) інші дивляться на неї з запорізької, поетичної Савур-могили; моя точка зору на всю єдину руську землю над Дніпром з висоти Старо-Київської, з горба св. Андрія Первозванного»[2]. Іншими словами — дивитися на все з точки зору об'єктивності й правди.

Під впливом М. Максимовича й інші викладачі університету почали серйозну наукову роботу, спрямовану на вивчення історії й археології України. Цьому сприяла їхня участь у створеному 1835 р. при Київському навчальному окрузі Тимчасовому комітеті для дослідження старожитностей. Тут активно співпрацювали, зокрема, професори В. Цих, С. Зенович, С. Орнатський, І. Данилович, М. Берлинський, а також ряд студентів.

Поступово в чимраз більшої кількості науковців вироблялося прихильне ставлення до української історії, бажання віднайти її коріння. Може й тому, всупереч планам царизму зробити Київський університет оплотом монархічних ідей і форпостом русифікації для цілого регіону, в якому не могло б бути й натяку на якийсь прояв національної (української, чи польської) ідеї, цей університет став мало не центром виявлення таких ідей. Так, уже в травні 1837 р. серед студентів поширювалися різноманітні рукописи і книги національно-визвольного змісту, про що відразу донесено було Миколі І. Цар побачив у цьому велику небезпеку для самодержавства. Він сам приїхав до Києва, зустрівся зі студентами та викладачами, виступив перед ними з гнівною промовою, погрожував притягнути всіх винних до суду. Багато студентів було арештовано, польських викладачів звільнено й замінено росіянами. Пізніше з'ясувалося, що

[1] *Максимович М. А.* Автобиография // Киев. старина. 1904. Т. 86. С. 339.
[2] *Владимирский-Буданов М. Ф.* История университета св. Владимира. С. 104.

арештовані студенти були членами таємної організації — «Союз польського народу», створеної в середині 30-х років на Правобережній Україні Шимоном Конарським. Один із відділів цієї організації існував у Києві й поширював свій вплив на Київський університет.

За допущення таких «неподобств» Микола I наказує на рік припинити діяльність університету. 9 січня 1839 р. був виданий Височайший указ урядовому сенату про це. Багато студентів було звільнено чи переведено в інші університети, викладачі на цей час мали бути використані «на користь інших навчальних закладів» чи зайняті «підготовкою навчальних книг та посібників».

До налагодження питань, пов'язаних із ситуацією в університеті, за вказівкою царя було залучено і М. Максимовича, очевидно, поза його волею. Ставши членом спеціальної комісії, Максимович докладав усіх зусиль, щоб стримати репресивні дії влади щодо студентів. Він усіляко, наскільки це було можливим, протидіяв закриттю університету, намагався привернути до цього увагу провідної громадськості міста, шукав, зокрема, підтримки у ректора духовної академії Інокентія. Учений склав і передав Інокентію відповідну записку. Однак, очевидно, що й втручання духовної особи такого високого рангу в цю справу не дало бажаних наслідків.

Читаючи сьогодні цю записку, мабуть, не з усіма положеннями можна погодитися. Звичайно, її автор не міг висловитися відверто щодо тих реакційних заходів — доносів, підозр, підслуховувань, які були запроваджені властями в університеті, однак весь дух записки свідчить про це. Одну з головних причин подій в університеті Максимович вбачав у впливі на студентів-поляків саме польських викладачів, які у ньому працювали. «Хоча польські викладачі,— писав він,— своєю бездоганною поведінкою і нешкідливим викладанням не давали студентам нічого, щоб запалювало й зароджувало в них марні польські мрії, але вже своєю присутністю вони перешкоджали поширенню російського духу і успіхам чистої руської мови...»[1]

Окрім роботи в зазначеній комісії та університетській раді, М. Максимовичу додалися ще клопоти, пов'язані з його призначенням візитатором чернігівських навчальних закладів.

Незважаючи на всі ці турботи, Максимович наполегливо працює над завершенням однієї із своїх найважливіших праць — «Историей древней русской словесности». Вже 3 жовтня 1839 р. він подав її для розгляду на університетській раді. 18 жовтня, ознайомившись з її змістом, Рада одноголосно вирішила рекомендувати працю до друку у двох частинах. У тому ж році вона

[1] Русский Архив. СПб., 1874. С. 1075.

була видана в університетській друкарні. Її наукову цінність відзначив журнал «Современник»: «Тут — початок праці прекрасної і загальнокорисної. Автор входить в найцікавіші дослідження з приводу походження різних слов'янських наріч, а потім обчислює в хронологічному порядку всі відомі писемні пам'ятки стародавньої художньої літератури нашої. В його філологічному дослідженні є самобутність, своєрідність і докази, які свідчать про уважне і тривале ним вивчення предмета. Тільки подібні праці й просувають науку до її остаточної довершеності»[1].

Цілком погоджуючись із сказаним, мусимо, однак, зазначити, що не лише ця праця засвідчувала високу наукову ерудицію і майстерність М. Максимовича, його захопленість історією свого народу, а й інша, написана в цей важкий життєвий період, але не дозволена цензурою до друку, і яка пролежала в рукописі аж до смерті автора. Йдеться про «Сказание о Колиивщине». Це було перше правдиве слово про одну з найдраматичніших сторінок в українській історії.

Цікавим є те, що саме «Сказанием о Колиивщине» М. Максимович планував відкрити перше число свого альманаху «Киевлянин», який вийшов у 1840 р., однак без цієї праці.

У 1840 р. за повелінням царя Київський університет знову розпочав свою роботу, а 30 вересня цього ж року М. Максимович остаточно подав у відставку. Все відіграло тут свою роль: і вкрай погіршений стан здоров'я, і перевантаження роботою, і запровадження нових, ще більш реакційних порядків в університеті. Після 17-літньої «службово-наукової праці» йому була призначена пенсія в розмірі двох третин окладу, прожити на яку було нелегко. І перший ректор, професор, який зробив у науці, як ніхто інший, змушений був їхати у своє родове гніздо на хутір Михайлова Гора, що біля села Прохорівка Полтавської губернії (тепер Черкаська область).

1843 р. Максимович на прохання попечителя відновлює свою роботу на кафедрі російської словесності. Кафедра на той час містилася вже в новому будинку університету, будівництво якого було закінчене у 1842 р. Тоді ж був прийнятий новий університетський статут, розроблений за участю міністра Уварова, який значною мірою робив жорсткішими порядки в навчальному закладі, вимоги до викладачів і нагляд за студентами. Однак, не обтяжений іншими обов'язками, як раніше, вчений тепер мав змогу сповна віддатися викладанню й науці. Він продовжував працювати в Тимчасовому комітеті для дослідження старожитностей, а коли в жовтні 1843 р. була заснована Тимчасова комісія для розгляду давніх актів, то на особисте запрошення генерал-губернатора став працювати і в ній.

---

[1] Современник. 1840. Т. 19. № 3. С. 137.

Характеризуючи вченого в цей період, Володимирський-Буданов пише: «Таємниця привабливості Максимовича як професора, письменника і вченого прихована в особистих рисах його характеру. Це була людина не лише багато обдарована, а й високої моральної проби, симпатична, чуйна, сердечна, з постійною поетичною струнко̀ю в мові і в стосунках з людьми...»[1]

До Максимовича студенти тягнулися ще й тому, що він тепер, як ніколи раніше, свої лекції будував на матеріалах рідного краю і дивився на його історію, як він сам зазначав, «не з Московської, а з нашої, Київської сторони». Не дивно, що його слухачами були П. Куліш, В. Білозерський, О. Маркович, Д. Пильчиков, О. Навроцький, П. Чуйкевич, які опісля стали засновниками чи активними членами Кирило-Мефодіївського товариства. Чим, як не великою любов'ю до української народної творчості, яку прищепив своїм студентам Максимович своїми лекціями, книгами, можна пояснити рядки з праці студента П. Чуйкевича: «Під гнітом унії Малоросія зазнала всіх жахів безмежного насильства. У такому її стані чиє серце не обливалося кров'ю, дивлячись на таке лихоліття вітчизни? Хто з істинних синів України не вболівав за її долю? Тому й найкращі пісні, пісні народні, належать до часів недолі Малоросії. У них промовляє смуток за батьківщиною, найщиріше бажання допомогти їй»[2].

Хіба не співзвучне це думкам Максимовича з його вступу до збірника «Украинские народные песни»? А хіба вірш «Україні» студента Д. Пильчикова написаний не під впливом свого вчителя? Звісно так! Очевидно, не без його впливу студенти університету, про яких ішлося, й створили в Києві гурток під назвою «Комуна», в якому й визрівали ідеї майбутнього Кирило-Мефодіївського товариства.

У січні 1844 р. М. Максимович знайомиться з Т. Г. Шевченком. Їхня перша зустріч переросла незабаром у велику дружбу, щире побратимство, назавжди пройняті глибокою взаємною повагою й теплом. Вони жваво обговорюють виношену віддавна ідею Тараса Григоровича щодо видання «Живописної України», можливість у майбутньому роботи Шевченка у Київській Археологічній комісії. Пізніше М. Максимович всіляко сприятиме своєму побратимові отримати завдання від Археологічної комісії на поїздку по Лівобережній Україні для увічнення у малюнках історичних пам'яток краю. Поїздка ця, як відомо, здійснилася і була для Кобзаря дуже плідною.

Того ж року М. Максимович зустрівся і з М. Костомаровим. Сприяв цьому, як і у випадку з Т. Шевченком, П. Куліш — на

[1] *Владимирский-Буданов М. Ф.* История университета св. Владимира. С. 105

[2] *Пискорский В.* Из прошлых лет Киевского университета // Киев. старина. 1894. № 4. С. 56—57.

той час учитель-словесник. Їхнє знайомство й перші розмови виявили багато спільного в поглядах на народну творчість і українську історію. М. Максимович щиро прагнув переведення М. Костомарова з Рівненської гімназії на роботу до Києва. Очевидно, що призначення останнього у липні 1845 р. вчителем історії 1-ї Київської гімназії відбулося не без Максимовичевої участі.

Одухотворений цими зустрічами, М. Максимович палко заохочує Т. Шевченка і М. Костомарова до творчої й наукової співпраці, зокрема просить їх взяти участь у третьому випуску редагованого ним «Киевлянина», у підготовці інших документальних збірників.

На превеликий жаль, реалізувати задумане не вдалося. Здоров'я, що весь час погіршувалося, змусило М. Максимовича у 1846 р. остаточно залишити роботу в університеті й виїхати на свій хутір Михайлова Гора. Відтоді він уже до кінця своїх днів житиме там, відірваний від науки, в «безкнижжі й безлюдді», в постійній матеріальній скруті й самоті. І лише через друзів, їхні листи дізнаючись про добрі й сумні новини. Так, ще в лютому 1847 р., перебуваючи в Петербурзі, Максимович пише листа Кулішу, поздоровляючи його з одруженням, не відаючи, що чекає його та інших близьких друзів уже через кілька днів. Докладно про арешти керівників та учасників Кирило-Мефодіївського товариства, зокрема Т. Шевченка, М. Гулака, М. Костомарова, М. Білозерського, Д. Пильчикова, О. Навроцького та ін., він дізнався, коли в травні 1847 р. приїхав до Києва, як сам писав, «для книгодрукування чужих і своїх творів», і пробув тут десять місяців.

Усе це надзвичайно вразило й стурбувало вченого. Аби уникнути прикрих роздумів і самотини, він сповна віддається роботі в Археологічній комісії. Після видання в 1845 р. упорядкованого і зредагованого ним І тому «Памятников, изданных временной комиссией для разбора древних актов», слід було братися за другий том. Наступного року виходить з друку перший зошит «Старожитностей», виданий Тимчасовою комісією для розгляду давніх актів, готуються наступні. Окрім цього, М. Максимович здійснює редакцію книг І. Фундуклея «Обозрение могил, валов и городищ в Киевской губернии» та С. Крижанівського «Обозрение Киева в отношении к древностям». До першої книги він додає свій «Очерк Киева» та пише до неї вступ. Одночасно завершує та надсилає до друку «Описание города Острога», інші роботи, чекає на вихід «Бубновской сотни» — своєрідного дослідження свого родоводу, в яке вклав стільки праці й старань. 1848 р. побачило світ його фундаментальне дослідження «Начатки русской филологии», схвально оцінене, зокрема В. Далем.

Про ці роки життя М. Максимовича не можна сказати, що вони були спокійними. У справах комісії він відвідує ряд міст України, серед яких — Канів, Корсунь, Богуслав, посилено працює в архівах і бібліотеках, готує нову збірку українських пісень, виступає з критичними статтями, вивчає історію міст і сіл України. І весь час його «супроводжують» хворість і безгрошів'я. Він постійно звертається до міністерства освіти, своїх старих знайомих М. Надєждіна, К. Неволіна, графа Д. Блудова, навіть до генерал-губернатора Д. Бібікова з проханням дати будь-яку оплачувану роботу. «Чи не можна хоча б у штатні доглядачі,— пише він О. Бодянському,— або в які-небудь доглядачі... богодільні, аби була готова квартира»[1]. Але, як не дивно, всі ці звертання залишаються без уваги.

Щоб якось існувати, доводилося влазити в борги. До своїх додалися ще й батькові, за які кредитори хотіли забрати хутір — усе, що в нього залишалося. Дійшло до того, що він навіть готовий був продати цей дорогий серцю куточок землі. За цих умов все більше виникає бажання перебратися до Москви або ж Петербурга, де, як гадав учений, легше буде знайти роботу. У 1849 р. він таки прибув до Москви. Тут зустрічається зі старими знайомими, зокрема Гоголем, Аксаковими. Багато працює в архівних фондах. Йому випадає рідкісна вдача розшукати «Вирши на жалосный погреб Зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска... запорозкого», в 1622 році складені ректором Київської братської школи К. Саковичем, інші раритети, які стосувалися історії України. У Москві (1850 р.) виходить наступний, третій випуск «Киевлянина». Однак і цього разу московські сподівання виявилися оманливими. Знову потягнуло в Україну. І в червні 1850 р., разом із Гоголем, вони повертаються до рідних домівок.

Життя в цей час, як ніколи досі, підносить йому нові важкі випробування. 1851 р. помирає батько, через рік — друг і побратим М. Гоголь у Москві. 1853 р. приніс нове горе — смерть улюбленої сестри Олени, яка протягом довгих років самовіддано доглядала й опікувалась хворим братом. Але і в такий час М. Максимович, однак, знаходить у собі сили для наукової роботи: пише статтю «Батьківщина Гоголя», замітки на віршований переклад М. Гербеля «Песнь о полку Игореве», рецензії й відгуки для журналів «Отечественные записки», «Москвитянин» та ін.

Так склалося, що постійна хвороба, самовіддана праця відкладали «на потім» думки про влаштування особистого життя. Однак, як пише М. Максимович у своїй «Автобіографії», залишившись одиноким на Михайловій Горі й побачивши, «яко.

---

[1] Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянському // Чтения в импер. общ. ист. и древностей российских. М., 1887. Кн. VII. С. 162.

не добре чоловіку бути одному», він вирішує одружитися. Сталося це навесні 1853 р.— тоді Михайлу Олександровичу було майже п'ятдесят років. По сусідству жив небагатий поміщик Товбач. Його дочка Марія Василівна, молодша Максимовича на 20 років, знала і давно симпатизувала йому. Коли він запропонував стати його дружиною, відразу ж погодилася. Це була радісна й щаслива сторінка в житті вченого. Марія Василівна виявилася не лише чарівною жінкою, але й турботливою дружиною, яка зуміла завоювати до себе глибоку симпатію чоловікових знайомих не лише в Києві, а й у Москві, Петербурзі. У них народилося двоє дітей — у 1860 р. син Олексій, а через два роки дочка Ольга. Як склалася їхня доля? Олексій закінчив Московський університет і пізніше займав посаду члена Вітебського окружного суду. Помер восени 1922 р. і похований на Михайловій Горі, разом з батьком. Про Ольгу відомо, що працювала вчителькою. Павло Грабовський у своїй статті «Дещо в справі жіночих типів» (1893 р.) писав про трагічну загибель у глухому селі дочки Максимовича, передової вчительки, подвижниці, яку любили люди і переслідували реакційні кола[1].

Життя Максимовича після одруження не виходить із звичної творчої колії. Як і раніше, він багато працює над історією рідного краю, листується з друзями. За своїм змістом і спрямуванням це листування є частиною його наукової спадщини. Так, у листах до М. Погодіна він відстоює давність української мови, заперечує, що вона була лише «наріччям» російської мови і що єдиним спадкоємцем давньоруської мови, мови Київської Русі, нібито є російська мова.

У 1856 р. в «Русской беседе» друкується оригінальна праця М. Максимовича — «Дні і місяці українського селянина» — підсумок його багаторічного вивчення народного побуту селянського життя, викладений за календарним роком. Це дослідження й сьогодні не втратило свого пізнавального значення і заслуговує на перевидання.

Наприкінці 1857 р. Максимовичу було запропоновано редагування слов'янофільського журналу «Русская беседа», і він тоді ж від'їжджає знову до Москви, тепер уже з дружиною. Окрім редагування журналу, в якому зумів видрукувати рецензію М. Рігельмана на «Записки о Южной Руси», де високо оцінено Шевченкову поему «Наймичка», він відновив діяльність «Общества любителей российской словесности». А ще підготував до видання першу книжку «Украинца», що була по суті спадкоємцем «Киевлянина». Тут помістив історичні статті на українську тематику та переклад на українську мову «Псалмів»,

[1] *Грабовський П.* Зібр. творів: У 3 т. К., 1960. Т. 3. С. 46—47.

«Слова о полку Ігоревім». Видання «Украинца» принесло велику радість. Але найбільшою радістю стала для Максимовича його зустріч із Т. Шевченком, який тоді повертався із заслання і зупинився в Москві. Тарас Григорович часто буває на квартирі Максимовича, разом з ним відвідує інших друзів і знайомих — С. Аксакова, М. Щепкіна, О. Бодянського та ін. Надзвичайно приємне враження справила на Шевченка дружина Максимовича — Марія Василівна. «Какое милое, прекрасное создание,— записує він у «Щоденнику» 18 березня 1858 р. — Но что в ней очаровательней всего — это чистый, нетронутый тип моей землячки. Она проиграла для нас на фортепиано несколько наших песен так чисто, безманерно, как ни одна великая артистка играть не умеет. И где он, старый антикварист, выкопал такое свежее, чистое добро?»[1]

Пам'ятний був вечір 25 березня, на Благовіщення, коли М. Максимович улаштував на честь свого друга обід, на який було запрошено багато спільних друзів. На обіді господар проголосив написаний ним і присв'ячений Шевченкові вірш.

Наступного разу їхня зустріч відбулася вже в Україні, на Михайловій Горі. Це було в червні 1859 р. Понад тиждень друзі були разом. Тоді ж Шевченко намалював відомі портрети М. Максимовича і його дружини. Від'їжджаючи, він пообіцяв, що скоро повернеться знову. Однак повернувся Кобзар через півтора року — вже в Канів, на Чернечу гору, що від Прохорівки і Михайлової Гори всього якихось кілька кілометрів.

Тут, на Чернечій горі, над труною свого великого приятеля Максимович виголосив прощальне слово, закінчивши його словами:

Сподівалися Шевченка
Сей год на Вкраїну,
А дождалися побачить
Його домовину.

Це були слова невимовного жалю і болю вченого за дорогою людиною, вірним побратимом.

На початку 1861 р. в Петербурзі виходить перший номер українського громадсько-політичного журналу «Основа», на сторінках якого друкувалися твори Т. Шевченка, Марка Вовчка, С. Руданського, Л. Глібова та інших. В одному з випусків цього журналу вміщує свої «Листи про Богдана Хмельницького» й Максимович. В цей же час він продовжує в листах свою полеміку з Погодіним, розпочату в 1856 р. з приводу своїх статей «О старобытности малороссийского наречия» та «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и о населении новопришлым народом». У 1864 р. видає другу книжку «Украинца», у якій вміщує нариси про Київ, Волинь тощо. У «Днях»

[1] *Шевченко Т. Г.* Журнал // Твори: У 3 т. К., 1961. Т. 3. С. 253.

І. Аксакова захищає українські оповідання М. Гоголя від надмірних нападів П. Куліша. Учений готує спеціальні статті та доповіді на історико-археологічних з'їздах у Москві та Києві. Це, зокрема, «Українські стріли давніх часів...», «Про значення імені Троян, згадуваного в «Слові о полку Ігоря», та «Про деякі літописні назви місцевостей». Він пише «Листи з Києва», готує нове перевидання «Книги Наума».

У 1871 р. з ініціативи вчених у Києві відбулося урочисте святкування 50-річчя наукової й літературної діяльності М. Максимовича. Вшанування ювіляра проходило у дворянському клубі в присутності великої кількості викладачів, знайомих, студентів, жителів Києва. Його вітали від Київського університету, а також університетів Москви, Харкова, Петербурга, Одеси. 21 наукова організація обрала Михайла Максимовича своїм почесним членом, а місцева влада надала одноразову допомогу в 3000 крб. Матеріали ювілею вийшли окремою книгою[1]. Учений був глибоко схвильований, що про нього таки не забули. І він, як ніхто інший, міг сказати про себе у своєму слові на ювілеї, що його 50-літня праця на ниві науки й просвіти була немарною і не буде забутою.

І варто зазначити, що в наступні роки не було жодного ювілею Київського університету, коли б нові покоління його викладачів і студентів не згадували добрим словом, не відзначали наукові заслуги його першого ректора, видатного українського вченого-енциклопедиста Михайла Максимовича.

Хворий, натруджений непосильною працею, але високий духом і устремліннями, до кінця відданий своєму народові й рідній Україні, він помер 10 листопада 1873 р. на своїй Михайловій Горі, яку так любив і до якої увесь час повертався. На цій же горі, біля його бідної сільської хати, в рідній землі, під рідним небом, як того бажало його щире українське серце, його й поховано.

* * *

Михайло Максимович — син українського народу, український учений. Навіть коли б він залишив після себе тільки свої праці в царині природознавства і пам'ять про себе як першого ректора Київського університету — то одне це дало б йому право на визнання і повагу нащадків. Але існують його збірники «Малороссийские песни», «Украинские народные песни», «Сборник украинских песен», альманахи «Денница», «Киевлянин», «Украинец», які донесли до нас не лише багатство українського фольклору, а й засвідчили народність української мови, її історичні витоки і глибини історичної минувшини України.

[1] Юбилей М. А. Максимовича. К., 1874.

Максимович чи не перший вивів українську фольклористику на рівень наукового пізнання. Саме вивчення і пропаганда пам'яток народної творчості й писемної літератури спричинилися до зацікавлення давньою словесністю. Він багато зробив для висвітлення таких пам'яток давньоруської літератури, як «Повесть временных лет», «Русская правда», «Слово о полку Игореве», яке переклав на українську мову. Вчений вважав, що саме цей твір має неоціненне значення для вивчення історії Київської Русі... Показав він глибокий зв'язок цього твору з українською поезією, народною творчістю, довів помилковість і шкідливість твердження про те, що давньоруська народна мова сформульована з церковної мови. Церковнослов'янська мова в її власній давній формі, твердить Максимович, є настільки ж відмітною й далекою від природної великоруської мови, як і від природної української. У цьому плані є важливим його обгрунтування повноправності української мови, яку представники офіційної російської науки вважали перекрученням російської під впливом польської. Обстоюючи думку, що сучасна українська мова є мова самостійна й особлива, а не «наріччя» російської, дослідник указував на найголовніші фонетичні та морфологічні особливості, які відрізняли її від російської мови, зазначаючи, що «на малоросійське наріччя треба дивитись як на особливу мову, яка відрізняється від великоруської, а тим більше від польської»[1]. Особливе заперечення викликало у російських вчених твердження його, що українська мова виникла ще в Київській Русі й таким чином вона постала продуктом українського народу.

Полеміка М. Максимовича з російськими вченими щодо походження української мови, історичних коренів українців і росіян, як зазначає М. Грушевський, «мала те велике значення, що розширювала перспективи українознавства в наступні століття, підкреслювала тісні зв'язки і спадкоємність того, що досі вважалося специфічно українським — історію і побут XVII—XVIII століть — з історією і побутом попереднього періоду»[2].

Характеризуючи Максимовича як філолога, треба зазначити, що його філологічні дослідження тісно пов'язані з працями з історії Київської Русі й України. У цьому плані він насамперед багато зробив для спростування норманської теорії походження східних слов'ян і виникнення давньоруської держави. Перекручуючи історію, всіляко намагаючись принизити слов'ян, норманісти, головним представником яких виступав М. Погодін,

[1] *Максимович М. А.* О старобытности малороссийского наречия // Собр. соч.: У 3 т. К., 1880. Т. 3. С. 275.

[2] *Грушевський М.* Розвиток літературних досліджень у XIX столітті і вияви в них основних питань українознавства // Укр. історик. 1990. № 1—4. С. 31.

всупереч історичним фактам твердили, що давньоруська держава — Київська Русь — створена не слов'янами, а варягами — норманами, вихідцями із Скандинавії. У своїх численних працях, зокрема «Откуда идет русская земля», «О происхождении варяго-руссов», Максимович доводить безпідставність цього твердження. В праці «Откуда идет русская земля» він писав, що «русов наших недаремно вважали у нас здавна слов'янами, і що даремно з недавнього часу стали вважати їх скандинавами — це, після нових вчених досліджень, стає для мене істинно позитивно... Таким чином словінська легенда про трьох братів перетворюється для мене вже в думку історичну: спадає з нього казковий покров, в якому ходила і укривалася істина про плем'я тієї Русі, від якої, за переказами Нестора, одержала ім'я земля Руська»[1]. І далі: «Русов... я визнаю племенем не німецьким, а слов'янським»[2]. Ретельно проаналізувавши історичні джерела, М. Максимович довів достовірність багатьох історичних подій часів Київської Русі, зокрема походи Ігоря, княжіння Аскольда і Діра, які вважалися вигадками літописців.

Як історик М. Максимович найбільше уваги приділив вивченню історії Київської Русі, зокрема міста Києва. У цьому плані Максимович опублікував ряд цінних розвідок, історичних документів, стародавніх легенд. Він довів, що перші згадки про держави «Рос» і «Русь» належать до першої половини IX ст. і свідчать про існування кількох політичних утворень, про те, що в другій половині IX ст. (з часів княжіння Олега) Київська держава, що об'єднувала Київську та Новгородську землі, перетворилася на одну з найбільших — від Карпатських гір до Балтики — держав у Європі. Максимович перший здійснив спробу визначити, коли вперше стало вживатися слово «Україна», вказавши в статті «Откуда идет русская земля», що воно з'явилося 1187 р. і спочатку означало «Київську область», а потім поширилось на всю територію, де оселився український народ. У дослідженні історії України часів литовського панування він одним із перших порушив ряд питань про відносини князівства Литовського з Південною Руссю до Люблінської унії.

Особливе місце в своїх дослідженнях з проблем історії України Максимович приділив темі козацтва і визвольної боротьби українського народу проти панської Польщі. Необхідно зауважити, що як у той час, так і сьогодні, багато з цих проблем є актуальними і вимагають подальшого глибокого дослідження. Це насамперед питання походження козацтва. Учений першим піддав критиці концепції як норманістів, які вказували на племінне походження козацтва, так і представників скептичної

[1] *Максимович М. А.* Откуда идет Русская земля // Собр. соч.: У 3 т. К., 1876. Т. 1. С. 72.

[2] Там само. С. 93.

школи, які вважали козацтво народом тюркського походження. Він вважав, що козацтво розвинулось «як особливий стан малоросійського народу серед інших станів, тобто духовенства, шляхетства, міщанства і поспільства»[1]. Сама ця думка виявилася найбільш прогресивною і стала провідною в подальшій історіографії. Що ж до Запорізької Січі, то, за твердженням М. Максимовича, вона виникла десь у перші десятиріччя XVI ст., що цілком відповідає висновкам сучасної історичної науки. «Наші козаки,— писав він М. Погодіну,— не хто інші, як українці... козацтво було званням, станом, а не племенем»[2].

Максимовичу належить велика заслуга встановлення історичної правди про Богдана Хмельницького, якого він вважав видатним сином українського народу. Про Хмельницького ним було здійснено кілька досліджень, які показують його як «улюбленця і представника народу свого, краси і слави козацтва Південної Русі». Дослідник показав Богдана Хмельницького як високоосвічену людину, великого політика й полководця, видатного державного діяча. «Віками родяться такі люди, як був Богдан у народу українського,— представник його історії; тому і природа південно-російської людини мала з'явитися в ньому своєрідно і повносило»[3]. Професор М. Максимович одним з перших серед вітчизняних істориків показав велике історичне значення визвольної війни українського народу під проводом Богдана Хмельницького. Він проявив глибоку проникливість в оцінці цієї війни, її ролі для подальшої долі України.

У статті «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшем в XVII веке», він доводить, що пояснення визвольної війни особистими образами, заподіяними Хмельницькому, є абсурдними. Адже окрема образа, «якою б великою вона не була сама по собі, а якщо вона ще не пристала до серця всіх і кожного, або хоч більшості, то вона не в силах підняти цілого народу, як однієї людини»[4]. Максимович пояснював виникнення визвольної війни історичним прагненням українців позбутися гніту польської шляхти, коли остаточно було «втрачено» терпіння «довготерплячого народу».

Не можна не зазначити, що саме М. Максимович виявився чи не першим істориком Коліївщини, показавши, що це повстання було не виступом групи розбійників і грабіжників, а виявом селянської, народної помсти гнобителям. Головною рушійною силою повстання вчений вважає козацтво і селянство

---

[1] *Максимович М.* О правописании малороссийского языка // Собр. соч.: У 3 т. К., 1880. Т. 3. С. 261—262.

[2] Там само. С. 233.

[3] *Максимович М.* Письма о Богдане Хмельницком // Там само. Т. 1. С. 435.

[4] Русская беседа. 1857. Т. 4. Кн. VIII. С. 260.

Правобережної України. У цьому плані можна погодитись із висновком історика М. Марченка, який вважав, що «Максимович розглядав Коліївщину як продовження національно-визвольної боротьби українського народу в єдиній ланці всіх попередніх селянсько-козацьких рухів XVII і початку XVIII століття проти Польщі»[1]. Саме тому вона й залишила такий глибокий слід у пам'яті наших поколінь.

Цим не вичерпується широта проблематики з історичного минулого України, якої торкався у своїх працях М. Максимович. Очевидно, буде правомірним сказати, що історична наука в Україні починається з розвідок і досліджень цього вченого. Проте, як справедливо зазначав Г. Житецький, «...не в самій лише науковій галузі цінна була робота Максимовича для української справи... Він був і зостався до останніх днів українцем давно минулого штилю, виріс на слов'янофільській народолюбній романтиці, але й нові течії громадського українського руху з 50-х років були йому відомі й приємні для нього. Усе своє життя смиреномудрого вченого, людини поміркованої в своїх бажаннях, переконаннях та мріях, ставився він прихильно і брав близько до серця лише питання культурного та літературного поступу в українській справі — і так було за всі останні сорок років його життя і праці на Україні і для України»[2].

Так, саме для України, для її культури й науки в кінцевому підсумку було спрямоване життя цієї людини. Однак мусимо визнати, що М. Максимович усе ж не зумів до кінця вирватися з рамок офіційної державної ідеології щодо історичного процесу. Він прагнув прорватись крізь неї, й іноді проривався, шукав виходу, та все ж вона залишалася тим будинком, у якому він жив, але якому вже не належав. Не належав хоча б тому, що та ідеологія не вміщувала всього нового, до вивчення і розкриття якого він прийшов сам й інтерес до чого збудив у тисяч своїх слухачів та читачів. Своїми працями, листами, які стали своєрідною формою викладу його знань, він примусив думати багатьох над питаннями, на багато з яких сам шукав відповіді, збагачуючи цим пошуком і тих, хто був згоден, і тих, хто з ним сперечався. І тому ми можемо говорити про історичну школу М. Максимовича, яка лише в Київському університеті народила таких видатних представників історичної думки, як В. Антонович, М. Драгоманов, О. Лазаревський, Д. Багалій, М. Довнар-Запольський, М. Дашкевич, М. Грушевський та ін. Вони й

[1] *Марченко М. І.* Українська історіографія (З давніх часів до середини XIX ст.). К., 1969. С. 240.

[2] *Житецький Гнат.* Життя М. О. Максимовича // Україна. 1927. Кн. 6. С. 23.

продовжили передові історичні традиції М. Максимовича у вивченні української минувшини.

Ці традиції сьогодні відновлюються в наукових пошуках нового покоління дослідників — в ім'я історичної правди, в ім'я майбутнього історичної науки нової, незалежної України.

Володимир Замлинський,
доктор історичних наук.

Від видавництва:

Ця передмова, як і упорядкований з такою любов'ю і шаною до Михайла Максимовича однотомник його творів,— на жаль, остання, ледь завершена праця відомого українського історика, професора Київського університету, одного з ініціаторів заснування у видавництві «Либідь» бібліотечної серії «Пам'ятки історичної думки України», нашого активного автора і прекрасної людини Володимира Олександровича Замлинського. Він так багато зробив за останній час і стільки ще прагнув зробити на ниві національно-культурного відродження українського народу...

ОЧЕРК КИЕВА

Первопрестольный город России — Киев расположен на живописных горах и удольях, находящихся на правом берегу Днепра, под 50° 27′ северной широты и 48° 13′ восточной долготы. В каком веке он начался, об том нет исторического свидетельства. Отец бытописания русского — преподобный Нестор[1], передал нам сказание только о строителях Киева, трех братьях — Кие, Щеке и Хориве[2], которые, будучи князьями здешних славян, именовавшихся полянами, построили над Днепром город, во имя своего старшего брата. После этих князей, Киев является в IX веке, как небольшой городок, плативший дань козарам, которых имя оставалось здесь долго, в названии предместья на склоне старокиевской горы к Днепру.

В 864 году русские витязи Аскольд и Дир[3], плывшие по Днепру в Царьгород[4], спрашивали у киевлян: «Чий се градок?» и, отвоевав его у козар[5], начали княжить в нем. Таким образом Киев стал городом *русским*; а через два года, крещением Аскольда и Дира в Царегороде — началось христианство в Киеве и его теснейшие сношения с Грецией[6].

В те времена Киев составлял едва четвертую долю нынешнего старого города; ибо он занимал собой только северо-западную часть Старокиевской горы[7], составляющую так называемое Андреевское ее отделение[8]. Вокруг города, особенно с полуденной стороны, простирался великий лес: *перевесище* или ловище зверей, на скате старокиевской горы к Печерску[9], было еще и в X веке. На северо-восточном скате ее были предместья, которые назывались: *Козарами* и *Беседою Пасынчевой*. Под Киевом с той стороны Днепра был перевоз, подавший повод к сказке,

отвергнутой Нестором, будто Кий был не князь, а перевозчик. От пристани, при которой тогда Почайна[10] впадала в Днепр, въезжали в Киев на гору по *Боричеву взвозу*[11]. С юго-западной стороны первоначальный Киев был отделен провальем или оврагом, через который ездили по мосту и за которым простиралось к Лыбеди[12] подгородное поле.

В таком ограничении город Киев был долго и после того, как вещий Олег[13], в 882 году, овладев им для Рюрикова рода, сказал: «Се буди мати градом русским!» Однако населенность Киева и славянским, и иноплеменным народом возрастала непрестанно. Местом сего населения служили сначала те возвышенности и удолья, которые от старокиевской горы идут вверх по Днепру, к Вышгороду[14]. Таким образом и Щековица[15], бывшая прежде поселением отельным от Киева, вошла в его состав. На Подоле не было жилья еще и в половине X века; ибо тогда он был потоплен водами Почайны, также Глубочицы[16], Киянки[17] и других ручьев, протекавших по нем с помянутых возвышенностей.

В 988 году совершилось достопамятное крещение св. Владимира в Корсуне и народа русского в Киеве, в водах Днепра и Почайны. Отселе началась новая, христианская жизнь Руси, развивавшаяся из Киева, с той же чрезвычайной силой, с какой свершались завоевания, составившие из многих отраслей восточно славянского племени одно Русское государство. Тогда Киев, по предречению первозванного апостола, явился *градом великим*, в котором непрестанно воздвигались *церкви многи*.

Кажется, что в княжение равноапостольного просветителя Руси началось заселение под Киевскими горами, на Подоле, который вскоре стал весьма многолюден, и был главным местом здешней торговли.

Распространение верхнего Киева произошло уже при Ярославе[18] благовластном, который, после победы своей над печенегами[19] в 1036 году, к первоначальному городу прибавил новый *великий град* с золотыми вратами и воздвиг в нем величественный храм св. Софии[20], и монастыри Георгиевский[21] и Ирининский[22], и свой Ярославский дворец, и митрополию[23] при Софийском храме. С того времени еще более усилилось распространение веры и просвещения книжного, умножение монастырей и церквей. Все сие продолжалось и при Ярославичах, во второй половине XI века, ознаменованной появлением и распространением святой обители Печерской[24], которая служила образцом и рассадником для других русских монастырей, так же как Киев — для других городов русских. Они заодно распространяли и утверждали по всей Владимировой Руси новую жизнь, которая в них возникла и возрастала. И хотя еще с конца XI века Киев и обитель Печерская терпели нередко беды от набегов половецких[25], от междоусобий княжеских, от пожаров и других невзгод;

однако жизнь *богоспасаемого* града была уже так могуча, что все его раны исцелялись скоро,— что он оставался еще великим городом и после того, как в 1169 году великокняжеский престол его был уже отнят у него Андреем Боголюбским[26] для русского северо-востока. Упадая в гражданской силе, Киев крепок еще был своей силой церковной; и когда Русь была уже раздроблена на уделы между потомками Владимира, Киев держал еще церковное единство ее, по власти своего митрополита, который был митрополитом *всей Руси.*

Набожность князей и народа побуждали их иждивать свое достояние на строение церквей. Оттуда великолепие Киева церковное, которого памятниками поныне служат храмы: Софийский и златоверхий — Михайловский[27]. Оттуда и это множество церквей в древнем Киеве, которое для многих людей нового времени казалось невероятным. Но нельзя же опровергнуть свидетельство Дитмара[28], что в Киеве 1018 года было с лишком *четыреста* церквей; ибо и в наших древних летописях (например, в Лаврентьевской[29] и в Новгородской-второй[30]) читаем известие, что в пожар 1121 года, истребивший сначала весь Подол, а потом старый город, одних церквей сгорело до *шестисот.*

Построение и украшение значительнейших церквей в Киеве, воздвигаемых князьями, производимо было сначала, как известно, художниками греческими. От них уже впоследствии научились разным искусствам природные россияне, между которыми прежде всего прославился современник Нестора, преподобный Алимпий-иконописец[31], мозаик и вместе врач Печерской обители. Таким образом, вместе с христианством, приняты были и художества из Греции в Киеве; и отсюда распространились по всей Руси и продолжались в ней долго в одном и том же византийском вкусе.

Богатству и населенности Киева способствовало не одно то, что он был средоточием и столицей Руси; но и его торговля, весьма цветущая в древнее время, по которой имя его было известно на западе и на отдаленном востоке. Дитмар, удивлявшийся чрезвычайному богатству Киева различными товарами, говорит, что в нем было тогда (около 1018 года) восемь торговых площадей. По другим свидетельствам, иноземным и отечественным, известно, что Киев был сборным местом всех торговых судов, которые из целой Руси отправлялись в Черное море к болгарам, корсунцам, грекам и сириянам, что здесь был склад *скоры* или пушных мехов, составлявших тогда главный товар русский. По тесной связи с Грецией, Киев конечно изобиловал всего более товарами греческими, т. е. золотом, паволоками, винами, разными овощами; от венгров и чехов получал он серебро и коней, купцы Галицкие доставляли ему соль для всей Руси.

При этой обширной торговле древнего Киева и в населении

его было много промышленных новгородцев и купцов иноземных. Здесь было много и жидов, хотя они издревле были нелюбы для народа киевского; жили же они особой, кажется, загородной слободой у ворот, называвшихся жидовскими, а впоследствии львовскими. О населенности Киева, между прочим, можно судить и по сказанию Нестора о бедственном 1092 годе: «В си же времена мнози человеци умираху различными недуги, якоже глаголаху продающе кореты (*гробы*): яко продахом кореты от Филипова дне до мясопуста седмь тысячь».

Что касается до управления, то Киев, состоя под верховной властью князя, имел главным правителем своим *тысячского*, а подчиненные должности исправляемы были здесь *сотскими* и *десятскими*. При этом, по древнерусскому обычаю, киевляне имели свое *вече* или сходку.

Говоря о древнем Киеве, нельзя не вспомняуть еще о том хлебосольстве и общественном весельи, которыми отличалась его жизнь. Особенно памятны для Руси *почесные* пиры *красного солнца* Владимира: они доныне славятся в народных песнопеньях и сказках великорусских; об них любил вспомянуть и Нестор в своей летописи.

Но всему древнему бытию Киева, всей его красоте и величию, на которые с удивлением глядел из-за Днепра посланный от Батыя[32] хан Менгу, суждено было прекратиться разом: 6 декабря 1240 года подступил к Киеву со своим несметным войском Батый, и стольный град обратился в развалины, несмотря на отчаянную защиту киевлян.

После того, в продолжении 80 лет, Киев влачил самую убогую жизнь под тяготой татарского ига. Хотя и в это время появлялись еще князья киевские, но главными правителями Киева были воеводы или баскаки татарские. Митрополия русская перенесена была из опустошенного Киева сперва во Владимир-Залесский, потом в Москву[33], откуда киевские митрополиты управляли здешней страной через своих наместников.

В 1320 году воинственный Гедемин овладел Киевом[34] и присоединил его к своему великому княжеству Литовскому, составленному из северо-западной Руси и земли Литовской. С той поры Киев существовал как удельный западнорусский город, управлявшийся князьями Гедеминова рода. Эти князья, большей частью православного исповедания, чтили древнюю святыню Киева и последний из них, князь Симеон Олелькович, памятен как обновитель Печерской Лавры, в 1470 году. Еще прежде митрополит Киприан[35] ознаменовал свое недолгое пребывание в Киеве поддержанием Софийского храма, в конце XIV века. Около того же времени, по повелению великого князя Витольда, Киев укреплен был построением замка, а в 1415 году, по настоянию того ж князя, учредилась Киевская митрополия, отдельная от Московской.

Это отделение Киевской митрополии от Московской, утвердившееся окончательно 1474 года, хотя и поставляло Киев главой всей юго-западной Руси в отношении церковном, но митрополиты киевские посвящались и жили не здесь, а в столице западнорусской — Вильне. Бытие всей здешней страны тогда было такое тревожное, что Киев не мог уже прийти в цветущее состояние, а вскоре окончилось и самое княжество Киева. Великий князь Казимир IV[36], по принятии польской короны, обратил, 1471 года, Киевское княжество в *воеводство*, и дал в воеводы Киеву ненавистного киевлянам католика Мартина Гаштольда[37], о котором осталась и пословица: «король дал, Гаштольд взял».

К горшей беде Киева, татары, непереставшие опустошать южную Русь и так сильно разорившие Киев в 1416 году, явились опять в нем под предводительством Менгли-Гирея[38] и разорили его до основания, сожгли Печерскую Лавру, а воеводу Ивана Ходкевича с его семьей и множеством народа взяли в плен. Это случилось 1-го сентября 1482 года.

Для возобновления Киева, по повелению Казимира, собираемо было до 20.000 народа, из поднепровских и других областей западнорусских; и в первые годы XVI века Киев был уже отстроен вновь, при воеводе своем Юрие Пацевиче, а Киевский замок при воеводе Дмитрие Путятиче. Тогда же Александр Казимирович[39], желая поправить состояние и умножить население Киева, предоставил здешним гражданам некоторые особенные права и вольности из так называемого *Магдебургского права.* Брат и преемник Александра — Сигизмунд I[40] дал вполне это право гражданам киевским грамотами 1516 и 1544 г. Таким образом в киевском гражданстве появился новый порядок, чуждый для Руси и устранявший все то из прежних узаконений и обычаев, что было несходно с этим немецким правом.

По *соединении* Литовского княжества с польской короной 1569 года, стали назначаться в Киев от польского правления *кастеляны* вместо прежних *городничих*; да и киевские воеводы с 1569 года считались уже польскими, ибо Киев с той поры был польским городом, отдельным от великого княжества Литовского.

Все эти перемены вели за собой обессиление в Киеве старобытной русской жизни и усиление католичества, которое здесь основалось учреждением *бискупства*, еще в княжение Гедемина[41], а при Сигизмунде III[42] по влиянию иезуитов, католичество взяло решительный перевес и ознаменовалось появлением и распространением *унии*, причинившей столько раздора в западной Руси.

С отступничеством митрополита Рогозы[43] православная Ки-

евская митрополия 25 лет оставалась без пастыря; и южнорусский народ потерпел много беды за преданность древней вере своих предков.

В эти тяжкие времена пробудилась в Киеве та внутренняя, духовная сила его, которой предназначено было ему действовать во благо Руси; и он вновь явился блюстителем и поборником ее веры и просвещения. Особенно памятными подвижниками того времени были: воевода киевский князь Константин Константинович Острожский[44], архимандриты печерские: Никифор Тур[45] и Елисей Плетенецкий[46], и запорожский гетман Петр Конашевич-Сагайдачный[47], по убеждению которого Иерусалимский патриарх Феофан, в Печерской Лавре, 15 августа 1620 года, восстановил православную митрополию Киевскую. Вскоре явился в Печерской обители и Петр Могила, величайший духовный деятель тех времен, так много способствовавший к утверждению и распространению православия; восстановивший из развалин столько древних церквей Киевских; воспитавший целое поколение ученого духовенства для тогдашнего и будущего просвещения Руси и возвысивший училище Богоявленского братства, которое возникло перед появлением унии, как бы предназначенное противодействовать ей в защиту православия.

Вслед за Петром Могилой, 1647 года, воздвигся новый деятель, гетман Зиновий Хмельницкий[48], прозванный в Киеве *Богданом*. Докончив долгую, кровавую борьбу казачества с Польшей, он выгнал из Киева все неправославное и, освободив Малороссию от Польши, возвратил ее в общий состав русского царства. Это совершилось в Переяславе добровольной присягой гетмана и всей войсковой старшины, 8 января 1654 года. Через 6 дней Киевский митрополит Сильвестр Коссов[49] и все духовенство торжественно встречали царских полномоченных за Золотыми воротами Ярославовыми; а 17 января город Киев присягнул на верноподданство престолу русскому. Таким образом в достопамятный 1654 год Киев, первоначальник русских городов, стал вновь принадлежать своей Руси; и хотя Польша в борьбе с Москвой сильно стремилась к возвращению себе Киева, но по трактату 1686 года она отреклась от него навсегда.

Того же года, по ходатайству гетмана Самойловича, Константинопольский патриарх, от которого зависела дотоле митрополия Киевская, согласился на ее подчинение Московскому патриаршему престолу; и через то восстановилось церковное единство православной Руси.

И так Киев, начиная с 864 года, существовал 376 лет как самостоятельный русский город, бывший столицей Руси 286 лет; потом находился он 80 лет под игом татарским, а, по освобождении от него — пробыл 259 лет, сперва княжеским, потом воеводским городом западнорусского великого княжества Ли-

товского; после того он в продолжении 75 лет принадлежал Польше. Так прошло 790 лет его исторической жизни до присоединения его вновь под державу русскую.

В последние два срока бытия Киевского, собственно городом считался Подол, называвшийся *нижним* Киевом, в отличие от *верхнего*, т. е. Старого города.

Старый Киев оставался в своих древних земляных валах. Подол по прежнему городился деревянными стенами с башнями и окапывался рвом. Но главным укрепленным местом был замок Киевский, на горе Киселевке, в котором сосредоточивалось и главное управление Киевом, военное и гражданское. Возле этого замка, по Кудрявце, был другой, митрополичий замок, который, вместе с большей частью Подола, при Сигизмунде III, был присвоен католическому бискупу, и назывался бискупским замком.

Число жителей киево-подольских, в первой половине XVII века, считалось от 5 до 6 тысяч. В этом числе было не мало польских католиков, имевших на Подоле 3 костела. В XVII веке здесь водворились и иезуиты, со своей коллегией. Церквей православных тогда было на Подоле 13. Водворение армян в Киеве произошло преимущественно в конце XV века, по грамоте Казимира IV. Пребывание жидов, при всем их стремлении к Киеву, было перемежающееся: в XVI веке они не имели здесь прав гражданства; а королевскими грамотами 1619 и 1650 г. им запрещено было вовсе постоянное жительство и владение домами в Киеве. Торговля киевлян была не очень значительна; она производилась преимущественно хлебом, мехами, воском и медом.

Главное, чем Киев был дорог и важен для всей Руси, это была Печерская Лавра, сохранившая в себе столько святых залогов от древней русской жизни. Из сего святилища и возникла в XVI веке та новая духовная деятельность Киева, которая потом развилась так плодоносно в Богоявленском братстве. В Лавре началось и книгопечатание киевское, 1616 года.

Еще до соединения с Москвой, Киев служил ее просвещению, например, многоученым Епифанием Славинецким[50] и его товарищами; а когда Киев стал принадлежать России, то она из него получала себе непрестанно духовных деятелей, во главе которых стоит святитель Димитрий Ростовский[51] с Стефаном Яворским[52] и Феофаном Прокоповичем[53]. Известно, что Богоявленская коллегия, с 1701 года называющаяся духовной академией, была до исхода прошлого столетия главнейшим рассадником просвещения для целой Руси.

Что касается до управления Киевом, со времени его присоединения к России, то главное начальство над ним, до 1764 года, принадлежало *гетману* малороссийскому, а ближайшее управ-

ление киевскому *полковнику* (так как, еще при первом разделении Малороссии на полки в XVI веке, учрежден был Киевский полк, существовавший до нового образования Малороссии в 1782 году). Граждане киевские продолжали управляться и судиться по Магдебургскому праву, под начальством своего *войта*. Кроме того, с 1654 по 1700 год, назначаемы были в Киеве от Русской державы особые *воеводы*, начиная с князя Федора Семеновича Куракина.

С началом XVIII века учредилось в Киеве управление губернаторское; а в 1707 году началось генерал-губернаторство определением на сию должность князя Димитрия Михайловича Голицына[54], памятного Киеву построением каменной церкви Николая Пустынного и обновлением Китаевской пустыни.

Вслед за тем 1708 года учреждена была обширная *губерния* Киевская, к которой причислена была вся восточная Малороссия и значительное пространство средней России, всего 36 городов, а с приписными 56. Из этой губернии в 1781 году отделено к Киеву только 11 малороссийских уездов, на левой стороне Днепра, под названием Киевского *наместничества*. К нему в 1792 году прибавлено было еще 5 уездов или поветов, на правой стороне Днепра, от прежнего Киевского воеводства, возвращенного опять под державу Русскую. Наконец, в 1797 году Киев, отчисленный от восточной или собственно так называемой Малороссии, назначен *губернским* городом нынешней Киевской губернии, на правой стороне Днепра. Таким образом Киев стал вновь средоточием того края, с которым искони сопряжена была тесно его судьба и от которого был он отлучен на время только с 1667 года, по договору Андрусовскому.

О состоянии Киева под Русской державой можно сказать, что заметное улучшение оного началось в 90 годах XVII века, в начале царствования Петра великого. Эти годы особенно ознаменовались стремлением гетмана и других малороссийских старшин к построению каменных зданий церковных. Из них наиболее замечательны: большой Никольский монастырь на Печерске[55] и Богоявленская братская церковь на Подоле[56], построенные гетманом Мазепой во вкусе западных церквей (так как и в просвещении киевском вообще, со времен Петра Могилы, существовали уже формы, занятые из просвещения западноевропейского). Из светских зданий того десятилетия памятно в Киеве здание магистрата, сгоревшее 1811 года.

В XVIII веке, Петр великий означил след своего пребывания в Киеве собственноручным заложением крепости, 15 августа 1706 года, там, где в древности было Берестово, любимое село Владимира и Ярослава и где в следующие века было село или местечко Печерское, вокруг Лавры. С той поры последовало заселение всей этой *Печерской* части нынешнего Киева, в

которой с 1711 года имели пребывание начальники города и губернии. К примечательным событиям тех времен принадлежит пожар, опустошивший Печерскую Лавру 22-го апреля 1718 года, и следовавшее за тем обновление Лавры нынешними зданиями.

Императрица Елисавета Петровна, в бытность свою в Киеве 1744 года, заложила на Старом городе церковь Андрея Первозванного и другую — св. Георгия. В эти же времена митрополит Рафаил Заборовский[57] оставил в Киеве славную память о себе попечениями о духовной академии и разных церковных зданиях. В царствование же Елисаветы положено начало застроению так называемой *Дворцовой* части Киева, которая со временем Батыя была необитаема и отделяла Печерскую гору, с Лаврой и Пустынно-Николаевским монастырем, от старого Киева. В ней, на месте древнего Кловского или Стефановского монастыря[58], в Липовой роще, построен от Лавры 1744 г. *Кловский дворец*. После того, около 1753 года, устроен был деревянный на каменном ярусе *Государев дворец*[59] и при нем дворцовый сад, которым так любовалась императрица Екатерина.

С 1790 года эта дворцовая часть города начала застраиваться и другими зданиями, по плану Киева, утвержденному императрицей Екатериной, 1787 года. Тогда здесь были помещены и присутственные места, которых нынешнее здание построено уже в губернаторство Панкратьева.

Населенности Киева, как в этой, так и в других его частях, между прочим послужил перевод сюда из Дубна в 1797 году так называемых *контрактов*, на которые ежегодно в январе месяце съезжается множество помещиков из трех западных и некоторых других губерний, для разных экономических сделок.

В царствование Александра Благословенного в Киеве 1809 года учреждена гимназия, которая в 1811 году была возвышена в круге учения и в правах перед другими гимназиями, и помещена в Кловском дворце. Академия Киевская получила новое образование в 1819 году. Весь Подол, опустошенный пожаром 9 июля 1811 года, отстроен вновь, в том правильном виде, каким он красуется теперь, особливо при взгляде на него от Андрея Первозванного и с горы Щековицы.

Но, следя за всеми переменами Киева в продолжении 193 лет, протекших от его присоединения под Русскую державу, нельзя не заметить, что временем наибольшего преобразования и возрастания его было царствование нынешнего Государя Императора[60], особенно с 1834 года, в котором начало приводиться в исполнение высочайше утвержденное 7 января положение об устройстве Киева. Того же года, в 15 день июля, открыт был в Киеве и университет св. Владимира — «в память

великого просветителя России». С той поры Киев приметно растет, украшаясь непрестанно новыми зданиями и улучшаясь в своем благоустройстве.

Первая или *Печерская часть* Киева, будучи предназначена под обширную Киево-Печерскую крепость, изменилась уже много, получая ежегодно в замен прежних небольших домов и хижин большие красивые здания крепостные.

Перед начатием этих построений, вследствие Высочайшего указа 1827 года 2 декабря, окончательно удалены из Киева евреи, которые водворились было опять здесь, особенно на Печерске, при его заселении в прошлом веке. Другие жители Печерска выселялись преимущественно к Лыбеди и этим в 1834 году положили начало так называемому *Новому строению.* Эта *Лыбедская* часть города, имея своим средоточием величественное здание университета св. Владимира, заложенное 31 июля 1837 года,— растет с каждым годом, и впоследствии будет конечно одной из многолюднейших частей Киева, которую по справедливости можно бы назвать *Новым Киевом.*

В *Дворцовой*, ныне главной и знатнейшей части города, в 1834 году, вместо прежней Липовой рощи при Кловском дворце, явилось вдруг целое красивое застроение, названное *Липками.* Вслед за тем и на других местах Дворцовой горы возникали новые здания, между которыми особенно красуется институт для благородных девиц[61]. При дворцовом саде, в нижнем ярусе государева дворца,— оставшемся после пожара, бывшего в нем 1819 года,— учреждено заведение искусственных минеральных вод.

Старый Киев также получил новое устройство и хотя срытие внутренних его валов и уничтожение его тесных, перепутанных уличок и переулков изменили совершенно прежний, оригинальный вид его; зато ныне его вид стал открытее и сам он сделался удобнее для жительства и способнее для дальнейшего улучшения.

Крещатицкое удолье, пролегающее между горами старокиевской и дворцовой, бывшее *дебрей* в нашествие Батыя, почти необитаемое еще и в конце прошлого столетия, в последние годы обратилось в одну из лучших улиц Киева, которая становится уже средоточием здешней промышленности.

Что касается до нижнего Киева или Подола, то он, перестроенный вновь после пожара 1811 года, обновляется и ныне стройными каменными зданиями, особенно в прибережной стороне своей, несмотря что Днепр, необычайным разливом в 1845 году, затоплял здесь 538 домов. Граждане киевские, по высочайшему указу 1834 года 23 декабря, получили устройство общее другим городам русским и с 1835 года управляются уже городской *думой.*

От собственно так называемой ныне Подольской части Киева отделилась еще новая часть его, названная *Плоской*, по имени

Плоской слободы, издавна здесь существовавшей. К этой шестой части Киева в 1834 году причислены предместья: Кореневка — (получившая это имя от сторожевых кореней, послуживших ей основанием), Приорка или Преварка, и Сырец. Подобно сему и на противоположном конце Киева, к Печерской части, причислено предместье Зверинецкое, где некогда был княжеский зверинец и сельцо Выдубичи.

Для удобнейшего сообщения верхних частей Киева с Подолом прежний Крещатицкий взвоз, устроенный вновь еще в начале прошлого столетия, а для этого взвоза и вся Михайловская гора, ныне преобразованы в новом виде; да и Днепровский берег на Подоле укрепляется набережной. Наконец, для сообщения всего Киева с Полтавской и Черниговской губерниями, которое так затруднительно бывает в весеннее время, начались уже приготовления к постройке нового, постоянного моста через Днепр[62].

Все эти перемены и устройства открывают для Киева путь к более прочному благосостоянию и к дальнейшим успехам его населенности и промышленности. А соединение губерний Волынской и Подольской, вместе с Киевской, под одно управление Киевского военного губернатора и учреждение Киевского учебного округа[63], в котором с этими тремя губерниями соединены еще Черниговская и Полтавская,— сделали Киев средоточием всего этого края, для распространения и утверждения в нем общерусской жизни и народного русского просвещения, в их современном характере и совершенстве. Все это вместе поставило Киев на чреду лучшую против прежней и подало ему несомненную надежду на дальнейшее процветание.

В настоящую пору величина всего Киева простирается — в длину 14 верст, от устья Лыбеди до предместья Преварок; а в ширину 4 версты, по средней мере от Днепра к Лыбеди.

Населенность Киева постоянными его жителями простирается ныне свыше 50 тысяч душ обоего пола. Кроме того здесь проживает, для промысла и работ, разного состояния людей более 6 тысяч; да постоянно квартирующих чинов военного ведомства свыше $13^{1/2}$ тысяч, кроме полков, приходящих сюда каждое лето для лагерей и крепостных работ. Многолюдство Киева в зимнее время увеличивается на месяц съездом на контракты; при чем сбирается и ярмарка, продолжающаяся с 15 января по 1 февраля. Но несравненно больший прилив народа к Киеву бывает в летнее время; ибо тогда со всех концов России стекаются сюда богомольцы, которых число простирается в год от 50 до 80 тысяч.

Число учащихся обоего пола в Киевских учебных заведениях, светских и духовных, простирается свыше 4 тысяч.

Православных церквей в Киеве: каменных 24, деревянных 12 и еще 32 церкви в 7 монастырях да 7 церквей домовых при разных заведениях. Домов каменных 303, а деревянных 5.714.

Торговых площадей в Киеве теперь 8, как было и в XI веке, при Ярославе. Кроме ярмарки контрактовой, в Киеве сбирается еще 5 небольших ярмарок, с предметами сельской промышленности. Главная торговля киевская производится по-прежнему на Подоле, где находится и гостинный каменный двор с 52 лавками. Типографий в Киеве 5. В заключение упомянем, что гербом Киева служит изображение архистратига Михаила, поражающего копьем змея под ногами своими. Это изображение служило в древности и великокняжеским гербом Руси. Нет сомнения, что оно принято еще при св. Владимире и его сподвижнике св. Михаиле,— во знаменье той победы христианства над язычеством, которая совершилась в Киеве и по которой он так свят для целой Руси.

НЕЧТО О ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Ровно за тысячу лет, в *864* году, начали княжить в Киеве Аскольд и Дир и их княжением началась тут *Русская земля*, возвеличенная и просвещенная святым князем Владимиром.

Ровно за сто лет, в 1764 году, гетман Разумовский[1], замышляя о потомственном для себя гетманстве, получил увольнение от этого звания и от управления Малороссией; на том и кончилась тут малороссийская *Гетманщина*, сложившаяся при Богдане Хмельницком из воеводств Киевского, Черниговского и Браславского.

Многострадальная, заслуженная в русском мире земля... А приведена ли в общую известность и в ясное историческое сознание тысячелетняя жизнь ее?

«Гóмон, гóмон по дуброве,
Туман поле покрывае...»

Вот и в нынешнем году, например, в сочинении г. Кокошкина[2] «Три месяца на Волыни» (см. в 4 номере «Дня»)[3] встречаются такие слова: «В *1481* году поляки присвоили себе еще Киевскую область и образовали воеводство Киевское, разделив его на три судовых староства», и прочая. Зачем приписывать полякам такие распоряжения в киевской земле, в которых они не могли даже и участвовать?.. Впрочем, это старая сказка, взятая на веру из «Истории Малой России» Дм. Н. Бантыша-Каменского[4]; а у него она была видоизменением еще старейшей сказки, будто «Казимир Ягеллович в 1461 году присоединил Киевское княжество короне польской». Так писали у нас и Петр Иванович Симоновский[5], и Афанасий Филимонович Шафонский[6], и другие ученые мужи Екатерининского века. А их предшественники, начиная с Григория Ивановича Грабянки[7],

обращение Киевского княжества в воеводство относили даже к Локеткову сыну Казимира, к 1340 году, смешивая Киевское княжество с Галицким. Так сбивчивы и неясны были у нас в прошлом столетии исторические представления о киевской старине литовского периода. А повелись у нас различные недоумения о Киевской Руси еще в *золотой век* Жигимонта-Августа[8], который в акте Люблинской унии[9] утвердил ту историческую ложь, выданную на Люблинском сейме за сущую истину, будто бы «земля и княжество Киевское — перед прошедшими временами, совершенным и целым правом, до короны Польской *всегда надлежало*» и будто бы *много* есть таких актов, которые «именно о земле и княжестве Киевском то свидетельствуют, яко до короны Польской вечно правом совершенным надлежати имеет, как и *всегда надлежало* даже до короля Владислава-Ягелла, который потом сим способом, что над обоима народами, так поляками яко и Литвою, нераздельно государствовал — от короны Польской, яко от собственного тела, тую землю и княжество Киевское отлученное, при великом княжестве Литовском имети хотел, хотя без соизволения всех станов коронных...» Такими удивительными фразами державный литвин заворожил польский ум на многие поколения и это обаяние продолжается даже доныне. Но для нас те баснословные фразы напоминают Гоголево заколдованное место: «Земля славная и урожай на ней всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя...»

Не для чего и распространяться о том, что в древнее, дотатарское время, в продолжение *376* лет, княжество Киевское надлежало до Польской короны столько же, сколько и Польша надлежала до *золотого стола* Киевского.

С нашествия Батыя на Киев в 1240 году Киевское княжество *80* лет подлежало власти татарской.

С нашествия Гедимина на Киев в 1320 году княжество Киевское (в совокупности с древним Переяславским) было присоединено к великому княжеству Литовскому и с той поры до Люблинской унии, в продолжение *249*-ти лет, оно составляло принадлежность и часть государства Литовского.

Отделение Киевского княжества от Литвы и соединение его с королевством Польским, произошло в Люблине в половине 1569 года. Исходом этого Люблинского периода, продолжавшегося около *85* лет, была *шестилетняя* козацкая война гетмана Богдана Хмельницкого с поляками, вследствие которой вся малороссийская гетманщина обеих сторон Днепра отложилась от польской короны и в январе 1654 года присоединилась к государству Московскому. Таким образом вся земля Киево-Переяславская или Украина, на исходе восьмого века своей исто-

рической жизни, возвратилась опять в общий состав русского мира, приумноженная еще Запорожьем, которое во время предтатарское было землей половецкой.

В продолжение литовского периода Украина оставалась *Киевским княжеством* полтораста лет — до кончины своего последнего удельного князя, Симеона Александровича или Олельковича, памятного возобновителя великой церкви Печерской, в которой и погребен *1471* года. Тогда великий князь Литовский Казимир Ягеллович взял Киевский удел на себя; Симеоновой княгине Марии, оставшейся с сыном Василием (1498) и дочерью Александрою или Ольгою, дал он во владение Пинский повет, утвержденный после и за ее зятем, князем Федором Ивановичем Ярославичем; а в Киев назначил он воеводой Мартина Гаштольда, тестя Симеонова. Киевляне не приняли было этого литвина-католика и просили себе в князья Симеонова брата, Михаила Олельковича[10], князя Слуцкого, но Казимир настоял на своем. Так произошло прекращение Киевского княжества и обращение его в *Киевское воеводство* — в пользу Литовского великого княжества, а не королевства Польского. Казимир был не в отца своего, Ягелла Ольгердовича (1434). Любящий свое отечество и государство, Казимир два года не соглашался принимать польской короны, оставшейся праздною после брата его Владислава, убитого под Варной (1444); а, решаясь быть королем Польским (с 1447 г.), он объявил такое условие, чтобы поляки впредь не присвояли себе никакого права на Волынь и Подолье, за которые велась долгая междоусобица польско-литовская. Когда же через девять лет, т. е. в *1456* году, он утвердил за Польшею Каменецкую часть Подолья, то литвины, бывшие тогда в совершенном разрыве с поляками, так оскорбились этой уступкой, что сбирались на войну с Польшей для возвращения Каменца; а потом они хотели даже выбрать себе в великие князья Симеона Олельковича Киевского. Успокаивая всячески своих соотчичей, Казимир еще в мае *1457* года выдал им грамоту об уравнении в правах с короной Польскою, обеспечивая притом *целость* государства Литовского и подтверждая в заключение, что во всех землях великого княжества, ни должностей и достоинств, ни имений не будут получать чужеземцы, а только природные жители здешних областей. Таким образом отдаленная от поляков земля киевская была для них не доступной и в ней могли тогда распоряжаться только русин да литвин. Посмотрите на киевских воевод, бывших до 1609 года:

1. Мартин Гаштольд (1471—)
2. Иван Ходкевич (—1482)
3. Юрий Пац (—1492)
4. Кн. Дмитрий Путятич (—1503)

5. Кн. Иван Львович Глинский (—1507)
6. Юрий Михайлович Монтовтович (1507—1508)
7. Кн. Юрий Александрович Гольшанский (1508—)
8. Юрий Николаевич Радивил (1511—1514)
9. Андрей Якубович Немирович (1514—1539)
10. Кн. Андрей Михайлович Сангушко-Коширский (—1542)
11. Кн. Юрий Иванович Дубровицкий (1542—)
12. Кн. Фридрих Глебович Пронский (1544—1554)
13. Григорий Александрович Ходкевич (1554—)
14. Князь Константин Константинович Острожский (1557—1608).

Пропуская наместников, старост и других урядников, взгляните еще на тогдашних киевских бискупов: с 1473 года — Станислав, брат Мартина Гаштольда, а по нем — Войтех Нарбут, Матвей Остикович, Ян Андрушевич, Николай Пац, Иаков Воронецкий, Иосиф Верещинский (1599) — все литвины, а под конец и волынцы. Да не могло и быть иначе, если и по новому статуту, утвержденному Казимировым внуком Жигимонтом-Августом на Бельском сейме *1564* года, тоже полагалось, что во всех землях великого княжества Литовского ни на какие должности и достоинства духовные и светские не может быть ни выбираем, ни от великого князя ставлен никакой заграничник и чужеземец, а только старожитный уроженец этого государства, *литвин* и *русин* (артикул, подтвержденный и Стефаном Баторием на Варшавском сейме *1579* года, а потом внесенный и в новопоправленный статут *1588* года). Да и в актах Люблинской унии Киевского княжества с королевством Польским король обязывался давать здесь все чины и уряды — обывателям земли киевской. Таким образом, и после Люблинской унии все еще устраняемы были от киевской земли поляки, как заграничники и чужеземцы. В первое сороколетие того периода на Украину надвигалась Волынская Русь под воеводским господством приснопамятного князя К. К. Острожского (1608). Киевскими наместниками или подвоеводыми у него были волынские земляки его: Василий Рай, князь Евстафий Ружинский, князь Матвей Воронецкий, Головинский, Холоневский. Киевскими кастелянами, после Павла Ивановича Сапеги, были с 1569 года: князь Михаил Александрович Вишневецкий, Иван Чаплич-Шпановский и так далее. Князьям Вишневецким особенно послужила тогда фортуна и в занятии украинских поместий, даже до пределов Путивльских, как некогда, до 1508 года, служила она здешним князьям Глинским в стороне литовской. Что же касается до поляков, то их время на Руси Киевской пришло уже в смутное для всей Руси время, под верховодством Станислава Жолкевского, воеводы Киевского (1620); а процвело оно под коронно-гетманским полновластием Станислава Конецпольского (1646). И как прежний разлив волынского панства по

земле Киево-Переяславской вызвал против себя козацкие восстания Косинского[11] и Лободы[12], так этот сильный прилив властительной польщизны на Украину встречал себе отбой в козацких восстаниях Запорожских гетманов: Голубя[13], Тараса[14], Сулимы[15], Павлюка[16] и Остряницы[17] с Гунею[18]. В 1638 году полный перевес остался было на стороне польской. Но через десять лет «египетского ига» воздвигся Богдан Хмельницкий, поощренный самим королем Владиславом, на войну с поляками. Той шестилетней войной и докончил он период соединения Люблинского.

«Понéваж всемогущею Своею рукою десною Бог и Сотворитель неба и земли сподобил мне неприятелей и гонителей Всходней православной Церкви, Матки нашей, Ляхов з Украины в Польщу далеко прогнати, старание маю пильное около благолепия церквей Божиих и о монастырех, для размноженья хвалы Божои»... Так писал Богдан в собственноручном универсале своем Киево-братскому монастырю, данном из Чигирина в январе 1651 года[19]. Его намерением было «вырвать из Ляцкой неволи Русский народ», как он говорил депутатам королевским в Переяславе, в феврале 1549 года. Его борьба с поляками была не на живот, а на смерть... И если бы королю Яну Казимиру не удалось обмануть царя Алексея Михайловича своим обещанием ему польской короны, по Виленскому договору 1656 года, то еще тогда пришел бы *конец Польши.*

Бедовая была эта польская корона! Из-за нее разрушилось великое княжество Литовское, разорвалась пополам и прекратилась гетманщина малороссийская, не послушалась гетмана Богдана и досталась Австрии первозванная Малороссия — земля галицкая. Эту корону сложил с утомленной головы своей Ян Казимир, предрекши будущий раздел Польши. От нее отпрашивался молодой князь Михаил Вишневецкий[20] у горделивой матери своей, павши к ее ногам и говоря: «Да минует меня чаша сия!» Но уж видно — чему быть, того не миновать. Суждено было и земле киевской еще долго пить из этой чаши... И как часто тоговременная Украина могла взывать со своим древним певцом: «О стонати Русской земли, помянувше первую годину и первых князей! Того старого Владимира нельзе бе пригвоздити к горам Киевским!»

1864 г. 9 марта.
Михайлова Гора.

ОБОЗРЕНИЕ СТАРОГО КИЕВА

Среди прочих частей нынешнего Киева на особой высокой горе находится часть его, называемая *Старым Киевом* или *Старым городом*. Имя сие показывает уже, что здесь был тот первопрестольный Киев, который от Вещего Олега назван *матерью русских городов*. По возвышенности своего положения над низменным Подолом, Старый Киев назывался в старину *Верхним* или *Вышним городом*.

1. Окрестности Старого Киева

От Старокиевской горы на полдень возвышается над Днепром другая, обширная гора, на которой находится теперь главная и населеннейшая часть Киева, называемая *Печерском*. В древнее и среднее время сия гора покрыта была густым лесом. Посредством *Кловского провалья* она разделялась на два особые отделения, которые и теперь существуют под названием *Печерского* и *Дворцового*. На первом, более далеком от Старого города отделении сей горы, в древнейшее время было только село *Берестовое*, весьма любимое св. Владимиром, который в нем и скончался 1015 года; об этом селе теперь напоминает нам только *Спас на Берестове* — небольшая каменная церковь, поставленная Петром Могилой на развалине древней церкви, воздвигнутой св. Владимиром.

За селом Берестовым, во второй половине XI века, началось отшельническое пещерное жительство богоугодной братии, собранной преподобными отцами нашими Антонием и Феодосием,— и создался трудами русских праведников святой *монастырь Печерский*. Святослав Ярославич[1] в 1073 г. начал здесь построение великой, *небеси подобной* церкви Успения Пресвя-

той Богородицы; а в 1159 году Печерский монастырь возведен на степень *Лавры* Андреем Боголюбским, по завещанию отца его Юрия Долгорукого.

К северо-западу от Берестова, противу того места, где вливается в Днепр глубокая *Черторыя*,— в 882 г., на полугоре, началось пустынное поселение — *могилой Аскольда*. На сей могиле первого русского князя-христианина поставлена была церковь св. Николая, может быть еще св. княгиней Ольгой*. В XI веке существовал там женский Никольский монастырь, в котором пострижена была мать преподобного Феодосия. Теперь на Аскольдовой могиле кладбище с небольшой Николаевской церковью, построенной в 1809 г. воронежским купцом Мещеряковым, на место обветшавшей деревянной. Что касается до *Пустынно-Николаевского* мужеского монастыря, то он известен становится с начала XII века. Нынешняя в нем каменная церковь построена уже в 1713 году киевским губернатором кн. Голицыным, а большой Николаевский монастырь, обращенный 1831 года в военный собор, сооружен около 1696 года гетманом Мазепой.

На другом отделении Печерской горы, которое обращено к Старому городу, не ранее как в конце XI века возникла отрасль Печерского монастыря, насажденная преподобным игуменом Стефаном — *монастырь Кловский* или *Стефанеч*. На том месте, где стоял сей монастырь, вскоре после 1744 года построен был от Лавры *Кловский дворец*, где теперь первая Киевская гимназия. Вслед за тем (около 1753 г.) устроен был нынешний дворцовый сад и в нем поставлен деревянный *Государев дворец*, в нижнем ярусе коего (оставшемся после пожара, бывшего в 1819 году) помещается теперь заведение искусственных минеральных вод.

Но монастыри Печерской горы, в отношении к Киеву, прежде были загородные, как в наше время монастырь Выдубицкий[2] и пустынь Китаевская[3]. Обширная лаврская слобода, на месте которой в начале прошлого столетия устроена Петром великим *Печерская крепость*, считалась древней, а потом *местечком Печерским*. На всем Дворцовом отделении Печерской горы, кроме упомянутых двух дворцов, не было строения даже до конца прошлого столетия, именно до 1790 года.

---

* В Лаврентьевском (1377 г.) и других старших списках Русской летописи не сказано, кто и когда *поставил* первоначальную церковь св. Николы на Аскольдовой могиле; но в Киевском Синопсисе сказано, что ее поставила *св. Ольга*, по своем крещении; и это весьма вероятно. Для княгини Ольги, как для новой христианки, весьма естественно было построением церкви почтить память и могилу первого русского князя христианина, пострадавшего от ближника ее Олега. Существование именно *женского* монастыря при Никольской церкви также говорит в пользу сего мнения. Правда, что в позднейших списках Русской летописи построение сей церкви приписано Олме; но сие имя придумано уже позднейшими летописцами и произведено ими от *Олмина двора*, который во время Нестора находился на Аскольдовой могиле или Угорском. Мне кажется, что и самое название *Олмин двор* едва ли не ошибочно распространилось в летописях и что в первоначальных списках Несторовой летописи едва ли не было написано *Олжин двор*, подобно тому, как Вышгород, принадлежавший Ольге, называется в летописях град *Олжин* (Ольжен), (Вользин).

Подобно сему и *Крещатик*, довольно красиво отстроенная теперь частица Киева, соединяющая собой Старый город с Печерском, до начала нынешнего столетия был почти необитаем. В его глубоком удольи, спускающемся к Днепру, с древних времен славен был только источник, в котором крещены 12 сыновей Владимировых и который потому назван *Хрещатиком*; а в народе по сю пору называется *Святым местом*. Может быть на сем-то Святом месте поставлена была церковь во имя мученика *Турова*[4], о которой говорит *Степенная Книга*[5], как о первой из поставленных св. Владимиром церквей. Находящийся над источником павильон, в память св. Владимиру, выстроен 1802 года. Сюда ежегодно в среду преполовения бывает крестный ход из Софийского собора, уставленный с 1804 года митрополитом Серапионом.

На речке *Лыбеди*, протекающей мимо Киева по юго-западной его стороне, было в древнее время *Предславино*[6] и другие села. Над этой речкой только в нынешнее десятилетие началась строиться Лыбедская часть Киева.

И так знатнейшая теперь половина Киева, к юго-востоку от Старого города простирающаяся, не была городом еще и в прошедшем столетии и как бы ждала обновленного бытия Киеву, чтобы войти в состав его со святой Печерской Лаврой и занять в нем первое место.

Что касается до *Подола* или *Нижнего города*, простирающегося под Старым городом на его северной стороне, то в средние времена он составлял хотя и бедную, однако населеннейшую часть Киева и много содействовал просвещению целой Руси своим *Богоявленским братством*[7]. Подол и в древнее время составлял также весьма многолюдную и застроенную часть Киева. Однако его городовое заселение не древнее времен Владимировых. В княжение Ольги «на Подольи не седяху людье, но на горе»,— пишет преподобный Нестор,— «бе бо тогда вода текущи вьздоле (внизу) горы Киевской».

Достопамятная *Почайна*, именем которой называется теперь небольшой ручей, впадающий в Днепр за Подолом, верстах в трех от Старого города, в прежнее время текла по Подолу и, пройдя под горой Старокиевской, большим *ручаем* вливалась в Днепр против Крещатицкого источника, в нее впадавшего*. На

* Может быть, в древнее время *Ручай* и *Почайна* были два отдельные протока, сливавшиеся воедино перед впадением оных в Днепр. Как бы ни было, но Почайна протекала возле Рождественской церкви еще и в 1700 году, что видно между прочим из царской грамоты, в сем году данной Михайловскому монастырю. Песчаная коса, отделявшая Почайну от передвижного Днепра, снесена уже его волнами. Старожилы помнят еще, что от нее в прошлом веке оставался ряд островков; последний из них, бывший против Крещатика, снесен лет за десять. Любопытные еще подробности о слиянии Днепра с Почайной в прошлом столетии, извлечены Берлинским из бывшего Магистратского архива. См. его *Краткое Описание Киева*. СПб., 1820. В 8.

своем продолжении Почайна с левой стороны отделялась от Днепра длинной песчаной косой, а с правой стороны она принимала в себя разные ручьи, протекавшие с горных возвышенностей на Подол. Сверх того, в некоторых местах нынешнего Подола, даже и в позднейшее время, были болота, поросшие камышом. Заливное передвижным Днепром и покрытое лозой *Оболонье*, в древнейшее время простиралось гораздо ближе к Старому Киеву, чем теперь; на нем киевляне пасли свои стада и совершали поклонение *скотью богу Волосу*.

Из сего краткого обозрения мест, окружающих Старокиевскую гору, очевидно, что первоначальное и главнейшее существование Киева было на сей горе. Местом для его дальнейшего распространения служили те возвышенности и удолья, которые от Старокиевской горы идут к горе Щековице и, простираясь за ней на несколько верст, потом поворачивают на северо-восток к Вышгороду. Таким образом составляется полукружная гряда гор над Подолом и Днепром: на одном ее конце возвышается Старокиевская гора со своим славным городом; на другом конце гора *Хоревица* с некогда процветавшим на ней Вышгородом и укрывающимся за ней Межигорьем. На продолжении сей гряды, не вдалеке от горы Киевской, выдается гора Щековица*, на которой в 912 году возникла славная *могила Олегова*. Ее именем называлось в древности и все многолюдное жилье, на той горе бывшее. Теперь там возвышается построенная от города в 1780 году каменная *церковь всех святых*, также с городским кладбищем, как и на укромной могиле Аскольдовой. Сие-то Надднепровское трехгорье служило первоначально местом городового заселения Словенской отросли, называвшейся полянами.

2. Андреевское отделение Старого Киева и его предместья

В каком веке началось построение Киева, об этом нет никаких исторических известий. Преподобный Нестор сохранил только следующее местное предание своего народа.

«Быша трие братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третему Хорив, сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где ныне зовется Щекавица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоревица. И сотвориша град во имя брата своего старшего и нарекоша имя ему Киев; бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь». Сие предание повторяют у Нестора и поляне, во

* Древнее имя *Щековицы* уже изменилось: в XVII веке (см. Киев. Синопс.) ее называли *Шковицею*; теперь зовут ее *Скавикою*.

ответ Аскольду и Диру, когда сии воители, плывучи мимо по Днепру и увидевши городок на горе, спросили: «чий се градок?»

Но у Нестора записано еще другое предание о самом первом, заветном и священном начале Киева — о кресте Андрея Первозванного. Святый Апостол «пойде по Днепру горе, и по приключаю приде и ста под горами на березе. Заутра встав и рече к сущим с ним учеником: видите ли горы сия? яко на сих горах возсияет благодать божия, имать град велик быть, и церкви многи Бог воздвигнути имать. Вшед на горы сия, благослови я, постави крест, и помолився Богу, и слезе с горы сея, идеже послеже бысть Киев».

На этой заветной высоте красуется теперь церковь *Андрея Первозванного*, заложенная собственноручно императрицей Елисаветой в 1744 году, когда она приезжала на богомолье в Киев. Сия ружная церковь, построенная по плану известного де-Ростреллли, освящена 19 августа 1767 года. С балкона Андреевской церкви представляется необыкновенно живописный, обширный вид стройного Подола с широким Оболоньем и многоразливного *словутного* Днепра, и возвышающейся над ними полукружной гряды гор, и многокартинного, ненаглядного Заднепровья. Начиная с сего же средоточного места, всего лучше можно обозревать и Старый Киев, вспоминая об нем по степеням его переменчивого бытия: сперва в первоначальном *древнейшем* его виде — до крещения Владимирова, потом в *древнее* время его найбольшего величия и славы, которых он не утратил и тогда, как уже стал игралищем междоусобий княжеских, затем в *средние* века его упадка, с нашествия татарского до восстановления в нем православной митрополии и до его обновления под державою России.

Древнейший город Киев начинался там, где Андреевская гора отделяется небольшим оврагом от монастыря Михайловского. Этот овраг есть заглохший след древнего *Боричева взвоза*, над которым, по сказанию Нестора, жил полянский князь *Кий* и по которому была главная дорога в Киев от Днепра. К Днепру, или говоря точнее, ко впадающему в Днепр *Ручаю*, Боричев взвоз проходил с горы там, где стоит теперь Рождественская церковь*. Невдалеке от сего места у Боричева взвоза была и пристань.

От Боричева первоначальный город Киев простирался вдоль Андреевской горы до северо-западного ее предела, где начинается другой старинный взвоз на Подол, называемый теперь

* Некоторые киево-подольские старожилы помнят, что в 1810 году, когда для построения нынешней каменной церкви Рождественской разбирали прежнюю деревянную, построенную 1564 года, то в ее основании найдено было надписание, что она поставлена была на *узвозе Боричевом*.

Андреевским и где в средние времена, а вероятно и в древние, находились городские ворота.

На этой, особенно видной, обращенной к Днепру стороне первоначального города, поставлен был над горой, вероятно, еще при первых русских князьях, *каменный терем* с большим *теремным двором*. На сем-то *княжем* дворе — *у солнышка у красного, у ласкова* князя Владимира — бывали так часто богатырские *почесные пиры*, которые так поэтически прославляются в наших народных песнях и сказках,— об которых преподобный Нестор повествует в своей летописи: «устави (Владимир) на дворе в гриднице пир творити, и приходити боляром и гридом, соцьким и десяцьским, и нарочитым мужем, при князи и без князя» и т. д. Положение теремного двора определяет Нестор так: «за святою Богородицею над горою двор теремный: бе бо ту терем камен». Из его же слов* можно видеть, что за теремом была другая половина теремного двора, уже *вне града*: без сомнения, она простиралась по склону горы и покрыта была садом.

«Вне двора теремного», где теперь церковь Трехсвятительская, в древнейшее время возвышался *Перунов холм*. На том холме, набожный и в язычестве своем, Владимир поставил шесть кумиров словенских. Но когда он в 988 году возвратился в Киев из Корсуня, уже преображенный святым крещением, тогда велел он ниспровергнуть прежние свои кумиры: одни изрубить, другие сжечь; Перуна же велел он влечь с горы к Боричеву на Ручай. Совершив крещение своего народа, Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местам, идеже стояху кумиры; и постави *церковь св. Василия* на холме, идеже стояше кумир Перун и прочии, идеже творяху потребы князь и людье».— Сия церковь, с нашествия Батыева, четыре века оставалась развалиной, в которой несломаны были только нижняя часть стен да узкое алтарное окно к северу. Первое восстановление Васильевской церкви относится к незабвенному для Киева митрополитству Петра Могилы, который, устроя Богоявленское братство, приписал к нему и сию церковь. Тогда на ее древнем остатке построена была новая и определены для служения в ней строитель и братия. Но около 1660 года она сгорела и опять было запустела. Нынешняя каменная церковь, также на древнем остатке, построена уже при Варлааме Ясинском 1695 года и освящена во имя *Трех Святителей*. При ней в прошлом столетии был Трехсвятительский мужеский монастырь, приписанный к Со-

* «Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремьстем вне града» и т. д.

фийскому, как видно из ведомости о монастырях Киевской епархии 1756 года*.

Место под юго-восточным углом Андреевской горы, где Перунов кумир волокли по Боричеву взвозу, прозвано было в народе *Чортовым беремищем*. Противоположный большой отрог Андреевской горы, вокруг которого спускается на Подол Андреевский взвоз, в старину назывался *Вздыхальницею*.

К юго-западу от терема был двор варяга Феодора, где он с сыном своим Иоанном принял мученический венец за христианство, во время Владимирова язычества (983 г.). На том месте Равноапостольный князь заложил в 989 году великолепную каменную церковь во имя пресвятой Богородицы и по освящении оной 996 года мая 12, поручил ее Анастасу Корсунянину и приставил на служение в ней священников Корсунских; и уставил заветной грамотой давать на ее содержание десятину с княжеских доходов, почему церковь сия и названа *Десятинной*. В ней св. Владимир положил мощи св. Ольги и главу св. Климента, папы Римского; здесь же погребен был первый наш митрополит св. Михаил, скончавшийся в 992 году: а в 1015 г. посреди Десятинной церкви поставлена была краснокаменная гробница** и Равноапостольного князя, рядом с гробницей княгини его Анны, скончавшейся в 1011 году. В сей же церкви, в 1044 году, Ярослав положил кости умерших в язычестве своих дядей, Ярополка и Олега, совершив над ними беспримерный в нашей истории обряд крещения после смерти.

Для построения Десятинной церкви вызваны были Владимиром греческие художники. Ее стены и пол украшены были мрамором и великолепной мусией. В нее же были отданы Владимиром все привезенные из Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. А два капища и 4 медных коня, из Корсуня

---

* Трехсвятительская церковь названа монастырем и на генеральном плане Киева 1745 года; в последнее время монастырь сей приписан был опять к училищному Братскому монастырю; а с 1783 года Трехсвятительская церковь сделана приходской.

Древняя Васильевская церковь имела в ширине 16 1/2, а в длину 25 сажен; сложена была из тонких четвероугольных кирпичей, на толстой известковой с толченым кирпичем подмазке, подобно Софийской и Десятинной церквам. Поэтому можно думать, что она первоначально была построена деревянная, и потом уже поставлена каменная греческими художниками, сооружившими Десятинную церковь. По сгорении Васильевской церкви около 1660 года, она через несколько лет приписана была к монастырю Михайловскому; а 1691 г. отдана Софийскому.

Кроме сей Васильевской церкви, основанной св. Владимиром во свое крестное имя, в древнем Киеве была еще другая *церковь св. Василия*, которую на новом дворе построил во свое имя Рюрик Ростиславич и которую освящал 1 января 1198 г. митрополит Никифор II. Но где стоял новый Ростиславов двор, неизвестно.

** Я назвал гробницы св. Владимира и Анны краснокаменными для означения того, что они были не из настоящего мрамора, а из красного шифера.

же привезенные, поставлены были за Десятинной церковью, на площади, называвшейся *бабиным торжком*, где они стояли и в Несторово время. В основании своем Десятинная церковь имела вид четвероугольника, длиной около 24, а шириной 16 сажен.

В 1204 году, когда неистовый Рюрик с половцами грабил Киев, ограблена была и Десятинная церковь; а во время нашествия Батыева в 1240 году она обращена в развалины и неразрушенным остался только юго-западный угол, вышиной около 5 сажен. Из найденных под развалинами в 1635 году княжеских гробниц Петр Могила вынул главу св. Владимира и положил ее сначала в Спасскую церковь на Берестове[8], и в том же году перенес в Лавру. К уцелевшему углу древней церкви, приделав к нему новые стены из древних же кирпичей, Могила отстроил малую Десятинную церковь[9], во имя Рождества Богородицы, и надстроил еще деревянный придел во имя Петра и Павла. Сия Могилянская церковь, неизвестно почему, называлась впоследствии Николаевской.

Красноречивые развалины древнего Десятинного храма оставались нетронутыми до митрополита Евгения; при нем же, сначала в 1828 году были разрыты развалины; а в 1828 году и развалины, и Могилянская церковь разобраны до основания и на их месте, над древними гробницами, того же года 2 августа, заложена новая церковь, также во имя Рождества Богородицы, с двумя приделами, во имя св. Владимира и св. Николая. Эта церковь строится по плану Стасова[10] иждивением Курского помещика Анненкова. На ее украшение употребляются многие из принадлежностей древней Десятинной, найденных под ее развалинами. Тринадцать больших выпуклых букв, оставшихся на каменных обломках и составляющих древнейший памятник письменности в России, вделаны по местам над окнами новой церкви.

На запад от Десятинной церкви, да и на полдень от нее, первоначальный город простирался уже недалеко — до близ лежащего оврага, которым оканчивалась там Андреевская гора. Через тот овраг, по направлению к Софийскому собору, был в древнее время *мост*, по которому въезжали в Киев через каменные ворота. Ворота сии находились в земляном валу, окружавшем первоначальный город, и вероятно стояли против терема. Они сложены были из широких кирпичей и камня, подобно золотым вратам, в соответствие коим может быть они и сооружены были. Остаток их существовал еще в прошлом столетии и разобран уже при коменданте Массе в 1799 г. Ворота сии в прошедшем столетии назывались *Киевскими* воротами, а также и *Батыевыми*.

Кроме сих ворот, в древнейшем Киеве было еще несколько; но где именно и в каком числе они стояли, неизвестно. Вероятно

одни были со стороны Боричева, а другие со стороны Андреевского взвоза*.

Вокруг первоначального города, который помещался на так называемом Андреевском отделении Старокиевской горы, без сомнения уже с древнейших времен были разные заселения, особливо по северному и западному склону Андреевской горы. Об них напоминают собой эти маленькие, полуземляные хатки, которыми и теперь еще, как ласточьими гнездами, облеплены кое-где склоны Старокиевской горы, без которых и теперь как-то неполна была бы картина старого Киева.

Со всей вероятностью можно допустить, что *Пасынчья беседа и Козары*, о коих упоминает Нестор, находились на склоне Старокиевской горы к Днепру и составляли набережное предместье первоначального Киева возле Боричева взвоза. *В конце* их, по сказанию Нестора — же, еще и в его время стояла *над Ручаем церковь св. Илии*, бывшая в половине X века, при Игоре, *соборной* церковью христианской Руси. Может быть сия церковь была древнейшая в Киеве, поставленная еще в княжение Оскольда**.

Михайловская гора и ее окружающие удолья в древнейшее время были покрыты лесом. Вероятно в тех удольях, которые принадлежат к ней с юго-западной стороны, во время Ольги было *перевесище*, находившееся *вне града*, по замечанию Нестора.

На том месте, где теперь Софийский собор и его окружающие здания, во время Владимирово и даже Ярославово 1037 года, было загородное поле, на котором была только *могила Дирова* — вторая могила русского князя-христианина.

Но где была христианская же могила св. княгини Ольги, заповедавшей *не творить* над нею *тризны*, а погребсти ее *ровно с землей*? Об этом нет показаний ни у Нестора, ни у других наших летописателей.

---

* В Эймундовой Саге повествуется, что при нападении Брячислава на Киев (в 1021 году) открыто было только двое городских ворот, а прочие были закрыты. Каменные, так называемые Батыевы ворота, на плане Киева 1745 года названы *Киевскими*. Но в XVII веке ворота *Киевскими* назывались кажется те, которые (как видно из слов Кальнофойского,— см. ниже) стояли над Андреевским взвозом; ибо в патерике Коссова (с. 16 и 181) упоминается о развалинах Десятинной церкви *возле нынешней брамы Киевской, на горе стоящей*. Может быть сии ворота в древности назывались *Подольскими*. «Отвориша ему (Роману) Кия не ворота Подольские в Копыреве конци».

** Вопрос о месте древней Ильинской церкви, мне кажется, решен удовлетворительно в академическом *Исследовании* Ефима Остромысленского (К., 1830. В 4). Что касается до времени построения сей церкви, то она, я думаю, могла быть построена скорее при князе Аскольде, чем при Олеге или Игоре. Посланный в Русь от патриарха Игнатия около 867 г. епископ *Михаил*, без сомнения, заботился о том, чтобы в Киеве была построена церковь и вероятно сему епископу принадлежало основание Киевской соборной церкви св. Илии, тем более, что и в Царегороде соборная церковь была также во имя св. Илии.

Не говорится у преподобного Нестора и о том, где была церковь блаженной Ольги, имевшей при себе священника Григория. Только в одной, так называемой Иоакимовской, летописи сохранилось известие, что св. Ольга построила деревянную, первую в Киеве *церковь св. Софии*, для которой она получила иконы от патриарха. Как ни сомнительна во многом та летопись, но ее сказание о древнейшей Софийской церкви весьма вероятно,— особливо при известии Дитмара, что Киевский архиепископ (1018 г. 14 августа) встречал Болеслава храброго[11] *в монастыре св. Софии*, который, по несчастному случаю, за год перед тем был опустошен пожаром. Об этом пожаре и преподобный Нестор под 1017 годом говорит: «И погоре много церквей *в Киеве*». Судя по тому, что Болеслав, которому осажденные киевляне отворили ворота, был встречен в прежнем Софийском монастыре, можно предполагать, что оный монастырь и древнейшая в самом городе церковь св. Софии находились невдалеке от ворот киевских, на западной стороне города, где еще до крещения Владимирова были дворы христиан.

3. Михайловское отделение Старого Киева

Михайловская гора составляет юго-восточное отделение горы Старокиевской и возвышается над Днепром рядом с Андреевской горой, от которой отделяется только Боричевым взвозом. На сей горе, против холма Перунова, еще в первое время крещения Руси св. Владимиром, наш первый митрополит св. Михаил, в знамение победы христианства над язычеством, основал *монастырь* во имя *Архистратига Михаила.* С той поры на Михайловской горе находились преимущественно построения монастырские. Отсюда же вероятно получил свое начало и *герб Киевский*, представляющий Архистратига Михаила, стоящего на горе, с открытой головой, с мечем в одной руке, со щитом в другой. Изображение Архистратига, сделанное из золоченной меди, стоит и ныне на Михайловской церкви.

Вместо первоначальной деревянной церкви Михайловского монастыря князь Святополк Изяславич в 1108 году соорудил каменную церковь, с 15 позлащенными верхами, почему и монастырь сей назван *золотоверхим.*

Греческая княжна Варвара, бывшая супругой Святополка, привезла из Греции в дар Киеву мощи св. великомученицы Варвары. Сие святое сокровище ныне хранится в среброкованной раке на серебряном подножии под новым золоченным балдахином, в особом северном приделе Михайловского храма и привлекает в него тысячи набожных молельщиков. Каждый вторник читается там акафист св. великомученице Варваре, сочиненный Киевским митрополитом Иоасафом Кроковским в

начале XVIII века. Молельщики, на память поклонения своего, приобретают там серебрянные и золотые крестики и кольца, также берут елей и святую воду. Прежний деревянный гроб великомученицы Варвары хранится в ризнице. Золотая лампада с жемчужно-бриллиантовой кистью, висящая перед мощами, принесена в дар Екатериной великой. Образ, представляющий усекновенную главу св. великомученицы, украшен девятью драгоценными перстнями, подаренными от разных особ. Весьма примечателен еще осыпанный бриллиантами храмовой образ Архистратига Михаила, присланный в 1817 году в дар сему монастырю победоносным императором Александром Благословенным[12].

Что касается до древней Михайловской церкви, то Святополк-Михаил[13] ее *украси дивно*, по выражению летописца. Стены ее, как и других церквей древнего Киева, покрыты были мусией. Величина ее была в длину 15, а в ширину 8 1/2 сажен. Но при нашествии Батыевом сбиты были ее верхи и оставлены одни стены до купола, из которых только на внутренней стене алтаря уцелела и доныне полоса древней мозаической картины, представлявшей тайную вечерю.

Что было с Михайловским монастырем до XVI столетия, неизвестно. Но в начале XVI века он устроен вновь старанием игумена Макария, который испросил на то в 1523 г. королевскую грамоту у Жигимонта I*. Однако в продолжение ста лет Михайловская церковь пришла в ветхость. Обновил ее Иов Борецкий**, которого, по желанию дворянства и казачества украинского, особливо по просьбе гетмана Петра Сагайдачного, посвятил в митрополиты бывший тогда в Киеве Константинопольский патриарх Феофан. Сие посвящение происходило 1620 года в великой Печерской церкви, в самый день Успения. Таким

---

* В сей любопытной грамоте об исправлении запустевшей тогда Михайловской церкви и восстановлении при ней общины, между прочим сказано: «а то есмы учинили для того, иже де их тая церковь от вынятя Киевского опустела, хвалы Божией в ней не было». Но здесь под именем вынятья Киевского не должно, кажется, разуметь разорения или взятия Киева Батыем; вероятнее, что здесь разумелось одно из последних разорений Киева татарами, набегавшими в конце XV века. Из двух грамот (1501—1503 г.), данных королем Александром воеводе Киевскому князю Путятичу, видно, что еще в самом начале XVI века зачиналось игуменство в Михайловском монастыре (ибо туда назначен был от воеводы Путятича старец *Иван Смольянин*, на место коего король определил *Гришка Григорьевича Поповича* в 1501 г., а вскоре потом игумена Иону); однако оно кажется не упрочилось тогда и не послужило к восстановлению монастыря — до игумена Макария.

* * Сильвестр Коссов (епископ Мстиславский, а потом митрополит Киевский после Петра Могилы) в своем *Патерике* (писанном на польском языке и напечатанном в Киеве, 1635. В 4) — на 180 с. именно говорит, что Михайловский храм «уже не мало обрушенный, значительно восстановил Иов Борецкий». О том свидетельствует и Кальнофойский в своей надгробной надписи Иову Борецкому, который погребен был в Михайловской церкви,— но где именно, теперь уже неизвестно. (О сей надписи см. далее в статье о надгробиях).

образом восстановилась тогда православная митрополия в Киеве, 25 лет сиротевшая без пастыря. Но как в то время Софийский собор был занят униатами, потому Иов Борецкий и преемник его Исаия Копинский имели свою кафедру в Михайловском монастыре (с 1620 по 1633 год), который никогда не доставался во власть униатов, хотя им дано было право на оный от воеводы киевского. Увеличение Михайловской церкви двумя боковыми приделами, относится к веку Петра Великого. Построение каменной колокольни начато в 1716 г., а нынешняя каменная ограда сделана 1758 г.

Иов Борецкий при золотоверхом Михайловском монастыре в 1621 г. построил, во свое прежнее имя, *церковь св. Иоанна Богослова** и учредил при ней *Михайловский женский* или *Богословский* монастырь, в котором престарелая супруга Борецкого была первой настоятельницей и который существовал здесь до 1712 г., а в этом году переведен на Подол в соседство Иорданского женского монастыря.

При Золотоверхом монастыре заведена была и типография** Иовом Борецким, который по кончине своей 1631 года погребен в Михайловской церкви.

Предание уверяет, что в переднем приделе сей церкви погребен по правую сторону князь Святополк-Михаил, а по левую сторону княгиня Варвара,— где и действительно видны гробничные формы.

После Исаии Копинского настоятелями Михайловского монастыря были игумены, с 1737 года архимандриты; а с 1800 года он определен в настотельство и местопребывание викария митрополии Киевской епископа Чигиринского.

Но еще за полвека до того, как поставлена была золотоверхая церковь Святополком Изяславичем, отец его Изяслав Ярославич[14] создал во свое крестное имя великолепный *монастырь Дмитриевский*, заложенный в 1055 году, после победы над турками. В 1086 году, убитый под Звенигородом князь Ярополк Изяславич был погребен в церкви св. апостола Петра, которую сам он начал строить в монастыре Дмитриевском. О сем монастыре Нестор повествует следующее: «Изяслав же постави монастырь св. Дмитрия и выведе Варлаама на игуменство к св. Дмитрию (*из монастыря Печерского*), хотя створити выше сего монастыря, надеяся на богатьство. Мнози бо монастыри от царь и от бояр и от богатства поставлени, но не суть таци (*такие*), каци суть поставлени слезами, пощеньем, молитвою, бденьем.

* Вместо прежней деревянной, в 1613 году поставлена нынешняя каменная церковь Иоанна Богослова с трапезой.

** В сей митрополичьей типографии напечатан был 1620 г. «Лимонарь или Цветник Софрония патриарха Иерусалимского». Типографом был Спиридон Соболь.

Антоний бо не име злата ни серебра, но стяжа слезами и пощеньем». Сии слова преподобного Нестора были пророческие: монастырь Антониев и ныне сияет нетленным, дивным величием, при всех переворотах, испытанных им в продолжении 8 веков; а монастыря Дмитровского давно уже нет и самое место его покрылось сомненьем.

К юго-востоку от Михайловской церкви, внутри монастырской ограды лежит в земле разрушенное каменное основание большой древней монастырской церкви. От сего места некогда спускался по Михайловской горе взвоз на Подол мимо Крещатика, называвшийся в XVII веке *Крещатицким*. Из городовых записей 1654 года известно, что сей взвоз назывался еще *Дмитровским*, а лежащий при его начале нагорный овраг *Дмитровской лукомью* или *лукомытью**. Все сие приводит к мысли, что упомянутая развалина на Михайловской горе есть остаток монастыря Дмитриевского. Однако есть другое известие, у Сильвестра Коссова: в Патерике своем на странице 180 говорит он, что в его время (1635 г.) от Дмитриевского монастыря оставался только *плац* не далеко от монастыря Печерского. Сие известие любопытно, как мнение, бывшее в XVII веке; впрочем оно могло быть не древним преданием, и только ученым мнением тогдашних Печерских иноков; и тот *плац*, о котором говорит Коссов, мог быть остатком не монастыря Дмитриевского, а только *Петропавловской* Берестовской церкви, при коей находился священником благочестивый Илларион до 1051 года.

4. Софийское отделение Старого Киева

Дальнейшее распространение старого Киева произошло при Ярославе благовластном, особливо после 1036 г., когда он разбил печенегов, напавших на Киев, и сею победой положил конец их набегам на Русь.

В память сей славной победы, на месте поражения печенегов, Ярослав заложил в 1037 г. величественную каменную *церковь св. Софии*. В том же году «заложи Ярослав *град великий*, у него же суть *золотыя врата*». Таким образом к первоначальному городу прибавилось целое Софийское отделение, составлявшее с тех пор знатнейшую часть Киева. С той поры здесь уже был и главный *княжий двор*, называвшийся в XII веке *двором*

* Известие об этом отыскано в бывшем Магистратском архиве Берлинским[15], которому принадлежит и мнение о существовании Димитриевского монастыря на Михайловской горе. Но митрополит Евгений (в *Опис. Киев. Лавры*) следовал показанию Сильвестра Коссова. Между киевскими старожилами ведется мнение, что Дмитриевский монастырь находился неподалеку от древнего Кловского, именно на крутом бугре Печерской горы, где теперь стоит немецкая кирка. Не там ли полагал и Коссов? У него и *плац* Дмитриевского монастыря и *Клов* одинаково означены: nie daleco monastera Pieczarskiego.

Ярославлим и находившийся где-нибудь возле Софийской церкви.

Церковь св. Софии, премудрости Божьей, посвящена у нас Рождеству Богородицы и храмовой праздник ее совершается 8 сентября*. Она построена была по подобию великолепного Софийского храма в Царегороде, воздвигнутого в VI веке царем Юстинианом; но только в меньшем против нее размере: ибо Ярославовская церковь имела в длину 17, в ширину 25 1/2 сажен, в вышину до карниза под куполом 10 сажен с аршином, а в поперечнике купола 10 аршин; Юстиановская же имела в длину слишком 40, в ширину 36, в вышину до арк 23 сажени, а в поперечнике купола 38 аршин. Богатой рукой благовластный Ярослав украсил храм Софийский золотом и серебром, мусией и мрамором и установил при нем митрополию, т. е. кафедру и двор митрополичьи и поместил там избранного в 1051 г. в митрополиты благочестивого Берестовского священника Иллариона *русина.*

При нашествии Батыевом Софийская церковь, по своей огромности, менее Десятинной и других киевских церквей потерпела разрушения: древние стены ее уцелели почти до самого купола.

Знаменитому митрополиту Киприану принадлежит первое обновление Софийского храма. Но он после того, быв не раз разграбляем татарами, и с 1596 года завладен униатами, пришел было в крайний упадок. Но когда митрополитом Киевским стал благодетельный Петр Могила, тогда он, по силе данных ему от короля Владислава IV привилегий, отобрал от униатов Софийскую церковь для православной митрополии Киевской (в 1633 г.) и приложил великое попечение о восстановлении оной. К древним стенам ее он приделал новые пристройки и надстроил новый купол. Соревнуя Петру Могиле, и последующие митрополиты заботились о внутреннем убранстве Софийского храма и привели его постепенно в нынешний вид. Теперь в Софийском соборе находится 17 приделов; вершина его состоит из 11 больших и 4 малых куполов; вышина его от полу до верха креста 22 сажени. Нынешняя ограда с триумфальной колокольней построена около 1746 г. митрополитом Рафаилом Заборовским.

Между драгоценностями Софийской церкви в древнее время находился в алтаре (по свидетельству Киевского Пролога) крест, принесенный из Царягорода святой Ольгой. Теперь из древних украшений сего храма остались только несколько по-

* Рисунок примечательной храмовой иконы Софийского собора с подробным ее описанием и сличением с храмовыми иконами других Софийских церквей помещен в *Описании Киево-Софийского собора и Киевской Иерархии.* К., 1825, В 4. Сия книга, богатая сведениями и разными приложениями, составлена учеными трудами митрополита Евгения, который при Софийском соборе основал библиотеку рукописей, назначив и особого библиотекаря с жалованьем.

ловых плит белого мрамора и красного лещедника, несколько гранитных перил с вырезанными на них орлами и другими изображениями; но всего замечательнее мозаические изображения, оставшиеся по стенам в алтаре и внутри церкви под куполом. Особенно прекрасен величественный образ Богоматери в алтаре на полусводе от горного места. Она изображена на золотом поле в исполинский рост, стоящей на четвероугольном золотом камне с воздетыми руками, в лазоревом хитоне, с белым утиральником за червленным поясом, с лазоревыми поручьми, а на главе и раменах с золотой складочной фелонью или покрывалом. Под сим изображением находятся еще два, также древней мозаической работы: на верхнем представлена тайная вечеря, а на другом, нижнем, десять святителей. Алтарное место, на котором в продолжение восьми веков сохранилось изображение Божьей Матери невредимым, названо в народе нерушимой стеной. Кроме того в алтаре открыты в прошлом году еще две древние мозаические картины, заслоненные иконостасом: на одной изображена Пречистая Дева, прядущая веретеном, а на другой благовествующий Архангел Гавриил. Внутри церкви, также древней мусией изображены на восточной к алтарю дуге образ спасителя на золотом поле, а поверх дуги Божья Матерь. Из древних изображений четырех евангелистов на треугольниках под куполом сохранился образ св. Марка и половина образа св. евангелиста Иоанна. По дугам изображены были 40 мучеников; но из них только на 15 уцелела древняя мусия.

Из чудотворных икон находится в Софийском храме четыре: *Любецкая* икона Божьей Матери, и *Любецкая* же икона Спасителя, перенесенные сюда из Любеча митрополитом Гедеоном-Святополком князем Четвертинским[16]; икона *Купятицкой* Божьей Матери, перенесенная в Киев во второй половине XVII века православными монахами из села Купятичей Пинского уезда, когда тамошним монастырем завладевали сперва бенедиктинцы, а потом униаты; наконец икона Николая Мокрого, так названного по чудотворному спасению утопшего в Днепре младенца.

В Софийском храме погребен был своим сыном Всеволодом[17] великий князь Ярослав, скончавшийся 1054 г. февраля 19 и положен здесь в *мраморной раке*. В 1093 г., возле отцовской гробницы, погребен был и Всеволод Ярославич, а потом и сыновья Всеволодовы: юный князь Ростислав, который, по предречению Печерского чудотворца Григория, утонул в реке Стугне, во время битвы с половцами 1093 г., и Владимир Мономах, в сем же храме венчанный 1119 года царственным венцем и бармами, присланными ему из Царягорода, которыми и теперь русские цари венчаются в Москве на единодержавие. Уцелевшая от разрушения беломраморная гробница Ярославо-

ва, украшенная резными изображениями, стоит в приделе св. Владимира, вделанная в северную стену большого алтаря.

Тела киевских митрополитов погребаются в усыпальнице или склепу, находящемся в юго-западном угле церкви; но святые мощи митрополита Макария, убитого татарами 1 мая 1497 года на пути его из Вильны в Киев, почивают в раке на правой стороне сего же храма; а на левой стороне оного находятся, также под золоченой сенью, части мощей многих святых, в том числе кость от правой руки св. Владимира, положенная сюда Петром Могилой, и левая рука от мощей св. великомученицы Варвары.

При Софийской церкви с 1051 года был кафедральный монастырь, в котором в последнее время бывало братии до ста человек. Но в 1786 г., когда с саном митрополита Киевского соединено и звание архимандрита Печерской Лавры, монастырь сей упразднен и оставлен только местопребыванием Киевского митрополита, а Софийский храм оставлен кафедральным собором. С того времени по 1814 год первым соборным протоиереем был знаменитый киевский проповедник Иоанн Леванда, который и погребен в Софийской церкви.

Наконец, достойно воспоминания, что великий строитель храма сего, в последние годы своей жизни, основал при нем первое на Руси книгохранилище народное. «И бе Ярослав любя церковные уставы... и книгам прилежа, и почитая часто в нощи и во дни, и собра писцы, и прелагаше от грек на словенское письмо, и спишаша книги многи, ими же поучахуся верние людие, и положи в св. Софии, юже созда сам».

Из других монастырей, построенных Ярославом, известны два, оба невдалеке от Софийской церкви: первый из них *монастырь св. Георгия*, заложенный Ярославом во свое крестное имя, на запад от Софийской церкви, по направлению к Золотым вратам. Ярослав назначил сей монастырь для посвящения и *столования* русских епископов и повелел по всей Руси ежегодно праздновать день его освящения 26 ноября (по старинным киевским месяцесловам 1045 г.). В Георгиевской церкви в 1063 г. погребен невольный затворник и схимник, князь Судислав Владимирович[18]. Другой монастырь, на юг от Софийского храма, был *монастырь св. Ирины*. Предполагают весьма правдоподобно, что он был женский и поставлен Ярославом в честь своей княгини Ингигерды, которой гробница находится в великом Новгороде в знаменитой Софийской церкви, воздвигнутой в 1045 г., по образцу Киевской, Ярославовым сыном Владимиром. Впрочем построение Ирининской церкви близ Софийской могло быть также в подражание Царюгороду; ибо и там возле первоначальной Софийской церкви, построенной Константином великим, также находилась церковь св. Ирины.

Что касается до сооруженного Ярославом *града великого* с Золотыми вратами, то сия ограда состояла из больших земляных валов и еще, как полагают многие, из каменной стены вокруг Киева. Была ли действительно сия стена и как далеко простиралась она, об том ничего не видно из наших летописей, иностранные же писатели средних веков говорят об ней преувеличенно.

Киевские *Золотые врата* сооружены и названы сим именем в подобие Золотых врат Царягорода, воздвигнутых царем Феодосием великим в память его победы над Максимом. На своих Золотых вратах Ярослав поставил *церковь св. Благовещения*, для того «да всегда радость граду тому святым Благовещением будет». Сохранилось предание, что на сей церкви был золотой купол: а створы в воротах были оббиты золочеными медными листами. В польских хрониках пишется, будто Болеслав храбрый, въезжая торжественно в Киев, ударил по золотым вратам своим мечом, который от того ущербился и что сей меч *щербец* долго сохранялся в Кракове, и что короли польские, при своем короновании, также идучи на битву, всегда им припоясывались. Но, по свидетельству Нестора, Болеслав въезжал в Киев 1018 года; а на месте Золотых врат и Софийского храма еще и в 1036 г. было «поле вне града». Потому, если в самом деле существовал Болеславский меч, ущербленный об Золотые врата, то его ущербил не Болеслав храбрый, а разве его правнук Болеслав II[19],— вероятно на прощанье с Киевом, где он в 1069 году так загостился у Изяслава Ярославича, что прогулял свое королевство и бежал в Венгрию, лишенный от папы королевского звания. В польских хрониках пишется, что и сей Болеслав ударял своим мечом об Золотые врата.

Кроме золотых врат в древней Ярославовской ограде были еще *Жидовские* и *Лятские* врата. Обо всех трех упоминается в Русской летописи под 1151 годом, при осаде Киева Юрием Долгоруким.

Относительно Жидовских ворот*, я полагаю за несомненное, что это были те самые ворота, которые в последствии назывались *Львовскими*, и что сие последнее название они получили уже в конце XIII века, по имени галицкого города Львова, подобно тому, как находящаяся теперь вместо их застава названа в конце прошедшего столетия *Житомирской*. Деревянные Львовские ворота, вместо прежних каменных построенные, существовали до 1795 года. Икона св. Богоматери, *всех скорбящих радости*, стоявшая на каменных Львовских воротах, хранится в Сретенской церкви, не в дальнем оттуда расстоянии

* О Жидовских воротах упоминается в Киевской летописи и под 1146 г. В записи 1589 г. упоминаются *Жидовские кладовищи* (кладбища), находившиеся за пробитым валом, который от Львовских ворот идет внутрь города.

находящейся*. К сей иконе киевляне, не только православные, но и католики, имеют особенное почитание и по субботам приходят к ней на слушание акафиста.

Что касается до *Лятских* ворот, то они находились по другую, юго-восточную сторону Золотых, и к ним пролегала дорога через те *дебри* или овраги, на которых теперь помещается Крещатицкая и от нее идущая Софийская улица. На их месте и в последующие века, тем же именем назывался проезд через верхний Старокиевский вал**. Ворота Лятские были роковые для древнего Киева: «ту бе видети лом копейный и щитом спекание». Через них-то сокрушительный Батый вломился в древней Киев и ниспроверг все, чем он был застроен от Владимира, Ярослава и их потомков.

5. Развалины и укрепления Старого Киева

Печальный вид запустения представлял собой наш первопрестольный Киев в продолжение четырех веков, покрытый развалинами и обломками своего прежнего величия. Митрополит всей Руси Кирилл II, посвященный в 1250 г., и его преемники не находили уже себе пристанища в Киеве и утверждали свою кафедру в Суздале и Москве, где находился престол великокняжеский, а когда русская митрополия разделилась на Московскую и Киевскую, тогда митрополиты киевские проживали более в Вильне и Новогродке Литовском. Народ русский благоговел к нетленной святыне своего Киева и чуждался его развалин. Величавая древняя жизнь его в народной памяти слилась в один богатырский век Владимиров; действительные события русской древности в народном воображении разрослись в исполинские размеры. Древний Киев стал баснословным. Укромные пещеры его народная молва продолжила до Смоленска и Москвы, провела их под Днепром. Народные сказания о Киеве расходились по далеким странам и там дополнялись новыми вымыслами. Некоторые западные писатели с удивлением рассуждали и писали о чрезвычайной длине пещер и о развалинах каменной стены древнего Киева, простиравшейся на 8 миль. Для самых киевлян не только *Лысая гора*[20], на левой стороне Днепра находящаяся, но даже и в Киеве *сад Кучинского стал* пугалищем и считался сборным местом киевских ведьм. Еще в половине

---

* Нынешняя деревянная *Сретенская* церковь построена 1752 г. на место прежней обветшавшей, неизвестно когда основанной.

** Об них упоминается и в вышеприведенной грамоте Жигимонта I Михайловскому игумену Макарию: «И землю к тому монастырю мает держать по давному, как перед тым бывало: по самый вал, и по Лядские ворота, и по Евсикову долину, по старую дорогу, по Михайловский узвоз».

XVII века проповедник Доминиканского Киевского монастыря, Петр Розвадовский, исчисляя урочища, коими владел тот монастырь в Киеве, писал между прочим: «грунт к Днепру за Бернардинами, подле грунту Лейзора арендатора жида; там был деревянный типографский двор между сим жидом и садом Кучинского, где ведьмы слетались»... Этот сад находился на склоне Михайловской горы к Днепру, по направлению от Чертова беремища к Хрещатику. На полуденном склоне Михайловской горы, где теперь театр, в XVI веке была *Введенская нива*, которую пахал киевский мещанин Черевчей и его потомки. Через сию ниву лежала *Михайловская стежка* или дорожка, по которой ходили киевляне в Печерский и Никольский монастыри, а начинающаяся отсюда нынешняя Крещатицкая улица называлась тогда *Евсейковою долиной*, через которую шла *старая* набережная дорога и (обще с *Крещатицким взвозом* с Михайловской горы) спускалась к берегу реки Почайны, до моста, находившегося возле Рождественской церкви, против Михайловского или древнего Боричева взвоза. Сия старая дорога под Михайловской дорогой на Подол, устроена вновь киевским губернатором кн. Голицыным около 1715 г.

Но чтобы иметь некоторое понятие о самом Старом городе, в том состоянии, как он был еще около половины XVII века, взгляните на план Печерской Лавры, изданный печерским монахом Афанасием Кальнофойским в 1638 году, при его книге «Тератургиме». На верхнем уголке того плана набросан в отдалении вид Старого города, и вот как он там описан:

«47. В другую сторону дорожка прямо через дол до *больших валов*; в них, как бы в своей ограде, простирающейся до врат городских.

48. Церковь *св. Софии*, уже несколько лет начавшая значительно поправляться.

49. Церковь *св. Архангела Михаила* и монастырь при ней.

50. Церковь *св. Федора Тирона*,— только стены стоят.

51. Церковь *св. Василия*, первее всех созданная великим Владимиром.

52. Церковь *Пресвятой Богородицы Десятинная.*

53. Церковь *св. Симеона*, над самым Киевом (Подолом); а прочие лежат большими могилами, кажется, на веки погребены.

54. От них воротами мимо замка, на высокой горе воздвигнутого, сходит дорога до плачевного Киева (Подола), ныне едва ли достойного называться именем прежнего Киева; в том было церквей более 300 каменных, деревянных 100; а в нынешнем всех едва 13».

Современник Кальнофойского, польский инженер Боплан[21], в своем «Описании Украины» (1650 г.) также говорит, что в Киеве тогда было только десять православных церквей и четыре костела католические, что полуразрушенные стены Васильевской церкви возвышались от 5 до 6 футов и покрыты были вырезанными на алебастре, но от времени уже изгладившимися, греческими надписями. По его же словам старый Киев называли тогда *Епископским* городом, а Подол — *Мещанским.*

При всем запустении своем старый Киев служил однако главным убежищем для киевлян в те непокойные и бедственные для них времена. В древних валах, коими окружены были и Андреевское, и Софийское, и Михайловское отделение Старого города, окрестные жители находили себе защиту от нападений неприятельских; и в таких случаях они обновляли прежние валы, городились новыми полисадами.

Что касается до Киевского[22] замка, то он стоял не на Вздыхальнице, а на горе Кисилевке*, следственно он принадлежал собственно к Нижнему городу или Подолу, которым и управлял он. Построение сего замка вероятно принадлежит воинственному князю Витовту[23]. Хан Эдигей, бывший врагом сего князя, в 1416 году привел в запустение Киев, ограбил Печерскую церковь; но Киевского замка, как ни осаждал, а взять не мог. Александр Гванини[24], комендант Витебский, пишет, что в его время (т. е. в начале XVII века) «Киевский замок был вдвое больше Краковского, имел 7 больших и много меньших башен деревянных, обтынен был частоколом и окопан валом». Но Гванини не разумел ли всего Старого города под именем замка?...

Кроме сего Киевского замка, возле Старого города был еще другой, *митрополичий замок*, неизвестно когда построенный, за так называвшимся *пробитым валом***, на Кудрявце. В 1604 году (когда Жигимонт III отдал бискупу Киевскому целую часть Подола за канавой к горе Щекавице, а бискуп сверх того забрал под свою власть всю Иорданскую Оболонь и под Старым городом урочище *Кожемяки*), — урядники бискупские заняли замок на Кудрявце и все угодья митрополичьи, и с той поры замок

* Что Киевский замок стоял на горе Кисилевке, это видно между прочим из записки Петра Розвидовского о владениях Киевского Доминиканского монастыря (см. в прибавлении в Опис. Киев. Соф. соб.). В ней сказано: «По опустошении Иоакимова конвента Доминикане подселились *под замок на Житный торг* и основали костел под именем св. Николая». Далее: «Грунт под горой Вздыхальницею *от замку с сей стороны* подле Бернардинов». Еще: «Грунт *за замком высоким Киевским*, где мы кирпичный завод поставили. Около того на нашем грунте сидело несколько кожемяков».

** Долина, а впоследствии слобода *Кудрявец*, лежащая между Старокиевским, так называвшимся, *Пробитым валом и Глубокою долиною*, получила свое имя от протекавшей там речки Кудрявца, на которой в XVII веке была монастырская гребля и *млынок* (как видно из записи 1676 г.).

тот назывался *Бискупским*[25]. На его месте уже митрополит Иоасаф Кроковский[26] устроил митрополичий дворец, существовавший до 1784 года. Теперь там пустое подворье близ Вознесенской церкви.

В XV веке был еще один небольшой замок — Киевского князя Симеона Олельковича; но он также принадлежал не к Старому городу , а стоял против него на левой стороне Днепра за Чорторыею. На месте сего замка в XVII веке было уже пустое заглохшее городище с довольно высоким валом, которое называли *Олельковым городищем*. За ним не в дальнем расстоянии находились *Сторожевые горы*. Может быть на месте сего же городища и в древнее время был *Городец*, известный в наших летописях. Но возвратимся к валам Старокиевским.

Крепостные валы Старого города не раз были обновляемы и в позднейшее время. Так, вскоре после того, как Украина с Киевом, освободясь от Польши усилиями Хмельницкого, присоединилась к России в 1654 году, прежнее Старокиевское укрепление обновлено было князем Куракиным, первым Киевским воеводой от России.

В 1679 году, когда под Киевом собрано было многочисленное войско Московское и Запорожское, в ожидании турецкого нашествия из-под Чигирина,— князь Черкасский, командовавший московским войском — «на знамение бытия своего под Киевом обведоша великий град Киевский многими крепкими валами» (*Киевский Синопсис*)[27]. К сделанным тогда окопам принадлежит нижний вал, проходивший от Михайловского монастыря до Золотых врат, по южной отлогости Старокиевской горы. Посредством вала сего пригородилось тогда к Старому Киеву новое *Печерское* отделение. Именем *Печерских* названы были и каменные ворота в сем нижнем валу, которые существовали до 1833 года и в позднейшее время назывались иногда Лядскими. На месте их сбирается теперь Крещатицкий базар, возле урочища, называемого *Козьим болотом*[28].

В последний раз укреплен был старый Киев во время войны с Турцией (1732—37). Тогда Миних[29], поверх старых окопов и деревянных укреплений, насыпал огромный вал, обходящий вокруг Старого города, и соединил оный с Подолом посредством полисадов; а к Печерской крепости от него провел ретраншементы. Сия Старокиевская крепость, в отличие от Печерской, называлась еще и Софийской.

В высоком бастионе Миниховского вала были засыпаны и каменные остатки Золотых врат Ярославовых; а возле них (вправо) сделаны были тогда же обыкновенные каменные ворота, которые также назывались *Золотыми* и существовали до 1799 года. На древнем остатке Золотых врат в XVII веке стояла

икона Казанской Божьей Матери, которая 1699 года октября 20 перенесена в нынешнюю на старом Киеве Троицкую церковь*, как видно из надписи, на той иконе находящейся. Рисунок с Золотых врат, снятый 1657 года, найден между бумагами последнего польского короля Станислава Августа. Сбереженный Минихом остаток Золотых врат раскрыт от земли в 1832 году и составляет ныне «памятник достойный сохранения».

Остатки древнего Ирининского монастыря еще в XVII веке засыпаны были землей в излучине верхнего Старокиевского вала, проходившей возле ограды Софийского собора. Юго-восточная половина развалин Ирининской церкви раскрыта в 1833 году; остальная же их часть находится еще в неразрытом конце сего вала, под садом Воронца**. При раскрытии земли над алтарным местом найдено много медных копеечек, битых в Пскове 1659 года. Из этого видно, что сей вал проведен был над развалинами Ирининской церкви уже после Куракина, вероятно, при князе Черкасском (1679 г.).

На древнем основании соседнего с Ирининским монастырем монастыря Георгиевского построена была еще в XVII веке деревянная церковь, а в 1744 году, повелением и иждивением императрицы Елисаветы, поставлена там каменная ружная церковь св. Георгия. В ней находится красивая гробница князя Константина Александровича Ипсилантия, скончавшегося 1816 года 27 июня***.

---

* Троицкая церковь возобновлена 1732 г., иждивением гарнизонного полка, и до 1764 г. считалась полковой; а когда основана первоначально, неизвестно. Кроме сей и Стретенской церкви, в Софийском отделении старого Киева есть еще церковь *Златоустинская*, деревянная, построенная 1631 г. На западной стороне Михайловского монастыря (на древнем Перевесище) существовала деревянная церковь *Покровская*, упраздненная 1784 г. Что касается до Католического костела, находящегося вблизи того места, то он основан по указу 19 апр. 1799 г.; а новое возле него каменное здание, еще не конченное, заложено в 1817 г., во имя св. Александра.

** Основание Ирининской церкви имеет в длину и в ширину 11 1/2 сажен. Подробное исследование о сей церкви (написанное *К. Каневским*), помещено в «Ж. М. Н. Пр.» 1836. Кн. 12. Раскрытие развалин ее, равно как и Золотых врат, произведено Лохвицким.

*** Сей молдавский господарь, отец известных Ипсилантиев — Александра и Димитрия, последнее время своей жизни провел в Киеве, где и скончался. На гробнице его находится следующая стихотворная надпись:

«В гробнице сей, родных слезами орошенной,
Лежит владетель Ипсилантий незабвенной,
Что знаменитого был Александра сын,
Высокий господарь, державный Константин,
Честь, слава Греции, отчизне луч спасенья,
От ига тяжкого надежда свобожденья,
С кем милость и любовь, закон и правота,
И мудрость, совершенств других всех красота,
Молдавскою страною и Влахской управляли,
Кому бы доблести бессмертье даровали,
Коль жизни смертного назначенный предел
Равнялся бы числу его великих дел».

За святой Ириной — говорит Нестор,— была *могила Дирова.* Она, я думаю, находилась где-нибудь на горе, невдалеке от древних Лятских ворот. Но теперь напрасно бы стали искать ее следов — теперь, когда для благоустройства нынешнего Киева, можно сказать, на наших глазах, не только исчезли внутренние валы старого Киева, но во многих местах уже изгладились и те насыпи, над которыми трудились Черкасский и Миних. В оставшемся над Боричевым отрывке старинного вала (срытого в 1834 году), можно приметить, под верхним и средним слоем земли, древнейшую основу,— может быть остаток того еще вала, которым окопан был первоначальный Киев. В том валу, который идет над краем Андреевской горы вдоль Днепра, дотлевают большие деревянные срубы, коими старый Киев городился в средние времена, поверх древнего окопа.

В настоящее время быстро обновляющийся старый Киев выравнивается прямыми улицами и площадями, выстраивается новыми домами, на место ветких лачужек и узеньких кривых переулков, которыми, как лабиринтом, покрылись древние развалины старого Киева в века его бедности.

Под этими очередными слоями заселений Старого города скоро нельзя будет распознать и тех немногих мест, на которых еще в XVII веке стояли обнаженные развалины русской древности. При тогдашнем обновлении Старого города обломки древних зданий разошлись на новое жилье, а остальная часть их покрылась новыми слоями земли,— под садами, на них выросшими, и под домами, на них водворившимися.

Так остатки *Андреевского* или *Янича монастыря*, который в 1086 г. построен был Всеволодом Ярославичем и в котором настоятельствовала известная в наших летописях дочь его *Янка*,— скрываются в неизвестности под землей, невдалеке от Десятинной церкви.

Так не видно теперь уже следа и древней *церкви св. Симеона*, еще в начале прошедшего века стоявшей развалиной над Подолом, на горе Вздыхальнице. Церковь сия с монастырем воздвигнута была любознательным князем Святославом Ярославичем* и памятна погребением в ней Святославова внука Игоря Ольговича, по убиении его в 1147 году. Сей святой мученик был уже схимником в Федоровском монастыре и взят оттуда возмутившимися киевлянами 19 сентября, в самый час молитвы своей в Федоровской церкви перед образом св. Богоматери.

* Я заключаю сие из того, что в Киевской летописи монастырь св. Симеона называется монастырем отца и деда Игорева (см. *Карамзина*[30] И. Г. Р. Т. II, прим. 308), и полагаю, что крестное имя Святослава было Симеон. Местоположение монастыря св. Симеона, по нашим летописям, было в *Копыреве конце*; следственно этим именем называлось нагорное предместье, находившееся у самого Старого города на Вздыхальнице и около нее. «Ста (Всеволод Ольгович) у города в Копыреве конци». 1129 года в Капыреве конце основана *церковь св. Иоанна.*

Каменная *церковь св. Федора* основана была в 1128 г. Мономаховым сыном Мстиславом великим[31]. Его сыновья учредили при ней мужеский монастырь и назвали его, в память своего там погребенного (1132 г.) отца, *Вотчим* монастырем. От Федоровской церкви в XVII веке оставались еще стены. Но теперь кажется над ее основанием* находится полудеревенский двор Королева, с утлым жильем и небольшим садом. А тот древний образ св. Богоматери, перед которым молился князь Игорь Ольгович, хранится в большой Печерской церкви, в приделе св. Стефана, на жертвеннике.

Но где была другая, тем же Мстиславом в 1131 г. основанная церковь *св. Богородицы Пирогощей*, в которую новгород-северский князь Игорь Святославич[32], освободясь из плена половецкого, *ехал по Боричеву*, чтобы поклониться в ней св. иконе Пирогощей?.... Та икона была привезена из Царягорода на одном корабле с достопамятным образом Владимирской Божьей Матери, который Андреем Боголюбским перевезен был из Вышгорода во Владимир-на-Клязьме, а ныне составляет драгоценную святыню Московского Успенского собора.

Одной из позднейших церквей древнего Киева была церковь *Воздвижения Честного Креста*, построенная в 1212 г. незабвенным героем древней Руси, *Удатным* князем Мстиславом Мстиславичем[33], который в 1228 г. скончался, приняв схиму, и погребен в сей церкви. На месте оной еще в XVI веке стояла каменная Воздвиженская церковь. Но теперь не осталось и ее следов.

Так на старом Киеве неизвестны места многих церквей, многих дворов княжеских и боярских, о которых говорят наши древние летописи и положение которых можно определять только гадательно. А между тем на Старом городе нет места, кажется, где бы на известной глубине не было следов и обломков долговечного на нем жилья.

Проходя по старому Киеву и вспоминая минувшее, невольно говоришь себе: здесь была колыбель русской жизни, где развилась и процвела она с такой богатырской силой и где просияла она светом христианства... Теперь — здесь великое кладбище древней русской жизни, в концах коего Софийский и Михай-

* Часть сих развалин была раскрываема в 1838 г. Ставровским, от комитета изыскания Киевских древностей. Образок, золотые перстни и другие вещи, там найденные, хранятся в Музее древностей, существующем при университете св. Владимира; а подробное известие о сем помещено в «Ж. М. Н. Пр.» 1839. Кн. 3. Впрочем не все единогласно признают сии развалины за остаток Федоровского монастыря. В краткой записке о Михайловском монастыре, составленной в 1785 г. для императрицы Екатерины великой, остаткам Федоровского монастыря названо каменное основание какой-то древней церкви, находившейся на восток или точнее сказать на северо-восток от Михайловской церкви, которое и действительно существует там, в архиерейском саду.

ловский храмы возвышаются над всем новым, как два величественные памятника, тою же древней жизнью воздвигнутые, во свидетельство о себе позднейшему потомству!...

6. Университет св. Владимира

Проходя от Софийского собора через Золотые врата, выходишь на поле, простирающееся до речки Лыбеди. От Золотых врат ведет новая дорога к величественному зданию, которое готовится для Университета св. Владимира.

Торжественное открытие университета происходило 1834 года, 15 июля — в день, посвященный памяти равноапостольного *Просветителя* России.

Заложение здания совершено 1837 года 31 июля. В его основание, освященное киевским митрополитом Филаретом, положена платиновая медаль, на которой изображены: с одной стороны — портрет Августейшего основателя сего храма наук; а с другой — Крест в сиянии, с надписью кругом: «*во свете Твоем узрим свет*».

Университетское здание возвышается еще одинокое, посреди широкого поля, и причисляется к старому Киеву; но скоро вокруг него возникнет новая часть города, которую по справедливости можно назвать *Новым Киевом.*

1839 г.

К сему обозрению прилагается *чертеж* старого Киева в древнем его виде, с теми только подробностями, для которых имеем достоверные или вероятные основания; остальные подробности, напр. княжеские и боярские дворы, упоминаемые в летописях, могут быть означены предположительно, по личному усмотрению каждого.

ОБ УЧАСТИИ И ЗНАЧЕНИИ КИЕВА В ОБЩЕЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Речь в торжественном собрании Императорского Университета св. Владимира 2 октября 1837 года, произнесенная профессором Русской Словесности Михаилом Максимовичем.

> И рече (Андрей) к сущим с ним ученикам: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божья, имать град велик быть, и церкви многи Бог воздвигнути имать!» Вшед на горы сия, благослови я, постави крест...
>
> *Нестор.*

Среди множества городов обширной Русской империи — Киев, Москва и Петербург возвышаются как три великие памятника трех великих периодов русской жизни. Это три средоточия, из которых русская жизнь, в свое древнее, среднее и новое время, развивалась особенно, но всегда с одинаковой, могучей и широкой силой; три исполинские ступени, по коим Россия, с помощью Божьей, взошла на настоящую высоту своего величия.

Три города сии, быв стольными городами нашего отечества, служили ему источником тех великих, незыблемых начал, из которых постепенно слагалась одна общая, целая жизнь его. И если представитель нашей древней истории есть св. равноапостольный князь Владимир, *просветитель* России,— если в средние времена народ русской возвеличил Иоанна III[1] *собирателем отечества*, а новая жизнь России раскрывала собой мысль преобразователя своего — великого Петра[2], то можно сказать, что Киев есть памятник русского православия, Москва — памятник русской народной самобытности, а Петербург — русского самодержавия.

Петербург, составляя ныне престол русского самодержавия, есть и представитель той гражданственности и просвещения, коими Россия со времени великого Петра уравнивалась с просвещенным западом и соделалась империей европейской.

Но Москва не перестала от того быть средоточием той собственно русской народности и самобытности, которые она воспитала в средний период жизни для царства московского и на которых утверждалось в ней самодержавие всей России, со времен великого Иоанна.

А Киев и поныне есть главное место русской святыни, и для целой России не утратил того церковного величия, которое составило первую основу всего величия русского, из которого развилась, которым спаслась и утвердилась народная самобытность Руси православной.

В Киев не спешит Россия со своими гражданскими целями, и не движется она здесь тем непрестанным движением, с которым она в Петровом граде так быстро, непрестанно стремится и делом, и мыслью к будущему своему величию, вслед за державным исполином-всадником.

В Киеве русское сердце не порадуется тем полным биением своенародной жизни, которая в настоящей полноте своей разливается в Москве белокаменной; и в великом Кремле ее — среди священных соборов, у подножия Ивана великого, у Красного крыльца и Грановитой палаты, — и на Красной площади — близ Минина и Пожарского, в шумных рядах — куда стекается и где кипит русская промышленность и русское довольство во всей народной, яркой пестроте своей.

Но зато, никуда кроме Киева не притекает Россия от востока и запада, от севера и полудня своего, для молитвы и святых воспоминаний. Целые тысячи русских, отложив житейское попечение, идут набожно поклониться первым праведникам — святым угодникам Печерским и святой главе равноапостольного просветителя России; идут побывать на тех *святых местах*, откуда идет русская земля,— у той величественной реки, где приняла она святое крещение — на тех горах и удольях, где раскрывалась богатырская юность ее, и где древняя жизнь Руси оставила нам нетленные мощи первых поборников нашего православия, да живое слово предания — в завет будущего своего величия... И нигде так живо не чувствуешь древнего величия Руси, как в Киеве, глядя на его святые храмы и высоты прекрасные.

Источник нашей древней жизни, Киев есть и главное место живейших об ней воспоминаний, главный хранитель нашего прошедшего.

Да позволено же мне будет — торжественному собранию сему в новом храме наук, посвятить воспоминания и мысли мои об участии и значении Киева в общей жизни России.

Не дивное ли самое начало Киева?..

По преданию церкви, освященному тысячелетним верованием русских и согласному со свидетельством историческим о проповедании Андрея Первозванного в странах днепровских,— святой апостол благословил горы Киевские, и водрузил крест, и предрек: «Яко на сих горах возсияет благодать

Божия,— имать град велик быть, и церкви многи Бог воздвигнути имать».

И так, первым началом Киева был крест Первозванного апостола, в первый век христианства; а его благословение горам было верным залогом священного величия сей матери городов русских.

И создался город Киев, в неизвестное для истории время, князем словен днепровских. Но исполнить пророчество апостола суждено было руссам.

Через восемь веков, варяжский князь Рюрик идет на княжение к словенам новгородским, в числе дружины своей ведет он Русь от Балтийского моря; а в Царьгороде, в то же время, готовится уже словенский перевод священных книг, в котором руссам суждено было найти источник всего просвещения своего — и веры, и грамоты, и языка величавого, и которого дальнейшее распространение и усовершенствование предоставлено было России. Через два года, с Аскольдом и Диром Русь переходит из Новгорода к словенам днепровским, водворяется в Киеве, со славой утверждает здесь свое имя, и здесь полагается начало Русской земли*. Через два года, эти русские князья Киева, по обычаю варяжскому, идут с Русью в Царьгород за добычей, и возвращаются в Киев с бесценным сокровищем веры Христовой, дарованной им грозным и вместе благотворным действием святой Богоматери, покровительницы Киева; и от патриархов цареградских они принимают уже себе священнослужителей, и знаменитый первосвященник восточной церкви хвалится обращением Руси...

Вот зарождение Русской земли в Киеве, с самого начала своего уже христианской; и могила первого русского князя в Киеве — была страдальческая могила христианина (могила Аскольдова)!

Вещий Олег, сделавшись русским князем, усвояет Киеву владения Рюрика, водворяет его княжеский род на Киевском престоле, нарекает Киев *матерью русских городов*, и новыми завоеваниями распространяет Русскую землю, возвеличивает ее имя.

Быстро потом прибывает русская сила и далеко расширяет пределы свои Русская земля, при князьях своих Святославе и Владимире. Во сто лет юго-восток Европы был уже под сильной рукой русского князя. Своим именем воинственные руссы уже положили неизгладимую печать первоначального единства на восточных словен, а своей отвагой победоносно они возбудили в них ратный дух и обновили их жизнь.

Но между тем как росла так быстро сила Руси из стольного

---

* Что Русская земля началась и распространилась *из Киева* и что руссы были варяги или норманны племени словенского, а не скандинавского и не финского, о том мои исследования и мысли изложил я в особом сочинении: *Откуда идет Русская земля*. К., 1837.

Киева и на стенах Царяграда оставался щит Олега, на благословенных горах Киевских утверждался щит веры православной. Игорь опустошает азиатские берега Черного моря; воинственный Святослав воюет Козарию, Тмуторокань, подножие Кавказа и Болгарию дунайскую: а мудрая Ольга приемлет крещение в Царьгороде, учит крещению в Киеве, и на русском небосклоне является предтекущая христианству нашему, как денница пред солнцем и как заря пред светом.

И этот свет настает скоро — с нашим *Солнцем-Владимиром.* С ним воссияла благодать Божья на горах Киевских, озарила ею Русскую землю, и стольный Киев вскоре возвеличился дивным благолепием храмов Божьих и соделался источником новой, внутренней жизни для Руси.

Самое цветущее и славное состояние Киева было от св. Владимира I до кончины Владимира II Мономаха.

В эти великие времена русской жизни в Киеве процвело наше православие и совершило собой внутреннее преобразование русского духа, и положило начало внутреннего единства Руси, первое начало ее грядущего величия. Совершающееся в нем преобразование духа и жизни русской Киев распространял и на другие части России — на Новгород и Полоцк, на Суздаль и Галич: все они созидались по его образцу; для всех их Киев был рассадником и веры, и законов, и грамоты, и языка книжного; от него заимствовали они и князей своих и служителей церкви; от него восприяли они и кровь, и имя, и дух русский.

Но когда Киев начал это внутреннее развитие и распространение новой жизни по России, в ней господствовал уже удельный образ правления.

Между потомками Владимира делятся владения Руси, как родовое наследие: начинается разновластие и междоусобная борьба уделов. Вообще Владимир второй мирит князей, укрепляет за собой престол Киевский: Мономах был последний единовластник древней Руси, а с ним кончилось и державное величие Киева!

Из Киева развиваются многие сильные княжества русские; но в нем самом мало по малу убывает великокняжеская сила, а с ней кончается и первоначальная целость России.

Новые княжества русские опять дробятся на мельчайшие, так, что пред нашествием татарским было уже до 70 особых княжеств русских. Такой образ удельного правления сокрушил первоначальное, внешнее единство России, созданное силой Киева; но этот образ господства послужил Киеву средством к преобразованию России в то внутреннее единство жизни, на котором должно было утверждаться все грядущее величие Руси;— и в постепенном развитии русской жизни период уделов был необходимой ступенью.

Надо же было истощиться этому варяжскому образу княжеского господства, и притом самому собой; ибо силой господства сего и создалась первоначальная целость и огромность России. Надо было России собственным кровавым опытом удельного разновластия дойти до единодержавия, и долгим трудным путем дробного развития жизни и частной самобытности перейти к общей самобытности народной, и достичь наконец до того полного единства и стройной целости своей, о которых уже вещий Боян[3], поминая первые времена междоусобий Русской земли, говорил: тяжко тебе голова без плечь, горе тебе телу без головы! Да и мог ли древний Киев эту страшную громаду разнородных племен, так быстро его внешней силой соединенных, преобразить внутренним единством своей новой жизни, если б не дал развиваться ей самостоятельно и созревать постепенно по участкам неустроенного мира?

И вот Русская земля дробится на уделы между сынами Владимира; Киев рассевает в них свою новую жизнь, свою русскую силу: и в каждом из них растет она самостоятельно; и с княжеской кровью Владимира разливается и напечатлевается повсюду одна вера, а с ней и один язык, одинакий образ мысли и жизни. Князья междоусобствуют, страсти кипят: но среди этой внешней борьбы удельных князей происходит в народе и внутренняя борьба одной новой жизни с прежним ее разнообразием. Эта борьба полагает печать живого единства внутреннего, которое возрастало в русском народе по мере того, как внешнее единство древней Руси распадалось. Потому-то в период уделов, несмотря на междоусобия князей, в Русской земле утвердилось православие, созидались новые города, великолепные храмы Божьи и святые обители; были великие деятели на поприще веры и общественного блага; были славные писатели и песнотворцы,— и вообще древняя Русь ознаменовала себя самыми счастливыми начатками просвещения, какими и запад современный не во всем похвалиться может. Не во времена ли первого разновластия и в самом Киеве создалась святая Лавра, и процвел сей великий вертоград духовного просвещения древней Руси,— и великий создатель его, преемник Антония, преподобный Феодосий, явил себя величайшим поборником православия и просвещения, и мира общественного?..

Период уделов России был веком рыцарства ее, в котором столько же было мрачного и кровавого, сколько светлого и живоносного. Любовь к Русской земле и ее славе сильно развилась в эти первые века нашего христианства; ратный дух усилился враждой на поганых и возвысился понятием чести. «Искать себе чести, а князю славы» было девизом русского воина. «Лучше быть изрублену, чем быть полонену» — взывали

удельные князья к своим дружинам,— «брань славна лучше мира студна» — говорили самые иноки летописатели.

И вот уже Киев, рассеяв русскую силу свою по всем участкам Русской земли, между потомками своего великого князя, сам остался только с именем *великого*. Но это имя звучит прадедовской славой для русских; но *золотой* престол Киевский неодолимо влечет к себе русских князей, и за общее для них его имя, они жертвуют часто своим удельным, верным достоянием.

Но вот уже и имени великого княжества лишается Киев: в северо-восточной Руси оно усвоено Суздалю, на юго-западе русском — Галичу. Но и тогда Киев был велик для народа своим величием церковным; и один он еще хранил единство преобразованной им Руси и был средоточием обширного ее круга: это единство было церковное, единство православия, коего он был главой и по власти своего митрополита *всей Руси*. То была последняя власть древнего Киева над Русью, с которой оставался он и тогда, когда мирскую власть его давно уже поделили между собой потомки Владимира. То единство Руси было первое, которое не рушилось и тогда, как с нашествием татар все на Руси пришло в смешение, и русские князья падали пред несметной силой ханской. Тогда пало и церковное великолепие древнего Киева, и он из багряницы облекся во вретище.

Внук Чингисханов Мангу, посланный Батыем осмотреть Киев, был поражен, увидев из-за Днепра великолепие, которым сияли высоты его, и предложил ему покориться Батыю. Но князь Михаил[4] с презрением отверг гордыню сильного, побил послов татарских и удалился в Венгрию. Киевляне с боярином Димитрием отчаянно защищались, когда нагрянули черные тучи Батыевы; с бою выдали они Киев, и великий город разрушен был до основания, и храбрые русичи погибли со своим митрополитом под саблями поганых (1240).

От стольного Киева остались в обгорелых стенах Софийского собора гробница Ярослава, развалины золотых врат его, да юго-западный придел Десятинной церкви над священными останками своего великого строителя. От святой обители Печерской, дивным великолепием украшенной, уцелели одни нетленные останки русских праведников, да малый придел церкви, куда, на протяжный звон благовеста, сходились к церковному служению благочестивые иноки, укрывшиеся в окружных лесах и вертепах.

Вот что осталось в великом Киеве от древней жизни его! И когда Михаил, напрасно искавший помощи у князей, воротился из Венгрии, тогда престолом ему был днепровский остров перед развалинами Киева, и он принял мученический венец в орде, спасая уже только православие души своей. «*Христианин есмь*»

было последнее слово последнего князя Киевского и Черниговского. В этом слове заключается все значение древнего Киева в общей жизни России...

Тяжкая мгла татарского ига налегла на Русскую землю. Но свет и во тьме светит!

Светильником Руси был новопоставленный в Никее (1250) митрополит Киевский Кирилл[5]. Найдя Киев в развалинах, он перенес кафедру свою во Владимир, в великокняжескую столицу северо-восточной Руси. С его прибытием туда повеял новый дух жизни в отечестве нашем. Примиряя и напутствуя князей, возобновляя и умножая церкви, исправляя церковные уставы и духовенство, сей великий пастырь всей Руси ревновал о восстановлении и утверждении в народе православия в его апостольской чистоте, которая (по словам его) у нас омрачена была облаком мудрости еллинского языка, и в падшей Греции, завладенной Римом, была возмущена чрезвычайно, особенно в то время.

Живым обновлением православия в жизни народа он ложил твердое начало обновления народной жизни, и у самих татар снискал уважение к нашей вере и духовенству нашему, и учредил особую епископию в столице преемника Батыева.

Россия, несчастливая тяготевшим над ней игом и раздорами своих удельных князей, счастлива была служителями церкви своей, которые были посланниками самого неба ко благу отечества. Своим деятельным православием они обновили и утвердили народность русскую и привели ее к самобытности. Не святые ли митрополиты Петр и Алексий были защитниками Руси в Орде? Не Алексий ли, быв главным деятелем Руси, удержал великое княжество за Димитрием и уготовил ему битву с татарами? Не святый ли Сергий чудотворец благословил Димитрия Донского[6] на первую победу над татарами, вооружив его *нетленным оружием* креста и двумя иноками-оруженосцами? Не Вассиан ли силой своего слова подвиг Иоанна на роковую битву с татарами, которой решена была самобытность великой России?..

Быть сердцем великой России, средоточием ее нового бытия и величия, провидение судило Москве.

Величие Москвы создалось на краеугольном камне православия. С самого начала своего великокняжества, она стала митрополией Всероссийской церкви и наследовала от Киева ту церковную власть, по которой принадлежали ей все разрозненные части древнего русского мира, по которой она с самого начала своего уже была средоточием духовного единства всей Руси.

Мирскую власть свою Москва стяжала постепенно, и уже не

одной силой отваги, как древний Киев, но и силой мысли. Медленно собирала она раздробленную и подавленную Русь: но зато прочное и стройное дала ей единство, на незыблемом основании единства духовного.

Москва, соделавшись великим княжеством, собственной силой освободилась из-под ига татарского; отдельное слабое бытие северо-восточных княжеств постепенно соединила она в одно самобытное, сильное Русское царство, и удельную власть князей слила в одну власть царя. Таким образом утвердилась в ней народная самобытность, а вместе с самобытностью и единодержавие великой Руси.

Народная самобытность и единодержавие явились к ней как два живые начала одного цельного бытия: они были достоянием и следствием вековой жизни России, проистекли из общего внутреннего единства и развились совместно. Первым шагом Руси к народной самобытности была победа Донского, и он положил первое начало единодержавия. Иоанн великий довершил освобождение и самостоятельность России и был первым русским царем и утвердителем единодержавия. Северо-восточная Русь была первой жертвой силы татарской, и первая восстановилась самобытной через свое православие и потому в своем народе назвалась *святой Русью.*

Но возвратимся к Киеву. Между тем как митрополиты киевские действовали во благо на северо-востоке ее и создавалась Москва,— Киев находился 80 лет под управлением татарских воевод и оставался в развалинах; а в лесах Черной Руси возникла Литва и незадолго перед тем, как усилившаяся Москва стала великим княжеством, Литовский князь Гедимин, завладев северо-западом русским, образовал из него другое великое княжество *Литовское* и, умножая свои завоевания — вызволил Киев от татар (1320) — и Киевское княжество стало уделом великого княжества Литовского.

Вслед за тем великое княжество Галицкое, долее всех сохранявшее свою самобытность и присвоявшее себе Киев, было соединено с Польшей и обращено в *Русское воеводство* (1340).

Таким образом прежние княжества русские сосредоточились в двух новых великих княжествах: Московском и Литовском, и вся древняя Русь разделилась на две половины — *западную и восточную*, которые доканчивали между собой прежнюю удельную борьбу, но были соединены единством церкви.

Киев доживал свое ветхое княжество. Управляемый литовскими наместниками греко-российской веры и наместниками митрополитов Московских, именовавшихся Киевскими,— он хранил свое православие и сберегал предания и драгоценные останки святой старины своей. В Литве, большую часть коей

составляли русские, также господствовала восточная вера и язык русский. Литовские князья у болгарского патриарха испрашивали себе особых митрополитов; но киевляне не принимали их, и Киев с Галичем не отделялся от митрополии Московской.

Князь Ягайло[7], приняв с рукой Ядвиги и корону Польши, некрещенных еще литовцев обратил в латинскую веру, требовал обращения в нее и от литовских руссов и хотел соединить Литовское княжество с Польшей. Но Литовские руссы своим князем признали воинственного Витовта и он — стесняя Москву, воюя татар, овладел большей частью древней Руси и увеличил ею Литовское княжество; а для большей самобытности его и отдельности от Москвы, он заставил западнорусских епископов посвятить особого митрополита Киевского.

Таким образом произошло первое разделение всероссийской митрополии. Киев становится средоточием духовного единства для всей западной Руси. Последний великокняжеский наместник Киева, благочестивый кн. Симеон, обновил уже святую лавру (1470). Но со смертью его кончилось и княжество Киева: Казимир, подобно Ягайлу, принявший корону польскую, Киевское княжество обратил в *воеводство* (1471), в то время, как Москва становилась на степень самобытного царства. Взамен княжества Казимир утвердил окончательно отдельность Киевской митрополии от Московской; но митрополиты киевские жили в Литве; киевские воеводы были католики; латинская вера постепенно усиливалась в западной Руси и православие лишалось своих прав, по мере сближения Литовского княжества с Польшей, которое и довершилось при Сигизмунде Августе (1569). Кроме того, едва обновленный Киев опять разграблен был Менглигиреем (1482) и с той поры Малороссия вновь была опустошаема набегами крымских татар в продолжение нескольких десятилетий.

Но в это тяжкое время на защиту Киева и Украины является казачество.

Уже давно южные руссы образовали воинское братство на островах днепровских в Запорожье, где положил свою голову воинственный Святослав, вещавший некогда к дружине своей: «Не посрамим земли русския, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имуть!»

Не снося чуждого ига, дыша славой предков, они роились в темных лесах и привольных степях днепровских. Там широко развивалася их буйная воля и отвага воинская. Но главным условием казацкого братства была вера православная и старая вражда на поганых. И грозны были для татар и турков казацкие набеги и на суше, и по Черному морю, которое знакомо было сынам южной Руси уже издревле, со времен Оскольда и Олега. Запорожцы порывались пристать к Москве и обращались к

Иоанну III; но тогда не была еще пора их соединения и Запорожье было далеко от тогдашних пределов великой Руси.

Набеги татарские на Киев усиливают в них вражду на поганых, и казачество с XVI века разрастается по Украине, и народность Украины обновляется. Славный Баторий видит всю важность казачества и для Польши, и дает ему права и воинско-гражданственное устройство в Украине, и ставит воеводство Киевское при Польше отдельным от княжества Литовского. И вот первый, важный шаг южной Руси к самобытности народной!

А между тем росла и возвышалась государственная самобытность и сила Великой России. Православие процветало в ее недрах; оно осталось неприкосновенным и уваженным от татар, и отвергло многократные покушения Рима, не покидавшего своих намерений привлечь Россию под власть папскую. Сильно уже потрясена была эта власть реформацией и в самой Польше; но тем с большим усилием домогалась она присоединить к себе Россию. Главными орудиями сей мысли стали иезуиты; они усилились в Польше и завладели ее политикой. Иезуит Антоний[8], оказав услуги Иоанну Грозному[9], просил за то публичного прения о вере. Здравым разумом московского царя была опровержена хитрость ума иезуита, который после того устремил уже свои виды на Киев. Православная церковь великой России осталась непоколебимой; и при набожном Федоре[10], последнем потомке святого Владимира на престоле московском, достигла полной самобытности установлением Московского патриаршего престола (1589).

Тогда усилия иезуитов обратились на западную Русь и средством присоединения оной под власть папскую была Уния[11]. Для привлечения к ней истощены были все меры — к соблазну слабых, к ожесточению твердых. Тут не было уже и тени той веротерпимости, которой отличалась всегда Россия,— и Сигизмунд III обезславил себя слепым доверием и покровительством иезуитству и открытым гонением на христиан, непризнававших над собой власти папской. Обращение в Унию сопряжено было с ужасным насилием. Униатам были предоставлены все мирские и общественные выгоды и все покровительство; а православные были поражены в самых святых своих отношениях*. И в сию-то печальную годину искушения, когда Уния производила разделение между православными западной Руси и овладевала ими в Литве,— пробудившийся Киев является великим поборником православия...

Воевода киевский, знаменитый князь Острожский Константин, потомок великого Владимира, был величайшим ревнителем

---

* Подробно о том изложено в сочинении Бантыша-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше Унии». М., 1805.

православия и распространителем просвещения в южной России. Ему первому обязана она учреждением училищ и книгопечатания; ему обязаны все православные за первопечатное издание полной Библии словенской: и он первый восстал на сейме против Унии и писал красноречивые *окружные увещания* к литовским и волынским церквам о пребывании неотлучно в православии.

С другой стороны за свою веру ополчилось на Унию казачество. Заслуги Польше сего народного рыцарства умел ценить Баторий[12] и забыл Сигизмунд, отнял права, заслуженные у Батория казаками, объявил их еретиками (схизматиками), и ужасная казнь постигла их храброго вождя Наливайка за восстание.

Новый запорожский гетман Петр Конашевич-Сагайдачный новыми подвигами для Польши укрощает на время угнетения на Украине,— и упрашивает Цареградского патриарха постановить православного митрополита в Киеве (ибо, со времени Унии, православная паства западной Руси 25 лет сиротела без пастыря). Ревнуя о православии, Сагайдачный оставляет гетманскую булаву и братство казацкое, записывается в братство Киевское, всем достоянием своим жертвует в пользу монастыря и училища и пишет *драгоценное* сочинение против Унии.

Киевское братство, между тем, становится рассадником духовного просвещения: воспитанниками его Богоявленской школы наполняется казачество.

Стараниями Плетенецкого обновляется св. Лавра, возвращает свои права, начинает книгопечатание и духовенство киевское, вооружась богословием, опровергает своими сочинениями печатные клеветы иезуитов на православие и словом проповеди своей распространяется оное в народе.

В Печерскую Лавру является сын молдавского князя, обучавшийся в Париже и с честью служивший в польской военной службе; на 28 году своей жизни он постригается в лаврские монахи и скоро становится архимандритом и митрополитом киевским. Это был Петр Могила, величайший деятель на защиту православия и распространения духовного просвещения. Отобрав Софийский собор у униатов, он восстанавливает в нем митрополичью кафедру; обновляет Десятинную церковь и из-под развалин ее переносит в Лавру святую главу просветителя России; восстановляет и умножает церкви; а для исправления церковных правил, догматов и книг, намеренно порченных униатами, он открывает Киевский собор (1640). В числе многих сочинений своих он составляет *православное исповедание веры*, которое поныне служит главной книгой вероучения и имеет достоинство вселенское (ибо, одобренное всеми патриархами восточной церкви, оно распространилось по востоку и по Европе в переводах на греческий, латинский и немецкий языки). Сверх того сей *старший брат и защитник Киево-Братской школы*

обогатил ее средствами, возвысил ее на степень академии и в завещании своем назвал *единственным своим залогом.*

Казачество со своей стороны, при новых насилиях православию, продолжало из Запорожья свои крестовые походы за восточную церковь, за Богоспасаемый град Киев и святую Лавру. Защита веры обращается в защиту Украины и кровавый ряд их походов заключается блестящими подвигами гетмана Хмельницкого. Освобождением Украины восстановил он народную ее самобытность и в народе своем заслужил великое имя *Богдана*, которым Киевское духовенство приветствовало его первые победы (1649).

В 1654 году великий Богдан присоединил Малороссию к Великой России, коей царь, еще прежде принявший титул *обладателя всех северных стран, дедича и отчича*, соединил с Москвой Белоруссию. Таким образом совершилось первоначальное слияние в одну государственную самобытность и целость трех надолго разорванных частей Руси и московский царь соделался *царем Великой, Малой и Белой России.*

Но западная Русь в отношении церковном подлежала еще патриарху Цареградскому, гетман Самойлович[13] соглашает его уступить Киевскую митрополию патриарху Московскому. Таким образом (1686) восстановилось и церковное единство православной Руси, коей полное единство утвердил великий Петр своим самодержавием и преобразовал ее в великую империю.

Но еще и до соединения с Москвой Киев доставлял ей средства к просвещению. Когда славный патриарх Никон[14] предпринимал обновление православной церкви в Великой России, не из Киева ли был вызван Епифаний Славинецкий, *муж мудрости внешния и духовныя исполненный*, который начальствовал над ученым братством переводчиков, составленным в Москве из киевских же монахов; не он ли первый Московскую церковь огласил собственной, изустной проповедью?..

Так много действовал Киев для православия и духовного просвещения русского; так много принимал он участия в общей жизни России и в средний период!

Когда великий Петр, постигавший великое предназначение России, насаждал в ней новоевропейское просвещение и своими преобразованиями начинал новый период ее жизни,— не из Киева ли были первые сподвижники его и ревнители православной церкви нашей — святой Димитрий Ростовский и Стефан Яворский, который был блюстителем патриаршего престола, первым президентом святейшего Синода и своим *Камнем веры* отразил новую грозу противу православия? Не здесь ли потом — победитель Карла XII[15] нашел этого красноречивого, разумного,

многоученого Феофана, главного сотрудника своего, первого своего историка и прославителя живым словом проповеди, возбудившим в народе живое сочувствие к великим делам и мыслям Петровым? Не отсюда лы были — и четвертый проповедник века Петрова,— Гавриил Бужинский[16], и духовно-глубокомысленный Иоанн Максимович[17], и эти славные страдальцы за православие — Феофилакт Лопатинский[18], архиепископ Амвросий и Георгий Конисский?[19]..

Не академия ли Киевская была для целой России главным рассадником просвещения в первую половину прошедшего века? В ней учился и отец новой словесности нашей, всеобъемлющий Ломоносов[20], по мысли коего, в блистательный век Елисаветы[21], учрежден Московский университет[22], соделавшийся главным средоточием и главным рассадником народного просвещения целой России.

После того академия Киевская служила главным местом духовного просвещения уже собственно для южной России и преобразованная при благословенном Александре (1819) не перестает быть полна глубиною мысли и знания духовного и процветает силой и красотой христианского слова.

Столь велико было участие Киева и в новой жизни России!..

Старый Киев есть памятник его первобытного, священного величия при Владимире равноапостольном и Ярославе *благовластном.* Святая Лавра Печерская есть памятник благочестия и духовного просвещения России в древние времена, среди междоусобий княжеских, а вместе с тем она есть и святая колыбель нашей истории.

Духовная академия с братством есть памятник того духовного просвещения, которым спасаемо было православие от притеснений запада в средний период русской жизни,— важнейший памятник умственной жизни Киева в эти бурные и бедственные для него времена.

Киев с твердостью христианина перенес все лишения и все беды, которые небо посылало ему в испытание, и нашел опять успокоение и благоденствие в общей жизни с Россией. Все благолепие и богатство храмов, которым ныне сияют священные высоты его, все его внутреннее довольство — ими обновился Киев, находясь уже под державой России,— ими Россия возлелеяла свою древнюю матерь и возблагодарила ее за тот духовный свет жизни, которым так много от нее озарялась.

Киев воспринял новое бытие из общего источника благоденствия России. Та полнота гражданственной жизни и просвещения, коими Россия возвышалась в новом периоде своего бытия, сообщалась и Киеву, и он, возрастая постепенно в своем внутреннем благосостоянии, получает непрестанно и новые средства содействовать благоденствию того края, коего судьба всегда была теснейшим образом сопряжена с его судьбой.

В славный век Екатерины великой,[23] ознаменованный для русского просвещения первым распространением в России народных гражданских училищ, положено начало гражданского народного образования и в Киеве.

При Александре Благословенном, Киев был уже предназначен к учреждению высшего учебного заведения, коего не доставало еще для сего края. В 1809 году здесь открыта гимназия, которая, по уважению к отличному подвигу киевского дворянства в пользу народного просвещения, возвышена была (1811) и в круге учения, и в правах перед прочими гимназиями и переведена в древний Кловский дворец.

Наконец под державой Николая первого, Россия спознала всю полноту своего внутреннего и внешнего величия, и обратилась к своенародному и стройному его развитию во всех отраслях жизни,— по собственной мысли и в собственных видах.

Постановив воспитание важнейшим государственным делом, наш возлюбленный государь постиг, что оно должно быть в полной мере *отечественное*, *истинно народное*: и под его благотворной десницей воспитание и просвещение русское восприяло новую жизнь во всех странах великой империи.

Утвержденное на незыблемом и верном основании, оно приемлет вид одной общей и стройной системы, столь согласной с истинным, настоящим благом и дальнейшим величием нашего отечества. И быстро оно развивается и совершенствуется, непрестанно получая от правительства все возможные к тому средства,— имея в исполнителе воли и мысли монаршей мужа славного в ученом мире своим просвещением и трудами учеными, неутомимого в деятельности государственной,— находя в его сподвижниках полное сочувствие и усердие.

При таком общем преобразовании и усовершенствовании русского воспитания и просвещения, благостию царя нашего учрежден новый русский университет в Киеве «в память великого просветителя России» — и уже воздвигается величественное здание для сего храма наук, как новый памятник обновленной жизни Киева и той страны, коей средоточием был он и в древнее, и в среднее время,— как новый и великий знак любви царя к своему народу. Да будет же он и новым алтарем народной благодарности к благотворным его попечениям!

Святая вера да будет общим основанием всего просвещения нашего — умственного и сердечного, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся заветные слова, кои начертаны вокруг креста, положенного в основание нашего университета: *во свете Твоем узрим свет*!

О МЕСТЕ КИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. АНДРЕЯ

Как только задумаешь говорить о Киеве в отношении церковном, невольно обращаешься мыслью к древнему преданию о св. апостоле Андрее: «Ушед на горы сии, благослови я, постави крест, и, помолився Богу, и слез с горы сея, идеже после же бысть Киев».

На каком же именно месте Старокиевской горы поставлен был крест св. Андреем? Об этом, кажется мне, не было уже предания у киевлян одиннадцатого века; а если б оно было, преподобный Нестор не преминул бы упомянуть о нем, по своей особенной любви к обозначению местностей. А ему представлялся удобный для того случай в летописи под 1086 годом, где он писал: «В лето 6594, Всеволод заложи *церковь святого Андрея*, при Иване преподобном митрополите: сотвори у церкви тоя монастырь, в нем же постризеся дщи его девою, именем Янька»... Тут Нестор непременно упомянул бы о месте поставления креста св. апостолом, если бы оно было известно тогда по преданию, и если бы *на том месте* поставлена была князем Всеволодом церковь во имя св. Андрея.

И так, из Несторова сказания видно только то, что св. апостол Андрей молился и водрузил крест на той наддне-провской горе, где впоследствии возник первоначальный град Киев.

Бытие помянутого *Яньчина* монастыря видно по летописям до самого нашествия Батыева; но нигде не упомянуто о нем так, чтобы можно было усмотреть его местоположение, а в позднейшие века и совсем о том не упоминается. При такой неизвестности о месте этого монастыря, оно на чертеже древнего Киева назначается гадательно согласно с тем соображением Иринея Фальковского, что этот монастырь был в «недальнем расстоянии

от Десятинной церкви» (см. *Киевский Месяцеслов* на лето 1799). Того же мнения был и Берлинский*. Так принимает и г. Закревский**.

Новейший описатель нынешней церкви св. Андрея Первозванного (см. *Киевский народный календарь* на 1866 год) справедливо замечает, что «в настоящее время даже трудно указать место, где была Андреевская обитель». Несмотря на то, он говорит, что эта древняя обитель была основана Всеволодом «*на том месте*, где св. апостол поставил крест», и что церковь Крестовоздвиженскую князь Мстислав Романович (т. е. не Романович, а Мстиславич) поставил — «*несколько ниже*»!

Киевляне, жившие после нашествия татарского, дорожа древним преданием о св. апостоле Андрее, желали определить себе то место, на котором поставлен был им крест, как заветное начало первопрестольного города Киева; и они признали его на том северо-восточном конце Старокиевской горы, на котором около ста лет уже красуется Елисаветинская церковь св. Андрея Первозванного: это мнение стародавних киевлян обратилось для нас в вековое предание и его охотно признаешь, взойдя на ту прекрасную высоту наддиепровскую.

Положение этого места определялось в первой половине XVII века двумя древними церквами, еще бывшими здесь в ту пору, а именно: *Симеоновской* и *Крестовоздвиженской*.

Указание на Симеоновскую церковь сохранилось в житии св. Владимира, помещенном в Пчеле, известной по списку, сделанному в Крупичь-поле 1679 года***. Там о св. Андрее Первозванном сказано: «пришедши на горы Киевские, благословив их, и крест святый на них, *где теперь церковь св. Симеона стоит*, поставил». Из Тератургимы Афанасия Кальнофойского, изданной в Киеве 1638 года, видно, что в то время, в числе шести Старокиевских церквей, стояла еще церковь св. Симеона «*над самим Киевом*» (т. е. Подолом). «От них (т. е. от Старокиевских церквей),— говорит Кальнофойский,— *воротами*, мимо замка, на высокой горе воздвигнутого, сходит дорога до плачевного *Киева (Подола)*, ныне едва ли достойного называться именем прежнего Киева». Тут разумеется *Андреевский* взвоз, идущий на Подол мимо горы Кисилевки, на которой стоял Киевский замок.

Имея в виду эти современные указания Пчелы и Тератургимы на церковь св. Симеона, я полагаю несомненно, что она стояла на том самом конце старого Киева, на котором ныне возвышается церковь Андреевская. Это подтверждается и упо-

---

* См. его *Описание Киева*. 1820.

** См. его *Летопись и Описание города Киева*. 1858.

*** См. в книге Бодянского *О времени происхождения славянских письмен*. 1855 г. Примечание 109.

минаниями древней Киевской летописи о церкви и монастыре св. Симеона. Так под 1147 годом, где описано убиение князя Игоря Ольговича, сказано, что 19 сентября тело его отвезено было «*на Подолье*, на торговище» и там положено в церкви св. Михаила (в божнице Новгородской); а на рассвете другого дня митрополит послал туда Федоровского игумена Онанью — «и отпе над ним обычные песни, везе на *конец града в монастырь святому Семеону*, бе бо монастырь отца его и деда его Святослава,— тамо положиша».

Этот конец града и горы Старокиевской назывался в позднейшие века *Вздыхальною* или *Вздыхальницею*, а в древние времена *Копыревым концем*: он составлял тогда предместье или предгородье древнего города Киева, называемого нередко в летописаньи и просто, *горою*, по отношению к *Подолью*. Это видно из нескольких мест Киевской летописи[1]. Например, под 1140 годом; «пойде Всеволод Ольгович из Вышегорода к Кыеву, и пришед ста *у города в Копыреве конци* и нача зажигати дворы, иже суть *пред городом в Копыреве конци*».

Под 1150 годом: «В то же время Святослав Ольгович перенесе мощи брата своего Игоря, *от святого Семеона из Копырева конця*, в Чернигов».

Под 1162 годом: «И взем и (*Изяслава*) Мстислав ле жива, после в монастырь *к святому Семеону, еже есть в Копыреви конци*».

А что Киевский замок был именно на той горе, которая с половины XVII века зовется *Киселевкою* (по имени воеводы Киевского *Адама Киселя*), это не подлежит никакому сомнению. В описи Киевского замка, составленной в XVI веке, ясно сказано о *замковой горе*, что у нее «от полуночное стороны, за брамою Воеводскою, прилегла гора на име *Щековица*...; а с другой стороны, от полудня, за Драбскою брамою, только через ров — прилегла гора на име *Клинец*, ровна с замковою; а другая там же подалей вышча, на име *Вздыхальная*, але тая остра, может быти унижона копанем».

И так г. Закревский напрасно сомневался в положении Киевского замка на горе Киселевке и полагал его на горе Вздыхальнице (§ 8), называя его — «выстроенным поляками». (Киевский замок и строился, и возобновлялся всегда русскими, а не поляками.) Напрасно и церковь св. Симеона, стоявшая на горе Вздыхальнице, *над самим Подолом*, помещена у г. Закревского на самом Подоле, под горой Щековицею! А об Андреевском взвозе у него сказано сперва, что он «один из *древнейших* (§ 8); а потом, что он прорыт в *позднейшее* время» (§§ 21 и 66). Я держусь первого мнения и думаю, что при начале этого крутого взвоза стояла древняя церковь св. Симеона, на месте нынешней Андреевской.

Посмотрим теперь на другое определение того места, где

поставлен был крест св. апостолом Андреем. В старом *летописце* южнорусском XVII века сказано так: «Вшедши на гору, *подле которой тепер брама Киевская стоит от полудня и церковь Воздвижения креста святого*, благословил и крест поставил»*.

Гора, возле которой стоят ворота Киевские от полудня... Ясное дело, что это гора Вздыхальница, возле которой стояли прежде ворота, называвшиеся в XVII веке *Киевскими*, и церковь Воздвижения.

Тут надо припомнить, что древнейший вал первоначального города Киева проходил несколько выше нынешнего места Андреевской церкви, так, что это место и стоявшая здесь церковь св. Симеона была за валом, вне города.

Киевская брама, через которую ездили по Андреевскому взвозу на Подол, была именно *от полудня*. А что эти городские ворота назывались в том веке *Киевскими*, это видно и из *Росписи Киеву* 1682 года**, где сказано так: *Киевский вывод* и проезжие ворота, что ездят в нижней Киев город. К *Киевским воротам* железная решетка большая не вставлена для того, что вывод не в отделке.

Первый от этих ворот земляной вывод вала к стороне Днепра назывался *Воздвиженским* — по имени церкви, бывшей там еще и в начале XVII века, но вскоре потом разобранной. В Тератургиме 1638 г. об ней уже не упоминается в числе Старокиевских церквей.

Крестовоздвиженская церковь поставлена была не Мстиславом Романовичем[2], как было сказано у Берлинского и у Евгения и повторено у Закревского (§8, 9, 77), но *Мстиславом Мстиславовичем*, и не в *1212* году, когда он лето и зиму подвизался против Чуди, а вероятно в *1215* году, когда он нарочно приезжал в Киев. В этой церкви он и погребен *1228* года***. Об ней несправедливо писали у нас, будто в древности она была *деревянная*, а уже впоследствии поставлена каменная. «Похован в церкви Воздвижения Креста Честного, которую сам *змуровал* в Киеве» — сказано в старом летописце южнорусском о Мстиславе Мстиславиче,— и это правдоподобнее. А стояла она

---

* В *Густынской хронике*[3] сказано так: «И пришед, идеже ныне горы Киевские, их же благослови и крест на них водрузи, *недалече нынешней брамы от полудня*» (с. 251). У С. Коссова «поставил крест — на горе, возле которой теперь *брама меская* стоит от полудня» (с. 11). В Патерике Сильвестра Коссова, на стр. 16, о Десятинной церкви сказано: «Была та церковь возле *брамы нынешней Киевской*, на горе стоявшей».

** См. в *Чтениях* 1858. Кн. 2.

*** В *Киевском Синопсисе* сказано о Мстиславе Мстиславиче: «преставися в Торску (*т. е. в Торческе*) и погребоша его в Киеве, в церкве Честного Креста Господня, юже созда. Року от Рождества Христова 1212». Тут *1212* год — не создания церкви, а Мстиславовой кончины, поставленный ошибочно вместо *1228*, по ошибке польского историка, которым руководствовался сочинитель Киевского Синопсиса.

на юго-восток от нынешней Андреевской церкви. На это указывает вышепомянутый Воздвыженский вывод земляного вала; а также и остатки каменного здания с гробницей, высеченной из белого камня, которые открыты были (помнится мне, в 1839 году) при планировке улицы, идущей от Андреевской церкви к Михайловскому монастырю.

В половине XVII века не было уже на старом Киеве ни Симеоновской, ни Крестовоздвиженской церкви. Тогда на заветной высоте построена была *деревянная церковь Андрея Первозванного.* Об этой церкви совсем позабыто в Киеве и не вспомянуто, кажется, еще ни в одном описании Киева и церкви Андреевской. Известие об ней сохранилось в «*путешествии в святую землю* Московского священника Иоанна Лукьянова» 1701—1702 годов. При описании «преславного града Киева», путешественник говорит: «А где святый апостол Андрей крест поставил, тот холм в городской стене зело красовит; на том месте стоит церковь деревянная ветха, во имя святого апостола Андрея Первозванного» (с. 13).

Если та церковь была или казалась *ветхой* в начале 1701 года, то она стояла на том месте, конечно, около полувека. Так первая на Руси церковь во имя св. Бориса и Глеба, поставлена была в Вышгороде Ярославом I, около 1020 года; а в 1071 году Изяслав Ярославич, будучи в Вышгороде, виде ту церковь ветху сущу и построил новую.

Об той Андреевской церкви не упоминается и в Росписи Киеву 1682 года; но там же не упомянуто и об *Георгиевской* деревянной церкви, построенной в *1674* году, на развалинах древней. Строителем этой церкви был тогдашний воевода Киевский, князь *Юрий Петрович Трубецкой*[4]. Примечая, что он построил ее в память своего патрона, можно применить этот древнерусский христианский обычай и к *построению Андреевской* деревянной церкви и принять предположительно, что она построена была в *1656* году*, тогдашним воеводой Киевским, *Андреем Васильевичем Бутурлиным*, в память своего святого патрона.

Неизвестна нам дальнейшая судьба этой церкви — сгорела ли она или же была разобрана при новой насыпке Старокиевских валов и того высокого бастиона, на котором в 1744 году императрица Елисавета собственноручно заложила нынешнюю церковь св. Андрея Первозванного.

В дополнение к сказанному выше о церкви св. Симеона, можно упомянуть, что она поставлена была (на месте древней, основанной) Святославом Ярославичем конечно тогда, как он княжил в Киеве, т. е. в 1073—1076 годах.

* Того же 1656 года, 21 декабря скончался в Киеве знаменитый в здешней истории Василий Васильевич Бутурлин и повезен был из Киева братом его Андреем.

Кроме ее в Копыреве-конце была еще церковь, *св. Иоанна*, о которой известно из летописи Киевской, под *1121* годом: «Того же лета заложи церкви святого *Ивана* в Копыреве-конци». Кто заложил? Разумеется, *Владимир Мономах*, о котором говорится в летописи под тем годом; да и не могло статься, чтобы он, воздвигавший каменные церкви в Переяславе, в Смоленске, в Суздале, не поставил ни одной церкви в Киеве, будучи здесь на княжении! Что же касается до места, где находилась Иоанновская церковь, то его можно положить также на горе Вздыхальнице, по указанию той же летописи на *огород* этой церкви, бывшей со стороны удолья, называемого Кожемяками. Под 1151 годом, летописатель киевский, обозначая подробно размещение вокруг города полков, собранных на отпор нашествию князя Юрия, говорит: «Повелеша Володимеру (Мстиславичу) пойти с Берендеи, и с вежами и с стады их пойти ко Олговс (т. е. к *Олеговой — могиле*); и сташа межи дебрьми от Олговы оли и в огород святого Иоанна; а семо оли и до Щековице». Отсюда ясно для меня, что Берендеи стояли тогда по обеим сторонам замковой горы или Киселевки: на западной стороне — начиная от Олеговой могилы на Щековице, по удолью Кожемяцкому, до огорода Иоанновского в Копыреве-конце; а на восточной стороне — от Копырева-конца, по Подолью, до Щековицы.

И так, по моему соображению, в древнем городе Киеве, при выезде из него на Подолье воротами *северными* или *Киевскими*, вправе от них, стояла святославовская церковь *св. Симеона*; а влеве (на том пространстве, где ныне узорочный сад А. Н. Муравьева смежается с двором покойного М. А. Грабовского), могла быть Мономаховская церковь *св. Иоанна*, с прилежащим к ней огородом.

10 апреля, 1866 г.
Михайлова гора.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КИЕВО-СОФИЙСКОГО СОБОРА

В исторических писаниях о Киеве давно ведется разногласие о времени построения Софийского храма Ярославом I. Одни полагают, что он заложен был *1037* года; другие относят этот год к совершению и освящению храма; а заложение полагают двадцатью годами ранее, именно в *1017*. Последнее мнение несогласно с летописью Нестора, но оно поддержано двумя именитыми людьми, занимавшимися специально — *описанием Киевского собора* (см. *Описание*, изданное 1825 года митрополитом *Евгением*, и другое, изданное 1854 г. кафедральным протоиереем Иваном Михайловичем *Скворцовым*); а потому необходимо рассмотреть это мнение, дабы окончательно решить вопрос — о начале Софийского собора, составляющего драгоценнейший памятник Киевской древности.

Первым основанием того мнения служит *разноречие* свидетельств о времени заложения и освящения храма. Евгений, в первой главе своего Описания, приводит эти свидетельства, начиная с Несторовой летописи, и потом говорит: «Из сих разноречий, чему верить, неизвестно» (с. 13). Но в настоящем случае нельзя считать свидетельств по их числу, поставляя наравне с древней летописью Нестора — произведения позднейших веков и решая вопрос, так сказать, по большинству голосов. Если Нестор, живший в Киеве в том же XI веке, в котором сооружен Киево-Софийский собор, говорит определительно, что Ярослав *заложил* его в *1037* году, и если нет иного свидетельства изо всего древнего, дотатарского времени, то и надо признать Несторово показание и на нем основаться. Когда же наравне с ним поставлены показания и Воскресенской, и Никоновой, и

других летописей позднейшего состава, тогда пришлось предпочесть их показание о заложении Софийского собора в *1017* году и освящении в *1037*, относя к этому двадцатилетию и другие Ярославовы построения в Киеве. «Конечно,— продолжает Евгений,— столь многих и важных зданий не мог Ярослав окончить в один 1037 год, и если с 1017 до 1037 года он производил их, то 20 лет не слишком долго для исполнения сих предприятий, при других его занятиях» (с. 13). Но при таком взгляде — увеличение древнего Киева относится к *первой* половине Ярославова княжения здесь; между тем, как из Несторова сказания видно ясно, что оно произошло во *вторую* половину Ярославова княжения в Киеве, когда он был уже *единовластец* Русской земли.

Такое же представление, как у Евгения, господствует и в Описании И. М. Скворцева, с той особенностью, что здесь встречается попытка согласить Несторово сказание с мнением писателей позднейших. В параграфе 6 предложен такой вопрос: «Год *1037*, показанный у пр. Нестора, есть ли год основания собора, или совершения его и освящения?», а в заключение сказано: «И так год *1037*, показанный у пр. летописца и повторяющийся в других древних сказаниях, мы будем почитать годом совершения собора, а не основания, потому особенно, что это мнение писателей наших древних» (с. 5).

Но это мение наших писателей, живших в позднейшие века, после нашествия татарского,— мнение несогласимое ни со свидетельством нашего древнего летописателя киевского, ни с показанием древнего же летописца Новгородского. Излагая сперва Несторово сказание, Скворцев говорит: «Если принять это мнение, то нельзя продолжать построение собора далее *1051* года, ибо в этом году летописец упоминает уже о поставлении митрополита Иллариона[1] в св. Софии» (с. 4). Заключение верное: начатый в *1037* году, Софийский собор был окончен и освящен, конечно, еще до поставления Иллариона; только у Нестора не означен год освящения, а известно из древнего предания, что он освящен *4 ноября*, митрополитом Феопемптом[2]. Справедливо замечено у Скворцева, что сказание о Ярославовых построениях, записанное у Нестора под *1037* годом, «можно почитать изображением не современности, а только однородности деяний Ярослава». Эта разновременность выражена и в самом сказании Несторовом: в 1037 году Ярослав заложил город великий Киев, у которого Золотые врата, и церковь св. Софии; *по сем* — каменную церковь св. Благовещения на Золотых вратах; *по сем* — св. Георгия монастырь и св. Ирины. Постепенно, в три раза, происходило заложение помянутых церквей в том «*великом городе*», который прибавлен Ярославом к первоначальному Киеву. О построении и освящении церкви

св. Георгия, мы положительно знаем из пролога XIV века, что оно было в первые годы митрополитства Иллариона, следовательно не ранее *1051* года. Заложение «великого города Киева» и в нем величественного храма св. Софии, было в *1037* году; да и не могло быть ранее: это ясно из сказания о битве с печенегами, записанного Нестором под *1036* годом.

«И бе печенег без числа. Ярослав выступи из града и сполчи дружину, постави варяги по среде, а на правей стороне кыяне, а на левем криле новгородци. Сташа пред градом; печенези приступати начаша; и сступишася *на месте, идеже стоит ныне святая Софья, митрополья Русьская; бе бо тогда поле вне града;* и бысть сеча зла; и едва одоле к вечеру Ярослав».

При этом отчетливом изображении, казалось бы, нельзя и усомниться в том, что за пределами первоначального Киева, на западной стороне его, еще и в *1036* году не было ни оградного вала с Золотыми вратами, ни Софийского храма, а было только *поле вне града.* Но в описании Скворцева, с предположением, что для построения Софийского храма, заложенного Ярославом еще 1017 года, было не мало благоприятного времени, например в 1019 и еще более в 1026, сказано: «Все это делается весьма вероятным, если слова пр. Нестора о сражении с печенегами 1036 года разуметь так, что это сражение произошло не на месте, где собор (тогда, быть может, уже почти совершенный), а там, где митрополья русская, т. е. жилище митрополита, тогда здесь несуществовавшее» (с. 5). Но так нельзя разуметь слов Нестора; ибо у него *Русскою митропольей* называется не жилье митрополита, а самая церковь св. Софии, ставшая, по назначению Ярослава, кафедральной церковью митрополита всей Руси. «Соступились на месте,— идеже ныне стоит святая Софья, митрополья Русьская» — и далее под 1037 годом: «Заложи же (Ярослав) и церковь святыя Софья, премудрость Божию, митрополью». Тоже находим и в Киевской летописи под 1180 годом: «Погореша дворове на горе и *великая митрополья св. Софья*».

С конца XVI века, когда Софийский собор взят был под унию, кафедральною церковью православной Киевской Руси была Пречистенская церковь на Подоле,— и патриарх Феофан говорит в своей грамоте *1620* года, что он посетил все церкви в Киеве «почавши от церкви соборной Успения Пресвятой Богородицы, *митрополии Киевской*»; а жилище новопоставленного тогда митрополита Иова Борецкого и его преемника Исаии Копинского было в Михайловском Золотоверхом монастыре.

И так, принимая за основание свидетельство Несторовой летописи, мы признаем за положительную историческую истину, что *1037* год был годом *заложения*, а не совершения и освящения Киево-Софийского храма Ярославова. Это подтверждается и свидетельством древней Новгородской летописи, со-

ставленной в первой половине XIII века; в ней под *1037* годом написано: «*Заложи Ярослав* город Кыев и церковь святой Софии».

Но в той же Новгородской летописи означено и другое заложение Софийской церкви в Киеве (именно в Киеве, а не в Новгороде), бывшее *1017* года: «Ярослав иде к Брестию, и *заложена бысть святая София Кыеве*». Этим известием пополняется Несторова летопись, в которой под *1017* годом сказано только: «Ярослав вниде в Киев, и *погореща церкви*». По сличении этих двух древних свидетельств, следовало бы, кажется, вывести такое заключение, что после пожара киевских церквей, происшедшего вслед за первым приходом Ярослава в Киев, заложена была в том же году в Киеве Софийская церковь, но не та, которая основана Ярославом после, в *1037* году. Новгородская летопись и не вменяет Ярославу заложение той церкви. (Она могла быть заложена в 1017 году митрополитом Иоанном, по уходе Ярослава из Киева к Берестию).

Но вот что сделал позднейший составитель летописи (чуть ли не Воскресенской, составленной в XVI веке). Взяв сказание двух древних летописей, Несторовой и Новгородской, он составил из них такое смешение: к *1017* году — отнес не только *заложение* Софийской церкви Ярославом, но и града великого Киева с Золотыми вратами, и самую битву с печенегами; а в *1037* году положил *совершение* и Софийской церкви, и града Киева... Это новосоставленное мнение распространилось скоро,— переходя в летописи Никоновскую, Софийскую, в новые Новгородские и другие, в тоговременные прологи, в «Палинодию» Копыстенского... а наконец оно принялось и в обоих «Описаниях Киево-Софийского собора». Очевидно, что такая позднейшая и произвольная переделка *древних* свидетельств о двух разновременных заложениях Софийской церкви в Киеве — не соответствует исторической действительности и что, для ее восстановления, надо признать *два* особых заложения Софийской церкви в Киеве: одно, бывшее в 1037 году и относящееся к величественному Ярославову храму, доныне существующему; другое, бывшее в 1017 году и относящееся к другой Софийской церкви, заложенной вместо прежней, в том году сгоревшей. (Так и в Новгороде, когда в 1045 году сгорела прежняя, деревянная церковь св. Софии, заложена была в том же году новая, каменная церковь св. Софии, князем Владимиром Ярославичем).

А что в числе киевских церквей, сгоревших в том пожаре 1017 года, была и *Софийская*, с находившимся при ней *монастырем*, о том есть *современное* свидетельство, в хронике Межиборского епископа Дитмара († 1018). Вот что говорит он в конце своей хроники о входе Болеслава храброго с Святополком в Киев, в августе *1018* года: «Архиепископ этого города, с

мощами святых и разными другими принадлежностями благолепия, почтил приход их *в монастырь св. Софии, который в прошлом году, по несчастному случаю, сгорел*».

И так, до основания Киево-Софийского собора Ярославова, было в Киеве еще *две* церкви во имя св. Софии: одна первоначальная, сгоревшая в 1017 году; другая, заложенная того же года. О бытии этой второй церкви не сохранилось летописных известий, равно как и о бытии премногих киевских церквей: но можно с полной вероятностью полагать, что она была не только заложена, но и построена в том Софийском монастыре, в котором была вышеозначенная встреча Болеслава и Святополка. Что же касается до первоначальной Софийской церкви, то она была построена в Киеве еще при великой княгине Ольге. Известие об этом распространилось в прошлом столетии из так называемой Иоакимовой летописи[3], где сказано, что блаженная Ольга, по возвращении своем из Царьгорода, построила в Киеве деревянную церковь св. Софии, для которой иконы прислал ей патриарх. Нашлось теперь и другое, очень давнее о том известие — в святцах апостола, писанного в *1307* году. Там означены *два* освящения Софийской церкви в Киеве: одно под *4 ноября*, относящееся к Ярославову храму; другое *11 мая*, о котором сказано так: «Священие святыя Софыя в Кыеве, в лето *6460*», т. е. *952*. По этому указанию освящение первоначальной Софийской церкви в Киеве приходится также в правление вдовствующей княгини Ольги, но еще до ее путешествия в Царьгород, бывшего в 955, или вернее, в 957 году. В этом, конечно, нет еще ничего несбыточного; ибо в Киеве и до того времени жили христиане и строились церкви. Но могло случиться, что переписчик тех святцев, означая год освящения 6460, не дописал в конце какого-нибудь числа и что в древнейшем подлиннике был 6465 или 66 год. Во всяком случае, построение и освящение первоначальной Софийской церкви в Киеве было в 50 годах X века, при великой княгине Ольге; и нет никакого основания сомневаться в бытии этой церкви до 1017 г. и говорить будто мнение о ее существовании «основано только на разноречии списков Несторовой летописи»*. (У Нестора нет и помину о ней). Бытие этой первоначальной Софийской церкви признавали и Евгений, и Скворцев и, наконец, Филарет Черниговский**. Ириней Фальковский, пи-

---

* Так говорит г. Закревский[4] в своей книге о Киеве, изданной в 1858 году (см. § 118). При всем достоинстве этой книги, автор ее оспаривает и отрицает иногда то, что не подлежит ни малейшему сомнению. Так, например, приводя слова из книг Берлинского и Фундуклея о Борисо-Глебской церкви, построенной в Вышгороде Ярославом около 1020 года, г. Закревский делает такое замечание: «Выдуманы обстоятельства, о которых Нестор ничего не знает» (см. § 34). Закревский не признал этой первоначальной на Руси церкви во имя Бориса и Глеба, о которой именно *Нестор* написал подробное сказание в житии св. Страстотерпцев.

** Историк Русской церкви признавал построение Софийской церкви блаженной Ольгой, а освящение относил к *957* году (см. *Русские Святые. Июль.* С. 69).

савший краткие замечания о киевских церквях, в своем *Киевском Месяцеслове* 1799 г., признавал также построение той церкви великой княгиней Ольгою (по летописи Иоакимовой), и говорил: «на том ли месте она бытие свое имела, где после правнуком Ольгиным, Ярославом Владимировичем, в тоже именование выстроена нынешняя каменная, или на ином, совсем неизвестно» (с. 41).

В Описании Скворцева сказано: «Монастырь св. Софии первобытный мог быть еще далее Ярославовой митрополии в *поле*. (Монастыри не строились в самом городе)» (с. 6).

Едва ли можно согласиться с этим предположением и особенно — с его основанием, будто монастыри не строились в самом городе. Против этого достаточно указать на построенный Ярославом «великий город Киев» — с двумя в нем монастырями, Георгиевским и Ирининским, кроме кафедрального Софийского.

Для меня казалось более вероятным, что первобытный Софийский монастырь находился не в открытом *поле* со стороны Лыбеди, откуда бывали обыкновенно неприятельские наступления на Киев, а в самом городе, возле западных его ворот, между ними и Десятинной церковью, которая, как видно, потерпела также 1017 года (она была возобновлена и вновь освящена *1039* года). Болеслав и Святополк пришли в Киев, по Белоградскому пути, в ворота *западные* (разумеется, не Золотые, которых тогда еще не было). Встреча их киевским архиепископом, т. е. митрополитом Иоанном, в монастыре Софийском дает повод предполагать его первым со входа в тогдашний город Киев теми западными воротами. Это мнение мое предложено было еще в *Обозрении старого Киева*, напечатанном в *Киевлянине* 1840 года (см. с. 22).

Но возвратимся к Ярославову храму св. Софии. Известна историческая надпись о нем, начертанная под его куполом на четырех средних арках, должно быть, в начале прошлого столетия. Нельзя оставить без замечания годов, означенных в этой надписи.

«Изволением Божьим нача здатися сей Премудрости Божия храм в лето *1037*»...

Тут год основания храма означен был верно; при последнем обновлении хотелось, вероятно, кому-то переменить этот год на *1017*, но по ошибке поставлен *1011* г.

«Совершися же в лето *1038* и освящен Феопемптом»...

Вот этот год следовало бы переменить ибо нет никакого вероятия, чтобы здание Софийского храма, начатое в *1037* году, было совершено в *1038*. Десятинная церковь, при Владимире великом, строилась 7 лет. (Заложена 989, совершена 996). Новгородская каменная церковь св. Софии, заложенная Владимиром Ярославичем 1045 года, строилась также 7 лет. Ярославов храм св. Софии в Киеве также не мог совершиться ранее 7 лет.

Еще не нашлось древней заметки о годе его освящения; а есть *1045* год, относимый в Киевских Месяцесловах к освящению Георгиевской церкви. Но эта церковь, как замечено выше, освящена была Илларионом при жизни Ярослава, стало быть, между *1051* и *1054* годами. За неимением древнего указания на год освящения Софийского собора, не отнести ли к нему этот *1045* год, издавна известный в церковной хронике Киева, но ошибочно приуроченный к Георгиевской церкви?..

Далее в надписи означен *1631* год, в котором будто бы Владислав IV стал королем и возвратил Софийский собор сынам благочестивой восточной церкви. Здесь ошибка. Жигимонт III, в правление которого Софийский собор взят был под унию, скончался в апреле *1632* г.; сын его Владислав IV избран в короли с ноября того года; а возвращение Софийского собора к православным последовало уже в июле *1633* года.

Затем означено верно, что Софийский храм начал обновляться в лето *1634*, тщанием митрополита Петра Могилы.

К этой прежней надписи прибавилась еще новая, относящаяся к обновлению храма в лето *1851*.

И так Софийскому собору, считая от основания его, ныне уже 830 лет.

12 декабря 1866 г.
Киев.

О ГОРЕ ЩЕКАВИЦЕ
(Письмо М. П. Погодину)

... Ой, изгадай, друже милый, як зо мною ты гуляв
На Скавице, да шукав вещого могилы!...
Мы чужих могил шукаем, а могила знайде нас.
Коли ж прийде смертный час, того не вгадаем!

Так писал я отсюда нашему Киево-Подольскому приятелю, который *утер пота* над старописьменными памятниками юго-западной России, да и в могильной порохне покопался изрядно. С ним однажды, помнится, в 1856 году, ездил я на Щекавицу, чтобы посмотреть вдвоем: где могла быть там могила *Вещего Олега*! И встретился нам, среди несметного множества могил позднейшего времени, презанимательный жилец соседнего удолья. Он привел нас к площадке на *северо-восточной* стороне горы, и сказал: «Тут была могила Олега!» — сказал с уверенностью, живо мне напомнившей покойного Кондратия Андреевича Лохвицкого[1].

Что же это указание любопытного киянина: местное предание или недавняя выдумка? Скорей, выдумка, но об которой можно сказать великорусской пословицей: «Догадка лучше разума». Ибо никто из ученых киевописателей не указал еще нам лучшего и вероятнейшего места для Олеговой могилы на Щекавице.

В так называемых *местных преданиях* нередко повторяются только позднейшие мнения и догадки грамотных людей; но иногда в них отзывается и глубокая древность, особенно в местных именах. Например, тот отрог Старокиевской горы, который высится над Гончарами[2] и Кожемяками[3] с *западной* их стороны, зовется *Дитинцем*[4]. Это имя не записано нигде; но оно, очевидно, ведется тут издревле и показывает собой, что для жителей Кожемяцкой дебри тем отрогом горы начинался *Дитинец* «великого града Киева», заложенного Ярославом в 1037 году. Пропущенное в летописании словцо доныне хранится в устах и памяти местных жителей.

Но возвратимся на Щекавицу или Скавику, на которой однако мы с тобой не были, кажется, обозревая Киев в 1835 году. А у меня она — как будто перед очами. Я был на ней в июне прошлого года — и знаешь ли с кем? С нашим заслуженным старейшиной Дмитрием Матвеевичем Перевощиковым[5], который был уже гимназическим учителем, когда я гулял еще пятилетним хлопцем.

Там на Скавике, у самой церкви Всех Святых, погребен и мой прадед, блаженной памяти Иван Леонтьевич Максимович, бунчуковый товарищ. В 1787 году был он в числе уездных предводителей Киевского намесничества, провожавших Екатерину вторую по Днепру, от Киева до Кременчука... Да почиет его прах с миром!

В «Описании Киева» Закревского, на с. 882 сказано: «г. *Журавский*[6], в обозрении Киева, пишет следующее: «В начале XVII века Щекавица составляла уже достояние коронное; и когда Днепр начал вторгаться опять в середину Подола и сильными наводнениями беспокоить жителей, то король Сигизмунд III, для распространения города, дал гражданам киевским на эту гору привилегию 15 февраля 1616 года». Но к сожалению, мы нигде не встречали этой грамоты; к тому же автор не сказал, где ее видеть можно».

Сожаление не напрасное: та грамота не маловажная — и по данному ею праву, и по названным в ней урочищам, особенно по *Юркову ставку*, еще бывшему в начале XVII столетия, но иссякшему к началу XVIII, когда из той *долины* протекал уже только *Юрков поток*... Скажу для тебя, что весной 1701 года, при многолюдной громаде киян, под горою Скавикою, читали и слушали ту грамоту генеральные старшины — Кочубей[7], Скоропадский[8], Гамалея[9] и Савич[10], приезжавшие из Батурина в Киев, по повелению гетмана Мазепы[11], рассудить и помирить киевского войта с игуменом Кирилловского монастыря... А видеть ту грамоту можно всякому — в *Сборнике Муханова*, 1866 года, на страницах 449—451. А взята она — из старописьменной книги киевских актов, которую я сообщил Павлу Александровичу, в проезд его через Киев в 1835 году, и которая обстоятельно описана им в прежнем его *Сборнике*, 1836 года (см. *Примечание* к № 91, в обоих Сборниках). Закревский в своем обширном «Описании Киева», перечисляет 119 *источников*, между которыми есть малейшие и совсем пустые; а между тем он упустил из виду двукратно изданный *Сборник Муханова*[12], в котором прежде чем где-либо напечатаны весьма важные грамоты города Киева.

Что же касается до могилы Вещего Олега, то на двух первых планах древнего Киева, новоначертанных Закревским, означены: *Щекавица* сама по себе и особо от нее *Ольгова могила.*

Признаюсь, я не вижу основания для такого их разлучения и нахожу оное напрасным. У Нестора сказано об Олеге: «И погребоша и на горе, иже глаголется *Щекавица*; есть же могила его до сего дни, словеть *могила Ольгова*». Из дальнейшей Киевской летописи видно, что ту гору кияне называли и *Щекавицею*, и *Ольговою могилою* и просто *Ольговою*, подобно тому как называли: *увоз Боричев*, и просто *Боричев*, и проч.

До следующего письма!

29 января 1868 г.
Михайлова гора.

О СОЗДАНИИ КИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. КИРИЛЛА

В прошлом июне, будучи в Киеве, я посетил давно невиденную мной бывшую Кирилловскую обитель:

«От Марии княгини древле устроенну,
Константином Острожским князем обновленну».

Так о ней сказано 1765, в стихотворной надписи к образу святителя Димитрия Ростовского, бывшего здесь постриженцем и игуменом. Вспомянулись мне на днях эти два стиха и мне приходило на мысль, что если бы сделать к ним еще хоть такую прибавку:

«А князем Потемкиным[1] вовсе упраздненну,
И в умалишенных дом вскоре обращенну» —

тогда вышло бы краткое изображение всей исторической судьбы некогда знаменитого и богатого монастыря Кирилловского.

Но кто же была та *княгиня Мария*, создавшая эту прекрасную церковь, доныне уцелевшую со своими древними фресками, к сожалению, еще нераскрытыми? Современные известия о княгине сохранились в древней Киевской летописи; а ее имя, Мария, находится в южнорусских писаниях XVII века. Так, в *Старом летописце* сказано: «Княгиня *Мария Всеволодовая* того року (1179) умерла, будучи схимницей, в монастыру Кирилском Киевском, и погребена есть в церкви святого Кирила, которую сама она змуровала». Должно быть и наша киевская княгиня Всеволожая приняла имя Марии вместе с схимою, также как приняла его суздальская княгиня Всеволожая в 1206 году. Но вот удивительное дело: создательница Кирилловской церкви — для всех киевоописателей, бывших и нынешних, осталась неузнанною, во мгле недоумений. И вот уже почти два

столетия — только без пяти лет — продолжается эта историческая мгла, наведенная Киевским Синопсисом. Попытаемся же разогнать ее критическим обозрением всех бывших над нею мнений, недоумений и толков:

«И *истина* должна открыться!»

Основанием нашего знания о древнем бытии Кирилловского монастыря служат три упоминания о нем Киевской летописи во второй половине XII века, а именно: в 1171, 1179 и 1194 годах. Посмотрим на каждое из них.

Вот *первое* упоминание, 1171 года: «Сняшася братья Вышегороде и пришедше сташа на Дорогожичи[2] под святым Кюрилом». Отсюда видно, что Кириловский монастырь был уже в том году.

Второе и главное упоминание под 1179 годом, заключается в следующих словах: «В тоже лето приведе Святослав за Всеволода, за середняго сына, жену из Ляхов, Казимерну, во Филипово говенье... Того же лета преставися княгиня Всеволожая, приемше на ся чернечьскую скиму, и положена бысть в Киеве, у святого Кюрила, юже бе сама создала».

Для тоговременного киянина это было совершенно ясно; но в XVII столетии возникло разномыслие: новобрачная ли Казимировна умерла в том году; или же тут записаны известия о двух княжнах — о браке молодой невестки Святослава и о кончине престарелой матери его, которые обе, по имени их мужей, были *Всеволожи* или *Всеволодовы*? Отсюда произошли два разные толкования: одно, принадлежащее сочинителю *Киевского Синопсиса;* другое — составителю *хроники*, названной *Густынской*. Первое мнение пошло в ход и скоро стало господствующим, по необычайному успеху Синопсиса, двадцать пять раз напечатанного (с 1674 до 1836 г). А второе мнение оставалось в забвении до издания в свет Густынской хроники в 1843 году. Но толкование Синопсисное превозмогает его и ныне, у новых киевоописателей. Вот оно:

«В лето от создания мира 6686, от Р. Х. 1172, преставися благоверная княгиня Мария, жена князя Всеволода Святославича[3], а дщи короля польского Казимира, совершенна инокиня сущи, и погребена бысть в церкви святыя живоначальныя Троицы, идеже и предел святого Кирилла, в Киеве: юже церковь и монастыр, ныне зовомый Кирилский, сама построила».

Здесь прежде всего бросается в глаза 1172 год, поставленный ошибочно вместо 1178, как это видно по 6686 году от сотворения мира. А между тем этот ошибочный 1172 год (по которому кончина Казимировны пришлась бы семью годами прежде ее замужества) печатался во всех изданиях Синопсиса и был принят даже Иринеем Фальковским, в его «Киевском Месяцес-

лове» 1799 года. Но главное и существенное во мнении Синопсиса то, что строительницей Кирилловского монастыря признана *Мария Казимировна*, ставшая женой Всеволода Святославича — 1179 года, в Филипово говенье (т. е. на заговены перед Филипповым постом).

Сходно с Синопсисом уразумел сказание Киевской летописи и Татищев[4], признав кончину новобрачной Казимировны в 1179 году; но он, имея в виду рождение от нее князя Михаила, придумал две подробности: день смерти ее и причину болезни и написал так: «Преставися княгиня Мария Казимировна, супруга Всеволода Святославича, постригшися в болезни в схиму, *августа 6 дня*, и положена в церкви св. Кирилла, которую сама создала. Болезнь же ее приключися от тяжкого рождения сына Михаила, который по ней остался» (Ист. Т. III. С. 2). Но в примечании 526 говорит он вот что: «Здесь брак и кончина в одном году пришло, чему видится для построения церкви и ее переменности совершенной быть нельзя».

На эту же несообразность, чтобы Казимировна в один и тот же год вышла замуж, приняла схиму и построила каменную церковь, указывал и Карамзин (Ист. Т. III. Прим. 90). Против этого г. Закревский говорил так: «все это могло совершиться очень естественно в один год, хотя историограф и удивляется» (см. с. 127 в изд. 1858 г.). Но г. Крыжановский, в своей замечательной статье о Кирилловском монастыре, напечатанной в «Киевских Епархиальных Ведомостях»[5] 1863 года, показал до очевидности, что Мария Казимировна не могла быть строительницей Кирилловской церкви. Он говорит: «Год начинался тогда с марта; значит Мария жила в Киеве не более трех с половиной месяцев (половину ноября, декабря, январь и февраль). В это короткое и при том зимнее время нельзя построить большой каменной церкви. Но свидетельство это опровергает и та же самая летопись (*т. е. Киевская или так называемая Ипатьевская*), именно тем, что упоминает о Кирилловском монастыре, как уже существующем, под 1171 годом, восьмью годами прежде Марии». Вот это последнее указание здесь весьма важно и вполне убедительно. А преждевременная смерть новобрачной Казимировны была только мнимая смерть, приписанная ей Киевским Синопсисом также напрасно, как и построение Кирилловской церкви. Если бы Казимировна в самом деле умерла так скоро после своего брака, то не могла бы она быть матерью св. Михаила Черниговского. Ясное дело, что в конце того мартовского 1179 года умерла не она, а та *княгиня Всеволожая*, которая построила Кирилловскую церковь еще до 1171 года. Поэтому напрасно было и Татищеву придумывать *6 августа*, отлагая мнимую кончину Казимировны на девятый месяц ее замужества.

Прочтем теперь сказание Густынской хроники: «В тож лето Святослав Всеволодович Киевский[6] поят за сына своего среднего Всеволода дщерь короля полского Казимера второго[7], реченного Справедливого... В тоже лето преставися благоверная княгиня *Мария Всеволодовая, мати Святославля*, дщи Казимира полского Мниха, иже пострижеся в схиму и положена бысть в церкве святого Кирила, юже сама создала бе».

Вот это верное уразумение древлекиевского сказания: скончалась не новобрачная невестка Святослава, а его мать, вдовствующая княгиня Всеволожая, создавшая Кирилловскую церковь. Но, к сожалению, и в сказание Густынской хроники вкралась большая ошибка, именно та, что княгиня Мария Всеволодовая, мати Святославля, названа также Казимировною, дочерью Казимира — Мниха! Составитель хроники не взял в соображение того, что этот польский король, современник и зять Ярослава I, умер вскоре после него, именно 28 ноября 1058 года. Как же могла дочь его быть женой Ярославова правнука, Всеволода Ольговича, и родить ему второго сына Ярослава в 1140 году и дожить до 1179? Выбросьте эту напрасную прибавку «дщи Казимера — Мниха» и в словах Густынской хроники останется чистая историческая истина.

Теперь посмотрим на третье упоминание Киевской летописи о Кирилловском монастыре под 1194 годом. Говоря подробно о последних днях Святослава Всеволодовича, летописатель сказал наконец: «И веля ся постричи в черньци, и посла по свата Рюрика, и преставися месяца июля, и положиша и во святем Кюриле, во отне ему монастыре».

Как же это: за 15 лет выше в летописи сказано положительно, что монастырь и церковь св. Кирилла *создала* княгиня Всеволожая, мать Святослава; а здесь монастырь назван *Отним*? Должно быть так, что это слово поставлено здесь не в буквальном смысле *отцевского*, а в общем значении *родительского*. Так разумел и составитель Густынской хроники, а для большей ясности и во избежание противоречия, он передал древлекиевское известие в следующих словах: «В сие же лето разболеся Святослав Киевский, и постригся во иночество, преставися июля и положен бысть во церкви святого Кирилла, *юже мати его созда*».

Но еще гораздо прежде, в летописи Суздальской[8], где совсем пропущены упоминания о двух княгинях 1179 г. и все подробности о заболевшем Святославе, сказано о нем так: «Того же лета (1195) преставися князь Киевский Святослав и положен бысть в монастыри, в церкви святого Кирила, *юже бе создал отец его*». Таким образом здесь — от перемены прилагательного имени *Отний*, принятого в буквальном смысле, на существительное имя *отец* — строителем Кирилловского монастыря и церкви становится князь *Всеволод Ольгович*. Но это противоре-

чит прямому и положительному сказанию Киевской летописи о создании той церкви *княгиней Всеволожею*. Кому же ближе было знать это и кому нам верить? Без сомнения, древнему летописателю киевскому, а не отдаленному от Киева суздальцу, который там же (под 1195 годом) и преемство киевского княжения Рюриком после Святослава записал по своему, совсем не так, как оно было по сказанию Киевской летописи.

(Рюрик, находившийся тогда в своем Овруче, призван был в Киев еще умирающим Святославом; встреченный и принятый радостно всеми киянами, он сидел уже на отнем столе Киевском, когда не дошла еще, вероятно, до Суздаля и самая весть о кончине Святослава. А летописец суздальский говорит: «И посла великий князь Всеволод (Юрьевич) мужи свои в Киев, и посади в Киеве Рюрика Ростиславича»).

На что же сказал Киевский Синопсис о погребении Святослава Всеволодовича? Сославшись на Стрыйковского[9], он говорит: «Преставися и погребен бысть в церкве святого Кирилла *Черниговской*, року 1198». Печальное известие! Из него видно, что на Святослава Киевского перенесена кончина меньшего брата его Ярослава, княжившегося в *Чернигове* и там погребенного в 1198 году... Так-то и погребение княгини Всеволодовой, в созданной ею церкви, перенесено в Синопсисе на молодую жену ее внука, Всеволода Святославича Чермного.

Но вот, в девяностых годах прошлого столетия, заговорили в Киеве о другой строительнице Кирилловской церкви о *Марии Всеволодовне* — и Синопсисная речь о Марии Казимировне на полвека притихла.

«Построена, по мнению некоторых, княжною Киевскою, королевою польскою Мариею, дщерию великого князя Всеволода Ярославича, внукою (!) святого князя Владимира, 1160 году».

Так напечатано в «Кратком Историческом Описании Киево-Печерские Лавры», которое неоднократно издаваемо было с 1791 года по 1817 г. (см. там прибавление: «Достопамятнейшие древности в Киеве»). Сочинителем этой книги был митрополит Самуил Миславский (1796 г.): а лет за тридцать я слышал от старых лаврян, что в сочинении ее участвовал и Феофан Шиянов, будучи лаврским типографом. Не случилось мне узнать, кто эти «некоторые», бывшие первоначальниками такого мнения; но те же самые слова встречались мне и в 4 книге географического словаря, изданной 1804 года Щекатовым.

Имея в виду год построения 1160, невольно усомнишься, чтобы та королева Мария была дочь Всеволода Ярославича. Известные три дочери его — блаженная Янка, Ирина или Екатерина и Евпраксия скончались еще во время Нестора и помянуты в его летописи. И за каким же королем польским была она?..

Берлинский, в своем «Кратком Описании Киева» 1820 г., так

говорит: «Основание монастыря приписывается еще в XII столетии, супруге короля *Казимира* Марии, дочери Всеволода I Ярославича» (с. 116).

Здесь, конечно, нельзя и подумать о Казимире первом или Мнихе, который женат был на дочери святого Владимира Доброгневе-Марии. Здесь можно разуметь только Казимира Второго или Справедливого, который действительно был женат на *Всеволодовне*, но на дочери — не Всеволода Ярославича, а его пра-правнука, Всеволода Мстиславича Белзского, скончавшегося в 1195 году. Та королева польская и была мать нашей Марии Казимировны. При таком вольном избрании княгинь на построение Кирилловской церкви можно бы указать еще на одну Всеволодовну, на дочь великого князя Всеволода Ольговича[10], Звениславу, которую он в 1141 году отпустил в ляхи за Болеслава... Тогда, по крайней мере, была бы здесь родная дочь истинной строительницы той церкви, великой княгини Всеволодовой.

А между тем и сам митрополит Евгений, в составленном им «Полном Месяцеслове», не нашел ничего лучшего сказать о той церкви, как повторить: «Построена, по мнению некоторых, княжною Киевскою, дочерью Всеволода I Ярославича, Марией, супругой короля польского 1160 года».

Тоже повторялось и в «Паломнике» Максимовича (Ивана Петровича), издававшемся с 1842 года.

Наконец и преосвященный Макарий, в своем первом «Очерке истории Русской церкви в период дотатарский», изданном 1847 года, тоже сказал о Кирилловском монастыре: «Построен дочерью великого князя Всеволода Ярославича, польской королевой Марией, в 1160 или 72 году». Здесь 1172 год, очевидно, прибавлен из Киевского Синопсиса: но здесь было уже последнее явление этой призрачной строительницы Кирилловского монастыря.

В то время, как началось полувековое господство этого мнения о королеве Всеволодовне, не поддался ему в Киеве один только «математических классов надзиратель, учитель богословия, иеромонах Ириней», который, в своем «Киевском Месяцеслове на лето 1799», вот что сказал о Кирилловской церкви: «Создана великим князем Всеволодом Ольговичем Чермным (!), или княжною Марией, супругой Всеволода Святославича, 1144 или 1172 годов» (с. 34).

Тут едва ли не в первый раз в Киеве оглашен был Всеволод Ольгович строителем той церкви, по летописи Суздальской, изданной 1767, по Кенигсберскому списку[11]. Оттуда же взят Иринеем и 1144 год, который однако же и там относится не к Кирилловской церкви, а к Георгиевской, заложенной Всеволодом Ольговичем в Каневе. О строителях Кирилловской церкви

Ириней сказал на двое, не зная сам, кому поверить: сказанию Суздальской летописи или Киевского Синопсиса?.. Колебание неизбежное; ибо Иринею, как видно, неизвестно еще было свидетельство древней Киевской летописи, которое одно только дает верное решение этого вопроса.

Впрочем, Иринеево указание на двух строителей, на Всеволода и на Казимировну, хотя осталось в забвении, но оно было так сказать, предначертанием для имеющих быть *новых* толкований о Кирилловском монастыре, которые и начались с 1847 года, вслед за тем, как издана была вновь Суздальская летопись по списку Лаврентьевскому. Тогда ее показание о создании Кирилловской церкви и монастыря Всеволодом Ольговичем принято было уже за несомненное и достоверное свидетельство; но при этом пришлось или предоставить Марии Казимировне только некоторое участие в той церкви, или совсем устранить ее, отвергнув и самое сказание о ней, или же порешить дело таким разделом: на долю Всеволода — основание монастыря, а на долю Марии — построение церкви. Таким образом произошли *три* новые мнения.

Первое из них явилось в «Обозрении Киева», изданном И. И. Фундуклеем[12] 1847 года. Там о Кирилловском монастыре сказано так: «Несомненно то, что он уже существовал в *первой* половине XII века; ибо строителем Кирилловской церкви, по сказанью древних летописцев, был Киевский князь Всеволод Ольгович, скончавшийся 1146 года. Что касается до княгини Марии Казимировны, супруги Всеволода Святославича Чермного, скончавшейся и погребенной здесь 1179 г., то она, вероятно, была устроительницей только придела церковного» (с. 78). К этому мнению принадлежит и толкование Закревского (в обоих изданиях его «Описания Киева», 1858 и 1868 гг.), по которому основание монастыря и построение церкви можно приписать с достоверностью Всеволоду Ольговичу; а Мария Казимировна могла или возобновить бывшую до нее церковь, «или приказать учинить какую-либо переделку» (с. 389). Но в Киевской летописи сказано: *сама создала*; да и в Синопсисе написано: *сама построила.* Сколько было возобновлений и переделок Софийского собора и от скольких людей! Но только об одном Ярославе сказать можно: создал его.

Второе мнение, объявленное 1863 года, принадлежит Крыжановскому (Ефиму Михайловичу). Показав ясно, как мы уже видели, что Мария Казимировна вовсе не могла быть строительницей Кирилловской церкви, он отверг и самое сказание о ней, признав за несомненное, что строителем был Всеволод Ольгович. Тут дан полный перевес показанию Суздальского летописца; но понятие Киевского Синопсиса о строительнице осталось и в самом отрицании или непринятии автором даже свидетель-

ства Киевской (так называемой Ипатьевской)[13] летописи. Вы взяли это древнее свидетельство, но придали ему толкование Синопсиса, и говорите, что этого свидетельства «ни в каком случае нельзя принять»! Напротив, его то и должно принять за основание, и вы сами его примете, но только в таком случае, когда отбросите от него неправильное истолкование, вследствие которого — новобрачная и мнимоумершая Казимировна заслонила собой престарелую *княгиню Всеволожую*... От того сия княгиня не была усмотрена и новыми киевоописателями ни в древней Киевской летописи, ни в хронике Густынской и осталась у них неузнанной и неназванной.

Так и в *третьем* новом мнении, которое объявлено 1865 г. Похилевичем[14], в его книге «Монастыри и церкви г. Киева»:

«Вероятно, что монастырь основан Всеволодом 11-м (Ольговичем), а каменная в нем церковь построена супругой Всеволода Святославича» (с. 116).

Но пора, наконец, расстаться с Марией *Казимировной*, как расстались за двадцать лет с *Марией Всеволодовной*! Пора уже признать истинную строительницу Кирилловского монастыря и церкви, вышепомянутую княгиню Всеволожую, матерь Святославлю. Погодин, в своем словаре князей удельного периода, изданном в 1855 году, вот что сказал о *Всеволоде Ольговиче:* «1116 г. ... женился на дочери Мстислава Володимеровича... жена его умерла 1179 г. и положена у св. Кирилла, в монастыре ею созданном» (с. 70, 73). Вот это прямой и верный вывод из древней летописи Киевской! Мне хотелось только дознаться, откуда взят здесь 1116 год? Оказалось, что он определен соображением самого историка и может быть принят, как вероятнейший. Приведу те слова Киевской летописи, из которых ясно видно, что великая княгиня Всеволожая была *Мстиславна.*

«В то же лето (1141) посла Изяслав к сестре, рече: испроси ны у зятя Новгород великий брату своему Святополку. Она же тако створи... В сеже лето (1142) посла Всеволод Святополка в Новгород, шюрина своего, смовляся с Новгородии... Ине любяхут сего Олговичи, браться Всеволожа, и пороп таша нань, аже любовь имеет с Мстиславичи, с шурьями своими».

И так, строительницей Кирилловской церкви и монастыря была *княгиня Мария Мстиславна*, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава великого, внука Владимира Мономаха. После своего тридцатилетнего замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовой и скончалась в 1179 году, и положена в церкви, *юже бе сама создала.*.

Да будет же благословенна память ее у вас, киевские люди!

1668 года, ноября 26.
Михайлова гора.

ЗАПИСКИ О ПЕРВЫХ ВРЕМЕНАХ КИЕВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСТВА

1

От уже 250 лет, как существует Киевское Богоявленское братство на своем нынешнем месте... Сколько достопамятных в истории людей училось в этом старобытном всеучилище Руси!

К двум с половиной векам его исторической жизни добавляется 25-летнее бытие прежней Богоявленской школы, которая с 1589 года, благословением патриарха Иеремии, была возвышена пред прочими приходскими школами киевскими. Но об ней еще не открыто, кажется, тоговременных известий, ни об том пожаре, которым она истреблена, как полагают, 1614 года.

Печальная пустота этого пожарища восполняется ныне знаменитыми именами предполагаемых там наставников и питомцев. Так в «Истории Киевской академии» о. Макария Булгакова, изданной 1843 года, сказано, что Иов Борецкий и Мелетий Смотрицкий были в той школе наставниками и что Мелетий назывался ее ректором. В книге г. Аскоченского «Киев с древнейшим его училищем академией», изданной 1856 года, к питомцам той школы отнесены не только Кирилл Транквилион-Ставровецкий[1], Захария Копыстенский[2] и Богдан Хмельницкий (как у о. Макария), но и Елисей Плетенецкий[3], Леонтий Карпович[4], Кассиан Сакович[5] и сподвижники Хмельницкого — Павел Тетеря[6] и Яким Сомко[7]. Но для признания «неотъемлемой принадлежности» их всех к прежней Богоявленской школе надобно тоговременное свидетельство о каждом, начиная с Елисея Плетенецкого, который скончался в октябре 1624 г. семидесятилетним старцем, а с 1595 года был уже архимандритом.

Нельзя и подумать, чтобы в Киевской школе, получившей патриаршее благословение 1589 года, не принимал деятельного

участия святопамятный князь Константин Острожский, будучи воеводой Киевским до кончины своей в 1608 году. Но об этом не нашлось еще и намека в тоговременной письменности так же, как не видно из нее и прежней Богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный след их — купчая запись 1594 года, данная киевским земянином Андреем Обухом и его женой Настасьей Свершовской — на их Свершовский двор на Подоле и сеножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаем мы в подлиннике, а говорится об ней уже через сто лет, в царской грамоте 1694 года, что проданы двор и сеножать — «в Братский монастырь». Словом сказать, 25-летнее бытие первоначальной Богоявленской школы требует нового исторического исследования и удостоверения. Известие об нем было обнародовано еще Герардом Миллером[8] и Василием Рубаном[9] в «Старрине и Новизне» 1773 года; но в своем нынешнем виде оно есть только мнение исторческое.

В конце прошлого столетия в самой академии Киевской было еще такое мнение, по которому ее начало полагалось в 1620 году, т. е. со времени ее утверждения и благословения патриархом Феофаном. Так, в «Киевском Месяцеслове на лето 1798», составленном Иринеем Фальковским, в «Хронологии вещей достопамятных» означено: «От заведения Киевской академии — ... 178 год».

2

Место, на котором основалось Киевское братство в 1615 году, принадлежало прежде Стефану Лозке, маршалку Мозырского повета, имевшему значительные поместья и в земле киевской, около Радомышля*. В Межигорском монастыре поминалось его имя в числе *ктиторов*, на ряду с Богданом Стеткевичем и другими. Свой Киевский двор Стефан Лозка подарил жене своей Галшке Гулевичевне[10], принадлежавшей к давнему и знатному роду на Волыни. Там, в первой половине XVI века, Феодосий Гулевич был епископом Луцким и Острожским. Своим иждивением он возобновил в Луцке запустелую древнюю церковь св. Димитрия, которая долго после того считалась принадлежащей

* Там ему принадлежали: Рожев, Ставищи, Роковщина и другие селища. По близости их к Радомышлю, который принадлежал к владениям Печерского монастыря, архимандрит Мелетий Хребтович хотел выменять их у Стефана Лозки на некоторые лаврские села, находящиеся в стороне Слуцкой — на Осово, Левнищевичи, Печеряны, и получил на то дозволительный королевский лист 1590 г.; однако этот обмен не состоялся.

В местечке Рожеве, на р. Здвижени, был небольшой укрепленный замок, в котором Галшка Гулевичевна-Лозкина жила и в 1618 году. Того года 25 августа Ярош Сума, самозванный полковник, напал на Рожев и произвел в нем разорение и грабительство (см. *Архив Ю.-З. России.* Ч. III. № 71.).

дому Гулевичей. В 1596 году, на Брестском соборе, находился Демян Гулевич, будучи «маршалком светского кола», и подписался на протесте против новообъявленной церковной унии. А в XVII веке, когда составилось Луцкое Крестовоздвиженское братство[11], к нему принадлежало несколько человек из этой фамилии, в том числе и Марья Гулевичева.

По наследственной набожности и по любви к русскому народу, *Анна Гулевичевна-Лозкина*, с согласия своего мужа, отдала киевский дом и двор свой на пользу общественную, а именно: на устроение там монастыря патриаршей ставропигии, школы для детей всякого сословия и гостинницы для духовных странников греко-восточного исповедания; а чтобы ее фундация пришла в действие, она немедленно ввела туда священноинока Исаию Копинского с несколькими монахами и светскими лицами и завела там школу; и такое распоряжение свое утвердила на суде — записью *1615 года 14 октября*. С этой записи и начинается *положительная* и достоверная история Киевского братства.

Итак, богомысленный муж *Исаия Копцнский* был первым исполнителем распоряжения достопамятной основательницы Киевского братства и первым его устроителем, о чем и сам он напоминал в январе 1632 года, будучи митрополитом Киевским: «Яко с початку за старанием нашим, так и теперь за благословением, то местце святое фундоватися мает».

И вот, согласно правилам, которые даны были от патриархов прежним западнорусским братствам — Львовскому[12], Виленскому, Могилевскому,— составляется братство Киевское,и заводится при нем *Упис* или *Реестр* братский, в предисловном обязательстве которого говорится так: «Начинаем сие душеспасительное друголюбное съединение, *братство церковное* в богоспасаемом граде Киеве, благословением и повелением святейшего Вселенского патриарха Константинопольского Кир Тимофея, начальнейшего во Христе пастыря нашего и прочих святейших патриархов, Александрийского и Антиохийского и Иерусалимского — на утешение и утверждение в благочестии нашему Российскому роду, сыном всходнего православия, обывателям воеводства Киевского, так духовного вшелякого, яко и светского шляхетского стану, и всее речи посполитое месткое, и всем Христоименитым людем»... и т. д.

Читая сии строки, надо припомнить время, когда это деялось. Двадцать лет уже в иерархии Киевской свирепствовала церковная уния; был уже третий митрополит Киевский из униатов, Иосиф Вельямин Рутский[13] и не было уже ни одного православного епископа; а воеводой киевским был тягостный для Руси Станислав Жолкевский.

Начинаем, говорят, церковное братство в Киеве. Видно, что

оно было тут дело новое, а не продолжение прежнего братства, состоявшего при Богоявленской церкви, сгоревшей в предыдущем году вместе со школой и шпиталем. Братство, как общество людей, не прекратилось бы от пожара; оно только озаботилось бы о возобновлении погоревших зданий. Но в предисловии реестра и в записи Гулевичевны нет и помину об них и об их возобновлении, которое в ту пору было бы надежнее, чем построение их вновь, от нового православного братства церковного. Это умолчание не дает ли нам разуметь, что Киевское братство учредилось само по себе, без отношения к прежнему? В истории о. Макария сказано: «Для попечения об училище вновь составилось братство, вероятно из прежних членов с прибавкой впрочем и новых» (с. 18). Предположение это не имеет для себя опоры в свидетельствах тоговременных.

К сожалению нашему, не сохранился братский реестр целым подлинником и мы не можем, по собственноручным подписям членов, проследить из году в год постепенное возрастание Киевского братства, видеть воочию всех первых начинателей его и дальнейших подвижников, в том числе и достопамятного в его истории гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного. Только в надгробных стихах тогдашнего «ректора братских школ» Кассиана Саковича сказано о славном гетмане:

«К которое ся братство зо всем войском вписал,
И на него ялмужну значную отказал».

3

Из великого множества подписей, бывших в братском реестре, сохранилось только 22 — в копии, принадлежавшей митрополиту Евгению, с которой они напечатаны 1846 года, во втором томе «Памятников», изданных Киевской временной комиссией. В книге г. Аскоченского повторены эти подписи, но в том же порядке, как они напечатаны в «Памятниках», и от этого вышел анахронизм: 15 братий, записавшихся после 1630 года, очутились при самом начале братства. Автор говорит: «В непродолжительное время по основании училища на земле, подаренной Гулевичевой, внесли в упис свои имена: Афанасий Пузына, епископ Луцкий и Острожский, архимандрит Жидичинский; некто Андрей Литинский из Литинич; Исаия Трофимович, вписавшийся душой и рукой; Сильвестр Косов, «префект школ Киевских братских» и т. д.

Достойны воспоминания все подвижники православия и просвещения, ознаменовавшие себя в нашей истории; но в ней каждый из них должен стать в своем виде, на своем месте и в свое время.

Афанасий Пузына выбран в епископы Луцкие не ранее, как

в 1632 году на том знаменитом Варшавском сейме, на котором и архимандрит Печерский Петр Могила выбран в митрополиты Киевские. Тогда устранен был от епископии Луцкой униатский епископ Иеремия Почаповский, который не допускал на эту епископию Исакия Борисковича, посвященного на нее патриархом Феофаном 1620 года. А явился будущий епископ на тот избирательный Варшавский сейм, в числе 140 депутатов от шляхетства Волынского, будучи еще мирянином — *Александром Пузыною.* Под этим именем он виден и на листе Луцкого братства 1619 г. Очевидно, что его архиерейская подпись в реестре Киевского братства никак не ранее 1633 года; а по придаточному званию «архимандрита Жидичинского»* можно относить ее к 1640 году, ко времени Киевского собора. Впрочем, этот «владыка Луцкий и Острожский» был в Киеве и в феврале 1647 года, при избрании Сильвестра Коссова в митрополиты Киевские; а скончался он 1650 года 25 декабря.

Исаия Трофимович, *Сильвестр Коссов*, *Софроний Почаский* — мужи известные в нашей истории; но их служение в Богоявленском братстве принадлежит уже ко времени Могилянскому и началось не ранее 1632 года. *Исаия Трофимович Козловский*, ближайший сотрудник Петра Могилы, был взыскан им из иеромонахов Виленского братства. Едва ли не оттуда взят был и монах *Сильвестр Коссов.* Оба они, в июне 1631 года, находились уже при Петре Могиле, в бытность его во Львове. *Софроний Почаский* был из питомцев Киево-братской школы; он первый, под именем *Стефана Почаского,* означен в числе двадцати учеников, читавших над гробом гетмана Сагайдачного стихи или *вирши*, напечатанные того же 1622 года, от имени ректора и проповедника Кассиана Саковича. Через десять лет после того, Софроний Почаский, уже как «профессор риторики» в лаврской Могилянской школе, являлся к великому архимандриту в светлое воскресенье — с 23 учениками и с приветственными стихами, которые и напечатаны в том 1632 году, под заглавием «*Евхаристирион* албо вдячность». Того же года, вместе со всей лаврской школой, и Почаский переведен был в Богоявленское братство. Тогда и Сильвестр Коссов стал в нем профессором и префектом.

Но обратимся к старейшей братии, вступившей в Киевское братство еще при его начале. Из шести подписей, принадлежащих к 1616 году, прочтем первые три:

«Во иноцех *Захария Копыстенский* исповедник, яко и ненавидящи злое, прилепляющеся благому, составленное в Киеве

* При устранении Иеремии Почаповского от епископии Луцкой ему предоставлен был Жидичинский монастырь до кончины его, которая последовала в 1637 году. В те поры архимандрия Жидичинская была спорным местом, которого домагался и новый униатский митрополит Рафаил Корсак.

граде братство приимаю и облобызаю, повинующеся апостолу глаголющу: братолюбием же друг к другу любезни. На сие же и руку мою подписую. Писал дня 4 января по старому правдивому календарю, року 1616».

«Аз, во иеромонасех худейший *Тарасий Л. Земка*, братство православных Киевское при храме святых Богоявлений похваляю, и сам в нем быти и при нем стояти желаючи, в реестр и имя свое вписую рукой».

«Аз, треокаянный *Иезекиель Курцевич*[14], архимандрит монастыря Терехтемировского, видя яко враг и ненавистник спасения нашего пакостит во благочестии нашем, и сего ради видих вещь зело добру — составление Братства во граде Киеве, и того ради всегда есмь готов с ними пострадати добро и зло, и кровь мою за благочестие дати, и для того и руку мою подписую, власною рукою».

Не говорят ли собою эти три подписи, что Киевское церковное братство тогда было дело новое, только что зачинавшееся, а не продолжение прежнего?..

Захария Копыстенский в ту пору был еще иеродиаконом Печерского монастыря, где и подвизался он в непрестанных книжных трудах — от предисловного толкования служб, в *Часослове* 1617 года, до переведенного им толкования на *Апокалипсис*, напечатанного в 1625 году. По кончине достопамятного возобновителя Печерской лавры, Елисея Плетенецкого, Захария был полтора года архимандритом Печерским и скончался 1626 года в среду светлой седмицы, оставив по себе память ученого мужа и попечительного пастыря.

Тарасий Левкович Земка[15], не видный нигде в продолжение восьми лет, со времени его вступления в Киевское братство. (Не здесь ли и находился в эти годы «муж ученый в языках греческом, латинском, славянском и русском»? Так он назван в надгробной ему надписи). С 1624 года Тарасий виден постоянно, из году в год, в Печерском монастыре — типографом, проповедником, соборным старцем. При этих должностях в Лавре он был еще около пяти лет «игуменом Богоявленским Киевским», начиная с 1627 года, как это видно по его подписи в изданном того года «Лексиконе славенорусском» архитипографа Памвы Берынды[16]. В сентябре 1632 года скончался Тарасий Земка — и с ним оканчивалось старшее поколение ученых киевлян, от которого оставался только один, уже безвременный — Исаия Копинский. Для чего же историки Киевской академии пишут, что Тарасий Земка принадлежал к числу питомцев Петра Могилы, посыланных от него в заграничные училища и возвратившихся в 1631 году? Справедливее было бы сказать, что воеводич молдавский, постригшийся в печерские иноки 1625 года, поучался церковному знанию и делу у тогдашних лаврян и приснопамятного митрополита Иова Борецкого. В первоиздан-

ной Петром Могилой книге — *Служебнике* 1629 года, предпослано знаменитое писание Тарасия Земки о литургии.

Еще говорят историки, что в 1631 году Тарасий был определен в ректоры братских школ. Но и в этом году он был не ректором, а *игуменом* Богоявленским. Это видно из его подписей на трех актах, относящихся к учреждению лаврской Могилинской школы, писанных в исходе 1631 года. (См. в прибавлениях к «Описанию Киево-Печерской Лавры», сочиненному митрополитом Евгением). А в это же время, именно в сентябре и октябре 1631 года, виден из Межигорских актов «*ректор* братских Киевских школ — *Томаш Иевлевич*». Об этом ректоре Иевлевиче не вспомянуто ни в одной истории академии; но он был уже объявлен в моей «Книжной Старине южнорусской», напечатанной в «Киевлянине» 1850 года (см. на с. 128).

Иезекииль Курцевич был архимандритом Терехтемировского Успенского монастыря[17] до 1620 года, в котором, при восстановлении Киевской православной митрополии, он посвящен был в епископы Владимирские и Брестские. Его собственноручную подпись можно видеть в памятниках Луцкого Крестовоздвиженского братства, на вышепомянутом листе 1619 года. В исторических сочинениях он является обыкновенно не под своим именем. Еще в «Летописце Густынского монастыря»[18] он назван *Иосифом Курцевичем*; так принято и в «Описании Киево-Софийского собора» (с. 156 и 157). В «Памятниках Киевской комиссии» подпись его напечатана с именем Иезекииля Куневича. Так она повторена и в книге г. Аскоченского (с. 74); но там же далее говорится об Иосифе епископе Владимирском (с. 90), как будто о другом лице. Впрочем, подобные изменения собственных имен встречаются нередко. Сама Анна Гулевичевна, еще и в истории о. Макария, зовется не иначе, как *Гугулевичевной*, и к этому ее прозванию привыкли было все академисты.

4

Первоначальное собрание Киевского братства, в котором было принято и подписано братское обязательство, происходило, как по всему видно,— *1615 года 9 декабря*, в именинный день Анны Гулевичевны. К тому же дню устроена была при гостиннице домовая церковь *Зачатия св. Анны*; и стал этот день надолго торжественным праздником в братстве. Известие, что Аннинская гостинническая церковь устроена была еще Гулевичевной, хотя принадлежит позднейшему времени*, но его нельзя не принять, имея в виду пребывание там молитвенного мужа,

* Так сказано у митр. Евгения в «Кратком сведении о начале Киевской академии» (см. в прибавлении к *Опис. Киево-Софийского собора.* 1825. С. 222).

Исаии Копинского, с монашествующей братией, которые не могли обойтись без своей церкви.

Вскоре после того заложена была в братском дворе большая церковь, именем которой назвалось и самое братство. Об ней не упоминается еще ни в предисловном братском обязательстве, ни в подписи Захарии Копыстенского 4 января 1616 года. Но в следующей за тем подписи Тарасия Земки, принадлежащей очевидно к тому же году, сказано: «Братство православное Киевское — при *храме святых Богоявлений*». Это упоминание о церкви Богоявленской дает нам разуметь, что она была уже заложена в 1616 году, и вероятно 6 января, в день св. Богоявления, который у прежних киевлян был городовым праздником и сопровождался особенной, торжественной церемонией, под предводительством Киевского войта. А тогдашний войт, с бурмистрами и райцами, мог праздновать уже столетие своей магдебургии, дарованной городу Киеву королем Жигимонтом первым 1516 года.

Но построение этой новозаложенной братской церкви было позднее. В 1616 году в Киевском братстве не стало первоначальника его, Исаии Копинского. Он упрошен был на устроение монастырей Густынского и Ладинского[19] под городом Прилукой, принадлежавших тогда к украинскому владению князя Михаила Михайловича Вишневецкого. В тех двух монастырях и было около 15 лет любимое местопребывание Исаии, начальству которого княгиня Раина Вишневецкая[20], урожденная Могиловна, поручила и все церкви в городах и селах той обширной Украинской Вишневещины.

Кто же после Исаии был старшим в Киевском братстве? Об этом не сохранилось тоговременного известия. Между тогдашними киево-подольскими священниками, в особенном уважении и любви народной был настоятель Воскресенской церкви, Иоанн Матвеевич Борецкий — питомец Львовского братства, бывший там с 1604 года ректором и учителем языков греческого и латинского. Но этот добродетельный и просвещенный муж в 1617 году переместился в Золотоверхий Михайловский монастырь, где принял монашество* с именем Иова; а в конце следующего года избран был в игумены, на место умершего Иосифа Мировского.

Между тем явился новый строитель Киевского братства — «муж христианских добродетелей и милостынь полный», по выражению Иова Борецкого. То был питомец Острожских школ и Запорожской Сечи, гетман Петр Конашевич-Сагайдачный,

* Его примеру последовала и жена его, Никифона Федоровна Чеховичевна; она постриглась в монахини и была игуменьей новоустроенного Богословского девичьего монастыря. Меньшой брат Иова, Порфирий Борецкий, был Терехтемировским игуменом в митрополитство Петра Могилы.

уроженец Червонорусский. После многолетних войн и походов, он в 1619 году приопочил в своем киевском дому, где находилась его жена Анастасия, урожденная Повченская. В то время, вспомогая православным монастырям и церквам на Украине, он построил в Киевском братстве *Богоявленскую церковь* с приделом *св. Благовещения.*

Об этом построении братской церкви была современная заметка в старом ее синодике, который, к сожалению, не сохранился. Ириней Фальковский, ссылаясь на 121 лист того синодика, в своем «Киевском Месяцеслове на лето 1799» говорит: «Церковь бывшего Киево-Братского на Подоле монастыря Богоявлений Господних, деревянная создана Запорожским гетманом Петром Конашевичем-Сагайдачным, 1620 года» (с. 40).

Вслед за тем он построил на Подоле и другую церковь во имя *св. Василия,*— как это видно из универсала, данного Братскому монастырю в 1656 году киевским полковником Василием Дворецким[21], где сказано: «От грунту церкви Васильевское меское, през того ж Сагайдачного уфундованое»*.

Таким образом усердием незабвенного гетмана прибавились две новые церкви к восьми, бывшим тогда на Подоле. Между ними соборной издавна была Успенская или Пречистенская, которую в те поры называли обыкновенно *Матерь Божья,* а ее настоятелей — «протопопами Матер божскими»**. Пребывание Сагайдачного в Киеве было временем обновления церковного. Патриарх Феофан, в своей второй грамоте 1620 года, говорит о себе, что посетил он церкви в самом городе Киеве, «почавши от церкви соборной Успения Пресвятой Богородицы, митрополии Киевской, посреде града муром и Спаса святого деревом новообновленные и коштом великим благочестивых граждан киевских украшенные и иные».

Городом Киевом, как известно, назывался тогда собственно Подол. Над ним возвышались: Киевский замок, бывший на горе Киселевке, и древний, нагорный Киев, называвшийся тогда «Старым городищем».

5

В 1620 году, среди великого поста, в братской гостиннице остановился достопамятный духовный странник, иерусалимский патриарх Феофан, бывший в Москве и там посвятивший в

* На второй Могилянской записи о лаврской школе 1631 года подписался — «Иаков Федорович, священник Васильевский Киевский, рукой власной». Об этой церкви *Василия Великого* на Подоле упоминаются и в «Росписи Киеву» 1682 года.

** На той же Могилянской записи подписан: «Федор Березницкий, недостойный протопопа Киевский Матробозский, рукой власной». Сличите воеводский лист князя К. К. Острожского на гору Щекавицу, отданную 1581 г. протопопу о. Ивану Михайловичу.

патриархи государева отца Филарета Никитича[22]. При нем находился экзарх патриаршего престола Константинопольского, Арсений, архимандрит великой церкви. Тогда Киевское Братство около десяти месяцев было, можно сказать, средоточием Киевской иерархии, куда со всех ее концов притекали обрадованные православные люди. Феофан не замедлил посетить монастыри: Печерский, Пустынно-Никольский, Золотоверхо-Михайловский, Кирилловский, Межигорский и Терехтемировский, и все приходские церкви в самом Киеве.

В первой грамоте, 17 мая, сказано: «Смирения нашего благословением, новодруженное братство Богоспасаемого града Киева благословихом и хартией нашей благословенной в вечные роды укрепихом». Из нее видно, что по прошению братий патриарх изъявил согласие основать в Киеве, по примеру прочих братств западнорусских, братство *юношеское*: «Братство *младенческое*, старейшему братству единомысльное и повинующееся о Господе, заложити извольше, благословихом»*.

Вторая грамота 26 мая дана Киевскому братству на патриаршую *ставропигию*. В ней сказано: «Видячи церкви Божие великое озлобление от апостатов, законопреступных пастырей их, бывших в земли Русской**, на знак бытности нашей в месте Киеве, — *на грунте братском, при церкви святых Богоявлений и Благовещения*, крест водружаем и ставропигион патриаршеское достойно быти судивши, благословляем». Этой же грамотой Феофан благословил находящихся в братстве молодых иноков — «*способом монастырским* по закону св. Василия общежительно быти».

Таким образом исполнилось уже все, что предназначала для Киевского братства основательница его, Анна Гулевичевна. С 1615 года была тут школа для детей всякого звания и *гостинница* для духовных странников; а в 1620 г. стал здесь и *монастырь Ставропигии патриаршей*.

Даны были Феофаном грамоты на ставропигию и Межигорскому монастырю, и двум новым братствам: Луцкому Крестовоздвиженскому и Слуцкому Преображенскому. Но важнейшим делом иерусалимского патриарха было восстановление православной митрополии Киевской, на которое он решился по общему желанию здешних православных людей и по особенному настоянию гетмана Сагайдачного. В Печерской Лавре, в храмовой день ее (15 августа), при великом множестве народа,

---

* Это братство состояло из юношей или молодиков, еще не достигших полного мужества и «неискусобрачных» — как сказано в грамоте митрополита Исаии Копинского, данной 1632 г. *юношескому* братству Луцкому.

** Тут разумеются отступники от православия, принявшие унию — митрополит Михаил Рагоза, епископы: Кирилл Терлецкий[23], Ипатий Потий[24] и прочие.

посвящен был в Киевские митрополиты *Иов Борецкий*. После того были посвящены патриархом и другие духовные пастыри на епископские места, занятые униатами, а именно: *Мелетий Смотрицкий*, архимандрит и ректор Виленский — в архиепископы Полоцкие; *Иезекииль Курцевич* — в епископы Владимирские и Брестские; *Исаия Копинский* — в епископы Перемышльские; *Исакий Борискович*, игумен Чернчицкий — в епископы Луцкие и Острожские; *Паисий Ипполитович*, игумен Мелецкий — в епископы Холмские и Бельзские; а на епископство Пинское и Туровское поставлен был грек *Авраамий*, епископ Стагонский.

Между тем, как происходило посвящение православных епископов, Станислав Жолкевский[25], бывший воеводой Киевским и коронным гетманом, потерпел страшное поражение от турков на р. Цецоре, в котором и он погиб, а прочие военачальники польские взяты были в плен[26]. Поэтому случаю был в октябре того года варшавский сейм, для выбора новых военачальников и для совета о новой войне, в котором принимал участие и гетман Сагайдачный.

В январе 1621, после праздника Богоявления, патриарх Феофан простился с Киевом, благословив братство еще третьей поучительной грамотой 7 января и своим кипарисным крестом, который доныне находится над царскими вратами братской Богоявленской церкви. Гетман Сагайдачный, со своими казаками и многими духовными лицами, провожал патриарха до Волошской границы, где и расстались в городе Буше.

6

Посмотрим теперь на разные известия и мнения о Киевском братстве того времени, встречаемые у историков академии.

У Евгения — в «Кратком сведении» — сказано, что «по отъезде патриарха Феофана, восставшее от католиков и униатов гонение на новопосвященного им митрополита Киевского Иова Борецкого и других православных епископов, разрушило сие заведение. А хотя церковь братскую обновил в 1622 году гетман войск Запорожских Петр Конашевич-Сагайдачный и братство поддерживал, но училища восстановить не смел без дозволения польского короля, и уже в 1629 году февраля 19 получил от короля Сигизмунда III грамоту, дозволяющую иметь Богоявленскому братству церковь для совершения Божьей службы по закону греческому, с училищем»... и т. д. (с. 210).

Но гетман Сагайдачный в те годы был уже в такой силе, что весьма мог и сам собой обновить братскую школу. А если бы даже и для этого понадобилось дозволение королевское, он легко

мог получить его; не отказал же король Луцкому братству 1619 года в дозволительной грамоте на построение церкви, богадельни и школы. Впрочем, Киево-братская школа продолжалась и в 1622 году: тому свидетели — ректор Сакович с 20 учениками, читавшими его стихи над гробом Сагайдачного*. А в Жигимонтовой грамоте, данной Киевскому братству 1629 года (т. е. через семь лет после смерти Сагайдачного), даже нет и речи об *училище*, как будто его и не было.

Неизвестно, по какому именно поводу была испрошена эта несвоевременная и недостаточная королевская грамота. Макарий и Аскоченский указывают перед нею на прекратившуюся польско-казацкую войну, т. е. на войну Тарасову. Но это указание напрасное, потому что Тарасова война была в следующем 1630 г., а не в предыдущем 1628, под которым она ошибочно значится у малороссийских историков.

Что же касается до опустошения Киевского братства по отъезде иерусалимского патриарха, то в истории Макария сказано так, что гонители православия тогда «произвели, особенно в Киеве, страшные грабежи монастырей и церквей; и братское училище, вместе со своей гостинницей и церковью, вновь потерпело совершенное разорение»... (с. 20). В книге Аскоченского это разорение представлено в таких чертах: «В это-то бурное время, наравне с прочими, и Киевское училище подверглось опустошению. Братство рассеяно; ученики и учители умирали в истязаниях; церковь разграблена, гостинница разорена, и не остаться бы камню на камне, если бы гетман Петр Конашевич Сагайдачный со своими казаками не остановил буйства грабителей и убийц» (I. 91).

Но тут останавливает следующее обстоятельство: если бы нападение на Киевское братство в 1621 году было такое ужасное, то уцелевший от него ближайший его свидетель, ректор Кассиан Сакович, не преминул бы провозгласить о нем, в своих *виршах*, через несколько месяцев после того писанных. Вспомним, как Сильвестр Коссов, в своем *Екзегезисе*, изобразил ту опасность, которая в 1633 году только угрожала учителям братской коллегии, где и он тогда находился. Но Сакович,

---

* Вот список тех учеников или *студеев*, извлеченный из книги «Вирши на жалосный погреб зацного рыцера, Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска Его К. М. Запорожского. Зложоны през инока Кассиана Саковича ректора школ Киевских в братстве»:

1) Стефан Почаский. 2) Петр Созонович Балыка. 3) Иоанн Сакович. 4) Феофилакт Иоаннович, бурмистрович К. 5) Иоанн Тарнавский, протопопович К. 6) Федор Скаревский. 7) Леонтий Балыка, бурмистрович К. 8) Иеремия Ставровецкий. 9) Иоанн Стецкий. 10) Николай Отрешкевич. 11) Иоанн Козарин. 12) Иоанн Пелчицкий. 13) Евтихий Самуилович. 14) Матвей Кизимович. 15) Григорий Кондратович. 16) Димитр Крикович. 17) Лукаш Берында. 18) Георгий Воронич. 19) Карп Михайлович. 20) Симеон Шулга.

передающий многие тогдашние подробности, не говорит ни о разорении Киевского братства, ни о возобновлении его Сагайдачным. Что значит такое молчание? Не то ли, что покушение или нападение на Киевское братство не было такое страшное, как его рисуют? Каков бы ни был новопоставленный киевский воевода Фома Замойский, но тогдашние киевские мещане не были так слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить сопротивников своих на такие неистовства.

Но возвратимся к повествованию г. Аскоченского о Сагайдачном.

7

«Огорченный вероломством поляков, он (Сагайдачный) отказался помогать им против турков, и, поднявшись со своим станом, перешел через Днестр и вступил в Малороссию».

Нет, гетман Сагайдачный воротился из-за Днестра на Украину уже по окончании хотинской войны, в которой он, с 40-тысячным казацким войском, принимал весьма деятельное участие,— как это видно из нескольких польских дневников и летописцев южнорусских. Кассиан Сакович, вспомянув о цецорском поражении Жолкевского, при котором не было тогда войска Запорожского, говорит:

«Бо и в тойрочной войне Бог весть як было,
Гды бы Запорожское войско не прибыло,
Которое с коронным войском обок ставши,
Менжне поган разило, в помощ Бога взявши.
Оттоль ведаймо, чого згода доказует,
Домы, панства и царства вцале заховует.
Дай Боже згоду межи всеми христианы
И звитяжество христианским царом на поганы!»

Доблестный гетман Сагайдачный воротился в Киев с хотинской войны перед Филипповским заговеньем, обремененный тяжелыми ранами, от которых и скончался через пять месяцев, на проводной неделе.

Далее в книге Аскоченского написано: «С прибытием Сагайдачного в Киев гонение на православных значительно стало утихать. Он начал отнимать вооруженной рукой церкви, занятые католиками и униатами, и, овладев остатками Киево-братского монастыря, занялся возобновлением как его, так и находившегося при нем училища. Не жалея никаких издержек, Сагайдачный поручил постройки сведущему в архитектуре гетману Жицкому, дал монастырю села, и восстановил школу, пожертвовав ей все свое достояние. Устроив все, как должно, Сагайдачный окончательно сложил с себя гетманство и принял иноческий сан» (I. 91).

Но из современных сказаний не видно, чтобы в 1621 году были захвачены в Киеве католиками и униатами разные церкви и Богоявленское братство и чтобы лежащий на одре болезни гетман возвращал их вооруженной рукой. По свидетельству Саковича, он —

«Ку смерти ся от килку недель готуючи,
Споведю и жалостю грехи ветуючи,
Тайну седмикрот принял маслосвящения,
Так теж тайны святого з ним причащения;
Маетность свою роздал, едину на шпитали,
Другую зась на церквы, школы, монастыри».

И мы знаем из универсалов гетманских, что Сагайдачный укрепил и за Корсунским, и за Мотронинским монастырями некоторые угодья. Но о *селах*, данных от него Киево-братскому монастырю, не знали и коллегианты XVII века. Киевскому братству дал он несколько тысяч золотых (червонцев),— собственно на школу на *науки*, как свидетельствует Сакович. Кроме того Сагайдачный завещал полторы тысячи золотых — «на школу братства львовского, на науку и на цвиченье бакаляров учоных», как сказано в записи 1622 года, данной его душеприкащиками: митрополитом Иовом Борецким и гетманом Олифером Остаповичем Голубом. Об этом пожертвовании говорит и Сакович, упоминая притом, что Сагайдачный наделил нескудно и братскую церковь во Львове.

В церкви Киево-братской доныне сохранился большой золочено-серебрянный ручной крест, обсаженный девятью каменьями, с такой надписью: «Року 1622 дал сей крест раб Божий Петр Конашевич-Сагайдачный гетман войска его К. М. Запорожского, до церкви святого Богоявления Господня, в дом братский, на отпущение грехов своих». Можно определительно сказать, что в Киевском братстве гетман Сагайдачный был строителем Богоявленской церкви и фундатором братских школ, по которым особенно и вспоминали его. Так в универсале Киевского полковника Дворецкого 1659 года сказано: «Монастыреви Богоявления Господня брацкому Киевскому и школам, при нем будущим для наук высоких, през побожных а вельце славных годной памяти людей, то есть през пана Сагайдачного, гетмана войска Запорожского, и через преосвященного в Богу зошлого отца Петра Могилу, митрополита Киевского, з умыслу побожне для обороны от супостат веры и церкви православные, за часу гонения их, фундованным».

Что же касается до сведущего в архитектуре гетмана *Петра Жицкого*, то он есть не иной кто, как *Иван Петрежицкий*, бывший гетманом в 1632 году, о котором говорится и в книге Аскоченского (I. 113), но особо от *Жицкого*. Это лицо принад-

лежит «Истории руссов», которая у нас лет за сорок пошла в ход, под славным именем Георгия Конисского*.

О монашестве гетмана Сагайдачного не говорили наши иноки ни в XVII, ни в прошлом столетии,— без сомнения потому, что он и не был монахом; а если б был, то не умолчали бы о том ни Кассиан Сакович, ни другие черноризцы киевские. Первое известие о том появилось 1796 года, в «Истории Украины» Энгеля[27], который, не понимая, что значит вступление в церковное братство, принял его за пострижение в монашество. Это недоразумение немца Энгеля у нас распространил Бантыш-Каменский, вторым изданием своей «Истории Малой России», напечатанным 1829 года. Отсюда монашество Сагайдачного принято было и митрополитом Евгением (см. в прибавлении к Киевскому Синопсису — 1836 г., список малороссийских гетманов). Тогда и в Киевском братстве стали было даже поминать Сагайдачного под именем «инока Павла»,— о чем я слышал от самого Иннокентия в 1840 году.

В старом помяннике К. Михайловского монастыря находится следующая современная заметка: «Року 1622 *апреля 10* дня, благочестивый муж пан Петр Конашевич-Сагайдачный гетман войска его К. М. Запорозкого, по многих знаменитых военных послугах и звитязствах, на ложи своем простер нози свои, приложися к отцем своим с добрым исповеданием исполнен благих дел и милостини, в Киеве. Погребен *при церкви школы Словенское*, в месте, на Подоле честно, в дому братства церковного».

Сходно с этим и у Саковича сказано, что Сагайдачный погребен «*при церкви братской*» — «юже он гетман Петр созда», — написано было в старом Синодике этой церкви. Самуил Величко сказал в своей летописи, что гетман Сагайдачный «погребен честно и знаменито, чрез преосвященного митрополита своего Киевского отца Иова Борецкого, *при церкви соборной* в том же

* Весьма замечательная в отношении художественном, она преисполнена сведений неверных и сбивчивых, к распространению которых послужила немало «История Малороссии» Маркевича. Вот несколько строк из «Истории руссов» о гетмане Сагайдачном:

... «А сам, бывши спокойным правителем гетманства, поправлял внутренние беспорядки правительственные и воинские, воспящал усильно униатство, возвращал с него церкви, а в том числе воротил и соборную Киевскую Софию, создал вновь церкви и между тем построил братский Киевский монастырь на Подоле, под распоряжением гетмана Петра Жицкого, яко в архитектуре сведущего; надал сему монастырю достаточные деревни и возобновил в нем, с помощью митрополита Киевского Петра Могилы, древнюю Киевскую академию, заведенную со времен последнего крещения России, но от нашествия и разорения татарского крывшуюсь в разных монастырях и пещерах. И поживши Сагайдачный в полной славе великого и славного гетмана Малороссийского более двадцати лет, скончался в Киеве в 1622 году и погребен в церкви того созданного им братского монастыря, коего почитался он главным ктитором».

Неужели это написано пером Георгия Конисского!

монастыру брацком Киевском сущей». Но Стефан Лукомский, в своей истории двух войн, написанной в городе Прилуке 1170 года, пользуясь летописью Величка, переделал по своему и назначил место погребения Сагайдачного «*в трапезе* того монастыря»!

Но где же надгробный камень, о котором упоминает Сакович, приводя и самую надпись? Может быть, он оставлен на своем месте, при построении нынешней каменной Богоявленской церкви, в 1693 году, и вошел в ее основание. Прочтем последние четыре стиха той надписи:

«Року тысеча шесть сот двадесять второго,
Погребен в монастыри брацтва Киевского.
На который тисячий килка оферовал,
Аже бы там науки фундовано, жадал».

8

«Погребен *в монастыре* братства Киевского»... говорит тогдашний ректор братских школ. Итак, напрасно утверждал Евгений, а за ним и Макарий, что Киевское братство еще не называлось монастырем,— или, что в нем еще не было монастыря — даже до 1633 года, до митрополитства Петра Могилы. Нельзя согласиться и с тем их утверждением, будто право *ставропигии* дано было патриархом Феофаном только братской церкви, а не монастырю; потому, говорят они, и мог Петр Могила подчинить новозаведенный Братский монастырь своей Епархиальной власти, не нарушая тем права ставропигии патриаршей. В книге Аскоченского сказано сначала, что Феофан утвердил право ставропигии за Богоявленским училищным монастырем (I. 88); но потом, говоря о подчинении монастыря епархиальной власти, он замечает, что «этот поступок Петра Могилы не нарушал права ставропигии, данного патриархом Феофаном: ибо ставропигия принадлежала не монастырю, а только церкви, существовавшей в то время» (I. 331). Если уже так отделять монастырь от церкви, то начало братского монастыря надо признать еще с октября 1615 года, когда здесь водворились Исаия Копинский и прочие иноки и когда здесь не было еще Богоявленской церкви. В 1620 г. патриарх Феофан, грамотой 26 мая, благословил здешних иноков «*способом монастырским* общежительно быти»; а также он благословил здесь быть *ставропигии патриаршей*, водрузив крест «*на грунте братском*, при церкви святых Богоявлений и Благовещения». Отсюда видно, что право ставропигии дано было не только церкви, но и состоящему при ней монастырю — всему *дому братскому*, по выражению того времени. Так и разумели тогдашние православные люди, духовные и светские, называя

патриаршею ставропигией целое Богоявленское братство. О том свидетельствуют известные три записи, данные Петру Могиле от духовенства, шляхетства и Запорожского войска. «Мы Исаия Копинский, милостию Божьей архиепископ Киевский, Галицкий и всея России, митрополит православный, и мы все православные епископы, архимандриты, игумены, иеромонахи, протопопы, иереи и иноцы, сынове святое восточное апостольское церкви, послушенства архиепископа Константинопольского и Вселенского патриархи, а братия уписные *братства церковного Киевского, ставропигиум патриархи Константинопольского*, пастыря нашего, при церкви святых Богоявлений, в месте Киеве будущего»... и т. д.

Как этой записью, так и двумя другими, Петру Могиле, еще до митрополитства его, предоставлено было, на всю его жизнь, *старшинство* над монастырем и над всем, что принадлежало к Киевскому братству. Ему, как *любопослушнику* патриарха Константинопольского, также признававшему братство Киевское патриаршей ставропигией, не для чего было и нарушать ставропигиального права каким-то особенным подчинением братского монастыря своей епархиальной власти, отдельно от братской церкви. А новосбранная Петром Могилой община ученых иноков, еще и до перевода ее из Лавры в братский монастырь, была подчинена ему, как архимандриту Печерскому и своему *фундатору*.

Итак, можно сказать утвердительно, что Богоявленский братский монастырь, с правом патриаршей ставропигии, существовал с 26 мая 1620 года. Но кто был тогда игуменом Богоявленским, это неизвестно. А с 1627 года был здесь *игуменом* знаменитый *Тарасий Левкович Земка*, продолжавший притом свое прежнее служение в Печерской лавре, где и скончался 13 сентября 1632 года. Замечено выше, что историки напрасно назначали его в ректоры братских школ 1631 года: *ректором* тогда был *Томаш Иевлевич*. Игуменство и ректорство соединялись в одном лице уже впоследствии. Неизвестно, с кого именно это началось: Иннокентий Гизель с 1647 года подписывался уже «игумен и ректор». История Киевской академии не собрала еще всех отцов коллегиантов Могилянского времени. Так, например, в ней не являлся еще ни разу предместник Игнатия Старушича *игумен Леонтий Андреевич Бронкевич*, который занимался возобновлением древней *Трехсвятительской* (т. е. Васильевской) церкви, по поручению Петра Могилы.

9

О Киево-братской школе первого 17-летия мало сохранилось известий положительных; даже то место в Феофановой грамоте,

где говорится о школе, по неизвестности подлинника, ныне читается в двух вариантах. По одному, напечатанному в «Истории иерархии Российской» (Ч. 1), такое чтение: «Школу *Еллино-Словенского* и *Латино-Польского* письма». По другому, изданному в «Памятниках Киевск. Врем. Комиссии» (т. II), читается так: «Школу *Еллино-Словенского* и *Латинского* письма». Отсюда выходит значительная разница в заключениях о преподавании языков в тогдашней Киевской школе.

Евгений и Макарий держались первого чтения, по которому выходит, что в Киевской школе учили *четырем* языкам. У Евгения, в кратком сведении, сказано было так, что до 1620 года в этой школе обучали юношество только русской грамоте и латинской словесности; а Феофан «повелел распространить круг наук еще обучениям греческого и польского языков» (с. 209). Но не в обычае и не в духе тогдашних православно-русских школ было бы учить латинскому языку без греческого; да и в том же кратком сведении сказано далее, что «язык греческий заведен был с самого начала сего училища» (с. 217). Таким образом к Феофанову повелению могла бы относиться только прибавка языка *польского.* Но патриарху иерусалимскому едва ли свойственно было делать такую прибавку; да он, как видно, и не вмешивался в круг преподавания; во второй грамоте своей он говорит о Киевской школе, какую он застал, видел и благословил.

В книге Аскоченского (ч. 1, с. 87) сначала принят второй вариант грамоты, называющий там школу *Еллино-Словенского* и *Латинского* письма, из чего следует, что здесь учили только этим *трем* языкам. Однако в той же книге говорится далее, что «до Петра Могилы в школах Киевских существовало преподавание и польского языка; но с переименованием оных в коллегию и с введением новой программы, наречие польское исключено, как совершенно ненужное (II. 149).

О прекращении в Киевской коллегии четвертого языка, т. е. польского, говорилось еще в Истории Макария, с таким предположением, что это сделано «может быть и по особенной неприязни к полякам, как гонителям православных» (с. 52). В книге Аскоченского тоже сказано: «Такому исключению может быть содействовало еще и то обстоятельство, что наречие это принадлежало объявленным гонителям православия и притеснителям Украины».

Но здесь прекращается историками польский язык в Киевской школе именно тогда, когда он только начинает в ней проявляться со всей свежестью нововведения. Вспомним, чем приветствовали ученики преобразованной Киевской школы митрополитство своего мецената в 1633 году: *польскими* стихами, напечатанными в Лавре под именем Mnemosyne. Профес-

сором иностранных языков здесь был три года Сильвестр Коссов, такой любитель польщизны, что и в последние годы его митрополитства (1657), когда Киев и вся Малороссия были уже под Русской державой, даже деловые бумаги у него в Киево-Софийской капитуле были писаны по-польски (см. образчик в описании Киево-Софийского собора, с. 251, с собственноручными подписями: Sylvester Kossow... Lasarz Baranowicz, Klemens Staruszycz, Theodosius Sophonowicz). Сам Петр Могила, принадлежавший до своего монашества к рыцарству польскому, любил польский язык, на котором и перед кончиной своей написал он достопамятное для Киевской коллегии завещание. Итак, в Киевской коллегии не было предполагаемого нелюбия к языку польскому и можно думать, что он был некоторое время преподаваем и в ней, по примеру братских школ Виленской и Могилевской.

Историки академии вводят и прекращают польский язык слишком произвольно. Так, у Евгения в «Описании Киево-Софийского собора» (с. 171) сказано было, что Петр Могила младшим своим питомцам с «1631 года поручил обучать детей наукам на *латинском* и *польском* языках, назначив им школы при лаврском больничном Троицком монастыре». В «Истории» Макария тоже повторяется, что Петр Могила «определил в новооткрытые школы некоторых из возвратившихся своих питомцев преподавать науки на *латинском* и *польском* языках» (с. 37). Но посмотрите в подлинную запись Петра Могилы об этой лаврской школе, (которая напечатана Евгением в «Описании Киево-Печерской Лавры» 1831 года, т. е. за 12 лет до издания «Истории Киевской академии» о. Макария); в той записи сказано, что Петр Могила новособранную ученую братию водворяет на означенном месте, дабы они преподавали «науки вызволены *греческим*, *словенским* и *латинским* языком».

Имея в виду это постановление лаврской школы 1631 года о преподавании наук на *трех* языках, а также и то, что Луцкая братская школа, устроявшаяся по образцу Киевской, названа была в 1624 году *Греко-Латино-Словенской*, я полагаю, что так называлась и школа Киево-братская, согласно с вторым вариантом Феофановой грамоты. Впрочем, ее называли в те поры и просто — *школою Словенскою*,— как это мы видели из заметки в помяннике Михайловского монастыря о кончине гетмана Сагайдачного.

10

Об учителях тогдашней Киево-братской школы очень мало сохранилось известий положительных. Достоверно знаем только двух учителей, бывших ректорами: *Кассиана Саковича*, видного

в 1622 году, и Фому Иевлевича, упоминаемого в 1631 году. Между тем в «Истории» Макария сказано так: «Вообще же учителями во все это время являются здесь монашествующие, которых ввела в двор свой Анна Гулевичевна» (с. 30). Зачем же предполагать здесь учителями одних монахов и только тех, которые были введены сюда вместе с Исаиею Копинским? Не видно еще ни откуда, чтобы и Сакович, и Иевлевич были тут с 1615 года. Что же касается до *монашества* учителей, то оно не было непременным условием в тогдашних школах. Иоанн Борецкий, задолго до своего монашества, был и учителем, и ректором во Львовской школе; а в «Истории» Макария он зачислен и в учители Киевской школы, также еще до его монашества. В тогдашней Виленской школе, за неимением *своих* учителей латинского языка, нанимали и *немцев*. Итак, достаточно было бы того условия, назначенного Гулевичевной, чтобы учители и все тут были *православного* исповедания. Из ее записи видно, что она ввела в свой двор не только *духовных*, но и *светских* лиц: священно-инока Исаию Копинского и прочих чернцов, а также и школу (т. е. учителей); и сказано далее: «Потомки теж свои на то обликгую, же жадным способом перешкоды в той поссесии там мешкаючим *православным*, в иночестве, в школе и всяком строении там пребывающим, чинити не мают». Нет никакого основания тогдашних учителей и выбираемых из них ректоров Киево-братской школы ограничивать одними монашествующими. Это началось уже с той новой ученой братии, которую собрал Петр Могила в 1631 году для преподавания свобод:ых наук в лаврской школе и которую потом он водворил в братском монастыре.

В книге Аскоченского сказано так: «Вообще же *начальствующими* в первобытной Киевской школе постоянно являются лица монашествующие, в силу того пункта записи Анны Гулевичевой, которым она первоначально ввела во владение подаренным ею двором и землей — иеромонаха и прочих з чернцов» (I. 103). Но такого пункта нет в ее записи: она «зараз в той двор и на его плац духовных и светских православных — впровадила» и отдала во владение как им, так и всем *духовным* и *светским*, состоящим в православии восточной церкви.

Предположив одних монашествующих начальниками школы, Аскоченский прибавляет: «только при таких блюстителях школьного учения могла быть в то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы». Но в то время — кто же, как не иеромонах и ректор Кассиан Сакович подал собой соблазнительный пример отступничества от православия восточной церкви? А вслед за ним перешел в униатский раскол бывший Виленский ректор Мелетий Смотрицкий[28], его же Макарий и

Аскоченский зачисляют в учители и ректоры первобытной школы Киевской.

11

Главное наблюдение и попечение о целом Киевском братстве и всех его частях лежало на *старшем брате.* В это звание выбираем был на известное время (на «час певный»), способный человек духовного или светского стана; а в помощь ему выбирались годичные *старосты.*

Это правило видно из трех вышепомянутых записей, данных Петру Могиле, а поставлено оно, вероятно, еще в тех «братских повинностях и порядках», которые написаны были 1615 года, при самом начале Киевского церковного братства*. К сожалению, эти «повинности и порядки» утратились или же заронились где-нибудь в безвестности архивной. В уцелевших отрывках братского вписного реестра первое место занимает следующая запись:

«За згодною прозьбою всех их милостей и отцев наших духовных и стану шляхетского обывателей Киевских, всякого стану вписанных Братства, церкви и монастыря Богоявление в Киеве, ставропигии святейшего Вселенского, прирожоного отца и пастыря Российской церкви, патриархи Константинопольского, старшим братом, опекуном и фундатором того святого Братства, обители и школ, любовне в тот Братский реестр подписуюсь. Петр Могила, милостью Божьей архимандрит Свято-Великой Чудотворной Лавры Печерской Киевской, яко любопослушник Святейшего Вселенского Константинопольского патриархи, в лето 1631 месяца марта 11 дня, рукой власной».

На чье же место выбран был Петр Могила в звание *старшего брата, опекуна и фундатора*? Это можно определить днем его выбора — 11 числом марта 1631 года. То был девятый день по кончине митрополита *Иова Борецкого.* Собравшееся на его *девятинах* Киевское братство избрало и для себя ему в преемники того же именитого мужа, которого и умирающий Иов назначил первым своим душеприказчиком. Известно, какое тяжелое время настало по смерти Сагайдачного для восстановленной Киевской иерархии, для Киевского Богоявленского братства и для всей православной Киевской Руси. Много труда и заботы предстояло митрополиту Иову; а его средства были скудны, ограниченные одним Михайловским монастырем, в

* У Евгения, в кратком сведении, сказано, что патриарх Феофан при Киевском братстве «учредил еще — братство *церковное* и братство *милосердия*» (с. 209). Но это только разные названия Киевского братства, которыми оно именовалось от самого начала. Так Луцкое братство, начавшееся 1617 года, именовалось *церковным* братством и братством *милосердия.*

котором он оставался по-прежнему в звании игумена. Там жил при нем, сослужителем его, почтенный муж Исаакий Борискович, оставшийся только с званием епископа Луцкого и Острожского.

Для умножения средств братского монастыря и училища куплен был в 1621 году, у инокини Парасковии Кучинской, большой двор ее, знаменитый тогда по преданиям, на Старокиевском подгорьи, против Рождественской церкви[29]. В 1624 году Киевское братство приобрело еще два лавочные места возле соборной церкви у мещанки Люции Миткевичевой; да в 1628 году небольшой двор на Борисоглебской улице, у казака Петра Динкова.

А свой Киевский двор, находившийся близ Воскресенской церкви, митрополит Иов заложил отцам межигорцам. В том дворе его (а не в Михайловском монастыре) заведена была типография, в которой сначала работал Киевский типограф *Александр Тимофеевич Вербицкий*, напечатавший два издания *Часослова*, 1625 и 1626 г,; а потом печатал здесь разные церковные книги *Спиридон Соболь* в 1627—1630 годах. Этот Черкашенский двор Иова Борецкого, по его завещанию, приняли в свое владение межигорцы и в исходе того же 1631 года продали его ректору Томашу Иевлевичу.

В завещании своем, писанном 1 марта накануне своей смерти, он говорит следующее: «И его милость господина отца Петра Могилу, архимандрыта Печерского, и его милость отца Исаакия, епископа вышепомененного, по Бозе першими опекунами так того святого монастыря Михайловского, яко и всех речей моих рухомых учинивши, — за наперший и церкве Божой и всему православному народови российскому потребнейший... В том тестаменте остатное воли моее кладу: *абы школы в братстве Киевском для цвечения деток християнских, а не где индей фундованы были, под неблагословением приказую*».

Новоизбранный старший брат Богоявленского братства не оставлял однако же своего предприятия «фундовать школы», будучи того года во Львове, дал 15 июня обетную запись иеромонаху Исаии Трофимовичу, монаху Сильвестру Коссову и другим ученым братиям, которые к ним еще должны были присоединиться, о том, что предназначенный фундуш будет непременно исполнен в Киеве, в Печерском монастыре, или же где ему и им заблагорассудится, и назначил им крайним сроком 12 месяцев. Таким образом тогда не было еще определено, где именно быть новой школе.

Но в том же 1631 году, избранный всей капитулою Михайловского монастыря в игумены, архиепископ северский *Исаия Копинский*, 20 июля был возведен на престол митрополии Киевской.

Тогда великий архимандрит Печерской Лавры приступил к открытию своей школы при каменной Троицкой церкви на святых вратах, в больничном монастыре,— испросив на то дозволение Константинопольского патриарха Кирилла, а также благословение Киевского митрополита Исаии Копинского и трех тогдашних епископов, Исаакия, Авраамия и Паисия — как означено в его записи 18 ноября 1631 года.

Но эта лаврская школа устрояема была Киевского братства. Еще в декабре 1631 года, в день Зачатия св. Анны, вся Богоявленская братия просила своего старшего брата, чтобы он заводимую им школу и находящихся при ней учителей перевел в Братский монастырь и основал ее здесь, как при ставропигии патриарха Константинопольского и месте, удобнейшем для воспитания учащихся. И в следующий день Петро Могила объявил свое согласие основать здесь своим иждивением школы с тем, чтобы ему быть пожизненным опекуном, блюстителем и защитником братской церкви, монастыря, школ и всего к ним принадлежащего. И было утверждено это дело тремя записями, данными Петру Могиле — от Киевского шляхетства 30 декабря 1631 года, от духовенства 5 января 1632 года и от гетмана Ивана Петрижицкого и всего войска Запорожского 12 марта 1632 года.

12

Лаврская школа была уже в ходу; о том свидетельствует книжка *Евхаристирион*, напечатанная 1632 года 29 марта, состоящая из стихотворений, которыми ученики или *спудеи* риторики и их профессор, Софроний Почаский, приветствовали Петра Могилу с светлым праздником Воскресения Христова. Этой книжкой определяется характер лаврской *гимназии*, которая послужила родником *коллегии* и потом *академии* Киевской. Новое поколение ученых *гимназиастов* было с большим запасом тогдашней западноевропейской учености, так щедро изукрашенной язычеством или *поганством* классической эллино-латинской древности. Ученость эта принята была в то время в Киеве, как внешнее условие, необходимое для возрастания здешнего православно-русского просвещения в уровень с просвещением латино-польским. Но ее усвоение оговорено было в «Евхаристирионе» так:

«Если з доброго стался злым человек перший;
Вторый все то отменил, диявола стерши;
Теды з наук поганских латво учинити
Христианом Христову, а за свою мети».

Стихотворения, составляющие «Евхаристирион», расположены в две части: 1) «*Геликон*, то есть сад умеетности первый», в котором воспеты «8 *корений* наук вызволеных»; 2) «*Парнасс*,

албо сад умеетности вторый», в котором воспеты «10 *леторослий* наук вызволеных». Геликон оканчивается стихами к Богу, а Парнас — стихами к пресвятой Деве; эти стихи,равно как и все почти корни и летороспи свободных наук, обращаются под конец в панигирик меценату Киевскому. Так, в Парнасе «*Каллиопе*, то есть цвиченье в писанию высоких и поважных речий» завершается следующими стихами:

«Поровнает рыцеров наш Могила давных:
Бо звитязца таемных есть веспол и явных».

Имена 23 учеников, подписанные под стихотворениями, показывают, что в лаврскую школу были отданы преимущественно дети православного шляхетства киевского*. Некоторые из них (Филон Ильковский и Самуил Мужиловский) — встречаются и в числе 13 учеников, подписанных под стихами, составляющими вышепомянутую *Мнемозину*. Того же 1632 года лаврская школа, с ее учителями и учениками, переведена была в Богоявленское братство.

Между тем апреля 30 (а по старому штилю 20) умер в Варшаве король Жигимонт третий, главный вводитель и покровитель церковной унии, породившей столько раздора и соблазна в славяно-христианском мире, столько мучений и бедствий православно русскому народу бывшего великого княжества Литовского.

Тогда православные люди польского государства, оживленные надеждой на восстановление своих прав, поспешно снаряжали депутации на избрание нового короля. Тогда-то воеводич молдавский почуял вполне свое призвание — «ратовать православную церковь» (как говорил о нем Исаия Копинский). Назначенный в депутаты от Киевского духовенства на избирательный сейм, вместе с Исаией Трофимовичем и другими, он поспешил в Варшаву и возвратился в Киев уже в половине следующего года — в сане митрополита Киевского. Тогда для

---

* Для памяти потомства выпишем имена тех учеников.

В лаврской школе 1632 года:

1) Стефан Стрибыль. 2) Григорий Трипольский. 3) Александр Олекшич. 4) Самуель Мужиловский. 5) Андрей Черхавский. 6) Василий Климович. 7) Василий Каменицкий. 8) Михаил Полубенский. 9) Мартин Сурин. 10) Филипп Миклашевский. 11) Иоанн Заруцкий. 12) Василий Сущанский-Проскура. 13) Филон Ильковский. 14) Степан Колчицкий. 15) Максим Кресловский. 16) Федор Сусло. 17) Василий Чудновец. 18) Василий Устрицкий. 19) Георгий Негребецкий. 20) Евтихий Соболь. 21) Стефан Трипольский. 22) Трофим Онушкевич. 23) Иеремия Войсяцкий.

В Богоявленской школе в июле 1633 года:

1) Александр Тишкевич. 2) Георгий Тиша. 3) Иоанн Тиша. 4) Самуель Мужиловский. 5) Адам Тиша. 6) Филон Ильковский. 7) Филипп Константинович. 8) Тимофей Княгиницкий. 9) Стефан Бабневский. 10) Захария Березецкий. 11) Андрей Гродецкий. 12) Порфирий Карлчевский. 13) Василий Ветрицкий.

Богоявленского братства и для всей православной Киевской иерархии настало новое, могилянское время.

Но что же сталось с первоначальником Киевского братства, Исаиею Копинским? О нем скажем здесь словами из летописца монастыря Густынского: «И седяше на митрополии яко две лет, со всяким бедствованием, и остави престол судом некиим Божиим, понеже изнемогл бе старостию».

Взятый внезапно и насильно из Михайловского монастыря в Печерскую лавру, Исаия вскоре перешел оттуда в Мгарский Лубенский монастырь, им же основанный 1622 года, и прилагал попечение о трех обителях украинских, по-прежнему на них праву. Там любили его и называли тогда «епископом Лубенским». Но молодой владелец Вишневеччины, имевший свою резиденцию в Лубнах, не захотел держать у себя так близко докучного старца, который еще недавно из Киева своим писанием увещевал его возвратиться к покинутой им православной церкви. В 1636 году князь Еремей Михайлович передал свои монастыри митрополиту Петру Могиле, с которым был в родстве, со стороны покойной матери своей, Раины Могилянки, и который в 1632 году посвятил ему свою книжку «Крест Христа Спасителя и каждого человека». Тогда Исаия Копинский, оставшийся только со званием архиепископа Северского и игумена Михайловского, удалился в Полесье, в намерении возвратить себе золотоверхий Михайловский монастырь. Подавал он о том жалобную просьбу королю Владиславу, являлся и в городской Владимирский суд; и было дано повеление королевское (27 мая 1637 г.) рассудить это дело особой комиссии, состоявшей из князя Адама Сангушка, воеводы Волынского, Николая Ланцкоронского, архидиакона Киевского, Степана Аксака, судьи Киевского и еще нескольких лиц. Неизвестно решение той комиссии, но допомагательство Исаии не исполнилось. Потрясенный до глубины души своими личными обидами и скорбями и вновь наставшими тогда тревогами и бедами отечественными, он скончался в *1640* году *5 октября*,— как это записано в старом помяннике Антониевой пещеры, которой блюстителем был он до вызова его, в 1615 году, на первоначальное устроение Киевского братства.

1865 г. 13 ноября.
Михайлова гора.

СВЯТЫЕ ВРАТА ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

"Не любо ми есть в Киеве быти,— говорил я себе не раз эти слова Святослава; и каждый раз, когда я, оставляя Киев, был уже на левой стороне Днепра, на душе у меня становилось легко и просторно. Но в отделении от Киева возникает грусть по нем и влечет к нему неодолимой силой. И когда я увижу вновь его священные высоты и торжественную красу Печерской Лавры: опять радуется ими душа моя и я вполне сочувствую тогда древнему летописцу, говорившему: «Кто убо не возлюбит Киевского княжения; понеже вся честь и слава и величество, и главе всем землям Русским Киев!»

Приближаясь к Печерской обители, с благоговением останавливаешься у ее *святых ворот.* Много дум и воспоминаний возникает в душе на сем месте, перед ликами древних праведников наших, исходящими навстречу своим соотчичам. Здесь, перед сонмом сих *«небесных граждан от Русского мира»*, как живо и полно чувствуется духовное величие и великое значение твое, святая Русь!...

Недаром св. Симон[1], епископ Суздальский, желал вменить во прах всю свою славу и власть, чтобы *торчать щепкой* за сими вратами!...* Недаром и строитель их, правнук великого Ярослава, три года сидел здесь привратником, в исплатанном рубище!...

Оставив добровольно свой Черниговский престол, князь Святослав Николай Давидович постригся в Печерском монастыре, 1106 года 17 февраля. Раздав убогим часть своего имущества, он соорудил эти каменные врата, и на них каменную же церковь

* См. Послание св. Симона к черноризцу Поликарпу[2].

во имя св. Троицы. Здесь же он основал больницу для немощных иноков, определив к ней особого начальника из печерян и своего врача Петра, родом Сирианина. Впоследствии эта больница составила особый Троицкий монастырь, поныне существующий в Лавре, на своем прежнем месте. Троицкая церковь замечательна и в отношении зодческом; ибо она (по сказанию Афанасия Кальнофойского) построена была по образцу Ярославовой церкви св. Благовещения на Золотых вратах.

В больничном монастыре с давнего времени есть еще Никольская церковь; но неизвестно, кем она основана первоначально: печерянами ли, в память благодетельного брата; или же самим князем, во имя своего святого!

При Троицких вратах есть небольшая книжница, где продаются книги, печатаемые в Лавре. Как она уместна здесь! Она напоминает собой, что Черниговский князь отдал Печерскому монастырю свои *книги многи*, которые здесь были в тринадцатом веке, по свидетельству св. Симона.

Делами и жизнью князь *Святоша* оправдал это имя, которое усвоилось ему исключительно из всех князей Святославов*. Тридшесть лет провел он, в подвигах иноческого смирения и труда, в Печерской обители, которую оставлял только раз и то для примирения двоюродных братьев своих Ольговичей (Игоря и Святослава) со Всеволодом, великим князем Киевским. Это было в 1142 году, незадолго перед кончиной Печерского князя-инока**. Ознаменованный святостью еще при жизни, он преставился 14 октября и сподобился почить нетленно в пещере Антониевой, где и ныне находятся его святые мощи.

Памятно было для иноков его место в великой церкви. Блаженный Нифонт, епископ Новгородский, в 1156 году, за три дня перед кончиной, видел себя во сне — молящимся со слезами, в церкви Печерской, на *Святошине месте****.

То было в те времена, когда Киев был уже на отцвете своего первопрестольного величия; когда Русская земля (по выражению певца Игорева) засевалась и росла усобицами. Затем настали для Руси еще горшие времена татарщины. Многострадальный Киев тогда терпел беды за бедами; и едва выходил из

---

* Имя *Святоши* принадлежало Черниговскому князю еще до пострижения его, как видно из Несторовой летописи под 1037 годом. Это имя есть уменшительная форма имени *Святослав*, также *Мистиша* значит *Мстислав*, и т. п.

** У митрополита Евгения (в *Опис. Киевс. Лавры* 1831 г. С. 115) кончина преподобного князя положена *около 1136* г.; но в «Патерике» сказано, что он провел 30 лет, не со времени своего пострижения в 1106 году, а после 6-летнего послушания в Лавре. Таким образом Печерский князь-инок был жив еще в 1142 году, под которым и поминает о нем Киевская летопись, говоря: «И посла по них Всеволодо брата своего *Святошю*».

*** См. *Киевская летопись* под 1156 годом (*во 2 томе Полного собр. Рус. Летоп.*).

своих развалин, как опять в них обращался. Но под ними, во глубине своих пещер,— сей великий отшельник Русской земли сохранял для ее свое лучшее достояние — нетленную святыню древней, Владимировой Руси.

В те трудные века Украина могла только молиться и воевать. Наконец в XVI веке она, как озимая колосистая пажить, заволновалась весело своим казачеством; и раздались по ней благодарственные песни народа: что «святой Бог наших не забывал,— на великие усилия и на ответы врагам сохранял,— и нет никого, кто бы одолел нас»!

Так сознавала и высказывала себя возрожденная сила русского юга, при начале новых усилий и новых страданий своих, когда в конце XVI века разразилась новая гроза, возвеянная на нас езуитами. Тогда непреклонные украинцы мужественно понесли на себе тяжкий крест верогонения западного; и

«Отдав за веру честь и кровь,
Спасли души своей любовь!»

Волынь и Галичь со своей стороны постояли дружно за восточную церковь. Тогда и богоспасаемый Киев, выходя из своего молитвенного уединения, воздвигся вновь на общее дело — на защиту своего православия.

При самом начале унии, породившей столько раздора на святорусской земле, Никифор Тур, архимандрит Печерской Лавры, не попустил в обиду сего святилища русской жизни. Преемник Тура, Елисей Плетенецкий, удержал древние права Лавры, обновил ее общежительство, завел в ней книгопечатание и собрал ученое братство, которого красой были Леонтий Карпович и Захария Копыстенский. В архимандритство Захария, 1625 года, постригся в печерские иноки сын молдавского князя и воеводы Иоанна — Петр Могила. Просвещенный на Западе, служа в войсках польских, он исполнился ревностью о православии, и явился великим поборником южнорусской земли. Будучи архимандритом печерским и потом митрополитом Киевским, он издивал свое имущество частью на «восстановление храмов Божьих, от которых только жалостные развалины оставались, частью на основание школ в Киеве, прав и вольностей народа русского»*. Петр Могила стремился к тому, чтобы просвещение тогдашнего запада обратить на пользу русского просвещения, основой которого принято было христианство, в его первобытной чистоте.

Одним из первых подвигов великого иерарха было учрежде-

* Собственные слова Могилы из его завещания (см. *Опис. Киев. Лавры.* К., 1834).

ние лаврского училища и особого училищного братства. Школа эта, именовавшаяся *гимназией*, в конце 1631 года помещена была у Святых ворот, при Троицкой церкви; а училищному братству, в котором начальствовал *Исаия Трофимович*, отдан был больничный Троицкий монастырь. Лаврская школа была уже в ходу*.

Но исполняя всеобщее желание киевского народа, Петр Могила присоединил и школу, и целое лаврское училищное братство, к Богоявленскому Киево-Подольскому братству и школ, которые существовали еще с 1589 года, но на ту пору были в упадке.

И когда вспомнишь, как быстро возросла и расцвела тогда коллегия или академия Киевская, невольно скажешь, что тогда сошло на нее благословение от Святых врат Печерской Лавры; и невольно повторятся слова, на них надписанные: «Отверзутся врата твоя присно, Иерусалиме новый, день и нощь не затворятся».

---

* Подробнее об этом сказал я в статье моей о *лаврской Могилянской школе*, напечатанной *в Чтениях*. 1847. № 6.

О ЛАВРСКОЙ МОГИЛЯНСКОЙ ШКОЛЕ

С наступлением 1847 года свершается *второе столетие* после кончины митрополита Петра Могилы, последовавшей в ночь под новый 1647 год. При этом двухвековом сроке родилось во мне желание помянуть среди вас, милостивые государи, о великом иерархе Киевском, который совершил так много на пользу православия и просвещения русского. Не подробное жизнеописание его и не обширное похвальное слово ему я хочу представить вашему вниманию; я ограничусь воспоминанием только о том, чем начались его деяния и что послужило поводом и богатым средством к возвышению и обновлению достопамятной для всей Руси Богоявленской братской школы или академии Киевской.

Петр Могила явился в Печерской Лавре, в этом святилище русской жизни, 1625 года; следственно тогда именно, как южная Русь, потерпев столько от врагов восточных, страдала так много от врагов западных и нуждалась в могучем, великом деятеле. Его постоянная мысль была, что тогдашний упадок благочестия в русском народе (говоря его же словами)* происходит от недостатка в науках и в образовании. Чтобы отвратить «великую утрату на душах людских, и от православия заблудших взыскать» он предпринял основать школы, где бы «молодежь была наставляема во всяком благочестии, в нравах добрых и в науках свободных». С этой целью он, прежде всего, отправил на своем иждивении, несколько молодых киевлян во Львовскую академию и в училища иностранные. Таким образом он воспитал новое поколение киевских ученых, к которому принадлежали: Трофимович, Коссов, Почаский[1], Кальнофойский[2], Гизель[3] и другие. Из питомцев своих

* Сличите первую его запись, данную в Львове 1631 г., и завещание его, писанное 1646, дек. 22.

Могила составил особую *общежительную* братию Печерского монастыря, дав первую запись об том во Львове, в братской церкви, перед престолом Господним, 15 июня 1631 года*. Тогда при нем были: Исаия Трофимович, правая рука его во всех важнейших делах по православию и Сильвестр Коссов, будущий преемник его по митрополии Киевской.

Училище, для которого назначалась сия общежительная братия, положено было (по совещанию с собором Печерским и по общему согласию) поместить в Лавре при наворотной каменной церкви св. Троицы; а для училищного братства избран больничный Троицкий монастырь, там же находящийся. Испросив на эти предприятия соизволение и благословение от Вселенского патриарха Кирилла, своего друга, а также от митрополита Киевского, Исаии Копинского и православных епископов: Исакия Борисковича, Аврамия Стагонского и Паисия Ипполитовича, Петр Могила, в конце того же 1631 года, при святых вратах Печерских, водворил школу и училищную братию «для умножения хвалы Божьей, для сообщения и расширения свободных наук на греческом, словенском и латинском языках, всякого звания людям, согласно православной вере восточного благочестия».

Еще недавно думали, да и теперь многие того же мнения, что учреждение лаврской школы было предприятием Могилы, которое только готовилось, а в исполнение не приходило. Но уцелела в небольшом числе книжка, под названием *Евхаристирион албо Вдячность* (т. е. благодарность), напечатанная в Лавре 1632 года. Вся она состоит из стихотворений, поднесенных Петру Могиле от учеников лаврской школы, в приветствие со Светлым праздником того ж 1632 года. Из этого видно, что лаврская школа в то время была в ходу, хотя и было уже согласие Могилы на ее присоединение к братству Богоявленскому. Эта школа именовалась *Гимназиумом*, ученики *Спудеями*, а училищная братия *Гимнастисами киновита монастыря Печерского. Професcором* риторики в ней был тот Софроний Почаский, который, после Трофимовича, служил ректором в братской коллегии, а 1640 года переведен был в Ясский монастырь. Его имя подписано под предисловием Евхаристириона, а под стихотворениями подписаны имена 23 учеников из класса риторики, между которыми встречаются известные в то время фамилии православного русского дворянства**. Стихи

---

* Эта первая и другие две записи Петра Могилы на учреждение лаврской школы напечатаны митрополитом Евгением при *Описании Киево-Печерской Лавры 1831 г.*

** Для памяти выпишу здесь имена всех 23 учеников: 1) Стефан Стрибыл. 2) Григорий Трипольский. 3) Александр Олекшич. 4) Самуель Мужиловский. 5) Андрей Черхавский. 6) Василий Климович. 7) Василий Каменицкий. 8) Михаил Полубенский. 9) Мартин Сурин. 10) Филипп Миклашевский. 11) Иоанн Заруцкий. 12) Василий Сущанский-Проскура. 13) Филон Ильковский. 14) Степан Кольчицкий. 15) Максим Кресловский. 16) Федор Сусло. 17) Василий Чудновец. 18) Василий Устрицкий. 19) Георгий Негребецкий. 20) Евтихий Соболь. 21) Стефан Трипольский. 22) Трофим Онушкевич. 23) Иеремия Войсяцкий.

или *вирши*, из которых состоит «Евхаристирион», стоют внимания уже потому, что они целым веком упредили сатиры Кантемировы и 40 годами старше стихов Симеона Полоцкого; а между тем об них, кажется, не было еще помину в историях русского стихотворства; и Почаский, которому без сомнения принадлежит большая часть этих стихов, не значится между писателями, даже в словаре митрополита Евгения.

Стихотворения, составляющие «Евхаристирион», расположены в две части: «*Геликон*, то есть сад умеетности первый» — и «*Парнасс*, албо сад умеетности вторый». В первом воспеты «8 корений наук вызволеных (т. е., свободных)», а во втором воспеваются «10 леторослий наук вызволеных». Геликон заключается стихами к Богу, а Парнасс стихами к Пресвятой Деве. Эти стихи, равно как и все почти корни и летороспи, обращаются под конец в панигирик Петру Могиле. Вот для примера одно стихотворение из Парнасса: «*Каллиопе*, то есть цвиченье в писанью высоких и поважных речий».

Каллиопе, звитяжцов преславных похвало!
Умолкни, що ся пред тым за поган ставало;
Не выноси Алциду з Ахиллесом дельным,
Не залецай Гектора з Енеашем сильным;
Ото маешь рыцера моций неслыханнымх,
Звитяжцу над зребом сил непоровнаных.
Если для справ высоких до пекла дорогу
Этеови змыслила, признай то все Богу.
По нем теж завидуйся, иж не только старый
Век множил богатырев, леч и наш насталый
Поровнает рыцеров наш Могила давных:
Бо звитяжца таемных есть веспол и явных.

Что язык и склад стихотворений этих польско-русские, это общая принадлежность письменных западнорусских произведений в XVII веке. Особенность «Евхаристириона» в том, что он есть почти первое стихотворное выражение той эпохи, когда в наше древнерусское просвещение внесена была тогдашняя ученость западноевропейская, так багато изукрашенная язычеством или *поганством* классической Эллинолатинской древности. Эта ученость была принята как внешнее условие, необходимое для возрастания нашего просвещения. Но русский ум тогда же видел и необходимость и возможность устранить от нее все, что принадлежало ей как вымысел ума, непросветленного божественной истиной, и обратить ее в свое христианское просвещение.

«Если з доброго стался злым человек перший;
Вторый все то отменил, диявола стерши;
Теды з наук поганских лáтво учинити
Христианином Христову, и за свою мети».

Подобные мысли в «Евхаристирионе», в каком бы виде ни высказывались, замечательны для нас, как те первые, живые впечатления, которые рано или поздно оправдываются.

По обычаю тех времен, редкая книга выходила в свет, не украшенная гербом какого-нибудь вельможи и стихотворным к нему надписанием. Довольно вспомнить Острожскую Библию[4] со стихами Даниловича или «Литовский Статут»[5] со стихами Андрея Рымши, или «Зеркало Богословия» со стихами Кирилла Транквиллиона (на одних экземплярах в честь Лаврентия Древинского, на других в честь князя Пузины). Подобно тому и «Евхаристирион», на обороте заглавного листа, не мог обойтись без «Стеммы ясневелможных Могилов». Кроме того есть в нем по картинке перед Геликоном и перед Парнассом; на первой представлен Могила, стоящий на Геликоне в архимандритском облачении, с патерицей в правой руке и с ветвью в левой; господарская корона, скипетр и панцыр брошены к ногам. На другой (во знаменье Могилы, воеводича земель молдавских) представлен римлянин Сцевола, с разными вокруг символическими прибавками. Вот стихи, подписанные под первой картинкой:

«Сцептра тот зоставует, шарлат и короны,
Кого Бог взывает до свои обороны.
Щасливысь, пречеснейший о архимандрито,
Которому познанье Бога есть открыто.
Зверхность, слава, оздоба — то все под ногой;
Вера, милость до Бога — то над головой».

Так выражалась *благодарность* великому архимандриту от ближайших, первых питомцев его, иждивавшего все свое имущество — «частию на обновление разрушенных домов Божьих, от которых жалостные оставались развалины; частью на основание школ в Киеве, прав и вольностей народа русского». Сими словами Могилы, из его завещания, кончаю воспоминание мое о школе, насажденной им у святых ворот Печерских. Известно всем, каким плодоносным древом наук явилась эта лаврская леторосль, привитая и возращенная самим же Могилой на корне Богоявленском, подавленном в то тяжкое время насилием сторонних и отступничеством своих*.

---

* Кассиан Сакович, бывший ректором Богоявленского братства, по смерти гетмана Сагайдачного отступил в унию и потом сделался католиком. Против него Петр Могила написал на польском языке книгу «Литос», напечатанную в Печерской Лавре 1644. Кстати об сочинениях Могилы. Кроме известного поучения его о *кресте*, напечатанного 1632 года, есть еще (неупомянутое ни в словаре Евгения, ни в других наших библиографиях) *Слово духовное* на бракосочетание Януша Радзивила с Марией, дочерью Василия воеводы и господаря Волошского, произнесенное Петром Могилой (на польском и волошском языке в Ясской господарской церкви). Оно напечатано в Киево-Печерской Лавре 1645 г., на польском языке, под названием «Mowa Duchowna przy szlubie»... и проч. (в 4; листов, помеч. по тетрадям, 13. На обороте заглавного листа два герба — Радзивилов и Могилов; под ними 6 стихов. На втором листе предисловие. *Мова* начинается с 3 листа). Экземпляр этой редкой книги принадлежит библиотеке г. Свидзинского, весьма богатой книгами, печатанными в польских и западнорусских типографиях.

О НАДГРОБИЯХ В ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Перед Богом тебе молвлю: всю мою славу и власть я вменил бы в прах, если бы мне щепкою торчать за вратами или валяться сметьем в монастыре Печерском и попираему быть людьми. Ибо лучше день один в дому Божьей Матери, чем тысяча лет временной чести; лучше бы желал я в нем пребывать, чем жить мне в селах грешничьих.

Так писал смиренный суздальский епископ Симон к своему ближнему Печерскому иноку Поликарпу в первой половине XIII века. Столь велика была его набожная любовь к святой обители, в которой сам он прежде был иноком. Устроя новую епархию в Суздальском княжестве, Симон не переставал мыслить о монастыре Печерском; заботливо собирал все повести и предания об нем, желая сохранить их от забвения; описал житие *первоначальника* русских иноков — преподобного Антония и нескольких других преподобных печерян; написал сказание о создании Великой Печерской церкви, как бы превидя ее скорое разорение,— и завещал, чтобы по смерти перевезли его тело в обитель Печерскую.

И целая Русь, притекая сюда на поклонение нетленным останкам своих праведников, среди их поклоняется и мощам *св. Симона, епископа Суздальского.* Его ревностная любовь и усердие к монастырю Печерскому как бы разлились по всей Руси и переживают века. Многие — как называл он — *гражане* русского мира стремились сюда, чтобы успокоиться здесь от житейских бурь и страданий; и сия святая колыбель нашей истории издревле принимала в свое лоно земные останки благочестивых граждан русских.

Потому русская душа не только преисполнена бывает бла-

говейных чувств и молитвенных помыслов, пред нетленными мощами и священными гробницами бессмертных жильцов сей обители; но погружается и в историческую думу — при воспоминании о тех великих подвигах, которые совершались в этих стенах для просвещения и блага России,— при воспоминании и о тех благочестивых россиянах, которые сподобились погребения в сем дому Пресвятой Богородицы.

1. О надгробиях, ныне существующих внутри и возле Великой Печерской церкви

Большая часть надгробий, ныне существующих внутри и вокруг великой Печерской церкви, относится к прошедшему веку, в котором Печерская обитель вторично обновлена и украшена тем благолепием, каким она сияет на священной высоте своей.

Все находящиеся там надписи любознательный поклонник сей святой обители может прочесть или в ней самой, или же в двух *Описаниях Киево-Печерской Лавры* (из коих *краткое*, изданное в 1804 и 1817 г. в 12 д., сочинено епископом Феофаном Шияновым, когда был он еще типографом лаврским; а *подробнее*, изданное в 1828 и 1832 г. в 4 д., составлено митрополитом Евгением). Мы воспомянем здесь только о немногих надгробиях, которые, особенно останавливают на себе наше внимание.

Шагах в 14 от великой церкви на полдень, возле дверей трапезы, лежат два небольшие камня, на которых часто видите отдыхающих путников, пришедших издалека на поклонение святым Печерским угодникам. Редкий из этих молельщиков знает, над кем положены те камни. На первом из них читаете следующую надпись:

«Славного Донского войска знатный старшина и походный полковник *Федор Иванович Флоров*, в государственной службе под городом турецким Хотином, на генеральной баталии августа 1 от неприятеля во главу усечеся; тщанием Донских казаков глава его сыскана в неприятельском разбитом лагере, в шатре командующего Сераскера, и присовокуплена к телу, которое, по его желанию, здесь в святой Лавре погребеся сентября 18, 1739 года».

И так это могила одного з храбрых сподвижников той русской победы над турками, которая вдохновила собой первую оду знаменитому песнопевцу блистательного века Елисаветина, нашему бессмертному рыбаку Ломоносову.

Под другим камнем лежат кости двух страдальцев, также обезглавленных, но уже не на поле чести, а на позорной плахе. Их погубила злая воля преступного гетмана; но —

«Межь древних праведных могил
Их мирно церковь приютила»,—

по выражению нашего незабвенного певца Полтавы, упрочившего их память. На их убогом надгробии с трудом уже разбираете полуизгладившуюся следующую надпись:

«Кто еси мимо грядый о нас неведущий,
Елицы зде естесмо положенны сущи.
Понеже нам страсть и смерть повеле молчати,
Сей камень возопиет о нас ти вещати,
И за правду и верность к Монарсе нашу,
Страдания и смерти испыймо чашу,
Злу даяньем Мазепы, все вечно правы,
Посеченны зоставше топором во главы,
Почиваем в сем месте Матери Владычни,
Подающие всем своим рабом живот вечный».

Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены сред обозу войскового, за Белой Церковью на Борщаговке и Ковшевом, благородный *Василий Кочубей*, судья генеральный, *Иоанн Искра*, полковник Полтавский; привезены же тела их июля 17 в Киев и того ж дня в обители святой Печерской на сем месте погребены.

Остановясь у главного или западного преддверия великой Печерской церкви, вы с благословением вспомните *Наталию Долгорукую*: она погребена здесь, под одним из камней помоста, возле своего сына, в цвету жизни обрекшего себя на иночество в обители Печерской. Еще недавно над их могилами лежали рядом две чугунные доски. На первой было написано:

«Под сей доской положено тело *княгини Наталии Борисовны Долгоруковой*, дочери генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги обер-камергера князя Ивана Алексеевича Долгорукова, которая родилась в Лубнах в 1714 году января 17 числа, в супружество вступила в 1730 году апреля 5, и овдовела в 1739 году ноября 8 числа, постриглась в монахини в Киево-Флоровском девичьем монастыре в 1758 году сентября 28, и наименована при пострижении Нектария, и в том имени приняла схиму в 1767 году марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему; скончалась в 1771 году июля 3 дня».

Как много дум наводит эта краткая повесть о той, чья жизнь была пленительным образцом любви супружеской и благочестия христианского, и так полна была превратностей рока!... Теперь эта надпись нарезана на золоченой доске, вделанной в стену на правой стороне преддверия; а против нее находится другая доска с надгробной надписью о сыне злополучного князя Долгорукого, *Дмитрие Ивановиче*, который скончался на 30 году жизни в Пустынно-Николаевском монастыре, 1769 года 26 мая, в вечерний благовест...

Войдя в великую Печерскую церковь, вы с сердечным

благоговением поклоняетесь священным гробницам трех первых и великих просветителей Руси верою христовой. Как бы на страже нашего православия, сии три гробницы предстоят у трех входов во внутреннюю Печерскую церковь. При входе в нее с полуденной стороны, из придела Иоанна Богослова, на правой стороне возле стены находится среброкованный кипарисный кивот, в котором хранится глава святого князя Владимира, сего первого героя и апостола русской земли, принесшего ей святое крещение от пределов полуденных. С полуночной стороны, при входе во внутреннюю церковь из придела св. Стефана, открыто почивают в серебряной раке нетленные мощи св. митрополита Михаила, который был первым сподвижником равноапостольного князя и, крестив 12 сыновей его, распространял святое крещение в северных пределах Русской земли. При входе в великую Печерскую церковь западными или передними дверьми, предстоит под золоченою сенью чудотворящий, древний гроб преподобного Феодосия, который, устрояя Печерскую обитель и ограждая ее древним уставом православной церкви, охранял великого князя Изяслава от прельщений могущественного владыки Запада, Григория VII*. А над царскими вратами главного алтаря великой церкви возвышается чудотворящий образ почившей во гробе Божьей Матери, первейшей *покровительницы* святой Печерской обители и всей Православной Руси...

Совершив молитвенное поклонение сей святыне и земным останкам трех святых мужей, ублажаемых нашей церковью, вы обращаете любознательный взор на все принадлежности величественного Печерского храма и предаетесь вновь воспоминаниям отечественным.

У самых царских врат главного алтаря вы опять вспомните о древнем знаменитом роде благородного и доблестного сподвижника Петра великого. Святые врата сии с таким изяществом устроены из серебра в 1749 году, иждивением графа Сергия Борисовича Шереметева. Из надписи на них вы увидите, что и в прежнем здании великой Печерской церкви находились таковые же серебряные царские врата, состроенные в 1713 году тщанием и иждивением незабвенного русского фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева.

Невдалеке от царских врат вы почтите благородным воспоминанием другого доблесного мужа, который в продолжение двух блистательных царствований, Елисаветы и Екатерины великой, гремел победоносной славой русского воинства, и свой славный век докончил мирно, в тишине сельского уединения.

---

* Известно послание преподобного Феодосия к Изяславу *О латинской или варяжской вере*, писанное, вероятно, около 1073 года, и письмо папы Григория VII к сему же князю, писанное 1075 г., уже по смерти Феодосия.

«Как вечер во зоре румяной».

На левом крылосе с полуночной стороны, на медной доске, начертана следующая надпись:

«1797 года месяца января 8 дня, на сем месте под спудом в каменной палатке для вечного покоя положено тело преставльшегося мудрого и славного российских войск полководца, фельдмаршала *графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского*, родившегося 1725 года».

Кроме сего смиренного надгробия, есть еще в большой Печерской церкви памятник Задунайскому-герою, состоящий из мраморного бюста его, поставленного на высоком мраморном же пьедестале*. Сей памятник, воздвигнутый старшим сыном Задунайского, государственным канцлером любознательным графом Николаем Петровичем, находится по левую сторону от полуденных дверей великой церкви, в приделе Иоанна Богослова.

На противоположной стороне, в приделе св. Стефана, читаете на золоченной доске надгробную надпись еще одному русскому фельдмаршалу:

«Под сим местом покоится тело генерал-фельдмаршала войск российских *графа Иоанна Васильевича Гудовича*, родившегося 1732 ноября 11 дня, а скончавшегося 1821 января 22 дня».

Но особенное внимание привлекает к себе княжеская гробница с гипсовым изображением возлежащего на ней героя западной Руси, знаменитого потомка св. Владимира. Гробница сия находится за досчатой загородкой внутри большой Печерской церкви, по левую сторону от передних или западных дверей. На ней золотыми буквами начертана следующая надпись:

«*Константин Иоанович князь Острозский*, гетман великого княжества Литовского, защищением восточного благочестия и

---

* Кроме сего памятника, на хорах в верхнем этаже церкви, в приделе Преображения Господня, на стене около портрета графа Румянцева, находятся в кругах 29 надписей:

«1) портрет его Румянцова; 2) покоритель Колберха; 3) главнокомандующий армией в Пруссии; 4) главнокомандующий Малороссии; 5) главнокомандующий второй армией против Порты Отоманской; 6) главнокомандующий первой армией и завоеватель Молдавии, Валахии и Бессарабии; 7) победитель при Фокшанах; 8) победитель визиря с 160 тысячами ратников при Кагуле, имев сам оных до 17.000; 9) покоритель Измаила; (поз. 10 і 11 в першовиданні не зазначені.— *Прим. ред*). 12) покоритель Исакчи; 13) покоритель Тульчи; 14) покоритель Браилова; 15) покоритель Галаца; 16) покоритель Журжи; 17) поразитель врагов на водах Дуная и за оным; 18) всегдашний усмиритель польских волнений; 19) покоритель Турны; 20) покоритель Туртукая; 21) победитель в горах Балканских; 22) стеснитель верховного визиря при Шумле; 23) славный миротворитель при Кучук-Кайнарджи; 24) главнокомандующий Украинской армией; 25) занявший Молдавию без кровопролития; 26) строгий наблюдатель воинской чинности, законов и правосудия; 27) пример милосердия и равнодушия; 28) ревностный восприятель паки победоносного оружия; 29) главный распорядитель к утушению польского мятежа».

храбростью во бранях пресловутый: многие церкви Божьи, ради отроков училища, страноприемницы немощных ради, в княжении своем Острозском и в стольном граде Литовском Вилне создавши вторую Гипсиманию, Пресвятые Богородицы Печерские дом ущедрил пребогатно, в нем же яко ктитор именитый, по преставлении своем сподобися положен быти, 1533 году.

Глядя на сие надгробие, вы переноситесь мыслью в другие века, когда Киев и вся западная Русь жили отдельно от Москвы и всей восточной Руси; когда сии две половины русского мира нередко даже враждовали друг с другом, доканчивая древнюю удельную борьбу... Но и тогда они заодно берегли свое древнее православие, насажденное в них св. Владимиром, и равно дорожили святыней родного Киева, из которого развилась их единая русская жизнь.

И в те времена святая Печерская Лавра принимала в свои недра земные останки многих благочестивых и доблестных сынов Руси и их надгробиями напоминала об них потомству. Но огневое разорение возобновленной тогда Печерской церкви, произведенное сильным пожаром в 1718 году, истребило и надгробия, которые в ней находились. Из них в нынешней великой Печерской церкви сохранились только величавая гробница князя Острожского, да смиренное надгробие незабвенного Иннокентия Гизеля, которому по смерть усвоено было титло *благодетеля* и *покровителя Киевских школ*, по завещанию бессмертного основателя оных Петра Могилы.

Сие надгробие состоит из железной доски, лежащей под теми вратами, в которые из алтаря в большую церковь совершается выход с переносом; на ней вырезаны слова:

«Зде опочивает яснепревелебный господин отец *Иннокентий Гизиель*, трудолюбной и благоразумной, правление свое чрез двадесять седмь лет и полчварта месяца, в сей обители святой Печерской имевший архимандрит, к вечным же обителем преставльшийся року 1683 месяца ноемврия 18 дня».

Иннокентий Гизель погребен в усыпальнице под левым крылосом, где в 1707 году погребен и преемник его, потом митрополит Киевский *Варлаам Ясинский*, по своему завещанию.

2. О надгробиях, бывших в Печерском монастыре в половине XVII века

Но хотя прежде бывшие надгробные памятники и погибли от разрушительного пламени, однако память об них не утратилась для потомства. Афанасий Кальнофойский, монах Печерской Лавры, описывая чудеса святой обители сей в книге своей *Тератургиме**,

* Книга сия написана на польском языке и напечатана в Печерской типографии готическими буквами, 1638 г. в 4 д. Афанасий Кальнофойский посвятил сие сочинение *князю Илии Четвертенскому.*

поместил в ней (в польском переводе) большую часть надгробных надписей, которые тогда находились в Печерской церкви.

Эти надписи для нас драгоценны: они дают нам сведение и внушают собой благородное воспоминание о тех сынах и целых родах западной Руси, которые некогда были ревнителями нашего древнего православия. Потому читатели конечно с любопытством прочтут здесь ряд надписей, извлеченный мной из «Тератургимы»* и дополненный из других источников краткими известиями о лицах, которые погребены были в Печерском монастыре в прежнее время**. Со времени перенесения*** мощей преподобного Феодосия из пещер в великую церковь, *чудотворящий гроб* сего великого *начальника* русских иноков занимал всегда первое место между гробницами, там находившимися.

Возле сего святого гроба в XII веке погребены были минский князь *Глеб Всеславич*, скончавшийся в Киеве 1119 г. сентября 13; а через 40 лет после него его супруга *Анастасия Ярополковна*, скончавшаяся на 84 году своей жизни****. Надгробие сей княгини оставалось еще в XVII веке со следующей надписью:

«Глеба Всеславича князя Киевского супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, после супруга своего в четыредесять лет

---

* Переводя буквально сии надписи, я опустил похвальные вирши (стихи), при многих из них находящиеся, большей частью переведенные Кальнофойским на языке польском. Сии похвалы для нас любопытны, но более, как памятники вкуса того времени, когда и в Киеве, как на всем Европейском западе, мифология и история древнего классического мира составляли не только необходимую стихию красоты стихотворной, но даже и непременное условие сочинений ученых, так что самые проповедники и богословы облекали христианские предметы в одежду языческую. До какой степени простиралась тогда эта западная манера, можно видеть даже у нашего епископа, а потом митрополита *Сильвестра Коссова* (который, вместе с Кальнофойским и Гизелем, принадлежит к числу воспитанников, посыланных Петром Могилой для образования во Львовскую академию и разные иностранные училища); на 10 странице своего *Патерика* (1635 г.) он говорит: «mow voce: *Kiovia nostra coelum est*» (наш Киев есть небо),— и потом изъясняет сие изречение сравнением печерских угодников с Сатурном, Юпитером, Марсом...

** Возле Рождественской церкви, при дальней или Феодосиевской пещере, обновленной 1635 г., находилось много гробов разных благочестивых, усопших людей.

*** Мощи преподобного Феодосия перенесены 14 августа 1090 г. и положены были в притворе на правой стороне — в раке или гробе, богато украшенном 1130 г., иждивением суздальского тысяцкого, князя Георгия Симоновича. Ограбленный татарами сей гроб стоял без украшения до 1764 года. Первоначальный гроб Феодосиев сохраняется доныне в дальней пещере, подобно гробу преподобного Антония, хранящемуся в пещере ближней.

**** О сей княгине в Воскр. лет. сказано: «Положена бысть в Печерском монастыре у св. Феодосия в головах; имеяшеть бо великую любовь к св. Богородици и к отцю Феодосью, и со князем своим ревнующе отцю своему Ярополку; Ярополк бо всю жизнь дая (*Богородици*): Небольскую волость, и Деревскую, и Лучьскую, и около Киева; а Глеб вда в животе своем с княгинею 600 гривен сребра; а по животе его княгиня дасть 100 гривен сребра а 50 золота, а по животе своем села и с челядью и со всем».

скончася, и купно с ним во главах преподобного Феодосия положенна, лета 6666 (1158) Иануар. д. 3 нощи часа I.»

В Печерской церкви оставалось еще одно княжеское надгробие от XII века:

«Воззванная на суд смертный *Евпраксия*, инокиня, дщерь князя Всеволода, идеже душею ставися, тамо в лето 6617 (1109) июля д. 9 тело сложи».

Евпраксия, по сказанию наших летописей, положена была в Печерской церкви у южных дверей и над нею сделана была *божонка*. В монахини она постриглась 1106 года. Если сия княжна, как полагал Карамзин, была супруга немецкого императора Генриха IV, известная у западных писателей под именем *Пракседы*, то она тем более достойна памяти потомства*.

Кроме сих гробниц не было уже других, принадлежавших к древнему времени: они ограблены и истреблены были злыми татарами, во время разрушения ими Печерской Лавры, когда и от древней великой церкви остался только небольшой придел. Благочестием иноков и мирян русских скоро возобновлен был сей придел и до исхода XV века составлял бедную наружно, но великую внутренно Печерскую церковь.

Монастырь Печерский и в те времена,— еще до возобновления своего незабвенным киевским князем Симеоном Олельковичем,— не переставал быть главным предметом набожного почитания для целой Руси**; ибо он был главным местом древней русской святыни, которой не сильны были сокрушить ни время, ни сила человеческая. Потому-то Киев*** не только в древнее время, когда он, быв первопрестольным средоточием целой Руси, служил ей первым источником христианства и главным сеятелем перерожденной им русской жизни; но и в среднее время, когда он стал уже уделом Литовского княжества,— и тогда он распространял свет своего древнего православия, свою русскую жизнь и народность на своих новых властителей.

---

* См. И.Г.Р. Т.II. прим. 157. Т. IX прибавл. с. 291.

** Для показания, какие набожные помыслы внушал Печерский монастырь своим поклонникам, приведем отрывок из *книги, глаголемой Ксенос сиречь странник Зосимы, диакона* Сергиева монастыря, ходившего во святые места в 1420 году.

«От Русския страны и стольна града Москвы, из великия Лавры преподобного игумена Сергия, потщахся постигнуты славный град Киев, иже бе мати всем градом русским. И, достигнув благодатию Божией града Киева, пребыхом в Лавре, еже зовется киевская печера, у гроба преподобного Антония и игумена Феодосия, пол лета; и там бо возмыслихом и восхотехом видети святые места, идеже Христос своими стопами походи, и святии апостоли последоваху ему, и святии отцы паки идеже спасахуся».

*** Мысли мои относительно Киева подробнее изложил я в речи об участии и значении Киева в общей жизни России, напечатанной 1837 г. в Киеве в 4 д., и в «Ж. М. Н. Пр.» 1837. № 10.

Так Миндовг, князь Голшанский[1], соделался православным христианином, вместе с тем, как в 1321 году стал киевским наместником своего дяди Гедимина. Так великий Литовский князь *Ольгерд*[2] *Гедимонович*, при конце жизни своей, принял православие с именем *Александра*, постригся в схиму с именем *Василия* и по кончине погребен в церкви св. Богородицы, созданной им в Вильне. К принятию православия склонил его Печерский архимандрит Давид, с помощью Юлиании Александровны, княжны Тверской, бывшей за Ольгердом и после него постригшейся в монашество под именем *Марфы* и скончавшейся в Литве (1392 г.). Тело ее перевезено было в Киевские пещеры, по всей вероятности, удельным киевским князем *Владимиром Ольгердовичем*, который почил прахом своим также в Печерском монастыре*. Возле гроба Феодосиева погребен был в 1394 году *Лев Скиргайло Ольгердович*[3], княживший в Киеве после своего брата Владимира.

От других сыновей Ольгердовых произошли многие знаменитые роды русских князей, как то: князья Черторыйские, Вишневецкие, Корецкие, Сангушки, Полубенские. Сии князья были тогда не только доблестными сынами западной Руси, но и верными чадами православной церкви, подобно князьям Острожским и Четвертенским**, от племени св. Владимира происшедшим. Многие члены сих княжеских родов находили себе в Печерском монастыре вожделенный приют успокоения от бурь житейских, которыми сильно волновалась тогда западная Русь.

Так из владетельного, вечной памяти достояного, дома князей Острожских в Печерской обители погребен был знаме-

---

* Что Владимир Ольгердович и еще несколько братьев его погребены были в Печерском монастыре, видно из духовного завещания в нем же написанного 1446 г. июня 16, князем Андреем Владимировичем. Вот начало сего завещания, писанного на пергаменте (старцем Пафнутием Лихачевым): «Се яз, раб Божий, князь Андрей Владимирович, приездил есмь в Киев со своею женою и со своими детками, и были есмо в дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому образу ее, и преподобным отцем Антонию и Феодосию, и прочим преподобным и богоносным отцем Печерским, и благословилися есьми от отца нашего архимандрита Николы и у всех святых старцев, и поклонихомся отца своего гробу князя Владимира Ольгердовича и дядь своих гробам, и всех святых старцов гробам в печере, и размыслих на своем сердци: колико-то гробов, а вси тии жили на сем свете, а пошли вси к Богу; и помыслил есмь помале и нам тамо поити, где отцы и братия наша, и подумал есмь со своею княгинею, и с отцем своим, с Николою архимандритом Печерским и с святыми старцы, и с своими бояры, и отписал есмь своей жене княгини Марии и своим детем и ее детем свою отчину и свою выслугу»... и т. д. (К имениям сего князя принадлежали: *Условенеск*, *Мочежаное*, *Каменец*, *Логожаж*, *Лемницы*, *Полонное*).

** Князья *Четвертинские*, *Полубинские*, *Чарторыйские* именовались так уже по произношению польскому; но первоначальные, русские имена их были: *Четвертенские*, *Полубенские*, *Черторыйские* или *Чорторыйские* (от древнего волынского города Черторыска).

нитый гетман Константин, со своей супругой и с доблестными предками своими — Василием и Федором.

Мощи *благоверного Федора, князя Острожского*, сего ревностного сына православной церкви, почивают и ныне в дальних или Феодосиевых пещерах.

О существующем ныне надгробии гетмана Константина сказано выше*. На прежнем надгробии сего героя было написано:

«Константин Иоаннович, князь Острожский, воевода Троцкий, гетман великого княжства Литовского; по многих победах от смерти полягши, зде погребен, лета от Р. Х. 1533, имеяй лет 70; одержа побед 63».

Над гробницей княгини Острожской была следующая надпись:

«Татиана, княгиня Острозская, воеводина Троцкая, гетманша великого княжства Литовского, старостина Бряцлавская и Винницкая, лета по Р. Х. 1531 индикта 11, июля 12, душу свою творцу своему отдав, бренное тело зде сложила».

Из дома князей Голшанских или Ольшанских погребена была возле великой Печерской церкви княжна *Юлиания Юрьевна*, скончавшаяся на 16 году своей жизни и сподобившаяся святого нетления. Честные мощи *святой Юлиании княжны Ольшанской* обретены** в начале XVII века, в правление архимандрита Елисея Плетенецкого, и тогда же положены были в юго-западном угле Печерской церкви. При митрополите Петре Могиле они переложены в новую раку, в которой и почивали открыто до 1718 года; а после оного поставлены во гробе в Антониевой пещере. На место их 1830 г., 1 октября, перенесены в великую Печерскую церковь мощи св. митрополита Михаила, из Антониевой пещеры, куда они перенесены были из Десятинной церкви около 1103 года.

Потомки Киевского князя Владимира Ольгердовича, известные под именем *Олельковичей*, ознаменовали себя благочестием жизни и особенным усердием к Печерской церкви, в которой из сего рода погребены были четыре князя. Над их гробницами были следующие надписи:

«*Александр Владимирович*, князь и дедичный господин земли

---

* Рисунок нынешнего надгробия князя Острожского приложен к 1 части *Истории Малой России* Бантыша-Каменского. М., 1830. В 8.

** О обретении и перенесении мощей святой Юлиании см. в *Четьи-Минеях* под 6 числом июля. Там сказано, что на первоначальном гробе Юлиании была серебряная вызолоченная доска с изображением герба князей Ольшанских и с надписью: «*Иулиания княжна Олшанская*, дщерь князя Георгия Олшанского, преставльшаяся девицею, в лето от рождения своего шестоенадесять». Ни в «Четьи-Минеях», ни в «Гератургиме» не говорится ничего о времени ее жизни, но мы имеем некоторые основания думать, что сия святая княжна жила в первой половине XVI столетия. Об этом скажем подробнее в статье о *Пересопнице* и *Дубровицах*.

Киевской, состоя пред смертию иноком, зде погребен. Лета 6992 (1484)».

Кончина сего разумного, деятельного и справедливого князя полагается обыкновенно 1455 г., с которого начал княжить сын его; но из сей надписи, по-видимому, следует, что он еще при жизни оставил княжение и был иноком. Супругой сего киевского князя была *Анастасия*, сестра великого князя Московского Василия Темного, дочь княгини Софии.

«В лето 6979 христиански скончавшуся князю *Симеону Александровичу Олельковичу*, дедичному господину земли Киевской, князю Слуцкому, восстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при короле Казимире и при В. О. архимандрите Иоанне, лета 6978 (1470), грудня 3».

Сей благочестивый и храбрый князь Киевский был особенно любим и чтим в народе, и, по словам псковской летописи, «превознесеся во всей Руси, якоже и великих Киевских князей древних честно имя его». Умирая, сей князь поручил юного сына и все семейство свое попечению короля Казимира; но Казимир Киевское княжество обратил в воеводство, и, несмотря на сопротивление киевлян, поставил в Киеве воеводой Мартына Гаштольда, католика. С тех пор князья Олельковичи владели только Слуцком, где жила еще в 1508 году вдовствующая Симеонова супруга *Анастасия*. Из них в Печерской церкви погребены были два князя, как видно из надписей:

«Благочестиво отшедшему *Василию Симеоновичу Александровичу Олельковичу*, иже отыде света сего 7003 (1495), индикта 13, июня 4.

Георгий Юрьевич Олелькович, князь Слуцкий, дедичный господин Киевской земли, умре лета 1579, кветня 12, и зде положен».

Князья Корецкие, потомки Дмитрия Бутава Ольгердовича, питали особеннос усердие к Печерскому монастырю. Ими к великой Успенской церкви пристроен был придел св. архидиакона Стефана, под коим много тел погребено княжеских, гетманских, воеводских и других. В Печерский помянник внесены были, как попечители и фундаторы Печерской обители: князь *Федор*, сын его князь *Евфимий*, молодой князь *Юрий*, княжна *Анна*, в монашестве Анастасия, и княжна *Серафима*, игуменья монастыря Корецкого. Из них в Печерской церкви погребены были: князь *Федор Иванович* и его сын *Евфимий*. К первому отношу я следующую надпись:

«*Кн. Федор Иоаннович Ярославич*, по трудех мирских зде опочивает.

Широкие панства Федор Ярославич Иванович отдедичивший, многою сиял я знатностию, властию и доблестию: а кгды взят есмь с позорища сея жизни, с убогим Иром поравнялся; и

за панство седмь ступеней земли получил. Той одмене не дивуйся, читачу: и тебе тож достанется! Досведчишь сам, же не равны рождаемся, равны умираем».

Над князем Евфимием-Богушем, также не устрашимым воином и непреклонным сыном православной Руси, была следующая надпись:

«Лета от Р. Х. 1576, августа д. 19, *Евфимий Богуш Федорович князь Корецкий*, воевода Волынский, староста Луцкий, Брацлавский, Винницкий и Звенигородский, из списка живых изятый, зде свои кости погребсти повеле».

Знаменитые потомки Дмитрия-Корибута Ольгердовича, *князья Вишневецкие*, подобно другим русским князьям, были преданы православию. В Печерской церкви погребены были: *Михаил* и *Александр* Вишневецкие, родные братья того Дмитрия Вишневецкого, который был гетманом Запорожских казаков и прославился своим бесстрашием, непреклонной преданностью к православной вере и геройской за то смертию в Царьгороде — на железном крюку, над пучиною моря*. Вот их надгробия:

«*Михаил Корибутович князь Вишневецкий* (кастелян Киевский, староста Каневский, Черкасский, Любецкий и проч.), смертные сбросив одежды, лета от Р. Х. 1584, 16 октября, 2 часа ночи, с понедельника на вторник, до небесных обителей отыде.

Александр Александрович Корибутович князь Вишневецкий, по трудех мира сего, зде избра себе успокоение, лета 1577, апреля 3, в 6 час ночи, со вторника на среду. Поживе лет 33 и 4 месяца».

В Печерской церкви погребена была и теща сего Александра Вишневецкого, супруга Бряцлавского воеводы князя Георгия Капусты, происходившего от князей Переяславских:

«*Анна Шимковна к. Андреева Капустина*, кастелянка Бряцлавская, старостина Овруцкая, зде погребенная, року от Р. Х. 1577, июл. 19, почивает. Поживе лет 54, месяца четыри, дний 19».

Из сего же княжеского дома в Печерской помянник вписаны были, как благотворители Печерского монастыря: князья *Александр*, *Бонифатий*, *Александр*, *Михаил* и *Адам*.

Из дома князей Сангушков-Ольгердовичей многие были фундаторами Печерского монастыря. Хотя и не все из них здесь

* Украинская народная песня о казаке Байде, вероятно, сложена была сему гетману Вишневецкому, по замечанию издателя «Украинских песен» (СПб., 1836) г. Лукашевича, а не ко временам Дорошенка относится, как предполагал я в моем издании «Украинских народных песен» (М., 1834. Ч. I. С. 106). Таким же образом и песня (там же на с. 149 помещенная):

«Водколь едешь! Од Дунаю.
А счо чував про Михайлу?..»

по всей вероятности, сложена на смерть Чигиринского сотника Михайла Хмельницкого (Богданова отца), — по замечанию г. Маркевича.

погребены были: но в помянник Печерский внесены были имена: кн. *Федора*, кн. *Андрея*, княжны *Авксентии*, кн. *Александра*.

Из дома *князей* Полубенских в Печерском монастыре погребены были многие, и во-первых *князь Андрей Федорович*, правнук Андрея Вигунта Ольгердовича, погребенный возле киевского князя Владимира Ольгердовича. Над его сыном, кн. *Василием Андреевичем*, умершим в первой половине XVI века, была следующая надгробная надпись:

«Староста Мстиславский, маршалок Гроденский, *Василий Андреевич Полубенский* христиански умерши, в церкви Пресвятой Богородицы Печерской обрете себе погребение. О нем, читачу, мимо грядый, благое слово молви: Боже, милостив буди к душе раба твоего милосердого и справедливого Василия Полубенского».

Над славным воином *Львом Полубенским* (вероятно сыном, а по Несецкому — братом Василия) было такое надгробие:

«Князь *Лев Васильевич Полубенский*, отдавши долг свету, в сей церкви Пресвятой Богородицы Печерской возле своих положен.

Leo Polubinscius his cum suis quiescit;
Si eundo ad umbram vestrum quis insolescit
Sile, expergefactus leo obvium laedit,
Nec cui cedit».

Сие латинское четверостишие заимствовал я из книги Симона Старовольского «Monumenta Sarmatarum» (Crac. 1655 fol.), в которой помещены (на с. 532) надгробия еще двум князьям Полубенским:

«*Ивану Полубенскому*, убитому в Литве на сражении за отчизну.

Михаилу Полубенскому, убитому в Московии под Белою, при изгнании Владислава».

В той же книге Старовольского приведено еще одно надгробие из Печерского монастыря:

«*Александру Иловскому*, воеводе Плоцкому (с 1555 г.), славному воину времен Жигимонта I».

Все прочие надгробия, бывшие в Печерском монастыре, пропущены иезуитом Ставропольским, ибо они принадлежали не полякам и не католикам, а православным русским; но любопытно, почему в «Monumenta Sarmatarum» приняты и эти четыре надгробия, также относившиеся к православным русским?..

Издавна именитый русский род *Тишкевичей* отличался доблестями гражданскими и преданностью православной церкви. По свидетельству Несецкого, *Иван Тишкевич*, сын Тишка, по смерти супруги своей постригся в Печерском монастыре и был в нем архимандритом; а внук родного его брата Михаила (женатого на вдове князя Глинского), по имени *Герман*, был

архимандритом монастыря Киево-Михайловского. Первый из них жил в конце XV века, а Герман был архимандритом или игуменом в конце XVI века, его отец Юрий упоминается в звании Гроденского маршалка под 1568 годом; а двоюродный брат Юрия, Чернобыльский староста *Янгурин Тишкевич*, был отличным воином своего времени. На его надгробии в Печерском монастыре была следующая надпись:

«*Янгурин Скуминович Львович Тишкевич*, маршалок короля его милости, староста Чорнобыльский, 7071 (1563) року, окт. 10, зде сложив бренное тело, к вечным отыде радостям».

В похвальных стихах, принадлежавших к сему надгробию, Янгурин Тишкевич именован *Русским Пирром*, *Сарматским Гектором*.

Ельцы, составлявшие также один из значительных родов западной Руси, питали особенное усердие к Печерскому монастырю. Ими к великой Успенской церкви пристроена была с северо-западной стороны особая церковь, где и погребаемы были члены сей фамилии. Там, возле своих предков, погребен был в исходе XVI века *Дмитрий Елец*, киевский писарь, сын Овруцкого старосты Федора Ельца, и его супруга *Марья*, урожденная Олизарова. Дед его был известный староста или державца Чернобыльский — Яков Елец, женатый на княжне Марине Юрьевне Глинской. Возле Дмитрия Ельца погребены были его сыновья: *Филипп*, подстолий Киевский, и *Иван*, женатый на Христине Тишкевичевой, сестре того Януша Тишкевича, который, будучи воеводой Киевским (по 1648 г.), сильно содействовал уже к утеснению своей предковской веры. Над Иваном Ельцом была следующая надпись:

«Выроком смертельных врагов, отыде света сего *Иван Елец*, року от Р. Х. 1603, ноября 11, часа 13. Поживе лет 24.»

Из давнего и знатного русского года *Копцов* в Печерской церкви погребен был *Исидор*:

«*Исидор Копец*, маршалок и писарь короля его милости, по кончине в церкви Пресвятой Богородицы Печерской погребен».

Вот еще четыре надгробные надписи, находившиеся в Печерской церкви:

«До вечной отчизны отыде света сего Гаврило Менович *Богдан Госикий*, року 7035 (1527). Индикта 14. Марта 20.

Бурмистр великого града Могилева *Василий Якимович*, телом отдав долг природе, року 1620, зде опочивает.

1621 року, *Симеон Лыко*, муж твердый в вере, испытанный в храбрости, по многих справах достойных героя, в Бозе почи и зде возлежит.

Истинный христианин *Николай Шашкевич*, хорунжий Брацлавский, року 1624, ноября 3, передав душу свою Господу Богу, зде положен».

Из Печерского помянника видно, что в предверии церковном погребены были в половине XVI века:

Лонгин Сурин, умерший 1552 г. дек. 6.

Андрей Сурин, умерший 1557 г. июля 14.

Здесь кончается ряд тех православно русских мирян, о погребении коих в Печерском монастыре сохранилась память для потомства. С благодарностью воспоминаем их имена... Но с этим воспоминанием сопрягается печальная дума о той тяжкой године для западной Руси, когда над нею возшумела наконец западная буря верогонения,— когда Польша так насильственно и безжалостно отрывала от православной церкви верных дотоле чад ее и так неразумно и недостойно завлекала западную Русь в ту сеть, которой она сама уловлена была от иезуитов. Еще, при начале сих бедствий, в последнем году XVI века, русские князья: *Острожские*, *Сангушки*, *Вишневецкие*, *Корецкие*, *Рожинские*, *Горские*, *Солмирецкие* и многие другие вельможи и рыцари западнорусские являются как избранные *попечители* церкви и христианских соборов*. Еще во второй половине XVII века *Гедеон Святополк князь Четвертенский* служил православной церкви в сане епископа Луцкого и Острожского, а потом митрополита Киевского и с помощью гетмана Самойловича воссоединил иерархию Киевскую с Московской (1685 г.); а *Сильвестр князь Четвертенский*, еще в первой половине XVIII века был епископом Могилевским и усердно ходатайствовал у Петра великого за теснимое от Польши православие**. Но в продолжение XVII и XVIII века потомки помянутых князей и многих других знатных фамилий православно русских поотпадали от своего коренного русского рода и от древней веры своих доблестных предков...

Великие оскорбления потерпели православные через сие отступничество***. Великий урон от того произошел и для самой Польши... Но в сию печальную годину, на защиту веры, воздвиглось казачество украинское и обессмертило себя своими крестовыми походами. Вместе с тем воздвиглось и духовенство

---

* В генеральные провизоры или попечители церкви они были избраны в Вильне 1599 г. конфедерацией, образовавшейся незадолго перед тем в Литовском княжестве и Польше на защиту православного и евангелического исповеданий, от притеснений, производимых католическим духовенством. Акт сей конфедерации весьма любопытен; в русском переводе с польского языка он помещен в *приложениях* к *Описанию Киево-Софийского собора* под № 15.

** В окруженой грамоте митрополита Иова Борецкого, 1629 г., 12 апреля, коей он созывает всех православно русских духовного и светского стану людей на поместный Киевский собор,— сказано именно, что сей собор для того «яко бысмы конечне мели и могли успокоены быти в наших великих доткливостях, которые терпимо през отступство некоторых щекгульных особ от благочестия нашего».

*** Представление Сильвестра князя Четвертенского к Петру великому, писанное 1720 г., напечатано в *Историческом известии об Унии*. М., 1805. С. 173.

пробудившегося Киева; а Печерская лавра просиявшая новыми чудесами свыше, была опять, как в древнее время, средоточием умственной деятельности и духовной жизни; и Печерские иноки ознаменовали себя немерцающей славой своих подвигов и стяжали вечную благодарность потомства.

Их надгробными надписями* заключим наши воспоминания о мужах, погребенных в Печерском монастыре. Первая из них относится к досточтимому обновителю Печерской церкви и устроителю святой Лавры, архимандриту *Плетенецкому*, коего попечением учреждена в 1616 году и типография Печерская:

«Святой души благочестивого старца, *Елисея Плетенецкого*, архимандрита Печерского, память: по кончине своей опочи внутрь церкви в приделе, его же при жизни своей для гроба себе устрои. Року 1624, окт. 29 д., часа 19».

Вторая надпись относится к преемнику сего архимандрита, благочестивому, попечительному и многоученому сочинителю *Палинодии*:

«Ко блаженству вечной жизни воззванный *Захария Копыстенский*, архимандрит Печерский, року 1626, светлой седмицы в великую среду, в сей церкви князей Корецких телом опочи».

Вот еще две надписи ученым лаврским инокам:

«*Памва Берында*, справщик книг и типографии Печерской директор, протосинкел св. отца патриарха Ерусалимского, муж ученый, оставил лексикон Словенорусский, по трудех иноческих, исповедницких и типографских, зде опочи. Року 1632, июля д. 13».

«Справщик книг и типографии распорядитель, проповедник печерский *Тарасий Земка*, муж ученый в языках грецком, латинском, словенском и русском, по кончине своей зде положен. Року 1632, сент. 13 д.»

Наконец воспомянем о главном духовном деятеле тех времен, о митрополите Киевском и архимандрите Печерском — *Петре Могиле*. После великих подвигов своих на пользу православия и просвещения русского, он скончался 50 лет от рождения, в ночь под новый 1647 год, и погребен 19 марта, на завещанном им месте — в великой Печерской церкви при левом крылосе между двумя столбами. Нам неизвестно, какое было надгробие сему незабвенному архипастырю. Но великая собор-

* Сии надписи и находившиеся при них похвалы сочинены Кальнофойским, который в число их включил и надпись с похвалой, им же сочиненную, в надгробие досточтимому митрополиту Киевскому Иову Борецкому:

«В церкви св. архимандрита Михаила Золотоверхого (которую восстановил) русины митрополита своего, сынове отца, братия игумена, студенты мецената, убогие милостынника, все купно с плачем взаемным погребли, положили и написали. Року 1631, мес. мар. 2 д. в среду второй недели поста, 16 часа, отдал душу свою Господу Богу».

ная панихида, которую целая академия ежегодно в день его кончины совершала над его гробом в Печерском храме, была самым красноречивым ему славословием*. А *его коллегия* или *духовная академия Киевская*, которую в своем завещании назвал он *единственным залогом своим* и которая долго называла себя его именем, составляет и поныне несравненный, живой памятник великому иерарху...

1839 г.

---

* Сие торжественное поминование Петра Могилы под новый год возобновлено в братском монастыре преосвященным Викарием Киевским и епископом Чигиринским *Иннокентием*, в бытность его ректором академии.

ВЫДУБИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Когда приближаетесь к Киеву с левой стороны Днепра, и перед вами во всей красе своей предстанет святая Печерская Лавра,— верстах в двух от нее, вниз по течению Днепра, вы увидите небольшой монастырь, полусокрытый в глубине горного удолья. Этот монастырь называется *Выдубицким*; им оканчивается величественная панорама, которая образуется длинным рядом живописных возвышений и удолий, служащих подножием первопрестольному городу России.

Между окрестностями киевскими, Выдубицкий монастырь составляет одно из замечательнейших мест, по древности своей, по красоте своего положения и по тем прекрасным видам, которые отсюда представляются.

Дорога сюда из Киева идет с нагорной стороны, мимо Зверинецких укреплений, заложенных в 1810 году. Не спускаясь еще в самый монастырь, можно, поворотив направо, пройти на возвышение, которое поднялось над монастырем с полуденной его стороны и которое по своей ровной вершине особенно благоприятно для прогулки. Длинный, ровный хребет сего возвышения, круто спускаясь с обоих боков своих, оканчивается еще большей крутизной над Днепром. Деревья и кустарники, растущие на сем месте, заслонили собой Киев и все, что простирается отсюда на север. Зато какой-то особенный простор душе дает это место, когда, отдыхая на нем, заглядишься на гряду возвышений, идущих на полдень, и на широкое под ними раздолье, по которому течет многоразливный Днепр, далеко уносящий за собой ваши мысли. Особенно хорошо здесь весной, когда днепровские волны разольются как синее море, и полуденный ветер

от них навевает такую животворную свежесть, что и давно отжитая старина как будто молодеет в вашей памяти.

Живописное возвышение это без сомнения есть тот *холм над Выдобичами*, на котором во второй половине XI века был *Красный двор* великого князя Всеволода, и я предложил бы всем, посещающим этот холм, называть его *холмом Всеволодовым*, в память любимого Ярославова сына, питавшего особенную любовь к этим местам.

Другой холм, находящийся с левой или северной стороны монастыря, принадлежит к ряду Зверинецких возвышений, идущих отсюда к Киеву, вверх по Днепру. На них разбросано село *Зверинец*, с древних времен принадлежавшее монастырю Выдубицкому, и своим названием показывающее, чем заняты были некогда эти места. Северная часть этих возвышений, отделяемая от Печерской горы Неводницким потоком, называлась изстари *Неводичами**.

Упомянутые два холма над Выдубицким монастырем, расходясь друг от друга, оставляют между собой глубокое удолье, спускающееся к Днепру двумя уступами. На верхнем уступе находится монастырский сад. Нижний уступ составляет собой четвероугольную долину, которая с восточной стороны оканчивается над Днепром крутым обрывом и на которой расположен монастырь. Обставленный таким образом с трех сторон горами и открытый только к востоку, сей монастырь представляет собой такой мирный и затишный приют жизни, что, кажется, и самим костям труженика здесь покойнее лежать, чем в другом месте; потому и кладбище, находящееся в этой обители, имеет привлекательность необыкновенную.

С этим характером Выдубицкой обители согласуется и небогатое обстроение оной деревянным жильем, и простая досчатая ограда ее. Каменных зданий там четыре: церковь архистратига Михаила, стоящая почти на краю обрыва и относящаяся (по крайней мере своим основанием) к XI веку; церковь Георгия Победоносца, находящаяся среди монастыря и построением своим принадлежащая к концу XVII века; современная сей церкви небольшая трапеза с церковью Преображения Господня; колокольня, находящаяся при въезде в монастырь с нагорной или западной стороны,— рядом с настоятельским домом.

* Начиная от *Неводницкого* или Неводничего потока, Выдубицкому монастырю издревле принадлежал весь правый берег Днепра до самой Лыбеди, от устья коей был прежде поромный перевоз через Днепр, принадлежавший сему же монастырю. Нагорная граница Выдубицкой земли (по ограниченью, сделанному 1567 г. от князя Острожского) шла от вершины Неводницкого потока через озеро Неводницкое, находящееся в долине сего же имени; отсюда на гору через *борочок* (которого во второй половине прошлого века уже не было); а потом через *Перепелич-долину* и *Трипольский гостинец* (дорогу) — до Лыбеди. Горная оконечность над левым берегом Лыбеди называлась горой *Бусовицей*.

Упомянуть должно еще о небольшой деревянной беседке, которая сделана в левом углу ограды и своим ветхим балконом, можно сказать, повисла над самым Днепром. Беседка эта весьма любима посетителями, по прекрасному виду из нее на Днепр, на его заливы, пески и луга и на темный бор Заднепровский. Этот вид не так обширен, как тот, что представляется с полуденного холма; но он не менее привлекателен своей определенной полнотой, которая производит в душе отрадно успокоительное сосредоточие и наводит невольную задумчивость. Здесь, при виде Днепра, через который в древнее время была переправа против самого монастыря, воспоминаются живо события, совершавшиеся некогда в этих местах. Здесь же всего лучше припоминается история и самой обители.

Первым началом Выдубицкого монастыря полагается небольшая церковь св. архистратига Михаила, поставленная нашим первым, святым митрополитом. Таким образом эта церковь была современна первоначальной церкви Михайловского Золотоверхого монастыря, сходствуя с ней и самым поводом к построению, т. е. вторичным низвержением в Днепр кумира, *выдыбавшего* или выплывавшего в сем месте, отчего оно и получило название *Выдобычей* или *Выдубичей**. Предание о

---

* *Выдубичами* называлось вообще все удолье, в котором находится монастырь; а в XVII веке и Зверинецкое сельцо над монастырем, называемое ныне Зверинецкой слободой. Там в 1587 г. было подданых 8 дымов; 1638 г. считалось 10; а 1647 г. было их там уже 42. Вот две квитанции в получении подымного: 1) «Федор Сущанский-Проскура чисар земский и поборца воеводства Киевского ведомо чиню тым моим квитом, иж мне отдал двое подимное на сейме валном Варшавском в року теразнейшом 1638 ухваленое, ясне велебний его милость отец Петр Могила воеводич земель молдавских, архиепископ митрополита Киевский, Галицкий и всея Руси, а маетности до монастира светого Михайла Выдубицкого належачих, ведлуг юраменту чрез подданые выконаного: в селе Осокорках не зостало жодного подданого, тилко сам атаман; а при самом монастыре димов десять; в селе Свиноедах з димов пяти; з кождого диму по золотому; сумма золотых 16. З чого я его милость квитуючи, даю тот мой квит за подписом руки моей и притисненем печати. Писан в Киеве, дня 9 августа року 1638». 2) «Александер Ленкевыч Иногорский, подвоеводий и поборца воеводства Киевского, ведомо чиню тим моим квитом, иж мни велебний его милость отец Игнатий Оксенович Старущич, игумен Видубыцкий, отдал подимное двое на сейме шестонеделним Варшавским близко прошлим ухваленых, а на сеймику Житомерском принятие, з добр до монастира Видубыцкого належачих: з села Видубыча з димов четиридесять двох, з села Осокорков з димов седмнайцять, з села Свиноедов з димов тринайцять; з каждого диму по золотому едному, всего сумою золотих седмдесят два за рок теразнейший 1648. З чого его милость кветую. В Киеве дня осмнадцатого месяца февруария року 1647». По реестру пожитков монастырских, составленному 1593 г., значится, что в то время с этого «нагороного села» приходило монастырю в год: «куници грошевой з городов з садками, з каждого по грош 12, зо всех чинит полтори копи и шесть грошей». Под реестром подписано было: «И се я Калист Игумен на тот час Видубицкий, выведавшися о всем том, списал есми на реестр сесь для ведомости о том и потомним людем по мне там будучим, и дал есми сесь реестр списаний власною рукою моею до ризници его м. митрополией Новгородской. Року 1594, месяца марта 13 дня».

таком начале монастыря и названии места многие принимают за баснословие. Но мы не считаем себя вправе отрицать это предание, потому только, что оно записано не в древней летописи, а в Киевском Синопсисе,— между тем как в самом предании нет ничего несбыточного. Почему бы, например, деревянный кумир Перуна не мог вынырнуть из Днепра верстах в пяти от Старого Киева, если он, по преданию, записанному Нестором, плыл до самых порогов и уже в Запорожьи выброшен ветром на пески*; и почему поклонники сего кумира, видя его плывущего Днепром, не могли взывать к нему; «Выдыбай, наш господарю боже, выдыбай!»

Каково бы впрочем ни было происхождение Выдубичей и первое начало монастыря, но из летописи Несторовой видно, что каменная церковь св. Михаила в Выдубичах заложена была в 1069 году Всеволодом Ярославичем и освящена в 1088 году митрополитом Иоанном добрым[1], который в следующем году освящал великую Печерскую церковь; а из того, что монастырь Выдубицкий именовался *Всеволожим*, можно заключить, что устроение оного принадлежало сему князю.

Первое разорение монастырь сей потерпел в 1096 году от половецкого хана Боняка, который 20 июня набежал на Выдубичи, зажег Красный двор и монастырь, а потом ворвался и в обитель Печерскую[2]. Киевская летопись замечает, что через 111 лет от создания каменной церкви в Выдубичах не было на киевском престоле ни одного князя, который наследовал бы любовь Всеволодову к сему месту. Несмотря на то, монастырь Всеволодов был на значительной степени, ибо его игумены поступали прямо на знатнейшие епархии**. Из числа сих игуменов особенного воспоминания заслуживает Сильвестр, бывший здесь по 1119 год: после преподобного Нестора, он едва ли не первый из наших иноков писал — «своего ради отечества Русские земли».

В 1198 году великий князь Рюрик Василий[3] украсил монастырь Выдубицкий построением каменной стены под церковью св. Михаила у Днепра. Эта стена удивляла современников: «О ней же (говорит Киевская летопись) мнози не дерзнуша помыслити от древних, али но делу ятися». Заложена она была 10 июля, а окончена сентября 24,— и в тот же день князь Рюрик, имея *любовь несытну о зданиях*, приехал с семьей своей в монастырь, «и постави кутью у св. Михаила, и сотвори пир

---

* У Нестора сказано: «И проиде сквозе пороги, изверже и ветр на рене, и оттоле прослы *Перуняна рень*, яко же и до сего дне словеть». Слово *рень* изъясняли различно:

Гизель в Киевск. Синопс. переводил оное *горою*, Карамзин — *мысом* и т. д. Но это слово, поныне употребительное в галицком наречии южнорусского языка, означает *песок*. И так название *Перуняна рень* всего справедливее может быть переводимо — *Перуновы пески*. При этом можно вспомнить *рень* — *пески* Саратовские.

** Так, напр., игумен *Сильвестр* 1 января 1119 г. посвящен во епископа Переяславского; игумен *Андриян* в 1190 году поставлен епископом Белгородским.

немал». *Художником* стены этой был русский зодчий, тот самый тысяцкий Милонег Петр[4], который в Новгороде соорудил церковь св. Вознесения. Теперь нет уже и следа этой замечательной стены: вероятно она разрушена еще татарами, которые не жалели труда и рук, сокрушая и ниспровергая огромнейшие твердыни, без помощи огня и пороха; подробным повествованием об этой стене прекращается Киевская летопись; и после того, только один раз уже упоминается Выдубицкий монастырь в русском летописании,— именно в 1250 году, при сказании о путешествии Даниила Романовича Галицкого[5] на поклон к Батыю.

«Пришед в дом архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры (*т. е. монахов*), да сотворят молитву о нем... изыде из монастыря в лодьи». Из этих слов видно, что обитель Выдубицкая, прежде других монастырей киевских начала опять свое бытие, после рокового нашествия на Киев в 1240 году. К сожалению, и все грамоты древних русских князей, и другие записи Выдубицкого монастыря, какие были до XVI века, к нам не дошли*: они — «сгинули в тот час, коли Киев и монастир тот был от неприятеля крижа светого покилько крат збурен». Так сказано в привилегии Жигимонта Августа, данной монастырю сему 1541 г. 5 марта. Потому о судьбе Выдубицкой обители до исхода XVI века скажем только вообще, что хотя она и терпела несколько раз опустошение от набегов татарских, однако продолжала свое существование, владея значительными угодьями, еще от древних русских князей данными.

С последних годов XVI века по 1636 год Выдубицким монастырем владели униаты и в нем особенно сосредоточена была их власть над Киевом; ибо униатские Выдубицкие игумены большей частью были в то же время и *Софийскими* или *Киевскими наместниками* униатского митрополита.

Посвящение Иова Борецкого[6] в митрополиты Киевские, в 1620 году, подало повод к сильнейшим гонениям на православие. Папские приверженцы видели, что с возобновлением православной митрополии Киевской подрывается их недавняя власть в западной Руси,— и своими действиями до того ожесточили народ, что жители Витебска убили униатского епископа Иосафата Кунцевича[7]; а запорожские казаки напали на Выдубицкий монастырь и утопили в Днепре Антония Грековича[8],

* В привилегии Жигимонта I, 1505 г. 5 июня, подтверждающей Выдубицкому монастырю владение Зверинцем, упоминаются привилегии Владислава и Казимира, существовавшие еще в то время; но и они затрачены. Древнейший из дошедших к нам актов Выдубицкого монастыря есть грамота митрополита Иосифа Салтана, 1504 года, которая напечатана ниже (см. стат. «О Гнилецком монастыре»). К древним владениям монастыря Выдубицкого, кроме упомянутых в 1 и 2 примечании, принадлежали еще: *Багриново*, на правом берегу Днепра, за Лыбедью; а на левой стороне Днепра, против самого монастыря, село *Осокорки* с богатыми при нем угодьями для рыбной ловли.

бывшего здесь игуменом, а потом генеральным наместником униатского митрополита Вельямина Рутского.

Тяжкая распря, произведенная унией, длилась очень долго; однако с 1632 года, когда Владислав[9] избран в короли, а Петр Могила стал митрополитом, православная митрополия Киевская начала решительно возвращать свои давние права. По конституции 1632 года 1 ноября, утвержденной королем и сеймом, митрополиту Вельямину Рутскому предоставлено было в Киеве только владение Выдубицким монастырем да вотчинами Софийского монастыря и то только по его смерть. Он скончался 1637 года, назначив еще при жизни в преемники себе своего коадьютора Рафаила Корсака[10]. Этот новый униатский митрополит хотел было удержать за собой вотчины Киевской митрополии и Выдубицкий монастырь; однако Петр Могила не допустил его к тому, а запорожские казаки преследовали его со своей стороны, так что он бежал 1639 года в Рим, где и скончался.

Таким образом Выдубицкий монастырь, после сорокалетнего обладания униатами, возвратился наконец к православной митрополии, но разоренный и опустошенный*. Кажется, что во время оного обладания произошел здесь и тот обвал береговой земли, от которого повредился фундамент Михайловской церкви, и алтарная часть ее обрушилась в Днепр. Предание об этом сохранилось в монастыре; а очевидными свидетелями сего разрушения остаются и поныне выдавшиеся над обрывом большие дикие камни, из которых сложен церковный фундамент.

Возобновление Михайловской церкви** и монастыря сего принадлежит тому незабвенному иерарху, коего попечением и другие древние храмы киевские возникли из вековых развалин. Между церковными утварями Выдубицкого монастыря хранятся и ныне большой серебряный крест с подножием, на котором следующая надпись: «В лето 1642, мая 27 дня, сей крест сооружен быть повелением преосвященного Киевского, Петра Могилы, и данный в монастырь святого архистратига Михаила Выдубицкого Киевского»; евангелие Львовской печати 1636 г. и

---

* В *Синопсисе*, напечатанном на польском языке в Вильне 1632 г., и того же года поданном Владиславу IV, сказано, что Выдубицкий монастырь *ограблен* владевшими им униатами. Из этого однако не должно заключать, чтобы монастырь Выдубицкий в богатом состоянии достался униатам: за несколько лет еще до их водворения в нем он приведен был в большую бедность начавшимся тогда безурядьем, предвозвестившим унию. Это особенно видно из *квита*, представленного киевскому суду возным Григорием Чижевичем, который в 1587 году вводил во владение Выдубицким монастырем некоего Захария Философовича.

** К дальнейшему обновлению сей церкви принадлежит следующее известие, написанное на книге «Благовестник», находящейся в здешней библиотеке: «Поставися крест на церкви святого архистратига Божия в монастыру Выдубицком боголюбивым епископом року 1555, при игумене того монастыря Клементию Старушичу. Ныне же паки обновися от ветхости недостойным рабом Божьим иеродиаконом Самуилом Евдокимовичем, старанием и коштом его, року 1693 месяца сентеврия 3».

малый лист, с надписью: «Сие евангелие оковано повелением преосвященного Киевского, Петра Могилы»; а на одном служебнике, хранящемся в здешней библиотеке (печатанном в 1629 году) находится следующая собственноручная надпись: «Сей служебник в славу и честь Господа Бога в Тройце святей славимого, и во оставление грехов и в память себе и родителем своим, дал есть в храм святого архистратига Михаила чудесе в монастырь Выдубицкий Киевский преосвященный архиепископ митрополит Киевский Галицкий и всея России, архимандрит Печерский, строитель же, ктитор и обновитель того же святого монастыря Выдубицкого, по конечном запустении и разрушении его от отступник реченных униатов: да никто же убо от сего святого храма и монастыря дерзнет отьяти, отдалити или соби присвоити его, под вечною и николи же ни от кого же разрешимою клятвою и анафемою святых и богоносных отец и того же архиерея проклятством, в лето 1636 месяца ноеврия 23 дня. Петр Могила архиепископ митрополит Киевский рукою власною».

Обновляя Выдубицкий монастырь, Петр Могила предназначал его для своего коадьютора, которого однако не было, а впоследствии монастырь Выдубицкий сделался неподвластным митрополиту Киевскому, так что царской грамотой 1688 года митрополиту Гедеону Святополку* дозволено было только иметь свои кельи в Выдубицком монастыре для приезда и отдохновения. Уже в 1691 году при митрополите Варлааме Ясинском[11] Выдубицкий монастырь, наравне с другими, возвращен под ведомство Киевской митрополии.

В 1696 году полковник Стародубского полка Михайло Миклашевский[12], по набожному усердию, которым одушевлялось тогда дворянство и казачество малороссийское, построил своим коштом в этом монастыре каменную церковь во имя *св. Георгия победоносца* и каменную трапезу с церковью *св. Преображения Господня.*

О построении новой церкви, в Выдубицком помяннике, на особом листе, написано следующее известие: «Новая церковь *святого великомученика Георгия*** основана бе в Выдубицком монастиру року от Рождества Христова 1696 июня 11, а совершися каменным зданием 1701 июля 15, коштом благородного Михаила Миклашевского, полковника стародубовского; а в самом основании бяше, благословляя место, сам великий архиерей и премудрый митрополит православный Киевский Варлаам Ясинский; ибо сам святительскими си руками, начиная основание, и землю копаше, и мощи четырех святых: Михаила епископа Синадского, Иоанна Златоустого, великомученика

* В завещании киевского митрополита Гедеона Святополка князя Четвертенского, 1690 года, на Выдубицкий и другие монастыри киевские мужеские отписано по 200 золотых на сорокоусты *целорочные*, т. е. годовые.

** В подлиннике поставлено: «Новая церковь святого архистратига Михаила»; но это очевидная описка.

Георгия и великомученицы Варвары, сам во основании во олтарную стену положи, и каменем привали, и вапном замаза. Того ж 1701 року октоврия 9 и освящена есть тым же всесвященнейшим архипастиром, бьяше же сопособствуя во освящении архимандрит Печерский Иоасаф Кроковский[13]. И сам той же Михаил христолюбивый ктитор со женою своею Анною бе при посвящении, воздая благодарение Богу за освященное дело; сотвори же и учреждение в той день, и всей братии милостыню даде. А егда освящаху святый престол, вложиша в он мощи: Василия великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, великомученика Георгия, великомученицы Варвары и святого преподобного мученика Никона Сухого Печерского; их же молитвами и заступленми святого архистратига Михаила да помянет Господь Бог ктитора, архиерея и игумена, на тот час бывшего, иеромонаха Варлаама во царствии си: аминь». Перед местной иконой св. Георгия находится ковчег, устроенный в виде гробницы, с частицами мощей великомученицы Варвары, Иоанна Дамаскина и других святых и частью крови великомученика Георгия.

В трапезной Спасской церкви останавливает на себе внимание иконостас, представляющий родословное древо, среди ветвей которого изображены ветхозаветные праотцы Иисуса Христа по плоти, в положении возлежащих; а посреди их, над царскими вратами, пресвятая дева с предвечным младенцем.

В трапезе на стене уцелел еще лепной герб Миклашевского; а в зале настоятельского дома хранится большой старинный портрет сего казацкого полковника, известного в истории своими храбрыми подвигами и нелюбовью к нему гетмана Мазепы*.

---

* О том, как поступал Мазепа с Миклашевским, см. в истории Конисского; а здесь, по поводу имени его, предлагаем несколько посторонних замечаний. В Выдубицком помяннике, в начале *поминания инокинь* написан «род честнои инокине Магдалины... игумении монастыря паненского Печерского». Фамильное имя сей игумении и схимницы Марии Магдалины затерто чернилами; но оно видно из следующего письма ее. «Року 1701, марта 17 дня. Известно твору, иж будучи игуминией монастыря Печерского девического, умыслила и взяла намерение, абы построена была церковь мурованая в предреченной той святой обители Вознесения Христова на небеса; до которого святобливого дела просилам их милости отцев монастира Выдубицкого, абы позволили на грунте своем на Лыбеди цегелне ставити на уготоване цегли; речь слушную уваживши, его милость отец Варлаам Страховский, игумен монастира Видубицкого з отцами и братиею и свои цегелне готовие для поспеху позволили; тие цегелне по зготованью материи на церков вышреченную повинны будем благодарне монастиреве Видубицкому отдати и отци тоей святой обители яко своим власним грунтом владети мают. Известно, иж ради певности, на сем писании при печати монастирской руку подписалам. Деялося в монастиру Печерском девическом Вознесении Христова; року, мисеца и дня вышей написанного. Мария Магдалена Мазепиная, игумения Печерская Девического и Глуховского». Отсюда видно, почему фамильное имя сей игумении затерто в помяннике: это была мать гетмана Мазепы. Может быть ей же принадлежит собственноручная подпись: «Марина Мазепина, подчашина Черниговска»,— вписанная около 1666 года в каталог Луцкого братства. В таком разе определилось бы, что гетманов отец Степан Мазепа был подчашим Чернигов-

Новый храмовой праздник в Выдубичах был поводом к народному гулянью, которое и теперь собирается здесь ежегодно в Егорьев день. Но гулянья киевские вообще не имеют уже ни народного характера, ни даже простого веселья народного. Тем менее стоит внимания гулянье Выдубицкое в Егорьев день: оно только смущает собой мирное уединение монастыря, особливо в час вечерней молитвы. Тогда и Всеволодов холм, покрытый разнобоярщиной киевского народа и оглашаемый звуками немецких шарманок, невольно напоминает собой лысую гору. Одно только гулянье прилично месту сей обители и имеет здесь смысл народный: это поминание своих родичей на их могилах, бывающее после светлой недели.

Кроме упомянутых нами трех церквей, на Выдубицком монастыре есть еще *церковь св. Благовещения* в верхнем ярусе над церковью Михайловской. Она возобновлена 1766 года, по благословительной грамоте митрополита Арсения Могилянского[14], в коей названа она *старинной* церковью. Вероятно, в это время перенесен в нее иконостас из церкви преподобного Даниила, которая находилась во втором ярусе Выдубицкой колокольни, где ныне лежит монастырский архив; в Благовещенской же церкви помещаются ризница и библиотека монастырская.

Из остальной истории Выдубицкого монастыря замечательнее других следующие два события: в памятный для русских монастырей 1786 год, указом 10 апреля, Выдубицкий монастырь положен в третьем классе и определено ему быть больницей для прочих монастырей киевских; а 18 декабря 1797 года положено, чтобы Выдубицкими настоятелями были архимандриты. Вследствие того, сей монастырь и ныне принадлежит к числу третьеклассных и управляется архимандритами; но больничное его назначение давно уже прекратилось.

ским. Некоторые думают, что преданное анафеме имя преступного гетмана обратилось в бранное слово; но это напрасно: нарицательное имя *Мазепа* (от слова *мазать*) употреблялось гораздо прежде, как бранчивое слово, соответствующее великорусскому слову *харя* или *рожа*, и едва ли не занятое из языка польского. Печатное доказательство тому находится в изданной 1644 г. в Киеве на польском языке книге Литос, написанной весьма умно и резко в обличение Касиана Саковича, который перешел в унию, а потом сделался католиком. Там, на с. 124, сей отступник от православия назван «*объеретичалым Мазепою*».

НЕЧТО О МЕЖИГОРЬИ

Кто не слыхал о Межигорском монастыре, бывшем в такой славе и любви у народа малороссийского? «Посмотри,— говорит Петр Могила,— там более полутораста иноков живет в общине, трудами рук своих, по примеру оного великого Антония пустынножителя».

И вот я в Межигорьи... Но не в монастыре, а на фаянсовой фабрике, и, глядя на ее работы, вспоминаю слова пророка: «И снидох в дом скудельничь, и сей творяше дело на каменех. И разбися сосуд его же той творяше от глины руками своими; и паки той сотвори из него другий сосуд, яко же угодно во очию его творити»*.

Еще весной 1787 года прекратилась Межигорская обитель от пожара, ускорившего ее конец, за год перед тем назначенный. Но несмотря и на другой пожар, истребивший в 1810 году фаянсовую фабрику, заведенную тут вместо монастыря, запустение как бы и не касалось этого прекрасного наддиепровского угодья. Величавый Преображенский храм, воздвигнутый предпоследним Всероссийским патриархом Иоакимом[1], и Петропавловская церковь, поставленная последним кошевым атаманом Запорожской Сечи, Петром Кальнишевским[2], красуются и теперь как бы только что построенные для Межигорской братии, на умножение хвалы Божьей. На восток от них, на Пекарнецкой горе, раскрыта вновь давняя Межигорская пещера с бывшей в ней подземной церковью во имя св. Онуфрия. В другой стороне от них — бьет по прежнему подгорный светловодный ключ, называемый *Звонками*. И зеленеют по горам, еще в полной силе,

* Иеремии XVIII. 3, 4.

огромные многовековые дубы... Безответные они свидетели долгой жизни монастыря; но под их сенью, под шумом их листьев, живее воображается почти забытая старина этого достопамятного места.

Эти строки написаны мною в Киеве 1857 г., в начале моего, еще не изданного сказания о Межигорском монастыре. А в нынешнем сентябре месяце, будучи на короткое время в Киеве, я слышал, что через несколько недель Межигорье будет продаваться с публичного торга... Скорбная мысль не покидает меня и в моем хуторском уединении: что, если Межигорье достанется в руки какого-нибудь предприимчивого *жида*?... Оскорбительно было бы для нас — *его* обладание тем дорогим для здешнего края местом, куда являлись некогда на молитвенные подвиги и пострижение такие люди, как патриарх Иоаким Савелов, митрополит Тимофей Щербацкий[3], епископ Иоасаф Горленко и многие другие; тем заветным местом, которое, в тяжкие времена Киевской Руси, посещал благодетельный для нее иерусалимский патриарх Феофан и подтвердил тут ставропигию, и в беседе с Межигорской братией рассказывал об огне, сходящем перед Светлым Воскресением на гроб Господний...*

Но, нет! Межигорью не следует перейти не то, чтобы в жидовские руки, но и в частную собственность всякого торгаша и промышленника; и мне сдается, что до того не допустят ни Печерская Лавра, ни другие монастыри киевские, со своим архипастырем; что они, общими силами, при содействии благотворительных мирян, возмогли бы оплатить Межигорье и открыть его по прежнему для *общежительства* братского; что новособранная здесь братия весьма могла бы продолжать с успехом и выработку фаянсовой посуды, подобно тому, как в Оптиной пустыни, среди подвигов благочестия и трудов книжных, работают и над деревом, и над глиной. Тогда ожила бы и в народе прежняя любовь к Межигорью и оно послужило бы для него благотворной и, можно сказать, необходимой в настоящее время школой благочестия и трудолюбия.

В 1627 году Виленское братство, издавая *духовные беседы Макария Египетского*, посвятило эту книгу Межигорскому игумену *Коментарию*. В посвящении сказано, между прочим, следующее:

«Многии бо вем, слышачи о честном житии вашем, з далеких краев, от Иерусалима и святой Синайской горы, для навеженья и подражанья жития вашего, приходят и з вами обитовати зезволяют... Найдешь у вас штодень коваля с молотом, теслю с сокерою и инших мастеров, з розных далеких мест, з розным

* См. в *Летописи Величка* лист, изданный межигорцами для народа.

начиньем, мовячих с покорою: отче, роскажи што робити, обецалихмося за спасение души попрацовати тому святому месту!»

30 сентября 1864 г.
Михайлова гора.

ВОЛЫНЬ ДО XI ВЕКА

Страна, известная под именем Волыни, была с древнейших времен заселена славянами, подобно земле Киевской, Червоно-русской или Галицкой и Подолью. Во всех этих участках южной Руси коренными и первобытными жителями были юго-восточные славяне, которые, хотя некоторое время и находились во взаимном разделении на разные отрасли, иногда не мирившие друг с другом (как например древляне[1] с полянами[2] киевскими), но тем не менее были ближайшие друг к другу, по степени родства и по местопребыванию. Русское владычество, соединившее сих славян в IX и X веках под знамена киевские, положило на них вновь неизгладимую печать единства, по которой они доселе не перестают быть одним, коренным южно-русским народом, при всех переворотах с ними и разделениях южной Руси в продолжении девяти веков. Несмотря на областные названия их: галичанами, подолянами, волынянами, украинцами, запорожцами, слобожанами, черноморцами — имя *русина* остается их общим, родовым именем, которым и теперь зовет себя коренной народ земли Галицкой, которым и весь южно-русский или малороссийский народ отличает себя от поляков, чехов, сербов и других славян, хотя в нашем государстве имя русского теперь усвоилось преимущественно народу Великой или Московской Руси, коей судило провидение быть средоточием воссоединенного русского мира. Но до XIII века, когда первопрестольный Киев был средоточием древнего русского мира, во всех его концах именем *Руси* или *Русской земли* называлась преимущественно земля Киевская. Потому-то и в царь-городе Константин Багрянородный[3] писал, что Великий

Новгород находится *вне России*. Так и у наших соплеменников поляков *Русью* называли прежде преимущественно южно-русский народ, в отличие от москвитян или великороссиян; древнее Галицкое княжество[4] называлось у них с половины XIV века *воеводством Русским*; Украинские козаки в некоторых конституциях XVII века именуются *старожитной Русью*; старинные польские хроники называют русинами князей Черторийских, получивших это имя от древнего города Черторийска на Волыни.

Таким образом на сию страну и по ее коренному народу, и по ее древней и нынешней государственной принадлежности, не иначе должно смотреть, как на участок коренной, старожитной Руси. Самое название *Малороссии* или *Малой Руси* — Russia minor первоначально принадлежало Волынской и Галицкой земле и уже впоследствии распространилось на левую сторону Днепра и даже преимущественно ей усвоилось.

В историческом бытии Волыни сами собой различаются пять периодов: *первый* — до окончательного утверждения русской власти над Волынью великим Владимиром в исходе X века; *второй* — до перехода Волыни в состав Литовского или западнорусского государства, в половине XIV века; *третий* — до соединения Волыни и всего Литовского княжества с короной польской, в 1569 году; *четвертый* — до возвращения Волыни под Русскую державу, в 1793 году; и *пятый* — нынешнее бытие Волыни, преобразованной в Волынскую губернию.

Сведения наши о древнейшем бытии Волыни — до XI века — основываются на немногих исторических известиях, относящихся к ее первым обитателям и к завоеванию их русскими князьями.

Один только преподобный Нестор оставил, хотя краткие и неполные, но определительные указания. Сии указания дополняются несколькими известиями Константина Багрянородного и безыменного баварского географа, писавшего в исходе IX века. Вот что можно вывести из сих писателей о жителях древнейшей Волыни, коей пределы в прежние времена простирались далее на запад, чем в нынешнем ее ограничении.

Восточная половина сего края, по обеим сторонам западного Буга, заселена была *бужанами* и *дулибами*.

Дулибы в VI или VII веке много потерпели от обров и аваров, по сказанию Нестора; местная память об них сохраняется и ныне в наименовании нескольких сел *дулебами* или *дулибами*.

Бужане составляли довольно многочисленную славянскую отрасль ибо, по сказанию Баварского географа, они (Bussani) жили в 250 городах (civitates).

Но что сказать о самих *волынянах*, именем коих во времена Нестора назывались уже дулибы и бужане? Всего вероятнее, что

волынянами сначала называлось только некоторая часть славян, жившая в верховьях западного Буга, около города Волыня. Польские историки, по сходству звуков, считали волынян пришельцами с берегов Волги, почему и вместо Волыни они писали *Волгиния*. Но и то и другое напрасно. Жители Волги назывались бы не волынянами, а волжанами — по закону славянского звукоизменения, как обитатели Буга назывались бужанами. В древнейших списках Русской летописи (Лаврентьевском и Троицком) вместо Волынь и волыняне весьма часто писано *Велынь* и *велыняне**. Это почти прямо указывает на *велынов* или *велынян*, отрасль прибалтийских славян, которая преимущественно обитала на острове Велыне или Волыне (по немецки Юлин), где был и город сего имени. И мне кажется, что наши волыняне всего скорее были храбрые выходцы с Балтийского поморья, которые сначала поселились у западного Буга, а потом распространились далее и своим именем покрыли прочих жителей сего края. Они-то, конечно, были основателями и города *Волыня*, на левой стороне Буга, при устье реки Гучвы. Теперь на том месте село Городок; но еще видны остатки большого вала и несколько могил — безмолвных памятников того города, коего именем называется поныне целая область.

Что касается до других славянских отраслей, вошедших в состав волынского народа, то они определяются более предположительно.

Лучане, два раза упомянутые Константином Багрянородным в числе славян, подвластных Руси, еще до времен Владимировых, по мнению Карамзина, обитали в окрестностях древнего волынского города *Лутеска*, то есть нынешнего Луцка. Впрочем *лучанами* назывались в московских грамотах жители великих Лук, которые, по мнению Шафарика, и были лучане Константина Багрянородного.

Между народами, описанными географом баварским под именами Sittici и Attuertani, Шафарик[5] угадывает славянские имена *житичей* и *туричан* и полагает, что первые, всего скорее, могли быть жителями окрестностей Житомира, а туричане жили на реке Турье, где издревле существовал город (ныне местечко) Турийск и есть село Туричаны.

Как бы то ни было, но славяне волынские, слившиеся мало-по-малу в один состав южно-русского народа, со всех сторон окружены были славянскими же отраслями. Западными соседями их были *хорваты*, населявшие восточную Галицию и послужившие основанием Червоной Руси. К югу от них простирались вдоль Днестра и Буга до Черного моря и Дуная

* Самое различие в произношении сих имен *Волынь* и *Велынь* свойственно славянскому звукоизменению *е* в *о*, как например в словах *полынь* и *пелынь*, *гробля* и *гребля*, *озеро* и *езеро*. Название *Велынь* можно считать древнейшим.

тиверцы и *угличи*, или *уличи*, отличавшиеся своей воинственностью и множеством городков, которые существовали и во время Нестора, но теперь с славянскими именами остались уже немногие. На восточном рубеже Волыни жили *древляне*, особенно замечательные в отношении к этой стране потому, что их лесистый край, в древности называвшийся *Деревами*, причисляется ныне к ее составу, с городами: Вручаем (Овручем), Коростенем (Искоростью) и другими. К северу от древлян и волынян, между реками Припятью и Западной Двиной, жили *дреговичи*, которые, может быть, простирались отчасти и в Волынское Полесье.

Скажем теперь о присоединении волынских славян под русскую власть Киева, которое совершилось не вдруг и не без противоборства.

Первым шагом к тому было завоевание древлян, на которых наложили свою руку еще первые русские князья Киева — Аскольд и Дир, около 864 года. Завоеватель Олег, сделавшись русским князем, покорил вновь под власть Киева древлян, в 883 году и потом пошел на их соседей. В 885 году он воевал с угличами и тиверцами, которые не поддавались ему без боя. Вероятно, около того же времени, после завладения тиверцами, Олег простер свои завоевания на дулибов и галицких хорватов; по крайней мере те и другие в начале X века были уже под Русью, ибо в 906 году те и другие находились в грозном Олеговом ополчении на Царьгород вместе с тиверцами, древлянами и другими отраслями славян, уже подвластными Киеву.

Князь Игорь обновил русскую власть над древлянами в 913 году, завоевал наконец в следующем году упорных угличей. Древляне вновь отказались было платить дань; памятником их подданства Киеву и теперь возвышается *Игорева могила*, близ древнего их города Коростеня, ныне местечка Искорости. Ольга отомстила древлянам за убиение своего мужа, а в 970 году князь Святослав отдал древлянскую землю в удельное княжение сыну своему Олегу, который и княжил в ней до 977 года.

Между тем Червень, Перемышль и другие города галицкие или червенские заняты были поляками; почему Владимир Святославич в 981 году ходил на Мечислава и отвоевал у него достояние Киева, добытое Олегом. Вероятно, в этот же поход великий князь Киевский овладел бужанами и прочими жителями Волыни; а для упрочения своей власти над ней и над Галичем он построил во свое имя город *Владимир* на р. Луге, в 20 верстах от города Волыни.

Этот новый волынский город, в 988 году, великий Владимир назначил в удельное княжение своему юному сыну Всеволоду, который и княжил там до 1052 года. При первом учреждении русских епархий, в 992 году, одна из них назначена во Влади-

мире-Волынском и послан туда епископ Стефан. Соделавшись таким образом средоточием русской власти над Волынью, город Владимир в то же время послужил сей стране источником просвещения христианского — и она к началу XI века была уже причастна той русской жизни, которая, образуясь в Киеве, разливалась из него по всем концам древней Владимировой Руси. По имени своего главного города, Волынь называлась иногда *зе́млей Володимирскою*, откуда и произошло название *Лодомирии*.

1839.

О МНИМОМ ЗАПУСТЕНИИ УКРАИНЫ В НАШЕСТВИЕ БАТЫЕВО И НАСЕЛЕНИИ ЕЕ НОВОПРИШЛЫМ НАРОДОМ

(Письмо М. П. Погодину[1])

Пора нам прекратить спор наш, в «Русской Беседе»,[2] хоть перемирием! В моих *филологических* и двух *ответных* письмах сказано уже все, что я намерен был объяснить тебе о предмете нашего спора с его *филологической* стороны; и если ты не возвратился к прежнему понятию, которое старался я оправдать, если ты погряз в своем новомыслии, из которого я надеялся тебя вызволить, то в этом уже твоя воля, не моя вина. Ты в «Ответах» своих сознаешься, что ты — «не филолог, а историк», что «филология не твое дело»: и это справедливо; от этого-то и происходит особенность некоторых твоих утверждений о языке, против которых и возражать не для чего. Надеюсь, что г. Бодянский[3] — «законный судья» в этом деле — не откажется исполнить твое прежнее и мое нынешнее желание: выскажет свое мнение о языке Несторовой и последующих южно-русских летописей и тем порешить наш спор, с *филологической* стороны. Тогда нам можно будет приступить и к заключению вечного мира, который будет, как говорили в древности, стоять до рати!

Во втором ответном письме моем я говорил с тобой как с *историком*; и хочу еще поговорить о предмете нашего спора — в отношении *историческом*, увлекаясь на то любезным заключением твоего второго ответа, что «говорить дело о деле» ты «всегда рад» и со мной «еще более, чем со всяким другим, но без предубеждений». Поговорим же — и, во-первых, о том историческом *предубеждении*, которое ныне стало твоим *убеждением*: о запустении киево-переяславской земли или Украины в нашествие Батыево и заселении ее новопришлым народом.

Признаюсь, что от тебя особенно, как *историка*, я надеялся

нового света на темное для истории время татарщины в киевской земле, т. е. на два сорока лет, прошедшие от Батыя до Гедимина; и надеялся тем более, что ты так решительно распорядился киевской землей на это время: вывел из нее коренных обитателей, полян, куда-то в пределы северно-русские; а в нее перевел новых поселенцев из Карпатов! Во втором ответном письме я стал говорить: «История киево-переяславской земли, от Батыя до Гедимина, примолкает и это естественно...» Ты, перебив на этом мою речь, возгласил: «Примолкает,— но не для всех. Имеяй уши слышати, слышит. Послушай же!» Я подумал при этом, что вот тут-то будет мне от тебя благовестие неслыханное... и что же? Ты с такой важностью заставил меня прослушать от тебя все те же известные отрывки из Воскресенской летописи и путешествия Плано-Карпини*; и ничего более не дал, на все восьмидесятилетие татарщины киевской! Делать нечего; остановясь на приведенных тобой отрывках, я замечу тебе, что из них совсем не видно предполагаемого тобой *переселения полян из киевской стороны на русский север*, не видно и *запустения киево-переяславской земли*, которое издавна в таком ходу у разных писателей.

Воскресенская летопись говорит о побеге князя Михаила в Угры, а иных в *дальние страны*: очевидно, в страны не русские, а те, в которых набедовался князь Михаил и воротился в Киев. Но ведь эти, бежавшие на чужбину,— горстка в сравнении с целым народонаселением, из которой, впрочем, частица (хотя и *ничтожная*, по-твоему) все-таки воротилась тогда же.

Воскресенская летопись упоминает далее о немилостивом избиении татарами *затворившихся в градех*. Вот это и есть собственно *опустошение* татарами русских областей, всех равно, по которым только проходили; в городах собственно и гибло народонаселение русское, сопротивлявшееся татарам. Сюда наиболее относится и известие Плано-Карпини, что «*большая часть* руссов была побита или уведена в плен татарами». Наши князья, будучи в *воле татарской*, сами принуждены бывали разорять свои города, например, волынские и галицкие, 1261 года. Но ведь города, несмотря на постепенное разорение, не пропадали, а возобновлялись, как в суздальской, волынской, галицкой землях, так и в киевской. Татаре 1240 года побили *всех* киевлян «от мала и до велика» (говорит суздальский летописец). Однако через шесть лет, когда был Плано-Карпини[4] в Киеве, там, по его словам, были и *тысяцкий*, и *бояре киевские*, и около 200 дворов жителей. И так город Киев продолжался. В 1300 году «весь Киев разбежался»; однако он опять сбежался.

* Еще недавно, во 2-й книге Записок Кулиша, г. Руликовский доказывал опустение Украины в нашествие Батыево, основываясь только на словах Плано-Карпини.

(Та же история, как и с городами земли суздальской, волынской, галицкой). В разорение Киева Батыем, разорен был *Печерский монастырь*; однако через все 80 лет татарщины продолжался непрерывный ряд семи игуменов печерских; в том числе были и красноречивый, зело учительный *Серопион*[5], поставленный в епископы Владимиро-Суздальские (1274 г.), и Агапит, бывший (1288 г.) во Владимире-Волынском, на погребении набожного князя Владимира[6]. В разорение Киева Батыем разорен был и *Выдубицкий монастырь*; и пишут нам, что он после того долго впусте лежал; однако мы знаем, что *недолго*, что через шесть лет князь Даниил по пути к Батыю «пришед в дом архистратига Михаила, рекомый Выдобич, созва калугеры и мниский чин, и рек *игумену и всей братьи*, да сотворят молитву о нем; сотвориша, да от Бога милость получить; и бысть тако; и пад пред архистратигом Михаилом; изыде из монастыря в лодьи» (*Вол. Лет.* под 1250 г.). Достаточно ли тебе, на первый раз, этих указаний о Киеве?

Ты указываешь мне особенно на слова Плано-Карпини, что *Канова*, т. е. *Канев* зависел *непосредственно от татар*.

Я к этому, пожалуй, прибавлю еще и соседний город — *Переяслав*: «И прииде (Даниил) Переяславлю, и срстоша Татарове» (*Вол. Лет.*). Отсюда видно только, что в этих городах распоряжались тогда татаре; но нисколько не видно запустения Украины; не видно того именно, что ты выводишь мне отсюда: будто «киево-переяславские поляне искали себе убежища и спасения *на севере*!» И откуда же это видно? Ты называешь теперь полян *великороссиянами*, говоришь мне об их уходе на север — «из-под первого, так сказать», удара новых, сильных врагов». Но если предполагать сколько-нибудь единства в народном *характере великороссийском*, тогда и в стране твоих «киевских великороссиян» (полян) можно бы предполагать такое же явление, какое было в стране великороссиян суздальских, тоже испытавших на себе «первый удар новых, сильных врагов». Но от чего же суздальской земле, после того как в 1239 году «бысть пополох зол по всей земли, не ведяху и сами кто где бежит» (*Троиц. Суздл. Лет.*), несмотря и на последующие разорения от татар (например, на новое взятие 14 городов 1239 года) — от чего суздальская земля осталась населенной своими туземцами, а твои «киевские великороссияне» — после такого же *пополоху* — покинули свой родимый край и убрались безвозвратно куда-то на север?.. Вот каковы у тебя *поляне*!

Наконец, в приведенном тобой отрывке из Воскресенской летописи, говорится: «А иже крыяхуся в пещерах и в горах, и в лесах, *мало тех остается*». Эти слова все-таки не говорят ни о конечном запустении киево-переяславской страны, ни о переселении древнего и коренного народа ее *на север*. Мало остается!.. Но в Волынской летописи находятся выражения

посильнее. В 1283 году татаре Телебугины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далее: «И стояша на Львове земле 2 недели, кормячесь, не воюючe; и не дадяхуть ни из города вылезти в зажитье; кто же выехашеть из города, овы избиваша, а друзии поимаша; а иные, излупивше, пущаху наги, а тии от мороза изомроша, зане бысть зима люта вельми; *и учиниша землю пусту всю*... измре в городех во остою *бесчисленое множество*, друзии же *изомроша в селах*, вышедшие из городов по отшествии беззаконных Агарян... Лев[7] князь сочте колко погибло во его земле людий: што поимано, избито, и што их Божиею волею измерло, *полтретьинадесят тысячи*». Видишь ли, несмотря на *бесчисленное множество* только умерших в осаде, на учинение *пустою всей земли* — оказалось на поверку всего-навсего 12 1/2 тысяч погибших, в том числе и полоненных; и в *опустошенных* тогда татарами землях владимирской и львовской оставалось население столь значительное, что для князей было кем воевать и соседей, и друг друга. Гиперболических выражений летописца не следует принимать всегда в буквальном смысле и особенно для таких заключений, каково — опустение и безлюдье киево-переяславской земли. Постоянная людность земель суздальской, волынской, галицкой, при всех разорениях от татар, при всей *воле татарской* в то время над Русью, не дозволяет нам допускать обезлюденья и в земле киево-переяславской. Когда Батый прошел от Киева до Галича, разорив много городов — «им же несть числа» — земля позади его не осталась *безлюдною*; и он, конечно, знал это, если Димитрий[8] тысяцкий киевский мог говорить ему: «Земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустять тебе в землю свою!»*

* Эти слова из *Волынской летописи*[9] заимствованы в позднейшую Воскресенскую летопись[10] вместе с другими выражениями о нашествии Батыя на Киев, Волынь и Галичь[11] (летописи Суздальская и Троицкая[12] ими не воспользовались). Потом, листов через шесть, Воскресенская летопись, приступив к подробному описанию убиения Михайлова, повторяет нечто из написанного уже выше, и прибавляет *от себя* слова, приведенные тобою мне, заключая так: «*Мало тех остася*; тех же не по колицех временех оставиша во граде, сочтоша я в число, и начаша на них дань имати». Можно ли же такими словами позднейшего северно-русского летописца доказывать столь отважную гипотезу, как *запустение* киевской земли в нашествие Батыево! Так и слова Карпини о избиении и полонении татарами *большей части* руссов, относятся не собственно к земле киевской, а ко всей Южной Руси, по которой он проехал от князя Василька, из Владимира-Волынского в Киев. А потому из тех слов может быть выводимо заключение о запустении *киевской* земли на столько ж, не более, как и земли *волынской*. Прими в соображение и то, что Плано-Карпини от *первой татарской заставы*, на правой стороне Днепра, где кочевал Куремша[13], ехал до Киева (на обратном пути) *шесть* дней. На этом расстоянии и ниже селения *Кановы* (Канева) были подобные же селения (villae), из которых в одном был тогда начальником *Михей*, провожавший путешественника до первой татарской заставы. Это было, очевидно, на пространстве между реками *Росью* и *Тясмином*, которое в XII веке принадлежало уже к Киевскому княжеству и на котором были уже города и селения русские, в том числе и *Боровый* (впоследствии *Боро-*

Города и села были разоряемы татарами и вновь строились; люди разбегались и вновь сходились в свои города и села: такая тревожная жизнь была долей многострадальной Украины на несколько веков и после того, как с отвоеванием киевской земли Гедимином у татар (1320 г.) минулась их воля; но их набеги продолжались из века в век, казалось, нескончаемо. Народ украинский, так же как и волынский и галицкий, убывал сотнями и тысячами, от схваток с татарами, от хищного полонения ими; однако народонаселение Украины, так же как и Волыни и Галича, все продолжалось попрежнему, как продолжается доныне в стародавних городах и селах, приумножавшихся новонаселенными. Я не вижу, и ты не указал мне, даже следа того посполитого переселения Полянской, Киево-Переяславской Руси на *русский север*, в 80-летие татарщины, о котором толкуешь ты в своей Новороссийской системе. А что ты, в дополнение к помянутым отрывкам из Воскресенской летописи и Плано-Карпини, указываешь мне на вызванного московским князем на службу *киевского* вельможу Родиона Нестеровича, вышедшего с 1700-ми княжат и детей боярских, то это было 1332 года, уже после татарщины киевской, уже из-под власти литовской. И так, это не относится к посполитому переселению полян в северную Русь, во избежание тяготы татарской. Этот выход Нестеровича свидетельствует о значительной населенности киевской стороны в первую половину XVI века; но он не имеет влияния на наш вопрос, так же, как не имеет его, по-твоему, выход Подольской Руси в Карпаты, бывший того же XVI века под знаменем Кариатовичей; наконец, по твоей новой системе, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не к древним полянам, а к твоим карпатцам.

По твоей Новороссийской системе выходит, что старобытный народ киево-переяславской земли уходит из нее навсегда, куда-то в северную Русь «из-под первого, так сказать, удара» татарского; а карпатцы твои нарочно идут на место полян, чтобы подклонить свои головы под ярмо татарское. Вот каковы у тебя *карпатцы*!

Да и какое есть у тебя свидетельство историческое на это переселение малороссиян из Карпатов на Днепр в век татарщины? Ты не представил мне даже и намека исторического на это переселение. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, как у других — заселение опустелой Украины «беглецами литовскими!» Тут я доконч у вышепомянутую речь моего

вица). А ты, в исследованиях своих, границей Киевского княжества полагаешь р. *Рось*. Прибавь до р. *Тясмина*! Там был в древнее время и русский монастырь — *Мотренинский*, в котором трапезную церковь освящал переяславский епископ *Павел*, около 1200 года. Вот тебе еще одна новость о нашей старине!

«Ответа», прерванную тобою на слове *примолкает*... «Но эта мгла татарского века не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормление всяческих исторических выдумок. По отрывочным известиям, какие сохранились о том веке татарщины, видно, что в Киево-Переяславской Руси продолжался все тот же народ и тот же старый быт народный, в прежних городах и селах».

Что же касается до тиверцов, болоховцев, дулебов, то я указал тебе на них и предоставил тебе забрать их себе, но только под условием: «Аще совесть не зазрит» — и только на тот случай, «если тебе уже непременно хочется пополнить великороссийское население переселенцами с русского юга, по нашествии Батыевом». Понимаешь? А ты и рад случаю и без зазрения исторической совести забираешь к себе на север тиверцев, болоховцев, даже дулебов, по нашествии Батыевом... Поздравляю! Между тем сообщу тебе, что остатки необъясненных еще *болоховцев*, по старинным актам оказываются переходящими на житье в пределы Киевского воеводства в XVI веке. Припомню еще тебе, что украинцы назывались у северян полянами и в XVIII веке.

Лет за 12, когда ты, даже и в исследованиях своих, разделял и поддерживал наше мнение, что «поляне были *малороссияне*», ты в москвитянинском ответе своем называл мне *малороссиянином* даже Андрея Боголюбского. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомец и любитель земли суздальской[14], не представляет в себе ничего малороссийского. Теперь, когда у тебя древние поляне признаны уже за *великороссиян*, теперь у тебя не только Мономах[15] есть «характер чисто великороссийский», но и обо всех трехстах князей русских дотатарского времени ты говоришь мне *решительно*: «Это все великороссияне!» Вот это другая крайность: как будто ты никак не можешь обходиться в науке без крайностей и односторонности! Но ты напрасно говоришь, будто сие новое твое утверждение о *великороссиянстве* всех древнерусских князей явилось у тебя «*на основании знания*» — о различии между характером великороссийским и малороссийским. Нет, это знание еще такое неопределенное и для тебя самого такое сбивчивое, что на нем собственно не можно было основать столь смелого заключения обо *всех* князьях, особенно тебе, которому *норманство* Рюрика видится и во внуках и в правнуках его. Ты говоришь еще, что к своему *решительному* заключению о князьях: «Это все великороссияне» — ты пришел, «пройдя жизнь трехсот удельных наших князей, вдоль и поперек». Не воображай себе однако, чтобы пройденная тобою жизнь князей дала тебе такой вывод! Запас летописного сказания о жизни князей известен весь; из него очень видно, насколько можно из него прямо и непосредственно выводить характеристику каждого из трехсот князей.

Если уже можно различие русского племени — на Великую, Малую, Белую Русь — распространять и на племя древнерусских князей наших, то это можно только на соображении: в какой русской области выростали и княжили какие князья, допуская народное влияние на них туземства. На этом основании, никак нельзя обо всех князьях говорить решительно: «Это все *великороссияне*». С достаточным вероятием и правом ты можешь говорить это только о князьях, выроставших и княживших в тех областях, где народонаселение было издревле великороссийское, например, о князьях суздальских, начиная хоть с Андрея Боголюбского. Но князей, выроставших и княживших в земле волынской, галицкой, где и ты все еще признаешь народонаселение *малороссийское* издревле, этих князей и тебе следует признать — за *малороссиян*. Наконец, племя Полоцких князей надо признать за *белоруссов*, если ты признаешь особенность *белорусской* народности еще в древнее время (чего и не признать, кажется, не можно). А князей, выроставших в Переяславе и Киеве, ты можешь себе считать *великороссиянами*, пока будут у тебя считаться великороссиянами наши южнорусские поляне. Вот ограничение, какое, мне кажется, надо положить твоему нынешнему наведению великороссиянства на всех древнерусских князей.

P. S. По содержанию твоего второго ответа я не могу не заметить в тебе перемены, какой и не предполагал я, живя отшельником в моей наддднепровской глуши и вступая с тобою в ученый спор. Ты, при отходе «Москвитянина» в царство мертвых, уже прибегаешь к той методе, которую ты называл мне «телеграфскою»: ты иногда переиначиваешь мои слова и придаешь мне не мои понятия; вместо того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нередко отводишь спор в сторону, заговариваешь не об том, в чем дело, лишь бы как-нибудь показаться правым или одолевшим. Приведу тебе четыре примера, если ты, играя в свое любимое сравнение славянского племени с растасованной колодою карт, все еще требуешь от меня *«тузов-доказательств»* — не довольствуясь прежними.

Пример 1. В доказательство, что малороссийские летописцы древние и новые переводили *живые* речи своих героев на язык *церковнославянский*, я привел тебе, между прочим, весьма известные* слова Игоря Святославича: «Тайны Божия никто же весть». Ты в ответе своем вот что сказал на это: «Что касается до речи Игоревой в Киеве (тайны Божия никто же весть), то под 1186 г. я не нахожу ее: не записал ли ты ее в первую эпоху исторических занятий в 1820-1821 году?»

Ты ли говоришь это, поставляющий себя мне в пример беспристрастия, говорящий, что и в своих ответах мне ты

* Ими пользовался и г. Мей[16], в своем переводе Игоревой песни.

имеешь в виду преимущественно молодых друзей науки! Ведь ты хорошо знаешь, что Игорева речь была у реки *Донца*, 1 мая 1185 года. Зачем же ты поставил: *в Киеве*? Зачем говоришь: «Не нахожу ее под 1186 годом», когда ты должен был найти ее под 1185 годом на 130 странице *Полного Собрания Русских Летописей* т. п.? Я записал тебе слова Игоревы не в 1820—21 году (когда мы были студентами), а в 1857 году, (когда мы с тобою давно уже отстали и от профессорства); вместо немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 год, я написал тебе вот что: «Так и летописец Киевский, полагаю, в 1186 году, когда Игорь, воротившийся из плена в свой Новгород-Северский, в Киев передал живую речь его по-церковнославянски...» Тут я тебе, как историку-исследователю, передал мое замечание, что у киевского летописца, хотя весь поход Игоря и плен его, и приезд в Киев после плена помещены под одним 1185 годом, но писал он это позднее «*полагаю, 1186 года*», когда Игорь приезжал в Киев к Святославу и Рюрику. Этим замечанием я хотел, собственно тебе, дать знать, что в твоем Словарс князей возвращение Игоря из плена и посещение Киева напрасно положены в 1185 году и только потому, что в Киевской летописи положено так. Ты не разобрал, что вторая половина событий с Игорем относится к 1186 году и мое замечание преклонных лет ты отнес к годам юности... «А чи диво ся, братие, стару помолодити!» Также точно ты не разобрал, что набег Игоря на половцев за р. Мерлом относится к 1184 году, и поставил его при четырех князьях под 1183 годом, даже с поправкою на 1182! А что в летописи весь поход Игоря на Каялу, бывший 1185 года, описан позднее этого года (полагаю, 1186), на это приведу тебе еще вот какую примету. Описывая побоище на Каяле[17] *1185* года *5 мая* (так я определил сличением Киевской летописи с Игоревой песней), летописец говорит: «Тогда же на полчищи Кончак[18] поручися по свата Игоря» (с. 131). А они *сватами* тогда еще не были; Игоревич женился на Кончаковне уже после побега отца своего из плена (см. конец Игоревой песни); ясно, что летописец, называя Игоря Кончаковым сватом, описывал происшествие после. Укажу тебе еще больший анахронизм в Киевской летописи: под тем же 1185 годом Рюрик назван «великим князем»; ясно, что прибавка принадлежит позднейшему почерку пера бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

Пример 2. Когда ты в духе и манере покойных скептиков заговорил (в письме к Срезневскому[19]), что Нестор не мог знать и писать по-церковнославянски, я указал тебе на писавших и знавших у нас по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на диакона Григорья и дьяка Иоанна. Ты сперва возразил мне, что они «переписывали, а не писали». Я указал тебе на послес-

ловия, которые они писали и которые для филологов очень важны. Ты на это возражаешь: «Да *малороссийского-то* нет в них ни слуху, ни духу — ни единого слова!» Да ведь я тебе и указал на них не в доказательство *малороссийского*, а во свидетельство уменья писать *по-церковнославянски*. Притом же диакон Григорий был не киевлянин, а новгородец; следственно, тебе напрасно было искать в нем «слуху и духу малороссийского»; в нем надо было искать следов *великороссийских*, следов наречия новгородского; и я тебе указывал на них (см. «Филологические письма»)[20]. Подобно тому, когда мнение Срезневского о происхождении малороссийского наречия в послетатарское время ты провозгласил *новостью неслыханною* и укорил всех журналистов и профессоров словесности за их равнодушие к этой новости, от которой, по-твоему, должен был взволноваться наш учено-литературный мир, я, в успокоение тебя, заметил, что это мнение не новое, что оно было у нас давно в ходу и показал это выписками из Граматина[21], Греча[22], Сахарова[23], даже Симоновского. Тебе надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнение за неслыханную новость; в этом все дело. Но ты, вместо сознания своей ошибки, придумал отвечать вот что: «Утверждения Симоновского, Сахарова, Граматина и Греча об относительной новости малороссийского наречия, по безотчетности своей и отсутствию всякой ученой формы, никак не идут в сравнение с Лавровским[24] и Срезневским, которые представили филологические доказательства, основанные на законах языка». Послушай: дело только о *новости* и *неслыханности* этого мнения. А достоинство его у Срезневского и Лавровского ты определил сам, сказав, что оно *не верно*. Для сущности дела, для истины, нет большой разницы в том, что неверное мнение ходило сперва запросто, а теперь выступило с важностью ученой формы и законности!

Пример 3. По содержанию и ходу нашего спора (которого предмет многосложный) во втором ответном письме (которого содержание все *историческое*) я указал в твоем Словаре князей полдюжины ошибок существенно важных и кроме того дал тебе новое и, надеюсь, удовлетворительное объяснение неразгаданной исторической критикой речки *Сжицы*. К этому я побужден был твоим заманчивым вопросом: «Квит ли?» и моей готовностью воздать тебе седмерицей. Положим, что это с моей стороны была уже излишняя щедрость; но от тебя, как ученого-исследователя древней истории и географии русской и как автора Словаря князей, я вправе был ожидать, что за поправки мои ты скажешь мне: спасибо*, подобно тому как я объявил тебе мою

* Ты, в предисловии Словаря, говорил, что всякое указание на ошибки в нем, как бы оно ни было мало, примешь с благодарностью.

благодарность за поправку моей обмолвки о князе *Юрьиче*. Но ты отвечал мне вот что: «Ты позабыл только, что счет должен заключаться в пределах статей об языке и залез в мой Словарь. Не собрал ли ты еще на досуге каких опечаток в «Москвитянине» за 15 лет, сообщи»... При таком ответе мне вспомянулся твой знаменитый афоризм: «Род человеческий идет *диагонально!*»

Не ты ли сам зазвал меня в Словарь твой, заговорив о нем в первом ответе, дабы самому замолвить о нем словцо, жалуясь на молчание о нем всех библиографов русских! Так теперь ты заговорил о своем «Москвитянине», дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какие-то «вражьи вопли»; а между тем речью об москвитянинских опечатках ты отводишь от ошибок Словаря! Заключиться в пределах статей об языке мне нельзя было; ибо как в твоем письме к Срезневскому «О древнем русском языке», так и в твоем первом ответе на мои «Филологические письма» содержится много соображений чисто исторических. Что касается до *опечаток* в твоем «Москвитянине», то я встречал их множество, только их не отмечал. Но твой Словарь князей я читал с карандашем в руке и отметил *более полусотни* — не опечаток, а настоящих *ошибок* и *неисправностей* в постановке годов и имен собственных. Если хочешь, я сообщу тебе со временем мои поправки Словаря, который я очень люблю и желаю ему всевозможного совершенства.

Пример 4. Недоумение твое, почему у малороссийского народа не воспевается ныне князь Володимер, наравне с героями козаччины, я разрешил тебе, кажется, удовлетворительно — тем, что у «народа малороссийского, которому вместе с Киевом достались и священные останки Володимера под развалинами его Десятинной церкви, он запечатлелся второй половиной своей великой жизни, как *Святый Володимер*, как *Равноапостольный князь*» (см. Фил. письма). От того-то у малороссийского народа ныне князь Володимер воспевается наряду с другими святыми лицами как в церковных песнях, так и в стихах, называемых набожными. Но я говорил там же (в Фил. письмах): «Нельзя и сомневаться, что в *Киеве*, на пирах Володимеровых, пелись песни и малороссийскими и великороссийскими певцами». Там же: «Что сказанья и песни о пирах Володимеровых и других его похождениях были и *здесь на Украине* в древнее время, то видно *из летописи нашего Нестора*, где говорится»... (указаны слова Нестора о единоборстве переяславского отрока, *о киевских пирах*).

Как же перетолковано мое мнение во втором твоем ответе! «Ты объясняешь тем, что песни о Володимире, как ласковом гостеприимце, произошли из Новгорода»... Да, я так думаю о песнях *великороссийских*, разумея древнейшие между ними, первоначальные. «А в Киеве он был славен, де, *только своею*

святостию». Нет, я не говорил этого, я говорил не это! И как странны для меня дальнейшие твои слова: «Помилуй! Да пиры-то Володимеровы где описаны? Пиры Володимеровы описаны, кроме песен, в Киевской летописи, *у Нестора*. Послушай-ка его!» И ты выписываешь мне сполна те самые слова Нестора о пирах киевских, на которые я тебе указывал в «Филологических письмах», и прибавляешь: «Стыдись такого натянутого объяснения!» (То есть, *натянутого* тобою объяснения)!

Не лучше и весь твой финал о летах Володимерова княжения в Новгороде. В моих письмах я назвал оное десятилетием, означая крайними годами: с *970* по *980*. Тебе не для чего было и привязываться к этому; ибо и сам ты, в Словаре князей, в списке князей по уделам, где означаются иногда полугодовые и даже меньшие перерывы в княжениях, ты также поставил в *Новгороде*: «Володимер Святославович... 970—980» (с. XXXII). Но во втором ответе своем ты вздумал высчитывать у Владимира годы из его *десятилетнего* княжения в Новгороде и говоришь мне: «И каких *десять* лет считаешь ты в Новгороде?» Припомянув мне о побеге Владимира за море и походе на Рогволода[25] Полоцкого, ты продолжаешь: «Сколько же остается Владимиру быть в Новгороде? Лет *пять* — и какие же пять лет? Лета — отрочества, когда никакого гостеприимства не могло еще в нем обнаружиться».

Послушай! Если уже ты вздумал высчитывать лета, проведенные в отлучках из Новгорода, то надо было сделать это верно. А ты вычел у Владимира *два* года лишних! Ведь он начал княжить в Новгороде с *970* года, а бежал за море *977*, следовательно через *семь* лет своего княжения в Новгороде. Как же ты назначаешь всего *пять* лет? А что Владимир бежал к варягам через *семь* лет своего новгородского княжения, то видно и по твоему Словарю: «977. Услышав об убиении брата *Ярополка*, бежал за море» (с. 9). Тут вместо брата *Ярополка* поставить следовало: брата *Олега*! Между тем, воротясь с варягами, Владимир «седе в Новгороде» — потому разумеется, что он все еще был *князь Новгородский* (980 года); пошел он на Полоцкого князя с варягами и новгородскими славянами, тоже как *Новгородский князь*. И взял он тогда себе женой Рогнеду Рогволодовну[26]. Припомни, вслед за тем, Грекиню Ярополковую и прочая.

Ясно, что Владимер был уже возмужалый и для важных подвигов и для супружества; а ты представляешь его в таком *отрочестве*, что не могло еще в нем обнаружиться «никакого гостеприимства!» И говоришь мне в заключение: «*Следовательно*, не слишком ли отважно ты спрашиваешь у меня, нет ли еще какого недоразумения? Есть, но справься прежде с *данными*! Итак, все еще есть у тебя недоумение! Отваживаюсь спросить:

какое же именно? На этом вопросе я прекращаю всю мою с тобой ученую распрю и в заключение скажу словами наших древних междоусобствовавших князей: «Мы есмы не Угре ни Ляхове; но единого дела есмы внуци!»

Vale et nos ama!

Москва, 22 сент., 1857 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА О КАЗАКАХ ПРИДНЕПРОВСКИХ

(К М. В. Юзефовичу)[1]

Письмо первое

Благодарю вас за третью часть вашего «Архива Юго-Западной России», которую я только что дочитал, и весьма ею усладился. С лишком сто актов о казаках до Богдана Хмельницкого... какое важное приращение для истории казацкой Украины, в той именно ее половине, которая особенно нуждается в современных актах для своего пополнения и поправления! На сколько она пополняется и поясняется этой частью архива, то можно видеть уже из предисловной статьи г. Владимира Антоновича[2], представляющей собой обильное новыми подробностями обозрение исторической судьбы нашего южно-русского казачества до Богдана Хмельницкого. Читая эту статью с большим любопытством и вниманием, я нашел, что она была бы гораздо лучше и для вашего архива удовлетворительнее, если бы вполне отвечала своему заглавию «Содержание актов о казаках, 1500—1648 гг.». То есть, если бы автор представил в ней собственно те выводы, какие из данных актов получаются для истории. Но ему захотелось предпослать свой особенный взгляд на происхождение казацкого сословия в приднепровской Руси и провести этот взгляд через все содержание актов. Для этого он начал еще с того отдаленного времени, как на Руси водворились князья варяжские; а подойдя, на 12 листе, к началу XVI века, он предлагает картину первоначального казачества и казацкого гетманства, какая представляется с его точки зрения и по его личному разумению. Эта картина показалась мне несходной с исторической действительностью: почти все тогдашние лица и события являются тут или не в своем виде, несвоевременно, или неуместно; таким образом весь первый период нашего казаче-

ства — до гетмана Косинского (до 1591) и без того уже затемненный произволом прежних летописателей, покрывается новым туманом. А как это случилось в издании Киевской Временной Комиссии, состоящей под председательством вашим, то я хочу с вами побеседовать о статье г. Антоновича для прояснения исторической истины об украинских казаках XVI века.

Существенная особенность мнения г. Антоновича состоит в следующем положении: «От времени появления в истории до Люблинской унии, казаки живут под управлением князей из дома Гедимина, сохраняя и развивая под их правлением свое общинное устройство» (с. CXVII).

Это положение опровергается уже тем, что главные казацкие предводители и распорядители, бывшие в первые тридцать лет XVI века, Предслав Ланцкоронский[3] и Евстафий Дашкович, были не князья; а в 1534 году казацким гетманом был «неякийсь козак, Венжик Хмельницкий» по выражению нашего летописца Грабянки. Что же касается до князей Димитрия Вишневецкого и Евстафия Ружинского, то их гетманство Грабянка полагал уже после Венжика Хмельницкого, между ним и Свирговским. Имея в виду этот порядок казацких вождей, я могу сказать утвердительно, что некоторых из князей Гедиминова дома были предводителями казацкими и до Люблинской унии, и после нее, только не «на правах князя», а зауряд с лицами всякого сословия и в перемежку с ними; притом же это было уже во второй половине XVI века, а в первой — и не было казацких гетманов из князей. Таким образом появление некоторых князей в ряду вождей казацких не оправдывает собой мнения г. Антоновича о пребывании казачества нашего под управлением княжеским — до Люблинской унии. Да и сам он говорит, что от реформы все прочие князья Гедиминовичи потеряли «лучшую из своих привилегий — право начальствовать общинным ополчением» (т. е. казаками); что в тридцатых годах XVI века «выборное начало торжествует окончательно над элементом княжеским, и в военачальники выбираются казаками уже не князья, но люди такие, которые выдаются личными дарованиями, а не генеалогическими правами» (с. XXXI). Такое управление у казаков выборными людьми некняжеского происхождения, назначаемое г. Антоновичем около 1534 года, состоит в очевидном противоречии с его же положением о правлении князей Гедиминовичей над казаками до Люблинской унии...

После этого общего замечания войдем в частное рассмотрение, начиная с первых годов XVI века, к которым относится первый акт нашего архива. Что же касается до последней четверти XV века, когда являются на Днепре казаки, то мы оставим ее пока в стороне, не видя еще ни откуда ни одного

тогдашнего начальника казаков, ни тогдашнего их устройства, хотя и не сомневаемся, что оно было у них общинное, также как и у мещан, и у всего поспольства южно-русского. К тому же, в киевском акте 1499 года, где впервые упоминаются казаки, они являются на Днепре не в войсковом деле, а в промысле чумацком, как торговцы рыбой (см.: Акты Зап. Рос. Т. I. № 170).

Г. Антонович говорит: «Значение казаков, как ратных общинных людей, в зависимости от различных князей Гедиминовского дома, подтверждается выражениями о них современников. Так в одном из прилагаемых актов, мы видим, что казаки, жившие в Черкасах, называются (не позже 1503 года) казаками князя Димитрия (Вишневецкого). У Стрыйковского, при рассказе о нападении татар 1516 года, есть известие, что целый отряд их был уничтожен казаками князя Вишневецкого» (с. XXVI).

В обоих этих случаях г. Антонович видит славного рыцаря Дмитрия Вишневецкого и полагает, что казаки были из его удела. Но я думаю, что помянутые здесь лица «князь Дмитрий» — не Вишневецкий, а «князь Вишневецкий» — не Дмитрий. Взглянем на оба свидетельства порознь.

В архивном акте (№ 1), писанном около 1502 года, называются поименно некоторые черкасские казаки (Митенко, Мандрика и проч.) и между ними различаются одни «Щуровой роты», другие «князья Дмитрия». Первое название, конечно, от имени ротного или сотенного начальника черкасских казаков Щура. Так и в Богданово гетманство многие сотни разных полков назывались еще по именам своих сотников, например, в полку черкасском: сотня Щубцева, сотня Драгилова и т. д. (см. в книге реестров 1649 года). Что же касается до казаков князя Дмитрия, то нельзя согласиться с г. Антоновичем, чтобы это был князь Дмитрий Вишневецкий и чтобы эти черкасские казаки были из его родового удела.

Приднепровские города Черкасы и Канев, первоначальные рассадники казачества украинского, всегда принадлежали к Киевскому княжеству, которое в XIV веке было уделом Владимира Ольгердовича[4], а в XV возвращено было его сыну Олельку[5] и внуку Симеону. Эти киевские князья назначали в Черкасы своих наместников. (Из них известен, например, Свиридов, которого Симеон Олелькович посылал определять по урочищам границу Литовского княжества, от р. Морахвы до Очакова, а оттуда до р. Донца и Тихой Сосны). Когда же, по смерти Симоновой, 1471 года, Казимир Ягеллович обратил Киевское княжество в воеводство и настали воеводы киевские, тогда в Черкасы и Канев назначались наместники великокняжеские (Кмита Александрович, Сенько Полозович); а при Жигимонте I начались старосты черкасские и каневские (Евстафий Дашко-

вич, Василь Тышкевич и т. д.). Таким образом ни казаки, ни мещане, ни все поспольство черкасское не могло принадлежать к уделу князей Вишневецких; их родовой удел, со времен Витовта, был на Волыни, где и гнездо их Вишневец; и не видно еще ни одного современного свидетельства, чтобы у этих князей до половины XVI века были имения в Украине Приднепровской. А г. Антонович наделяет Дмитрию Вишневецкому в родовой удел приднепровские земли не только в черкасском и каневском полках, но и в переяславском, где не было владений даже и у Еремии Вишневецкого, обладавшего огромной Вишневеччиной с восточной Украины от Полтавы до Прилуки и до Домантова включительно. Он говорит: «Потомки Корыбута-Дмитрия Ольгердовича (родоначальника князей Вишневецких, Заславских, Корецких и Ружинских) утвердились в южной Волыни, а также в земле киевской, по обеим сторонам Днепра, южнее Киева» (с. XX). Такое отчуждение южной половины Киевского княжества от Владимира Ольгердовича и его наследников, в пользу Корыбутовичей, мне кажется несправедливым, равно как и самое родословие, причисляющее к племени Корыбутову не только князей Корецких, потомков другого Дмитрия Ольгердовича, не Корыбута, но и князей Заславских, из которых одни (волынские) составляли отрасль князей Острожских, а другие (минские) были внуки Евнута Гедиминовича. К потомкам Корыбутовым, кроме князей Вишневецких и Збаражских, принадлежали еще Порицкие и Воронецкие и все это были князья на Волыни, к обывателям которой принадлежали и князья Ружинские.

Тут кстати сделаю родословную заметку о нашем герое, Дмитрие Вишневецком. Напрасно Несецкий[6] и другие польские писатели усыновляют его Александру Михайловичу Вишневецкому[7], от которого пошла так называемая королевская линия этих князей. В современных памятниках он именуется «Дмитрием Ивановичем»; а потому надо его причислить в княжескую линию Вишневецких, которая пошла от Ивана Михайловича. Родными братьями Дмитрия Вишневецкого[8] были: Андрей, староста Браславский, а потом Волынский; Константин, староста Житомирский, и юный Жигмонт, питомец и любимец Жигимонта-Августа, известный своей печальной смертью (1552 года в Кенигсберге от неловкого выстрела в честь польского короля, бывшего в гостях у князя Альбрехта[9]; бомба ударила в голову Вишневецкого и мозгом его обрызгало короля). А какой трудный был последний год жизни Дмитрия Вишневецкого (1563): перебежав от Иоанна Грозного опять к своему королю, он пошел с четырьмя тысячами войска добывать обещанной ему короны молдавской; предательски достался в плен воеводе Томже и, переданный от него в руки турок, нашел себе мученический

венец в Цареграде. Сколько же ему было тогда лет? Положим даже 70: очевидно, что в 1502 году он был еще таким отроком, который никак не мог быть казацким вождем и которого ни за что не назвали бы, в современном акте, просто князем Дмитрием. Название князя одним личным именем — это такая честь, какой удостаивали тогда лишь немногих заслуженных мужей. Так, в писаниях первой половины XVI века князем Константином называется великий Литовский гетман Константин Иванович Острожский (1533). Например, в описании волынских замков, 1545 году, сказано: «Перемиль — замок с селами выпросил князь Константин для князей Вишневецких» (см.: Памятники К. В. К. Т. IV. Отд. 2. С. 181). Оттуда же видно, что родовое владение Дмитрия Вишневецкого было в повете Кременецком: Подгайцы, Окнины, Кушнин, Лопушна и проч. (с. 200 и 201). Там же означено, что в числе разных обывателей того повета, находившихся лично при описании Кременецкого замка[10] 25 июля 1545 года, был и «князь Дмитрий Иванович Вишневецкий» (с. 197). А в статье г. Антоновича сказано, что «Дмитрий Вишневецкий переехал к Василию III Иоанновичу и предложил ему присоединить своей удел к великому княжеству Московскому» (с. XXX). То есть, он переехал еще до 1533 года, в котором скончался царь Василий Иоаннович... Но возвратимся к архивному акту о казаках черкасских. Кого же надо разуметь под помянутым при них «князем Дмитрием»? Не иного кого, как воеводу Киевского, князя Дмитрия Путятича (1503), о котором и в Густынской хронике под 1501 годом сказано так: «И посла (Шахмат) до Дмитрия князя, воеводы Киевского». Само собой разумеется, что некоторая часть казаков черкасских названа именем этого князя не потому, чтобы она была из его родового удела, а по своей службе у него, как воеводы Киевского, вероятно, при киевском замке, бывшем на горе Киселевке. (Известно, что казаки в том веке жили и служили по замкам украинским).

И так, первый архивный акт ничего не дает в пользу мнения г. Антоновича о происхождении и пребывании казаков под властью князей Гедеминовичей. Обратимся к свидетельству Стрыйковского о «козаках князя Вишневецкого» (1516). В строгом смысле этого свидетельства нельзя признать за «выражение современника», потому что Стрыйковский был современником Батория. Впрочем из его отрывочного упоминания, приведенного г. Антоновичем, не видно еще, чтобы те казаки 1516 года были из родового владения князя Вишневецкого и чтобы он был начальником их «на правах князя». Вероятнее, что те казаки составляли охотное войско, на тот час служившее князю Вишневецкому, подобно тому, как весной 1556 года триста каневских казаков со своими атаманами Млинским и Михайлом

Есковичем пристали на Днепре к дьяку Ржевскому и с его великорусскими казаками под Очаковым, побили татар и турок. Сторонний историк весьма мог тех запорожских казаков назвать казаками дьяка Ржевского. Что же касается до самого князя Вишневецкого, упомянутого при казаках 1516 года, то в нем можно видеть не Дмитрия, а разве деда его Михаила Васильевича, который со своими двумя сыновьями принимал участие в знаменитой победе над татарами, одержанной князем Константином Острожским под Вишневцем (или точнее говоря, под Лопушной), 1511 года. Сыновья его, Иван и Александр, участвовали и в другой знаменитой победе князя Константина над татарами, одержанной 1627 года у Ольшаницы (в Белоцерковщине). Но внуки Михаила Вишневецкого, в том числе и Дмитрий, не видны на военном поприще во всю первую половину XVI века из писаний того времени. Не прежде как в 1556 году Дмитрий Вишневецкий становится вождем днепровских казаков, на славном издревле острове Хортице[11]. Вот современное о том свидетельство из летописания московского:

«Того ж месяца (сентября) приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии, от Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бить челом Михайло Ескович, чтоб его государь пожаловал, а велел себе служить, а от короля из Литвы отъехал, и на Днепре на Хортицком острове город поставил, против Конских вод, у Крымских кочевищ. И царь, и великий князь послал к Вишневецкому детей боярских, Андрея Щепотева да Нечая Ртищева, да того ж Михайла с опасной грамотой и с жалованьем»*.

После этого ясного и непреложного свидетельства нечего бы и говорить уже о казацком гетманстве Дмитрия Вишневецкого в первой четверти XVI века. А г. Антонович из старой ошибки, сделанной нашими летописцами в прошлое столетие, делает новую, еще большую. Истолковав неверно два выше рассмотренные свидетельства, он говорит: «Из этого уже явствует ошибка ученых, занимавшихся историей казаков: они, принимая предводителей казацких этого времени за преемственных казацких гетманов, ставят время гетманства Предслава Ланцкоронского между годами 1500 и 1512, Дмитрия Вишневецкого — между 1512 и 1514 и Евстафия Ружинского — между 1514 и 1534. Между тем, мы видим из приведенных нами мест, что Дмитрий Вишневецкий упоминается как начальник казаков и раньше, и позднее этого времени, в котором указывают его гетманство». Но не все же наши историки указывали это гетманство между 1512 и 1514 годами. Еще Грабянка полагал Дмитрия Вишневецкого после Венжина Хмельницкого; так

* Привожу эти слова из 5 книги истории Татищева, изданной О. М. Бодянским 1848 г.

полагали и Миллер, и Бантыш-Каменский, и Евгений (в «Киев. Синопсисе»), и другие. Вольно же было нашему приснопамятному земляку и приятелю Маркевичу[12] возобновлять старые ошибки, в том числе и перемещение Дмитрия Вишневецкого с Евстафием Ружинским — из второй половины XVI столетия в первую и постановку их между Ланцкоронским и В. Хмельницким*. А г. Антонович, отвергая Маркевическое преемство Ланцкоронского, Вишневецкого и Ружинского, ставит их одновременно каждого в своем уделе, от самого начала XVI века; а потом повествует об упадке небывалой княжеской власти над казаками, происшедшем будто бы от реформы Ружинского, и о том, как недовольный этой реформой Вишневецкий переехал к Василию Иоанновичу и предложил ему свои родовые приднепровские земли...

Тут же у него сказано: «Попытки великороссиян овладеть северской и черниговской землей в 1534 г. были отражены Ружинским и Киевским воеводой Немировичем». Но дело было наоборот. Северская земля, как известно, в продолжение XVI века и в начале XVII принадлежала государству Московскому. В 1534 г. попытка овладеть ею была со стороны нового литовского гетмана, Юрия Николаевича Радивила[13], который и посылал туда, под Стародуб и Чернигов, киевского воеводу Андрея Немировича с королевским конюшим Василием Чижем (см.: Акты Зап. Рос. Т. II. № 181). Тогда же «приходили литовские люди, воевода князь Александр Вишневецкий, а с ним многие люди к Смоленску к посаду, да и посад было зажгли»,— сказано в Царственной книге на с. 39.

Вслед за тем г. Антонович говорит: «Старания самого Вишневецкого (Дмитрия) утвердиться то на Хортице, то на правобережной Украине, где он завладел было на время Черкасами и Каневом в 1537 году, побудив жителей этих городов к восстанию против королевского старосты, оказались тщетными».

Но тут опять напрасное применение к Дмитрию Вишневецкому современного акта, напечатанного в архиве под № 2. Дело состоит в следующем. На место знаменитого черкасского и киевского старосты Остафия Дашковича назначен был в 1536 году Василь Тишкевич (бывший впоследствии воеводой Подляским). Черкасцы и каневцы взбунтовались против Тишкевича, а виновником этого бунта, по голосу современников, был Ян Петрович Пенько, королевский чиновник, находившийся при тех замках. Получа об этом королевский лист, Пенько явился в Краков к

* Об этой перестановке я недавно еще говорил в моих письмах к Н. И. Костомарову[14], напечатанных в «Основе»[15] 1861 г. (см. письмо 9-е о введении к летописи Самовидца).

королю и уверил его в своей невинности, говоря, между прочим, что «ничего о том не ведает, с чего тое бунтованье их вросло и для которых причин против старосты его милости они то вчинили». Таким способом Пенько не только успел получить королевскую оправдательную грамоту 1537 года (напечатанную в архиве), но и назначен был в черкасские старосты, вместо Тишкевича. Однако черкасцы были недовольны и им и жаловались королю, что он «кривды великие и утиски чинит и новины вводит». По этому случаю приезжал в Черкасы киевский воевода Немирович и уладил дело своей грамотой 1539 года (напечатанной во 2 томе актов Зап. Рос. под № 195). Не знаю, кто именно — Оникий Горностай, или уже другой, кто был черкасским и каневским старостой в 1557 году, когда Дмитрий Вишневецкий перешел из Запорожья в Черкасы и Канев. Во всяком случае, нет никакого основания приписывать ему то возмущение черкасцев и каневцев, которое было, за двадцать лет, против старосты Тишкевича.

Не менее ошибочным я нахожу и то, что сказано у г. Антоновича о Михайле Вишневецком. Он говорит: «Летописи называют преемниками Ружинского (Евстафия) людей незнатного происхождения; это: Венцеслав Хмельницкий, Свирговский[16], Федор Богдан, Шах[17], Подкова[18], Скалозуб[19] и т. д.—вот гетманы, которые после Ружинского выдвигаются из толпы по ее выбору и наследуют власть Гедиминовичей. Бывшие князья долго еще не желают отречься от прежних прав своих и заявление этих прав мы встречаем в лице двух из них 1) брата Дмитрия Вишневецкого, Михаила; 2) Михаила Ружинского. Первый, после бегства брата из Москвы, пребывал в верности к Иоанну IV и успел возвратить себе, пользуясь расположением жителей к своему роду, города Черкасы и Канев. Он удерживает титул гетмана казацкого и в этом качесте участвует в войне великого князя московского с восставшей Астраханью, 1569 и 1570 годов, между тем как Украиной управляет выборный гетман Свирговский» (с. XXXI).

Откуда взялось сведение о верности Михаила Вишневецкого царю московскому? Напротив, из современных известий видно, что весной того же 1563 года, в котором Дмитрий Вишневецкий бежал к королю, двоюродный брат его, Михаил Вишневецкий, с запорожскими казаками и белгородскими татарами, напал на Северскую область и произвел там разорение. Об этом нападении «ротмистра князя Михаила Вишневецкого» царь жаловался королю, от 10 июля, через гонца своего, дворянина Андрея Клобукова, которому поручено было разведать о бежавшем князе Дмитрие*. Вскоре после того Черкасы и Канев достаются

* См. в «Чтениях» 1860 г. (Кн. IV) переписку между Россией и Польшей, составленную Николаем Бантыш-Каменским. С. 218.

в распоряжение князя Михаила Александровича Вишневецкого — потому, что король назначил его в старосты черкасские и каневские. В этом звании, летом 1659 года, он отправляется не в Астрахань, а в Люблин, на дело соединения земли волынской с Польшей*, по совершении которого он получает еще новое звание — кастеляна Киевского. Что же касается до гетманского титула, то из всех наших историков только у Конисского да вслед за ним у Маркевича Михайло Вишневецкий полагается гетманом, с 1569 года до 1574, с которого, по единогласному признанию всех летописателей, был гетманом Свирговский (или Свирчовский). Откуда же г. Антонович взял, что Свирговский управлял Украиной еще в 1569 и 1570 годах как «выборный гетман»; а Вишневецкий был тогда только с «титулом гетманским», удержанным по притязанию на прежние права князей — Гедиминовичей предводить ополчениями? Что же касается до Астраханской победы Вишневецкого, то она весьма требует подтверждения известиями современными; а без того остается еще делом сомнительным, несмотря на всю защиту его покойным Маркевичем. Задавшись мыслью о «прежних правах» Гедиминовичей над казаками и об упадке их княжеской власти, г. Антонович не хочет допустить их в число выборных гетманов казацких. Таким образом у него и князь Михайло Ружинский в 1585 году только «удерживает титул гетманский», захватывает власть над казаками, «опираясь на прежние свои права!» «Впрочем,— говорит он,— власть его, должно полагать, была и незначительна, и кратковременна, так как ни одна хроника не записала его имени в числе гетманов казацких, и вышеприведенный акт составляет единственное в этом отношении указание».

Этот акт 1585 года, ныне напечатанный в архиве под № 7, давно уже вычитан в городской житомирской книге Н. Д. Иванишевым[20], от которого и я узнал о нем, лет за семь, и принял к сведению новооткрытого гетмана князя Михаила Ружинского. Называют его в этом акте «гетманом казаков запорожских» — войт, бурмистр и радцы и все поспольство города Киева; ясно, что он был настоящий признанный гетман Запорожский. Его власть над казаками была, конечно, полная гетманская и не «кратковременная», но продолжавшаяся и в 1588 году, в котором низовые, т. е. запорожские, казаки со своим гетманом, князем Ружинским, были во Львове, как это видно из современной записки, помещенной в «Хронике места Львова», изданной Денисом Зубрицким[21] 1844 г. (см. на с. 213). Итак, гетманство Михаила Ружинского надо признать в 1585—1588 годах. А был он из князей волынских, которым дорогу на Запорожье открыл Дмитрий Виш-

* См.: Жизнь Курбского[22], изд. Н. Д. Иванишевым 1849 г. Т. I. № 7.

невецкий, пришедший туда казаковать в 1556 году. Он первый из князей Гедиминовичей стал гетманом казацким. Его начальство над собой признали тоже запорожские казаки (или «Черкасы Каневские») с тем же атаманом своим, Михайлом Есковичем, что весной того года приставали к дьяку Ржевскому и с ним ходили под Очаков. С ним-то Дмитрий Вишневецкий, того же года «о Покрове город взял Ислам-Кермен, и людей побил, и пушки вывез к себе на Днепр в свой город». А в следующем году, весной, сказано в летописании Московском, он писал к государю, что «царь Крыма Девлет-Кирей и с сыном, и со всеми людьми крымскими, приходил под его город на Хортицкой остров и приступал 24 (мая) и Божиим милосердием, и царя и великого князя именем и счастьем, от царя отбился, и побил у царя многих людей лучших и пошел царь от него с великим соромом». А в октябре 1558 года «писал из Черкас да из Канева к царю и великому князю, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, что он с Днепра с Хортицкого острова пошел потому, что корму не стало у него и казаки от него разошлися, а царь Крымской пошел на его город, да Турского люди многие в судех, да Волохи, а он за кормом не сел в город, а пришел за Черкасы и Канев, и государь как велит? И царь великий князь писал ко князю Дмитрию Ивановичу, а велел ехати к себе, а Черкасы и Канев велел королю отступитца, потому что царь великий с королем в перемирьи. В ноябре князь Дмитрий Иванович к царю и великому князю приехал служити, и царь государь его пожаловал великим своим жалованьем, и дал ему отчину город Белев, со всеми волостями и селы, да в оных городах села подклетные государь подавал и великим жалованьи устроил...» На том и кончилось его двухлетнее гетманство над казаками Запорожскими.

Письмо второе

Оставим на время князей, бывших вождями казацкими, и посмотрим на первоначального подвижника приднепровской казаччины, на Евстафия Дашковича. Не странно ли, что у наших старших летописателей прошлого столетия, от Грабянки до Конисского, нет и помину о Дашковиче?.. Зато Шафонский и Гиельман ставили его первым гетманом казацким; но Маркевич признавал его только первым атаманом Запорожским; на самом деле Дашкович был не гетманом и не кошевым атаманом, а старостой Черкаским и Каневским, да к тому еще (в тринадцатых годах) державцею Пропойским и Чичерским и в этих званиях заслужил себе имя славного казака.

О его происхождении говорят и Немцевич, и другие польские

писатели, что он был из простолюдья, из овручских подданных князя Острожского; но это едва ли справедливо. Будь он «прóстый хлоп» — не было бы у него «власного отчизного селища Гвоздова», которое он в Киеве отписал монастырю Пустынно-Никольскому, и родная сестра овручского кметка Богдана Дашковичовна не была бы женой пана Бориса Тишкевича, а после него — пана Андрея Немировича, воеводы Киевского. Дашкевич мог быть слугой князя Константина — это иное дело. В многочисленной прислуге Константинова сына, великолепного воеводы Киевского, встречались князья.

Что касается до статьи г. Антоновича, то в ней Дашкович приписан к Овручскому мещанству и отпущен к запорожцам. «Между ними,— говорит он,— в начале XVI века скитался беглый мещанин из Овруча Евстафий Дашкович; приобрел влияние своей храбростью и сметливостью, он возымел мысль образовать из своих товарищей-беглецов устроенное общество с совершенно оригинальной организацией. Дашкович начал с того, что отправился в Польшу и там, на сейме в Петровке, в 1511 году, когда штаты Речи Посполитой рассуждали о средствах предохранить южно-русские земли от набегов татар, предложил как лучшее и самое дешевое средство — признавать войском Речи Посполитой приднепровских скитальцев и поручить им охранение границ. Предложение было принято и Сигизмунд I согласился признать законность войска, образовавшегося без его ведома и поручить ему стражу границ Речи Посполитой; в награду же за эту услугу он подарил земли, никому досели не принадлежавшие, лежавшие между Бугом и Тясмином, Самарой и Калмиусом. Вестником этого королевского распоряжения был сам же Дашкович; для выходцев оно имело значение амнистии и безопасности личной со стороны польского правительства и потому они охотно сгруппировались около Дашковича и приняли предложенное им устройство, которое и состояло в развитии до возможных пределов общинных начал» (с. XXIV).

Но ведь это небылица, которой можно бы уже и не писать у нас в нынешнее время. Статочное ли дело, чтобы на великом сейме 1511 года делал такие предложения беглый мещанин и чтобы, доверясь такому представителю еще неустроенных беглецов и скитальцев, Жигимонт I так уже и поручил охранение границ своего государства и подарил столь обширные земли?.. Сколько тут ошибочного: от скитания Дашковича под видом беглого мещанина и до сейма великого, который в 1511 году был не в Петрикове, а в Берестье! По известиям современным Дашкович виден от самого начала XVI века, с 1501 года, в котором московский великий князь Иоанн III Васильич после победы Ведрошской посылал своих воевод «литовские земли

воевати». И вот «приидоша воеводы ко Мстиславлю ко граду ноября 4 в четверток и срете их из града, князь Михайло Ижеславский, зять княже Юрьев Лугвеньевич, да великого князя Александра Литовского воевода Остафей Дашкович...»

Спустя год или около того князь Василий Семенович Ряполовский сказывал, что «наместник Кричевской Остафей Дашкович вступается в волость Прикладни и в деревне Прикладненские...» (см. Акты Зап. Рос. Т. I. С. 322). А в 1504 году королевский гонец Матвей Кунцевич, в Москве, предлагал, чтобы отдан был бежавший из Литвы со многими дворянами воевода Остафий Дашкович. На это дьяк Болдырь Паюсов дал Кунцевичу такой ответ, что «по перемирным договорам велено выдавать татя, беглеца, холопа, раба и должника; а как Дашкович чиновный человек, греко-российской веры и добровольно принял службу, то выдан быть не может».

Там на государевой службе и находился Дашкович до 1508 года, до той знаменитой грозы, которую поднимал в Литве князь Михайло Львович Глинский[23]. Тогда великий князь Василий Иванович «прислал ему на помочь Остафия Дашковича, оного славного казака, который ся был до него передал, як мел обычай, с двадцати тысячами людей Московских ездных»,— по словам старого летописца южнорусского. А в августе того 1509 года Жигимонт I, наряжая из Смоленска посольство к Менгли-Гирею, писал между прочим следующее: «А тому зрадце нашему Глинскому людей его в тот же час многих збито, а останок их с Остафием Дашковичом вси к нам прибегли» (см. Акты Зап. Рос. Т. II. № 41).

Вот где и чем был в начале XVI века подлинный, исторический Дашкович. Ему, как человеку известному и опытному, пришедшему вновь «на службу господарскую», Жигимонт I мог поручить охранение границ государства и, по его представлению, дать казакам права на приднепровские земли, никем еще не заселенные.

Несправедливо вменять Дашковичу первоначальное собрание и устроение запорожских выходцев...

На что умножить сказки о первоначальниках казачества? Довольно и той, которую от самих запорожцев слышал и записал в прошлом столетии князь Мышецкий про знаменитого стрельца и атамана Семена, который, со своего Семенова-Рога на Бугском Лимане, приходил на Украину, к Лысянке, Медведовке и другим местам, с сотней своих товарищей и набрал тут себе войска более двух тысяч и после похода на Дунай водворился на очаковской стороне, на Днепре, особым улусом.

На что говорит и то, будто Запорожье при Дашковиче «состояло не более как из двух тысяч человек». Ведь это число относится только к известному предложению, которое сделано было Дашковичем 1522 года на вальном сейме Городенском: чтобы днепровские острова застроить крепкими замками и

постоянно содержать там 2000 вооруженных пеших казаков, да еще ста четыре конных.

Запорожцы нередко сбирались вокруг Дашковича — в его походах и битвах и, вероятно, приняли от него некоторые правила к улучшению своего быта и порядка; но в отношении к Запорожью мог быть ему совместник — другой казацкий вождь Предслав Ланцкоронский. А как староста черкасский и каневский, Дашкович около четверти века (до 1536 года) был главным распорядителем и подвижником казачества в Украине приднепровской. Тут ему совместниками могли быть разве киевские воеводы (князь Юрий Александрович Гольшанский да Андрей Якубович Немирович). И, конечно, не иному кому как доблестному Дашковичу тогдашнее казачество обязано своим усилением и распространением на Украине приднепровской. Он упрочил бытие нашего казачества как особого сословия в народе малороссийском. Он был первым строителем и Чигирина, будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкого.

Современным Дашкевичу казацким вождем был Предслав Ланцкоронский, о котором все наши старшие летописцы прошлого столетия поминают как о первом гетмане казацком. Сказание о нем, взятое из польского историка Мартына Бельского, внесено еще в хронику Густынскую и состоит в следующем: «В лето 1516 Жигмонт король — посла Предслава Лянцкорунского на Украину собирати люду и також татаром пакостити; он же, собрав охотников скилка сот, пойде с ними аже под Белагород и тамо забра множество товара, и коней, и овец татарских и турецких, и возвратися с ними. Татаре же и турци, собравшеся, гониша по них и постигоша их под Очаковом у Овидова озера, и бишася с ними; но наши поразиша их и со великим добытием во здравии возвратишася».

Вот поход Ланцкоронского к Белгороду и битва его под Очаковым 1516 года как событие историческое. К этому известию предпослано такое замечание: «В сие лето начашася на Украине козаки». Таким образом у польского историка, а за ним и у нашего составителя Густынский хроники, началом казачества на Украине полагаются те охотники, с которыми Ланцкоронский совершил поход к Белгороду и Очакову 1516 года. Но известно положительно и документально, что в Приднепровской Украине, в Черкащине, были казаки еще до Жигимонта I; да и в Запорожьи также было казачество гораздо прежде 1516 года. Между тем летописное сказание и тут обращается в следующую сказку: «И потом бранилюбивый сей народ, засмаковавши себе здобич, наставиша себе старейшину спосреде себе, нарицаемого козака, от него же и сами потом козаками нарекошася, и начаша сами часто в Татарскую землю ходити, и даже доселе не престают

пакости творити татарам и туркам. А старейшину себе избирают спосреде себе, мужа храбра и смыслена, по своему древнему обычаю; живут же всегда на Запорожью, рыбы ловяще, их же без соли на солнцу сушат; а на зиму расходятся кождо во свой град, толко з скилко сот оставляют на курене стерещи стрелбы и чолнов, а на лето паки собираются. И сим образом козаки начало свое прияша»..

Сказка сказкою, но летописное замечание «о начале козаков» нельзя ли принять с таким ограничением, что в 1516 году начались казаки на Украине Приднестровской, в Браславщине, где до того года не видно казачества ни из каких показаний современных? Как бы ни было, впрочем, а сказание Мартына Вельского было классическим местом, на котором основывался и Коховский (1683) и писавший под его влиянием (около 1710), наш украинский летописатель Грабянка. У него так говорится сначала, что «в року 1516, Жигмонт I — охотного воинства от казаков и поляков собра, посла их под Белгород... и от того времени козаками нарицахуся, аще кто и поляк бяше, си есть, свободное воинство, яко без найму, своей волей на татаре хождаху». А потом у него сказано: «В року 1506 был первым казацким гетманом Предслав Лянцкоронский; а в року 1534 будучи гетманом Запорожским, неякийсь казак Венжик Хмельницкий разбил великую орду в Польще под Заславем; по нем был гетманом Дмитрий князь Вишневецкий, а по нем Евстафий князь Ружинский» — и ни слова об них более. Ясное дело, что здесь у Грабянки 1506 год при Лянцкоронском поставлен ошибкой, вместо 1516. А между тем этот ошибочный 1506 год пошел надолго у нас как начальный год казацкого гетманства. С этим годом стоит первый гетман Лянцкоронский и в известном «собрании гетманов» и во введении, приделанном к «Летописи Самовидца»[24], заимствованном очевидно из летописи Грабянкиной; у Шафонского, Ригельмана[25] — 1506 год приложен к первому гетману Дашковичу, а Лянцкоронский поставлен вторым гетманом с надлежащим 1516 годом. Но в «Истории руссов» Конисского, а за ним и у Маркевича гетманство Лянцкоронского начинается с 1500 года, а прекращается 1512.

Но в «Описании» Симоновского (сочиненном вслед за прекращением Гетманщины) сказано так: «Первой козацкой гетман (по новоизданной и выпечатанной в Гамбурге 1763 года «Истории о Российском государстве», на немецком языке, чрез доктора Бишинга) был князь Богдан Рожинский[26], которому король Баторий в вечное и наследственное владение пожаловал город Терехтемиров». Так и Миллер говорил, и Бантыш-Каменский повторил (1822), что Богдана Ружинского «можно почитать первым малороссийским гетманом». Вот краткая история о начале казацкого гетманства в летописаньи малороссийском до

Маркевича включительно, который так горячо нападал на Бантыша-Каменского, стоя горой за начало гетманщины и гетманства с 1500 года! Сущность дела в том: назывались ли у современников или не назывались гетманами казацкие военачальники, бывшие до Батория? Дело в титуле, но ведь немалая тогда велась тяжба из-за титула и между великими князьями — московским и литовским. Не военного человека, гетмана Разумовского, Екатерина II переименовала в фельдмаршалы; а через четверть века она наименовала Потемкина «Великим гетманом казацких Екатеринославских и Черноморских войск». Но наша братья — историки не имеют права ни жаловать в гетманы, ни разжаловать давнопрошедших военачальников казацких. Ну, если Грабянка наименовал Лянцкоронского первым гетманом от себя, также самопроизвольно, как Шафонский и Ригельман Дашковича.

Если любознательность наших историков могут занимать имена, года, деяния царей и цариков татарских, царей и цариц босфорских, то для нас тем более должны быть занимательны вожди и начальники нашего казачества, историческая жизнь которого так дорога и важна для памяти народной и которое доныне живо в своих потомках, казаках малороссийских и черноморских. А мы и до сих пор не добыли себе верного знания о предшественниках Богдана Хмельницкого; они и доныне не перестают быть игралищем произвола научного и недоучного. В пользу гетманства Лянцкоронского можно указать на универсал Богдана Хмельницкого 1655 года 15 января, данный Низовому Запорожскому войску в подтверждение прав, жалованных королем Баторием 1576 года. Там о Самарских землях сказано: «Где еще до гетмана Прецлава Ланцкорунского козаки Запорожские свои зимовники мевали». Но в 1775 году, когда шло роковое дело о Запорожьи, Миллер опровергал подлинность сего универсала, представленного запорожцами в копии. Предоставляю вам с Н. Д. Иванишевым решить, прав ли был Миллер. Во всяком случае, был ли Лянцкоронский гетманом или только старостой Хмельницким, его казацкое военачальство должно быть полагаемо не ранее как с 1516 года.

Казацкое ополчение, предводимое им в том году к Белгороду и Очакову, состояло из набранных им на Украине охотников (voluntarii). Это совсем не то, что представляет г. Антонович, будто и Лянцкоронский в своем уделе был начальником общинного ополчения на правах князя. Для Лянцкоронского он изменяет свое основное положение о Гедиминовщине и говорит, что «первые гетманы казацкие ведут свой род исключительно от Гедимина, или от великокняжеских ленников!» А в удел дворянскому роду Лянцкоронских назначает он Браславщину, где был Браславский казацкий полк будто бы еще до 1516 года.

Письмо третье

По вашему желанию, возобновляю мою письменную беседу с вами о казаках. В самом деле, надо же мне кончить разбор нового мнения о *происхождении казачества*, предложенного г. Антоновичем в его предисловной статье к «Архиву Юго-Западной России» 1863 года.

Для нашего казачества приднепровского он предположил первоначальный век благосостояния под кротким управлением различных князей Гедиминова дома, будто бы имевших здесь свои уделы в конце XV века и в начале XVI. Из этих *князей-гетманов* он называет только Дмитрия Вишневецкого, Евстафия Ружинского, да еще кого-то из князей Корецких.

Тот век благосостояния казаков у него кончается около 1534 года — со смертью героя Ружинского. Тогда настает пора окончательного торжества *выборного начала* над *элементом княжеским*: гетманами становятся из толпы, по ее выбору — Венжик Хмельницкий и другие лица незнатного происхождения и наследуют власть Гедиминовичей. Но и между самыми князьями-гетманами была борьба за казаков, когда Евстафий Ружинский *объединил* собой и увлек под свою власть все южно-русское казачество, разрозненное по их уделам: они противодействовали, протестовали перед Жигимонтом I против *реформы* Ружинского; но тот своими *многочисленными*, *победоносными* походами против татар и турков успел доказать на деле, сколь полезную военную силу могут доставить государству казаки, соединенные и правильно организованные им в *двадцать* полков... (с. XXXIX).

На самом же деле — ничего этого не было; да и самого князя Евстафия Ружинского не было в Приднепровской Руси во всю *первую* половину XVI века, также точно, как и Дмитрия Вишневецкого не было на Приднепровьи до *пятидесятых* годов того века.

Что касается до князей Корецких, то из них, от начала XVI века, известен *Федор Иванович Корецкий*. В 1508 году, когда Жигимонт I раздавал разным лицам Великого Княжества Литовского обширные имения князей Глинских, перешедших в сторону московскую, князь Федор Иванович выпросил и себе в Киевском повете село *Сущаны*, принадлежавшее Ивану Глинскому. С той поры князья Корецкие стали владельцами и в воеводстве Киевском, но в том конце его, где тогда еще не было казачества; да и не видно ни откуда, даже из позднейшего летописания Малороссийского, чтобы Федор Корецкий или знаменитый сын его Богуш был на гетманстве казацком.

Историческое недоразумение о гетманстве князя Дмитрия Вишневецкого разрешено уже в моем первом письме. Теперь очередь беседе нашей о князьях Ружинских.

Не знаю, почему эти князья отнесены у г. Антоновича к потомкам Корыбута Ольгердовича. У польских историков и генеалогов давно утвердилось мнение Окольского, что князья Ружинские были потомки Наримунта Гедиминовича. Такого мнения был, по свидетельству Кобержицкого, сам Роман Ружинский, именовавший себя *Наримундовичем* (как Вишневецкие звались *Корыбутами* по своему предку).

Таким образом и мнение Папроцкого о происхождении князей Ружинских от Корията Гедиминовича оставлено заштатным. Но его сказание о *четырех* князьях этой фамилии принято в историю, как сказание современника. В своих *Гербах рыцарства польского*, изданных 1584 года, Папроцкий называет *Михаила Ружинского* и трех его сынов: Кирилла (или Кирика), *Богдана*, бывшего гетманом Низовых казаков, и *Николая*.

К этим четырем у Окольского и Несецкого прибавлено еще два: *Дмитрий Ружинский*, бывший полковником при князе Сангушке в московской войне 1567 года; *Роман Ружинский*, более всех знаменитый по московской войне смутного времени, в продолжение которой и скончался он 8 апреля 1610 года.

Тут напрашивается на воспоминание Адам Ружинский, подвизавшийся вместе с Романом в войне московской, бывший с ним и во Львове, где они 1600 года вписали имена свои в книгу Львовского православного братства. Но нам надобны не эти Ружинские последнего поколения, а те, что были в первой половине XVI века; нам надобен Евстафий Ружинский... Вооружитесь терпением выслушать и я расскажу вам, как этот князь объявился мне мало-помалу по старописьменным памятникам.

Еще в 1840 году, когда издавался мой *Киевлянин*, я старался знакомиться поближе с давнопрошедшими людьми Южной Руси и для того пересматривал между прочим и старые церковные помянники Печерской Лавры и других монастырей киевских. Там не раз встречалось мне следующее вписание: «Род князя Евстафия Ружинского — Евстафия, Анну, Фому, Меркурия, Романа». Но отсюда можно было усмотреть только то, что Роман Ружинский был меньшой сын Евстафия.

В 1841 году получил я для *Киевлянина* из Львова, от покойного Д. И. Зубрицкого, в собственноручном его списке, два акта: завещание гетмана Петра Конашевича Сагайдачного 1622 года и письмо князя К. К. Острожского, писанное им в Киеве 1581 года — к своему киевскому наместнику, князю *Остафею Ивановичу Ружинскому*. Вот он где: в Киеве, воеводским наместником или подвоевóдым, 1581 года. Тогда стало для меня ясно, что если бы он был казацким гетманом, то не иначе, как означено было в летописи Грабянки, где сказано, что *после* Венжика Хмельницкого (известного в 1534 году) «был гетманом Дмитрий, князь Вишневецкий; а *по нем* Евстафий князь Ру-

жинский» (т. е. после 1558 года). Но нельзя было не взять во внимание и того, что Евстафий Ружинский не принят в число казацких гетманов ни Симоновским, ни Бантыш-Каменским, ни Евгением, которые взамен того принимали князя *Богдана Ружинского*, в лице славного *Богданка*, бывшего казацким гетманом в 1575 и 1576 годах.

Когда же издана была г. Иванишевым «Жизнь князя Курбского», обильная современными актами, тогда двумя из них объяснился мне род князей Ружинских. Особенно послужил к этому *Реестр* обывателей Владимирского повета, приведенных в июне 1569 года к присяге на Люблинскую унию королевским комиссаром Яном Фалибовским. Тут оказалось три семьи князей Ружинских: 1) Григорий, Евстафий, Михаил и Дмитрий *Ивановичи*; 2) Стефан и Михаил, не названные по отчеству (то были, по моему соображению, *Федоровичи*); 3) княжна Василиса со своим потомством (признаю это явной ошибкой писца в городской Владимирской книге и читаю так: *княгиня Васильева* со своим потомством).

При совершении присяги «Михаил и Дмитрий Ивановичи Ружинские» объявили, что брат их *Григорий* служит у князя Романа Сангушка на Украине в Речице;* а другой брат их, *Евстафий*, служит у черкасского и каневского старосты князя Михаила Вишневецкого и едет с ним к его королевской милости в Люблин. Т. е. наш герой, в 1567 году был подстаростою Черкасским или наместником старосты Черкасского и Каневского Михаила Александровича Вишневецкого, с которым ездил на сейм Люблинский.

Тогда же Стефан Ружинский объявил, при совершении присяги, что если брат *Михаил* на ту пору оседлости не имеет, потому что заложил весь свой участок и поехал к приятелям в Польшу. Я вижу теперь, что не Михайло Иванович Ружинский, человек семейный и степенный, а этот другой, бездомовный *Михайло Ружинский*, ездивший к своим приятелям в Польшу, отправился впоследствии казаковать на Запорожье и там был гетманом в 1585—1588 годах, как это пояснено в моем первом письме, на основании свидетельств современных.

Двоюродный брат его, князь Евстафий, в 1573 году находился на своей родине; марта 16 он был в Берестенке, на съезде волынских обывателей, для выбора депутатов, которые должны были ехать в апреле под Варшаву на элекцию нового короля; к числу депутатов принадлежал и Евстафий Ружинский (см.: Жизнь кн. Курб. Т. 1. № 15). Вскоре после того он поступил опять на службу — в воеводские наместники князя К. К. Острожского. На

* Т. е. он был тогда Речицким наместником Романа Сангушка, воеводы Браславского и державцы Речицкого.

этой должности он виден с 1575 года, по актам Межигорского монастыря, у которого он отнял было некоторые земли. Вот чем был подлинный, исторический князь Евстафий Ружинский — *подстаростой Черкасским*, потом *подвоеводым Киевским*...

В Грабянкиной летописи, сочиненной около 1710 года, в первый раз у нас поставлен в числе казацких гетманов *Евстафий Ружинский*, между Дмитрием Вишневецким и Сверговским (т. е. между 1558 и 1574 годами). Не знаю, кто такой около 1730 года переставил Вишневецкого и Ружинского в первую четверть XVI века, дав им место между Ланцкоронским и Венжиком Хмельницким. В таком неправильном порядке, с одними именами, без годов и деяний, оба князя поминались у нас — и в «Собрании гетманов», приложенном к летописи Грабянкиной, и во введении, приделанном к летописи Самовидца, и в других летописных произведениях. В таком же виде оба князя достались и под руку, написавшую «*Историю Руссов*».

В этой знаменитой истории, весьма замечательной со стороны художественной, малороссийская казаччина XVI и XVII века представлена с тою ж поэтически своевольной перестройкой исторической действительности, с какой и Гоголь в своем «Тарасе Бульбе», и Шевченко в своих «Гайдамаках» изображали избранные ими эпохи. О дознании и соблюдении верного исторического факта у всех троих не было и заботы!

Даровитому историку, укрывшемуся под славным именем Георгия Конисского, хотелось наполнить целое XVI столетие в сплошь *гетманами*, узнанными им в неполном числе и неверном порядке: и вот у него назначаются самопроизвольно определенные годы гетманства — Ланцкоронскому с 1500 года, Дмитрию Вишневецкому по 1514, Евстафию Ружинскому по 1534 и т. д. Понятие о *Гетманщине*, предначатой Петром Конашевичем-Сагайдачным и потом созданной Богданом Хмельницким, в которой гетманы были не только военачальниками казацкими, но и правителями страны, это понятие было наведено историком и на первых гетманов казацких XVI века. Тут Дмитрий Вишневецкий славится гражданскими добродетелями, поправляет разоренные города и прочая и за то стяжает имя — *отца народа*; преемник его Евстафий Ружинский является сильным подвижником и преобразователем казацкой Украины, по подобию Богдана Хмельницкого... А мы и поверили! Когда же показался у нас в первый раз подлинный князь Евстафий Ружинский, с вышепомянутым письмом князя Острожского 1581 года, тогда главный редактор археографической комиссии, блаженной памяти Иоанн Григорович, сделал к тому письму такое примечание: «Должно заметить, что Киевский

воеводский намесстник, князь Евстафий Ружинский, о котором в этой грамоте говорится,— *другое лицо*, а не казачий гетман того же имени. Последний жил в первой половине XVI века и управлял Запорожьем в 1514—1534 годах. См. Маркевича. «Ист. Малорос.» V. 149.*

Но посмотреть бы в самом источнике, из которого взят Маркевичем этот гетман, в «Истории Руссов»: «По кончине гетмана князя Вишневецкого, в 1514 году, выбран гетманом князь Евстафий Ружинский, который с молодых лет, обучаясь и вояжируя долго в чужих краях, а паче по Германии и Франции, приобрел в разных науках, а особливо в военной, великое знание. И первым его старанием было произвесть в Малой России *реформу* войскам»...

В самом деле, тут на гетманстве и Дмитрий Вишневецкий, и Евстафий Ружинский — совсем *другие лица*, а не те их соименники, которые действительно были в пределах днепровских во второй половине XVI века. Об этих последних стоило бы еще поразведать в затворах Киевского центрального архива; а тех призрачных двойников их, подвизавшихся только на страницах летописных, пора бы уже и в отставку...

Хотелось бы дознаться еще об отце Евстафии — князе *Иване Ружинском*. О нем приметил я современное упоминание — в описании Волынских замков 1545 года, где названы почти все тогдашние князья Волыни, где мы видели уже и князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, присутствовавшего в Кременце. В том описании замков, в числе обывателей Владимирского повета вы найдете «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Федорову *Ероговицких*» (с. 23); а в другой раз они названы *Роговицкими*. Так напечатано и в тексте, и в указателе, приложенном к 4 тому «Памятников». Но таких князей, Роговицких или Ероговицких, и неслыхано. Это очевидная ошибка, сделанная через два с половиной века, по недосмотру кременецкого присяжного писаря Годзиминского, давшего в 1793 году выпись этого важного акта, которая принадлежала покойному К. К. Свидзинскому и напечатана в «Памятниках». Подлинное чтение вышеприведенного места должно быть такое: «Князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Федорову Ружинских». На это прямо указывает поместье этих князей *Ружин* во Владимирском повете, означенное в том акте; а также отцовское имя знакомых уже нам четырех братьев Ивановичей. Таким образом открылось для меня еще одно поколение князей Ружинских, принадлежавшее первой половине XVI века и состоявшее из князей: *Ивана*, *Василия* и *Федора*. Из них, в 1545 году, один Иван был в живых; а после тех двух оставались две вдовствующие княги-

* См. в *Акт. Зап. Рос.* Т. 3. Примечание 76.

ни, носившие на себе имена их, которые и до нас донеслися. Одни имена... Но они дают собой знать, что княжеский род Ружинских и в первой половине XVI века принадлежал к обывателям земли Волынской, а не Киевской; что находившийся во владении этих князей *Ружин* Владимирского повета, а не иной, был родимым гнездом их, от него же и их прозвание.

8 января, 1865 г.
Киев.

Письмо четвертое

Я представил вам ясное свидетельство, что Евстафий Ружинский, также как и Дмитрий Вишневецкий, находился в Приднепровской Руси во второй половине XVI века, и что оба эти князья занесены в первую четверть того века — ошибкой позднейшего летописанья малороссийского. Подобные ошибки случаются и в новейших работах исторических. Вот, например, первый том «Актов Южной и Западной России», изданный Археографической Комиссией 1863 года под редакцией Н. И. Костомарова. Там под № 57 находится «*1510* г. королевска грамота Киевскому воеводе князю Юрью Ходкевичу» (с. 44). Тоже повторено и в оглавлении. Но знаменитые Ходкевичи, также как и Радзивилы, не были в то время *князьями. Григорий* (а не *Юрий*) *Александрович Ходкевич* был воеводой Киевским в 1554—1556 годах. А в 1510 году на киевском воеводстве был князь *Юрий Александрович Гольшанский*, на имя которого (только без означения фамилии) и дана была та королевская грамота.

На первый взгляд, не великая важность, что историческое лицо поставлено не на своем месте; но ошибочная постановка бывает иногда основой больших недоразумений и напрасных построений исторических, как это случилось с нашим Евстафием Ружинским — в «Истории Руссов».

Как трудно отрешиться от всего, что есть вымышленного в этой обаятельной истории, даже и при нарочитом неблаговолении к ней, то видно на книге самого г. Костомарова «Богдан Хмельницкий». Там, по случаю разных баснословий о похоронах Ивана Золотаренка,[27] к которым прибавилось нечто и в истории руссов, г. Костомаров укоряет Конисского в «обыкновении выставлять собственные гипотезы за истину» (II. 475); а между тем сам выставляет за истину одну из самых крупных исторических гипотез — *реформы* призрачного гетмана Евстафия Ружинского, которые у г. Антоновича получили новое фантастическое представление.

Но прежде, чем остановимся над этими *реформами*, я дол-

жен заявить вам мое сомнение об «Истории Руссов»: в самом ли деле она есть сочинение Георгия Конисского? Не напрасно ли помыкается его имя, за недостатки со стороны фактической, и превозносится, за ее достоинства со стороны художественной, за которые сам Пушкин назвал Конисского *великим живописцем*?

Достопамятный муж знаком был хорошо со старинными актами, относящимися к истории церкви в Западной России, и обладал большой начитанностью польских исторических писателей: о том свидетельствует нам его книга «Prawa i wolnosci», изданная 1767 года в Варшаве и небольшое сочинение его об унии, изданное в «Чтениях». Да и мог ли Конисский без историко-фактического запаса вступить на то поприще, на котором подвизался с такой славой! Его историческое познание неизбежно отозвалось бы в сочиненной им истории, какого бы ни была она направления и духа. А в «Истории Руссов» совсем не видно близкого знакомства ни с современными актами, ни с польскими историками, ни с главнейшими малороссийскими летописями: все взято не из первых рук, как будто понаслышке, и перестроено на свой лад без соблюдения верности и точности исторического факта. Не по характеру Конниского, мне кажется, было сочинять такую историю и предлагать ее депутату Полетике на то важное дело, на которое она требовалась, и с теми архипастырскими уверениями, о которых говорится в предисловии неизвестного нам лица. О Конисском известно то, что он сообщил краткий летописец Василию Рубану, который и напечатал его в 1773 году с дополнением, написанным А. А. Безбородьком.[28] Сомнительным кажется мне то, чтобы Григорий Андреевич Полетика[29], человек ума положительного, знакомый с лучшими малороссийскими летописями, в том числе и с Величковой, мог предпочесть им неисправную со стороны фактической «Историю Руссов» и придержаться ее в своих деловых справках и писаниях...

Надо бы дознаться об известности «Истории Руссов» депутату Полетике и его сношениях с Конисским. Трудолюбивый митрополит Евгений не упоминает об этой истории в числе сочинений Конисского, даже и при втором издании своего словаря духовных писателей. Бантыш-Каменский не знал ее при первом издании своей «Истории Малой России» в 1822 году. Он воспользовался при втором издании знаменитой «Историей», когда она была уже в ходу, во многих списках, которые — подобно «Горю от ума» — распространялись все больше и больше, пока не напечатал ее О. М. Бодянский в «Чтениях» 1846 года. Мне сдается, что «История Руссов» сочинена неизвестным для нас автором, укрывшим свое имя под двумя малороссийскими именитостями, дабы сказать в предисловии, что

прошедшая через эти «отличные умы истории» — «кажется быть достоверной!»

Теперь обратимся к реформам воображаемого гетмана Ружинского. В книге г. Костомарова (по поводу которой были мои письма и к нему и к М. П. Погодину) написано следующее: «После Лянцкоронского избираемы были гетманы из знатных русских фамилий. При одном из них, *Ружинском*, учреждено было чиноначалие — *генеральная старшина*: есаулы, судьи, писаря, обозные. Число казаков быстро увеличивается. Казацкое сословие населяло земли, занимаемые теперь губерниями: Киевской, Полтавской и южной частью Подольской и разделялось на двадцать полков по обеим сторонам Днепра (I. 9).

Тут в книге г. Костомарова ссылка на «историю Руссов»; а в этой истории читаем следующее: «Гетман Ружинский, по изволению короля Сигизмунда I, пресекая своевольства и настроения, учредил в Малороссии *двадцать* непременных *полков*, по *две тысячи* каждый, назвав их по городам знатнейшим, как то:

Киевский, Черниговский, Северский, Переяславский, Кальницкий, Кропивянский, Острянский, Миргородский, Каневский, Черкасский, Чигиринский, Уманский, Корсунский, Браславский, Полтавский, Гадяцкий, Нежинский, Лубенский, Прилуцкий, Винницкий.

Каждый полк разделен на *сотни*, названные также по городам и местечкам» и т. д.

При первом взгляде уже на эти благоустроенные полки, они оказываются невероятными. Мог ли воображаемый гетман, по изволению своего господаря, учреждать в 1514 непременные двухтысячные полки — *Черниговский*, *Северский* и *Нежинский*, — в чужой области, принадлежавшей государству Московскому, которое в ту пору было в сильной борьбе с Великим Княжеством Литовским? Вот уже из оных двадцати полков убывают *три*; а за ними и четвертый полк *Острянский*, потому что в старостве Остерском, которое нам подробнее других известно по памятникам XVI века, нет и признаков двухтысячного там казачества. Тоже должно сказать о полках Восточной Украины: *Полтавском*, *Гадяцком*, *Миргородском*, *Прилуцком*; нет и намека в современных писаниях, чтобы там было многотысячное число казаков во всю первую половину XVI века. Тоже самое и с другого конца — в Украине Подольской: три полка в 1514 году — *Брасславский*, *Винницкий*, *Кальницкий* — такая же невероятность, как и сопредельный с ними полк *Уманский*. А в «Истории Руссов» Евстафий Ружинский устраивает в 1514 году еще пять полков *охочекомонных*, по пяти сот человек в каждом, и по устроении таким образом Малороссийского войска идет в 1516 году в поход под Белгород и в Очаковские степи..., т. е.

Ружинскому приписан и расписан поход Лянцкоронского*, отодвинутого на гетманство к 1500 году!

Так и все деяния призрачного героя Ружинского заимствованы от других лиц и от учреждений позднейших.

Установление в казачестве *генеральной* старшины взято от гетманства знаменитого Богданка или Богдана Михайловича Ружинского, при котором «в лето *1576* за Стефана, короля польского, казаки в лучший еще строй учинены... и начаша по гетмане быти *обозные, судьи, асаулы, полковники...*» как сказано в летописи Грабянки. До того же времени, сколько мне известно на этот час, нигде в современных памятниках не встречаются эти казацкие чины, даже и *полковники*, потому что и самое установление *реестрового* казачества и постоянных *полков* на Украине относится к реформе Баториевой. До нее же видны пока только *роты* или *сотни* казацкие; видны *атаманы* у казаков, выходивших из Украины на Запорожье, да главный начальник над ними — *гетман.*

Сорокатысячное число реестрового казачества взято, очевидно, из договора Зборовского 1649 года. От той же эпохи перенесены и *двадцать* полков, *те самые*, что перечисляются в «Истории Руссов» под 1650 годом, как полки будто бы возобновленные и пополненные Богданом Хмельницким. Тут эти двадцать полков, при поверке их, которую мне удалось сделать в 1850 году, подлинной книгой *Реестров войска Запорожского*, оказываются весьма неисправными.

Первая порча в реестре *шестнадцати* полков, установленных Богданом Хмельницким после Зборовского мира[30], произошла 1683 года, в знаменитой летописи Коховского[31]. (I. 166). Там нечаянно пропущен полк *Белоцерковский* с тогдашним полковником *Михайлом Громикою*[32]. Вместо полка *Прилуцкого* (с полковником Тимофеем Носачем)[33] назван небывалый полк *Острянский*, долго сбивавший с толку дееписателей малороссийских, киевский полковник *Антон Жданович*[34] превращен в *Адамовича*; а каневский полковник *Семен Савич*[35] — в *Павича* (pawicius). Миргородский полковник *Матвей Гладкий*[36] переименован в *Максима.*

Со всеми этими неисправностями и главное — с недочетом одного, Белоцерковского полка, Богдановы полки переведены были у нас из книги Коховского в летопись Грабянкину. Еще более попортились они в кратком Летописце»[37], изданном 1773

---

* При Ланцкоронском (1531) было казачество в обширном воеводстве Браславском, но не в таком же большом числе. Можем назвать и по имени *Дмитра Базаровича*, казака Звенигородца, получившего в 1546 году утвердительную грамоту на принадлежавшие ему два хутора: Соколков и Мильковцы. См. любопытную брошюру, напечатанную 1862 года в Венеции, под именем «Awulsa Humania»(т. е. «Спорные места Уманьщины»).

года Рубаном, из которого долго был заимствован и в последующие сочинения о Малороссии неверный *пятнадцатиполковой* список. Он должен в основание к тому *двадцатиполковому* списку, который составлен наобум в «Истории Руссов», собственно к гетманству Богдана Хмельницкого к 1650 году; а отсюда перенесен к реформе Евстафия Ружинского к 1514 году. Таково происхождение тех небывалых в правление Жигимонта I двадцати казацких полков, с сорокатысячным числом реестрового казачества! А они между тем перечислены и приняты в соображение и в «Исследованиях» самого Погодина...

Подвизались эти воображаемые полки со своим призрачным гетманом и в «Старожитностях Польских» (1843 г., в статье Морачевского) и в «Истории казаков» Чарновского — с легкой руки Мацеевского[38], издавшего для своих сотчичей извлечение из «Истории Руссов» и сказавшего, что в ней «содержатся такие *факты*, какие и не снились нашим историкам». (Мацеевский сказал правду!) Наконец, в «Исследовании» г. Антоновича, тот князь Евстафий Ружинский доходит до nec plus ulta. Поставленный на гетманство *одновременно* с Дмитрием Вишневецким и Предславом Ланцкоронским, он является между ними как вождь гомерический и с двадцатью полками своими совершает *многочисленные*, *победоносные* походы против татар и турков — в правление Жигимонта Старого... Но все это должно исчезнуть с лица казацко-украинской истории,

«Как обман, как упоенье,
Как прелестный призрак сна...»

12 января 1865 года.

Письмо пятое

После критического осмотра, сделанного в предыдущих письмах, можем разобрать теперь мнение г. Антоновича о происхождении казачества — по составным его стихиям, начиная с главной, с *элемента гедимино-княжеского.*

Мы удостоверились, что на первых порах исторической известности приднепровских казаков, с конца XV и до половины XVI века, не видно ни одного *гетмана* из княжеских родов, причисляемых генеалогами к потомкам Гедимина; а потому не для чего принимать в жизни приднепровского казачества — ни того решительного торжества народного выборного начала над элементом княжеским, какой положен около *1534* года, ни предположенной до этого года поры *благосостояния* казацкого под кротким управлением различных князей Гедиминова дома.

Для представления себе такой поры надо обратиться ко временам, бывшим до 1471 года, когда вся земля Киевская (с Черкащиной и принадлежавшими к ней днепровскими порогами, и с землей Переяславской) составляла *одно удельное княжество,* принадлежавшее Гедиминову внуку, Владимиру Ольгердовичу, возвращенное потом сыну его Александру или Олельку, а по нем доставшееся его сыну, Симеону Олельковичу, княжившему здесь до кончины своей, до *1471* года. Но при тех князьях Гедиминовичах не видно еще казачества приднепровского ни из каких свидетельств исторических; следственно, то была пора исторической безвестности приднепровских казаков. Исторически известными становятся казаки на Украине уже после 1471 года, когда Киевское княжество обращено было в воеводство. А князей Гедиминовичей не было тогда ни между *воеводами Киевскими*, ни между *наместниками Черкасскими*, от которых в ближайшей зависимости были тогдашние приднепровские казаки, выходившие из своей Черкащины и вниз Днепра на Запорожье, и вверх Днепра до Киева и далее.

У князей Вишневецких, Ружинских, Корецких и других Гедиминовичей не было тогда в здешней стороне владений ни родовых, ни выслуженных; а об их уделах в Киевском воеводстве и говорить нечего. Когда в 1496 году в семье Казимировой было домогательство, чтобы великий князь Литовский Александр дал своему брату Жигимонту удел в земле Киевской, он так отвечал брату своему Альбрехту, королю Польскому: «Панове рада Великого Князства Литовского и вся земля того ни которым обычаем не хотят дозволити и допустити».

Князья Вишневецкие, Ружинские, Корецкие, в те поры росли и множились на Волыни, где и родимые гнезда их — *Вишневец*, *Ружин*, *Корец*; и были они лицами посторонними для первоначального казачества приднепровского, не принимавшими никакого участия не только в его *происхождении*, но и дальнейшей судьбе его, даже до половины XVI века. И так Гедимино-княжеский элемент не имеет никакого значения в происхождении приднепровского казачества, которое и явилось в истории без него, и развилось не под его влиянием. Развилось оно в правление Жигимонта I под начальством *Евстафия Ивановича Дашковича*, бывшего *старостой* Черкасским и Каневским с 1508 до 1536 года. К тому времени относится и первое *гетманство* у казаков, начавшееся в 1516 году с *Предслава Ланцкоронского.* И когда началось Запорожское гетманство, вслед за коронным гетманством польским (начавшимся с *Николая Каменецкого*), тогда прежний Литовский гетман, князь Константин Иванович Острожский, был уже с титулом *найвышшего гетмана.* (Были вскоре после того еще *надворные* гетманы Литовские).

Если бы княжеский элемент Гедиминова дома имел такое важное значение в происхождении казачества, какое придано ему у г. Антоновича, то казачеству и быть бы на Волыни, из общинного люда, находившегося под властью различных княжеских родов. Но на Волыни, столь изобильной князьями всякого рода, там то и не было казачества. Не показывает ли это, что княжеский элемент был не способствующим, а препятствующим к происхождению казачества?

Обратимся к другому, народно-русскому началу — к *общинному устройству.* На него г. Антонович обратил справедливое внимание; а приложил его к делу следующим способом.

Чтобы открыть возможно больший простор к усилению общинного порядка в народе приднепровском и поставить его в прямое соотношение с воображаемыми здесь князьями Гедиминовичами он выселяет отсюда несколько раз сословие древнерусских *бояр.*

Чтобы умножить население здешних общинников, он переселяет сюда общинников волынских, покидающих свой край, вследствие усилившегося там владельческого гнета.

Для усиления отваги в приднепровском люде он ставит на вид постоянную опасность здешнего рая от набегов татарских.

А для всего этого — он полагает резкое различие волынской земли от киевской, происшедшее в половине XV века, от того будто бы, что в 1434 году Подолье, а спустя *двадцать* лет и Волынь, были отторгнуты от Литвы и присоединены к Польше (с. XXI).

Против этого преждевременного присоединения волынской земли от Литвы к Польше я возражал уже особой статьей в моем «Украинце» 1864 года. Там показано, кажется ясно, что в половине XV века Волынь была окончательно утверждена за Литвой и оставалась за ней до самой Люблинской унии 1569 года. А потому напрасно положено у г. Антоновича, будто в половине XV века на Волыни русские бояре получили широкие права *шляхетства* польского, а сельские общины были ими в конце подавлены и низведены на уровень польского *поспольства* и вследствие того бояре *отхлынули* с приднепровья на Волынь ради широких прав польского шляхетства, а сельские общинники *бежали* из Волыни в привольные места приднепровские.

Но здешним боярам не для чего было перебираться на Волынь; ибо как владельческие права, так и служебные обязанности этого упавшего в Южной Руси сословия были одни и те же на Волыни и в приднепровьи; Казимирова грамота 1457 года, об уравнении с правами польской короны, относилась ко всем областям Великого Княжества Литовского. Все уставы, где идет речь о боярах, от Казимирова 1468 года до выданного в 1557 году Жигимонтом-Августом, относились ко всему Великому Княжеству Литовскому.

Бояре, жившие в Черкащине и во всей земле Киевской, пользовались теми же правами относительно подданных им людей, какими пользовались *князья* и все *паны*, что подтверждено было и грамотой Александра Казимировича, данной 1495 года черкасскому наместнику Кмите Александровичу.

Бояре, жившие на Волыни, так же как и бояре приднепровские, отбывали обязанности *слуг путных и панцырных* — и не только господарских или великокняжеских, но и просто *княжеских слуг*, при переходе государственных имений в частное владение разных князей. Это было и в первой половине XVI века. А во второй половине того века сословие волынских бояр в отношении к своим помещикам-князьям спускалось иногда на уровень *поспольства*! В том удостовериться можно, переглядев поголовно всех бояр, упоминаемых в описании волынских замков 1545 года, в «Жизни князя Курбского» и в инвентарях, помещенных в 3 томе «Памятников».

Между тем, несмотря на троекратное выселение бояр из Приднепровья, предложенное в исследовании г. Антоновича, раз — после нашествия Батыева; в другой — после нашествия Гедиминова (когда, по его словам, «элемент боярский, уже раз разогнанный и ослабленный монголами, вследствие литовского завоевания, почти *окончательно* исчезает в приднепровской Руси». С. XVI); в третий раз — в половине XV века, по случаю оного присоединения Волыни к Польше. Несмотря на все это, современные акты нам показывают, что и в половине XVI века бояре все еще жили в приднепровской Украине и в самой Черкащине, вместе с казаками, нисколько не мешая развитию и усилению этого народного сословия, а вероятно, еще способствуя тому — своим переходом из упавшего боярства в возраставшее казачество.

Таким образом, по указанию исторической действительности, надо бы устранить из Приднепровской Руси на Волынь не бояр, а князей Гедиминовичей до половины XVI века (подобно тому, как семейство Симеона Олельковича, по его смерти, перемещено было из киевской земли в пинскую).

Появление тех волынских князей в нашем казачестве и водворение их на Украине приднепровской началось уже во второй половине XVI века.

Относительно *сельских общин* на Волыни, что они не были «в конец подавлены» еще с половины XV века, можно указать на известную статью г. Иванишева, которая вся основана на общинах, существовавших на Волыни во второй половине XVI века и в начале XVII. Собрания сельских общин Луцкого повета даже назывались *вечами* в 1564 году, как и в древнее время. Что касается до бегства волынских селян на Приднепровье, вследствие владельческого гнета, то я, не имея в виду положи-

тельных сведений об этом для XV века, приведу вам следующее место из описания волынских замков 1545 года. Князья и земляне, желая уравнения своих волынских *дворищ* со службами литовскими, говорили тогда о своем жительстве на пограничьи и о *вольностях* подданных людей на Волыни, что если бы кто из них «в чем малом от панов своих был притеснен, на он же час, тоеж годины, проч идет на границы Лядскии до короны Польское».

Возьмем, наконец, третье и самое важное условие, вызывавшее собой народ на казачество: татарские набеги. Волынская земля была также в постоянной опасности от них, как и земля Киево-Переяславская. Тут, на Волыни,— говорили те же князья и паны,— будь или нет перемирье с татарами, а мы редко сседаем с коней... Много братьи нашей до неприятельской земли, в руки поганские взято!» Спустя четыре года, как они это говорили, т. е. в 1549 году, был новый татарский набег на их землю, и взят был в полон князь Вишневецкий с княгиней, в его селе Передмирке. Видите, не было на Волыни недостатка и в этом условии казачества; а казачества там не было. Неясно ли отсюда, что *начало общинное*, находясь под непосредственным господством *элемента княжеского*, не дает из себя *казачества* и при набегах татарских?

На этом можно, кажется, и кончить разбор мнения г. Антоновича о *происхождении казачества.*

Этим мнением воспользовался уже г. Коялович[39] в своих «лекциях по истории западной России». Заимствовав некоторые существенные черты, он исключив элемент княжеский, но странным способом: поставленных одновременно на гетманство князей Гедиминовичей и с ними Ланцкоронского (этого сердечного ляха, из пределов Краковских), г. Коялович обратил в обыкновенные дворянские роды, уцелевшие в небольшом числе на Руси приднепровской. Вот что сказано у него, в конце одиннадцатой лекции, о бытии нашего приднепровского казачества с конца XV века:

«Сильное в малороссийском племени общинное устройство давало возможность легко и скоро составлять самобытные, независимые *военные общины*, которые выступали против неприятеля. Этому помогала также малочисленность в Малороссии людей высшего сословия, для которого жизнь была очень неудобна. Немногие жившие здесь *дворянские роды* по неволе сближались с народом, проникались его стремлениями и становились во главе казацких отрядов, в качестве их гетманов. Такими гетманами *одновременно* бывали в *разных местах* Малороссии: *Вишневецкие*, *Корецкие*, *Конецпольские* (т. е. Ланцкоронские?), *Рожинские.* В XVI веке, когда Крымское царство очень усилилось, все казацке группы стали сливаться, и народ-

ные начала получать *решительный перевес*. Гетманы *чаще и чаще* (!) являлись по избранию народа» и т. д.

Но Ланцкоронские, Вишневецкие, Ружинские были казацкими гетманами *разновременно*, в продолжение всего XVI столетия, а не в начале его и в конце XV, и *неодновременно*: это исторический призрак, от которого следует отказаться и г. Антоновичу, и его последователю, г. Кояловичу. Не правда ли?

16 января 1865 года.

СКАЗАНИЕ О ГЕТМАНЕ ПЕТРЕ САГАЙДАЧНОМ

Несмертельной славы достойный гетмане,
Твоя слава в молчаню некгды не зостане;
Поки Днепр с Днестром многорбыные плынути
Будут: поты делности теж твои слынути.
Из книги «Вирши» 1622 г.

После Наливайка, сожженного на площади Варшавской 1597 года, на Украине промелькнуло два или три казацких гетмана, незамеченных бытописанием. Таков был, например, гетман *Гаврило Кортневич*, находившийся 1600 года* в земле Молдавской, где и запорожцы, со своим кошевым атаманом *Косткою*, помогали тогда полякам против волохов[1]. Вслед за тем и украинские, и запорожские казаки, своим участием в Шведской войне и наездами на Лифляндию, оказали немалую услугу Польше[2]. При том же у Польши зачиналось большое дело с Москвой; а потому не дивно, что казачеству в 1601 году даровано было от короля прощение и возвращение разных прав и вольностей. Ободренные этим запорожцы не замедлили выбрать себе гетмана, по стародавнему обычаю — вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачного.*

Сей достопамятный муж был родом из Подгорья Червонорусского, сын самборского шляхтича Конона или Конаша Сагайдачного**. Образование свое получил он на Волыни, в знаменитом училище

* Об нем узнал я из вкладной надписи, на рукописном Евангелии, подаренном казаками 1660 года в полковую Переяславскую Воскресенскую церковь, где находится оно поныне.

** В поминании о гетмане Сагайдачном в старом *Помяннике* Михайловского монастыря записано: «Помяни Господи души раб своих: Петра, Конона...» и проч. Во второй половине XVII века известен *Григорий Сагайдачный*, бывший кошевым атаманом Запорожской Сечи. Без сомнения к нему, а не к гетману Петру, относится известная запорожская песня о *Сагайдачном*, «що променяв жонку на тютюн да люльку». Об этом я подробно изъяснил г. Срезневскому в моей статье о *гетмане Сагайдачном*, напечатанной в «Москвитянине» (1843. № 10). Там я опровергал и другие недоумения позднейших писателей о нашем гетмане. А что он был *дворянского*, а не низкого происхождения, как написал в истории своей Бантыш-Каменский, об этом, кроме современника Ерлича[3], пишет и Величко[4] в своей летописи.

Острожском, которое под исход XVI столетия было средоточием и рассадником возрождавшегося просвещения южнорусского. По окончании наук в том училище Сагайдачный поступил на службу в Запорожское войско; и там, за свою *рыцарскую дельность*, почтен был от казачества выбором в старшины и, наконец, в гетманы.

По следам прежних казацких вождей Сагайдачный со своими запорожцами беспрестанно воевал татар и турков, на море и суше, и своими неотразимыми победами грозно прославил свое имя. В длинном ряду тех побед, к которому принадлежит и взятие Варны в 1605 году*, особенно славилось взятие города Кафы в 1606 году**. Там Сагайдачный погромил 14 тысяч мусульман, перетопил и пережег их *каторги*, т. е. галеры, освободил множество пленных христиан и навел страх на самого султана.

Запорожское товарищество так охотно и неутомимо подвизалось в те времена на Черноморском юге не из одной добычи: его устремляло туда и освобождение христиан, томившихся тысячами в плену мусульманском, и

...«тая козацкая слава,
Що по всему світу дыбом стала,
Що по всему світу степом розляглась-простяглась,
Да по всему світу луговым гомоном роздалась
Туреччин да Татарщин добрым лихом знати далась»***

---

* В Галиции сохранилась песня на взятие Варны, напечатанная в «Днестровой Русалке» и в других книгах. По всей вероятности в ней говорится об этом взятии Варны 1605 года, хотя и представлена в ней старая королева, вызывающая казаков отомстить за ее сына Варненчика.

** На рисунке, заимствованном из книги «Вирши», изображающем приступ в Кафе и помещенном в приложениях к настоящей статье в «Киевлянине» 1850 г. находится следующая подпись:

Кафу воевал . . . . Рок 1616.
За своего гетманства взял в Турцех место Кафу;
Аж и сам цесар Турский был в великом страху,
Бо му четырнадцать тысяч там люду збил,
Катарги едины палил, другии потопил.
Много тогды з неволе христиан свободил,
За што то Бог з воинством его благословил.
Бо за найбольшую нех собе нагороду
Почитает рыцер, кгды кого на свободу
Вызволит; за што грехов собе отпущене
Одержит, а по смерти в небе вмещене.
Дознавал не поединкрот Турчин поганин
Его мензства, и прудковенный Татарин.

Основываясь на этой надписи, М. А. Максимович относил (в 1850, в настоящей статье взятие Кафы к 1616 году, но из сообщенной им 1869 г. рукописной заметки видно, что впоследствии, сличив два экземпляра «Виршей», он убедился, что на том экземпляре, которым он первоначально пользовался, в цифре, означающей год 1616 знак ѵ был приписан впоследствии другим почерком и чернилом; потому он находил нужным выставить год взятия Кафы 1606, что и исполнено в настоящем издании. Ред.

*** Из украинской думы «Поход на поляков 1637 г.» См. мой «Сборник украинских песен». Ч. I. К., 1849. С. 59.

А между тем как Сагайдачный громил татар и турков Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванств и междуцарствия. Гетманы польские наводили на нее и украинских казаков; впрочем Москве тогда было гораздо тяжелее от своего собственного, великорусского казачества.

В том страшном безнарядье Русской земли истомленная Москва провозгласила своим царем польского королевича Владислава, в августе 1610 года, и уже находилась в распоряжении поляков. Но король Жигимонт III, захотевший тут и себе власти, не сумел удержать Мономахова венца за своим сыном и простоял его под Смоленском: народная вера и сила Великой Руси взяла верх над польским насилием, освободила свою белокаменную Москву и в ней воцарился юный Михаил Федорович Романов.

Пятый год уже царствовал на Москве избранник народный, как Владислав собрался наконец явиться на Руси и взять вооруженной рукой утраченное для него царство. В ту пору и Сагайдачному довелось обнажить меч на единоверную Москву. За это историк Бантыш-Каменский налагает на славного гетмана «укоризны потомства». Но историку не должно забывать, что Киевская Русь принадлежала тогда польской короне и Запорожское войско звалось «войском его королевской милости», что Сагайдачный шел на Москву не для себя, а в помочь своему королевичу, все еще именовавшемуся царем Московским. Притом же нашествия западной Руси на восточную, со времен Батория, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши с Москвой, а не прежней самопроизвольной усобицей разрозненных частей русского мира.

«В поле съезжаются, родней не считаются»,— говорит русская пословица: и Сагайдачный, идучи войной к Москве, не мог же быть *фельдмаршалом мира*,— как называл себя впоследствии знаменитый украинец, любимец Елисаветы*. Грозный гетман с 20-тысячным войском выступил в поход весной 1618 года. Прежде всего он осадил и взял город Ливны, полонив и воеводу тамошнего, князя Никиту Черкасского. Затем взял он хитровоенным приступом город Елец, причем воевода Андрей Полев, которому «осадное сидение было не за обычай»** был убит, а жена его досталась в полон. Тут же добычей казацкой стало и московское посольство в Крым со Степаном Хрущовым и подьячим Семенкою Бредихиным. После Ельца осажден был жестокими приступами город Михайлов, причем михайловцы не щадили своих голов.

---

* Генерал-фельдмаршал граф Алексей Григорьевич Разумовский.

** Описание Московского похода взято мной из «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей». СПб., 1772. В 8.

На встречу Сагайдачному отряжены были царем Михаилом из Пафнутьева монастыря к Серпухову князья: Дмитрий Пожарский[5], освободитель Москвы, и Григорий Волконский. Но в их неустроенном войске произошло разладье и волнение и казаки их пустились на грабеж; князь Пожарский сильно заболел и по приказу царскому воротился в Москву; и Сагайдачный, осилив москвитян при переправе через Оку, приближался к Москве тихо и беспрепятственно, по Каширской дороге. Когда передовые отряды его показались у Донского монастыря, бояре выступили из Москвы со всей ратью; но «грех ради наших»,— говорит летопись,— «ужасть их взя, и они бою не поставиша». Запорожское войско прошло спокойно мимо Москвы к королевичу, стоявшему в семи верстах от столицы.

Тогда Владислав отрядил своего полковника Чаплинского к Переяславлю-Залесскому; но тот без удачи нападал на Троицкую Лавру и через день или два был убит от троицких служек. Осада Москвы поручена была королевичем гетману Сагайдачному и для приступа назначена была ночь под праздник Покрова. Два перебежчика, «французские немцы», предуведомили об этом Москву; и она поспешно укрепилась у всех ворот. Судьба ее была в опасности; ибо войско в ней было малочисленно. К полуночи Сагайдачный со всем своим войском был уже у Арбатских ворот; и уже выломаны были петардою ворота Острожные. Но при первой стычке с москвитянами, гетман прекратил осаду... От чего же? От того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; в противном случае, как ни любил он сберегать своих казаков, и как ни силен мог быть первый отпор ему от москвитян, но, привыкший к победам и взятию городов, имея у себя под рукой надежное и многочисленное войско, грозный гетман не покинул бы так скоро начатого дела. Его казацкое сердце могло смутиться от той мысли, что он начал крушить единоверную ему русскую столицу для того, чтобы отдать ее в руки иноверца... И может быть такое раздумье пришло к нему в тот самый час, когда Москва звоном колоколов своих позвала православный народ к заутрене на праздник Покрова и руки осаждавших ее казаков невольно поднялись на крестное знаменье. В тот час благочестивый гетман, уже исполнив свой подданический долг взятием меньших городов и приступом к самой столице, мог безукоризненно отойти от молящейся Москвы... Впрочем это мое личное мнение; в летописи Московской говорится следующее:

«Едва Бог сохранил царствующий град Москву; помощию же Пречистой Богородицы, славного ее Покрова, тех Литовских людей от города отбиша, и многих людей у них побиша; гетман же отыде прочь и ста опять в таборах... Государь же поставил храм каменной, по обету своему, во имя Покрова Пречистыя

Богородицы, во дворцовом селе Рыбцове» (что называлось и селом Покровским). В память того же случая есть и придел Покрова, при Арбатской церкви Николы Явленного, устроенный также царем Михаилом Федоровичем*.

Изведав новую неудачу, Владислав потребовал съездов, которые происходили на речке Пресне. Однако на тех съездах мирный договор не состоялся. Тогда Владислав, отрядив Сагайдачного на Калугу, сам двинулся под Троицкую Лавру. Но там и подавно не было ему удачи; а между тем лютый мороз и голод становились не в моготу; и московский поход Владислава кончился первого декабря Деулинским перемирием[6] на 14 с половиной лет, причем Москва поплатилась своему обыденному царю уступкой Польше Смоленска с Черниговом и другими городами северскими. Тогда и Сагайдачный, со своими Черкасами (так называли запорожских и украинских казаков москвитянине), выступил из Калуги, причем триста казаков воротились к Москве «на государево имя».

Выступая в поход на Москву для Владислава, считавшегося у поляков русским царем, Сагайдачный, конечно, помышлял уже о соединении Киевской Руси с Московскою. Но этому соединению суждено было совершиться под властью не чужеземного иноверца, а православного русского царя, и притом тогда уже, когда и Москва успокоится и окрепнет после своих роковых бурь, и Киевская Русь, подобно ей, своим «соединением и укреплением против поляков»** освободит себя от их тяготы и будет самостоятельной. А чтобы достичь этого Киевской Руси, ей надо было сперва восстановить свою православную митрополию. Вот подвиг, предстоявший Сагайдачному, как главе казачества. Ибо с той поры, как над южной Русью отяготела Уния и осиротила ее православную церковь, южнорусскому казачеству выпал жребий: явиться представителем и защитником обиженного народа своего и отстоять свою праотеческую веру от гонения и насилия западного.

Но казацкое ополчение гетмана Наливайка и его погибель показали, что в ту пору для Украины еще безвременна была борьба с Польшей. В то время была еще и надежда, что казацкой заслугой польской короне можно облегчить злополучную участь

---

* См. в «Русской Старине», составляемой И. М. Снегиревым. М., 1849. В л. Тетр. 8.

**«А нечто вам вперед от поляков в вере будет утесненье, а у *вас против их будет соединенье и укрепление*, и вы о том вперед царскому величеству и святейшему патриарху ведомо учините, и царское величество, и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви Божьи и вас всех от еретиков во избавленье видети». Так сказано 5 февр. 1625 г., в отпуске из Москвы епископа Исакия, присыланного к царю и патриарху от киевского митрополита Иова Борецкого ходатайствовать у царя о принятии Киевской Руси в свое подданство. Акты, относящиеся к этому посольству, приготовлены к изданию Кн. *М. А. Оболенским*.

народа украинского и его церкви. Эту надежду поддерживали разные королевские привилегии и сеймовые конституции; но они составлялись и писались обыкновенно тогда, когда польской короне наставала нужда в казачестве, и редко были исполняемы на самом деле. Дух вражды устами иезуитов непрестанно шептал в уши полякам верогонение и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачного сдерживало еще их разъярение на православных украинцев. Можно сказать, что достопамятный гетман был хранительным щитом Украины и сделал для нее все, что только можно было сделать тогда подданному польского короля, не поднимая оружия на поляков,— как это впоследствии пришлось сделать Богдану Хмельницкому, когда пропала уже вся надежда и все терпение долготерпеливого народа.

Воротясь из похода московского, в 1619 году, Сагайдачный обратился вновь с просьбой к королю о восстановлении прав восточной церкви в областях южнорусских. Жигимонт обещал, но обещание его не исполнялось; и внутренний раздор, произведенный Унией, не унимался.

Вероятно, к этому времени принадлежало то неизвестное нам писание Сагайдачного об Унии, которое канцлер Сапега[7], в письме к Иосафату Кунцевичу, называл *предрагоценным.*

В это же время поминаются в бытописании два казацкие гетмана: *Кушка*[8], попавшийся в плен туркам; а вслед за ним *Бородавка*[9], которого увидим после. Не видно однако, были ли это только *наказные* гетманы; или же поставлением их коронный гетман Жолкевский думал по-прежнему забрать в свою власть украинское реестровое казачество и убавить возраставшую в народе силу и власть гетмана Сагайдачного.

Между тем пять тысяч запорожцев, под конец 1619 года, ходили на крымских татар и разбили их по сю сторону Перекопа под самой стеной, и освободили множество пленных христиан. По этому случаю Сагайдачный нарядил атамана Петра Одинца в посольство к московскому царю с предложением служить ему своими головами против общего врага христианства. Казацкие послы, с гетманской грамотой к царю и с двумя татарскими *языками*, приехали в Москву в конце февраля 1620 года; приняты были ласково и милостивно; однако у самого царя они не были ибо тогда была масляница. Их принимал боярин и наместник Коломенский князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «Не оскорбляйтесь,— говорил он,— что не видели есте очей его царского величества: вы есте пришли к Москве перед постом, а в пост у великого государя нашего никакие послы и иноземцы не бывают; а ныне царское величество едет молиться к святым местам, и велел вас отпустить». Казаки обдарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано

было Запорожскому войску от царя «легкое жалованье триста рублев», а на грамоту гетманскую царь ответствовал своей грамотой данной 21 апреля 1620 года*.

В то же время иерусалимский патриарх Феофан возвращался из Москвы, где он (23 июня 1619 года) посвящал на патриаршество Филарета Никитича, отца Михайлова. По дороге от Путивля, посетил он новоустроенную обитель Густынскую, под городом Прилукою. Казаки с гетманом Сагайдачным проводили его в Киев, поместили его на Подоле, в Братстве Богоявленском. «Аки пчелы матицу свою, тако святейшего отца и пастыря овцы словесные от волков противных стрежаху»,— говорит летописец Густынский**. Тогда настала важная година в жизни православного народа, подвластного Польше: со всех сторон стекался он в Киев, чтобы увидеть святителя Иерусалимского и принять от него благословение и совет. И много в продолжение того лета было в Киеве совещаний и дум у всех людей, как светских так и духовных; и казалось, сама земля Русская сочувствовала им своим потрясением***. Гетман Сагайдачный и другие православные просили патриарха, чтобы поставить им митрополита и епископов на места, занятые униатами. Но Феофан колебался, опасаясь короля, преданного иезуитам, и не имея согласия от патриарха Царьгородского, которому издревле была подвластна митрополия Киевская.

Между тем настала большая необходимость для Польши в гетмане Сагайдачном: без него она потерпела в том году страшное поражение от турков, под Цецорою, где убиты были: и горделивый томитель Москвы и Казаччины коронный гетман Жолкевский, и любимый им казак, чигиринский сотник Михайло Хмельницкий, отец Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь против турков всеми силами, под главным начальством королевича Владислава; и на совет об этой войне позван был в Варшаву Сагайдачный — «справца великий и добрый, на которого много полагались в совете; и как он советовал, на то соглашались паны гетманы и корóле-

---

* Эта грамота напечатана в Собрании Госуд. Гр., ч. III. Остальные документы об этом посольстве хранятся в Моск. Архиве Ин. дел.

** «Летописец о первом зачатии и создании святой обители монастыря Густынского» напечатан 1848, в «Чтениях Моск. Общ. ист. и Древн.». Из этого летописца я заимствовал все подробности о местах, месяцах и днях посвящения митрополита и епископов, переменив только *1622* год, ошибочно показанный в летописце, на *1620*. (Там же ошибочно показано митрополитство *Исаии Копинского* с 1633 года, а митрополитство Петра Могилы с 1635: первое началось с 1631, а второе с 1633).

*** «Тогда же и земля тряслася в неделю о нешпорной године»,— говорит «Летописец Густынский». «В той же час в день суботный земля ся трясла о године 20 же, из окон шибы выпадали, шклянице из столов спадали, и люде в страху были великом»,— говорит *Львовская летопись*, напечатанная в «Русском историческом сборнике» (т. III. 1839). Там это описано под 1619 г.; но ошибочно, вместо *1620*; а сказанное за тем под *1620* г., принадлежит к *1621*.

вич его милость»,— говорит современник Ерлич*. Запорожскому гетману поручено было военачальство над всем казачеством. «Я на твою опеку посылаю моего сына»,— говорил ему король**. Сагайдачный радостно спешил в Киев; и здесь он решил просить патриарха исполнить то, чего так давно ждал и чего так желал теперь православный народ южнорусский.

И вот в Богоявленской церкви, в четверток 6 октября, патриарх Феофан с Неофитом митрополитом Софийским и с Авраамием епископом Стагонским*** посвятил на епископство Перемышльское *Исаию Копинского*, который лет за шесть был вызван, из 15-летнего отшельничества своего в пещере Антониевой, на устроение Густынского монастыря и уже третий год был игуменом Межигорским. А в следующее воскресенье, 9 октября, в великой церкви Печерской совершилось посвящение в киевские митрополиты *Иова Борецкого*, игумена Михайловского, который особенно любим был в народе за свою добродетельную жизнь и славился ученостью. Тогда же, на епископство Туровское и Пинское, поставлен грек *Аврамий*, епископ Стагонский; а в начале декабря, по выбору и прошению вильнян, посвящен в архиепископы Полоцкие *Мелетий Смотрицкий*, недавний архимандрит Святодуховного Братского монастыря в Вильне.

Так восстановлена была в *1620* году православная Киевская митрополия, после 25 летнего сиротства.

В январе следующего года патриарх Феофан простился с Киевом. Зима стояла крепкая. Остановясь на отдых в казацком Терехтемировском монастыре, патриарх посвятил тамошнего архимандрита *Иезекиля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Из Терехтемирова митрополит Иов со всеми епископами и гетман Сагайдачный с тремя тысячами казаков и множество других людей духовных и светских провожали патриарха до Волошской границы.

Во время отдыха в городе Белой Церкви посвящен был, на епископство Луцкое и Острожское, *Исакий Борискович*, игумен Чернчицкий, ученик патриарха Мелетия, около 20 лет находившийся на востоке и на Афоне****.

Вслед за тем Феофан со своими провожатыми гостил три дня в городе Животове, у благочестивого князя Стефана Четвертен-

---

* Записки Якима Оливаровича Ерлича, дворянина Киевского воеводства, ведены с 1620 по 1671 год, на польском языке, и в подлиннике названы Летописцем. Жаль, что до сих пор никто не издал их: в них много любопытных заметок для истории.

** Из *Львовской летописи*.

*** Из посвятительной грамоты Исаии Копинскому от патриарха, которая в копии находится в Московском архиве Ин. Дел.

**** Из актов, о которых сказано в конце примечания 2. С. 363.

ского и там посвятил *Паисия Ипполитовича* на епископство Холмское и Бельзское*.

Наконец в городе Буше они расстались; и много печали и плача было при разлуке. «Поучаше бо тогда святителей своих,— говорит Густынский летописец,— содержатися истинного благочестия, смирения и любве; скорби же и гонения со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищи посреде града, всем во слух глаголаше им с зельным усердием поученце, тоже молитвы прощальныи и раздрешительныи, преклонным им всем главы своя ниц на землю; по сем увещевая их, дабы от того времени не ходили на Москву, на род христианский, бранию».

С наступлением лета приспевал срок похода Хотинского. В августе 1621 года, Сагайдачный с 40-тысячным казацким войском был уже у Днестра. Во Львове он свиделся с королевичем Владиславом, как *директором* Хотинской войны.

Польского войска коронный гетман Ходкевич[10] успел собрать 57 тысяч, а именно: конников в железных латах 12 тысяч, панцырников 4 тысячи, пехотных поляков 30 тысяч, пруссов и поморян 8 тысяч да наемных угров 3 тысячи; да еще с королевичем пришло под Хотин 30 тысяч. А неприятельская сила состояла в 300 тысячах турков и во 100 тысячах татар; и когда явился там Осман, хвалившийся «в войске казацком снедати, а в обозе польском обедати», то немедленно зачались сражения. Первая схватка произошла 2 сентября, еще до прибытия Владислава.

Турки с первых дней напирали особенно на казацкий обоз, стоявший на челе к обозу султанскому и укрепившийся окопами. Но казаки, после жарких пушечных перепалок, дали наконец сильный отпор и гонясь за ними, ворвались было в турецкий обоз; и только потому не овладели им вполне, что коронный гетман отказал в подмоге. Такая неправда произвела ропот в казацком войске. Но Владислав, уведомленный об том гетманом Сагайдачным, поспешил нарядить депутатов, в числе которых был известный историк Яков Собеский[11], кастелян Краковский, отец храброго короля Яна[12]. Он произнес в казацком обозе убедительную речь, после которой гетман Сагайдачный с старшинами склонился на их сторону и казаки утихомирились. Они радовались той вестью, пришедшей 6 сентября, что товарищ их, Богдан Хмельницкий, ходивший особо с 10-тысячным казацким отрядом на Черное море, разбил и потопил 12 турецких галер, а остальные преследовал до самого Царягорода и навел страх на

* О посвящении см. в *Летоп. Густ.*; а о гонении в Животове говорит еще Захария Копыстенский в своем посвящении князю Стефану Четвертенскому книги «Беседы» 1623 г.

царьгородцев, окуривши их пороховым дымом*. А между тем 7 сентября, в польском обозе, обезглавлен был гетман Бородавка по военному суду за ту вину, что он с трехтысячным отрядом казаков опоздал явиться под Хотин, гонявшись в походе за добычей**. Через три дня после того и королевич, и коронный гетман заболели лихорадкой, продолжавшейся две недели. Владислав оправился, но Ходкевич умер 24 сентября. Нельзя не вспомянуть здесь и того, что в числе воевавших под Хотином в рядах польских был *Петр Семенович Могила*[13], 24-летний воеводич молдавский, через четыре года постригшийся в монахи Печерские.

Война Хотинская длилась пять недель и кончилась тем, что грозный Осман[14], несмотря на многочисленность своего войска, пожелал мира, который и заключен был 8 октября на условиях, выгодных для Польши.

Октября 12 польское войско, на поле битвы, выстроилось наподобие орла с распростертыми крылами и на челе его стал Владислав, облекшийся в порфиру поверх блестящего вооружения. К полудню турецкий царь вывел свое войско и, построив его в виде полумесяца, стал в его челе. В таком строе два войска простояли недвижимо около часу, друг против друга. А между тем султан послал огромного слона и отборного коня в дар королевичу; а Владислав послал ему в дар тоже нарядного коня да две пушки отличной работы. Наконец турки, наклонением своих вый и с ними знамен своих, простились с польским войском; а поляки откланялись турецкому войску, покиванием своих голов***.

И когда турки отошли восвояси, Владислав отправил из своего главного обоза раненных и больных; выступил из старых окопов на свежее место и принялся торжествовать свою победу. Славянорусская народная поэзия издревле изображала битву свадебным пиром. У поляков это происходило в лицах. Они выезжали на войну, как на свадебный праздник, в блеске и роскоши, и любили воевать со всей прохладой яств и напитков; не то, что в казачестве, любившем суровую простоту жизни и долго державшемся старого обычая своего: не пить вовсе вина во время войны****.

Пируя весело свою победу, Владислав послал в казацкий обоз, стоявший на выстрел из лука от обоза польского, множе-

---

* Об этом черноморском *промысле* говорится и в королевском листе Сагайдачному 1622, ген. 12, и в *диаруше* Титлевского, и у Твардовского. И так напрасно пишут, что Богдан Хмельницкий, взятый под Цецорою в полон, оставался в нем два года.

** См. об этом в прибавл. к *летописи* Самуила Величка. К., 1848. Т. 1. И так Бородавку убил не сам собой Сагайдачный!

*** Эти и последующие подробности о конце Хотинской войны взяты мной также из *летописи* С. Величка, который заимствовал их из «рукописных летописцев казацких».

**** См. у Боплана, в «Описании Украины».

ство харчей, навезенных из окрестных городов и сел, а на попойку казакам прислал 25 больших бут волошского вина, 48 бочек меду, отысканного в Каменце, и 24 большие куфы горелки. Для гетмана особо присланы были, кроме разных яств и сластей: 7 анталов лучшего венгерского вина, бочка рейнского, небольшая бута котнарского да погребец с дюжиной полугарцовых золочено серебряных фляшек, наполненных разными лекарственными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитков и сластей, он лежал на одре болезни, под тяжелыми ранами. Соболезнуя о том, Владислав прислал ему свою кармазиновую палатку, подшитую зеленой венедской адамашкой.

По окончании 8-дневного пира, на рассвете 21 октября, ударили в бубны к походу. Владислав, полюбивший казаков и полюбленный ими, прибыл с полутораста всадниками в казацкий обоз,проститься с гетманом и Запорожским войском.Высказав благодарность свою, за их щирую и верную службу, он подошел к Сагайдачному, приподнятому с постели и поставленному на ноги, и возложил на него драгоценный *щирозлотный канак* на фиолетовой ленте, украшенный с одной стороны королевским портретом и рубинами, а с другой — гербовым одноглавым орлом и сапфирами. Потом, увидав пароконную простую кибитку, вымощенную сеном и подушками и прикрытую коврами, он догадался, кому она приготовлена, и, пошутив над ней, велел поскорее привезть свою *лектичку* с балдахином из зеленого с золотыми цветами табину на паре легких коней в золоченых шорах, и подарил ее больному гетману на дорогу; а на прощанье назначил к нему еще своего придворного доктора, француза.

Того же дня выступили в поход. Сагайдачный, по желанию Владислава, оставил недели на три под Хотином пять тысяч отборного казацкого войска для сторожи; а остальных распускал по домам,в продолжение возвратного похода. Сам же он прибыл в Киев перед Филипповскими заговенами, без триумфов и парадов: его полумертвого встретила и приняла в своем дому только плачущая жена его Анастасия, урожденная Повченская* .

---

* Имя и род жены Сагайдачного означены в книге «Вирши», на маргинезе 15 листа, против стихотворного к ней обращения:

«Не див цная малжонко, же ся обливаеш
Слезами, и от жалю праве омдлеваеш:
Бо-сь утратила свого малжонка милого
Кролю и Посполитой речи зычливого.
Для него-сь и ты у всех людей была славна;
А теперь твоя свеча ясная юж згасла.
Юж ся с тобою вечне друг твой разлучает,
Богу тя впрод в опеку и войску вручает.
Жий побожне, як вдова, в своей уцтивости,
За що в Бога и в людей набудеш милости,
Бог есть сиротам отец, а судиа вдовам,
Карает, кто бы хотел чинити кривду вам».

По представлению Владислава король Жигимонт, признавая всю заслугу казацкого войска, прислал ему в Киев, со своим придворным подскарбием, наградные деньги да королевскую хоругвь, булаву в три тысячи талеров и золотую цепь в пятьсот талеров гетману Сагайдачному, с похвальной королевской грамотой, данной в Кракове 12 января 1722 года. В той грамоте между прочим сказано: «Мы, довольные вашей преданностью и усердием к Нам, и ко всей короне Польской, которые вы показали военными подвигами вашими под Хотином, изъявляем вам и всему войску нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всех потребностях и нуждах войска охотно оказывать обещаем; и сколько оказал вам некогда милости и расположения славный предшественник наш найяснейший Стефан Баторий король Польский, умножением прав и вольностей ваших, Мы не отречемся даровать вам против того в десятеро, чего пожелаете от Нашей милости. Теперь же, награждая малым подарком упомянутое мужество ваше и труд под Хотином,посылаем из Нашей казны королевской, чрез придворного подскарбия, 400 тысяч битых талеров, которые должны быть разделены поровну и розданы 50 тысячам всей черни войсковой, как тем, которые были под Хотином, так и находившимся на военном промысле с Хмельницким на Понте Эвксинском, не минуя родичей и вдов товарищества казацкого, положившего свои рыцарские головы в военных действиях сего года. При том, особо вашей гетманской милости со всей старшиной, посылаю 4 тысячи червонцев, которые разделите между собой по справедливости и усмотрению вашему».

В ответ на то, выражая благодарность свою королю, в письме от 15 февраля, гетман Сагайдачный изобразил в нем и ту скорбь души своей, которая присоединялась к его страданиям телесным.

«А любо,— писал он,— з стороны высокодумных и вельможных их милостей панов коронных — Вишневецких, Конецпольских, Потоцких, Калиновских и иных, на Украине, властной предковечной отчизне нашой, власть свою неслушне распростираючих, повевают на нас, войско Запорожское, холодныи и неприязненныи ветри, хотящии славу нашу в перст вселити, и нас, братию свою, верных Вашого найяснейшого Величества и всей короне Польской слуг, в подданство и ярмо работническое собе безбожне наклонити; однак уповаем, же кгды Ваше Величество восхощет и повелит, то внет бури и ветри оные престанут и в тишину преложатся. И не так нам есть жалостно на панов пречоных, яко на их старостк, нецнотливых сынов и пьяниц, которыи ни Бога боятся, ни премощных Вашого найяснейшого Величества монарших мандатов слухают: бо скоро я, гетман, по указу Вашого Величества, на Хотенскую военную службу з козаками з Украины выйшол, тогда они старостки зараз козачок

бедных зачали на всякие роботизны, без жадного обзору и призрения, часто выгонити, бити, и вязенями неслухаючих мордовати; що тяжко и жалосно козакам, з службы Вашой монаршой военной, з ранами еще неугоенными и червей полными, повернувшим, было от жен и матерей своих слышати, и слезы з очес их точащиеся видети...Ваше же найяснейшее королевское Величество, яко отец милостивый и пан наш найласкавший, и по сем коротком донесеню нашем, может своевольных старосток и праволомцев (которые на особливом реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаков бедных, от их безбожных насильств, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыж, если они козаки не получат в том Вашого королевского найяснейшого Величества призрения и респекту, то же бы що новое от них (як уже и пошемруют) не уродилося, и огня гневного (чого не дай Боже) не запалило; в який час, уже не на козаков, але сами на себе и на своих пьяниц старосток, велможныи их милость панове Польскии нарекати и жалковати мусели бы» .

Чувствуя приближение свое к кончине, Сагайдачный, в последних числах марта, отпустил от себя королевского придворного доктора, со следующим прощальным письмом к королю.

НАЙЯСНЕЙШИЙ КОРОЛЮ ПОЛЬСКИЙ И НАЙМИЛОСТИВЕЙШИЙ МОЙ ПАНЕ

Поворочаючи з под Хотеня до дому, любо Светлейший Ксионже, принц Владислав, наймилший вашого Королевского величества сын, а мой найласкавейший добродей, для улечения смертельных ран и болезней моих придал мне лекаря своего, однак изнемогают там все того лекаря лекарственныи медикамента и довцепы, где ядовитыи пострелы бесурманскии, в тело мое потрафивши, все майстерства лекарственныи упередили, и смертотворный яд свой внутренними действиями во все составы и жилы мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояют мне дорогу; бо, им далей, тым барзей изнемогаю и до кончины приближаюся. Для чого, не смеючи болшей и доктора вашего найяснейшего Королевского величества при себе удержовати, з достодолжным служебничим за него благодарением, отпускаю его до двору вашого найяснейшого Королевского величества.

Сам теж приближаючися ко дверем гробным, отдаю под ноги вашого найяснейшого Королевского величества найнижайший остатний уклон мой; и уже не надеючися большей видети в жизни сей найяснейшого лица и ласкавых ку себе очес вашого

Королевского величества, последним листовным пожегнанем жегнаю превысокие вашого найяснейшого Королевского величества наймилшого сына вашого, моего же директора и найласкавшого добродея светлейшого Ксионженца принца Владислава, персони. Где яко упрейме зычу, абы Господь Бог всемогущою силой сохранил вашого найяснейшого Королевского величества и наймилшого сына вашого принца Владислава здоровье, при щасливых всегда ваших и державы вашея, короны Полския сукцессах; так и прошу покорне вашого найяснейшого Королевского величества прощения, в чем бы колвек згрубил и погрешил, яко человек, пред найяснейшим вашого величества маестатом.

Пан доктор вашого найяснейшого Королевского величества, будучи при мне в Киеве чрез час немалый, яко присмотрелся добре безпрестанным многих козаков, от панов Полских и их старосток разными способами оскорблеянных и бедствуемых, скверкам, плачам и опеляциям, до мене заношенным; так о всем том может ретелне словесно донести вашому величеству, если ваше найяснейшее величество рачит его о том спытати и милостиво послухати. А я, монаршие вашого Королевского величества нозе смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тое козакам творимое бедствие и озлобление, превысоким и грозным вашого найяснейшого величества мандатом, было запрещено и ускромлено. Особливе Унея, за милостивым вашого найяснейшого Королевского величества позволенем,тепер з Русе чрез святейшого Феофана патриарху Иерусалимского знесенная, абы впред в той же Русе никогда не обновлялася, и своих рогов не возносила. Мают абовем отци езуити и все духовенство костела Римского (и без нас православных) кого до Унеи своеи наворочати и присвояти, тых народов, которыи отнюдь не ведают и не верят Христа Господа, плотию в мир пришедшого. А мы, православныи, древних святых Апостолских и Отческих преданий и догматов без жаднои Унеи и схизмы придержащиеся, не отчаваемся нашого спасения и блаженного живота вечного.

Сии две мои, верного вашого Королевского величества слуги, желания, ежели рачиш и наймилшим детем своим по собе милостивно прикажеш учинити, и непременно всегда заховати; то и панование их и целой Короны в тишине и благовременном от всех неприятельских наветов покои завше будет и преизбудет; чого я и повторе всеусердно желаю, з Киева, марта числ последних, року 1622.

Вашому найяснейшому королевскому величеству верный и найнижший слуга.

Петро Конашевич Сагайдачный,
гетман войска Запорозского.

Хотинским походом гетман Сагайдачный довершил военное поприще свое; и последние пять месяцев жизни посвятил преимущественно заботам и печалям о успокоении и внутреннем благе Украины. Особенно обратил он свое попечение на Богоявленское Киевское Братство, в которое записался он* со всем войском Запорожским; и пожертвовал несколько тысяч на обновление Богоявленского монастыря и на содержание братской школы; почему и называется ктитором братского монастыря**. Не забыл Сагайдачный и о своей заднестровской родине и отказал полторы тысячи золотых червонных на школу братства Львовского. Определив вклады и другим монастырям, церквам и школам и назначив опекунами жене и повинным своим митрополита Иова и будущего своего преемника в гетманстве, Олифера Голуба, и совершив по долгу благочестия последние обряды христианские, на страстной и светлой седмицах — славный гетман окончил жизнь на проводной неделе 10 апреля***. Погребен в братском монастыре, при училищной церкви. Над телом его, при погребении, двадцать студентов произносили стихи, сочиненные тогдашним ректором Кассианом Саковичем; а на могильном камне ему вырезано было следующее надгробие****:

Тут зложил Запорозкий гетман свои кости,
Петр Конашевич, ранный в войне: для волности
Отчизны, кгды нан Турцы моцно натирали,
И пострелов смертельных килка му задали:
Которыми зраненый, живота доконал.
Веры Богу, и Кролю, и войску доховал.
И умер боронячи мира ойчистого:
За што узычь му, Творче! неба вечистого,
Як ревнителю веры благочестивой,
В которой был выхован з молодости своей.

---

* Не разумея, что значило записаться в православное братство, Энгель в своей истории сказал, будто Сагайдачный постригся в монахи; и эта ошибка, через историю Бантыш-Каменского, распространилась и у нас. Но Сагайдачный в монахи не постригался!

** Например в *Летописи малороссийской* (помнится, Грябянкиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный гетман Запорозский и великий защитник православной веры, любитель и *ктитор* Братского монастыря» и т. д.

*** Уже и Самойло Величко, в своей летописи, не знал когда именно скончался Сагайдачный. Но мне случилось узнать об этом из современной заметки в старинном помяннике Михайловского Золотоверхого монастыря (в 4-ку). «Року 1622 апреля 10 дня благочестивый муж, пан Петр Конашевич Сагайдачный, войска его К. М. Запорозкого, по многих знаменитых военных послугах и звитязствах, на ложи своем простер нози свои, приложился к отцем своим, с добрым исповеданием, исполнен благих дел и милостыни, в Киеве. Погребен при церкви школы Словенское в месте на Подоле честно, в дому братства церковного».

**** Из книги «Вирши» 1622 года.

Року тисеча шесть сот двадесять второго,
Погребен в монастыри брацтва Киевского.
На который тисячий килка оферовал.
Аже бы там науки фундовано, жадал.

Теперь не видно уже в Киевском Братстве этого надгробного камня; не знает никто даже и места, где почил прах достопамятного гетмана; уцелел только большой золочено-серебряный ручной крест, обсаженный девятью каменьями, с такой надписью на рукояти:

«Року 1622 дал сей крест раб Божий Петр Конашевич Сагайдачный Гетман Войска Его К. М. Запорозкого, до церкви святого Богоявления Господня в дом Братский, на отпущение грехов своих».

1850.

ВОСПОМИНАНИЕ О БОГДАНЕ ХМЕЛЬНИЦКОМ

В нынешнем 1857 году, 15 августа, будет уже двести лет, как скончался славный малороссийский гетман, Богдан Хмельницкий.

В царствование Александра Благословенного, когда достопамятный 1812 год живо напомнил собой 1612, «благодарная Россия» воздвигла, на Красной площади московской, памятник «гражданину Минину и князю Пожарскому» и народ великороссийский, любуясь дивным памятником, повседневно поминает славных освободителей Москвы от поляков. Но в Малороссии нет еще памятника ее славному подвижнику и освободителю от поляков, гетману Хмельницкому[1].

Не раз обходил я весь город Переяслав[2] и его окрестности, припоминая разные здешние события от того древнего времени, когда Переяславский богатырь-швец потешил тут князя Владимира единоборством с печенежином, до позднейшего времени, когда «защитник Петрова Града» (Витгенштейн) со слезами обнял здесь переяславскую старушку, бывшую его нянею. Много исторической десятивековой жизни улеглось в этой земле «славного города Переяслава», некогда бывшего *третьим* городом русским, в котором была и первоначальная митрополия Руси, святым Владимиром учрежденная!.. Вот деревянная Успенская соборная церковь, при въезде в Верхний город, называемый, по старой памяти, «Замком». С одной стороны, к ней подошли разрытые остатки крепостного вала, да жидовские лачуги; с другой стороны—пустырь, которым смотрит и весь этот «Замок»; да и на самом здании церкви уже нестройно поднимается средний верх, оставшийся без четырех окружных, давно скинутых за ветхостью. А некогда на этом месте был «Княж двор» и

красовалась на нем каменная церковь «Святой Богородицы», заложенная 1098 года Владимиром Мономахом, «добрым страдальцем за русскую землю», который и вырастал здесь, в Переяславе, и здесь же окончил славную жизнь свою, на заветном берегу Ильтицы, освященном кровью святого князя Бориса. Мономахову Успенскую церковь возобновил потомок его, святопамятный князь, Константин Константинович Острожский, воевода киевский, около 1585 года. И в той соборной церкви, *8 января 1654 года*, совершилось достопамятное присоединение всей Малороссии к русской державе, присягой гетмана Хмельницкого и войсковой старшины. И когда я останавливался возле Успенской церкви, мне всегда приходило на мысль, как хорошо было бы воздвигнуть в Переяславе памятник Богдану Хмельницкому, там, на городовой площади, против Вознесенского храма, где почивают мощи святого современника его, архимандрита Макария, замученного татарами в Каневе 1678 года. Там каждое лето, из близких, из далеких стран русского царства переходят тысячи народа на богомолье в Киев; и глядя на памятник, они поминали бы славного освободителя Киева и всей Малороссии от поляков. Там был и его гетманский дворец, в котором проживал он, в начале 1649 года, увенчанный в Киеве благословениями народа своего и обвенчанный здесь с бывшей женой главного ворога своего, с Чаплинской, которую называл Богдан «благоразумною и дарма погибающих людей жалеющею Эсфирью». Тогда у него в Переяславе были посланники московский и венгерский, а 9 февраля, в сильный мороз, прибыли комиссары польские от нового короля, во главе которых был старый воевода Браславский, Адам Кисель. На другой день комиссары шли широкой улицей ко дворцу Хмельницкого, перед ними ловчий (Крентковский) нес булаву, а киевский скарбник (Кельтинский) знамя; на встречу им звучали трубы и литавры гетманские; а Хмельницкий ждал их, стоя под бунчуком, в кругу своих полковников и других старшин, одетый в краснопарчевую соболью шубу. Воевода вручил ему королевские листы и кредитивную комиссарскую грамоту, а потом булаву, осыпанную бирюзой, а воеводский брат, хорунжий Новогрудский, поднес красное знамя с белым орлом и надписью: «Joannes Casimirus Rex». Велико было торжество для победителя поляков; но полновластному любимцу малороссийского народа были не по мысли ни та булава, осыпанная бирюзой, ни королевское красное знамя с белым орлом. У него на мысли тогда было другое, начатое им, дело: освободить малороссийский народ из польской неволи и привести его под державу Русскую. Но для исполнения сего двойственного дела Хмельницкому предлежало еще пять лет бороться с Польшей, напрягавшей все силы и всяческие способы, чтобы удержать в своих руках

отрывавшуюся от нее казацкую Украину, бороться то в торжестве победы Зборовской, то в тяготе поражения Берестецкого и во все время той многотрудной борьбы томиться ожиданием, пока, на его многократные обращения к Москве, состоится, наконец, в Грановитой палате, 1 октября 1653 года, соборный приговор: «Гетмана Богдана Хмельницкого, со всем войском Запорожским, с городами и землями принять в Российское подданство». Тогда отправлен был в Малороссию из Москвы, 9 ноября, ближний боярин Бутурлин[3] со многочисленной свитой, при которой находился и стрелецкий голова Артемон Матвеев[4] с двумястами стрельцов. Хмельницкий между тем подвизался над Днестром, под Жванцем[5], где он уже в третий раз сошелся на бой с Яном Казимиром; а оттуда воротился в свой Чигирин, чтобы оплакать гроб любимого сына своего Тимоша, привезенный из Сочавы и похороненный в Суботове 27 декабря. Накануне нового, *1654* года, в Переяславе встречали торжественно московское посольство; к вечеру, на Крещение, прибыл туда и гетман Хмельницкий; на другой день он виделся с боярином и собирал народную Раду, для окончания дела; а на третий день совершилось достопамятное дело. В «Статейном списке» московских послов[6] сохранились исторические подробности тех знаменитых дней в Переяславе. Вот описание Переяславской Рады: «И по тайной раде, которую гетман имел с полковники своими с утра того ж дни, во вторый час дни бито в барабан с час времяни, на собрание всего народа, слышать совет о деле, хотящем совершиться. И как собралося великое множество всяких чинов людей, учинили круг пространный про гетмана и про полковников, а потом и сам гетман вышел под бунчюком, а с ним судьи и ясаулы, писарь и все полковники, и стал гетман посреди круга, а ясаул войсковой велел всем молчать; потом, как все умолкли, начал речь гетман ко всему народу говорить:

«Панове полковники, ясаулы, сотники и все войско Запорожское и вси православнии Християне! Ведомо то вам всем, как нас Бог свободил из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все Християнство нашего православия восточного, что уже шесть лет живем без государя в нашей земле, в безпрестанных бранях и кровопролитиях с гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земли нашей, что уже велми нам всем докучило; и видим, что нелзя нам жити боле без царя. Для того ныне собрали есми раду явную всему народу, чтобы есте себе с нами обрали государя, из четырех, которого вы хощете. Первый царь есть турский, который многажды чрез послов своих призывал нас под свою область; вторый — хан крымский; третий — король польский, который, будет сами похочем и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть право-

славный Великия Россіи государь, царь и великий князь, Алексей Михайлович, всея Русии самодержец восточный, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим. Тут, которого хотите, избирайте! Царь турский есть бусурман; всем вам ведомо, как братии наши, православнии Християне, греки, беду терпят, и в каком суть от безбожных утеснении. Крымский хан тоже бусурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есми! Какое пленение, какое нещадное пролитие крови християнския, от польських от панов утеснения, никому нам сказывать не надобет; сами вы все ведаете, что лучше жида и пса, нежели Християнина брата нашего почитали! А православный Християнский великий государь, царь восточный, есть с нами единого благочестия греческого закона, единого исповедания, едино есми тело церкви православием великия России главу имуще Иисуса Христа; той великий государь царь Християнский, сжалившимся над нестерпимым озлоблением православныя церкви в нашей Малой России, шестьлетных наших молений не презривши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царской милостью своею прислати изволил; которого, если со усердием возлюбим, кроме его царския высокия руки благотишнейшаго пристанища, не обрящем. А будет кто с нами не согласует теперь, куды хочет — вольная дорога!»

К сим словам весь народ возопил: «Волим под царя восточного православного, крепкой рукой в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину, достати!». Потом полковник Переяславский, Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал: «Вси-ли тако соизволяете?» Рекли весь народ «Вси единодушно!» Потом гетман молыл (молвил): «Буди тако! Да Господь Бог наш сукрепить под его царскою крепкою рукою!» А народ по нем вси единогласно возопили: «Боже, утверди! Боже, укрепи, чтоб есми во веки вси едино были!»

Января 8, перед присягой, когда гетман и вся старшина были на посольском дворе и прочтена была во всеуслышание царская грамота, боярин Бутурлин, после обрядного спроса «о здоровье», произнес приветственную историческую речь об отношении Малой и Великой России к Польше. А когда после присяги прибыли все опять на посольский двор, боярин вручил гетману присланные от царя: знамя, булаву, ферезею, шапку и соболи, говоря при каждом даре красовитые речи; и гетман Хмельницкий возвратился в свой двор, держа царскую булаву; а перед ним несено было распущенное царское знамя, с изображениями Спаса Всемилостивого, Богоматери, Антония и Феодосия Печерских и Великомученицы Варвары. Из помянутых речей

боярина, сказанных по повелению царскому, прочтем две кратчайшие. Отдавая булаву, он говорил: «Иное паки державы своея царския знаменис, булаву сию, благоверный и христолюбивый государь наш, царь и великий князь, Алексей Михайлович, всеа Русии самодержец, тебя жалуя, тебе посылает, да тою благополучно благочестивому воинству и всем людем начальствуеши, гордящихся на православие и непокоривых да тою тебе смириши; воинство же твое благочестивое, яко же доныне устроевал еси, сице да и прочее время сим пресветлыя его царския державы знамением, булавою, тако смотреливне управляти возможеши, яко да самое видение стройне управляемого от тебе воинства, вся враги, на вы возстающия и на благочестие, устрашает и от вас прогоняет». А отдавая шапку, он говорил: «Главе твоей, от Бога высоким умом вразумленной, и промысл благородный о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да Бог, здраву главу твою соблюдая, всяцем разумом ко благому воинства преславного строению вразумляет, яко да тя, гетмана, имуще вернии и тобою смысленно управляеми, врагов ногами попирати и безумие гордых умной главе твоей покоряти возмогут. Сие убо своего царского величества жалованье благоверный государь наш, царь и великий князь, Алексей Михайлович, всеа Русии самодержец, тебе даруя нами, и всякого благопоспешия и на враги одоления благоприветствуя, хощет, да, в своем обещании к царской его державе и вере непременней пребывающе, ту умную свою главу к его царской милости подкланяя, твердую и нерушимую верность свою со всем воинством своим и всеми Христианы соблюдеши, яко да и царское его величество, вашим раченьем возбуждаем, большую к тебе и всем твоим милость свою царскую простирати возможет».

Два года подвизался еще Хмельницкий против поляков, в *царской* войне с Польшей, того же года начатой и усиленной полками казацко-украинскими, но на третий год уже изнемог победоносный гетман и скончался в Чигирине, 15 августа. Вот народная дума украинских слепцов-бандуристов на смерть Богдана:

«Зажурилася Хмельницкого седая голова,
Що при ему ни сотникóв ни полковникóв нема;
Час приходит умирати,
Некому порады* дати.
Покликне вон на Ивана Выговського,
Писаря вóйськового:
«Иване Выговський,
Писарю вóйськовый!
Скорейше бежи,

* Совета.

Да листы* пиши,
Щоб сотники, полковники до мене прибували,
Хоть малу пораду давали!»
То Иван Выговський,
Писарь войськовый,
Листы писав,
До всех розсылав.
То сотники, полковники, як их прочитали,
Усе покидали,
До гетьмана Хмельницкого скорейш прибували.
То гетьман добре их приймае,
Словами промовляе:
«Панове молодци! добре вы дбайте,
Собе гетьмана наставляйте;
Бо я стар, болею,
Більше гетьманом не здолею!
Коли хочете, панове, Антона Волочая Киевського,
Або Грицька Костыря Миргородського,
Або Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Або Мартына Пушкаря Полтавського».
То козаки тее зачували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздыхали.
Словами промовляли:
«Не треба нам Антона Волочая Киевського,
Ни Грицька Костыря Миргородського,
Ни Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Ни Мартына Пушкаря Полтавського;
А хочем мы сына твого, Юруся, молодого,
Козака лейстрового!»
«Вин, панове молодци, молодый розум мае,
Звычаёв козацких не знае!»
«Будем мы старых людей биля** его держати,
Будуть воны его научати,
Будем его добре поважати,
Тебе, батька нашого, гетьмана, споминати!»...
То Хмельницький тее зачував,
Великую радость мав,
Слезы проливав,
Седою головою поклон оддавав.
Скоро посьля того ще й гирше Хмельницький знемогав,
Опрощенье зо всеми приймав,
Милосердному Богу душу оддав.
То не чорны хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи ветры в темном лузе бушували
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали...»

Он погребен 30 августа, в знаменитом селе своем Суботове, в поставленной им каменной церкви, и доныне уцелевшей. Обряд погребения совершал Лазарь Баранович, «великий столп церковный». Старый секретарь Хмельницкого, Самойло Зорка[7], в надгробном слове ему, на польском языке, говорил: «К тебе обращаюсь с молящим словом моим, о вождь наш возлюблен-

* Письма, грамоты.
** Возле, подле.

ный, древний Русский Одонацер, славный Скандербек, гетман всего славного войска Запорожского и всей казацко-русской Украины, Хмельницкий Богдане! Взываю к тебе, ныне в четырех досках лежащему и безмолвному, которого слову и повелению так недавно еще внимало нас сто тысяч, и было готово на каждое твое мановение... Проговори к нам, братьи своей, и научи нас, как жить нам без тебя и обращаться с друзьями и недругами, нас окружающими!..»

Много постонала вся Украина после своего Богдана, когда настали в ней междоусобицы козацкие и стала она распадаться надвое, между Россией и Польшей... На седьмом году после Богдана, когда Ян Казимир, обманувший царя Алексея договором Виленским[8], проходил войной от Днепра вверх по Десне, воевода его, Чарнецкий, опустошая Чигиринское староство, не пощадил и костей Богдановых в гробнице церковной... «А Чарнецкий (говорит Черниговская летопись), Бужин и Суботов спалил, и там в Суботове, тело старого Хмельницкого и Тимоша, сына его, забитого под Сочавою, казал з гробов (з церкви, що в рынку) выкинути на попелище. Суботов тогда был пуст. А псов из Чигирина, з Суботова и от инших пустых мест украинских, великое множество было, которые, чередами ходячи, не толко мертвых трупы ели, але и живым людям шкодили. А Чарнецкий, набравши скарбу и гармат, вышел из Чигирина, для того же и сам Тетеря гетман до Полщи выряжался; тилко Хлопицкий з ляхами в Чигирине зостался».

Вот какую «колонизацию» зачали тогда поляки в тяготевшей к ним заднепровской Украине! Чарнецкий предварял турецкое нашествие на Чигирин 1678 года, когда уже в конец погибла цветущая столица Богданова и от ее развалин несчастный Хмельниченко прошел с татарами, как черная смерть, по Заднепровью... А через тридцать лет и на восточную Украину настигло нашествие шведское, такое же тяжкое и переломное для всей казацкой Украины, каким было нашествие Батыево для Украины княжеской.

В царствование юного Петра Второго[9] повеселела восточная Украина гетманством заслуженного старца своего, Даниила Апостола[10]. Тогда, в 1728 году, доканчивалось обновление великой Печерской церкви (после лаврского пожара 1718 года) и в ней, на северной стене, был написан тогда портрет Богдана Хмельницкого во весь рост; и более ста лет глядел на него народ, притекающий в Печерскую Лавру со всех концов русского царства. Там и я видел его в 1834 году и поскорбел, когда того же года он закрашен был дикой краской. Благолепный лаврский портрет Хмельницкого для многих был живым напоминателем, как некогда победоносный *Богдан*, шедший в Киев от Замостья, встречен был на киевском поле многочисленным народом и

митрополитом Киевским, и патриархом Иерусалимским, и величаем был, в приветственных речах Академии, *Богоданным* избавителем народа своего от Лядского-Египетского ига, подобно древнему Моисею; и как тогда на него, молившегося в Печерской церкви, «все глядели с благоговением». Через восемьдесят лет после того, когда и Киев, и вся восточная Украина повеселели вновь гетманством Даниила Апостола и было окончено обновление великой Печерской церкви, православный народ Заднепровской Украины, снова доставшейся Польше, застонал опять в прежних бедах верогонения, под гнетом возобновившейся Унии; и терпел он еще сорок лет, до 1768 года, когда его долготерпение лопнуло наконец грозным взрывом, «Колиивщиною».

Между тем в Киеве того 1728 года и Академия Киево-Могилянская помянула своего питомца и благотворителя Богдана стихотворной драмой «Милость Божая». Киев любил драматические представления, которые, со времени Петра Могилы, почти ежегодно были даваемы питомцами Киевской Академии. Одно из них, по желанию князя Юрия Петровича Трубецкого, воеводы Киевского, было и напечатано в лаврской типографии, 1674 года (в 4-ку, на 6 лист.): «*Алексий Человек Божий*, на честь царю Алексею Михайловичу, чрез шляхетну молодь, на публичном диалогу явленный». Но славнее всех была Феофанова трагедкомедия в пяти действиях «*Владимер*, всех Славенороссийских стран князь и повелитель... в православной академии Могилянской Киевской, на позор Российскому роду, от благородных Российских сынов, добре зде воспитуемых... лета Господня 1705, июля 3 дня, *показанный*». В том же роде и тоже в 5 действиях, но вдвое меньших, была вышепомянутая драма «Милость Божая».

Вот эта драма, кажется, еще неизвестная в истории южнорусской словесности*.

8 января 1857 г.
Михайлова Гора.

---

* Первоначально М. А. Максимович приложил к статье отрывки только из драмы. Он ее напечатал вполне в Чтениях Моск. Общ. Ист. и древн. 1858. Кн. I. С. 75-100.

СКАЗАНИЕ О КОЛИИВЩИНЕ

Кто читал «Историческое известие об Унии», изданное Бантыш-Каменским в 1805 году, и сочиненную его сыном «Историю Малой России» (М., 1830), тому довольно известны происшествия, которыми еще и в прошлом веке была обуреваема Западная Русь от распространения в ней Унии и притеснения православной веры.

В историческом ряду сих происшествий значительное место занимает *Колиивщина*, происходившая 1768 года в Западной Украине, называвшейся тогда польской или казацкой Украиной, в отличие от восточной или собственно Малороссийской. На русском языке ничего почти не писано об этом событии*. В здешнем крае хотя и знают об нем по слухам и по нескольким рукописным известиям на польском языке, однако знают его или очень мало и отрывочно, или же в ненадлежащем, более или менее одностороннем виде, и некоторым подробностям, особливо первоначальным, дают несправедливый толк. Исследовав подробно о сем событии, я написал предлагаемое сказание *о Колиивщине*. Полагаю, что оно будет не лишним и для наших историков: для них я замечу, что все обстоятельства описанного происшествия, все действующие в нем лица и самые разговоры их отмеченные вносными знаками, не мною придуманы, а взяты из тех источников, какие я имел у себя под рукой. Источниками

* В VI томе «Библиотеки для чтения» помещена статья «Прежняя Новосербия», где очень живописно изображены похождения буйных гайдамаков, но о Колиивщине 1768 года не дано никакого понятия; о Железняке и Гонте упомянуто по темным и неверным слухам. Любопытно там известие об Иване Усаче, но об нем по другим источникам мне ничего неизвестно.

моими были: 1) «Народные песни о Железняке и Гонте», напечатанные в моем собрании украинских народных песен (М., 1834. Ч. 1); 2) местные предания и рассказы старых людей, рукописные сочинения на польском языке; 3) более других интересная записка Вероники Кребсовой[1] урожденной Младановичевой; 4) записка униата Тучанского, хранившаяся в Базилиянской Уманской библиотеке, во многом несходная с первой*; 5) содержание сей записки, переложенное в польские стихи (число 794) студентами школ уманских; 6) составленное на основании сих двух записок и дополненное другими известиями описание Липпомана, имеющегося у меня в подлиннике; 7) записка Пиара Павла Младановича; 8) подлинное письмо к графу Потоцкому от Якова Квитневича, писанное из Архангрода 28 июня 1768; 9) выписки из подлинной книги генеральной визитации Кодневского костела в 1768 году; 10) повесть на польском языке, написанная Грабовским[2], изданная в Вильне 1836, под именем «Koliwczyzna i stepy».

Считаю долгом благодарить тех особ, которым я обязан за сии источники. Если у кого найдутся новые материалы относительно сего предмета, особливо документальные, то я покорнейше прошу сообщить оные мне, для пополнения и поправления мого сказания[3].

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Збунтовалась Украина: и попы, и дяки,
Погинули на Украйне жиды и поляки.
О Боже мий нескончены! Дивитися горе,
Що тепера на сем свити вира виру боре!

(Украинская песня на смерть Ивана Гонты)

В 1768 году, в западной Украине, бывшей тогда под властью польской, совершилось ужасное кровопролитие. Казаки и крестьяне украинские резали поляков и жидов целыми сотнями и тысячами; поляки отомщали казакам и украинским крестьянам немилосердными казнями. Сие событие известно на Украине под именем *Колиивщины* или *Коливщины*.

Об нем сохранились в народе многие предания и рассказы. Украинские песни — эти верные отголоски народной жизни — по сю пору вспоминают о запорожце Железняке, главном

* Теперь обе эти записки уже напечатаны в Познанских журналах; первая в ...; а вторая в Tygodnik literacki (1838, № 37-39) по списку, выданному 1787 из Уманского Базилианского монастыря за подписями и печатями ректора Иосафата Миргулевича и вице-ректора Мацевича.

зачинщике восстания, об уманском сотнике Гонте и других сподвижниках Железняка. Есть еще на Украине и старые люди, которые знавали Железняка и рассказывают про Колиивщину как близкие самовидцы. Послушайте их рассказов и песен украинских, сообразите положение Украины и Польши с событиями прежними и вы увидите, что кровавый подвиг Железняка был не простой гайдамацкий разбой и не случайное нападение запорожцев на польские владения для грабежа и добычи. Нет, то было огнедышущее извержение народной мести и вражды, целый век копившейся под гнетом Унии; то была предсмертная, судорожная схватка двух враждебных стихий в государственном теле, которое уже близилось к своему концу.

Колиивщина была последним отзывом тех восстаний, которыми некогда целая Украина ополчалась на Польшу для спасения своей веры и своего народа, обреченных тогда на гонение; последним отзывом и тех мучительных казней, которыми судилище варшавское думало обуздать казаков и задушить их непреклонную широкую волю.

А было время, когда народ Литвы и Украины, соединенный с народом польским «как ровный с ровными, свободный с свободными», исповедывал беспрепятственно веру своих отцов, и Восточная церковь, от которой и Польша заняла свой первый свет христианства, процветала по всей западной Руси. Было время, когда казаки днепровские, гремя грозою на татар и турков, дружно стояли за Польшу; и Польша, зная всю цену заслуги казацкой, отличала храбрую дружину днепровских рыцарей багатыми дарами и знаками чести, и многими правами на Украине. То был век цветущего состояния Польши, век воинской славы казацкой... Но со смертью Батория кончился и славный век его; Польша перестала красоваться своим бытием и склонилась к упадку; прежнее дружество ее с казаками обратилось в взаимную вражду и нелюбие и немилым стало для Украины ее союзническое подданство Польше.

Какой же враждебный дух произвел сии роковые перемены?.. Главной виной тому было гонение веры, открытое Жигимонтом III, которого на несчастье себе избрала Польша в короли из королевичей шведских. Это гонение возбудили иезуиты, опутав нового короля, а с ним и все польское правительство, своей сетью, которая была тонка как паутина, но крепка и тяжела как железо. Работая не для веры Христовой, а только для власти папской, помышляя только о Римской тиаре и не думая о короне польской, иезуиты восстановили в Польше католичество, приведенное в упадок реформацией, и подорвали государственное бытие и народность Польши.

Чтобы западную Русь отторгнуть от Восточной церкви и привлачить к подножию римского престола, иезуиты предна-

чертали распространение Унии — и Уния простерлась бедой по Литве и Украине. Увлеченная западным влиянием, Польша посягла на православие Русской земли и за то лишилась навсегда своей самобытности.

Казаки, для которых и в запорожском братстве первым условием была православная вера, вступились за нее оружием, и завязалась у них кровавая борьба с Польшей.

Защита веры обратилась в защиту Украины и через полвека жестокой борьбы полная казацкой силы Украина отбилась от Польши, и украинский народ торжествовал свою свободу победной песней:

«Да не буде лучше, да не буде крашче, як у нас на Украине:
Да не мае жида, да не мае ляха, не мас Унии!»

Решитель сего дела, славный Богдан, со своей Украиной, по обеим сторонам Днепра лежащею, поддался Москве, к которой давно уже влеклись казаки единством веры и своего русского рода, и древним единством государственным.

Но Украине суждено было еще испытать новое разновластие: ее разделили пополам между Москвой и Польшей и только вольное Запорожье оставалось обоюдным, как бы в знамение того, что днепровские волны соединят вновь свои разрозненные берега. В то время, под державой возраставшей Москвы, началось уже воссоединение древней Владимировой Руси, а над Польшей изречено было уже королем ее Иоанном Казимиром роковое предвещание об ее разделе. Восточная Украина, оставшаяся за Россией, постепенно сливала в общую жизнь ее свое отдельное бытие и, перестав быть Гетманщиной в начале царствования Екатерины Великой, почила от вековых бурь[4]. Что же сталось в это время с Западной Украиной, отлученной от родной половины? С новым подданством польской короне опять в ней начала свирепеть Уния; опять жиды, как алчная саранча, налетели на благодатные нивы русского землевладельца и, как едкая моль, стали точить богатство украинских панов.

Но Уния не могла соединить прежним союзом Украину с Польшей: она готовила только новый разрыв между ними, производя печальный раздел между сынами Западной Руси. Отторгнутые от Восточной церкви униаты, руководясь иезуитами и заимствуя от них дух нетерпимости и весь дух западной пропаганды, несли хулу на свое прежнее православие, насильственно обращали украинский народ в свое новое исповедание и самопроизвольно вводили в него католичество, вопреки положениям соборным и утверждениям папским; через что они производили отступничество не только от православия, но и от самой Унии, обратившейся в переходный мост к католичеству.

Вельможи и дворяне Западной Украины, будучи гражданами Польши и находя, что все гражданские выгоды предоставлены

были в ней только папским приверженцам, вовлеклись в Унию и католичество, через несколько поколений забывали свой русский род, усвояли себе нетерпимость к вере своих предков и теряли любовь к коренному народу своей отчизны.

Великий от того был ущерб для Украины, но не в прок он пошел и для Польши! Горевала Украина, что и в ней, как в Литве, русские паны обращались в поляков и католичество становилось панской верой; но еще горше было ей терпеть оскорбление своей веры, особливо когда православные церкви отдавались в аренду жидам, и племя, на котором возлегла кровь распятого им Господа, сквернило своим торгом христианские требы и службы, заводило шинки в домах Божиих. От этого больше всего мутилась казацкая кровь и накипала на сердце ненавистью к жидам и полякам.

Неравнодушно смотрела и Восточная Русь на утеснение своей веры в Западной Руси и не раз она относилась к Польше с мольбой о защите своих родных единоверцев. Но что могла сделать Польша для диссидентов своих, когда она, обуреваемая непрестанными междуцарствиями, многочисленными партиями и конфедерациями, не в силах уже была сладить и сама с собой?

Уже на Западной Украине прогремело грозой давно копившееся негодование казаков: в 1764 году сотник Харько[5], с семью стами казаков, произвел сильное кровопролитие за новое утеснение православной веры. Уже и Россия требовала от Польши, чтобы она своим диссидентам возвратила отнятые у них права и свободу вероисповедания. Но веротерпимость так уже была чужда полякам, что когда и сеймовым определением (1768 года 1 марта) объявлена была наконец свобода вероисповеданий, то за сие вступилась конфедерация Барская[6], образовавшаяся (в том же году) на Подолии противу короля Станислава Августа. Эта конфедерация подала повод и к тому восстанию Украины на Польшу, которое названо Коливщиной. И вот как это было.

Глава вторая

НАЧАЛО КОЛИИВЩИНЫ

«Товарищи гайдамаки, чинить мою волю!
Що нам треба виплатити Украиньску недолю...»

(*Украинская песня о полковнике Иване Лободе*)

Между тем как барские конфедераты сбирались двинуться в Польшу и захватить в свои руки короля, небольшой отряд их, в первых числах апреля, проник вглубь Украины. Предводивший отрядом маршалок Пулавский, в местечке Лисянке, взял

насильно полк кавалерии у рейментаря Воронича, навербовал множество шляхты и произвел сильное возмущение. Униатские священники не замедлили воспользоваться сим случаем и явились в староство Чигиринское. Сопровождаемые толпами своих приверженцев, они начали склонять народ к принятию Унии; но как проповедь их была неубедительна, то они принялись опять за насилия, стали забирать под стражу служителей православной церкви и отбирать у них имущество. Несмотря и на то, униатские миссионеры на сей раз обогатились только стадами рогатого скота и лошадей, отнятыми у священников православных.

Полковник Чигиринских казаков Квасневский, имевший на ту пору смотрение за староством, предвидел беду, какая могла быть от этого смятения: свежа еще была память о восстании сотника Харька и трогательная песня об нем и его молодой вдове была любимой песней в народе. И потому Квасневский со своими казаками спешил унять униатов и они скоро оставили староство Чигиринское.

Но молва об их новом насилии разошлась уже по Украине и отозвалась ропотом негодования. Духовенство, взволнованное новыми обидами, уже спешило в чигиринский Мотренинский монастырь[7], к настоятелю оного архимандриту Мельхиседеку Значко-Яворскому[8]. Это был один из самых ревностных тогда приверженцев православия и поборник Украины, а с тем вместе и жарчайший противник Унии. За несколько времени перед тем, Мельхиседек, с разрешения своего епархиального начальства, разъезжал по Западной Украине, утверждал народ ее в православии и отклонял от Унии. За сии подвиги Мельхиседек, по приказанию тогдашнего униатского митрополита Фелициана Володковича, был схвачен в Радомысле и заключен в тюрьму в Дермане, откуда мог освободиться только бегством. Об этом знали на всей Западной Украине; беззащитное православное духовенство ее видело в Мельхиседеке свою единственную опору и потому-то прямо к нему оно устремилось и держало с ним совет, как оградить себя от дальнейших бедствий и охранить свою церковь, непрестанно грозимую новыми притеснениями. После того они обратились к своему епархиальному начальнику, епископу Переяславскому. Но преосвященный Гервасий только сказал им, что он со своей стороны помочь им ничем не может, что они должны себя укреплять терпением и по возможности придумывать средства к облегчению своей судьбы.

Тогда на монастырском совете стали говорить, что больше терпеть уже нельзя, что как бы ни было, а пора положить конец бедам, что нечего доброго им ждать, когда ни воля короля, ни определение сейма, ни заступление русской царицы не унимают униатов и не избавляют украинский народ от самоволия католиков. И положено было нарядить духовное посольство к запо-

рожскому кошевому и просить у него защиты казацкой. Но казацкая защита была гораздо ближе и отозвалась сама собой в сердце монастырского послушника.

Сей замечательный послушник был Максим Железняк. В душе его скрывалась та могучая, несокрушимая воля и бесстрашное суровое мужество, какие в детях Украины выкармливала только Запорожская Сечь. Ее питомец был и Железняк, который некогда считался одним из самых бравых казаков Запорожья и служил в звании сотника. Но ему прискучило наконец буйное приволье запорожской жизни; душа его пожелала смирить свою волю и поработать Богу постом и молитвой. И он простился со славным днепровским островом и удалился на свою родину — в староство Чигиринское, на островок реки Тясмина, где уединенно стоял небольшой Медведовский монастырь, во имя святого Николая. В этом монастыре набожный Железняк с несколькими из прежних своих товарищей думал мирно окончить дни свои, был уже на послушании и готовился принять чин монашеский. Так доживали свой век многие запорожцы. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Когда весть об новом насилии православным встревожила мирную обитель Железняка, сильно забилось в нем сердце и крепкая дума овладела его умом. Он подумал и положил себе — постоять за православную церковь и поработать еще раз своей казацкой саблей. Решимость его была тверда как камень; он передал ее своим неразлучным товарищам и они, с наступлением Светлой недели, помолившись Богу, оставили свой монастырский остров и пошли в Мотренинский лес к монастырю, там находящемуся.

На дороге пристали к ним несколько знакомых запорожцев, гулявших тогда по Мотренинскому лесу. Таким образом составилась первоначальная ватага Железняка из восемнадцати человек.

Верстах в двух от Мотренинского монастыря есть овраг, называемый Холодным. Над ним лежит небольшая поляна, возле которой шла дорога от монастырских мельниц к монастырю, через чащу густого леса. На этой поляне и расположился Железняк табором у студеного ключа, который вытекал над самым оврагом.

После короткого отдыха запорожцы принялись рубить дубовые рогатки и делать другие приготовления. Железняк на следующее утро отправился в монастырь, явился к отцу Мельхиседеку. Он открыл ему свое намерение и сказал, что пришел просить у него доброго совета и благословения пастырского. Так сошлись два человека, которые пылали одним чувством и задумали одно дело, не сговариваясь между собой. Они сразу поняли друг друга, с полным откровением вели долгую речь о

своем деле и наконец решили: насилие отразить силой, поднять Украину на ее утеснителей и во что бы то ни стало отстоять православную церковь. Мельхиседек благословил Железняка на сей подвиг и обещал изготовить универсал для воззвания к народу.

Полон новых дум и надежд, воротился Железняк в свой табор, где нашел несколько новых сообщников и где удальцы его успели спроворить себе коней и разного запасу.

И стал Железняк радить с товарищами, как повести свое дело. Всего прежде им надо было дать о себе весть казацким старшинам окружных волостей; надо было им поладить и с теми казаками, которые составляли надворное войско чигиринского старосты князя Яблоновского. Помощь, какую полковник их Квасневский оказал недавно русским священникам, давала надежду Железняку, что, может быть, и теперь этот полковник примет его сторону; на других же казацких старшин он надеялся, как на каменную гору.

С наступлением ночи разосланы были гонцы в окрестные волости к сотникам и другим старшинам; сам Железняк с несколькими запорожцами поехал в местечко Медведовку, где жил Квасневский. На ту пору дома была только полковница. Приезд Железняка чрезвычайно испугал ее, ибо только что перед тем дошел до нее слух о новом появлении гайдамаков в Мотренинском лесу; но Железняк успокоил полковницу учтивым обращением с ней и уверением, что приехал в их дом не с дурным намерением, а с тем чтобы видеть полковника и просить его неотступно принять над ними начальство. После того он спросил водки и тотчас же уехал, сказав, что в Холодном овраге он будет ждать скорого ответа и доброй ласки от пана полковника.

Не порадовался Квасневский такому предложению, воротившись домой на следующее утро. Он очень знал, что ему плохо будет от Железняка, если откажется, что не лучше будет и от своего правительства, если согласится; а потому он за лучшее признал вовсе убраться из староства и поспешил переехать в ту половину местечка Крылова, которая лежала на русской стороне реки Тясмина. Таким образом предоставлено было Железняку не только быть самому начальником своей ватаги и занять место полковника чигиринских казаков, но открылся благоприятный случай распоряжаться свободно и в целом староствe, где с отъездом Квасневского не стало никакого старшего.

Уже по первому зову Железняка к казацким старшинам начали в табор к нему сходиться казаки из окружных волостей, принося ему поклон, оружие и всякие припасы. Много набралось к нему и незванных гайдамаков, которые давно уже роились буйными ватагами по темным лесам наддиепровским, сходились

вместе обыкновенно у Холодного оврага и оттуда союзной ордой нападали иногда даже на города польской Украины. Табор Железняка с каждым днем становился шумнее и многочисленнее. Между тем сам Железняк не раз еще был у Мельхиседека и получил от него обещанный универсал. Архиерейский писарь Молдаван, случившийся на ту пору в Мотренинском монастыре, написал ту грамоту на пергаменте золотыми буквами, почему она и прозвана была Золотой грамотой. В ней было воззвание к казакам и народу украинскому, чтобы они старались прекратить власть униатов и истреблять униатов, католиков и жидов на Украине и что тогда Украина опять станет вольной гетманщиной, как была за Хмельницким. Для большего успеха сей грамоты был распущен слух, будто она прислана к запорожцам от русской царицы.

Таким образом все было готово к начатию дела. Шумная, пестрая громада казаков поклонилась Железняку, провозгласила его своим полковником и вслед за ним двинулась к монастырю. Там отслужили молебен. Мельхиседек благословил Железняка, его дружину и оружие. Железняк поклонился Мельхиседеку и монастырю. «Благослови же Господи!» — сказал он крестясь и молча повел свое войско по Жаботинской дороге. Это было 18 мая, в Троицын день, в храмовой праздник Мотренинского монастыря.

Глава третья

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ КОЛИИВЩИНЫ

«Максим козак Железняк из славного Запорожья
Процвитае на Украине як у городи рожа.
Роспустив вийсько козацьке у славному мисти Жаботини,
Гей розлилась козацька слава по всей Украини!»

(Украинская песня о Максиме Железняке)

Молва о выступлении Железняка разлеталась быстро и далеко по Украине. Ободрились украинцы, смутились жиды и поляки.

Первым местом, где началось кровавое действие Железняка, было местечко Жаботин. Прибыв туда, он велел согнать на площадь всех поляков и жидов; а тамошнего управителя отдал в руки Жаботинскому сотнику Мартыну Белуге.

«А що, пане-губернаторе! — говорил Мартын, водя за собой управителя,— не одного теперь ляха голова заляже». И в самом деле, вся несчастная толпа была вырезана. Такова была поминка Железняка по сотнику Харьку, которому в Жаботине, в конюшне, отрублена голова. Такая же участь постигла поляков

и жидов везде, куда являлся Железняк; а народ украинский везде ждал его нетерпеливо, встречал радостно: каждому хотелось посмотреть на Железняка и его войско, послушать Золотой грамоты[9], которую читал он в каждом селе и городе, объявляя, что подданство Украины Польше уже кончилось.

После того казакам и крестьянам припадала смертная охота мстить ненавистным жидам и кичливой шляхте и кто был удалее, спешил пристать к войску Железняка, которое росло с каждым его шагом и тем более, что к нему присоединилось множество выходцев и с левой стороны Днепра.

Первой подмогой Железняку был смелянский сотник Шило[10] со своими казаками. Разграбив Смелянский замок, они вместе ходили на Богуслав, где завалили жидами полные шанцы и оттуда направили свой путь на Звенигородку.

Но гибель жидов и поляков не кончилась еще их истреблением в тех местах, где проходил Железняк; на его кровавые следы, как хищные птицы, сбирались целые ватаги рассвирепевшего народа, ходили по окрестным хуторам и селам и производили в них опустошения. Особенно отличился на этом поприще Неживый[11], бывший горшечником в селе Мельниках, под Мотренинским лесом, где родился Железняк. Соревнуя ему, Неживый собрал огромную ватагу и долгое время опустошал Чигиринское и Черкасское староства, объявляя себя их начальником.

Так сильно было пламя бунта, навеянное Железняком. От этого пламени готова была загореться вся Западная Украина, а тушить было некому: Польша была тогда бедна своим войском; да и того половина пристала к Барской конфедерации; а остальная же половина находилась около Варшавы и нужна была королю для отражения конфедератов, усмирением коих заняты были и русские полки, посланные от Екатерины Великой. При этом внутреннем мятеже Польши, украинские поляки и жиды оставались без всякой защиты от грозного Железняка, и вся их надежда на спасение заключалась в нескольких укрепленных городах, где они и прежде находили убежище от нападений гайдамаков. Таковыми считались на Украине: Белая Церковь, Лисянка и особенно Умань. В двух первых немного могло поместиться народу, а потому найболее в Умань устремилось множество жидов и поляков со всей Украины. Но чем больше накоплялось там жидов и поляков, тем больше предстояло там поживы Железняку, тем больше порывался он идти на Умань. На этот город особенно острили зубы казаки и потому, что там был притон Унии и что уманские владельцы более всех принуждали украинцев к отступлению от православия. Железняк знал, что на всей Украине только Умань мог дать ему отпор и даже на него самого наступить своим войском. Но он не терял

надежды, что орудие, которым собирались поразить его уманские паны, можно обратить на их же голову.

Войсковую силу Уманя составляли казаки и Железняк предпринял склонить их на свою сторону. Добрым ему предвестием в этом замысле был уманский казак Дзюба, который, прискакав из Умани, пересказал все, что там делается, и убеждал его спешить туда, уверяя, что «из Уманя не втече наветь и дух ляцкий». Железняк стал готовиться идти на Умань, а между тем отправил два отряда на Лисянку и Белую Церковь, наказав им, чтобы они резали жидов и поляков и как можно шановали и берегли своего народу.

Местечко Лисянка принадлежало к поместьям князя Яблоновского. В нем был большой каменный замок, построенный в виде чствероугольника, на каждом угле с башней, вооруженной гаковницами или висячими пушками. Кроме того, замок был обведен высоким дубовым палисадом и для защиты имел в себе значительный гарнизон из казаков и много военного припасу. В ту пору находился в Лисянке главноуправляющий князя Кучевский, приехавший из волынских поместий Яблоновского для осмотра Лисянской волости, в которой было тогда до тридцати тысяч душ крестьян. Кучевский под защиту замка принял несколько сот шляхты и жидов, избегавших Железняка; но они и здесь от него не укрылись. Посланный им отряд, с помощью Золотой грамоты, пробрался в замок; запорожцы с неистовством резали и кололи жидов и поляков, где только могли отыскать их в замке; на Кучевском ездили верхом и потом подняли его на копья. Заграбив княжескую казну и добравшись до глубоких подвалов, запорожцы целую ночь упивались дорогими винами и медами и в заключение своего кровавого пира повесили на костеле ксендза, жида и собаку, с надписью: «Лях, жид и собака — все вира однака». Наругание жестокое... как будто украинцы вспомнили, что Лисянка была родиной Хмельницких и захотели в ней отомстить поругание, нанесенное Чарнецким костям великого Богдана. Недаром он на Переяславской раде говорил казакам: «Сами вы ведаете, что польские паны лучше жида и пса, нежели христианина нашего брата почитали!»

Белая Церковь отделалась счастливо. Каменный замок ее, возвышаясь на крутом берегу Роси, стоял над городом, вооруженный пушками. Сильной пальбой встретил он приближавшийся отряд, и когда ядра, перелетавшие через город, стали валить казаков, то они поворотили назад, сберегая себя для Умани и надеясь там вознаградить свою неудачу.

Посмотрим же теперь, что происходило в Умане.

Глава четвертая

НОВАЯ ОПОРА КОЛИИВЩИНЫ

«Под Уманем, славным мистом, великии кручи;
Гей помлили Уманьчики, Запорожцев ждучи,
Гонта сотник Уманьский помеж вийском ходыть,
Из Максимом Железняком через листы говорыть».

(Украинская песня о Максиме Железняке)

Город Умань, один из лучших городов на Западной Украине, был средоточием огромных украинских владений киевского воеводы графа Потоцкого. Уманская волость его простиралась более чем на сто пятьдесят верст и отдавалась на откуп шестидесяти поссесорам, которые обыкновенно жили в городе и доставляли довольно поживы торговавшим там грекам, армянам и особливо жидам. На иждивении графском базилиане основали в Умани училище, в котором было до четырех сот учеников. Экономический дом графа, где жил его комиссар или начальник города и волости, был главным местом в Умани и, окруженный высоким частоколом, с башнями и четырьмя бастионами, служил ему цитаделью.

Вокруг города также был высокий дубовый палисад и две башни с пушками, между которыми находились городские ворота, охраняемые гарнизоном из графской пехоты. Но главную защиту и войсковую силу Умани составлял полк уманских казаков, которые жили особой слободой под самым городом, уволены были от всяких податей своему владельцу, имели у себя значительные угодья и, сверх того, получили от графа все вооружение и войсковое убранство. В уманском полку считалось две тысячи шестьсот казаков, из коих триста были очередно наряжаемы в Кристинополь, где имел свое пребывание граф. Целый полк собирался редко, только в случае военного дела, и кроме того постоянно один раз в год на Зеленой неделе для парадного смотра.

Тогда каждый казак убирался в желтый жупан, голубые шаравары и кунтуш и желтую, с черным смушковым околышем, шапку; надевал на себя свое казацкое вооружение и садился на коня. Снарядившись таким образом, казаки выезжали к Грекову лесу в обоз и становились сотнями под начальство полковника, трех сотников и прочей старшины. Между тем, при церковном молебствии и звоне колоколов, при звуке труб и литавр, несли из города в обоз знамена с княжескими гербами, бунчуки и прапоры. После торжественного смотра и удалых маневров, графский комиссар задавал богатый пир уманскому полку: казаки садились сотнями за приготовленные для них столы и скоро их пиршество оглашалось пением украинских дум и

звуками бандур; между тем знамена, бунчуки и прапоры были относимы опять в город. Так содержал вельможный Потоцкий свое войско и славился им на всей Украине. Потому-то со всей Украины потянулись в Умань поляки и жиды, всполошенные восстанием Железняка. В три дня набралось их так много, что не могли уже помещаться в самом городе; а потому прибывавшие вновь становились уже табором за городом возле Грекова леса, отдавая свои пожитки под сохранение комиссару Младановичу и главному уманскому священнику Ираклию Костецкому, основателю и ректору Базилианской школы.

Железняк был далеко еще от Умани; но страх, им наведенный, торопил к скорым и деятельным против него мерам. Младановичу присоветовали упредить его нашествие и послать за него уманских казаков. Немедленно был собран весь уманский полк и Младанович объявил торжественно казацким старшинам, что для безопасности города Умани и всей Уманщины они должны тотчас же идти со своим полком на Железняка и отстоять от него графские владения. «Мы все уверены,— говорил он, обращаясь особенно к сотнику Гонте,— что храбрые уманские казаки уничтожат толпу гайдамаков, заслужат себе новую славу и новую благодарность от графа». Старшины казацкие уверяли со своей стороны в преданности графу и ручались за успех предстоящего дела. Затем они были приведены к присяге в церкви святого Николая и того же дня выступили в поход к Звенигородке, откуда ждали Железняка. Полковником уманских казаков был шляхтич Обух, человек незначущий. Главной надеждой уманского войска был сотник Иван Гонта. В сотники он вышел из крестьянских детей, будучи отменно храбр, весьма умен, красноречив и благовиден, умея притом хорошо говорить и писать по польски. С этими достоинствами Гонта скоро стал душой своих казаков, приобрел себе общее уважение и славу в целой Уманщине; сам граф очень любил его и отличал особенными милостями: он назначил ему во владение деревню Россушки, где родился Гонта, а потом еще деревню Орадовку. Все это привязывало Гонту к графу и к Уманщине, но с тем вместе породило в нем и сильное честолюбие.

Уманские казаки, выступив против Железняка и перейдя за пределы Уманщины, остановились табором выжидать своего противника, хотя им и неохотно было драться со своим братом-казаком. Но Железняк не двигался с места; он умножал свою силу и выжидал случая прилучить к себе Гонту; он был уверен, что после того будут на его стороне и все уманские казаки, между которыми, как мы видели, был уже давно зародыш к восстанию.

Проходила уже третья неделя, как уманский полк стоял табором в степи, а Железняка все не было; от него приезжали

только смелянцы подговаривать уманских казаков идти с ними вместе грабовать Умань; через них он звал Гонту стать с ним одностайне за веру и Украину и открывал его честолюбию обширные виды, на основании Золотой грамоты. Но Гонта остался непреклонным и отписал Железняку, что не может поднимать рук на своего пана-батька и не пойдет на разграбление Уманя.

Табор под Уманем между тем все умножался. Вдруг заговорили там, что Гонта соединяется с Железняком; вероятно жиды проведали об их сношениях. В страшном испуге несколько помещиков пришли в город с этой вестью и неотступно убеждали комиссара вызвать под каким-нибудь предлогом Гонту в Умань и отрубить ему голову с помощью Магдебургии. Встревоженный Младанович не решался на последнюю меру; однако тотчас же послал гонца в уманский полк с приказанием, чтобы все сотники поспешили в город для важных совещаний. Все три сотника и несколько атаманов прискакали в Умань. Младанович вышел к ним на площадь, сопровождаемый ксендзами и многими панами, и обратился к Гонте с такой речью: «Пане Гонта! Доносят мне, что ты ведешь переговоры с Железняком и хочешь с ним соединиться. Я не хочу тому верить. Ты получил так много милостей от графа: сколько же новых наград можешь надеяться за охранение графских владений от Железняка!» До слез огорчен был Гонта такими словами, имев полное право ждать себе другого приветствия; красноречиво опровергал он напрасное и для него обидное подозрение, клялся в своей верности графу и свою клятву принужден был подтвердить новой присягой: в предстоянии трех ксендзов, он целовал крест, евангелие и руку униата Костецкого. После такого удостоверения все сотники опять были отправлены в свой полк. Но Гонта уже не с прежним чувством выехал из Умани, где неосторожный Младанович так публично заподозрил его верность и где так сильно была оскорблена казацкая честь первого сотника. Гонта узнал еще, что к нему пришло письмо от графа, а Младанович утаил его у себя. Ему известно было и то, что уманские паны умышляли на его жизнь. Все это Гонта считал для себя невыносимой обидой; душа его возмущена была негодованием против Умани; честолюбие его страдало и просило мщения. Между тем и в уманском полку, в отсутствие сотников, развернулась охота грабовать Умань.

Гонту ожидало там новое письмо от Железняка. Запорожский сотник, на которого он шел, как на своего врага, не переставал дружески звать его быть с ним заодно и сулил ему уманское княжество в будущей гетманщине; а уманские паны, за которых он готов был резаться с Железняком, домогались его головы и готовили ему позорную смерть преступника! Когда об этом узнали уманские казаки, то закипели желанием отмстить

обиду своего первого сотника и стали просить его, чтобы он вел их на Умань. Тогда не в силах уже был Гонта устоять в прежней преданности графу и борьба души решилась в пользу Железняка; только с ним он мог утолить досыта свое раздраженное и оскорбленное честолюбие. Приняв начальство над уманским полком, Гонта дал свободу полковнику Обуху бежать за границу; а к Железняку отправил свое казацкое слово быть с ним заодно и ждать его под Уманем.

Пускай же не даром говорят уманские паны, что Гонта еднáется с Железняком!

Глава пятая

УМАНСКАЯ РЕЗНЯ

«А у недилю рано сталы да у дзвоны быты;
Гей став Гонта з козаками под Умань подходыты.
В понедилок перед обидом из гармат загули,
А в вивторок ище раньше Умання добули»...

(Украинская песня о Максиме Железняке)

Спохватились уманские паны, что выпустили сокола из своих рук, да уж поздно.

На другой же день по отъезде Гонты они убеждали Младановича, на всякий случай, отправить жен и детей в город Тарговицу, прилежащий к русской границе. Но уманские граждане, уповая твердо на своих казаков, отговорили комиссара делать такую тревогу. Однако из полка долгое время не приходило никаких известий и страх начал овладевать целым Уманем. Тогда решились, на случай опасности, привести город в оборонительное положение. За это взялся землемер Шафранский, служивший некогда в армии Фридриха Великого. С самого начала осмотрел он табор приезжих и нашел, что там было уже до шести тысяч человек и все еще прибывало. Гарнизону в городе оказалось только шестьдесят человек. При таком недостатке военной силы, для защиты городской стены наряжены были жиды. Приготовив все, что только мог к защите, Шафранский избрал себе самую высокую башню возле экономического дома и засел в ней наблюдать окрестности города. Через три дня он усмотрел, что уманские казаки идут по звенигородской дороге. Радостна была эта весть для уманцев: думали, что Железняк уже разбит и готовились встречать победителей. Но уманский полк остановился возле Грекова леса и как будто готовился к битве. «Верно с Железняком» думали уманцы. В самом деле, скоро показалась на звенигородской дороге страшная громада народу, которая двигалась к Уманю, как темная туча; скоро можно было

различить пестроту народа ее, конного и пешего: ясно было, что то полчище Железняка. Передовой конец его, поровнявшись с Грековым лесом, остановился. Шафранский ясно рассмотрел, как ехавший перед громадой всадник отделился от нее, как выезжал к нему на встречу уманский сотник и как они, съехавшись вместе, друг другу подали руку. Тогда не стало сомнения, что то были Железняк и Гонта и что они стали заодно.

Громовым ударом раздалась эта весть по всем концам Уманя и привела его в трепет. Тогда Костецкий велел бить в колокола, начать моление во всех церквах и нарядил крестный ход по городу. Шафранский приготовил гарнизон к обороне ворот; к одним воротам приставил поручика Ленарда, защиту других взял на себя и уставил городскую стену вооруженными жидами. Остальные жиды заключились в синагоге и начали свое моление. Младанович со своей стороны ободрял общее уныние. В этой сумятице 50 арестантов вырвались из заключения и вместе с казаками, служившими при экономии, перескакали через палисады и ушли к Гонте.

Уманский полк и громада Железнякова двинулись наконец от Грекова леса. Сперва устремились они на табор и положили его на месте. Вслед за тем они облегли весь город. Казаки приступили к воротам, толпы гайдамаков и крестьян бросились рубить и подкапывать палисад. Сильно отражали их картечью; жиды, с опаленными бородами и пейсами, стреляли беспрестанно; казацкие пули градом летели на город. Там, между тем, при общем смятении и непрерывном звоне колоколов, Костецкий не раз уже обошел весь город с торжественной процессией. Казацкие пули падали на процессию, но никому не вредили. Это считали в городе добрым предзнаменованием и луч надежды мелькал еще среди отчаяния. Однако осада длилась. В целом Умане не было воды. Осаждаемые утоляли жажду винами, наливками и медами. Наконец, чрез тридцать часов непрестанной пальбы, Шафранский объявил, что все пороховые запасы истощились. «Теперь нет надежды,— сказал Младанович.— Нам остается предаться воле Божьей и гибнуть». И настала печальная година отчаяния и вопля; все ожидали смерти. И она была не за горами. Гонта и Железняк овладели Уманем и ввели в него свое войско. Оно немедленно окружило собой Базилианский собор, католический костел, жидовскую школу, экономический двор и другие важнейшие места в городе. Вслед за казаками нахлынули в город толпы крестьян, и скоро началось страшное кровопролитие, памятное под грозным именем Уманской резни (rzeź Humańska), в которой Колиивщина разразилась со всей силой.

Между тем, как совершались первые смертоубийства и гра-

бежи по городу, Гонте представлено было письмо к нему графа Потоцкого, отысканное между бумагами комиссара. Прочитав его, Гонта с сотниками подъехал к костелу, где находился Младанович со своей родней и множеством знатнейших польских помещиков. «Берите комиссара и всю его родню!» — сказал он. Мучительна была разлука отца с семейством: «Ратуй нас, пане Яремо!» — сказал одному сотнику Младанович. «Нехай вас Бог ратуе, а я вас теперь не обороню!» — отвечал жалостно сотник Ярема.

«Изменник! Предатель! Ты виной этой крови!» — вскричал Гонта к Младановичу, показывая на трупы. «Зачем ты, имея в своих руках это письмо, не отдал его мне, а утаил у себя? Что же тебе от этого прибыло?...» После этих слов Гонта ударил саблей Младановича по открытой голове и тот упал в крови к его ногам.

Почти в то же время и главный защитник города, Шафранский, был убит казаками в башне, защищаясь храбро, как воин, служивший некогда в армии Фридриха Великого. Ираклия Костецкого казаки вытащили из Базилианской церкви и подняли на копья. Учениками Базилианской школы завален был глубокий безводный колодезь, над которым впоследствии поставлена ратуша. В жидовской школе вырезано было до трех тысяч жидов. Целый Умань был поприщем разъяренной казацкой мести, которая упилась тогда досыта кровью жидов и поляков и натешилась вдоволь их смертью: в один день было истреблено их до восемнадцати тысяч.

Не одним однако же смертоубийством и грабежом был ознаменован этот ужасный день. Еще перед начатием Уманской резни казакам дозволено было выбирать, кого кто хочет, для крещения в православную веру, о котором особенно заботился Железняк. Пользуясь этим случаем, уманские казаки спасали своих знакомых; другие молодцы выбирали себе в жены красивых полячек и жидовок; некоторые избирали себе крестников, руководясь только человеколюбием. Для крещения велено было сберечь семейство Младановича и других польских помещиков.

Все избираемые для крещения были отводимы на экономический двор, назначенный сверх того для складки добычи и для пребывания двух новых градоначальников. Оттуда всех их повели к церкви св. Михаила. Престарелый священник той церкви крестил их, окропляя святой водой. Железняк и Гонта восприимали детей Младановича и других помещиков; восприемниками прочих были казаки, старавшиеся друг перед другом. По совершении обряда, всех перекрещенцев отправляли под сохранение на гарнизонный двор. Таким образом спасено было много народа от гибели. Кроме того, уманские жители сберегли многих детей из приязни к их родителям, прятая их

под кровли или же объявляя за своих детей. Несколько шляхтичей и учеников Базилианской школы, знавших русские молитвы и набожные стихи, нарядясь нищими, пели про св. Николая, Почаевскую Божью матерь и тем себя избавили от смерти. Другие поляки, для сбережения своей жизни, переодевались в крестьянское платье, вмешивались в бунтующие толпы украинцев и грабили вместе с ними.

Все это происходило в Умане того же 1768 г. 19 июня.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ РАЗЛИВ КОЛИИВЩИНЫ

«Гей там поле, а на поли квиты:
Не по одном ляху заплакали диты!»

(Украинская песня о Богдане Хмельницком)

Буйно праздновали украинцы свою победу над Уманем, расположась возле него укрепленным обозом. Там, с утра до ночи, при громе пушек и ружейной пальбе, раздавались казацкие песни и заздравные клики в честь Железняка и Гонты: Железняка величали украинским гетманом, Смелянским князем и батьком казацким; Гонту провозглашали полковником и князем Уманским; Уманский сотник Пантелеймон Власенко избран был в правителя и казначея всей Уманщины; другим казакам назначаемы были иные звания и должности, смотря по их заслугам. Все они были веселы и довольны; один Гонта не мог разгуляться на казацких пирах, не мог позабыться возле молодой жены, в кругу своих малюток. Тоска-печаль, как змея, вилась у него коло сердца и он говорил своим гулявшим товарищам: «Наварылы мы доброй вареной, паны-братья, да як-то вона выпьеться!»

Между тем бунт и смерть распространялись в остальную часть Западной Украины от Умани, соделавшегося средоточием Колиивщины. Отряды, рассылаемые Железняком, на каждом шагу становились сильнее от приставшего к ним народа. Ими разграблены были: Гранов, Теплик, Дашев, Тульчин, Монастырище, Гайсын, Басовка, Жидячин, Ладыжин и еще многие местечка и села. Увлекаемые их примером, крестьяне и здесь собирались сами собой в большие ватаги и довершали разлив Колиивщины. Без милосердия жгли они жидовские корчмы, панские хоромы и целые фольварки; не давали пощады ни шляхте, ни даже тем украинцам, у которых — по их мнению — была ляцкая душа. Но особенно доставалось тогда бедным жидам, которые не могли ни себя спасти, ни укрыть своих денег от

поисков гайдамацких. Много осталось рассказов про то, на какие хитрости поднимались жиды для своего спасения и как искусно гайдамаки ловили их везде и, доискавшись червонцев, распускали на ветер жидовские перины. Однажды гайдамацкий отряд, идучи через лес, увидал несколько монахов, сидящих в стороне под деревом. Подойдя к ним, гайдамаки поклонились им, отдали на «добрый день» и спросили, откуда и куда несет их Бог? «Из Поцаева до Киева»,— отвечали жиды, переодетые в монахов. «Что же это вы делаете тут?» — спросили опять гайдамаки, притворясь, будто не узнают их. «Сидаем да за Хмельницкого Бога прохаем»... «Ох якие ж вы добрые ченци! — сказали гайдамаки.— Идить же прохать Бога за пана Железняка, а мы вам и дорогу покажемо на той свит». И всех их повешали на одном дереве.

При такой тревоге на Украине состоятельнейшие поляки и жиды выезжали за границу; но и там они не всегда находили себе спасение. Смелянский сотник Шило, прийдя в Балту, увидел, что на турецкой половине сего города собралось множество жидов и поляков. Шило потребовал у турецкого начальства, чтобы они ему были выданы. Ему отказали. Тогда он перешел силой на турецкую сторону, вырезал там жидов, поляков и многих турков и воротился в Умань с добычей и славой.

Жестоко было разъярение возмущенного и восставшего народа украинского; но в этом же самом народе многие поляки, особенно малолетние, находили свое спасение во время Колиивщины; и среди самых кровавых и смертельных зрелищ блистали яркие лучи человеколюбия и добродушия украинского.

Так, во время разорения Смелянского замка, где управителем тогда был Вильнер, малолетняя дочь его спасена была Куренным, который прежде служил у Вильнера, потом очутился в ватаге Железняка и за спасение дитяти едва было не лишился головы от казаков.

Среди самой Уманской резни множество польских детей спасено было добродушием украинцев. Особенно внимания заслуживает спасение Младановича. В тот самый день, когда и он, и жена его погибли, крестьянка, кормившая шестимесячного их сына, убежала с ним из Уманя в одну из соседних деревень и там сберегла его, как свое собственное дитя. Двое старших детей Младановича: Вероника и Павел, как мы уже сказали, были окрещены Железняком и Гонтой и отправлены вместе с прочими перекрещенцами в гарнизонный двор. На другой день около полудня вошли к ним несколько казаков и сказали: «Казав пан Гонта вывести комисарски диты». Дети перепугались и все думали, что их зовут уже к смерти. Тогда же на

гарнизонный двор въехал на коне Железняк. За ним шли, кланяючись, престарелый крестьянин и двое парубков. Этот старик был осадчий или атаман из села Оситной, которая была в посессии у Младановича. Железняк, увидав Гонту возле гаупвахты, подъехал к нему и стал говорить с ним. Старик осадчий подбегал то к тому, то к другому и умолял их отдать ему детей комисарских. Через несколько времени Гонта громко сказал крестьянам: «Берить собе их к чорту!..» Тогда старик и парубки радостно поцеловали ноги у Железняка и Гонты, взяли к своему возу подаренных им сирот, усадили их и погнали тройку коней во весь дух из Уманя. Миновавши Грековлес стали ехать тише и старик сказал Веронике: «Не лякайтесь, Бог з вами! Я осадчий з Осытной. Мы вас выпросили, щоб хоть вас двох от смерти сховаты».

Между тем в отсутствие осадчего толпа гайдамаков грабила и разорила экономический двор в Оситной. Увидав это, осадчий, для безопасности Младановичей, переодел их в крестьянское платье и на ночь спрятал их в очерете. На другое утро он рано пришел к ним с пищей и двумя граблями и отвел их на свой сенокос как гребцов, а ночью скрывал в тростнике и таким образом сберегал их в продолжении двух недель, выжидая благоприятного случая. Через несколько времени пришел из Уманя в Оситную бывший Младановичев писарь, Хмелевич, одетый по казацки. Хмелевич рассказывал, что во время разграбления экономического дома он нарядился в платье сторожа, вмешался в толпу гайдамаков, грабил вместе с ними и этим избавился от смерти; он объявил также, что опасность миновалась, что гайдамаки уже побеждены и что он сам видел Гонту, закованного в кандалы. Тогда старик осадчий перевез скрываемых им Младановичей в дом свой и перезвал кормилицу с их маленьким братом в Оситную. Узнав потом, что на Подолье живет дядя Младановичей, он повез их туда и благополучно доставил ему сирот, которых сберегал он так заботливо.

Старшая дочь Младановича, восемнадцатилетняя девица Вероника, в конце того же 1768 года взята была в Кристинополь графиней Потоцкой; потом вышла замуж за Кребса, пережила своего мужа и достигла до глубокой старости. За год до своей смерти, в 1827 году она написала любопытный рассказ о своей жизни и об Уманской резне. Брат ее, Павел, был отдан на воспитание пиарам, сделался сам ксендзом пиаром и скончался недавно в Межиричe Корецком. Он также писал известие об Уманской резне. Кребсова, описывая минуты своего освобождения из гарнизонного двора, когда старик осадчий вымаливал их у Железняка и Гонты, говорит: «Я помню еще лицо Железняка; по сей наружности его было видно, что он был не простой гайдамак».

Глава седьмая

КОНЕЦ КОЛИИВЩИНЫ

«Буде й нашим лихо, як зозуля кувала;
Що вона кувала, промеж святых чувала».

(Украинская песня о Павле Наливайке)

В то самое время, как в Умане шел пир горой и разливался кровью по Западной Украине, коронные польские и вспомогательные русские войска осаждали большой отряд барских конфедератов, укрепившийся в Бердичевском Кармелитанском монастыре[12]. Возмущение, произведенное барскими конфедератами, и широкий разлив Колиивщины, грозили двойной бедой бытию Польши и она спешила нарядить военно-судную комиссию на Украину, назначив рейментарем Иосифа Стемпковского и субалтерном его Якова Комаровского. Но этой комиссии так мало было дано польского войска, что, может быть, и не пришлось бы ей открыть своих действий, если бы Россия, помогавшая Польше усмирять барских мятежников, не подала ей помощи и против бунтовавших украинцев. Для содействия Стемпковскому был отряжен полковник Кречетников с большим полком конницы и с назначением под его команду тысячи донских казаков, из-под Киева. Кречетников со своим полком немедленно отправился к Уману, возле которого находился многочисленный табор Железняка, преданный своему разгульному безпечью. Огромными кучами были навалены там деньги и всякое добро, награбленное уманскими воителями. Многие казаки разбирали серебряную и медную монету по сортам и ссыпали в опустошенные ими горелочные бочки.

Кречетников увидел ясно, что здесь ничего нельзя было сделать силой, с одним его полком. Потому он остановился лагерем ожидать донцев, а об себе объявил, что идет к Бердичеву против конфедератов...

Через 12 дней, 6 июля, дело было сделано: с наступлением темной ночи, Гонта и до двух тысяч его товарищей были схвачены и перевязаны; остальная половина табора разбежалась во все стороны.

По прибытии Стемпковского в Умань Кречетников поспешил со своим отрядом к Бердичеву. Стемпковский хотел было тотчас же казнить Гонту и его товарищей на месте их преступления; однако, имевши тогда только 400 человек кавалерии, побоялся гайдамаков, которые бушевали еще по окрестностям. Потому он заблагорассудил отправиться к Могилеву на Днестре, где находился тогда со своим отрядом русский полковник Чирков. Стемпковский остановился неподалеку от Могилева, в селе Сербах, куда вслед за ним привезли и Гонту со многими его

товарищами и там, по войсковому декрету, казнили его первого. Кат в продолжении нескольких дней сдирал с него живого кожу до пояса, потом отрубывал руки и ноги, облупил голову, насолил се солью и опять натянул кожу на череп. При начатии этой казни Гонта в страшной муке кричал: «Чому тут нема Железняка и того указу!..» Но два солдата запихали ему рот землей.

А рейментарь между тем говорил к народу: «Смотрите, кто только бунтовал, всем будет тоже!»

Вместе с Гонтою были казнены и все другие участники Колиивщины, привезенные в сербы. Остальных развозили по городам, местечкам и селам до самого Львова и совершали над ними разные казни: одних вешали, другим рубили головы, иным отрубывали на крест руку и ногу и потом, залечив, распускали их на страх народу; некоторых из них, увязав руки вверх, обвязывали соломой в смоле, зажигали ее и так водили несчастных по улицам. В Лисянке, где крестьяне неумышленно способствовали овладению замком, Стемпковский, без дальнейшего розыска и суда, повесил шестьдесят человек. На память сего печального случая у лисянских девиц вошло в обычай вплетать в косы черную ленту между разноцветными.

С упрямым равнодушием переносили украинцы все эти казни, которые после смерти Наливайка были для них уже не в диво. Рассказывают, что когда в Луцке начали вешать одного из казаков, он сказал: «Постойте! Перед смертью я уже открою вам важное дело». Палачу велено снять с него веревку. «Ну, что же ты скажешь?» — спросили его предстоящие. «А вот что: не велите меня очень высоко поднимать, так как вам же легче будет целовать меня...»

Между тем как совершались такие казни над пойманными возле Уманя, отдельные отряды русского и польского войска, также надворные команды разных старост, ловили и разгоняли остальные ватаги бушевавших украинцев. Неживой со своей ватагой был пойман полковником Чорбой возле селения Галагановки близ Чигирина. Ватага Бондаренкова была захвачена в Макарове сотником Проскуринским, который за то получил звание шляхтича.

Мотренинская обитель, под стенами которой свилось первое гнездо Колиивщины, была опустошена и разграблена, в присутствии самого Стемпковского. Несколько монахов было убито; другие разбежались. Деревянные шкафы, наполненные стеклянками с золотыми надписями, в которых Мельхиседек держал целебные вещества для врачевания недужных, были забраны и отвезены в Смелянскую экономию для канцелярии Любомирского[13].

Долго еще во всей Западной Украине разъезжали военные отряды и розыскивали между крестьянами и казаками участни-

ков Колиивщины; они забирали виноватого и подозреваемого, с иных деревень брали десятого — и всех их везли к суду, особливо в Житомир, где находилась главная судная комиссия. Судьями в оной были: Лабецкий, Виверский, Почентовский и другие; особенно грозен был для гайдамаков судья Дубровский. Инстигатором во все время был Дзивнопольский. Привозимых к суду судьи рассылали сначала по разным местам для насыпки валов, рытья рвов и колодцев и для других работ; потом их судили, осуждали и отправляли в местечко Кодню, находящееся в двадцати одной версте от Житомира. Там над глубокой ямой клали их на колоду, рубили им головы и бросали в яму, и когда яма наполнялась отрубленными головами и обезглавленными трупами, тогда заставляли осужденных засыпать ее и копать новую. И таких могил много тогда насыпано в Кодне.

В книге генеральной визитации Коденского костела, учиненной 1786 года тогдашним духовным начальством, записано, что на западном угле Кодни, в 50 шагах от крепостного старинного вала, есть могила, насыпанная в 1769 году над ста четырнадцатью казненными гайдамаками или резунами, которым по войсковому декрету 11 и 12 сентября отрублены головы.

В той же книге записано, что на трех виселицах, особливо на той, которая стояла за мостом, повешано более двухсот таких же гайдамаков или резунов.

Таков был конец Колиивщины, которая стремилась избавить Украину от жидовства, католичества и унии и почти достигла было своей цели. Конфедераты барские сильно к тому ей способствовали: поддерживая гонение веры и возбудив Колиивщину, они пошли против своего короля и сейма, а своих украинских земляков покинули без всякой защиты от возмущенного ими народа. Если верить известиям некоторых ученых того времени, то Польша от Колиивщины и Барской конфедерации потеряла более двухсот тысяч человек.

Стемпковский за усмирение украинцев награжден был от своего правительства титулом Киевского воеводы и правом меча.

Но этот меч не избавил Польши от ее жребия. Едва усмирила она восстание украинцев, как в следующем же, 1770 году, распространилась в ней сильная моровая язва, от которой погибло народа не менее, как и от Колиивщины; а через четверть века сбылось предречение, ровно за сто лет до Колиивщины произнесенное Иоанном Казимиром на сейме Варшавском: пришел конец Польши и Западная Украина соединилась вновь со своей родной половиной, под державой России.

Вспоминая былое время казацких восстаний за православную веру, невольно останавливаешься мыслью над рекой Тясмином, которая, соединясь с иссякшим днепровским рукавом,

Ирдынем, под Смелой, картинно извивается оттуда к Чигирину и, пройдя через Крылов, вливается в Днепр. На правом берегу этой реки храбрый Наливайко, начиная крестовый поход за Восточную церковь, поставил в первый раз против поляков три хоругви с надписью: «Мир християнству, а на зачинщика Бог!» На монастырском острове Тясмина задумано было и последнее восстание украинцев против поляков, зародилось зерно Колиивщины.

Но где и чем кончилась судьба Железняка, который был первым зачинщиком и главным свершителем сего восстания? Об этом говорят разно и я не дознался еще наверно.

Из украинской песни о Максиме Железняке видно только, что хотя он бесстрашно поскакал на коне из лагеря перед донскими казаками, но тоже был пойман.

«Ступай, ступай Железняку, годи вже гуляты!
Пойдем в Киев в Печерский Богу роботаты.
И говорыть Максим козак, сыдючи в неволи:
«Не будуть маты вражи ляхи на Украини воли!
Течуть рички з всего свиту до Чорного Моря.
Минулася на Украине жидовская воля!»

Что касается до отца Мельхиседека, то он, сколько мне известно, во время Колиивщины вытребован был из польской Украины в Переяславль, а потом был архимандритом в Глуховском монастыре, где и скончался в глубокой старости.

Киев. 1839 г.

О ДЕСЯТИ ГОРОДАХ И НЕКОТОРЫХ СЕЛАХ ДРЕВНЕЙ УКРАИНЫ

(Письмо М. П. Погодину)

"На поле, сжатом наскоро историками Малороссии, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья и по немногу передаю их в общую известность. Теперь занимаюсь обозрением полков и сотен, на которые в старину делилась Малороссия[1]. Тут встречается важный пропуск: неизвестно, из каких полков и сотень состояла Малороссия во время ее присоединения к Русской державе. Это достопамятное в русской истории событие совершилось старанием гетмана Богдана Хмельницкого и его присягой, данной *8 января 1654 г.*, в Переяславе, в соборной Успенской церкви, основанной Мономахом. Список тогдашних полков и сотень, с их полковниками и сотниками, через *два века* после них, был бы исторической им поминкой; а составить этот список — кому же, как не князю М. А. Оболенскому[2]. Попроси же его об этом от себя и от меня, и напечатай в Москвитянине!

Теперь обращаюсь к древним городам украинским, над которыми и ты потрудился немало в своих исследованиях.

1) *Пирятин*, уездный город на р. Удае, поминаемый нередко в истории Малороссии. Он был сотенным городом Лубенского полка, а в гетманство Хмельницкого — полка Кропивянского. Но он известен и в древности: ровно за 700 лет, т. е. *1154* года, Глеб Юрьевич[3] с половцами, не успев ничего под Переяславом, взял *Пирятин* (см. летопись Лаврентьевскую). За что же ты пропустил его в своих *Исследованиях* и не принял в число древних городов Переяславского княжества?

2) Пропущен у тебя и *Лукомль*, близ которого в 1179 году стояли русские князья, в походе за Сулу. Этот город значится и в книге Большого Чертежа: «А выше Горошины 2 мили град

Лукомля; а выше Лукомля 2 мили град *Лубны*». *Лукомская* сотня, в гетманство Хмельницкого, причислялась к Полтавскому полку (сотником был тогда Назар Елецкий); а потом она принадлежала к полку Лубенскому. По нынешнему зовется он *Лукомье*; древние окопы его уцелели поныне. Поминаемый в той же книге «*град Буромля*» на Суле (нынешняя *Буромка* Золотоношского уезда), конечно, ровесник Лукомле, хотя и не поминается в древних летописях.

3) *Буромль*, а по книге Большого Чертежа «*град Буромля*», хоть и не помянут древним летописанием, но он, конечно, ровесник Лукомле и одного с ним происхождения. В прошлом столетии он назывался уже *Буромкою* и считался местечком сотни Горошинской.

4) *Жовтин* Золотоношского уезда, в гетманство Хмельницкого был сотенным городом Чигиринского полка (Жовнинским сотником 1649 года был Остап Сухомлин). Этот город построен *1116* года князем Ярополком, для полоненных им дручан и назван *Желтиным* или *Желтами*. Неизвестно, по какому обстоятельству он назван именем птицы желны: может быть, в древней Украйне дручаны прозывались *желтами*. (Так Беловежские колонии, по своим насельникам, зовутся в народе Прусами).

Отсюда перейти бы за Днепр на *Татинец*... Но я не дознался еще, где этот Днепровский *Брод*, на который в 1187 году ходил грозный Святослав гонить половцев? Туда не попадешь по указанию вашему на село *Мутатинцы*; ибо оно только на географической карте и написано ошибочно вместо села *Мутишинцы!*...

5) Обратимся же к Киеву, привычным путем, на Переяслав, а оттуда на древний город *Баруч*, который следует признать в нынешнем Барышполе, бывшем издавна сотенным городом Переяславского полка. (В гетманство Хмельницкого Барышпольским сотником был Антон Герасименко).

Надеждин[4] с Невольным[5], справедливо предположив Баруч в Барышполе, не напрасно предполагали в той же стороне и Нежатин (поминаемый 1135-74 г.). Я нашел его близ села Гнедина в сельце или хуторе Неготине, принадлежавшем к Барышпольской сотне, вместе с Княжичами. А село *Русанов*, в котором справедливо признали древнюю *Русатину*, принадлежало к сотне Гоголевской.

6) В 1115 году Владимир Мономах устроил *мост через Днепр*. Где же? В новейшем (Ермолаевском) списке летописи Киевской прибавлено: *у Вышгороде*. Но мне сдается, что не в самом *Вышгороде*, а пониже его, по Черниговской дороге, шедшей к Днепру на Моровск, а от Днепра в Киев на село *Ольжичи*.

Не знаю, где вы нашли, что село *Ольжичи* было на Черниговской стороне Днепра! По этому предположению вы и в словах Киевской летописи: *на сей стороне Днепра* /т. е. на киевской/, хотите видеть сторону черниговскую! Карамзин думал, что эти слова и написаны черниговцем. По-твоему, они написаны спутником Изяслава, но соответственно месту его пребывания под Черниговым. А простее сказать: они написаны киевским летописцем, соответственно месту его пребывания в Киеве! Об *городце*, бывшем в виду Киева на левой стороне Днепра, он говорит: «Поеха (Глеб) на ону сторону в городок» (1171 г.). А об *Ольжичах* у него сказано: «Стоявшим же им 12 дний под городом (Черниговом), в то же время Вячеслав с Изяславом стояшета *на сей стороне Днепра у Олжичь*» (1152 г).

Это прямое указание Киевской летописи на киевскую сторону Днепра принимаю я за основание; беру в соображение еще три места из той же летописи и Несторово известие (под 947 г.) и для меня становится ясно, что *Ольжичи*, село великой княгини Ольги, находилось под Киевом, на правом берегу Днепра, против Черниговской дороги,— где-нибудь между *Дорогожичем* (у которого Кирилловский монастырь) и *Вышгородом* (к которому, без сомнения, принадлежало сперва это село, так как он был город Ольгин). У Ольжичь останавливались обыкновенно киевские князья, выряжаясь в поход к Чернигову (как в 1152 году Вячеслав с Изяславом, или 1183 г. Святослав). В Ольжичах останавливались и князья, приезжавшие из Чернигова по приглашению киевского князя (напр. Олег Святославич 1161 г. или Ольговичи в 1142 г.).

Все полагали, что и *Пересечен*, поминаемый ь летописях 1154 года, находился на левой стороне Днепра! Но ты (в *Исследованиях*) уже согласился со мной, что он был на правой стороне, пониже Киева, и переместил его в княжество Киевское, но где именно был он, это еще требует определения.

7) К наддиепровским городам Киевского княжества надо бы, кажется, прибавить *Иван*-город, у которого 1151 года стоял князь Изяслав со своими союзниками против Юрия. Смотри в киевской летописи: «Стояхуть вси у *Ивана*». Это не личное, а местное имя. Отсюда дошли они на ночлег в Треполь, а из него в Киев. Очевидно, что Иван был ниже Треполя: по моему, возле Ржищева, где и ныне находится гора *Иван* с старинным городищем.

Есть и на левой стороне Днепра Иван-город, бывший сотенным городком Нежинского полка. Может быть, он и построен переселенцами с Заднепровской Иван-горы.

8) А вот еще город *Дерновый*, поминаемый 1146 года. Ты говоришь в Исследованиях: «Ясно, что это место было между Зарубом и Витичевым». А для меня очевидно, что Дерновый от

Заруба в другой стороне, в Поросьи. Летописец говорит об Изяславе: «И перейдя Днепр у Заруба; и ту прислашася к нему Черныи Клобуци и все Поросье, и рекоша ему: ты наш князь, а Ольгович не хочем; а поеди вборзе, а мы с тобою! И пойде Изяслав к *Дерновому*, и ту совокупишася вси Клобуци и Поршане». Где ж именно был город *Дерновый*? Там, где и теперь он, на правом берегу Роси, под видом села *Деренковца*. В июле 1851 года, я ездил за Днепр, в Богуслав и Корсунь, чтобы там видеть полное затмение солнца и полюбоваться игрою Роси по скалам и каменьям. Из Корсуня я проехал в *Гарбузинский* Онуфриевский монастырь, а оттуда в *Деренковец*, с которого начинается Заднепровское поместье князя М. С. Воронцова[6] и от которого Рось поворачиваст уже к Днепру. Возле Деренковца, в одной стороне гора *Царева* и *Опришкова*, а в другой *Деренова* гора: на ней и поныне растет изобильно ягодный кустарник *дерен* (Cornus mas), по которому и назван древний город *Дерновый*.

В 1192 году князь Рюрик, «Половце одарив дары многими, и водив и к роте, и отпусти восвояси; а Кунтувдея остави у себе, и да ему *город на Роси Дверен*, Руское земле деля». Вы принимаете этот *Дверен на Роси* за особый, вам неизвестный город; а по моему это тот же *Дерновый* или *Дерен* город, с такою же переменою в имени, как *Желний* или *Желны* (или Желди), как *Песочен* и *Пески*. Именем дерев назывались нередко поселения: *Стародуб, Вишня, Береза, Ольха, Дубовый гай* (под Прилукою, в котором нет уже ни одного дуба!) *Козацкая дуброва* (за Конотопом, в которой нет уже ни одного козака!) А что вместо *Дерен* написано *Дверен*, то прибавочный звук в именах городов такое нередкое явление, что об нем и говорить нечего. Припомни к этому (в моей «Бубновской сотне»)[7], что надднепровский городок *Бубнов*, в «Книге Большого Чертежа» переделался в *Дубков*; а супойский городок *Гелмязов* — в Алмазов. Ныне зовется *Глемязовым*.

9) Вот мы опять на Переяславской стороне Днепра, на славном Супое, в городке, вошедшем на Украйне в пословицу своими бубликами: «Чудны (говорят) як Глемязовский бублик!»

10) Ниже *Глемязова*, на живописной излучине Супоя, возвышается *Ташань*, принадлежавшая наместнику Малороссии, графу П. А. Румянцову. Тут, в замке, построенном от царицы для героя *Задунайского*, и докончил он славный век свой — «как вечер во заре румяной». Давно ли, кажется? А замка того уже нет; стены его еще при жизни Сергея Петровича Румянцова послужили на фундаменты хлебных магазинов ташанских.

Ташань еще и в исходе прошлого столетия называлась *Городищем*. Без сомнения, это один из древних городов украинских, который я назову *городком Супойским* (в отличие от

Остерского и Подкиевского). От Переяслава до него верст 25. Сюда то к *Супоеви* пришел Юрий в 1149 году и отсюда подвигался медленно к Переяславу на Изяслава — через речку *Стряков* и *сельцо Кудыново*. Через этот же *Городок*, я полагаю, в 1156 году бежала княгиня (имя рек) из Переяслава в Гомий, к своему Изяславу, туда ушедшему. Сельцо *Кудиово* теперь неизвестно; не слышно там и урочища этого имени; я думаю, что это село не иное что, как нынешняя *Строкова*, принявшая имя своей исторической реченки, уже иссякшей (подобно тому, как *Белополье* зовется в народе *Крыгою*, по имени своей речки). А сельцо *Янцино*, за которым стоял Юрий, придвинувшись к Переяславу, существует и ныне, называясь *Янепками* малыми (в отличие от *Яненок* Пологовских). Сельцо *Янцино*, без сомнения, принадлежало знаменитой княгине *Янке* и потому его смело можно относить ко второй половине XI века.

22 ноября 1853 г.
Михайлова гора.

СКАЗАНИЕ О ПРАЗДНИКЕ СВ. БОРИСА ПОД ПЕРЕЯСЛАВОМ

Девятый век уже, как на Руси ублажается память святых князей наших Бориса и Глеба. Преподобный Нестор, описывая их житие и убиение, славословил их, как «две светлые звезды, озаряющие всю землю Русскую», как «заступников Русской земли, всегда молящихся о своих людях, и подающих исцеление всем, приходящим к ним с верою и любовью».

Народ украинский сохранил особенную веру к святым мученикам-князьям, которых молитвы и помощь не раз видела Русь в своих победах над врагами. Еще и теперь на Украине за великое *свято* чтут *второе мая* и отлагают в этот день полевые работы, по пословице старых людей: «На Глеба и Бориса за хлеб не берися!»

Второе мая празднуется издревле*, как день *перенесения* мощей их, бывшего в Вышгороде. Там оно совершено в первый раз 1072 года, при Ярославичах, когда князь Изяслав поставил там новую Борисо-Глебскую церковь, вместо прежней. Второе перенесение мощей, того же числа, было 1115 года, когда Владимир Мономах, с двумя Святославичами, соорудил в Вышгороде каменную церковь во имя св. мучеников**. От этой Вышгородской церкви, со времени Батыева нашествия, уцелело только каменное основание, на котором стоит нынешняя цер-

* Праздник перенесения мощей св. Бориса и Глеба установлен, без сомнения, в 1072 году. Существование его в древнее время видно уже из того, что второе перенесение мощей 1115 года было тоже второго мая. В Лаврентьевской летописи читаем: в лето 6695 (1187) месяца мая в 2 день, на пренесенье святою мученику Бориса и Глеба».

** Первое перенесение мощей описано в летописи Несторовой и в особом житии Борисовом; а второе перенесение в летописи Киевской.

ковь; да и самое местопребывание святых мощей, с той поры, покрылось для нас неизвестностью.

Но русские богомольцы и ныне ежегодно собираются в Вышгороде праздновать память святых князей, *24 июля, в день убиения Борисова.* Так установил еще древний Ярослав, когда он, построив там первую церковь во имя Бориса и Глеба, и положив в ней мощи святых братьев своих, заключил свою радость о том восьмидневным пиром народу, и назначением *десятины* на новую церковь*. Что касается до второго мая, то этот день с особенной торжественностью празднуется под Переяславом, верстах в трех от него на левом берегу Альты, на месте убиения Борисова.

Ежегодно к этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякого звания и возраста. По окончании литургии бывает большой крестный ход из Переяславского кафедрального собора на берег Альты. С тем вместе, как священнослужители всходят на помост, на котором совершается водоосвящение, множество недужного народа входит в реку. Нельзя без умиления глядеть на это молитвенное чаяние движения воды, во все продолжение молебствия. Но еще торжественнее то святое мгновение, когда с погружением животворящего креста, возгласят: «Спаси, Господи, люди твоя!» Тогда, с именем святого Бориса на устах и с крестным знаменьем, народ целыми сотнями стремится в освященную реку, чтобы окупаться в ней и вместе со сброшенной с себя одеждой потопить в ней свои недуги и печали.

Берег Альты, где совершается это народное празднество, *благословился* кровью святого Бориса в 1015 году, через девять дней по кончине святого Владимира. Любимый сын его, разумный и набожный Борис, ходил тогда из Киева против печенегов, и на возвратном пути остановился на берегу Альты. Здесь пришла ему весть о смерти отца. Воины разошлись от него и он остался только со своими отроками. Плакавшись по отце, Борис пел ночью заутреню в шатре своем, перед образом Спасителя. В то время убийцы, посланные Святополком, подступили близко к шатру и когда Борис лег уже на одр, они, как дикие звери, напали на него и прокололи его копьем. Любимый отрок его, Георгий Угрин, упал на него также заколотый, и потом еще обезглавленный для того, чтобы скорее снять с его шеи большую золотую гривну на цепи, возложенную Борисом. Из других

* Вышегородское празднество при Ярославе описано в житии Борисовом. Оно происходило в 1020 году или вскоре после него (а не в 1035 и не в 1050). Ярослав праздновал *восемь* дней, подобно тому, как и Владимир, поставив Преображенскую церковь в Василькове, праздновал *восемь* дней. Но на празднике перенесения мощей при Владимире Мономахе (1115 г.) празднество продолжалось *три* дня.

СКАЗАНИЕ О ПРАЗДНИКЕ СВ. БОРИСА ПОД ПЕРЕЯСЛАВОМ

Девятый век уже, как на Руси ублажается память святых князей наших Бориса и Глеба. Преподобный Нестор, описывая их житие и убиение, славословил их, как «две светлые звезды, озаряющие всю землю Русскую», как «заступников Русской земли, всегда молящихся о своих людях, и подающих исцеление всем, приходящим к ним с верою и любовью».

Народ украинский сохранил особенную веру к святым мученикам-князьям, которых молитвы и помощь не раз видела Русь в своих победах над врагами. Еще и теперь на Украине за великое *свято* чтут *второе мая* и отлагают в этот день полевые работы, по пословице старых людей: «На Глеба и Бориса за хлеб не берися!»

Второе мая празднуется издревле*, как день *перенесения* мощей их, бывшего в Вышгороде. Там оно совершено в первый раз 1072 года, при Ярославичах, когда князь Изяслав поставил там новую Борисо-Глебскую церковь, вместо прежней. Второе перенесение мощей, того же числа, было 1115 года, когда Владимир Мономах, с двумя Святославичами, соорудил в Вышгороде каменную церковь во имя св. мучеников**. От этой Вышгородской церкви, со времени Батыева нашествия, уцелело только каменное основание, на котором стоит нынешняя цер-

* Праздник перенесения мощей св. Бориса и Глеба установлен, без сомнения, в 1072 году. Существование его в древнее время видно уже из того, что второе перенесение мощей 1115 года было тоже второго мая. В Лаврентьевской летописи читаем: в лето 6695 (1187) месяца мая в 2 день, на пренесенье святою мученику Бориса и Глеба».

** Первое перенесение мощей описано в летописи Несторовой и в особом житии Борисовом; а второе перенесение в летописи Киевской.

ковь; да и самое местопребывание святых мощей, с той поры, покрылось для нас неизвестностью.

Но русские богомольцы и ныне ежегодно собираются в Вышгороде праздновать память святых князей, *24 июля, в день убиения Борисова.* Так установил еще древний Ярослав, когда он, построив там первую церковь во имя Бориса и Глеба, и положив в ней мощи святых братьев своих, заключил свою радость о том восьмидневным пиром народу, и назначением *десятины* на новую церковь*. Что касается до второго мая, то этот день с особенной торжественностью празднуется под Переяславом, верстах в трех от него на левом берегу Альты, на месте убиения Борисова.

Ежегодно к этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякого звания и возраста. По окончании литургии бывает большой крестный ход из Переяславского кафедрального собора на берег Альты. С тем вместе, как священнослужители всходят на помост, на котором совершается водоосвящение, множество недужного народа входит в реку. Нельзя без умиления глядеть на это молитвенное чаяние движения воды, во все продолжение молебствия. Но еще торжественнее то святое мгновение, когда с погружением животворящего креста, возгласят: «Спаси, Господи, люди твоя!» Тогда, с именем святого Бориса на устах и с крестным знаменьем, народ целыми сотнями стремится в освященную реку, чтобы окупаться в ней и вместе со сброшенной с себя одеждой потопить в ней свои недуги и печали.

Берег Альты, где совершается это народное празднество, *благословился* кровью святого Бориса в 1015 году, через девять дней по кончине святого Владимира. Любимый сын его, разумный и набожный Борис, ходил тогда из Киева против печенегов, и на возвратном пути остановился на берегу Альты. Здесь пришла ему весть о смерти отца. Воины разошлись от него и он остался только со своими отроками. Плакавшись по отце, Борис пел ночью заутреню в шатре своем, перед образом Спасителя. В то время убийцы, посланные Святополком, подступили близко к шатру и когда Борис лег уже на одр, они, как дикие звери, напали на него и прокололи его копьем. Любимый отрок его, Георгий Угрин, упал на него также заколотый, и потом еще обезглавленный для того, чтобы скорее снять с его шеи большую золотую гривну на цепи, возложенную Борисом. Из других

* Вышегородское празднество при Ярославе описано в житии Борисовом. Оно происходило в 1020 году или вскоре после него (а не в 1035 и не в 1050). Ярослав праздновал *восемь* дней, подобно тому, как и Владимир, поставив Преображенскую церковь в Василькове, праздновал *восемь* дней. Но на празднике перенесения мощей при Владимире Мономахе (1115 г.) празднество продолжалось *три* дня.

отроков избавился от убийства только брат Георгия, Моисей Угрин, бежавший в Киев, к Борисовой сестре Предславе. Впоследствии он, потерпев много в польском плену, сподобился почить нетленно среди угодников Божьих, в ближней или Антониевой пещере.

Убийцы Бориса, увертевши его в шатер и положив на *кола*, повезли его еще дышущего. Узнавши об том Святополк, послал двух варягов, чтобы *прикончать* его. Один из них, видя, что Борис еще жив, пронзил его мечом к сердцу. Так скончался блаженный Борис. Тело его принесли тайно в Вышгород и положили у церкви св. Василия. Там возле него, через четыре года, положено было и тело юнейшего брата его Глеба, отысканное ловцами по велению Ярослава. Кроткий Глеб зарезан был в том же 1015 году *5 сентября*, на реке Смядине (ниже Смоленска), другими убийцами, посланными от того же *окаянного* брата их Святополка.

На месте убиения Борисова, через четыре года по его кончине, стоял князь Ярослав, готовясь на роковую битву со Святополком и печенегами. Там он молил Бога об отмщении братоубийце и взывал к убиенным братьям, прося их молитвы себе на помощь. Это было в пяток, при восходящем солнце. И соступились обое. И была сеча зла, какой не было дотоле в Руси. Но к вечеру одолел Ярослав; а Святополк бежал навсегда, гонимый Божьим гневом. Таким образом, в 1019 году, на Альтском поле, решилась в то время судьба Киева и целой Руси.

Поставил ли что здесь Ярослав в память Бориса и славной победы своей, и что было здесь в продолжение века, об том нет у нас древнего сказания. Но нельзя предположить, чтобы такое достопамятное место осталось в забвении тогда, как Борис и Глеб уже прославились своей святостью и особенно, когда состоялся новый праздник — *перенесения* мощей их в Вышгороде. Воротясь с того празднества в свой Переяслав, князь Всеволод Ярославич и епископ Петр, конечно, учредили и у себя на Альте праздник *второго мая*; и вероятно, не позже 1073 года возникла здесь часовня, упоминаемая в летописях под именем *Летской*, т. е. *Альтской божницы**. Возле этой божницы,

* Находя, по летописям, и в Киеве и других местах, немало русских божниц, мы несомненно принимаем *Летскую божницу* за православную русскую часовню, которая существовала на месте убиения Борисова и в 1154 году, отдельно от Мономаховой церкви, поставленной через два года после второго перенесения мощей.

Таким образом, я не признаю того мнения, какое предложено митрополитом Евгением в описании Киево-Софийского собора на с. 62, будто божница Летская была польская католическая каплица. Название *Ляцкой*, поставленное в некоторых списках летописи вм. *Летской*, означает здесь не Лядскую или Польскую; но (как принимал и Карамзин) Альтскую, стоящую на реке Лете, или Альте. Точно так и Альтское поле называется в летописи *Летьским* (а по Кенигсберг-скому списку *Лытеским*).

Арцыбышев[1], в повествовании о России /Т. I. С. 68, 152/, принимал

вероятно, стояла и та *прекрасная* каменная церковь, которую во имя Бориса и Глеба соорудил Владимир Мономах, 1117 года и у которой он окончил свою доблестную жизнь, 1125 года*.

А что праздничный ход из Переяслава на Альту в Борисов день был и в древнее время, то видно из сказания Лаврентьевской летописи о Мономаховом сыне Юрие Долгоруком, который находился в Переяславе 1151 года: приспевшу празднику святых мучеников, ходил он с детьми на Альту; и оттуда сын его Андрей Боголюбский отправился в Суздаль.

В княжение Глеба Юрьевича, 1154 года, половцы, опустошая окрестности Переяслава, сожгли Альтскую божницу и Борисоглебскую церковь.

С той поры не находим уже никакого об них письменного известия от прошедших веков. Сквозь мглу минувшего, только под конец XVII века, усматриваем небольшую деревянную Борисоглебскую церковь,— и уже не там, где пролита была кровь св. Бориса, а в Переяславском Заильтицком предместьи, на правом берегу Альты, при ее впадении в Трубеж. От этой церкви не осталось ничего, что было бы старее 1700 года; и она, по преданию, была так мала, что в ней продолжалось еще служение, когда над ней (в 1784 году) построена была уже нынешняя деревянная Борисоглебская церковь.

На месте убиения Борисова и теперь находится большой каменный крест, поставленный *2 мая 1664 года.* А над этим крестом более полутораста лет стояла небольшая деревянная часовня, называвшаяся по здешнему *капличкою.* Убогий памятник *заступнику Русской земли...* Но он богат воспоминаниями и верой народа, приходящего с древних времен молиться в часовне святому Борису, на том месте, где он сам молился в шатре своем, в последний час своей земной жизни.

Альтскую божницу за одно с Мономаховою Борисо-Глебскою церковью на Альте. Но невероятно, чтобы великолепная каменная церковь называлась божницею. При том же в Киевской и многих других русских летописях Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно. «Тогда же (1154) много зла створиша половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Летьскую божницу, и святою мученику Бориса и Глеба (т. е. церковь) зажгоша». Монах Лаврентий, или один из его предшественников в переписке летописи, пропустив второй союз и, поставил так: «... и Летьскую божницу святою мученику зажгоша». Отсюда возникло мнение Арцыбышева.

* В похвале Мономаху, продолжатель Несторовой летописи говорит так: «Велику же веру стяжа к Богу, и сродникома своима к святыма мученикома Борису и Глебу; тем же и церковь прекрасну созда на Льте, во имя его, идеже святого Бориса кровь пролиянa бысть... Преставися на Льте у милое церкве, юже созда потщанием многим; сынове же его и боляре несоша Киеву; и положен бысть в святей Софьи у отца своего» (*Лаврент. Лет.*).

Вспомним при этом Мономаховы слова, из его поучения: «Идох на отця своего место Переяславлю; и вшедохом на святого Бориса день из Чернигова; и ехахом сквозе полки Половечскыи, не в 100 дружине, и с дѣтьми и с женами; и облизахуться на нас аки волци, стоящe и от перевоза и с гор; Бог и святый Борис не да им мене в корысть; невредени доидохом Переяславлю».

Полуизглаженная надпись на кресте свидетельствует, что его водрузил здесь Переяславский протопоп *Григорий Бутович,* с помощью стрелецкого головы *Селивана Кириловича Белого.* Над этой надписью нарезаны на кресте известные слова победы IE. XE. NIKA*, которые так часто встречаются в южной Руси на разных древних предметах, начиная с гробницы Ярославовой. На другой стороне креста нарезано гербовое начертание с буквами Г Б П; а под ним надпись: «Делал крест сей Харко Безпалчий мельник с товарищем своим Мартином».

Снимая всю эту надпись с креста, в 1837 году, незабвенный издатель *Очерков России*** Вадим Пассек, не мог уже разобрать фамильного имени Григория и в помянутых трех буквах угадывал имена Глеба и Бориса. Но эти буквы означают имя *Григория Бутовича Протопопа* и принадлежат к его гербу. Тот же герб, с теми же буквами, написанный рукой самого Григория, встретил я трижды, перелистывая старинный помянник Успенской Переяславской церкви, при которой Бутович был протопопом с 1651 года***. Так как эта церковь, первоначально основанная еще Владимиром Мономахом 1098 года, была в XVII столетии соборной, то можно полагать наверное, что крестный ход на Альту производился тогда из нее.

Что касается до Альтской божницы, то из нескольких ее возобновлений одно принадлежало Феодосию Васковскому игу-

---

* В Малороссии ведется следующее простонародное толкование этих слов: «На кресте Искуплен Кровию Адама». Но эти слова значат: побеждает.

** См. статью Пассека[2] «Окрестности Переяславля» в «Очерках России». Кн. 4. М., 1840.

Нельзя умолчать о другой ошибке, повторенной два раза в той же статье, будто мощи Бориса и Глеба открыты при Ярославе в 1050 году и перенесены в Печерский монастырь!

Мощи были открыты в митрополитство Иоанна первого, который скончался 1035 года. А что они оставались в Вышгородской церкви и после второго перенесения в 1115 году, то видно из Киевской летописи, где один из писавших ее говорит как современник: «Где ныне лежита». При том же и монастыря Печерского не было еще в 1050 году.

*** Вот краткая помника о Григории, собранная мной из разных памятников старины. Родом он был из Белой Церкви, сын тамошнего священника Филона Тарасьевича Бутовича, с 1651 года он стал протопопом Успенской соборной церкви в Переяславе. Здесь он священнодействовал и в тот достопамятный день, когда Богдан Хмельницкий с войсковой старшиной присягал на верность престолу Московскому. Когда перед этим, 31 декабря 1653 года, московские полномочные послы въезжали в Переяслав, то Григорий встретил их у городских ворот, и, окропив святой водой, приветствовал их речью; и оттуда все шли в собор; а 8 января 1654 года, когда гетман Богдан с боярином Бутурлиным пришли уже к Успенскому собору для присяги, Григорий, с прочими священниками и диаконами переяславскими, встретил их на паперти, с крестами и кадилами, и пропел: «Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!» В 1660 году Григорий Филонович получил царскую грамоту на село Ерковцы для Успенской церкви. В исходе 1665 года он был в Москве, в свите гетмана Брюховецкого, и там подписал его договорные статьи. Но когда, после возвращения их из Москвы, начались мятежи Переяславские, тогда о. Григорий переселился в город Гадяч, где и скончался.

мену Межигорскому, в 70 годах XVII века; а в последний раз она возобновлена была 1832 года.

Народ и теперь еще не отвык называть именем *каплички* праздник 2 мая на Альте; но теперь на ее месте находится уже каменная церковь во имя св. Бориса.

Еще в 1660 году дана была межигорцам грамота царя Алексея Михайловича «на строение *монастыря на крови святого страстотерпца Бориса*, и на местечко Бобровицу к тому монастырю в подданство*. Но неизвестно, почему не состоялось тогда построение монастыря и почему вместо него, через четыре года, поставлен был только каменный крест с часовней. После того, не ранее как в 1826 г., было предпринято построение каменной Борисовской церкви, при бывшем тогда переяславском епископе Георгии. Но исполнить сие достойное дело суждено было переяславскому архиепископу Гедеону. На зов пастыря с усердием ответствовала паства; и в 1839 году возникла новая церковь, над старинным крестом, оставшимся в ней с левой стороны. Она заложена преосвященным Гедеоном *2 мая* 1839 года; освящена в следующем году *24 июля*, как в храмовой день ее; а в 1841 году устроен в ней на правой стороне и освящен придел во имя св. Глеба, которого память издревле празднуется еще особо, *5 сентября*. Таким образом в Борисовской Альтской церкви соединились все три праздника святым князьям-страстотерпцам.

Участок Альтского берега, на котором поставлена Борисовская церковь и совершается вышеописанное празднество, принадлежал с 1660 года Межигорской обители. Благочестивая старина обвела его со всех четырех сторон валом, доныне уцелевшим на половину. Межигорцы, имевшие свое подворье в близ лежащем селе Демянцах** на Альте, служили молебны и панихиды у креста, для приходящих сюда на праздник Бориса;

---

* Грамота дана 12 апреля 1660 года. О том же и в том же году межигорцы получили и универсалы от гетмана Юрия Хмельницкого и от Переяславского полковника Тимофея Цецуры.

** Водворение межигорцев в селе Демянчичах (по древнему Деменеск, а по нынешнему Демянцы) началось в 1642 году, когда переяславский войт Кирило Огризко подарил им свой хутор в Демянчичах над Ильтицею (т. е. Альтою): что и утверждено было в 1643 году Конецпольским, а в 1645 году королем Владиславом.

В 1690 году межигорцы получили царскую грамоту и гетманский универсал на села Демянчичи и Харьковцы, в *Переяславском ключу*.

В 1696 году гетман Мазепа подтвердил Переяславскому полковнику, чтобы в Демянчичах и Харьковцах аренда была Межигорскому монастырю.

После того уже в 1702 году межигорцы купили хутор и остров в Демянчичах, у Анны Татариновой, которая владела ими по завещанию своего крестного отца, полковника Войцы. Да у Демянского священника Федора Григорьевича приобрели межигорцы пахатного нивья за 12 талярей; а 1719 года у него же купили грунт и двор в селе Демянцах. В 1712 году Спасский священник Павел Доброницкий завещал им около Демянчич пахотного поля в 3 руках.

а в день праздника, после водосвятия, они угощали переяславцев и весь народ обедом. Но когда уничтожился их монастырь под Киевом (1787), тогда они передали Альтскую капличку и Борисовскую площадь священнику Воздвиженской Демянецкой церкви, к приходу которой принадлежит издавна эта полоса Альтского берега.

В нынешнем столетии владельцем Борисовской площади явился Иван Васильевич Кондратьев, помещик смежной деревушки Кондопровки или Борисовки. По утрате своего единственного сына, он в 1837 году отдал под церковь и погост, без малого десятину этой достопамятной земли. Церковное ведомство уже обводит каменной оградой эту часть, и строит на ней деревянную богадельню на 15 человек.

Жаль однако, что Борисовская площадь не вся еще возвращена церкви и что она теперь не в прежнем ограничении. Некоторая часть ее по берегу Альты принята под сад владельца; а со стороны Альтского поля ее заслонили собой, с недавнего времени, несколько хат с клунею. Некоторые из них переступили через старинный граничный вал, которым издавна обведена Борисовская площадь. От этого она, и без того не очень обширная, крепко стеснилась и вход в нее стал неудобен и неблаговиден.

Октября 5 в 1846 году, по пути в Киев, я вновь посетил достопамятный берег Альты, где в Борисов день она обращается в купель, подобную Силоамской, но уготованную не для одного, а для тысячи недужных. Теперь я не нашел здесь ни души здешней. Только бородатый каменьщик со своим товарищем постукивал кирпичами, работая церковную ограду. Он напомнил мне собой о дальнем севере и об перехожем слепце *Иване*, который только сажен земли мог считать собственностью на этом *вольном свету**, но от которого не одно поколение слушало народную песнь о Борисе и Глебе. Вот отрывок из этой песни.

Как старейший брат ненавистный злой
Бориса взял — копьем вдружил,
А Глеба — ножем зарезал.
Он думал, злодей, рай растворился:
Ан сам сквозь сырой земли провалился.
А те тела, Борисово,
Борисово и Глебово,
Лежали ровно тридесять лет;**
Ни зверь их, ни птица не тронули
Ни мрачное помрачение,

---

* Выражение *вольный свет* очень часто встречается в народных великорусских песнопениях духовных; а тот свет — уже *неволен*.

** Число 30 здесь принадлежит не истории, а народной поэзии великорусской, которая любит это число.

Ни солнечное помрачение.
Как тридцать лет миновалося,
Явилося явление:
Явился столп огненный
От земли и до неба.
К тому столпу огненному
Сходилися, соезжалися
Цари, власти и патриархи,
И все православные христиане;
Служили молебны благочесты,
Двум братам: Борису и Глебу;
Святыя тела обрегоша нам
Двух братьев, Бориса и Глеба,
От святых мощей было прощение.
Погребали их светов со славою.
А мы поем славу Борисову,
Борисову и Глебову,
Во веки веков, аминь!»

Михайлова гора. 1846.

О МАЛОРОССИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности:* начинает уже сбываться желание — да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась.

В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная. В них часто видим баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились: *сказка — складка, а песня — быль,* говорит пословица. В сем смысле весьма значительны, а потому достойны внимания и уважения были бы разыскания следов народной мифологии, обрядов, собрание песен, пословиц и т. д. Особенно язык совершенствуется исследованиями остатков от прошедшего, в коих он ближе к своему корню, следовательно чище в составе и крепче в силе. Это можно отнести в особенности к песням славянским, кои видимо отличаются своим *изяществом.* Сие изящество их может послужить ясным доказательством, что поэзия есть врожденное качество духа человеческого, что истинная поэзия может быть *его собственным* произведением*.

---

* В статье *г. Бродзинского*[1] *о народных песнях славян* (переведенной в «Вестнике Европы»[2] 1826 года, №13), много сказано весьма хорошего о сем предмете; он говорит: славяне остаются ныне народом единственным, которого вкус, обычаи и песни напоминают нам картину Греции древней. С. 47.

С таким образом мыслей я обратил внимание на сии предметы в Малороссии и на первый раз издаю выбор песен сей страны, полагая, что они будут любопытны и даже во многих отношениях полезны для нашей словесности — будучи совершенно уверен, что они имеют несомненное достоинство и между песнями племен славянских занимают одно из первых мест. Предоставляю другим приводить оные в систему и выводить дальнейшие последствия...

Возникшая подобно комете Малороссия долго тревожила своих соседей, долго перепадала с одной стороны на другую и была только обуреваема бедствиями и беспокойствами, которые не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волнение. Массу ее составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место; а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набегах, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире: это черты диких азиатов — жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в костюме с его привычками. Таким образом коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким. Свойства коренного племени, кажется, наиболее сохранились между девами и женами, кои, будучи отлучены от удалых казаков своих, в отношении к ним весьма грубых, чуждых всякой домовитости, и не имея никакого участия в общественном быту их, находили все в мирных занятиях домашней, сельской жизни.

Скоропостижное соединение трех первоначальных образов жизни — некогда *наездничесой*, буйной, беззаботной, с ленивым однообразием и скудностью жизни *пастушеской* и оседлостью *земледельческой* — вот что составило потом особенность малороссиян, заметную еще и доныне, по причине малолюдности. Из сего очерка может сделаться несколько понятным и содержание и характер их песен.

Во-первых, представляются песни, содержанием своим имеющие смерть казаков, отъезд их на чужбину, тоску по родине, иль *схватки боевые*; а потом воспоминание об них. Здесь всегда почти находите тоску матери о сыне, или сестры о брате; любовь отцовскую едва ли где встретите. Находите также песни о гайдамаках, столь же удалые, как и самый предмет. Особенно замечательны *думы** —героические песнопения о *былинах*, относящихся преимущественно ко временам гетманства Скоро-

* Малороссийские думы известнее сербских песней. В них гораздо более сладкой меланхолии; в песнях же военных более силы и картин эпических. *Бродзинский*. Смотри «Вестник Европы». № 13. 1826. С. 52.

падского. Их и ныне еще поют слепцы-бандуристы, коих можно назвать малороссийскими рапсодами.

Восемь таковых дум издал князь Цертелев[3] под названием: *Опыт собрания старинных малороссийских песней.*

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу — в особенности Хмельницкому, Палею, Мазепе и другим.

Сказание о частных домашних событиях у казаков составляют переход от дум к повествованиям вымышленным или балладам, каковы напр.: песня о Твардовском, песнь о построении Киева, кои поют также старики бандуристы. Желательно, чтобы кто-нибудь из земляков моих, в Полтавской губернии или близ Киева живущих, поспешил сохранить для словесности сии памятники.

Песни женские, во-первых, суть выражение тоски по родине, от которой были отлучаемы девы обманами казаков; некоторые, как бы повествовательные (каковы: о *Лемеровне*, о *Бондаровне)*, показывают притеснения и неистовства, какие терпела действительно Малороссия от Канёвских и других панов. Песни любовные принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вместе с самым чувством. Они исполнены пылкой страсти. Измены часты: они либо были сносимы с безнадежным отчаянием, либо отмщаемы были чарами, что следовательно встречается нередко; вера в чарованья осталась и поныне у женщин. Песни мужчин, где видна нежность чувства любви, принадлежат, кажется, к последнему времени.

К песням женским можно отнести песни *праздничные* и *обрядные*, кои носят на себе иногда печать древней славянской мифологии; но вообще, показывая приверженность к удовольствиям земледельческой и семейственной жизни, представляют собой образцы весьма изящной, естественной идиллии (таковы *веснянки, троицкие, свадебные, на обжинки* и другие песни — смотр. книга четвертая). В сем отношении едва ли какая страна может назваться столь *песенною*, как Малороссия: там каждое время года, каждое занятие, к сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными песнями. Сюда же можно причислить и песни *заклинательные**, подобные скандинавским.

Наконец, должно сказать, что у них находится очень много песен веселых и карикатурных, иногда весьма забавных, но наиболее таких, при конце коих всегда покраснеет стыдливость и которые большей частью составляют изустную собственность народа, а не принадлежность поэзии. Веселость у них не такова,

---

* Образцы таковых мне показывал покойный *Зориан Ходаковский*[4], после коего остался знатный запас для издания малороссийских песен.

как в песнях *краковяков*,— она превращается либо в грубое, либо в непристойное. Их воображение, от досуга или с горя разгулявшееся, не знает себе меры. Сии песни, по веселому, резвому напеву и мерному складу, наиболее суть плясовые, и употребляются не столько по словам своим, сколько по музыке, часто весьма хорошей, каковы напр. известные: *Метелица, горлица, и шумить и гудé.* Есть русская пословица: *слóва из песни не выкидать;* посему и я не помещал их и для образца предложил несколько: *Била жонка мужика; чи я в мужа не жена.* Должно сказать однако ж правду, что многие из них весьма остроумны и забавны, таковы напр.: *мужик каже ячмень, жонка каже гречка*; или

Танцевала рыба з раком,
А петрушка с пустернаком,
А цибуля с часноком,
А девчина з козаком.
Цибулиця дивуеця,
Як хороше танцюется! и проч.

Что касается до характера песен малороссийских, то сей вопрос отношу только к тем, в коих видно главное стремление поэзии народной. Я их сравнивать могу в особенности только с русскими, ибо песни прочих племен славянских мне не столько известны.

Форма малороссийских песен, равно как и самый язык, занимают средину между русскими и польскими. С первыми они сходны *тоническим* размером*, и следовательно тем движением, какого не имеют польские. С польскими песнями они (а особливо нежные) имеют необходимую частую рифму или по крайней мере созвучие, звонкие и частые уменьшительные слова, отчего зависят нежность и гармония, которыми они превосходят русские песни.

Существенное их различие, по моему мнению, состоит в следующем. В русских песнях выражается дух, покорный своей судьбе и готово повинующийся велениям. Русский не привык брать деятельного участия в переворотах жизни, потому он содружился с природой и любит живописать ее, часто прикрашивая; ибо здесь только может свободно излиться его душа. Он не ищет выразить в песне обстоятельства жизни действительной; но напротив желает как бы отделиться от всего существующего и, закрыв ухо рукой, хочет, кажется, потеряться в звуке. По сему русские песни отличаются глубокой унылостью, отчаянным забвением, каким то раздольем и плавной протяженностью**. В малороссийских меньше такой роскоши***

* Песни силлабического размера сложены более для пения бандуристов.

** Есть сибирская поговорка: *в русской песне парень да дивка; а у нас, по которой улице идет, про ту и песеньку поет.*

*** Исключая песни обрядные, где часто они сходятся с русскими и другими: почему так — видно из предыдущего.

и протяженности; они, будучи выражением борьбы духа с судьбой, отличаются *порывами* страсти, сжатой твердостью и силой чувства, а равно и естественностью выражения. В них видим не забывчивость и не унылость, но более досаду и тоску; в них больше действия. Сие то действие отпечаталось и в последующих песнях драматической формой, и князь Цертелев справедливо замечает*, что в русских превосходнее описательная поэзия, что в них встречаем рассказ сочинителя, между тем как в песнях малороссийских находим драматическое изложение предмета. Сила их много зависит от *лаконизма* самого их языка.

Тоска, которая составляет важнейшее *свойство* малороссийских песней, не прикрывает их, но проницает. Она отзывается во всех песнях; даже ирония, к коей весьма склонны малороссияне, часто смешивается с оной, из чего происходит совсем особенный, отлично хороший род песен.

Образцы таковых елегико-иронических песен помещены в 3 книге моего собрания, напр. *Летит орел по над морем; ой козаче! козаче! молодый бурлаче: да оре Семен, оре* и проч.

Песни нежные отличаются неподражаемым простодушием и естественностью, которой ни мало не противоречат безпрерывные сравнения. Дух, не находя еще в себе самом особенных форм для полного выражения в его глубине зарождающихся чувств, невольно обращается к природе, с которой он, по своему младенчеству, еще дружен, и в ее предметах видит, чувствует подобие свое гораздо явственнее и вернее. По сему-то находите столь частые сравнения с окружающей безукрашенной природой,— столь частые беседы с буйным ветром, *дробным* дождем, черными тучами. Унылая, вещая *зозуля*, одинокий явор, плакучие ивы и гибкие лозы, печальная калина, крещатый барвинок** — сии эмблемы отдельных состояний духа, невольно ему напоминают его самого и он выражается ими как бы потому, что не может иначе***; когда напротив в метафорах русских песен замечаем больше искусственности, некоторого рода произвол и желание прикрас. Если сравнения отрицательные со-

---

* Вестн. Евр. 1827. № 12. С. 276.

** Любопытно бы знать, как перешло к малороссиянам уважение к руте и шалфею, кои всегда вместе так часто встречаются в их песнях. Сии две травы имели большую значительность в средние времена, так что про них, по тогдашнему обыкновению, были слагаемы латинские стихи, например:

Non est metus mortis,
Cui est Salvia in hortis

Или:

Salvia cum Ruta
Faciunt tibi pocula tuta.

*** В пример малороссийского изречения, сильного своим бессилием выразиться, можно привести следующее уверение или божбу: *коли я тее або оттее: так нехай мине абы-що, Бог зна що, отщо, а не только що!*

ставляют, по мнению гг. *Глаголева** и *Гнедича***, отличительное свойство народной поэзии русской, то малороссийские будут отличаться положительностью своих сравнений.

Что касается до пения, то у русских гораздо лучше поют мужчины — это как бы их принадлежность; в Малороссии сей способностью, и часто в высокой степени, обладает пол женский.

Самый напев или музыка, если он равно хорош и в русских и в малороссийских песнях, то должно признаться, что в последних он несравненно разнообразнее; разноличие тоже: в малороссийских нет такого раздолья, но сильнее страсть.

Из великого множества в народе обращающихся песен, некоторые были помещаемы более или менее исправно в разных повременных изданиях; в песенниках весьма нередко искаженные, наиболее же против языка. Особого собрания собственно малороссийских песен еще не было. Переходя из уст в уста, они часто лишаются многих стихов, либо оные изменяются; часто песни не допеваются, или даже перемешиваются; таким образом постепенно отходят от первобытного вида. Нельзя и думать, чтобы можно было восстановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласия, случалось сводить иногда две в одну, либо одну разделять на две; я избирал как находил сходственее с правильным смыслом и — сколько понимал — с духом и языком народным***. На первый раз я не мог более: кто будет иметь случай — соберет больше, искуснейшие — сделают лучше. Я желал показать доселе еще не совсем известные сокровища народной поэзии в настоящем виде; посему соблюдал строгий выбор и помещал песни либо замечательные по красотам пиитическим, либо представляющие образ мысли, быт домашний и пр.

Не везде ставил я знаки ударения, ибо в стихах будут ударения отличаться от обыкновенного выговора. Сия гибкость и свобода слов малороссийских, в отличие от польского языка, составляет не малое достоинство относительно стихосложения. Русский язык сию гибкость имеет еще в большей степени; одно слово принимает ударение часто на всех слогах: зелёный, зелёная; зеленый, зеленая, зелены и пр. или:

Полети мой сокол
Далеко, высоко
И далеко и высоко...

Таким выгодным свойством языка могли бы воспользоваться

---

* О русских народных песнях. Труды общества любителей российской словесности. Ч. XI. 1818. С. 38.

** Простонародные песни нынешних греков П. Гнедича. СПб., 1825. С. XXXIII.

*** Посему то песни V и VII суть только отрывки, кои поместил я, опасаясь, чтобы они совсем не потерялись в народе.

наши поэты, ни мало не погрешая против духа языка. Впрочем при пении, для которого вероятно складывались слова, одиноким протяжением гóлоса уравниваются слоги различных ударений; между тем как смерянные слоги наших стихов разнятся. Такая гибкость слов и тоническая мера подобно как в русском языке; а рифма, частые (рифмующиеся или по крайней мере созвучные) уменьшительные слова и самое даже произношение на распев в простом разговоре, коими малороссийский язык сходен с польским, — показывают, до какой степени простирается его музыкальность. При всем том он способен принимать определенный размер и не в одних песнях плясовых, что также и в русском, а еще чаще в польском встречается; но в больших даже пьесах, как показали г. *Котляревский*[5] в своей *Енеиде;* и сочинитель *Твардовского*[6], столь удачно от начала до конца выдержанного. Песня *За Немень иду* показывает способность малороссийского языка к размерам разнообразным*.

Наконец скажу несколько слов о правописании, мной изобретенном сообразно свойствам сего языка. В каждом языке есть как бы любимейшие звуки; так в малороссийском звуке *И*,— и сколько оному приписывают обыкновенно грубость языка, столько в самой вещи он составляет его благозвучие. Сей звук имеет только два изменения: *острое* и *мягкое.*

Об остром И. Буквой ѣ мы изображаем двойной звук *IE.* В русском языке, который (по свойству северных языков) любит более губные, нежели гортанные звуки, в букве ѣ совсем не слышен звук *I:* он слился в *Е* и через то соделал его острым. По сему буква ѣ заменилась бы или просто буквой *Е,* или, как в польском и сербском, буквами *IЯ.*

В малороссийском наоборот: перевес остается на стороне *I:* звук *Е* слился в *I* и чрез то соделал его острым. Посему слова, где в русском пишут ѣ, по всем малороссийским наречиям постоянно произносятся как острое *И.* Таким же образом произносится она большей частью и у болгар.

Некоторые исключают букву ѣ из малороссийского правописания; но я уверен в противном.

В острое *И,* часто изменяются и прочие гласные буквы, а особливо в словах односложных. Писавшие доныне у нас на малороссийском языке, обыкновенно писали так, как выговаривается, напр. *край мене* — писали *крий мене; ячмень — ячмишь; конь — кинь, век —вик... Г. Павловский*[7] выдумал такой способ, чтобы звук *И,* произносимый остро, писать *I,* а потверже выговариваемый, писать *Ы;* твердое *Е* писать через *Е,* а мягкое чрез ѣ

---

* Исследование о размере и рифмах, какие именно, когда и от чего были вводимы — предоставляю другим.

Ожидаю, что будут многие осуждать меня за отступление; но я совершенно убежден, что не должно так писать, как обыкновенно пишут, но как-нибудь иначе, если не так, как я пишу: предлагаю мой способ и основания оного.

Я хочу удерживать коренные буквы; а в тех случаях, где они выговариваются иначе, отмечать только их особенным знаком; по типографской необходимости, я избрал знак ˆ. Сие делаю, во-первых, потому, что пишу не для одних малороссиян, но и для русских, коим не понятно будет многое, если писать по произношению и не сблизить хотя несколько правописания малороссийского с русским. Притом, нет ни одного языка, где бы произношение букв не имело особенных изменений и особенных примечаний; а я ввожу очень немного. Нельзя читать совершенно так, как по-русски; но неправильно бы было и писать так, как говорим.

Можно бы согласиться было писать по-малороссийски как говорится, если бы во всех изменениях слова постоянно удерживался один и тот же звук; но сего не бывает: именит. *мой конь* (пишут *мий кiнь*), родитель. *мого коня* , дательн. *моему коню;* именительн. *слезы*, родитель. *слез* (пишут *слиз)*; *нога* уменьшит. *нôжка* (пишут *нижка*) — каким же образом составить лексикон? Пишут одинаково *ниж — нож*, и *ниж — нежели*; но если, удерживая коренную гласную, напишу: *нôж*, *нêж* — будет понятнее. Сверх сего гласные буквы не везде в острое *и* изменяются: таким образом собственно применяются они по произношению *переяславскому* или *киевскому* (между Днепром и Сеймом), которое может почесться *центральным**, чистейшим и нежнейшим. От Сейма вверх по Десне буквы сии изменяются как бы в звук *УИ* или *ЮИ; конь, соль* — не произносят как в Переяславе чисто *кинь, силь*; но *куинь , сюиль:* далее в Литве — *кунь, суль*; а по ту сторону Днепра, у русняков: *кЪунь, конь, кюнь* (как французское *u*) и чисто *кинь*. Буква *И* после гласных и ъ постоянно выговариваются как острое *И*. Здесь становится виднее удобность моего правописания: пишу *конь, соль, мой*; малороссиянин пусть произнесет каждый по своему; а русских прошу выговаривать по чистому наречию буквы: *е,* и после гласной, *â, ê, ô, û* — как острое *и*.

О мягком или глухом И. Внимательно прислушиваясь к лучшему произношению малороссиян, я заметил, что у них нет столь твердого звука, как в русском *Ы*. Второе изменение звука *И* у них бывает мягче и глуше русского *Ы*, больше гортанью (по свойству языков южных или восточных); следов. Русское *Ы* у них всегда мягче; а русское *И* часто делается тверже, но не

* Так и в русском или правильнее сказать великороссийском языке московское — *столичное* произношение.

как *Ы*, а звуком, средним между русскими *И* острым и *Ы*. *Мы, милый, быстрый, долина, Литва, лист:* здесь *И, Ы* везде произносятся одинаково, глухо. Посему *И* без значка и *Ы* должно *произносить одинаково!*

Сделаю еще несколько грамматических замечаний, и во-первых, о глаголах.

1) Неопределенное наклонение, как и в церковном, сербском и богемском языках, кончается собственно на *ти: спивати, гуляти.* В страдательном залоге также окончание либо *тися,* либо *ться;* но в сем последнем случае выговаривается твердо, как *ция*: *сподиватися* и *сподиваться* (произносится *сподиватцця)!* так и в третьем лице настоящего времени *тся*, выговаривается как *цця*: *гнецця* вместо *гнется, льюцця* вм. *льются.*

2) Русское окончание *ил* в третьем лице мужеского рода всегда заменяется окончанием *ив: ходив, сидив, стояв, взяв,* вместо *ходил, сидел, стоял, взял.*

3) О третьем лице настоящего времени единственного числа заметить должно, что там, где в русском окончание *ит,* в малороссийском всегда *Ъ* изменяется на *Ь, ходить, стоить, шумить,* а в тех случаях, где в русском глаголе пред *ТЪ* находится *Е* (напр. *кличет, идет: свищет, наступает),* в малороссийском удерживается всегда только *Е*, а *ТЪ* опускается; следов. говорится: *клúче, ведé, свúще, наступае*; а где пред *Е* стоит *А*, там часто выпускается *Е*: *наступае* и *наступá, спевае* и *спева!*

4) Будущее время имеет иногда такие глаголы, кои в русском не употребляются в сем времени, напр. *могу*, в будущем: *могтиму, могтимем.* Также в повелительном, *лягаймо* (ляжем), *ходи̂мо* или *ходи̂м* (пойдем). Заметим, что в двух последних словах ударение над буквой *И* и она выговаривается остро, почему и поставил я значок. Так всегда во втором лице повелительного наклонения: *косить, пасить, берить, носить, бежить.* Те же остаются буквы в третьем лице настоящего времени изъявительного наклонения, но ударение уже большей частью над буквой предыдущею, а не над *И*, которое произносится уже не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто без значка: *ходить, косúть.* (В слове, напр. *бежить*, ударение остается над глухим *И*).

5) Умаляются не одни имена, но также глаголы и междометия: *прочь — прочки; спати — спатки; есть —естки, есточки; гуляти — гулятки.*

В разных частях речи буквы *у* и *в* употребляются одна вместо другой: *взяв* и *узяв, встань* и *устань, вслид* и *услид, впав* и *упав, уже* и *вже, у лис* и *в лиси.*

Часто *в* прибавляется к словам: *вовця, вовци — овца, овцы; вон, вони, воно — он, она, оно; око, очи — воко, вочи.*

Окончание *ца* в малороссийском языке всегда бывает *ця*; следов. и в женском роде множественного числа не на *цы*, но на *ци*: *отца — отця, молодица — молодиця, молодицы — молодици.* Иногда буква *в* употребляется вместо *л*: *вовк — волк, вовна — волна* (шерсть).

Часто русские слова от малороссийских отличаются перестановкой букв: *ведьмедь — медвидь, Комлык — Калмык, намисто — монисты, намастырь* (как в сербском) — *монастырь.*

Буква *з* и слог *из*, а равно и буква *с*, в начале слов употребляются, без разбора, одна вместо другой: *стратила, зтратила; зняв* (снял), *изняв; зъив, изъив* (съел). Так и предлоги *из* и *с* поставляются без разбора один вместо другого.

В дательном и предложном падежах единственного числа изменяются окончания имен женского рода: *га* на *зе*, как на *це*, *ха* на *се*.

Имен.	*нога*	дат.	*нози*
—"—	*небога*	—"—	*небози*
—"—	*чайка*	—"—	*чайци*
—"—	*дивка*	—"—	*дивци*
—"—	*сваха*	—"—	*сваси.*

Но в словах мужского рода такие изменения принимает предложный падеж:

Имен.	порог	предлож.	на порози
—"—	луг	—"—	у лузи
—"—	байрак	—"—	в байраци
—"—	горох	—"—	у гороси.

Вот некоторые изменения местоимений:

Им. *я, ты, вин, вона, мой, моя.*
Род. *мене, тебе, его, еи, мого, моеи.*
Дат. *мине, тоби, ему, ей, мому, моей.*
Вин. *мени, тоби, его, ее, мого, мою.*

В грамматике *г. Павловского* изложены некоторые свойства языка малороссийского, подслушанные довольно чутко; но полной грамматики доныне еще не находится, хотя можно бы открыть постоянные законы, употреблением и местностями затемненные. Во многих свойствах малороссийский язык ближе великороссийского и польского к прочим языкам славянского корня, так что его можно почитать действительно средним в системе сих наречий, как и самое положение страны, где говорят сим языком.

При конце книги я приложил словарь* и некоторые особен-

* Приводя слова других славянских языков, я имел в виду показание, в каких еще языках повторялись слова малороссийские, а не с какого языка перешли они в малороссийский: сие требует занятия людей более опытных.

ные примечания к песням, стараясь тем облегчить уразумение оных, сколько мне позволило время. Варианты, коих у меня собрано довольно большое количество, могут быть изданы после.

В заключение долгом почитаю изъявить мою благодарность Елизавете Михайловне *Богаевской*, князю Н. А. *Цертелеву* и другим особам, кои оказали мне пособие доставлением песен и своими советами.

1827. Апреля 20. Москва.

2*

«Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности;* начинает уже сбываться желание да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась.

В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная».

Этими словами и начинается мое предисловие к сборнику *малороссийских песен*, изданному мною в 1827 году. В нем помещено только 130 песен; но я имел удовольствие видеть полный успех оного, оправдание некоторых, там высказанных мыслей и замечаний моих о языке и песнях малороссийских.

В течение семи лет я продолжал начатое собрание: и оно теперь простирается уже до 2 1/2 тысяч песен и отрывков, и со временем, без сомнения, может быть удвоено, ибо это предмет неистощимый. Настоящим богатством мое собрание обязано участию в труде моем князя *П. П. Цертелева* — первого издателя украинских дум, *Н. В. Гоголя* — нового историка Малороссии и автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», *И. И. Срезневского* — издателя «Запорожской Старины», *А. Г. Шпигоцкого*[8] — переводчика «Валленрода», почтенного *И. В. Крамаренка, О. М. Бодянского* и некоторых других лиц, коим всем приношу мою благодарность. Кроме того я приобрел известное собрание народных песен покойного *З. Я. Ходаковского*, обильное песнями обрядными и особенно свадебными.

При таком множестве песен, находящихся иногда у меня в пяти и более списках, я имел возможность часто усматривать ясно те изменения, какие происходили с ними частью от

* Предисловие к книге «Украинские народные песни», изданные Михайлом Максимовичем. Москва, 1834. С. I—VII.

долговременного и неправильного пенья оных, частью и от изобретательности самих певцов и певиц: таким образом я мог представить очень многие песни в исправнейшем виде.

Предлагаю просвещенному вниманию читателей первую часть моего нового собрания, менее других полную, но для многих, может быть, самую занимательную: ибо в ней помещены *думы* украинских бандуристов и *песни собственно казацкие*, выражающие казацкую жизнь, в ее отношении к общественному, историческому быту, и отчуждении от быта семейного, домовитого; первые из них я называю *былевыми*, вторые *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих, чеканят медали, по которым история часто разгадывает минувшее: события казацкой жизни отливались в звонкие песни и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии.

Во II части будут помещены *песни женские* — отголоски души страстной,— выражения жизни, исполненной любви пламенной, нежной, но обреченной на тоску и только изредка расцветающей счастьем. Сюда же отношу и те песни, где казак является под господством женского чувства, в быту домашнем.

В III части собраны *песни гулливые*, в коих господствует более прихотливое и затейливое расположение души, разгул, каррикатура и т. п.

В IV части помещаются все *обрядные песни*, относящиеся к празднествам и общественным занятиям домовитой жизни и отличающиеся от других большей придуманностью, то восходящего до символической восторженности, то облекающейся в прелесть идилического простодушия.

Деление это довольно соответственно со своим предметом; впрочем оно только приблизительное, и я вовсе не думал вводить строгой и подробной классификации в этот гармонический мир живой поэзии народа. Благоуханные вечно свежие цветы ее прорастают сквозь цемент систематических сводов.

Сколько мог теперь, я делал пояснительные замечания к думам и песням; к некоторым приложил перевод; на всех словах ставил ударение и ко многим из них прибавлял объяснение их; впрочем общий *словарь* и *грамматика* малороссийского языка будут изданы мной в особом прибавлении к сему собранию*. Я хотел

* Начатки *малороссийского словаря* (сравнительно с другими славянскими языками) находятся в моем сборнике, 1827. Краткая грамматика малороссийского языка у нас издана *Г. Павловским* 1818. В № 3 журнала М. Н. П. (1814) извещено об издании двух малороссийских грамматик гг. *Левицким*[9] и *Лозинским*[10], 1833. В Лемберге издано *Вацлавом* з Олеска собрание галицких песен, коего однако ж, к сожалению, я не получил еще; большая часть галицких песен не только сходны с песнями украинскими, но многие песни даже одни и те же — вследствие однородства.

было в сей части изложить подробно свои мысли о характере, складе песен, о языке и правописании оного, но должен отложить это впредь, поспешая перемещением моим в Киев, где мои занятия будут посвящены преимущественно отечественной словесности. Таким образом я буду иметь возможность продолжение моего труда исполнить с бо́льшим успехом.

Чувствуя живо красоту наших народных песен и их важность в настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была так богато развита *поэзия народная*, как у северных* и южных руссов, и желая моим собранием сколько можно полнее и совершеннее открыть богатства *поэзии украинской*, прошу всех малороссиян принять участие в этом деле: ибо оно может свершиться только общим содействием; прошу всех, кто имеет случай, доставлять мне *списки* украинских песен в том самом виде, как они поются в народе, без перемен, пропусков и добавлений, с пояснительными примечаниями о местах и лицах и о малоизвестных словах, какие могут иногда случаться в песнях, а кто может — то и с напевом. Списывать песни лучше во время пенья, ибо певцы и певицы наши часто не умеют хорошо пересказывать того, что умеют вполне *пропеть*. Всякая песня, *какого бы она ни была содержания,* для меня любопытна и пригодна, и будет принята с благодарностью; но особенное внимание я желал бы обратить на пополнение сей первой части.

Голоса украинских песен, составляют у меня особое издание. Первая тетрадь оного, содержащая *25* песен**, положенных на ноты для пенья и фортепьяно *А. А. Алябьевым*[11], уже вышла в свет.

21 мая. 1834. Москва.

3***

В продолжение двадцати лет я собирал украинские народные песни; и теперь приступаю к новому, полнейшему их изданию. Это издание, для отличия от двух прежних****, я называю

---

* *П. В. Киреевский*[12] собрал уже русских народных песен и стихов более *1500*. Ему обязан я многими замечаниями о сем предмете.

** В подтверждение сказанного мною прежде о некоторых чертах кавказских, встречающихся в Украйне, кстати замечу: 1) что напев *веснянки* (№ 8) имеет удивительное сходство с напевом одной черкесской песни; 2) напев известной песни *Антон козу веде* существует у нагайских татар, которые под него пляшут или, лучше сказать, толкутся на одном месте, сцепившись в длинную вереницу.

*** Введение к книге «Сборник украинских песен, изданный Михайлом Максимовичем». Киев, 1849. С. 1—11.

**** Первое издание я напечатал в Москве, 1827 года, под названьем «Малороссийские песни», а второе напечатано там же, 1834 года, под названьем «Украинские народные песни». В первом было помещено 130 песен мужских и женских; во втором — 113 песен мужских. Кроме того в 1834 году я издал в Москве голоса украинских песен (25 песен с музыкой А. А. Алябьева).

сборником украинских песен. Не могу иначе выдать его, как по частям. Каждая часть будет содержать в себе один отдел песен мужских и один или два женских. В шести частях будет помещено около двух тысяч песен. Половина их собрана мною самим, преимущественно в Полтавской губернии. Другая половина их и множество вариантов получены мною от разных лиц, со всех концов южной Руси*. Приношу мою благодарность всем, кто оказал мне свое участие в этом сборнике.

К каждому отделу его я прилагаю несколько пояснительных примечаний. При шестой части я изложу особо мои наблюдения и замечания о народном песнопеньи русском вообще и в особенности о песнопении украинском.

Но в деле искусства важен суд художника; и потому я припомню здесь моим читателям мнение Гоголя**, которого поэтическое дарование взлелеяно звуками украинских песен:

«Камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — все: поэзия и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России».

---

* Сюда принадлежит и собрание русских песен, преимущественно волынских, оставшееся после покойного *З. Я. Ходаковского.* Оно куплено мной у его вдовы и поныне находится у меня как в собственноручном подлиннике, так и в копии, переписанной в Москве, вскоре по смерти собирателя.

** См. статью Гоголя о малороссийских песнях в Ж. М. Н. П. 1834. Кн. 4.

ЧТО ТАКОЕ «ДУМЫ»

Думы суть песнопения исключительно принадлежащие бандуристам. От *песен* отличаются характером более *повествовательным* или эпическим и *вольным* размером, состоящим в неопределенном числе тонических стоп, хотя иногда (по *лирическому* характеру украинской поэзии) они вдаются в песню: тогда и размер принимают определенный, песенный. Стихи почти всегда рифмованные. Содержание их большей частью историческое.

Князь Цертелев первый издал в свет *10* дум под именем: *Опыт собрания старинных малороссийских песен 1819*, коими я здесь вполне воспользовался. Потом издали несколько Дум гг. *Шпигоцкий* — в «Украинском альманахе»[1] 1831, и *Срезневский* — в «Запорожской Старине»[2] 1833; из первой книжки ее заимствовал я думу № 5 и 6 во втором отделе, в них читатели найдут две любопытные думы, принадлежащие к первому периоду казачества: одна *о дарах Батория и смерти Богданка* (Ружного), другая *о походе Серпяги* (И. Подковы).

Я слышал, что у бандуристов есть большая дума, в которой воспевается *Дашкович*, один из первых вождей запорожских казаков. Без сомнения, в памяти бандуристов сохранились думы и песни и о других героях времен казачества. Неужели народ не воспевал *Конашевича-Сагайдачного, Тараса, Павлюка* и других? Но к сожалению эти песни еще неизвестны и со смертью стариков-бандуристов многие из них могут совсем погибнуть.

2*

Думы от прочих украинских песен отличаются разнообразной, вольной мерой своих стихов, слагающихся из неравного числа тонических стоп, и в неопределенном числе слогов (от 4 до 20 и даже больше). Такая *разномерность* стиха состоит в связи с *эпическим* свойством украинской думы, которая лишь изредка вдается в *лирический* тон песни, принимая тогда и определенный, песенный размер.

Разномерным складом стихов украинские думы отличны и от великорусских повествовательных песен, и от *юнацких* песен сербских, так строго выдерживающих 10-слоговую меру стиха. От тех и других украинские думы отличаются еще *рифмой*, столь привычной для песнопенья южнорусского. Редко встречается в думе стих без ответного и созвучного ему стиха; чаще бывает их по несколько (до 10) на одну рифму. Зачатки такого склада можно приметить в песни о полку Игореве**, с которой украинские думы состоят в ближайшем родстве и посредством которой они примыкают к древнейшему южнорусскому песнопению, к сожалению утраченному.

Думы принадлежат исключительно украинским *бандуристам*, которые и теперь еще встречаются изредка на левой стороне Днепра***. Подобно рапсодам древней Греции, которые воспевали своих героев, бряцая на струнах лиры или бандуры,— наши южнорусские певцы, обыкновенно слепые старцы, пели и теперь еще поют в народе свои думы и песни, играя при том на многострунной *бандуре* обеими руками. Так и наш «соловей старого времени» — Боян: «не десять соколов на стадо лебедей пускал; но свои вещие персты на живые струны вскладал; и они сами славу князьям рокотали».

Южнорусские певцы, и через четыре века после Бояна****, славили подвиги храброго *товарищества* казацкого и украинских витязей, между которыми были и князья русские, как например, князь Дмитрий Вишневецкий, погибший такой дивной смертью в Царьгороде (1574 года) и воспеваемый в народе доныне — под именем рыцаря Байды.

Века XVI и XVII были временем процветания украинской думы. В прошлом веке, только Палий с Мазепой — после

---

* Предисловие к книге «Сборник украинских песней, изданный Михайлом Максимовичем». К., 1849. С. 3-5.

** Например, в следующих стихах, вероятно Бояновых:

«Всеслав князь людем судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь влком рыскаше».

*** На правой стороне Днепра, вместо бандуристов, водятся *лирники*.

**** Боян, воспевавший Всеслава Полоцкого и других князей, жил в конце XI и в начале XII века (был современник Нестора).

Полтавской победы, да Железняк — после Колиивщины (1768 года) — отозвались слабо в стихах думных; хотя песня украинская жила еще производительно до конца XVIII века. После того, на усталых струнах украинской бандуры повторялось только прежнее иногда с переделкой на новый лад.

Впрочем, исторические лица и воинские подвиги составляли хотя главный, но не единственный предмет украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нередко воспевала отношения и чувства родственные, в поучение своему народу.

Украинский бандурист не был забавником и скоморохом. Потешив иногда молодежь кратким сказаньем об удали казацкой, он внушал ей простодушные, но глубоко нравственные понятия о том, что составляет святой долг человечества. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между казаком и девицей.

Впрочем, народ сам был певец; и в тысячах песен высказывал свою любовь и нелюбие, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пение бандуристов служило дополнением к песнопению народа,— также как оно само составляет необходимое дополнение к буднишной работной жизни народа. Эта жизнь без песни — была бы как *вол молотящий*. И не потому ли у русского народа жить хорошо называется *жить припеваючи!*

В книжном свете, украинские думы стали известны 1819 года, когда князь Цертелев издал девять дум и одну песню, под названием: *Опыт собрания старинных малороссийских песней.* После того Срезневский, в своей *Запорожской старине* (1833—34 гг.) и другие малороссияне издали еще около десяти дум. Мне известно их до *30*. Здесь помещаются *20* дум; те, которые нигде не напечатаны, означены звездочкой.

ЗАМЕТКА О БЫТОВЫХ ПЕСНЯХ

Песни (бытовые) выражают различные положения казацкого быта, преимущественно в четырех видах его: *войсковом, бурлацком, чумацком* и *гайдамацком.*

— *Бурлачеством* называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка из дому на промысел работами всякого рода: таким образом и семьянин ходит *барлаковати* (на заработки). Слово бурлака значит еще забияка.

— *Чумаками* называются малороссияне, ходящие с волами и возами своими за рыбой и солью, преимущественно в Крым и на Дон. Отправляясь *чумакова́ти*, они обыкновенно надевают сорочку и шаровары, окунутые в деготь, и остаются в них во всю дорогу. По мнению некоторых, это делалось сначала для предохранения себя от чумы, откуда будто происходит и самое название; но вероятнее будет производство от татарского и у нас в старину употребительного слова: *чум* или *чюм* — *ковш. Чумачество* издавна было важнейшим промыслом казаков.

Здесь кстати привести следующие два стиха:

А у Ме́рдже на лавоньце сидит *Чумга́* Тарабул:
В его люлька пахулька, а тютюн порохун».

В Полт. губ. есть село Чумга́к.

КНИЖНАЯ СТАРИНА ЮЖНОРУССКАЯ

Глава I

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЮЖНОЙ РУСИ

Книжное дело на Руси, как известно, начато в Киеве в XI веке, великим князем Ярославом Владимировичем: он собрал *писцов* для перевода с греческого языка на славянский и написанные ими книги положил в созданном им храме Софийском. Повествуя об этом, преподобный Нестор говорит: «Яко бо се некто землю разорет, другий же насеет; ини же пожинають и ядять пищу безскудну: тако и сей. Отец бо сего Володимер взора и умягчи, рекше крещеньем просветив; сей же насея книжными словесы сердца верных людий; а мы пожинаем ученье приемлюще книжное». И как богата была та жатва, собранная смиренномудрыми жнецами — первословесниками нашими, на благодатных полях Русского Юга!... Она была в запас для целой Руси, на все времена.

Но с половины XII века бытие Южной Руси становилось такое тревожное и томительное, что книжное дело, ею начатое, не могло продолжаться в ней с возрастанием. Поприщем для того стала непочатая новь русского северо-востока; и Южная Русь скоро залегла на долгий роздых; и пробудилась опять для книжной деятельности не ранее, как во второй половине XVI века. До той поры ее новые поколения пробавлялись только прежним запасом книжным и почти ничего нового не прибавили к нему от себя. Одним из первых движений возрождавшейся книжной деятельности южнорусской было стремление сближать Священное писание с языком народным. Прекрасным и старшим памятником этого стремления служит *Пересопницкое Евангелие,* в котором многие церковно-славянские слова и обороты заменены или пояснены словами языка южнорусского «для

лепшого вырозумленя люду христианского посполитого». Это Евангелйе* писано на Волыни, в Пересопницком монастыре, 1556—61 года, иждивением благочестивой княжны Настасии Юрьевны Заславской, урожденной Гольшанской. Над ним трудился Пересопницкий архимандрит *Григорий;* а писцом оного был *Михайло Васильевич*, сын Протопопа Саноцкого. Евангелие писано на пергаменте, в лист, со всей старинной роскошью книгописной. Ныне хранится оно в Переяславском Вознесенском монастыре, которому подарил его в 1701 году гетман Мазепа, как строитель монастыря. Может быть стремление сближать Священное Писание с народным языком было возбуждено примером Полоцкого уроженца, доктора медицины Скорины. Во всяком случае эти явления исторической важности, как показатели того, чем началось возрождение книжной деятельности на Русском Юге и северо-западе, живших тогда заодно, отдельно от Руси Северо-Восточной или Московской.

Между тем как вся Русь еще и в первой четверти XVI столетия оставалась, по-прежнему, при одном *книгописании*, у нашей западнославянской братии велось уже *книгопечатание,* по примеру народов немецких. Книгопечатание славянскими кирилловскими буквами прежде всего началось в *Кракове*, 1491 года, изданием *Часослова* в 4-ку и других церковных книг, которых мастером был *Швайпольт Феоль*. Этот достопамятный *немец*, как первый печатник славянских книг, был обвинен в ереси и удалился из Кракова в Венгрию. Между тем книгопечатание немедленно стало появляться и в других славянских городах, в том числе и в *Праге* Чешской. Там в 1517—19 годах напечатан был по частям перевод Библии нашего полочанина *Скорины*, под названием: *Библия Руска*, иждивением Богдана Онькова, в 4-ку. Вслед за тем учредилась типография и в литовско-русской столице *Вильне*, в доме Бабича, где неутомимый Скорина, в 1525 году, издал сперва *Апостол*, потом *Акафисты* и *Каноны*, в 8-ку. Вот первенцы книгопечатания русского!

Может быть, таже Виленская Скоринина типография явилась потом в городе *Несвиже* (Минской губернии). Там отступник от православия (Симон Будный (с товарищами своими Матвеем Кавечинским и Лаврентием Кришковским) издал свой *Катихизис*, 1562, в 4-ку. Может быть Несвижская типография

* Писец этого Евангелия не раз повторил, что оно переведено «из языка блъгарского на мову рускую». Для образца прилагаю следующее место: «В начале было Слово. А Слово было от Бога, и Бог был то слово. То было напочатку у Бога; и все речи через Него ся стали. А без Него ништо не могло быти, еже и бысть. В том живот был. А живот был свет человеком. И свет во тьме светится, и тьма его не обыйметь». (Впервые это Евангелие описано *Бодянским. Журн. М. Н. Пр.* 1838. Кн. 5. После того я писал об нем в «*Воспоминании о городах Пересопице и Дубровицах*», напечатанном в «*Киевлянине*». 1840).

принадлежала в следующие годы *Василию Тяпинскому*, напечатавшему первую часть *Нового завета* вскоре после 1565 года (см. в Библ. Погодина, Сахар. № 63). Это был первый на Руси книжный отголосок Западной Реформации, которая в разных сектах или толках своих, пройдя через Польшу, явилась и у нас в Литве, в половине XVI века; а вслед за тем распространилась и на Волыни. Брожение умов, произведенное разливом западного новомыслия, открыло возможность езуитам ловить западнорусскую молодежь, как рыбу в мутной воде; и они быстро раскинули свои сети.

Между тем, в светлую половину царствования Иоанна Грозного, учредилось книгопечатание в *Москве* — для однообразного и правильного издания церковных книг, которые подвергались тогда непрестанной порче от писцов-промышленников. Присланный московскому царю от датского короля мастер *Ганс* (или Иоанн Миссингейм Бокбиндер) был учредителем первой Московской типографии, в которой первыми книгопечатниками были гостунский диакон *Иван Федоров* и *Петр Тимофеев Мстиславцев*. В 1563—64 году напечатали они книгу *Апостол* в лист. Вот первенец Московской печати! Но книгописцы взвели ересь на книгопечатников; и они бежали из Москвы в Литовскую Русь, охотно принимавшую всех выходцев великорусских. Гетман Литовского княжества Григорий Александрович Ходкевич дал приют у себя московским художникам и завел типографию в своем городе *Заблудове* (Гродненской губернии), где и напечатали они 1568—69 годах— *Евангелие Учительное*, в лист, еще *Псалтырь* в 20 (у Погод.). В этом 1569 году, памятном гражданской Унией Великого княжества Литовского с Короной Польской, скончался благочестивый гетман Ходкевич. Тогда печатник Петр Мстиславец перешел из Заблудова в Вильну, завел новую типографию у братьев Козьмы и Луки *Мамоничей*, и напечатал в ней *Евангелие*, 1575 в лист. А Иван Федоров, покинув подаренную ему от Ходкевича деревню, перешел в Червоную Русь — во *Львов*. Там он нашел себе сочувствие только в духовенстве и мещанстве и при их помощи, в 1570 году, начал заводить себе типографию. В этой друкарнѣ он в 1573—74 годах напечатал *Апостол*, в лист. Вот первенец южнорусской печати, явившийся через десять лет после издания московского! В послесловии к нему, достопамятный Москвитин поместил «повесть — откуду начася и како съвершися друкарня сия». Приведу несколько строк из этой повести, в которых ясно обозначается душа русского художника:

«Еще же (говорит он о Ходкевиче) и сие недовольно ему бе, еже тако устроити нас; но и весь немалу дарова ми на упокоение мое. Нам же, работающим по воле Господа нашего Исуса Христа и Слово Его по вселенной разсевающе,— егде же приити ему в

глубоку старость и начасте главе его болезнию одержими бывати, повеле нам работания сего престати, и художество рук наших ни во что же положити, и в веси земледелием жития мира сего препровождати. Еже неудобно ми бе ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо в место рала художество наручных дел; вместо же съсуды житных семен духовная семена по вселенней разсевати, и всем по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания Владыки моего Христа, непрестанно въпиюща к мне: лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжником, и аз пришед взял бых свое с лихвою! И когда убо на уединении в себе прохождах, множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем, да бых не скрыл в земли таланта от Бога дарованного ми, и тужащу ми духом, сия глаголах: еда в веки отринет Господь и не приложит благоволити паки, или до конца милость свою отсечет, по притчи смоковничного неплодствия, яко всуе землю упражняющу. И сего ради понудихся ити оттуду. И в путь шествуюшу ми многи скорби и беды обретоша мя, не точию долготы ради путного шествия, но и презельному поветрию дышущу и путь шествия моего стесняющу; и просто рещи: вся злая и злых злее. И тако промыслом Божия человеколюбия до богоспасаемого града нарицаемого Львова приидох, и вся яже на пути случающаямися ни вочтоже вменях, да Христа моего приобрящу. Вся, яже зде, сну подобна и сени, преходят бо; яко же бо дым на воздусе благая и злая, расходятся».

Глава II

КНИГОПЕЧАТАНИЕ НА ВОЛЫНИ

В то время, как во Львове трудился друкар Москвитин, на Волыни жил другой достопамятный великороссиянин, князь *Андрей Михайлович Курбский*, бежавший от гнева Иоанна Грозного. Став гражданином Западной Руси, герой Казани неохотно брался уже за свой меч, долженствовавший иногда воевать против своих, в продолжавшейся борьбе двух половин русского мира.

Под небом Русского Юга в душе Курбского разрослись семена духовной мудрости, принятые им из уст Максима многострадального и Артемия исповедника. И он с жаром предался учению книжному; и подвизался неутомимо на этом поприще. Не отрываясь мысленно от родного ему востока, он писал свою примечательную «Историю Московского Царя». В то же время, ревнуя о просвещении своих западных братьев, он изучал и переводил творения Иоана Златоуста и других отцов церкви.

Скорбела душа Курбского, предвидя беду, какая готовилась его соотчичам от распространявшихся между ними *западников;* равно от неги и роскоши в жизни, какими мужественные волынцы заражались тогда от растленной Польши. И он голосом древлерусского человека остерегал своих собратов от мысленных зверей и их хитролестных силлогизмов; увещевал пребывать бодро в благочестии праотеческом, напоминая им о прежней простоте жизни. Его послания к разным лицам (от князя Острожского и княгини Евдокии Черторыйской, до виленского бурмистра львовского мещанина), составляют драгоценный памятник тогдашнего выражения русской души.

Ближайшим сотрудником Курбского в книжном деле был сродник его князь *Михайло Оболенский*, которого он упросил «иже бы во младом еще будущи веце, навык вышних наук в языке римском. Он же (продолжает Курбский) послушал мя; и изнурив три лета в Кракове в школе, а потом совершения ради до Влох ехал, оставя дом, жену и детки; и тамо аки два лета пребыл. А ныне благодатию Божию возвратился к нам, здрав и в праотеческом благочестии цел, яко корабль преполон дражайших корыстей».

А из природных волынцов лучшим другом Курбского, до конца жизни его, был вельможнейший из князей южнорусских, князь *Константин Константинович Острожский*, воевода Киевский. В дружбе этих двух потомков св. Владимира созрела та ревностная и деятельная любовь к православному просвещению, которую обезсмертил себя князь Константин и которая составляет собой вторую эпоху в южнорусском просвещении, как Ярославова любовь к книгам составляет его эпоху первоначальную.

1. Острог

Одной из первых забот князя Острожского было издание полной *Библии* на языке церковно-славянском. Основанием этому делу послужил список Библии, привезенной ему из Москвы, посланником Михайлом Гарабурдою, около 1570 года. Кроме того он доставал многие другие списки на языках греческом, латинском, церковно-славянском, чешском и польском. И когда окончен был этот труд благочестивого князя, к нему явился из Львова Иван Федоров, немедленно устроил типографию в Остроге, и в ней напечатал 1580 года — Новый Завет, а в следующем году окончил издание полной, первопечатной Библии, называемой *Острожской*, и напечатал еще *Хронологию.*

Этим счастливым началом книгопечатания в Остроге кончил свое поприще русский книгопечатник, поработавший с такой

любовью к своему делу во всех странах русского мира. Он воротился во Львов, с намерением продолжать издание церковных книг; но не исполнил его за смертью, последовавшей 5 декабря 1583 года. Примечательно, что в том же году, в мае месяце, скончался и князь Курбский, в своем Ковельском княжестве, завещав похоронить себя в Троицком Вербском монастыре, им же устроенном возле Ковеля.

В одно время с типографией, именно в 1580 году, князь Константин учредил Острожскую школу. Ректором этого старшего из высших училищ южнорусских был *Кирилл Лукарь*, впоследствии возведенный в сан патриарха Константинопольского.

Из первых подвижников князя Острожского, на книжном поприще, достойны воспоминания — подскарбий *Герасим Данилович Смотрицкий*, написавший предисловие и стихи в Острожской Библии, и пресвитер *Василий*, сочинитель книги *«О единой вере и церкви»*.

При помощи этих и других лиц князь Константин был самым ревностным поборником нашего просвещения и православия в те печальные времена, когда во всей юго-западной Руси возшумела гроза верогонения польско-римского. Поэтому книги, изданные в Остроге, при жизни святопамятного князя, имеют важное значение в истории русского просвещения и словесности.

Вот список книг, напечатанных в типографии Острожской:

1. Новый Завет с Псалтырью впереди. 1580. В 8.
2. Библия. 1581. В л.
3. Хронология. 1581. В л.
4. Листы Патриарха Иеремии. 1583. В 4.
5. Диалог Патриарха Геннадия. 1583. В 8.
6. О единой истинной православной вере и Святой Соборной Апостольской Церкви. 1588. В 8.
7. Исповедание о исхождении св. Духа. 1588. В 8.
8. Книга Василия Великого о постничестве. 1594. В л.
9. Книга Иоанна Златоустого Маргарит. 1596. В л.
10. Апокрисис альбо отповедь на книжкы о соборе Берестейском. 1597. В 4.
11. Отпис на лист в Бозе велебного отца Ипатиа (Поцея). 1598. В 4.
12. Листы Патриарха Мелетия к Православным. 1598. В 8. (Девятое из числа сих десяти посланий писано князем Острожским до православных христиан).
13. Псалтырь с Часословом. 1598. В 8.
14. Псалтырь с возследованием. 1598. В 8. (издана священ. Василием).
15. Часослов. 1602 (у Погодина).
16. Молитвослов (требник). 1606. В 4.

17. Лекарство на оспалый умысл человечий. 1607. В 4. (издано свящ. Дамианом).

В 1608 году 13 февраля скончался князь Константин Василий Константинович и погребен в Остроге в Замковой церкви (а не в Киевской Печерской, как воображал путешественник по св. местам русским, в своем Киеве, изданном в СПб. 1844 и в Киеве 1846). Сын его Януш, кастелян краковский, хотя и отступил от православия, но на первых порах поддерживал еще учреждения отцовские. Его повелением в Остроге напечатан —

18. Часослов, 1612. В 8.

После того судьба Острожской типографии становится почти неизвестной. Упоминается только неконченная книга Острожской печати.

19. Книга боговдохновенная Никона Черногорца. 1640. В л.

Предложенный список Острожских книг можно дополнить еще несколькими; но я ограничился только прибавкою *Апокризиса*. Эта книга напечатана без означения года и места печати; но видно для каждого, что она напечатана в 1597 году. Не видно, однако, почему Сопиков присвоил издание Апокризиса Вильне, а сочинение *Мелетию Смотрицкому*. Между тем то и другое принято уже отличными книговедцами русскими — сперва Кеппеном, потом Строевым, наконец и епископом Филаретом (в «Ист. Рус. Церк.»1847); Востоков также признает эту книгу напечатанной в Вильне. Но шрифт и форма Апокризиса те же, что и в книге *Отпис*, напечатанной в Остроге 1598*; а виленских изданий, в те годы, такого же шрифта неизвестно. Из этого уже видно, что Апокризис принадлежит не к виленским, а к острожским изданиям. Так о книжке *Уния*, изданной в Вильне 1595 года, по одному курсивному шрифту ее можно было князю Оболенскому заключить, что она напечатана там же, где и *Литовский Статут*. Об этой Унии, как об новости библиографической, известил Строев (в дополнительном описании стар. Слав. книг 1841 стр. 27), и сказал, что она «библиографам неизвестна». Но митрополит Евгений еще в 1826 году (в «Опис. Киево-Соф. Соб.» С. 136) описал эту книжку обстоятельно. Таким же образом П. М. Строев, при описании Апокризиса остановился на мнении, что он сочинен Смотрицким, упустив из виду другое известие, предложенное митрополитом Евгением (в «Опис. Киево-Соф. Соб.» на с. 145 и 147), что Апокризис сочинен *Христофором Бронским*. Это известие важнее Сопиковского. Евгений начинал его, без сомнения, в той книге ученого униата Стебельского, на которую он часто ссылается в «Опис. Киево-Соф. Соб.» (с. 120; 128 и др.). Из Стабельского

* В библиотеке Киево-Михайловского монастыря под № 147 обе книги находятся переплетенные в одном томе.

можно узнать, что Бронский написал Апокризис по поручению князя Острожского и за то в награду получил от него маетность. Это издание Апокризиса от князя Острожского служит подтверждением, что он напечатан в Остроге, где вслед за нею издана и другая полемическая книга — «Отпис». Стебельский называет Бронского *арианином*; но это названье, под пером униата значит не более, как не папист особливо в приложении к человеку, написавшему такую дельную книгу против Унии при самом ее начале, и притом изданную от лица всех православных, в защиту православия. Впрочем и то могло быть, что Бронский принадлежал сперва к какому-нибудь из тогдашних реформаторских толков; но потом обратился на путь истинный (как это было, например, с Федором Бокеем, который только временно увлекался *бреднями новосмышления*, по выражению кн. Курбского, в его посланиях к тому Бокею). С Мелетием Смотрицким случилось наоборот: после долгой борьбы и потрясений душевных он отступил от православия и поступил в Унию. В 1596 году Мелетий был еще молод для сочинения книги столь важной по своему назначению и достоинству. На полемическое поприще он выступил не ранее, как в 1610 году, книгой *Фринос*, напечатанной в Вильне под псевдонимом *Феофила Орфолога*, подобно тому, как Апокризис издан под псевдонимом *Христофора Филялета*. Это могло подать повод Сопикову к тому, что он перемешал псевдонимы, и обе книги присвоил Смотрицкому и отнес к Вильне. А что эти псевдонимы удобно смешиваются, тому пример и у Евгения (на с. 145): приводя Апокризис, он вместо Филялета называет Орфодокса.

2. Дермань

В первые годы XVII столетия, по воле князя Острожского, производилось книгопечатание в принадлежавшем ему Дерманском Троицком монастыре. Более других книг, там изданных, известны:

1. Октоих. 1604 в лист. (Издан пресвит. Дамианом).
2. Мелетия Патриарха «Диалог о православной вере». Напеч. вероятно в Дермани, около 1603. В 4.
3. Мелетия Патриарха «Лист к Ипатию» (Поцею). 1605. В 4.

3. Рохманов

В этом волынском местечке, принадлежавшем княгине Ирине или Ранне Вишневецкой, урожденной Могилянке, в 1619 году напечатал свои проповеди знаменитый богослов наш *Кирилл*

Транквиллион-Ставровецкий, под названием; Евангелие Учительное, в лист. Одни экземпляры этой книги посвящены княгине Вишневецкой, другие — кн. Юрию Черторыйскому, третьи — кн. Самуилу Корецкому. Грамотами царя Михаила Феодоровича (1627 г.) повелено было это Евангелие Учительное и другие сочинения Кирилловы повсеместно отбирать и предавать огню.

4. Четвертня

Два инока волынского Загоровского монастыря*, иеромонах *Павел Домжив Люткович* и иеродиакон *Сильвестр*, около 1618 года, снарядили себе перевозную типографию. С нею были они в Червоной Руси — в деревне Самборского округа Угорцах и там напечатали несколько книг (а именно: «Изложение веры», 1618. В 4; «Собрание словес от Божественного писания». 1618. В 4; Апостол и Евангелие. 1620. В 8). Вскоре воротились они на Волынь; здесь в Четвертне, у князя Григория Четвертенского, напечатали, две книги:

1) Псалтырь. 1625. В 8.
2) Часослов. 1625. В 8.

5. Луцк

Между тем учредилось в 1617 году Луцкое Крестовоздвиженское Братство. Здесь также иеромонах *Павел Моткович-Гянца* с иеродиаконом Сильвестром завели свою типографию. Из книг, напечатанных в ней, известны только два надгробия:

1. Стефана Полумерковича «Епидикион альбо верше жалобные на погребение Василисы Яцковны». 1628. В 4.

2. Иеродиакона Давыда Андреевича «Лямент по пресвитере Иоанне Васильевиче». 1628. В 4.

Оба книгопечатника со своей типографией перебрались потом в Чорненский Монастырь (над Горынью, в 8 верстах от Клевани, где ныне урочище Чорная). Там настоятелем был сперва Павел, а по смерти его Сильвестр, который в 1635 году завещал свою типографию Луцкому братству. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

6. Кременец

В этом древнем городе производилось книгопечатание в 1658 году. Из книг, там напечатанных, известны следующие:

* Загоровский монастырь во имя Рождества Богородицы был основан и обстроен каменным зданием 1566 года, усердием и иждивением Петра Богдановича Загоровского, маршалка Волынского.

1. «Грамматика или письменица языка словенского». 1638. в 8.

2. «Синоид, в року 1638 в церкви кафедральной Луцкой отправованый. 1638. в 4. (тетрадь в 4 листка).

3. «О мистириях или тайнах впосполитости». В 4. (без особого заглавного листка на 16 листках).

Две последние книжки принадлежат библиотеке К. К. Свидзинского (находившейся в Киевской губернии). По неизвестности их в русской библиографии, помещу здесь полное заглавие первой: «Синод, ведле звычаю, дорочного, от Е. М. в Бозе превелебного Господина отца Афанасия Пузыны з Козельска Епископа Луцкого и Острозского благочестивого септевриа 26 року 1638, в церкви кафедральной Луцкой храме Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова с мнозством духовенства православного Восточной святой церкви послушных хотливе собранного, спокойне и набожне отправованый, и в том же року в Кремянци выдрукованный». К этому «Синоду» принадлежит напечатанная вместе с ним книжка «О мистириях». Это сочинение Сильвестра Коссова, предложенное им изустно 1637 года октября 18 на поместном Соборе Могилевском. В 1653 году оно было напечатано вновь, в Кутеинском монастыре, под названием «Дидаскалия альбо наука о седми сакраментах». Там сказано, что эта наука была уже прежде напечатана один раз, только не сказано где именно. Вероятно, то было Кременецкое издание 1638 года. Это издание было второе; а первое печатное было в Кутеине, р. 1637 янв. 17 (у Большакова).

7. Почаев

Все вышеозначенные типографии на Волыни прекратили свое бытие и действие еще в первой половине XVII столетия. После того на Волыни была только одна славянорусская типография — Почаевская.

Начало книгопечатания в Почаеве положено еще в 1618 году Кириллом Транквиллионом-Ставровецким, который там напечатал сочинение свое —

1. «Зерцало Богословия». 1618. В 4. Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентию Древинскому (который в старом помяннике Луцкого Братства назван «Столпом Восточного Православия»); а другие — князю Александру Пузыне.

2. Около того же года в Почаеве (как полагают) напечатано «Слово Максима Грека на Латинов». В. 4.

Известны сомнения о напечатании этих книг в Почаеве в означенном году. Сомневаются также действительно ли существует —

3. Служебник. Напечат. в Почаеве, 1655 года.

Возобновленная типография в Почаеве 1730 года. Из первых книг ее известна —

4. «Гора Почаевска». 1742. в 4.

В сочинении Зубрицкого* поминаются следующие три: 5. Псалтырь, 1750. 6. Часослов. 1750. 7. Богословие Нравоучительное, 171.

После того изданы были в Почаеве следующие книги:

8. Молитвослов. 1755. В 8.
9. Катихизис. 1756. В 4.
10. «Образ примирения». 1756. В 4.
11. Богословие Нравоучительное. 1756. В 4.
12. «Минеи Четьи». 1761. В л.
13. «Народовещание». 1768. В 4.
14. «Слово о соединении между восточной и западной церковью, еписк. Михайла Олшавского». 1769. В 4.
15. Канон Богородице. 1774. В 4.
16. Енхиридион. 1775. В 4.
17. Богословие Нравоучительное. 1775. В 4.
18. Трефологион. 1777. В л.
19. Дорофея Аввы поучения. 1778. В 4.
20. Псалмы Пророка Давида. 1779. В 8.
21. Евангелие. 1780. В л.
22. «О артикулах Веры наука». 1785. В 8.
23. Канонник. 1783. В 4.
24. «О Христианском житии». 1683. В 4.
25. Триод Постная. 1784. В л.
26. Апостол толковый. 1784. В л.
27. Триод Цветная. 1786. В л.
28. Требник. 1786. В 4.
29. Соборник. 1787. В л.
30. Богословие нравоучительное. 1787. В 4.
31. «Беседы парохиальные». 1789. В 8.
32. «Гора Почаевская». 1793. В 4.
33. Акафисты. 1793. В 8.
34. Канонник. 1793. В 8.
35. Богословие нравоучительное. 1793. В 4.
36. «Книга Никона Черногорца». 1795. В л.
37. Акафисты. 1798. В 4.
38. Псалмы Пророка Давида. 1798. В 8.
39. Библия. 1798. В л.

Нет сомнения, что этот список почаевских книг прошлого столетия может пополниться еще значительно; но иные из

* Hystoryczne Badania o drukarniach Ruskoslowianskich w Galicyi. Lwow. 1836. Сокращенный перевод на русском языке помещен в «Жур. Мин. Нар. Просвещ.» 1838. Кн. 9.

них, изданные старообрядцами, может быть, носят на себе только имя Почаева, а напечатаны не здесь. Библиографической наблюдательности есть над чем поработать.

Глава III

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЧЕРВОНОЙ РУСИ

Началось во Львове, 1583 года, в типографии Ивана Федорова Москвитина, которая послужила потом основанием для типографии *Братской*. Кроме того во Львове (с 1635 по 1701 год) было еще несколько типографий, начиная с друкарни знаменитого *Михайла Слезки*. Но еще прежде этих последних (именно с 1604 по 1635 год) являлось кратковременно книгопечатание в других четырех местах Червоной Руси — в Стрятине, Крилосе, Угорцах, Долгом Поле; а в 1670 году учредилась типография Уневская, продолжавшаяся около 80 лет. Напечатано во всех этих червонорусских типографиях, с 1573 по 1800 год, вдвое больше, чем на Волыни*, именно 150 изданий, из которых только третья часть вышла не из Братской типографии, доныне существующей под именем *Ставропигиальной*.

---

* Общий итог *Волынских* типографий и изданий, по нынешнему об них известию, будет такой:

а) *Типографий:*	б) *Изданий:*
1. В Остроге	22
2. — Дермани	3
3. — Рохманове	1
4. — Четверне	2
5. — Луцке	3
6. — Чорной	1
7. — Кременце	3
8. — Почаеве	40
	75

Червонорусских типографий	*Изданий*
а) Во Львове:	
1. Ивана Федорова	2
2. Братская	до 100
3. Михайла Слезки	17
4. Еписк. Арсения Желиборского	2
5. Еписк. Иосифа Шумлянского	2
6. Войцеха Мальчевского	1
7. Юрьевского монастыря	1
б) В других местах:	
8. В Стрятине	2
9. — Крилосе	1
10. — Угорцах	3
11. — Уневе	18
12. — Долгом Поле	1
	150

Не сомневаюсь, что к этому числу библиография на замедлит прибавить еще несколько изданий львовских, уневских.

А. Книгопечатание во Львове

1. Типография Ивана Федоровича

Эта родоначальница южнорусских типографий, как уже сказано (гл. II.), прекратила свои действия при переезде хозяина своего из Львова в Острог. Напечатаны в ней были, сколько поныне известно, только две книги:

1. Апостол. 1574. В. л.

2. Апостол. Около 1576. В л. При всем сходстве этого издания с первым, оно рознится и набором текста, и резной картиной Евангелиста Луки. При конце книги приложен лист *Привилей*, данный от князя К. К. Острожского и его подскарбия Герасима Даниловича. Не этого ли издания Апостола «140 книг», вместе с типографскими снарядами, знаменитый Москвитин заложил Львовскому жиду Израилю Якубовичу за 411 злотых, при переезде к князю Острожскому?.. По смерти Ивана Федорова, Израиль предъявил этот залог и требовал за него 1500 злотых... Львовское Братство заплатило жиду эти деньги, собрав их по миру, в продолжение нескольких лет. Так началась знаменитая —

2. Братская типография

Вместе с ней началось, 1586 года, Львовское Братское училище, которого учители и ученики были главными деятелями книжной старины Червонорусской. К началу XVII века это училище успело доставить и для целой Южной Руси многих достойных книжных людей, каковы на пример: *Стефан Зизаний*, *Кирилл Транквилион-Ставровецкий*, *Иоанн* (в монашестве Иов) *Борецкий*, *Памва Берында*, *Гавриил Дорофеевич*. Но главным первым подвижником просвещения в Галицкой Руси был достопамятный епископ *Гедеон Балабан*, скончавшийся 1607 года.

Историю книгопечатания в Братской типографии можно разделить на *три* периода. Но не вдаваясь в исторические подробности каждого из них, я предложу только список книг, изданных *Леополитанами*, которые, можно сказать, горою стояли всегда за свою друкарню, стараясь добыть ей исключительность на право книгопечатания.

а). *Период первый* — от начала Братской типографии до пожара ее в 1628 году. Изданий, вышедших в продолжение этих первых 37 лет ее бытия, известно поныне только 12. (Со временем, вероятно, это число увеличится Библиографией).

1. «Грамматика доброглаголивого Елино-Словенского языка». 1591. В 8.

2. «Привет Кур Михаилу Митрополиту Киевскому и Галицкому» (в стихах и прозе). 1591. В 4.

3. «Послание Патриарха Иеремии и Собора Берестейского». 1591. В л.

4. Мелетия Патриарха «Ответ к Иудеом о христианском благочестии». 1593. В 8.

5. Октоих. 1601. В 4.

6. Часословец. 1608. В 8.

7. Псалтырь. 1608. В. 8.

8. Иоанна Златоустого «Книга о Священстве». 1614. В 4. (Печатана Памвою Берындою, на иждивении Александра Балобана*).

9. Псалтырь. 1615. В 4.

10. «Плачь албо Лямент по зестю з света сего Григория Желиборского». 1615. В 4. (В стихах)**.

11. «Вирши на Рождество Христово». 1616 в 4. (Изданы Памвою Берындою).

12. Псалтырь. 1622. В 4. (Катал. Шир. № 45).

б). *Период второй* — от возобновления типографии, до 1708 года.

13. Октоих. 1630. В л.

14. «Вирши с Трагедии Григория Богослова». 1630. В 4.

15. «Размышление о Муце Христа Спасителя». (В стихах, иеромонаха Иоанникия Волковича) 1631. В 4.

16. Анфологион. 1632. В л.

17. Псалтырь. 1634. В 4. (Печат. М. Слезкою).

18. Евангелие. 1636. В л.

19. Часословец. 1636. В 4.

20 Требник. 1637. В 4.

21. Анфологион. 1638. В л.

22. Псалтырь. 1639. В л.

23. Октоих. 1639. В л.

24. О тайнах церковных. 1640. В 4.

25. Октоих. 1631. В л.

26. Анфологион. 1641. В л. (печат. А. Скольским).

27. Часослов. 1642. В 4.

28. Анфологион. 1643. В л.

29. Евангелие. 1644. В л. (Печат. М. Слезкою).

---

* Не в этом ли году был напечатан и «Собор в Богоспасаемом граде Вильне, бывший 1509 года 18 генваря»? (Сопик. № 1394).

** Экземпляр этого первопечатного «Плача» есть в библиотеке К. Свидзинского. В той же библиотеке, изобильной редкостями западнорусского и польского книгопечатания, есть еще один «Плач», неизвестный в русской библиографии: «Лямемт у света убогих на жалосное преставление святобливого а в обои добродетели богатого мужа в бозе велебного господина отца Леонтиа Карповича Архимандрита общиа обители при церкви Сошествия Святого Духа братства церковного Виленского Прав. Греч. в Вильне в друкарни Братской». 1620. В 4. (В стихах). Над этим плачем, без сомнения, потрудилась, хотя отчасти, рука Мелетия Смотрицкого.

30. Октоих. 1644. В л.
31. Требник. 1644. В 8. (Печат. М. Слезкою).
32. Анфологион. 1651. В л.
33. Триод постная. 1664. В л. (печат. Симеоном Ставницким).
34. Триод цветная. 1664. В л.
35. Псалтырь. 1665. В 4. (Изд. 6).
36. Апостол. 1666. В л.
37. Служебник. 1666. В 4.
38. Часослов. 1668. В 4.
39. Требник. 1668. В 4.
40. Часословец. 1669. В 8.
41. Евангелие. 1670. В л.
42. Ирмолог и Шестодневник. 1670. В 4.
43. Устав молитв. 1670. В 12.
44. Букварь. 1671. В 8.
45. Псалтырь на Валахском языке. 1671.
46. Октоих. 1671. В 4.
47. Псалтырь. 1678. В 4.
48. Служебник. 1680. В л.
49. Требник. 1682. В 4.
50. Триод цветная. 1686. В л.
51. Псалтырь. 1687. В 12.
52. Псалтырь с возследованием. 1687. В 8.
53. Триод постная. 1688. В л.
54. Триод цветная, 1688. В л.
55. Часословец. 1688. В 8.
56. Шестодневник. 1688. В 8.
57. Псалтырь. 1688. В 4.
58. Требник. 1688. В 4.
59. Евангелие. 1690. В л.
60. Служебник. 1691. В л.
61. Олорион с месяцословом. 1692. В 4.
62. Псалтырь. 1692. В л.
63. Букварь. 1692. В л.
64. Анфологион. 1694. В л.
65. Требник. 1695. В л.
66. Апостол. 1696. В л.
67. Псалтырь. 1699. В 4.
68. Триод постная. 1699. В л.
69. Акафисты. 1699. В 4.
70. Октоих. 1700. В л.
71. Молитвослов. 1704. В 61.
72. Служебник. 1702. В 4.
73. Псалтырь. 1703. В 4.
74. Псалтырь. 1704. В 12.

в). *Период третий* — от принятия (в 1708 году) Львовским братством Унии, к чему главным поводом были виды книгопечатания и книгопродавства, по 1800 г. полагаемый пределом книжной старины.

75. Служебник. 1712. В л.
76. Триод постная. 1717. В л.
77. Требник, около 1722. В 4.
78. Псалтырь, 1722. В 4*.
79. Ирмолог. 1725. В 8.
80. Часослов. 1726. В 4.
81. Октоих. 1730 В л.
82. Триод цветная. 1730. В л.
83. Евангелие. 1736. В л.
84. Акафисты. 1742. В 4.
85. «Благоутробие» Марка Абрелия, изд. проф. Козанского. 1745. В л.
86. «Философия Аристотелева, по умствованию перипатиков издана Киевск. Проф. Михаилом Козачинским». 1745. В л. (Посвящ. графу А. Г. Разумовскому).
87. Триод цветная. 1746. В л.
88. Богословия нравоучительная. 1752. В 8.
89. Ифика иерополитика. 1760. В 12.
90. Богословия нравоучительная (Изд. 2.). 1760. В 8.
91. Требник. 1761. В 4.
92. Октоих. 1765. В л.
93. Полуустав. 1768. В 8.
94. Апостол. 1772. В л.
95. Служебник. 1780. В л.
96. Катихизис. 1786. В 8.
97. «История церковная Даннемайера» (перевод с латинск. 2 ч.) 1790. В 8.
98. «Философия Баумейстера» (перев. с латинск.). 1790. В 8.
99. Соборник. 1793. В л.
100. Мартирологион. 1793. В 4.

3. Типография Михаила Слезки

Михайло Слезка, родом из Литвы, работал сначала в типографии Львовского братства, которого он был членом: потом содержал собственную типографию. За неисправную перепечатку киевского Катихизиса Петро Могила отлучил его от церкви, в каковом отлучении Слезка и умре, в 1667 году; и уже

* В бывшем у меня экземпляре недостает заглавного листка; но время издания видно уже из того, что оно «по благословению еписк. Афанасия Шептицкого». Напечатано оно сходно с изданием 1695 г., с теми же заставочными картинками; на 429 л., за которыми следуют еще *Сборник* и *Оглавление*.

митрополит Антоний Винницкий разрешил схоронить у приходской церкви тело его, лежавшее две недели без погребения. Вот книги, вышедшие из его типографии:

1. Апостол. 1636. В л.
2. Служебник. 1637. В 4.
3. Апостол. 1639. В л.
4. Часословец. 1640. В 4.
5. Октоих. 1640. В 4.
6. Молитвослов. 1642. В 16.
7. Триод постная. 1642. В л.
8. Триод цветная. 1642. В л.
9. Поучение святительское к иерею. 1642. В 4.
10. Служебник. 1646. В 4. (от еписк. Арсения Желиборского).
11. Номоканон. 1646. В 4. (от того же епископа).
12. Катихизис. 1646. В 4. (с Киевского издания 1645).
13. Апостол. 1654. В л.
14. «Ключ разумения», сочин. Иоанникия Галятовского. 1663. В л. (посвящено Слезкою еп. Гедеону князю Четвертенскому).
15. Триод постная. 1664. В л.
16. «Ключ разумения». 1665. В л. (это издание посвящено самим Галятовским е-пу Афанасию Желиборскому).
17. «Небо новое с новыми звездами». Соч. І. Галятовского. 1665. В л.

4. Типография епископа Арсения Желиборского

Андрей Скольский, уроженец Львовский, обучась книгопечатному искусству в Братской типографии, работал в Молдавии; воротясь оттуда, печатал в типографии Слезкиной собственными буквами (1638—40); потом поступил в новоучрежденную епископскую типографию, и в ней напечатал две книги:

1. Требник. 1645. В 4.
2. «Зобранье короткой науки о артикулах веры» (т. е. Катихизис). 1646. В 12.

5. Типография епископа Иосифа Шумлянского

Тут книгопечатником был Василий Ставницкий; напечатаны две книги:

1. Метрика албо реестр для порядку церкви святой. 1687. В 4.
2. Псалтырь. 1688. В 4.

6. Типография Войцеха Мальчевского

Воспрещенная по прошению Львовского Братства, она успела выдать только:

Букварь. 1690. В 8.

7. Типография монастыря Юрьевского

Известна изданием Ирмолога; в лист, 1700 года,— примечательного тем, что он напечатан с *нотами*. Печатником был Иосиф Городецкий. (Предисловие написано игуменом Иосифом Скольским).

Б. Книгопечатание в других местах Червоной Руси

8. Стрятин

В этом месте Бережанского округа, тогдашний владелец его Федор Юрьевич Балобан, вместе с дядей своим епископом Гедеоном, учредил типографию, в которой напечатаны две книги:

1. Служебник. 1604. В 4.
2. Требник. 1606. В 4.

Еще до выхода в свет Требника, скончался Федор Балобан (24 мая 1606 г.); и его превосходная типография, после 9-летнего бездействия, перешла в Киево-Печерскую Лавру.

9. Крилос

Крилос под Галичем, памятный в истории русской письменности Евангелием XII века, в истории книгопечатания известен изданием книги:

Евангелие Учительное. 1606. В л.

10. Угорцы

В этой деревне Самборского округа работали, на своей перевозной типографии, два волынских инока, иеромонах Павел Домжив-Люткович и иеродиакон Сильвестр и напечатали там три книги:

1. «Изложение веры». 1618. В 4.
2. Собрание словес от Божественного писания. 1618. В 4.
3. «Апостолы и Евангелия». 1620 в 8.

Об этих двух иноках Загоровского монастыря было говорено уже во второй главе «Книжной старины»*, под статьей «Четвертня».

---

* Там же, под статьей «Луцк», говорено было об иноках Луцкого братского монастыря, тоже Павле и Сильвестре, которые, находясь в том монастыре, учредили свою типографию и печатали в Луцке 1628 года; после чего пересе-

11. Унев

В Уневском Успенском монастыре (в округе Золочевском) около 1670 года, игумен Варлаам Шептицкий, учредил типографию, в которой первым печатником был Симеон Ставницкий и которая продолжалась, хотя и постоянно, до половины прошлого столетия. Из книг, напечатанных в ней, известны следующие:

1. Выклад о церкви святой. 1670. В 4.
2. Псалтырь. 1678. В 4.
3. Часослов. 1681. В 4.
4. Акафисты. 1683. В 12.
5. Катихизис. 1685. В 8.
6. Часослов. 1689. В 32.
7. «Зерцало Богословия» (Кирил. Тр. Ставр.). 1692. В 4.
8. Псалтырь. 1692. В 16.
9. Сборник дванадесяти месяцем. 1693. В 12.
10 Псалтырь. 1693. В 4.
11. Собрание из разных божественных книг. 1694. В 12.
12. Евангелие Учительное (Кирил. Тр. Ставр.). 1696. В л.
13. «Зерцало Богословия». 1696. В 4*.
14. Молитвослов повседневный. 1696. В 12.
15. Букварь. 1698. В 8.
16. 17. 18. Служебник. 1733. 1740. 1747. В л.

12. Долгое Поле

Наконец, в пределах Червоной Руси, именно в Буковине, в пограничном городе Долгом Поле (по волошски Кимполунг),

---

лились они на Горынь в деревню Чорную, где учредили Чорненский монастырь (иждивением Адама Урсула-Рудецкого) и где их типография находилась с 1629 до 1635 года.

Из *Оглавления книг*, сочиненного в исходе XVII века (Сильвестром Медеедевым, как доказал г. Ундольский, в «Чтениях» (1846. № 3), а не Поликарповым, как думали мы прежде, по предположению Калайдовича) стало известно, что там, в Черной, в друкарни того иеромонаха Павла напечатана книга: «Диалог албо размова человека хорого албо умираючого с духом». 1629. В 4.— (И на этой книге, также как на изданных в Луцке 1628 г., означено только имя Павла; но в завещании его товарища Сильвестра, писанном 1635 г., о котором я известил еще во второй книге «Киевлянина», в статье «О памятниках Луцкого Братства»,— в том завещании Павел назван Мотковичем Гянцею). После 1635 года типография эта досталась в дар Луцкому Братству. «Дальнейшая судьба ее неизвестна», сказал я во второй главе «Книжной старины». Но теперь, из «Обозрения славянорусской библиографии», изданного в 1849 году г. Сахаровым, стало известно, что в типографии той, в Луцком Братском монастыре, производилось книгопечатание и напечатана была книга «Апостолы и Евангелия» (1640. В 4). Экземпляр этой библиографической редкости (означенной в «Обозрении» Сахарова под № 388) находится в библиотеке при Министерстве Внутренних Дел.

* Судя по экземпляру, виденному мною в библиотеке Лукашевича, это издание 1692 г., только с напечатанным вновь заглавным листом.

где был в XVII веке и православный монастырь*, появлялось книгопечатание в 1635 году. Там в этом году, киевский книгопечатник Тимофей Александрович Вер.; в своей перевозной типографии, напечатал в 4-ку Евхологион или Молитвослов, повелением и иждивением воеводы Угровлахийского Го Матфея Бесараба. Об этой книге (по экземпляру ее, находящемуся во Львовской Ставропигиальной библиотеке) первый известил Денис Зубрицкий в книжке своей Hystoryczne Badania. 1836.

Глава IV

О БИБЛИОТЕКЕ И. Я. ЛУКАШЕВИЧА

Переходя к обозрению книгопечатания на берегах Днепра и Десны, я хочу сказать несколько слов о библиотеке малороссийского помещика Ивана Яковлевича Лукашевича, находящейся ныне в его селе Коновке Пирятинского уезда. Я видел ее в июне сего 1849 года и, думаю, что это первая библиотека в Южной Руси, по множеству русских книг гражданской печати, изданных в прошлом столетии и особенно по богатству старопечатных книг славянских. С большим трудом, иждивением и знанием дела, Г. Лукашевич успел уже собрать почти все те книги, которые считаются основными и капитальными в нашей славянорусской библиографии, начиная с Часослова и Триоди постной, напечатанных в Кракове 1491 года, Гуттенбергом нашим Феолем, до книг, изданных в Яссах, 1791 года повелением Великого гетмана казацких войск князя Потемкина-Таврического. Число книг славянской печати в Лукашевичевой библиотеке простирается уже за *тысячу* и большая часть их в хороших и полных экземплярах. Венецианских изданий я видел здесь до *десяти*, в том числе Псалтырь с Часословом 1519 г. и Сборник 1538 г. Книги, напечатанные Иваном Федоровым в Москве, Заблудове, Львове и Остроге, собраны все, кажется (исключая разве лист Хронологии 1581г.). Московских изданий, вышедших до 1650 года, считается уже *полтораста***.

По краткости времени и потому, что библиотека еще не приведена в порядок, я не успел рассмотреть всего, что стоит в

* Мимоходом вспомяну, что в *Завещании* Киевского митрополита Гедеона князя Четвертенского, 1690 г., напечатанном в *прибавлениях* к «Описан. Соф. Соб.» (с. 117), читаем: «До монастыра Скитского на покутю (*на углу*) золотых двесте». Тут Издатель напрасно включил для объяснения: «на углу». Выражения «на Покутю» означает не нарицательное имя *Покуть*, но собственное имя страны: *Покуте* или *Покутье* (Буковина).

** .Всех московских изданий, с 1564, известно теперь по каталогам 223; но они не собраны ни в одной библиотеке и многих нет теперь ни в одной из известных библиотек.

ней подробного рассмотрения. Между тем не могу не сказать здесь об некоторых библиографических редкостях, показанных мне любознательным владельцем и собирателем библиотеки.

1) *Молитвослов* Долгопольского издания, о котором сказано выше. Об нем было известно доселе по одному львовскому экземпляру. Сахаров, в своем «Обозрении» (на с. 105) говорит, что этого издания «доселе не видно в русских библиотеках».

2) Назову книгу еще одного киевского печатника, Спиридона Соболя, которую он напечатал, может быть, первую по переезде в монастырь Кутейнский; это *Брашно духовное*, в 4-ку, изданное 1630 или следующего года (1630 год выставлен несколько раз в Пасхалии; а заглавный лист утрачен). Книга напечатана теми же буквами и с теми же заставками, какие видим в киевском *Апостоле*, Соболевского издания (1630 г.). Об этом *первом* издании Брашна не известно еще в русской библиографии. Знали только о *втором* и то очень редком издании, 1639 года, которое также есть у Лукашевича (с Пасхалией 1637 года).

3) В числе острожских изданий я видел здесь *Служебник* в 4-ку, никем еще не описанный. За утратой заглавного листа год печати не виден; но Лукашевич, судя по шрифту уже испечатанному, основательно полагает, что это одна из последних книг Острожской печати, около 1612 года.

4) Из угровлахийских изданий примечательна *Псалтырь* с *Часословом*, напечатанная иеромонахом Стефаном Охридским, 1638 года, в 4-ку (иждивением воеводы И. Матфея Бесараба). Об этом втором издании также неизвестно доселе в русской библиографии (а первое издание, напечатанное 1637 года, иеромонахом Мелетием Македонским, в 4-ку, описано в «Катал». Ширяева под № 74).

5) Но еще примечательнее *Евангелие*, которое Добровский, по известию от Рыбая, относил к концу XV века. Экземпляр этого Евангелия находился тогда в Мункачевской, ныне Угварской библиотеке (Карпаторусской). Ссылаясь на Добровского, говорили об этом издании и Кеппен (в «Библиогр. Лист». 1825. № 16) и Шафарик (в 1842 г.), но говорили сомнительно; ибо никто из библиографов не видел его собственными глазами. К сожалению и в Лукашевичевом экземпляре, также как в Мункачевском, утрачен последний лист, на котором должны быть напечатаны последние строки послесловия: потому год издания и имя печатника остаются в неизвестности. Но имея перед собой самую книгу, можно сказать наверное, что сие (так называемое Брашевское) Евангелие есть также Угровлахийское, как и напечатанное 1512 года (так называемое Терговищское). Притом оно древнее и вероятно есть *первопечатное* Евангелие, с которого уже печаталось это второе, изданное 1512 года, иеромонахом Макарием, неизвестно где именно, но вероятно

там же где и первое (быть может и в Тергвище). Первое издание служило образцом для второго, в котором помещены те самые широкие, узловатые заставки, с Угровлахийским гербом, при начале каждого из четырех Евангелий. Видно также, что и фигурные большие буквы, которыми печаталось первое издание, послужили потом на второе. Но в строчных буквах есть уже отмены; первая та, что буквы первого издания вообще гораздо грубее; а другая отмена в начертании букв *червя* и *мыслете*, которые в первом издании Ч и М, а во втором Ү и М. Тем и другим подтверждается старшинство первого издания напечатанного в такой же *лист*, как и второе; но число листов в нем меньшее: всего 250 (а чтобы сказать более обстоятельно, можно прибавить: 31 тетрадь и 2 листа 32 тетради; помета по тетрадям внизу; пометы по листам и переносов со страницы на страницу нет). Напечатано оно сходно с Угровлахийским рукописным Евангелием половины XV века, какое видел я и сравнивал в библиотеке Лукашевича. Макарий, печатая второе издание, держался в правописи Евангелия первопечатного, впрочем не выдержал вполне; да и послесловие он поместил то самое, только с переменой имени повелителя. Очевидно, что город Брашев был родиной Бегнера; но не видно, чтобы он был и местом издания книги; потому Евангелию этому справедливее называться *Бегнеровым*, по примеру *Остромирова*. И пока не найдется последний (250) лист, могущий показать на год издания, будем держаться весьма вероятного мнения Добровского, что оно напечатано в конце XV века. При этом невольно вспоминается то, что говорил Сопиков об Евангелии, описанном у него под № 274, по экземпляру, бывшему в библиотеке Баузе. Чуть ли оно не одно с Евангелием Бегнеровым и едва ли оно может быть приурочено к Белградскому Евангелию 1552 года. Впрочем предоставляя решение этого вопроса книговедцам московским, обратимся к книгопечатанию в городах малороссийских: Киеве, Чернигове и Новгороде-Северском.

5 июля 1849 года.
Михайлова Гора.

Глава V

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В КИЕВЕ

Киев, первоначальник просвещения русского в древнее время, не скоро явился на книжном поприще по возрождении просвещения на Русском Юге. Книгопечатание в Киеве началось не ранее 1616 года; следственно, тогда уже, как оно производилось 42 года в Галиции и на Волыни и напечатано

было там 42 издания (разумею славянские и русские, да 42 издания вышли из типографий литовско-русских; а всего, с 28 московскими, было уже напечатано на Руси 112 изданий, или около того); тогда уже, как на Русском Юге прекратились типографии Острожская с Дерманской и Стрятинская с Крилоскою, и только одна Братская типография во Львове работала медленно и робко.

Впрочем, начало киевского книгопечатания, подобно началу многих вещей в истории, не обошлось без баснословия. Не очень давно еще, в некоторых «Историях», было сказано будто типография подарена Печерской Лавре в 1531 году князем К. И. Острожским. Это ошибочное известие, давно опровергнутое Сопиковым и митрополитом Евгением произошло конечно от того, что князя Константина Константиновича Острожского, учредителя книгопечатания в Остроге, нередко смешивали с его отцом князем Константином Ивановичем, гробница которого находится в Печерской церкви. Примеров такого смешения можно указать несколько, начиная с «Летописи Самовидца» до «Киева», сочиненного г. Муравьевым. Ближе к делу говорят другие, что Острожская типография, по ее прекращении, досталась Киевской Лавре; ибо в Печерских изданиях был до нашего времени шрифт, называемый *Острожским.* Впрочем Острожская типография могла достаться Киеву не в 1608 году, как показано в «Истории» Бантыша-Каменского, а позднее; ибо книгопечатание в Остроге производилось еще в 1612 году. Сопиков называл нам (под № 518) *Каноник*, будто бы напечатанный в Киеве 1614 года; однако сам он не выдавал того за истину. Достоверно то, что основанием Печерской типографии послужила типография Стрятинская. Оставшись без действия, после смерти учредителя своего Федора Юрьевича Балабана (1606 г.) и его дяди Гедеона Балабана епископа Львовского (1607 г.), Стрятинская типография куплена была для Печерской Лавры, архимандритом ее *Елисеем Плетенецким.* Сей достопамятный муж был первым подвижником книжного дела в Киеве, при его возрождении, которое здесь началось в *Печерской Лавре.* Елисей Плетенецкий был рода старошляхетного, также как и епископ Львовский Гедеон. История узнает его в 1596 году, как защитника православия на Берестейском Соборе, в звании архимандрита Пинского Лещинского монастыря. В 1599 году Печерская братия избрала его на место умершего архимандрита своего Никифора Тура, мужественно отстоявшего древнее святилище Руси от нападений Унии. Удержав старые права Лавры, обновив ее общежительство, Плетенецкий собрал в ней ученое братство, первым цветом которого был архидиакон *Леонтий Карпович*, бывший потом (с 1616 по 1620 г.) архимандритом Виленского Святодуховного Братства. А со времени книгопечатания в Ки-

еве, первым ученым деятелем является здесь иеродиакон *Захария Копыстенский* племянник епископа Михаила Копыстенского, бывший по смерти Плетенецкого архимандритом Печерским до кончины своей в 1627 году.

В числе ученых мужей, вызванных Плетенецким из Львова, примечательнее всех иеромонах *Памво Берында*, уроженец Молдавский, неутомимо подвизавшийся в Лавре над исправлением и изданием книг, в звании типографа, и потом архитипографа.

С 1624 года явился в Лавре еще другой ученый деятель, *Тарасий* Леонович или Левкович *Земка*, бывший здесь также типографом и корректором, подобно Берынде.

Эти два главные труженика Печерской типографии скончались в 1632 году: Берында 13 июля, Земка 13 сентября; и вместе с ними кончился *первый* достопримечательный период книгопечатания Киевского, в который явился здесь на книжном поприще и *Петр Могила*, можно сказать, довершивший свое иноземное образование просвещением православнорусским среди братии Печерской.

А. Издания Киево-Печерские (1616—32)

1. Часослов, изданный 1617 года, в 4-ку, есть первенец книгопечатания Киевского.

Теперь очень редок, известен только в библиотеках: Публичной, Московского Исторического Общества, Троицкой Лавры. Одно из двух предисловий его, содержащее толкование служб, писано иеродиаконом Захарием Копыстенским.

2. «Везерунк цнот» Елисея Плетенецкого, 1618. В 4.

Небольшая книжка, состоящая из стихов, сочиненных *Александром Митурою*, в честь архимандрита Печерского. Находится только в Румянцовском Музее.

3. «Книга о Вере единой святой соборной апостольской церкве». (1619). В 4.

Сопиков и м. Евгений считали ее напечатанной в Могилеве 1625 г., но теперь доказано, что ее издал в Киеве 1619 года Захария Копыстенский, под именем монаха *Азарии*. Та же «Книга о Вере», только с некоторыми отменами от киевского издания, напечатана была еще 1602 года в Вильне*.

4. Анфологион. 1619. В л.

Переведен с греческого Михайловским игуменом *Иовом Борецким*, поправлен Захарием Копыстенским и Памвою Берындою. Издание украшено 18 изображениями разных святых.

* Мне известно это от московского купца Т. Ф. Большакова, страстного любителя и отличного знатока славяно-книжной старины, у которого я видел это Виленское издание «Книги о Вере», но без заглавного листа.

5. Служебник. 1620, В 4.

Это первое Киевское издание Служебника сходно во всем с изданием Стрятинским; украшено изображениями Успения Богоматери, Спасителя и трех Святителей, предисловие от Елисея Плетенецкого.

6. Номоканон. 1620. В 4.

Редкое издание, известное только в библиотеках Публичной и Коротаевской; украшено изображением св. креста и преп. Антония и Феодосия Печерских. Предисловие от Памвы Берынды.

7. «Вирши на жалосный погреб Петра Конашевича Сагайдачного». 1622. В 4.

Сочинены иеромонахом *Кассианом Саковичем* «ректором школ Киевских и проповедником Слова Божия». В начале книги посвящение «Войску Запорозкому» в стихах от имени Саковича; а на конце помещена «Материя для учинения подякованя при погребе якого зацного чловека» того ж автора*. Издание украшено тремя изображениями: 1) герба Войска Запорожского; 2) гетмана Сагайдачного, сидящего на коне; 3) взятия города Кафы. Ныне известны только два экземпляра этой книжки: в Румянцовском музее и в древлехранилище М. П. Погодина.

В тексте под стихами подписаны имена тех студентов, которые их произносили при погребении:

1. Стефан Почаский**.
2. Петр Созонович Балыка.
3. Иоанн Сакович.
4. Феофилакт Иоаннович, Бурмистрович К:
5. Иоанн Тарнавский, Протопопович К:
6. Федор Скаревский.
7. Леонтий Балыка, Бурмистрович К:
8. Иеремия Ставровецкий.
9. Иоанн Стецкий.
10. Николай Отрешкевич.
11. Иоанн Козарин.
12. Иоанн Пелчицкий.
13. Евтихий Самуилович.
14. Матвей Кизимович.
15. Григорий Кондратович.
16. Димитр Кривкович.
17. Лукаш Берында.

---

* В каталоге Демидовском поставлены порознь: «Вирши» под № 337, а «Материя» под № 338.

** Этот питомец Киево-Братской школы, под именем *Софронця Почаского* известен с 1632 года как профессор риторики в Могилянской Лаврской Гимназии, а потом и как ректор Киево-Братской Коллегии (см. ниже книгу «Евхаристирион». 1632).

18. Георгий Воронич.
19. Карп Михайлович.
20. Симеон Шулга.

8. «Беседы Златоустого на 14 посланий св. Апостола Павла». 1623. В л.

Перевод священника *Лаврентия Зизания-Тустановского*, поправленный Памвою Берындою и иеромонахом Захарией Копыстенским. Предисловие «к православному роду российскому» от архим. Елисея Плетенецкого. Издание украшено изображениями: Успения Богоматери, Иоанна Златоустого, герба Плетенецкого (на обороте заглавного листа). Встречаются экземпляры, с посвящением князю Стефану Четвертенскому, писанным Захарией Копыстенским. NB. При одном из таких экземпляров принадлежащем Погодину, находится в конце особое прибавление, посвященное Федору Копыстенскому от Памвы Берынды; а на последнем листе, под заглавием «Великодный дар», представлен герб Плетенецкого в большом виде, исписанный внутри рифмами типографа Стефана Берынды.

9. Псалтирь. 1624. В 4.

Издан коштом Константина Далмата монахом Иосифом Кирилловичем, с его же предисловием о Псалтире. Издание украшено изображением Успения Б., царя Давида и гербами Плетенецкого и Далмата.

10. «Беседы Златоустого на Деяния св. Апостолов». 1642. В л.

Перевод Гавриила Дорофеевича и Иосифа Святогорца, исправленный Памвою Берындою. В книге два предисловия: одно от Ел. Плетенецкого, другое от Зах. Копыстенского. Кроме Успения Б. в книге около 20 разных изображений; а на втором листе герб Далмата со стихами Тарасия Левковича Земки.

У Большакова я видел экземпляр с гербом князя Стефана Четвертенского, со стихами и с посвящением ему же на 5 листах от Захарии Копыстенского.

Протосинкелл Памво Берында с этой книгой (для издания которой и был он вызван в Лавру из Галиции) приезжал в Москву в сентябре 1624 с рекомендательными письмами к царю и патриарху от митрополита Иова Борецкого, хранящимися в Московском архиве Иностранных Дел. В это время, кажется, Тарасий Земка стал типографом и корректором.

11. Номоканон. 1624. В 4.

Издание второе, с предисловием Зах. Копыстенского и с послесловием иеромонаха и типографа Тарасия Земки; украшено изображениями Успения Б. и Вселенского Собора.

12. Казанье на честном погребе Елисея Плетенецкого, проповеданное 1624 г. Захарией Копыстенским. 1625. В 4.

13. «Омилия албо казанье на роковую память Елисея Плетенецкого, проповеданное 29 ноября 1625, архимандритом Захарием Копыстенским». 1625. В 4.

Находится в Румянцовском музее и в библиотеке Академии Наук.

14. «Толкование на Апокалипсис» св. Андрея Критского. 1625. В л.

Перевод Зах. Копыстенского, исправленный Лаврентием Зизанием-Тустановским; с предисловием Тарасия Земки и с посвящением Григорию Далмату от Зах. Копыстенского. На обороте заглавного листа Успение Б. и герб Копыстенского со стихами Т. Земки, а в тексте три картинки. Принадлежащие к этой книге: Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображение Господне» и «Омилия и наука Иоанна Златоустого на Пятидесятницу». В «Обозрении славянорусской библиографии», изданном Сахаровым, показаны под особыми номерами — 218 и 219.

15. «Акафисты Пречистой Богородицы, Иисусу и Успению». 1625. В 4.

Изданы наместником Лаврским Филофеем Кизаревичем, с посвящением Анне Ходкевичевне, княгине Корецкой. С несколькими изображениями. Находятся в библиотеках: Погодинской, Коротаевской и в Публичной (от Кастерина).

16. «Повесть о диаволе». 1626. В 4.

Находится в библиотеках Публичной (от Кастерина) и Коротаевской.

17. Часовник. 1627. В 8.

Известен только в Публичной библиотеке (от Кастерина). Впрочем, имя типографии не означено, также как и на «Книге о Вере», сходной по шрифту с этим Часовником.

18. «Лексикон словенороссий», соч. архитипографа Памвы Берынды. 1627. В 4.

Посвящен Даниилу и Димитрию Балабанам, со стихами к их гербу, сочиненными Тарасием Земкою.

19. Триод Постная. 1627. В л.

Это первое киевское издание Постной Триоди, с послесловием от издателя П. Берынды; с предисловием З. Копыстенского; с синаксарями, переведенными Т. Земкою. У Сопикова под № 1507 и у других значится еще киевское издание П. Триоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. «От Отечника Скитского». 1627. В 4.

Это небольшое издание, на 14 листах, с разными изображениями, находится в библиотеках: Академии Наук, Публичной (от Кастерина) и Коротаевской.

21. «Поучения душеполезна» Аввы Дорофея. 1628. В 4.

Перевод Иосифа Святогорца, изданный П. Берындою, с посвящением архимандриту Петру Могиле от наместника Филофея Кизаревича с братией.

22. Агапита Диакона Главизны поучительны. 1628. В 4.

23. АПОЛЛЕИА Апологии. 1628. В 4.

Издана от митрополита Иова Борецкого и всего стана духовного, бывшего на Киевском Соборе 1628 г. 16 августа. Тут описано подробно, как Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий, на этом Соборе каялся в неправославных мыслях своих, помещенных в книге *Апологии*, написанной им на русском языке, а на польском языке напечатанной во Львове отступником Кассианом Саковичем. Находится в библиотеках Печерской Лавры и Московского архива иностранных дел.

24. «Окружная Грамота» митрополита Иова Борецкого, приглашающая на Киевский Собор к 29 июня 1629 г. для совещания о успокоении православной церкви. 1629. В 4.

Находится в библиотеке Киево-Софийского собора.

25. Номоканон. 1629. В 4.

Издание 3, с предисловием Петра Могилы.

26. «Акафисты и Молитвы». 1629. В 4.

С предисловием Тарасия Земки; с изображением герба Могилы и со множеством малых изображений в тексте.

27. Псалтырь. 1629. В 16.

С изображением Успения Б., царя Давида и герба Могилы.

28. Литургиарион си есть Служебник. 1629. В л.

Перевод, исправленный Петром Могилою; с предисловием Тар. Земки о литургии и с соборным извещением о сем Служебнике от митроп. Иова Борецкого, архиеп. Исакия Копинского и епископов Исакия Борисковича и Паисия Ипполитовича.

29. Имнология. 1630. В 4.

Состоит из большого акростиха «Петрови Могиле архимандриту святые чудотворныя великия Лавры Печерские Киевские, воеводичу земель Молдавских», поднесенного в день Светлого Воскресения, от всех делателей в типографии. Под стихотворениями подписаны имена их:

Типоназиратель Иеродиакон Исаия.
Типоблюститель инок Артемий Половкович.
Типограф Стефан Берында.
Наборщик Нафан Зенкович.
Стлепоправитель Димитрий Захариевич.
Изобразитель Парфений Молковицкий.
Изобразитель Михаил Фойнацкий.
Батищик Павел Макариевич.
Батищик Федот Киприевич.
Писмолиатель Леонтий Иерусалимович.

А в конце Имнологии подписались стихами:

Памво Берында типикароводец,
О предстателю, раб и богомолец
Твой с инеми тебе представаю,
Вся реченная с всеми желаю.

Таже по всем с всеми
Твоими и моими.
Всего типу правитель
Но всем менший служитель,
Пастыру ти предстою,
Тожде молю и пою,
Да не буду забвенный,
Аз Тарасий смиренный.

Этой книжки ныне известен только один экземпляр, в нынешнем году приобретенный М. П. Погодиным.

Тут можно вспомнить и о прежде бывших в Лавре типографах: о Тимофее Александровиче Вер., который с Стефаном Берындою и Тимофеем Петровичем, и Андреем Николаевичем печатал в 1623 г. Беседы на Послания и об Андрее Наумовиче, который с тем же Стефаном Берындою печатал Беседы на Деяния.

30. Триод Цветная. 1631. В л.

Издание первое с предисловием Тарасия Земки, с его же стихами к гербу Могилы, и со множеством изображений.

31. Крест Христа Спасителя и каждого человека. 1632. В 4.

Это слово архимандрита Петра Могилы в неделю Крестопоклонную с посвятительным от него же посланием князю Иеремии Вишневецкому и со стихами к его гербу.

32. «Евхаристирион албо Вдячность». 1632. В 4.

Собрание стихотворений, поднесенных в Светлое Воскресение Петру Могиле, от учеников учрежденной им Лаврской гимназии. Разделено на две части: на «Геликон» и «Парнасс»; при первой приложено изображение Петра Могилы в архимандритском облачении, бросающего скипетр и корону воеводскую; а при второй Муций Сцевола. На обороте заглавного листа герб Петра Могилы со стихами. Посвящение в прозе написано профессором риторики *Софронием Почаским*, который, без сомнения, сочинял и все стихи.

Для памяти, выпишу здесь имена всех 23 учеников:

1. Стефан Стрибыль.
2. Григорий Трипольский.
3. Александр Олекшичь.
4. Самуель Мужиловский.
5. Андрей Черхавский.
6. Василий Климович.
7. Василий Каменицкий.
8. Михаил Полубенский.
9. Мартин Сурин.
10. Филипп Миклашевский.
11. Иоанн Заруцкий.
12. Василий Сущанский Проскура.
13. Филон Илковский.
14. Степан Колчицкий.

15. Максим Кресловский.
16. Федор Сусло.
17. Василий Чудновец.
18. Василий Устрицкий.
19. Георгий Негребецкий.
20. Евтихий Соболь.
21. Стефан Трипольский.
22. Трофим Онушкевич.
23. Иеремия Войсяцкий.

Б. Издания Киево-Подольские (1625—30)

Через девять лет, по учреждении Печерской типографии являлись ненадолго частные типографии, в самом «богоспасаемом граде Киеве», т. е. на Подоле. Первая из них заведена была лаврским же печатником Тимофеем Александровичем Вер., «мужем трезвенным и целомудренным» (так сказано об нем в предисловии к Беседам, изданным 1623 г.). Из киевских книг его типографии известна только одна, два раза изданная:

33. Часослов, 1625. В 4.

С посвящением митрополиту Иову Борецкому и с предисловием от имени самого печатника.

34. Тот же Часослов (изд. 2). 1626. В 4.

Тимофей Александрович Вер. в последствии явился со своей типографией в Покутьи (Буковине) и там, в пограничном городе Долгое Поле, напечатал Евхологион или Молитвослов, 1635 в 4, иждивением воеводы Угровлахийского Матвея Бесараба (находится в библиотеке И. Я. Лукашевича).

С 1627 года была в Киеве другая типография, Спиридона Соболя. Из его киевских книг известны следующие:

35. «Лимонарь сиречь Цветник» Патриарха Софрония. 1628. В 4.

Этой книги замечаются два разные издания, того же года.

34. «Минея общая». 1628. В 4.

В конце книги находится Акафист Богоматери, с особым счетом 17 листов.

35. Октоих. 1629. В 4.

С изображением Иоанна Дамаскина, гравированным В. Д.

36. Апостол. 1630. В л.

С изображением Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, издан иждивением подкоморого Мстиславского Богдана Стеткевича, которому и посвящен.

В 1630 году Спиридон Соболь со своей типографией переехал в Белоруссию, в Кутеинский монастырь, и там напечатал следующие книги: «Брашно духовное» около 1631 г. В 4 (об этом издании я упомянул уже в 4 гл. «Книжной старины»); Молитвы повседневные. 1631. В 12; Часослов. 1632. В 4. После того он

переместился в Буйничи, в маетность вышепомянутого Богдана Стеткевича (на берегу Днепра, где был потом и Буйницкий Святодуховский монастырь) и там напечатал Псалтырь 1635 г. В 8. Вероятно там же напечатал он и «Тестамент царя Василия». 1638. В 12.

Митрополит Евгений (в «Опис. Лавры». 1831. С. 71) говорил, что книга «Лимонарь» напечатана Соболем «в Михайловском Златоверхом монастыре у Иова Борецкого». Это ошибка, которая повторена и в «Киевлянине» (кн. 1. С. 22, 55). В «Лимонаре» сказано, что он напечатан «в дворе Иова Борецкого митрополита К. в граде Киеве». Иов действительно жил тогда в Михайловском монастыре, но монастырь не считался двором Иова. На Подоле, который в том веке был «градом Киевом», у Борецкого были два двора. Один из них куплен у Андрея Черкашенина, в 1616 году, когда Борецкий был еще священником Иоанном (так он поименован на купчей 8 окт. 1616 г.). Другой двор подарен был ему, уже как игумену Михайловского монастыря Иову, в 1620 году, от киевлянки Анны Козеевны. Конечно, в одном из тех дворов Иова Борецкого производил книгопечатание Спиридон Соболь, а также и Тимофей Александрович. (Впрочем, в первой половине XVII века под Старокиевской горой находился еще тот «деревянный типографский двор» См. в «Прибавлениях к Описанию Соф. соб.» С. 31).

Вышепомянутый Черкашенский двор митрополит Иов «заставил за гроши отцам Межигорцам» (видно небогат был почтенный иерарх, которого киевляне называли *милостынником убогих* и *вторым Иоанном Милостивым.*»); а за день до кончины своей, т. е. 1 марта 1631 года, он в тестаменте своем *леговал* тот двор Межигорской братии; а межигорцы в сентябре того же года продали его «пану Томашу Иевлевичу, ректору школ братских». В октябре того года состоялась интромиссия (т. е. вводная) в тот двор, и субмиссия Томаша Иевлевича ректора школ киевских».

Об ректоре *Фоме Иевлевиче* до сих пор не было и помину в известиях о Киево-Братской школе; мне удалось узнать об нем из старых киевских записей (также нежданно, как о бытии древнего монастыря Гнилецкого под Киевом, узнал я из актов монастыря Выдубицкого). Иевлевич был последним ректором первоначальной, еще не Могилянской, Киево-Братской школы в то самое время, когда в ней полагается ректором Тарасий Земка. Об этом ученом муже говорят, что он «был ректором Богоявленского училища 1631 г., потом взят в проповедники и тинографы Киево-Печерской Лавры». (У *Евгения* в «Прибавл. в Опис. Соф. соб». (С. 226) и у *Макария* в «Истории Киев.

Акад.»). Но это несправедливо, также как и то, будто Тарасий Земка принадлежал к числу киевлян, посылавных архимандритом Петром Могилой для образования в заграничные училища. По современным книгам и актам Тарасий до кончины своей виден постоянно в Печерской Лавре с 1624 года, уже иеромонахом, в званиях типографа и корректора, проповедника и соборного старца; при этом же он считался и игуменом Богоявленским (как видно из его подписей в Словаре Берынды 1627 г. и на трех записях о Лаврской Могилянской школе в исходе 1631 года). Позднейшие каталоги приписали ему ректорство вместо игуменства, приняв одну должность за другую, конечно потому, что обе они впоследствии соединялись и соединяются обыкновенно в одном лице.

И так, в скудном списке ректоров первоначальной Богоявленской школы должно поставить, вместо знаменитого имени Тарасия Земки, неведомое доныне имя Фомы Иевлевича, в 1631 году*.

Не лишним считаю заметить здесь, что и Иов Борецкий зачислен в учители Богоявленской школы без достаточного основания. У святителя Димитрия сказано об нем, что он «греческому и латинскому языку *учил в школах*».— «Конечно, это были *не другие школы*, как *Богоявленские*»,— заключает о. Макарий, в своей Истории. Напрасно: то были *другие* школы, именно *Львовские*, в которых Корецкий учился и потом учил, до переезда своего в Киев. Это положительно известно мне по современным актам, уцелевшим во Львове; а об его учительстве в Богоявленской школе не видно еще ни из одного современного свидетельства. Относительно монашества и игуменства его можно заключить из вышеприведенного указания, что оно началось едва ли ранее конца 1616 года.

Исаия Копинский, как видно по всему, начальствовал в Богоявленском Братстве в 1615 году самое короткое время, можно сказать, мимоходно.

Когда именно был здесь ректором *Мелетий Смотрицкий* и действительно ли был: это требует еще нового рассмотрения. Так неполна и скудна еще история Киево-Братской школы, в первый период своего бытия, т. е. до 1633 года! О первых 25 годах ее бытия, т. е. до 1615 года, почти ничего неизвестно еще, как будто совсем ее не было. А потому не дивно, что из ее ученой братии на книжном поприще доселе виден только ректор *Кас-*

* Кстати о ректорах академии; назову еще одного пропущенного в списках, и у Евгения, и у Макария: это *Кирилл Филимонович*. Он был ректором в 1692 году. По его просьбе гетман Мазепа дал Братскому монастырю сельцо Бельмачевку (см. Универсал 27 апр. 1692 г., в «Памятниках Киев. Комис.» Т. II.). Кирилл поступил в академию из иеромонахов Печерской Лавры. В начале 1668 года он был посылан в Москву от архимандрита Варлаама Ясинского для испрошения царской грамоты на древние права Лавры (см. «Грамоты», напечатанные Евгением в «Опис. К. Лавры». 1831 г. под № 22 и 23).

сиан Сакович, 1622 года, со своими надгробными «Виршами», что главными подвижниками книжного дела в Киеве, в означенный период, были *лавряне*.

Митрополитством Петра Могилы, в 1633 году, начинается *второй период*, как в истории Киево-Братской школы, возвышенной тогда на степень *коллегии* и назвавшейся *Могилянскою*, так и в истории книгопечатания Киевского. Типографы Печерские приветствовали митрополитство своего архимандрита, 1633 года 5 июля, книжкой «Евфониа веселобрмячая», состоящей из довольно длинного стихотворного акростиха; а ученики Могилянской гимназии, уже присоединенной к Богоявленской школе, воспели митрополитство своего протектора польскими стихами, напечатанными тогда же в Лавре, под названием «Mnemosyne». Этими двумя книжками, в 1633 году, начался второй период киевского книгопечатания, который можно вести до лаврского пожара в 1717 году.

Глава VI

ЛАТИНО-ПОЛЬСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ МАЛОРОССИЙСКИХ

С вышеупомянутой *Мнемозины* начинается ряд киевских книг на польском и на латинском языках, которых издано, кажется, шесть, в митрополитство Петра Могилы, им самим и его питомцами. I. «Mnemosyne». 1633. В 4.

Вот имена студентов, подписанные под стихотворениями:

1. Александр Тишкевич.
2. Георгий Тиша.
3. Иоанн Тиша.
4. Самуель Мужиловский.
5. Адам Тиша.
6. Филон Илковский.
7. Филип Константинович.
8. Тимофей Княгиницкий.
9. Стефан Бабневский.
10. Захария Березецкий.
11. Андрей Гродецкий.
12. Порфирий Кирилчевский.
13. Василий Ветрицкий.

Число студентов взято по числу букв в имени PIOTR MOHILA. Каждая буква изображена каким-либо предметом (напр., I—колонкой, O — зодиакальным кругом) и каждый предмет воспет в особом стихотворении с применением к киевскому меценату.

II. «Exegesis» Сильвестра Коссова. 1635. В 8.

III. «Paterik», его же. 1635. В 4.

IV. «Тератургима». Афанасия Кальнофойского. 1638. В 4.

V. «Mowa Duchowna» Петра Могилы на бракосочетание князя Януша Радзивила. 1645. В 4.

VI . «Lithos». 1645. В 4, изданный Петром Могилой, под псевдонимом *Евсевия Пимена.*

К этим изданиям, имевших в свое время большую значительность, мы возвратимся после; а здесь заметим, что, по примеру Киева, печатались латино-польские издания и в Чернигове, и в Новгород-Северске, в последней четверти XVII века. Таковы например:

VII. Naiasnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka, Matka Panna Marya, od Lazarza Baranowicza Slawiona. Чернигов. 1683. Дек. 22. В л. (24 л.).

Лист второй занят посвящением царевне Софии Алексеевне, на славянском языке. Затем идет самое песнопение польскими стихами, с текстами славянскими, и кое-где со стихами латинскими. Наход. в библиотеке кн. Оболенского (в сборнике Величка).

VIII. Стихотворение на польском языке в честь *Лазаря Барановича* от товарищества куншту типографского: с подписью на самом конце: «Lucubratiuncula Ioannis Wieliczkowski».

Эта брошюра, как видно, напечатана в Чернигове, в лист: всего 5 листов, кроме заглавного утраченного в виденном мною экземпляре, у кн. Оболенского. В начале заставочная полоса с изображением агнца и с надписью славянской «Агнец Божий». Затем следует текст: «Iesli ziarno pszeniezne...» и т. д. Находится в сборнике Величка.

Впрочем не духовные предметы собственно любила воспевать латино-польская муза у малороссиян: она преимущественно трудилась над *панигириками* разным сановным людям, светским и духовным: и сколько русского дарования истратилось в них по-пусту! Но можно порадоваться по крайней мере тому, что вся эта безпредельная лесть, весь этот холодный, риторический, стеклянный блеск ума и слова выражался по-польски и по-латыне, а не языком южно-русским. Вышеупомянутая «Мнемозина» была зерном, из которого под исход XVII века вырос у нас целый лесок панигириков, до сих пор еще неведомый для русской библиографии: надо же ей и с ним ознакомиться! Охотники до чтения в те поры сбирали эти панигирики и обыкновенно переплетали их в особые сборники, из которых назову здесь два. Один, принадлежавший прежде полковому Переяславскому судье *Лесеневичу*, я встретил в селе Сушках Золотоношского уезда у Н. С. Романовского; другой сборник,

особенно замечательный тем, что он принадлежал известному летописателю *Самуилу Величку* и содержит в себе подлинником несколько панигириков ненапечатанных, я видел в Москве, в богатой редкостями библиотеке князя М. А. Оболенского.

IX. Czyhirin pograniczne miasto w ciezkim obleniu Tureckim roku 1677, za szczecem Его Царского Пресветлого Величества, triumfujace. В типографии Новгород-Северской, 1678, В 4.

Это песнопение *Александра Бучинского*, польскими стихами, в честь гетмана Самойловича; воспевается знаменитая осада Чигирина. На обороте заглавного листа изображен герб Запорожского войска. Находится в библиотеке К. К. Свидзинского.

X. Trubut jasnie wielmoznemu jego mosci panu Janowi Samuylowiczowi и проч. В Киево-Печерской типографии, 1686, В л.

Это панигирик гетману Самойловичу от коллегиатов Киево-Могилянских. После посвящения, которое, по обыкновению на втором листе, идет латинской прозой Triumphus Palladis, а потом польскими стихами Acclatio Muzarum, под которыми подписался: Magister grammatices Paulus Baranecki.

На обороте заглавного листа изображена *Паллада*: она едет в свой храм на колеснице, везомой Пегасом; в правой руке держит свой щит, а в левой знамя, на котором *три креста* (герб Самойловича) и надпись: sub hoc signo triumphat. Находится в сборнике Романовского.

О панигириках Стефана Яворского и о времени его префектства

Первенство между малороссийскими панигеристами принадлежит, бесспорно, Стефану Яворскому. Известно, что по возвращении из чужестранных училищ в Киев он так прославился здесь искусством слагать латинские и польские стихи, что удостоился почести *Лавроносного Пиита*. Известно также, что он писал похвалы разным лицам; но доселе, кажется, неизвестностью покрыто то, какие же именно были эти похвалы, и особенно те, какие написал он в первой, цветующей поре своего стихотворства.

XI. Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarim pondus sustinens. Напеч. в Чернигове, В л.

Год издания не означен, но он (1684) определяется временем избрания *Варлаама Ясинского* в Печерские архимандриты после *Иннокентия Гизеля*: это и значит «Геркулес после Атланта». Вероятно, это первый печатный панигирик Яворского, который и не означил на нем прямо своего имени, а сказался затейливыми полустишиями, на заглавном листе и в конце посвящения.

Яворский изображает, латинскими стихами и прозой, и стихами польскими, доблесть и подвиги своего благодетеля. Мы отсюда узнаем, чего не знали прежде: что Ясинский, по окончании наук в Киевской коллегии, отправлялся учиться в коллегию Краковскую, и там несмотря на все предстоявшие ему трудности увенчался философским колпаком. Видно также, что Ясинский, отказавшись от ректорства в коллегии (1663 года), был до избрания в архимандриты Печерские настоятелем *Пустынноникола́евского монастыря*, а не *Михайловского*, как пишут обыкновенно историки. Панигирик этот находится в сборнике Романовского (на 19 листах).

XII. Echo głosu wołaiącego na puszczy. Напечат. в Киеве, 1689, В л.

Это панигирик гетману Мазепе, украшенный гербом его на обороте заглавного листа, да в тексте еще шесть изображений разных частей того же герба, с эмблематической их обстановкой: работы знаменитого в ту пору Киевского гравера I. S., т. е. *Иосифа Щирского*. На этом панигирике подписан Симеон Яворский — «artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus». И так Яворский в 1689 году не был еще монахом. Воображал ли будущий блюститель патриаршего Всероссийского престола, сочиняя это громозвучное *Эхо*, что через 20 лет придется писать от лица всей России стихи на того же Мазепу, как на изменника, преданного анафеме церковной!..

Еще и в 1698 году Яворский посвятил Мазепе свое «Весельное казанье, при благословенном венчании Иоанна з Обедова Обедовского, стольника и полковника Нежинского в церкви Свято-Троицкой Батуринской, названное Виноград Христов».

Там, к гербу Мазепы, написал он следующее восьмистишие:

«Зри коль крепко в России Вера стоит свята,
Ей же не одолеют и адова врата,
Крест на котве утвержден, при двою светилу
Сию Веры святой изъявляют силу.
Всуе устремляются злочестивых реки,
Крест на котве недвижим будет во веки.
И сама нощь князя тьмы ничтоже успеет:
Заря светил небесных при кресте яснеет».

Этот *Виноград*, в собственноручном подлиннике Яворского, принадлежит сборнику Самойла Величка; а печатное *Эхо* видел я в сборнике Романовского.

XIII. Arctos. (В Киеве, 1690). В л.

Панигирик на избрание Варлаама Ясинского в митрополиты киевские, состоит из четырех акростихов, польскими стихами; перед каждым похвала на латинском языке, стихами и прозой. Одна из этих похвал состоит в беседе стихотворца с эхом, представляющей игру латинским языком.

К сожалению, в моем экземпляре этого *Арктоса* также как и в принадлежащем к сборнику Величка, утрачен заглавный лист (без него текст на 25 листах). Однако по содержанию видно, что этот панигирик приготовлен к возвращению митрополита Варлаама из Москвы, бывшему в ноябре 1690 года. Конечно тогда же Яворский был пострижен в монахи, ибо он подписан здесь так: «Pedise quus cliens ac mancipium Stephanus Jaworski».

XIV. Belnia neubywaiacey chwaly w herbowym xiezycu. Напеч. в Киеве, 1691. В л. (на 37 листах).

Это самый замечательный и великолепный панигирик Яворского, которым он приветствовал митрополита Варлаама в день ангела его, 19 ноября 1691 года. Тут воспеты сначала три преподобных Варлаама: Варлаам пустынножитель, Варлаам мученик и Варлаам Печерский, а потом уже идет песнопение Варлааму Ясинскому.

Украшен четырьмя изображениями отличной гравировки, новоприбывшего из Вильны в Киев художника Льва Тарасевича*. Находится в обоих сборниках.

По предыдущему панигирику мы определили год пострижения Яворского в монахи; а теперь определим его префектство в Киевской коллегии.

У митрополита Евгения, в «Кратком известии о Киевской академии» (в «Прибавл. к Опис. Соф.» С. 228) сказано, что Стефан Яворский поступил в префекты и философии учителя «1700 года, и того же года в Москве посвящен в митрополита Разанского». Эти слова повторил и о. Макарий, в «Истории Киев. Академии» (Спб, 1843. С. 160), относя префектство Яворского к 3 периоду академии. Там же (С. 55) историк приписывает Яворскому курс «Риторики», уцелевший в рукописях под названием «Concha» (1698), говоря, что Яворский «именно в эти последние годы преподавал здесь словесность». Нет все это было не так: в эти годы Яворский совсем уже не преподавал в академии, а был игуменом Пустынно-Николаевским, на место Иосафа Кроковского, избранного в Печерские архимандриты 1697 года, 25 марта. Риторику Яворский преподавал в коллегии, конечно только до 1692 года; а в этом году он был уже префектом и философии учителем, на место *Силуана Озерского.* Это ясно видно из его титула на панигирике «Petnia» — «иеромонаха Стефана Яворского, префекта школ Киево-Могилянских и философии профессора». А на вышеупомянутом Винограде, в январе 1698 года, он подписался

* Он прибыл в Киев 1690 года, скончался 1703 года. Его работа особенно замечательна в издании Патерика 1702 года; (впрочем есть издание того же года и с обыкновенными древорезными изображениями). Брат его Александр Тарасевич тоже был гравером Печерским с 1688 года.

«иеромонахом, игуменом монастыря Святоникольского Пустынного Киевского».

О панигириках Филиппа Орлика

Лицо слишком известное в истории: любимец Мазепы, бывший под конец его гетманства генеральным писарем; а по смерти его получивший гетманскую булаву от Карла XII под Бендерами. После того он, считаясь запорожским гетманом, четверть века еще мыкался по свету и помыкал Запорожской Сечью, находившейся тогда под властью Крымской орды. Но когда Орлик поступил на службу в Запорожское войско, об этом не совсем точное понятие можно составить себе из сказания Конисского о построении *крепости Орлика* на р. Синюхе в 1691 г. Достовернее, что Филипп Орлик в 1695 году писал польские стихи в Вильне, а в 1698, не покидая стихотворства, служил консисторским писарем в Киеве. Эти новые известия об нем, как о стихотворце и консисторском писаре, открываются из следующих двух панигириков его.

XV. Alcides Rossiyski, triumfalnum laurem ukoronowany. Напечат. в Вильне, 1695. В л.

Этот *Алкид российский*, панигирик гетману Мазепе, воспевает взятие Кизикермена, Таваня, Асламгородка и других турецких крепостей, бывшее 1695 года; а также и победу над «Крымской Гидрой», одержанную 3 августа 1694 года «двумя русскими гекторами» (так названы у Орлика главные виновники той победы: *Семен Палей* и полковник Киевский *Макеевский*). Доведя свой панигирик до «Nec plus ultra», Орлик в заключение латинской прозой возглашает об том, что сделано «валечным российским алкидом» в пользу южнорусских монастырей. Тут узнаем с любопытством, что гетман в Киеве обвел каменной стеной Печерскую Лавру, *позолотил верх Печерской церкви*, построил каменные церкви в Никольском и Братском монастырях — еще до 1696 года.

На обороте заглавного листа изображение полного герба Мазепы, с польским восьмистишием внизу. Находится в обоих Сборниках.

XVI. Hippomenes Sarmaski. Печат. в Киеве. 1698. В л.

Это панигирик на брак стольника Ивана Обедовского с Анной Кочубеевной. Филипп Орлик подписался на нем «писарем консисторским митрополии Киевской». На обороте заглавного листа герб Обедовских, с 12-стишием польским; а в тексте (на 18 и 19 л.) две картинки, гравировки I. S. (Иосифа Ширского). Вторая картинка представляет залу, украшенную частями герба Мазепы (дяди Обедовского); а посредине на столе

два сердца, связуемые золотой цепью, двумя купидонами, возле стола стоящими. Находится в сборнике Величка.

О панигириках Иоанна Орновского

Иоанн Орновский, пиита Черниговский, начал печатать свои панигирики, будучи еще *авдитором елоквенции*: так он подписался на панигирике.

XVII. Niebeski Merkuriusz. В л.

Написан в честь Станислава Голинского; но за утратой заглавного листа не видно, где (не в Кракове ли?) и в котором году напечатан. Находится в сборнике Романовского.

XVIII. Muza Roxolanska o triumfalney slawie y fortunie. Напечат. в Чернигове. 1688. В л.

Эта Роксоланская Муза, в честь гетмана Мазепы, украшена первоначальным, неполным его гербом, на обороте своего заглавного листа. Находится в сборнике Романовского.

XIX. Bogata drogich kamieniy Speza. Напечат. в Чернигове. 1693. В л.

В честь стольника Ивана Обедовского. На обороте заглавного листа должен быть герб его, а на следующей странице какая-то картина; но на обоих мне известных экземплярах (в сбор. Роман и в сбор. Величка) находятся только пробелы, оставленные для оттисков.

XX. Bagaty Wirydarz. Напечат. в Киево-Печерской типографии. 1705. В л.

Этот панигирик, написанный в честь стольника и Харьковского полковника Федора Захаржевского, украшен гравированными изображениями герба Захаржевского и проч. Находится в библиотеке Свидзинского.

XXI. Theatum Perennis gloriae. Напечат. в Чернигове, 1699, В л.

Этот панигирик в честь гетмана Мазепы сочинен Петром Армашенком. Находится в библиотеке Свидзинского.

Но оставим на время латино-польскую музу наших малороссийских пиитов и риторов, и возвратимся к славянорусским изданиям, выходившим из Киево-Печерской типографии с 1633 по 1717 год включительно.

1850 г. Москва.

О НАЧАЛЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В КИЕВЕ, МНИМОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ

Полвека уже как в русской библиографии состоялось и утвердилось положительное сведение о начале книгопечатания в Киеве — с 1616 года, и первопечатной книгой признан *Часослов*, изданный в Печерской Лавре 1617 года.

Основанием лаврской типографии послужила типография Стрятинская, оставшаяся без действия по смерти своего учредителя «благородного Федора Юрьевича Балабана» (1606 г.) и купленная для Печерской Лавры достопамятным ее архимандритом Елисеем Плетенецким. Об этом ясно говорится в двух тогдашних киевских книгах (*Везерунк* 1618 г. т *Анфологион* 1619 г.).

Но в прошлом восемнадцатом веке, богатом на исторические предположения и выдумки, повелось и велось неправильное мнение о книгопечатании в Киеве: будто оно началось еще в первую треть *шестнадцатого века*, в типографии, подаренной Печерской Лавре в 1531 г. князем Константином Ивановичем Острожским.

Кто первый пустил в ход такое сказание, нам не известно... Но русские книголюбцы еще в начале нынешнего столетия усмотрели, что это сказание — небывальщина; не нашлось ни одной книги, напечатанной в Киеве в шестнадцатом веке, да и в самом городе Остроге учреждена была типография не раньше 1578 года, заботой князя Константина Константиновича Острожского, воеводы Киевского. Некоторые (как например, архимандрит Амвросий Орнатский в 1807 г.) думали было славным именем сего князя заменить не менее славное имя отца его, великого гетмана Литовского, погребенного в Печерской церкви

(1533 г.); так думали они в том предположении, что типография князя Константина Константиновича досталась Печерской Лавре — в год его кончины и потому хотели приурочить начало киевского книгопечатания к 1608 году. Но предположение это было также невпопад; ибо книгопечатание в Острожской типографии продолжалось и по кончине ее учредителя, при его сыне, Януше Константиновиче, каштеляне Краковском, как о том свидетельствует книга *Часослов*,— «повелением» этого князя напечатанная в Остроге, двумя изданиями, 1612 года. Наконец, в *двадцатые* годы нынешнего столетия, утвердилось вышеприведенное мной положительное сведение о начале киевского книгопечатания, исследованиями митрополита Евгения, Кеппена и П. М. Строева. Сказание прошлого столетия повторено было в Киеве — в последнем издании прежнего «Краткого описания Киево-Печерские Лавры», напечатанном 1817 года, где при имени архимандрита *Протасия* (известного в 1535 году) сказано: «При сем заведена типография в Лавре» (с. 141). Но Евгений в своем «Описании Киево-Печерской Лавры» справедливо заметил о том сказании, что оно «не имеет никакого основания». Но вот оно снова прокидается в нынешнее время.

В 1866 году киевский священник Павел Троцкий напечатал две статьи свои о типографии Киево-Печерской Лавры («Краткий очерк» в 9 номере «Киевских Епархиальных ведомостей», и пространную статью — в «Трудах Киевской Академии». Кн. 5 и 6). Там он представил несколько неизвестных досёле и любопытных сведений о судьбе Лаврской типографии, прежней и новешей, заимствованных им из ее архива; и за эти сведения нельзя не благодарить его. Что же касается до начала Лаврской типографии, то о нем рассуждает он *на-трое*, следующим образом:

Во-первых, он признает за *вероятное*, что мысль о заведении Лаврской типографии восходит к концу XVI столетия, когда патриарх Иеремия в 1588 году «на обратном пути, бывши в Киеве, благословил тем же благожеланием и Печерскую Лавру.

Хотя это *вероятие* о. Троцкий заимствовал у Евгения, но мы знаем уже наверное, что патриарх Иеремия совсем не был в Киеве; да и в известной грамоте его, данной Печерской Лавре 1592 года, нет и помину о типографии.

Во-вторых, о. Троцкий признает за *несомненное*, что Лаврская типография восходит по времени своего основания хоть к последним дням жизни Константина Константиновича Острожского, который умер в Киеве 1608 года, а «может быть даже и погребен тут».

Здесь опять напрасное отступление от исторической действительности. Князь К. К. Острожский, скончавшийся 13 февраля 1608 года, погребен в Остроге, в своей замковой Богоявлен-

ной церкви; а в его Острожской типографии продолжалось еще книгопечатание и после его кончины, как замечено выше.

В-третьих, признав за несомненное начало Лаврской типографии 1608 год, о. Троцкий говорит еще вот что: «Слишком уважая *древнее предание* о начале Лаврской типографии, так ясно и хорошо обставленное, мы надеемся, что своим мнением сделали поворот к его оправданию. Может быть со временем найдутся книги Лаврской печати *шестнадцатого столетия*, или другие данные, которые поведут и к современному оправданию почтенного предания; в этом мы не теряем надежды».

Что же если бы эта надежда о. Троцкого действительно оправдалась? Тогда бы и то, что признал он за *вероятное*, и то, что назвал он *несомненным*, оказалось бы неверным и напрасным! Да и зачем называть древним преданием то, что принадлежит к вымыслам прошлого столетия, столь не сходным с ясными свидетельствами предшедшего XVII века?...

Таким образом все рассуждение о. Троцкого, в котором он желал совместить три прежние, уже отвергнутые наукой, предположения о начале Лаврской типографии, оказывается несостоятельным и напрасным. Назвав *несостоятельным* начало типографии Лаврской в 1608 году, он не усомнился внести в число *первопечатных* киевских книг такие *четыре* книги, о которых не было еще и помину в библиографии и которые он вычитал в новейших описях старых книг, не озаботясь проверить показание тех описей самими книгами, присланными из приходских церквей в Печерскую Лавру. Таковы у него:

1) «Минея общая», 1608 года.
2) Псалтирь, 1609 года.
3) Триод постная, 1615 года.
4) Триод постная, 1618 года.

Не ограничась ими, о. Троцкий включил в свой список первопечатных киевских книг еще две, которые поименованы были в каталогах Василия Сопикова 1813 г., но там же не были признаны за достоверные.

5) Канонник, 1614 года, взятый Сопиковым из письменного каталога Московской духовной типографии, с такой оговоркой в предисловии: «Чего однако ж, не видав оной, утверждать не смею». А позднейший московский библиограф покойный В. М. Ундольский говорит, что в библиотеке московской синодальной типографии нет и не было этой книги, и прибавляет: «Смело может назвать это показание Сопикова — недоразумением» (См. в «Хронологическом указателе». М., 1871. Очерк славянорусской библиографии. С. 29).

6) «Акафист св. великомученице Варваре», 1639 года.

Все эти шесть книг, взятые на веру из каталогов рукописных, можно отнести к недоразумениям библиографическим и нельзя

принять их в число старопечатных изданий киевских. Что же касается до поворота к прежнему сказанию о начале книгопечатания киевского, будто бы еще в шестнадцатом веке, то мы заметили такой же поворот и в богатой содержанием статье достопочтенного о. архимандрита Леонида: «Описание славянорусских рукописей Воскресенского монастыря, Новым Иерусалимом именуемого», напечатанной в первой книге «Чтений», 1871 года. В его заметках о старопечатных книгах того же хранилища, поименовано десять киевских изданий и между ними первое:

Триод постная (без выходного листа) с надписью по листам, относящеюся к 1562 году: «Лета 7070 дал книгу сию в дом чудному Богоявлению старец Севастьян, митрополичь ключник».

По этой надписи очевидно, что та Триод постная принадлежит к изданиям *шестнадцатого* века; но чтобы она принадлежала к изданиям *киевским*, того не видно и из следующих слов о. Леонида: «По приметам, это одно из первоначальных изданий Лаврской типографии, устроенной князем Острожским в 1531 году».

Без *выходного листа*, на котором могли быть означены время и место печати, ближайшими приметами могли бы служить *шрифт* и *бумага*; по ним та *Триод постная* оказалась бы, вероятно, одинаковой с которым-либо из трех изданий этой книги, напечатанных в разных местах до 1562 года. Сказание же об устроении Лаврской типографии в 1531 году князем К. И. Острожским есть выдумка, отвергнутая еще в начале нынешнего века русскими книговедцами, в том числе и Сопиковым.

Единственной приметой в той надписи остается упомянутый в ней «дом чудного Богоявления».

О. Леонид говорит: «Здесь надобно полагать церковь Богоявленского монастыря, при котором в 1589 году основалась школа, по благословению патриарха Феофана».

Нет никакой надобности, ни даже исторической справедливости, полагать это. В Киеве до 1615 года не видно ни Богоявленской церкви, ни монастыря при ней, ни школы, ни из одного письменного памятника тех времен (как это объяснено в моем исследовании «О первых временах Киевского Богоявленского Братства»). Предполагаемое благословение Иеремии на основание Богоявленской школы остается для нее только возможностью, еще не нашедшей себе оправдания в свидетельствах тоговременных. Что же касается до «дома чудного Богоявления», упомянутого в надписи, то в нем прежде всего можно полагать знаменитый Богоявленский храм в Остроге, принадлежавшем князю Константину Константиновичу, бывшему тогда (т. е. в 1562 г.) уже воеводой киевским.

В заметке о. Леонида находится случайная обмолвка: вместо бывшего на мысли патриарха Иеремии, поставлено имя патриарха Феофана. И как оно кстати!

Феофан, довольно долго гостивший в пределах Киева, восстановив здешнюю православную митрополию, утвердил своим благословением недавнее братство и монастырь, и школу, при церкви Богоявленской, заложенной в начале 1616 года. В его же грамоте, данной Печерскому монастырю 1620 года, упоминается между прочим и о Печерской типографии, но как об учреждении недавнем: «Благохвально же к тому и в типографском деле, рассеяние в общую пользу всех христиан слова Божия изданием книг. Сия вся и иная начинания и деяния, яже суть ко спасению, преподобного архимандрита Елисея Плетенецкого с братией, яже о Христе, благословихом его и благословляем». Вот еще свидетельство, в дополнение к сказаниям о начале Печерской типографии в тогдашних киевских книгах (например, в *Анфологионе* 1619 г.). Феофанова грамота приводится в грамоте Московского патриарха Иоакима, данной Печерской Лавре 1688 года. Сей приснопамятный иерарх, бывший в первой половине семнадцатого века учеником Киево-Братской коллегии, а в средине того века иноком Киево-Межигорского монастыря, конечно, перешел в Москву с тогдашним, верным знанием о начале книгопечатания киевского; а потому сведение о том, сохранившееся в грамоте 1688 года, важно для нас, как свидетельство того века, до исхода его существовавшее и в Киевской Руси и в Московской. Заслонилось было оно вымышленным сказаниям восемнадцатого века, в продолжение его господствовавшим и колебательным освобождением от него, происходившим в начале нынешнего, девятнадцатого века. Но когда оно уже возобновилось сполна, в двадцатые годы сего столетия, оправданное исследованиями и соображениями строго научными, тогда напрасными оказываются все новые отступления от него и повороты к прежним недоразумениям и предположениям.

В *5* главе моей «Книжной старины южнорусской», помещенной в 3 книге «Киевлянина» (1850 г.), перечислено *32 книги*, напечатанные в Киево-Печерской типографии, в *первый период* ее бытия (1616—1632 гг), начиная с *Часослова* 1017 г. и до *Евхаристириона* 1632 г. включительно. С той поры доныне, к тому списку первопечатных киевских книг прибавились две новоузнанные книги:

1. Акафист Успению пресв. Богородицы. 1625 г. В 4-ку.

2. «Жития преп. Памвы и св. мученицы Акилины». 1625 г. В 4-ку.

(См. в «Дополнениях к очерку Ундольского», составленных А. Ф. Бычковым, номера *5* и 6).

Так медленно в славянорусской библиографии совершается действительное приращение ее сведений о первопечатных изданиях Киевской и других типографий стародавних!

17 марта 1872 года.
Михайлова Гора.

К ИСТОРИИ МАЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

(Филологические письма к М. П. Погодину)

Письмо первое

1856. 11 июля

Ты вызываешь меня, любезный академик, на ученый спор с гг. Срезневским и Лавровским! В своем печатном письме к Срезневскому (которое прочел я в «Москвитянине» 1856, № 2), ты говоришь: «А вот что не верно, и что сильнее моего опровергнется, без сомнения, Максимовичем, которого задерет оно заживое — будто до татарского времени не существовало ни малороссиян, ни малороссийского наречия». Я вполне согласен, что это *неверно*; но не знаю, должен ли я и сумею ли я опровергнуть это сильнее твоего, и «задерет ли заживое» меня это мнение, когда прочту его в статьях гг. Срезневского и Лавровского; ибо я и до сих пор еще не испытал этого, как ты называешь, «назидательного удовольствия»; но признаюсь, когда я читал твое письмо, по мне не раз пробегали мурашки. Возможно ли и ты друг «Истории», вышедшей после «Нормандского периода», уже на чистое поле и шедший по нем прямым путем ясной исторической положительности и достоверности, вдруг очутился в лесу гипотез, увлеченный филологическими призраками!..

Верный своему понятию о древности малороссийского народа, о котором и теперь говоришь, что он «носит все признаки самобытного племени», ты, в своем *Ответе* мне (в «Москвитянине» 1845 г., кн. 3), говорил вот что: «*Норманн* (Рюрик) в пятом, шестом колене сделался *малороссиянином*. Так точно *малороссиянин* Андрей Боголюбский переселился на северо-восток, сохраняя, разумеется, свое малороссийское происхождение, равно как и братья его, Михалко и Всеволод, препоручившие посадничества «Русским Детским»; но их дети, еще более

внуки, начавшие княжить после монголов, подверглись туземному влиянию и между великороссиянами сделались сами *великороссиянами*». После того ты писал (в 3 томе «Исследований». 1846. С. 357), что наш «простонародный, туземный язык тогда уже разделялся точно на те же наречия, на кои разделяется теперь, т. е. в Киеве, Чернигове, Галиче говорили также по-малороссийски, как и теперь; в Могилеве, Витебске — по-белорусски; во Владимире, московских странах — по-великорусски и проч. Слова, обороты, произношение сих наречий закрадывались мало-по-мало у отечественных грамотеев в их сочинения: так у *Нестора* находите вы отражение *малороссийское*, в Новгородских грамотах великорусское и проч.» А об церковном славянском языке, который у нас на Руси был *письменным* языком, у тебя сказано было вот что: «Мы, русские, можем сказать то, что это было наречие для нас *чужое*, хотя и близкое, понятное... всего *нелепее* мысль или положение, которое находится у нас в общем обороте, будто русский язык происходит от славянского». И все это было очень близко к правде. Я, со своей стороны, говорил почти тоже, трудясь над историей русского языка в сравнении его с языками западнославянскими; и в «Начатках руской филологии», 1848 года, где изложены окончательно мои выводы, я сказал, подобно тебе: «Не будем же в наше время смешивать понятия о *письменном* употреблении церковного языка на Руси с понятием о *народной* русской речи. Надо вовсе устранить филологическое мнение о *тождестве* русского языка с церковным, о *происхождении* из него народных русских наречий и об его *первообразности* для всех языков западнославянских: ложное в начале и основании своем, это мнение остается сбивчивым при всех своих изворотах и ограничениях».

Но случилось не по-нашему, а как говорит украинская пословица «Его вернешь в плуг, а воно в луг!» Это говорилось в старину об украинских молодиках, которые, с наступлением весны, покидая отцов своих на хозяйстве, уходили казаковать и бурлаковать на Запорожье, в великий луг Днепровский (поминаемый в летописаньи, и вошедший в поговорку «Великий луг батько»).

Из твоего письма к Срезневскому я с удивлением увидел совершенную перемену в твоей прежней историко-филологической системе...

«Что ж изменить ее могло,
Что это утро облекло,
И так внезапно,— в сумрак ночи?

Чтение *Киевской летописи*! «Чем дольше я занимался ею,— говоришь ты,— тем более удивлялся отсутствию малороссийского элемента. Обратившись назад, к Нестору, с этой мыслью,

я убедился, что нет его и там»... Отсюда пошли у тебя разные наведения и рассуждения, первой добычей которых была мысль, что «в *Киеве* до нашествия татарского жили искони *не малороссияне*, а *великороссияне*!» Вслед за ней родилась у тебя другая мысль, что «церковный славянский язык был не пришлый нам письменный язык, но живой, своенародный язык, которым говорили великороссияне, и что *великороссийское наречие* было к нему *самое близкое*, почти тождественное; что *великороссийское племя* могло жить в окрестностях Селуня, близ берегов Черного моря, на Днепре в Киеве, и в нынешней Великороссии и что во всех этих местах оно могло жить и говорить одинаково». «*Малороссияне*, живущие теперь в стороне Днепровской и окружной, пришли сюда после татар от Карпатских гор, где они жили как в своей колыбели, и заняли опустошенные татарами места *киевских великороссиян*, которые отодвинулись на север. Малороссиянами могли быть заселены искони: Галиция, Подолия, Волынь; из Волыни малороссияне, может быть, перешли к торкам, берендеям, остаткам печенегов, черным клобукам, и составили там *новое племя казацкое*... Конечно,— говоришь ты,— здесь есть много еще темного, сомнительного, неопределенного; предоставим объяснение времени; а теперь удовольствуемся положениями, для меня достоверными: 1) великороссияне древнейшие поселенцы, по крайней мере в Киеве и окрестностях; 2) малороссияне пришли в эту сторону после татар; 3) великороссийское наречие есть или само церковное наречие, или ближайшее к нему, то есть родное, органическое чадо».

Ты предлагаешь филологам стать на твою точку зрения и «рассудить беспристрастно это дело, по законам их науки». И я охотно поспешаю, совместно с тобой, рассмотреть это дело и начинаю ряд писем к тебе об этом предмете.

Ты говоришь, что вышеприведенные три положения для тебя уже достоверны и что ты в своих новых заключениях убеждаешься все более и более. Но потому-то я и считаю себя обязанным перед тобой сказать нечто в защиту тех прежних историко-филологических верований, от которых ты теперь отложился, а я остаюсь при них непоколебимо, и все более и более в них убеждаюсь. Может быть, мне при этом удастся и поколебать в тебе твое новое убеждение, и возвратить тебя к прежнему! Ведь ты сам говорил: «Малороссийского наречия до сих пор, к стыду своему, *мы основательно не знаем*, хотя имеем профессоров для всех славянских наречий». Это сознание и стыдение твое в недостатке *основательного знания* малороссийского наречия может, мне кажется, породить в тебе такую мысль: «Как же я, не зная основательно малороссийского наречия, положил его в основание своей новой системы?» Ведь ты начал строить ее с отрицания малороссийского наречия в Несторе и Киевской

Летописи! Ты его *не знаешь* основательно, а говоришь уже решительно, нет его в киевских писаньях, следственно, не было в Киеве и малороссиян... Точно ли нет его в Несторе и Киевской Летописи? Да если бы и действительно не было, неужели киевский летописец непременно должен был выражать свое малороссийское происхождение языком своей летописи? Разве малороссиянин Святитель Димитрий, сын Макаровского сотника (который в книге «Реестров Войска Запорожского» 1649 года значилося рядовым казаком, *Саввою Тупталенком*) не писал языком, свободным от всех современных ему полонизмов и малороссиянизмов? Петр Могила, которому язык польский был как природный, писал, как ему хотелось, то на польском, то на тогдашнем польско-русском, то на чистом церковно-славянском — и это я говорю тебе, как очевидец его собственноручных писаний, между прочим и той записки книги его, о которой по слуху упоминал Евгений в «Описании Киево-Софийского собора», но которая нашлась уже после его смерти (я воспользовался из нее некоторыми сведениями для примечаний к Фундуклеевой книге о древностях Киева)[1].

Ты говоришь о малороссийском наречии: «Покажите нам степени его родства с прочими, так называемыми, восточными и западными славянскими наречиями». Я на это скажу: «Смотри в «Начатках русской филологии», где об том сказано коротко, да ясно!» Ты говоришь: «Покажите, или лучше отыщите, присутствие в нем восточного элемента, т. е. следы влияния торков, печенегов, черных клобуков!» Я на это скажу: «Взгляни на IX главу моей «Истории древней русской словесности», 1839 г., где положено уже начало решению твоей задачи». Там не упущено из виду *азиатское влияние* на южно-русский язык в дотатарское время, и, при помощи «Персидско-половецкого словаря», изданного Клапротом, 1828 года, показано несколько слов, оставшихся в малороссийском наречии из языка половцев, одноплеменных с торками, печенегами и черными клобуками (например: *туман*, *казан*, *майдан*, *базар*, *килим*, *ковер*, *каун*, *арбуз*, *инжир*, *винная ягода* и проч.), и наоборот, русские слова, употребительные в языке половецком (*нагт*, *деньга*, *от ногата*, *смола*, *печь*, *изба*). В прошлом году, в посланных мною тебе объяснениях на Игореву песнь, объяснено загадочное слово *ортма*: это половецкое слово *артмак* по-малороссийски *саквы* (bissaccium). Там же я указал на два села под Переяславом, называемые Каратулями; это имя значит черные клобуки и дает нам знать, что были не только переяславские торки, на правой стороне Трубежа, но и переяславские черные клобуки (каратули), на левой стороне Трубежа.

Ты говоришь: «Срезневский справедливо утверждал тождество языка народного и письменного в древнейших наших памятниках, и вместе отсутствие всяких признаков малороссий-

ских»,— и удивляешься как это положения, утвердившие тебя вполне в новых твоих мыслях, не произвели волнения в нашем литературном и ученом мире, в минуту своего происхождения! А я скажу что оба эти положения — и тождество письменного языка с народным, и отсутствие всяких признаков, малороссийских *несправедливы* и докажу это тебе в следующем письме. Что же касается до спокойного безмолвия в литературном и ученом мире об этих двух положениях, то оно естественно было, чем предполагаемое тобой волненье. Чего тут волноваться особенно в такое время всемирного треволнения, какое мы пережили! А притом, русская пословица благоразумно говорит: «За мухой не с обухом, за камаром не с топором!»

Письмо второе

13 июля

Приступая к рассмотрению новопринятых тобой положений, я прежде всего припомню, что наш русский первославянин и учитель, всеобъемлющий Ломоносов, давший нам, за сто лет, грамматику, впервые обработанную по наречию великороссийскому, ясно различал славянский или церковный язык от нашего российского, природного языка, в котором он признавал три главных наречия (или диалекта): *северное*, *московское* и *украинское*. И так у него, для будущей славянорусской филологии назначены уже были два положения: во-первых, об особенности языка церковно-славянского, хотя и соплеменного нам, но отличного от природного языка российского; во-вторых, о ближайшем сродстве украинского, то есть малороссийского и великороссийского наречий, которых совокупность составляет одно неразрывное органическое целое, одну обширную русскую речь. Оба Ломоносовские положения, в продолжение ста лет обратились в истину непреложную, оправданную всеми филологическими приметами, правилами и соображениями. Церковно-славянский язык, в его собственной, древней, кирилловской форме, какая нам показана Востоковым, по Остромирову Евангелию (1056—57), есть язык столько же отличный и далекий от природного *великорусского* наречия, сколько и от *малороссийского*; ближе всего он к языкам: болгарскому, сербскому, хорватскому и хорутанскому, с которыми и составляет он особый, неразрывно целый отдел славянской речи, называемый задунайским или юго-западным; там эти пять языков, можно сказать, как родные братья, точно также, как языки: польский, чешский, словацкий, лужицкий и полабский, составляют другой органически целый и неразрывный, отдел северо-западный.

Ныне ты, любезный академик, отождествляя великорусское

наречие с церковно-славянским, производишь разом два разрыва в естественном родстве славянских языков: во-первых, ты отрываешь церковно-славянский язык от ближайших с ним языков задунайских или юго-западных; во-вторых, ты разрываешь ближайшее родство русских наречий, по которому малороссийское и великороссийское наречия, или, говоря полнее и точнее южно-русский и северно-русский языки — родные братья, сыновья одной русской речи. Когда они обособились? Об этом, как видно, еще нет единогласия. Я и теперь полагаю, как объяснял уже в «Истории древней русской словесности» (гл. IV и V), что южно-русский язык образовался еще в древнее, дотатарское время, когда Киевская Русь была представительницей русского мира, как после татар стала Русь Московская. Но из твоего письма вижу, что г. Срезневский признает *безразличие* Южной и Северной Руси в дотатарское время, и полагает, что южно-русские особенности в языке и в народе начались не прежде, как после нашествия татарского. По-моему, как и по твоему, это неверно! Но если бы пришлось мне из двух зол выбирать легчайшее, то я лучше согласен признать безразличие всей Северной и Южной Руси в древнее дотатарское время, чем разрознять их и разрывать ближайшее их родство до такой степени, как это сделано в твоей нынешней системе, вследствие твоего прежнего предубеждения. Ни один филолог, по правилам и законам своей науки, не решится разрознить южно-русского и северно-русского языка: они, как родные братья, должны быть непременно вместе, во всякой системе, присоединить ли она их к юго-западным или задунайским языкам (как у Добровского[2] и Шафарика), или к северо-западным (как у Копитара), или поставить русскую речь на особицу от тех и других (как сделали мы с Надеждиным, 1836 года). Но у тебя есть в этом предубеждение, которое и высказал ты во 2 томе «Исследований» (1846. С. 390) в следующих словах: «Малороссийское и великороссийское наречие великие филологи Добровский и Шафарик причисляют *к одному роду*; но я осмеливаюсь думать, хоть и без основания, что они *разнятся* между собой более, чем между другими!» Как же можно «без основания» становиться в такое резкое противоречие не только с двумя великими чешскими филологами, но и со всеми вообще!.. Чтобы им противостать, надо основание крепкое. Великороссияне, как однородцы, имеют полное основание и право говорить, как некогда говорили послы Олеговы: «Мы от рода русского!» «Свой своему и по неволе брат»,— говорит русская пословица. Но ты, писавши мне в ответ, что в Киеве норманны сделались малороссиянами, что даже Андрей Боголюбский с братьями были еще малороссияне, и уже их дети и внуки сделались великороссиянами среди великороссиян, в тоже время ты вот что писал в ответ П. В. Ки-

реевскому: «Великороссияне живут рядом с малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну историю. Но сколько есть *различия* между великороссиянами и малороссиянами! Нет ли у нас (т. е. великороссиян) большого сходства в некоторых качествах даже с французами, чем с ними (т. е. малороссиянами)! В чем же состоит *сходство*? Этот вопрос гораздо затруднительнее» (См. «Москвитянин». 1845. Кн. 3). Что это за притча? Один не находит сходства между великороссиянами и малороссиянами; другой не видит различия между ними в дотатарское время; а между тем первый берет в подкрепление себе утверждение второго, и отправляется на нем в свой новый путь... Воля твоя, а это похоже на древнюю притчу Кирилла Туровского о хромце на слепце!.. Ты признавал прежде древних киевлян малороссиянами; теперь признаешь их великороссиянами: есть же, стало быть, их сходство между ними, когда тебе, русскому историку, наши древние киевляне могут казаться то малороссиянами, то великороссиянами... Есть же видно и различие между ними, когда и теперь, замещая древнюю Киевскую область великороссиянами, ты все еще в галичанах, подолянах и волынянах признаешь малороссиян. Вразуми ж меня: на каком именно основании ты полагаешь это резкое племенное различие в двух частях Русского Юга до нашествия татарского? Между тем, разрозняя так далеко наречия великороссийское и малороссийское, вопреки всем великим и малым филологам, ты сближаешь *до тождества* великорусское наречие с церковно-славянским, и говоришь, что церковно-славянское, даже в том виде, как оно есть в Остромировом Евангелии[3], ближе всего с нашим великороссийским, ближе чем с сербским, болгарским и всяким другим! Это опять вопреки всем филологическим приметам, правилам, соображениям. Венелин[4] и Палацкий[5], правда, присоединяли к русскому отделу (северно- и южно-русскому вместе), язык церковно-славянский; но с ним вместе они присоединяли сюда и болгарский язык, по его ближайшему сродству с церковным. Таким образом церковный и болгарский язык Венелин и Палацкий отрывали от природного места, нарушая через то целость Задунайского отдела, и прибавляя нечто разнородное к нашему русскому или восточно-славянскому отделу. Что церковно-славянский и болгарский язык самые близкие между собой, это утверждение Шафарика, которому последовал и достойный ученик его, Бодянский, еще недавно подтвердивший это мнение, в своем сочинении: «О времени происхождения славянских письмен» (1855 г.). Там он подтвердил и следущий филологический вывод: «Чем дальше в древность, тем наречия славянские ближе к себе. Это правда; но правда и то, как показывает история и новейшие основательные исследования, что, при всем сродстве, наречия эти уже в историческое время суще-

ствовали и отличались друг от друга *теми же существенными признаками*, какими и теперь, спустя слишком тысячу лет» (с. 252). Добровский сперва признал было церковный язык за древнее сербское наречие, но потом признал его за особое болгаро-сербо-македонское; Востоков[6] сперва называл его древним болгарским; Копитар — древним паннонским: все это ясно подтверждает, что его ближайшее родство и место там, в отделе задунайском или юго-западном: там ему и быть! По своей родине, он может называться македонским (как у Добровского, но с исключением лишней приставки; «Болгаро-Сербо»). Ты все это знаешь из первых источников; ибо кому же, как не тебе, литература наша обязана переводами Добровского и первым появлением Шафарика?.. Но теперь, пустясь в «новый путь» не строгой филологии, а наведения, и скользя, так сказать, по поверхности предмета (твои слова) ты, вопреки филологам, заключил, что церковно-славянское наречие есть ближайшее к великорусскому и почти тождественное с ним и воскликнул: «А мы ищем его по всему свету, и не находим! Не похожи ли мы на Улисса, не узнавшего своей Итаки!»

При этих словах твоих мне вспомянулся наш достопамятный велемудрый адмирал Шишков[7], который, в своих странствиях по старословесному морю, наплыл на такое утверждение, что наречие русское «не есть наречие славянского языка, а тот же самый язык, не имеющий ни малейшего с ним различия!» Узнаешь ли ты здесь свою Итаку?.. А ты и не вспомянул о Шишкове, говоря о своей мысли касательно тождества великорусского наречия с церковным, мысли, которой ты сперва испугался, как будто какой новости и небывальщины! Оставив твердый берег строгой филологии и богатство, ею добытое в глубинах славянской речи, ты пустился по поверхности сомнительных волн, и уже прибегаешь к помощи. Ты выписываешь, «весьма важную» для тебя страницу, из рассуждения г. Каткова[8] «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845), и утешаешь себя мыслью, что сей ученый, «по строгим законам новой филологии», пришел к тому же заключению, какое ты сделал a priori!» Но Катков тебе не в помочь. Послушай, что говорит он теперь, через десять лет после своего рассуждения, из которого ты взял страницу, как сильное подкрепление! В своей статье о Пушкине (во 2-м номере «Русского вестника»[9], 1856 г.) он говорит: «То, что теперь называем мы русским языком, есть плод продолжительного и трудного развития. Как всем известно, в древнее время письменным языком в России было наречие церковно-славянское. Но менее известно то, что это наречие *существенно разнилось от народного*, которое долгое время не знало письменности, и лишь в более позднюю эпоху стало появляться в памятниках, не имеющих литературного значения, преимущественно юридических; мы говорим: менее известно, потому, что хотя различие между церковно-славянским языком

и языком народным чувствуется всеми и хотя теперь едва ли кто видит в церковном языке древнейшее состояние того же языка, который мы слышим в народе; однако многие еще полагают, что в семействе славянских наречий церковное принадлежит к одному порядку с народным русским, по нашему же убеждению они принадлежат к двум *противоположным* ветвям общего семейства» (с. 320).

В конце письма ты выписываешь еще из статьи г. Сухомлинова[10] замечание, для *тождества* церковного и русского языка, что в Сербии в XV веке было мнение о переводе Св. Писания «на русский тончайший язык!» Не значит ли это хвататься за соломинку?..

Письмо третье

15 июля

Сегодня день Св. Равноапостольного князя Владимира и мне приятно провести этот день в беседе с тобой о великом и святом Просветителе Руси. Ты в своем письме говоришь: «Далее пришло мне в голову следующее замечание: малороссияне есть народ самый певучий: почему же не сохранилось у них никаких песен о древнем нашем времени, между тем как эти песни о Володимере и его витязях поются у нас везде, в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири. Следовательно, опять то же заключение: не малороссияне жили в Киеве во время Володимера, а великороссияне, которые разнесли тамошние песни по всему пространству Русской земли». Что у малороссийского народа великий князь Володимер не воспевается наравне с Морозенком, Нечаем, Палеем и другими витязями казацкой Украины, это для меня совершенно понятно и нисколько не удивительно. У нас, в Малороссии, еще в древнее время князь Володимер был признан и прозван *Святым* (как Олег вещим и т. п.). Это прозванье известно из нашей Волынской летописи, где, под 1254 годом, сказано: «Ни Святослав *Хоробрый*, ни Володимер *Святый*». Святому князю — и святые, церковные, молитвенные, песни: и как торжественно раздаются они из уст *певучего народа*, особливо в великой Печерской церкви, где, при главе равноапостольного князя, бывает ежегодно празднества в этот день! Не забуду, с каким восторгом я, только что приехавший из Москвы в Киев, внимал тем в 1834 году, когда, перед открытием университета Святого Владимира, при главе его в Печерской церкви саященнодействовал митрополит Евгений и было там необычайное стечение просвещенного люду с обеих сторон Днепра!.. А в нынешнем мае месяце, когда я, не видав Киева 8 лет, посетил его, я вновь нагляделся, с какой набожностью

малороссийские поселянки кланяются гробнице Святого Володимера, с каким усердием они вешают свои приношения — платки и куски полотна!... Не скажу, однако, чтобы на Украине совсем не осталось следов давнего поэтического взгляда на князя Володимера. В знахарских заговорах, например, говорится: «Месяцю-Володимере! Ты в небе, дуб у поле, камень у море»... Здесь, на Побережье Днепровском, от старых поселянок, я узнал Купальную песню со следующим припевом:

«Коло Володимера на Ивана — не орех
Се стелеться с подо̂л».

Для меня непонятен смысл этого припева; но как обрадовался бы ему покойный Вадим Пассек, в подкрепление своей мысли, что воспеваемая в украинских купальных песнях *Ганна* есть Володимерова супруга *Анна*! (см. «Очерки России»). А между тем эта загадочная Ганна воспевается и в словацких купальных (святоянских) песнях (см. в «Народных Спиванках», изданных Коларом[11]). А что сказанья и песни о пирах Володимеровых и других его похождениях были и здесь, на Украине, в древнее время, то видно из Летописи нашего Нестора, где говорится о единоборстве Переяславского отрока-кожевника (Яна Усмошвеца, по Ник. Л.); о том, как Владимир сказал болгарским послам: «Руси есть веселье пити*, не можем без того быти!» и как потом, слушая речи философа о болгарах волжских, «плюну на землю, рек: нечисто есть дело!» — или о том, как уставил Володимер пир творити по воскресным дням на княжеском дворе, в Гриднице, и как подпившая дружина говорила: «Зло еть нашим головам, что едим деревянными ложками, а не сребряными» и т. д. Нельзя и сомневаться, что в Киеве, на пирах Володимеровых, пелись песни и малороссийскими, и великороссийскими певцами, сопровождавшими пение игрой на звончатых гусля́х, как пел и наш *вещий Боян*, во время Володимера Мономаха, как и современный Бояну Ставр Годинович пел, конечно, князю Мономаху Володимеру, а не Свято̀славичу. Но в великорусских песнях вся древняя жизнь Руси слилась в один богатырский век Володимеров (подобный Западному Карлову веку); в них — к *Ласковому* князю Володимеру являются в Киев не только современники его, но и те лица, которые жили в XII веке! Вот это, между прочим, и заставляет меня думать, что большая часть великорусских песен, по содержанию относящихся к Володимеру и его богатырям, сложена уже в послетатарское время, по прежним сказаньям (как я уже и писал к тебе об этом в двух письмах «О народной исторической поэзии в древней Руси», напечатанных в «Москвитянине» 1845 г.).

---

* В списках: «питье».

Ты говоришь, что великороссияне разнесли по Руси из Киева *тамошние* песни о Володимере: я согласен с тобой, разумея, что они разносили их по пространству *Великой Руси*. Но для этого не надо выжывать из Киева малороссиян и замещать их великороссиянами. Когда Владимир, для противодействия печенегам, строил новые города в Малороссии, по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне,— он брал *лучших мужей* от словен (Новгородских), от кривичей, и от Чуди, и от вятичей «и от сих насели грады» (Нестор под 988 г.). Это значит только, что в Малороссии, среди коренных ее старожилов (полян и северян), водворяемы были Владимиром *великороссияне*, и *белоруссы*, и *чудь*,— как после сын его, Ярослав (1031 года), поселил на р. Роси полоненных им *ляхов*, где и были они во время Несторово (а Мстислав, доставшихся на его долю ляхов, поселил, без сомненья, на левой стороне Днепра); как Мономаховы сыновья, Ярополк построил на Суле город Желны или Желнин (по нынешнему Жóвнин), для полоненных им дручан, а Юрий Долгорукий, по вторичном занятии Киева, водворил (впрочем не надолго) своих *суздальцев* по малороссийским городам и селам; как и в позднейшие века, можно сказать на нашей памяти, водворялись великороссияне целыми слободами в Малороссии, среди народа малороссийского. Подобно тому, среди коренного народа Малороссии, водворились в древнее время *торки*, *берендеи*, *черные клобуки*. Изо всего этого можно выводить заключение такое, что в древнее время, у малороссийского народа было живое и, так сказать, *домашнее* общение с великороссиянами, с белоруссами, и с ляхами, с чудью, с народцами турецкого племени, но никак не следует, чтобы малороссиян не было здесь в древнее, дотатарское время.

К Володимеру в Киев приходили богатыри со всех концов Руси (Южной и Северной). Из Руси Северной приходили и новгородцы, и «мужики-залешане». Первейший из них был богатырь Илья Муромец, из села Корочаева, который поныне почивает в Киеве, среди угодников печерских. Но друг Ильи Муромца, славный Добрыня, дядя Володимеров, был *малороссиянин*, земляк первоначальника русских иноков, преподобного Антония Печерского: «Володимер бо бе от Малуши, ключнице (милостьнице) Ольжине; сестра бо бе Добрыня; отец же бе има Малко* Любечанин (Любечанин же был и Антоний Печерский).

Великороссияне, приходившие в Киев к Володимеру, распро-

---

* *Малко* в Ипатьевском и др. сп, (только в Лаврент. сп. *Малк*): это уменьшительное славянское имя *Мал*, которое известно по современному князю Древлянскому; отсюда прозванье дочери Маловой или Малковой — *Малуша*; а брат ее, *Добрыня*, по этому будет *Малович* или *Малкович*. Но тебе казалось в «Исследованиях», что «имя Малуши может быть также, что и Мальфрид» и что она была, «вероятно, *Норманка*!» Тебе и личное имя брата ее, Добрыня, казалось только «несколько словенским»: от чего же несколько, а не вполне? Хотелось тебе, чтобы и Добрыня был, вероятно, норманном?

страняли по Русскому Северу песни и сказанья о ласковом, гостеприимном князе Киевском, который был князем и всего соединенного и просвещенного им русского мира. Но прежде чем можно было сказать о нем словами Нестора: «Володимер просвещен сам, и сынове его, и земля его» (988 г.), прежде, чем он стал киевским князем и единовластником всея Руси (980 г.), он был (с 970 года) князем Новгородским, имея при себе там и дядю своего, Добрыню. И не с этого ли *десятилетия* началась та особенная *поэтическая* привязанность веселых молодцев новгородских к своему ласковому разгульному князю Володимеру и его дяде, Добрыне, которая потом, подкрепленная новыми сказаньями о гостеприимстве и пирах Володимера в Киеве, так утвердилась в народной памяти великороссиян и высказалась потом в песнопениях, представляющих князя Володимера обыкновенно только с одной, гостеприимной и гулливой, стороны его жизни?.. В поэтической памяти великороссийского народа князь Володимер остался как представитель всей древнерусской жизни, как ласковый князь-богатырь Русской земли. Но у народа малороссийского, которому, вместе с Киевом, достались и священные останки Володимера под развалинами его Десятинной церкви, он запечатлелся второй стороной своей великой жизни, как *Святый Володимер*, как *Равноапостольный Князь*! Певец Игоря (в 1186 году), будучи глубоко проникнут любовью к своей родной земле, страдая тогдашними бедами и страданьями ее, и как бы уже предвидя близкое падение великокняжеской Киевской Руси, говорил: «О стонати Русской земли, помянувше прьвую годину и прьвых князей! Того старого Владимера нелзе бе пригвоздити к горам Кыевськым!»

Теперь обратимся к *тождеству* народного и письменного языка в наших древних памятниках. Я становлюсь на твою точку зрения, беру самые древние наши памятники, *Договоры* с греками Олега Вещего, Игоря Рюриковича и Святослава Хороброго, смотрю пристально,— и увы! Не вижу в них провозглашенного вами тождества; напротив *двоякость* языка (от соединения русского с церковно-славянским) кидается в глаза сама с собой. Но об этом — в следующем письме.

Письмо четвертое

17 июля

Истинно не понимаю, как мог ты назвать *справедливым* утверждение, будто бы в древнерусских памятниках, писанных до XIII века, русский народный язык не показался нигде своими особенностями, и потому он безразличен, тождествен с языком книжным?.. Да не сам ли ты приводишь из Нестора и Киевской

Летописи XII века целый ряд таких мест, в которых различаешь слова и обороты не *церковные*, но, по твоему, «чисто *великороссийские*», и это различение, этот ряд выписок, ты полагаешь в *основание* твоей новой системы!.. Положим даже, что отмеченные тобой выражения и не «чисто великороссийские»; но здесь достаточно уже, что они российские, что они не церковные. Отличая их от прочих, церковных, форм, в языке Нестора и Киевской Летописи, ты сам показываешь в нем очевидное присутствие и сочетание двух языков: церковного, книжного, и нецерковного, народного, или скажем определительнее: церковно-славянского и народно-русского, чтоб не оставалось недомолвки. О трех древнейших наших памятниках, о Договорах Киевской Руси с греками, ты справедливо замечал, в «Исследованиях»,что писцем их был всего скорее *болгарин*. У Нестора об Игоревом Договоре сказано: «Роман же созва боляре и сановники, приведоша рускыя слы, и велеша глаголати, писати обоих речи на харатье». Этим сказаньем я поясняю двоякость, очевидную в языке Договоров: писец, переводчик греческий, как ты полагаешь болгарин, пишет текст Договоров на письменном языке славянском, переводя на него и речи греческих боляр, но, включая туда и речи русских послов, от ставит в своем тексте нередко и формы слов русские.

Смотри в Олеговом Договоре первое народнорусское выражение «о *Головах*». Это существительное имя во всей Западной Славянщине, Южной и Северной, давным давно уже переменилось в *глава*, *глова*, *лова*; в народных *русских* наречиях поныне говорят: *голова* и *галава*. Если бы русский посол говорил по белорусскому или среднерусскому произношению, то задунайскому славянину, говорящему *глава*, ближе бы и написать *галава*. Но если написано *голова*, то это может служить приметой, что так написано по выговору другого русского наречия, всего вероятнее киевского, так как посольство было из Киева.

Следует другое слово, *лодья*: опять русская форма слова, по крайней мере по отношению к задунайской славянской речи, где это слово приняло звук *а*, *ладья*. Ты, сколько помню, в своих «Исследованиях», относил это слово к скандинавским или норманским; но то была явная ошибка, происшедшая от твоего чрезмерного усилия находить скандинавство во всей русской жизни до XI века; ты ведь утверждал там, что и наша русская мифология была скандинавская, а не славянская! Слово *лодья* есть общеславянское, принадлежащее и литовской речи, и скандинавской, и чудской или финской. В Олеговом Договоре читаем: «Аще ли таковая *лодья* ли от буря или боронения земного боронима, не может възборонитися в своя си места, спотружаемся гребцем тоя лодья мы Русь и допровадим с куплею

их поздорову». Далее: «Воволочим их мы Русь — полоняник — о полоненьи — по 20 золота — по нужи-межи вами — хотять — не переступати».

Из Игорева Договора выпишу следущие формы слов чисто русские, которых нет во всей Западной Славянщине: «Да входят в город *одинеми вороты* — да не имеют *волости* купити *паволок* лише по 50 *золотник* — елико есть *городов* — но егда придет *осень*». Из Святославова Договора выпишу русские формы слов, отличные от церковно-славянских: «*хочю — утверждаю* мир — елико есть *городов* — яко *золото*».

Вдобавок к этим русским словам, взятым из памятников X века, писанным греческими писцами из болгар или иных славян задунайских, возьмем некоторые руские формы слов из песни о Полку Игоревом, сложенной южно-русским певцом под исход XII века, именно 1185—86 года (говорю это утвердительно). В этой песне *народные русские* формы слов так резко отличаются от находящихся там же форм церковно-славянского языка (уже бывшего тогда письменным языком Руси), что для большей очевидности, я разделю их чертой:

Голова, голос, соловий, молодый, золото, шелом, (или по Киевской Летоп., шолом), молотять, город, ворота, забороло, ворон, хоробрый, берег, один, озеро, собе, ночь.

Глава, глас, славий, младый, злато;
град, врата, забрало, вран, храбрый, брег, един, езеро, себе, нощь.*

Неужели и здесь не *показалась* еще наша народная русская речь своими *особенностями*?.. Нет, в словах, которые выписал я тебе из трех Договоров, Песни Игоревой (пропуская все прочие памятники, где в изобилии находятся теже формы, особливо в «Русской Правде»[12], в Несторе в Киевской летописи). *Русская народная речь* ясно уже обозначилась своими отличительными и существенными приметами от всей *западно-славянской* речи в особенности языка *церковно-славянского.*

В отличие от всей западно-славянской речи, она означилась, во-первых, теми полногласными словами, в средине которых звуки *л* и *р* обставлены двумя гласными *о* или *е* (по областным наречиям изменяются они в *а*, *и*) как-то: *голова, голос, болото, золотник, паволока, волость, полоняник, полонити, молодый, соловий, шолом, молотити, город, ворота, заборало, ворон,*

* *Дубенский*, в своем издании слова о Полку Игоревом, 1844 года, в приложенном там Указателе (Словаре), положил слово *забрало, забороло*, в мужеском роде, *забрал, заборол*! Так и некоторые другие древнерусские слова положены там не в том виде, какой имели и еще имеют они действительно в языке, например, вместо *насад* муж. р., *лука-моря, Боричев* (увоз Боричев), *напорз, брехати*, Дубенский сочинил: *носада*. жен. р., *лук — моря, Боричево, напорог, брешити* и прочая.

хоробрый, порох (во множ. *проси*), *боронити, по здорову, берег, переступати.* Слова этой отличительной породы поныне ведутся в народной русской речи как северной, так и южной, следственно они принадлежат равно всей русской речи. Они произошли в ней не от влияния финской речи (как полагал Добровский) и не от влияния климата (как полагал Востоков), т. е. северного климата (как утверждал Надеждин), но составляют исконную, первобытную принадлежность русской речи, как доказывал я с 1836 года, приведенный к этой мысли сравнением русских форм с санскритскими (*порох* или *порах* — *парâга, боров* — *варâга, который* — *катара* и прочая) и видя, что два гласные звуки, которыми обставлены *л* и *р* не вставные, и не беглые, но коренные и постоянные, в русском выговоре, да и не короткие!

Во-вторых: русская речь в древних памятниках наших означилась отличительно словами: *осень, один, озеро,* в которых удерживается начальный звук *о*, между тем как в церковно-славянском и во всех прочих западно-славянских языках в этих словах вместо *о* ставится *е*: *есень, един, езеро.*

Наконец, я отметил тебе, в отличие русской речи от церковно-славянского языка, слова а) *по нужи, межи вами, утвержаю, спотружаемся*; б) *хочю, хотять, ночь.*

Церковно-славянский язык имеет две особенности, ему исключительно принадлежащие, т. е. что сложенный звук *тш* (*-ч*) перевернуть у него в *шт* (*-щ* по нашему, а по кирилловскому, первоначальному значению этой буквы); а сложный звук *дж* перевернут в *жд.*

Подобно тому из корня *ход*, с прибавкой глагольного окончания *жу* выходит *ходжу*, как и теперь еще говорит южно-русский народ во многих местах Украины и Червоной Руси; но вообще в русской речи, из сложного звука *дж*, отброшен коренной звук *д* и оставлено только *ж*: *хожу*, а в церковно-славянском языке оборотом *дж* в *жд* — *хожду.* Поэтому и вместо церковно-славянского глагола спотруждаемся, находим в Олеговом договору — *спотружаемся*; там же «*по нужи, межи вами*»; а в церковно-славянском *нужда, меджу* перевернулся из первообразных *нуджа, меджу* (*меджи, медж* и *медь*), от которых, с пропуском коренного *д*, в русской речи издревле оставались *нужа, межи, межю* или *межь* (по украински *мéж*), хотя в русском известны *нуда* и *нудьга*, а в карпато-русском поднаречии слышны: *меджи* и *нуджа.* Удержанием сложного звука *дж*, в этих случаях, в задунайском отделе отличается хорватский язык: сербский любит звук *дь*; хорутанский опускает коренной звук *д*, вместо *ж* ставит полугласный *й* или *ь* (вместо *нужа* — *нуя*). В северозападном уделе звук *дж* переходит в *дз*: так по словацки, вместо *меджи* — *медзи*, но по-чешски выключается

коренной звук *д* — *мези* (соответственно нашему *межи*). Вот каким путем, вместо коренного *д*, являются *дж-ж*, и *дз-з*. Язык южно-русский в народном произношении удерживает первобытный звук *дж* и в начале некоторых слов, например: *джерело* — *жерело*, *жерло*, *джбань* — *жбан* (в польск. и чеш. *дзбан*, *здан*). Так и в Санскритском: *джани*, *жона*, *жена*: *джива*, *жизнь* и проч.

Я это сказал для того, чтобы показать, какую особенность, несогласную с общим строем славянской речи, представляют в церковно-словянском языке эти звуки *жд* и *шт*, перевернутые из первообразных *дж* и *тш* (*-ч*), и для объяснения, почему у нас на Руси в древнее время так не любимо было это церковно-славянское *жд*, пока, наконец, к нему попривыкли. Вспомни, что и в молитве «Отче наш», вместо «*даждь* нам дьньсь» (как в Остромировом Евангелии), в других русских списках Евангелия XII и XIII века писано: «*дажь*», а в списках XIV в. «*дай же*»; в древнейшем же списке Екзархова Богословия даже выскоблено *д* после *ж*: *дажь*, *вожю*, *ноужа*. Потому-то и в творениях Св. Кирилла Туровского[13] читаем: *вижь* (а не *виждь*), *стражю* (а не *стражду*), *нужа* (а не *нужда*), *преже* (а не *прежде*), *чюжа* (а не *чужда*), *вожи* (а не *вожди*), *рожьство* (вм. *рождьство*), «*заблужьшим расуженьем* твоих мыслий» и проч. Наконец, и в послании св. Симона к Поликарпу сказано о Св. Леонтии Ростовском: «Се третий *гражанин* небесный бысть русского мира». Тут взято церковно-славянское слово *гражданин*, но с исключением коренного звука *д*, потому что он поставлен после *ж* и вышло стечение звуков, которое для древней Руси казалось несвойственным.

Предлагаю на твое рассуждение следующие слова из Игоревой песни: *плек*, *влек*, *стлеп*, *брез*, *врех* и прочая. Ведь это не народные русские формы слов? По-русски говорится *полк*, *волк*, *столп*, *борз*; *верьх*; то принадлежность нашего книжного, церковного языка, который в устах своего задунайского (македонского) народа так любил обращение гласных звуков *о* и *е* в полугласные, в средине слов. Для русской речи, искони любящей полногласие, трудно было это непрестанное улетученье гласных звуков, это превращение их в полугласные, какое любил язык церковно-славянский, можно сказать противоположный русской речи по этому свойству (*мечь*, *дньь*, *зл*, *плн*). И когда он стал богослужебным и письменным языком на Руси, у нас довольно долго соблюдали эту его особенность, довольно долго писали в средине слов, *ъ* и *ь* вместо коренных гласных *о* и *е*; однако потом перестали так писать, и стали писать сообразно своенародному, русскому выговору, который никак не мог покориться в этом выговору кирилловского языка и переделаться на его лад; напротив, этот последний переделался у нас на русский лад, растворился полногласием русской речи.

Подобное изменение церковный язык получил у нас и в некоторых других своих особенностях, которыми он не сходился с природной русской речью вообще и с великороссийским наречием в особенности. Напр., от чего в московских изданиях поставлено «да приидет царствиие твое», когда в Остромировском списке было «да придеть царствиие твоие»? Конечно от того, во-первых, что, по господствующему великороссийскому выговору, глагольное окончание третьего лица утвердилось с *м* (*т*), а в кирилловском языке оно было отонченно *мь* (*ть*), как и поныне оно в наречии малороссийском. Во-вторых, потому что великороссийское наречие не различает легкого *е* от тонкого или острого *и-е* и ставит в словах один звук.

Другой пример. От чего в московских изданиях поставлено «да будет *воля твоя*», когда в Остромировском списке было «да будеть *воли-а твои-а*?»

О перемене *ть* на *т* сказано выше. Постановка же *у* вместо *юса* (Ѫ) произошла от того, что для русской речи несвойственно превращение переходного звука *у* в тот носовой звук, который в Кирилловской азбуке изображался буквой Ѫ: Русскому люду не для чего была эта буква, не имеющая для себя звука в его речи; потому наши давние русские грамотники выключали *юс* из своего писания. Так бы поступить им и с буквой А; ибо в русской речи тоже нет различия для слуха между постоянным *я* и переходным *я*, и этот последний не превращается у нас в тот носовой звук, который в кирилловской азбуке изображался буквой А. Но удержав эту букву, по другой причине, наши грамотники скоро забыли ее подлинное, первоначальное значение, смешали ее с буквой *и-а*, и потом дали им уже произвольное различие в правописании, совсем не такое, как было первоначально в языке кирилловском. От того то, вместо «*воли-а твои-а*» как было, и как бы должно, стали писать: «*волѦ твоѦ*». Так же несвойственно ставится Ѧ вместо *и-а* и в славянской грамматике Добровского (и в нашем русском ее переводе); ибо знаменитый чешский филолог, хотя разбирал славянский язык до последнего корешка, но не разобрал подлинного значения букв Ѫ и Ѧ в кирилловской азбуке, и их правильной постановки. Это объяснил славянскому миру наш первоначальник в филологии Востоков (в своем достопамятном рассуждении о славянском языке 1820 года),— и чем же объяснил? Сравнением церковно-славянского языка по Остромировскому списку... (не с великороссийским наречием; но...) с польским языком: с ним оказалось, в этом случае, ближайшее сходство.

Для русской грамоты церковно-славянские буквы Ѫ и Ѧ были совершенно лишние и напрасные; ибо в русской речи нет звукового различия между *постоянными у* и *я*, и *переходными*;

но в западно-славянской речи переходные звуки *у* и *я* подверглись разнообразным превращениям, в том числе и в носовые сложные звуки, в которые переходили они так *последовательно в четырех языках* (за Дунаем — в церковно-славянском и хорутанском, на северо-западе — в польском и полабском), так последовательно и соответственно, что зная польский и полабский выговор, например, слова *ячмен — енчмен, янсмен,* утвердительно говорю, что в Остромировском списке ошибочно поставлено *и-ачмы,* и что по древнему кирилловскому правописанию надо писать А-*чмы.* Тут я не могу не заметить, как напрасно филологическая теория достопочтенного Павского различает и в составе русского языка одно носовое *я* (А), будто бы слагающееся из *ен* и разлагающееся на *ен*; другое чистое *я* (*и-а*), сложенное из *ь* или *й* с *а.* Мнимое составление из *ен* и разложение на *ен* теория Павского приписала не только носовому *я*, но и его наместнику *а.* Так, например, личные уменьшительные имена: *Саша, Маша, Ваня, Дуня*, по теории, сокращены из *Сашен, Машен, Ванен, Дунен,* и носовые *а, я* остаются в них без разложения на *ен*, пока находятся в конце своих слов; но если, например, к *Саша* прибавится слог *ка*, когда наместный *а*, очутясь в середине слова, разлагается на *ен* и выходит не *Сашака*, а *Сашенька.* (Фил. Набл. II. 187, 215). А по-моему, слог *ка*, принимается личными уменьшительными именами на тех же условиях, как и всеми вообще именами, кончающимися на *а* и *я:* все они одинаково, получая новый звук *а* в слоге *ка*, отбрасывают свой прежний *а.* Так от имени *Саша*, с прибавкой *ка*, произойдет конечно не *Сашака*, однако и не *Сашенька*, а просто Сашка, как от слова *душа — душка.* Имена, кончающиеся на *я* (*-ь+ а*), с прибавкой слова *ка,* тоже отбрасывают от себя прежний *а*, удерживая при себе только *ь*; и потому от *Ваня, баня, пуля*, с прибавлением слова *ка*, происходят *Вань-ка, бань-ка, пуль-ка*: здесь очевидно звук *я* разлагается на свои составные части *ь+а.* В этом сложении и состоит существо звука *я* также, как существо воды в сложении из кислорода с водородом, как существо зеленого цвета в сложении желтого цвета с синим — и разложиться звук *я* может только на *а* и на *ь* или *й*; что же касается до слога *ен,* то он (наравне с слогами *он, оч, еч*), включается в слова, как особый уменшительный слог: *Саш-ень-ка, душ-ень-ка.* Переходный звук *я*, также как и постоянный *я*, имеют один и тот же звуковой состав. Переходный *я* может заменяться звуками *а, е* и носовыми *ан, ен, ин;* но в каждом из этих звуков свой особый состав, с которым они и являются уже готовые, на смену *я.* Приведу следующий особенный случай: коренной звук *о* в имени женского рода *хоть* при украинском выговоре (*хо̂ть = хить*) переменяется на *и*, при

белорусском выговоре (*хуть*) переменяется на *у*; польский язык, принявший это *у* за переходное, поставил, вместо его, по своему обычаю новое *ен*, и выговорил енць (*chéć*); неужели сказать, что здесь разложилось на *ен* коренное *о* или *у*? Изъясняя в составе русского языка превращение *а* и *я* в *е*, теория Павского различает носовое *я* (А) с наместником его *а*, от обыкновенных *я* и *а* (Ф. Н. I. 129) и полагает, что первые, предполагаемые состоящими из *ен*, отбрасывая *н*, естественно получают *е*; а вторые — сперва выпадают из слов для сокращения, их место заступают *ь* или *й*, которые, по всем правам, превращаются в беглое *е*! А на мой взгляд, оба эти процесса теория выдумала от себя, а не дознала их на самом деле. Смотри: переход не носового *я* (*и-а*) в *е* через *й* — теория Павского поясняет переменой слова *заяц* в *заец* через *зайц*; между тем в этом слове имено носовое А — *за*А*ц*, по польски *заёнц*, по-палабски *заянц*; следственно, теория должна бы этим словом пояснять свой первый способ превращения, т. е. отпадение звука *н* от *е* из носового *я*. Зачем же различается в теории то, что не имеет различия в самом предмете ее, чего на деле и сама она различить не может?..

Не так ли поступил и ты, мой почтенный академик, в своей новороссийской системе?.. Отлучаешь малороссийское наречие так разно от великороссийского,— «хотя и без основания»! — признаешь тождество великороссийского наречия с церковнославянским, хотя это тождество не более, как филологический призрак, до которого ты дошел только путем «логического наведения»! А между тем, ты уже населяешь великороссийским племенем в IX веке и Македонию вокруг Солуня (вместо тамошних словен), и берег Черного моря, и всю Киевскую сторону, вместо обитавших тогда и ныне обитающих малороссиян, которых ты приводишь сюда с Карпатских гор уже после Батыева нашествия, на место великороссиян, будто бы ушедших отсюда, при нашествии Батыевом!.. И что же у тебя в основе этих новопридуманных заселений и переселений: исторические о том свидетельства письменные или давние предания изустные?.. Нет! Исторические предания, например, Карпатской Руси, говорят наоборот: что она пришла в Карпаты с берегов Днепра, вместе с уграми, в X веке; а по другому преданию, что она перешла в Карпаты в XVI веке из Подолья, вместе со своим князем Кориатовичем. Могли быть оба переселения: но дело в том, что, по обоим преданиям, существующим в Карпатах, Русь переходит туда из нашего малороссийского края, с берегов Днепра и с Подолья. А ты, неизвестно почему, выводишь нас, малороссиян, из Карпатских гор, после нашествия татарского, тогда как мы и прадеды наши всегда думали и говорили, что мы жили здесь, по обе стороны Днепра, с незапямятного времени,

с *предковеку*! Что у нас в Киеве водворились на княжение Аскольд и Дир, а за ними вещий Олег с Рюриковым сыном. Что у нас в Киеве началась и от нас разошлась во все концы русского мира, *жизнь*, насажденная святым *Просветителем Руси* — Владимиром; а когда великокняжеская Киевская Русь, отжив свой цветущий век, *умалилась*, тогда новым средоточием русского мира стала Москва, среди племени великороссийского. Мы, малороссияне, остались по-прежнему в своей родимой Киевской стороне, в своих стародавних городах и селах, со своими преданиями и обычаями,— мы остались *на корню*, с которого не сильны были сорвать нас никакие вихри и бури, нижé гроза Батыевская... И как в древнее время, мы и наша земля называлась собственно *Русью* и *Руською землею*, а наше южное наречие называлось *Руським языком**, так в позднейшие века *Русью* преимущественно стала называться Великая или Московская Русь, а наречие московское стало *русским языком*, господствующим ныне во всем русском мире.

Ты, в закладку своей новороссийской системы, положил выписки из Киевской летописи Нестора, и хочешь доказать, будто бы в них нет ничего малороссийского! Я рассмотрел твои выписки, всего 6 дюжин; и знаешь ли что? Ведь это основание для тебя ненадежное! Те слова и обороты, которые ты отметил как *чисто великороссийские*, как *не церковные* и явно *не малороссийские*, ведь они *не чисто великороссийские*! Для разуверения тебя, чтобы мне не слишком много писать, я предположил себе разобрать только две дюжины твоих выписок, т. е. третью часть; полагаю, что на первый случай и этого довольно. Но чтобы и в этой части не вышло у нас разногласия и недоразумения, я спрошу тебя: *голова*, *борода*, *дерево* — какие это формы слов, великороссийские или малороссийские? Когда говорят эти слова на русском Севере смольнянин, суздалец, новгородец, москвич, ты имеешь право назвать их великороссийскими; а когда говорят их на русском Юге подолянин, волынец, переяславец, киевлянин, я имею право назвать их малороссийскими. Обоим русским наречиям эти слова принадлежат как родовое, наследственное имущество; и каждое из двух наречий может считать их у себя своей, неотъемлемой, неприкосновенной собственностью; и если бы которое из двух наречий вздумало присвоить их себе исключительно и отобрать их у другого, то на это можно сказать: «Не добро есть преступати передел чужого», как сказал

---

* В летописи Волынской, под 1621 г., сказано: «И к тому толмача, розумеща *русскый язык*, што иметь молвити Василько, приехав под город».

некогда Нестор, повествуя об изгнании Изяслава из Киева младшими братьями. Неправда ли?.. Теперь обратимся к твоим выпискам.

Письмо пятое

Июля 31

Ты предупреждаешь доказательные выписки свои двумя замечаниями, о которых и мне должно упомянуть предварительно.

Первое замечание твое состоит в следующем: «Если б Нестор и продолжатели его, Киевские летописатели, были малороссияне, то каким бы образом могло случиться, чтобы они не дали нигде приметить своего малороссийского происхождения? Каким бы образом могло случиться, чтобы они не обронили там-сям какого-нибудь малороссийского слова, не употребили малороссийского оборота?..» и т. д.

Но ведь киевские и волынские продолжатели как и певец Игоря, писавши на языке церковно-славянском, частехонько включали в него слова и обороты из своего родного *малороссийского* наречия. Вольно же тебе называть чисто великороссийским то, что принадлежит в Несторе и в Киевской летописи малороссийскому наречию и языку церковному! А впрочем могло бы случиться и то, что у наших Киевских летописателей не обнаружилось бы ничего малороссийского, если б они захотели писать чистым церковно-славянским языком! Послушай, как писал малороссиянин в начале XVII века (когда писали здесь вообще языком польско-русским).

«В сие же лето (1516) начашася на Украине *казаки*, о них же, откуда и како начало свое прияша, нечто речем. Аще и от начала своего сей наш народ русский бранми всегда употребляшеся, и от и сперва в них сие художество бе, оружие и брани, якоже вышше пространнее речеся, в главе той, откуда изыйде народ словенский; по сем, егда начаша Князи быти, нача в них лучшее строение и обычаи приятнейшие в земле нашой; но обаче сей народ наш бранилюбный не преста строити брани, аще не со околными народы, си есть, греки, а потом половцы, печенеги, то сами межи собою»... (См. Полн. Собр. Рус. Лет. II. 367).

Много ли тут малороссийский летописатель, в самый разгар казаччины, *обронил* из своего наречия?.. Словцо *межи*, вместо церковного *между*, словцо которое издревле видно и в географических южно-русских именах: *Межибожье*, *Межимостье*, *Межигоры*, *Межиречь*, также написано оно в Олеговом договоре: «Быти *межи* вами» и у Нестора: «Что ради губиве дружину *межи* собою», или: «А Кытан ста *межи* валома с вои», и в Киевской летописи (об тех же Переяславских двух валах, доныне уцелевших и сходящихся в один вал невдалеке от села

Строковы) сказано, под 1149 годом: «А Гюрги стоя три дня у Стрякове... и ста *межи* валома».

Второе твое предварительное замечание состоит в следующем: «Еще более — слова, относящиеся до жилища, до одежды, до пищи, в летописи, *отнюдь не малороссийские*. Везде вы видите избу, истопку, а не *хату*; сапоги, лапти, а не *чоботы*: квас, мед, жито и т. п.»

Какой же ты прихотливый стал в своей новороссийской системе, словно Потемкин! Ты и знать не хочешь ни про *свитку* (1147 г.) и *свиту* (1074 г.), но при *черевья* (1074 г.), т. е. *черевики*; тебе непременно подавай *чоботы*, как будто киевские писатели должны были в свое летописанье включить целый малороссийский словарь! Тебе захотелось уже отобрать у малороссийского наречия и *квас*, и *мед*, и *жито*!.. Но об этом речь впереди, чтобы не отбиться нам от главного, от твоих доказательных выписок.

Ты говоришь: «Малороссийского наречия до сих пор, к стыду своему, мы основательно не знаем... Исследуйте *особенности* малороссийского наречия». Ну, вот кстати мы вместе теперь исследуем, узнаем его, по его отрывкам в Несторе и в других древних южнорусских писателях. Ведь все, что в них отменно от языка церковнославянского, должно принадлежать языку южно-русскому!

Вот первая твоя выписка из Киевской летописи:

«Пословци *присунушася* к Баручю». Ты отметил глагол «присунушася» как чисто великороссийский, явно не малороссийский: за что? Разве глагола *присунуться* нет в малороссийском наречии?

«Зеленéнький барвиночку,
Стелися низéнько;
А ты, милый, чорнобривый,
Присунься близéнько!»

Этот глагол, известный и в Западной Славянщине, весьма употребителен в Малороссии: *сунуться*, *посунуться*, *одсунуться* и т. д. Киевский летописец поставил его по-церковно-славянски «присунушася»; а часто по-великороссийски и по-малороссийски было бы: *присунулися*.

Обратим внимание и на слово *половци*. Я думаю, что чисто по-великороссийски было бы *половцы*; ибо по господствующему великороссийскому выговору звук *ц* в конце слов требует дебелых гласных и *ъ-а* (половец, половца, половцы).

Малороссийское наречие (во многих случаях сходное с церковно-славянским более, чем великороссийское) требует после *ц*, в конце слов, непременно *ь-я* и тонких гласных, даже более, чем этого требовал древний язык церковно-славянский, допускавший *а* после *ц*, И если у Нестора написано «*цариця*

Володимеряя Анна» или: у *отця*, у *оконця*, ко *оконцю* и т. п.; если в Киевской летописи, например, в описании Игорева похода на Каялу, написано: «Идущим же им к *Донцю*... перебреде *Донець*... дойти рекы *Донця*... до города *Донця*», то мы должны признать, что это написано малороссиянами. Если же там встречаем иногда постановку и дебелых звуков после *ц*, то это явный след позднейшей переписки великороссийскими писцами, которые то копировали свой подлинник буква в букву, то ставили иногда буквы по своему северному произношению. От того-то в Несторе, в Киевской летописи, в Игоревой песне, которые дошли к нам не в древних южно-русских, но в позднейших северно-русских списках, от того в них такая пестрота и разнобоярщина звуков, несовместимых в одном и том же живом наречии; например, в Игоревой песне: *бяшеть* и *бяшет*, и *трубят*, к *Софии* и у *Софей*, *полунощи* и *полунощы* и т. д. Филологическая критика наша, разбирая древний южно-русский памятник, непременно должна различать что в нем подлинного и древнего, и что пришлого, наносного и позднейшего, подобно тому, как геолог различает в пластах земной коры разновременные формации кряжевиков (roches). А если филологическая критика наша иногда не умеет еще различать, то об этом можно сказать словами Лаврентия-мниха: «Книгы ветшаны, а ум молод, не дошел!» Когда ты в Лаврентьевском списке Нестора читаешь, «ты еси *старейшей* брат» (1024 г.), или: «Вдам ти *которой* ти город люб» (1097 г.),— неужели ты не слышишь, что здесь *старейшей*, *которой*, как диссонансы, которые написал по своему великороссийскому наречию может быть сам «Лаврентей мних»; но киевляне — Нестер, Селивестр, Василий написали бы по южно-русски, и по церковно-славянски, не иначе, как *старейший*, *который*. Но когда мы читаем в том же списке Нестора: *печенигы*, или «*Мойсий* же хапаяся за шию» (вм. *печенегы*, *Мойсей*, как там же обыкновенно писано), то это мы отнесем к списку, написанному еще к киевской стороне южно-русским писцем, который по своему выговору поставил *и* вместо *е*. Суздальский переписчик только скопировал эти буквы в своем списке; а сам от себя, по своему выговору, он мог бы написать *Моисей*, *печенегы*, подобно тому как в Игоревой песне позднейший писец ее (очевидно суздалец) писал: *о Днепре*! вм. *о Днипре!* и т. п.; или как г. Дубенский[14] предлагает вм. полегоша, почнем писать правильнее (!!) — полгоша, почнмь... Вот также несвойственно и вы, северно-русские историки, вместо Перипетово поле, Перипетовы (могилы), как написано правильно в Киевской летописи, пишете: Перипътово, Перепътовы! или: вместо Богдань Хмельницкий — Богдан Хмъльницкий!

Но вот другая твоя выписка из Киевской летописи: «Святос-

лав Ростиславичь *отпроводя* половци». Смотри — в твоем письме (в «Москвитянине») корректор-великороссиянин даже переиначил этот глагол, несвойственный его великороссийскому наречию; он поставил по своему *отпроводя*, когда в Киевской летописи и написано, и напечатано: *отпровадя* (под 1154 г.). Малороссийскому наречию поныне свойственны глаголы *провадити*, *запровадити*, *отпровадити*, *припровадити* и т. д. А потому, если мы читаем в Олеговом договоре *допровадим*, с куплей их поздорову», в Киевской летописи «*отпровадя* пословци», в Волынской летописи «*препровадиша* реку Лютую» (1208 г.), то имеем полное право сказать, что это писано по наречию малороссийскому.

Третья выписка: «Бе река *бережиста*». За что ты назвал это прилагательное имя чисто великороссийским, явно не малороссийским? В Киевской летописи оно принадлежит несомненно малороссийскому наречию, в котором вообще любимы прилагательные имена с окончанием *истый: норовистый*, *головистый*, *коренистый*, *рожаистый* и *очевистый*. Припомню в Киевской летописи (под 1173 г.) слово: *очевисто*; оно так знакомо каждому, кто обращался с малороссийскими судовыми актами XVI, XVII и XVIII века. Неужели скажешь, что и слово «очевисто» в Киевской летописи чисто великороссийское, не малороссийское? А в северно-русском Ипатском ее списке это слово даже подчищено было и написано «очивесто»! (См. примечание редакции, на с. 106).

Письмо шестое

Августа 1

По нынешнему дню приходится мне взять в рассмотрение следующую твою выписку из Киевской летописи: «*Коли* будеть святых Маковей»? Вот уже ты отметил и наречие *коли* как чисто великороссийское, не малороссийское!.. А это словцо употребительно не только во всей русской речи, но знакомо и в западно-славянских языках. Притом же, у великороссиян употребительно еще *когда*, *когды* (откуда и сокращенное *кгды*), даже *колды*, а малороссийское наречие обходится только одним *коли*! Так в песне спрашивает у казака сестра его:

«*Коли*, брате, з войска прийдеш»?

Такого же, весьма недоказательного, значения и твоя выписка «яша коня за *повод*». Как по-великороссийски, так и по-малороссийски: за *повод*, за *поводы*, за *повода*. У Нестора сказано, что киевский отрок пошел к печенегам с *уздою*: скажешь, и это по-великороссийски? А как же иначе по-малороссийски?

Но для нынешнего дня возьму еще конец твоей нарочито-длинной выписки, сделанной тобой «с особым намерением».

«Ныне же чи хресту честьному управити, якоже еси целовал, буди со мною; а ты уже хрестьное челование переступил... а ныне абы со мною Бог был и хрестьная сила».

Тут летописатель киевский поставил, по своему малороссийскому наречию, и два словца: *абы*, *чи*, и слова: *хрест*, *хрестьный*, которые все и поныне в малороссийском наречии — как хлеб насущный! Так в песнях:

«*Абы* мене хлеба-соли раздобув».
«*Чи* ты, милый, припав пылом,
чи метелицею»?

Тут мне живо вспоминается, как наш класссический Гнедичь[15], в августе 1831 года, еще незнакомый тогда мне лично, отыскал меня, уединенного в Симоновской Слободке, и в беседе нашей о малороссийских песнях, высказывая свою мысль о сходстве малороссийских звуков с итальянскими, декламировал мне стих:

«Со́ром мне, чи не со́ром»!..

Что же касается до слова *хрест*, то малороссийское наречие постоянно удерживает в нем звук *х* вместо *к*: *хрестный*, *хрещеный*, *хрещатый*, *хрещатик*, *хрестины* (крестьбины), Водохоре́щи, *Средохрестная* неделя (Крестопоклонная). Итак, если мы в Киевской летописи читаем: *хрест*, *Водохрещи*, (там же, под 1148 г.). *Средохрестная* неделя (под 1170 г.), не должны ли мы сказать утвердительно, что это написано по-малороссийски? В Киевской летописи, под 1147 годом, написано: «отторгоша *хрест* на нем; тоже самое в Суздальской (Лаврентьевской) летописи переписано так: «И отторгоша на нем *крест*».

Что же в твоей нарочитой выписке есть *чисто великороссийского*? По моему мнению, только *челование*, написанное вместо *целование* очевидно севернорусским переписчиком Киевской летописи, который в XIV или XV веке, в Ипатском списке нередко ставил *ч* вместо *ц*, по своему областному, почти наверно сказать можно, *новгородскому* выговору.

Так, например, он написал: «И *челова* Святослав крест» (1143 г.); «хотять тебе *Переяславчи*» (1147 г.); «а Игорь стояше у *Городьча*» (1142 г.) «а сам иде в Городечь» и т. п. Вот это уже *отнюдь не малороссийское*, не *киевское* произношение; так говорили и писали «новгородьчи».

Но тот же писец, в Ипатьевском списке, писал и наоборот— *ц* вместо *ч*, тоже по своему областному, не малороссийскому, выговору: «Изяслав *Святополцищь*» (1128 г.); «ни *науцил*» (1147 г.); «*исполциста* воя своя» (1149 г.); «ты ся, *отце*, не труди... а сам,

отце, еди в Киев»; «и есть *рецка* мала до города», «и посла Мстислав к Давыдови с тою *рецью*» (1170 г.) и т. д.

Другой переписчик летописи, с Ипатьевского списка, писанного в несколько рук, писавши так называемый Хлебниковский список XVI века (принадлежавший киевскому митрополиту Сильвестру Коссову) был, как видно, *малороссиянин* и нередко восстановлял надлежащее чтение, переменною *ц* на *ч*, и *ч* на *ц*, поставленных не по-киевски в списке Ипатьевском, напр. вместо *рецью*, *рецка* — *речью*, *речка* и прочая.

Таже история была и с южно-русской Игоревой песнью: северно-русский переписчик ее, в XV веке, ставил в ней иногда по своему выговору: вместо *луци*, *веци* — *лучи*, *вечи*; вместо *луче* (лучче) — *луце*. И Граматин (1823 г.) поступил как филолог, предприняв привести текст Игоревой песни к однообразному правописанию. Жаль, что он преждевременно отважился на поправку некоторых грамматических окончаний и особенно ошибся он на первом лице двойственного числа, переделывая древнюю форму его на позднейшую, подобно тому, как и писец Хлебниковского списка иногда переделывал туже древнюю форму двойственного числа (*ве*) на позднейшую (*ва*), существовавшую в его время между славянорусскими грамотниками. Но Сахаров, в своем издании *Песни* (1839 г.), поступил гораздо хуже, переделывая в тексте *Песни* одно лицо на другое; напр. вместо «*оба есве*» — «*оба есте*»! и т. п. Abusus non tollit usum. Так и в Лаврентьевском списке Нестора было: «И рече Каин: *изидете* на поле, Авелю»; но филолог Тимковский, в своем недоконченном издании Нестора (с. 56), поставил правильно в первом лице: «*изидеве*». Так точно поставил в тексте и Бередников (1, с. 38); но через 35 лет после издания Тимковского можно было уже поставить с совершенной правильностью, как и было в списке Воскресенском, т. е. *изыдеве* (или хоть *изидеве*). Грамотный писец Хлебниковского списка везде писал *изыде* (вм. *изиде*), по свидетельству редакции (II. 19).

Ты спросишь меня, почему я называю малороссиянином Хлебниковского переписчика летописи? В «Исследованиях» своих ты обнаружил особенное внимание к частным случаям. И потому, кроме вышеупомянутого восстановления звуков *ч* и *ц*, по-малороссийскому наречию, и других примет, я приведу, собственно для тебя, следущий частный случай.

Севернорусский писец *Ипатского* списка, под 1202 годом, написал: «Изыйде *дырею* градною». Это написано по-великорусски; киевлянин не мог бы так написать, ибо это слово и по-церковно-славянски, и по малороссийски ставится с буквой *ѣ*, *а не с ы — д ра, д рка*, а не дыра, дырка. Сообразно этому Хлебниковский писец, вместо «изыде дырею», написал «изыде дѣрою», т. е. пещерным, подземным выходом, какие были во

многих городах и в позднейшие века (сравни в современной Нестору Mater Verborum: diera, дра, caverna)...

Однако — прощай! За мной разбор еще 18 твоих выписок.

Письмо седьмое

19 августа

В прежних шести выписках твоих все, что ты назвал явно не малороссийским, а чисто великороссийским, оказалось на поверку — *малороссийским*! Возьмем в рассмотрение другие шесть выписок твоих из Киевской летописи:

7. «Яз, брате... *рад*, еду».

8. «Конь нача *соватися* под ним».

9. «Андрей князь толик *умник* сый».

10. «Они же *не догнавше* над берег».

11. «Узреша Половцы *помочныя* полкы».

12. «*Именины* тогда бяхуть».

Но тут и рассматривать нечего; тут все отмеченные тобой слова, все они, под пером киевлянина,— *малороссийские*, как и слова *смага*, *туга*, *яруга*, *струга* (по нынешнему *стружка*, водяной проток) у певца Игорева; как слово *короп* (рыба) у игумена Даниила; как глаголы: *лагодити*, *вередити* в «поученьи» Мономаховом.

13. «Бишася крепко ту *днину*».

И это слово живет в наречии малороссийском, равно как и слово *вечерина* вместо *вечер* и *вечеря*. *Днина* вместо *день*, как *година* вместо *год*, в древнем значении этого слова (например, в Киевской летописи под 1185 г.: «В *год* вечерний»).

14. «Оже ся братья совокупила в *едину мысль*... аз ваю *наделю*».

И *мысль*, и *наделю* принадлежит несомненно наречию малороссийскому; *един* вместо *один* вошло в него из языка церковного.

15. «Днепр *росполиваеть*... *Рушися* Днепр».

Рушися — по-церковно-славянски, а по-великороссийски было бы *рушился*; так писали обыкновенно, т. е. с буквою *л*, и малороссийские, и белорусские писатели позднейших веков, хотя в народном выговоре — и малороссийском, и белорусском, это *л* обращается в полугласное *в*: *дав, дала, дало*; *рушився, рушилась, рушилось*. А что глагол *рушати, рушити* принадлежит искони малороссийскому наречию, о том и говорить нечего; как у Нестора сказано: «И повеле игумен *рушити*» (1091 г.); как в летописи Киевской: «Уже рекы ся рушають» (1148), так и в думе украинской, на поход в Молдавию (1650 г.), говорится:

«Сам Хмельницкий поперед всех *рушав*,
До Хотии прибував».

«*Не рушь!*» — говорят украинцы, т. е. не тронь, не *займай*! Глагол *расположиваеть* или *росположивае* — тоже малороссийский (прибавок *ть* удерживается и откидывается после *е*, как и в Киевской летописи встречаем, *речеть* и *рече)*. Имя *полой* (выговаривается *полий*, т. е. вода поверх льда) известно каждому приднепровскому украинцу.

16. «Половци яшася бегу опять *своею дорогою*».

Своею *дорогою* — это не по-церковно-славянски; ибо *дорога* или *дарога* есть наша *общерусская* форма этого слова, которое западнославянской речью сокращено в *дрога* и *драга*. Но тут вот в чем дело: великороссияне говорят: *дорогою, по дороге, при дороге,* а малороссияне говорят: *дорогою, по дорозе, при дорозе.* В Киевской летописи читаем: *своею дорогою* — «наехаша *дорогу* их, и поехаша *по дорозе*»... (1173 г.); или: «По королеви *дорозе*» (1152 г.); очевидно, что это написано *по-малороссийски*, а не по-великороссийски.

Приведу такой же пример из Нестора. *Порог* или *парог* есть наша *общерусская* форма этого слова, сокращенная всей западнославянской речью в *прог* и *праг*. У Нестора написано: «Новгородцю же седящю на *порозе*» (1071 г.); ясное дело, что это написано *по-малороссийски*: великороссиянин сказал бы «*на пороге*».

А ты говоришь теперь: «Если малороссийское наречие жило на Днепре, то зачем нет его следов в летописях»? Каких тебе еще следов, как эти чисто малороссийские формы: *на порозе, по дорозе*?.. Сходно с этим и по-белорусски говорится: *на парозе, на дарозе*; а по-великороссийски *на пароге, по дароге*, или *на дороге.*

Тут открывается случай означить еще одну филологическую примету: малороссийское наречие, сходно с белорусским и церковно-славянским, в именах всех трех родов, переменяет гортанные звуки *г, х, к* на *з, с, ц* перед *е*, в падежах дательном и предложном; великороссийское наречие, в этом случае, удерживает *г, х, к* без перемены. Это еще одна отличительная черта, по которой великороссийское наречие отменяется от церковнославянского и от малороссийского. Видишь, сколько уже набирается таких отличительных примет, вопреки мнимому тождеству церковного языка с великороссийским!

Приведу для звука *х* примеры из Киевской летописи: «Ни в добре, ни в *лисе*» (1152 г.); «иде с ними к Воробеине и к *Росусе*» (1160 г.), по Хлебниковскому списку; «к *Роксусе*». Казалось бы, ясное дело, что здесь имена *лихо* и *Росуха* или *Роксуха* склонены по-малороссийски (или хоть по-церковно-славянски); но у Карамзина, Строева[16], Неволина (в списке русских городов) поставлена *Роксуса*; да и в твоем «Розыскании о городах» постав-

лена *Росуса*! Все вы, по-великороссийскому наречию, и не могли произвести иного именительного падежа из летописного выражения к *Росусе*. Я писал тогда об этом, кажется, к тебе, или к Неволину, не припомню уже; и ты, в 4 томе «Исследований», поправил прежнюю ошибку свою, поставив не *Росуса*, а *Росуха* и приведя справедливое указание Надеждина и Неволина на село *Расуху*, поныне существующее в северной стороне.

Но зачем же ты оставил без поправки, в 4 томе «Исслсдований», имя *Свинуси*, когда ты же определил нам это историческое место, указанием на нынешнее Волынское село *Свинюхи*?.. В Киевской летописи сказано: «И снястася Гюрги с Ярославом Галичьским у *Свинусех* в селе» (1157 г.). Казалось бы, ясное дело, что здесь склонилось по-церковно-славянски южно-русское имя волынского села *Свинухи* (как на Украине — *Чернухи*); но вам не подсказало этого великороссийское наречие, и от того у вас явились *Свинусы* (так и в «Ключе» Строева) или *Свинуси*. Кстати для истории этого села скажу, что оно называлось Свинюхами уже и в XVI веке, как видно из жалобы князя Курбского 1575 года об убийстве его урядника Калиновского Берестецкими мещанами Войтехом и Андреем Остаховичами. Князь говорит, что Калиновского едва живого подданный Хац «до *Свинюх* отослал, там уже у Свинюсех заразом с тых ран тот урядник мой умер»*.

Вот уже мы рассмотрели 16 доказательных выписок твоих из Киевской летописи: и ни одного из них не нашлось в пользу твоей новороссийской системы — все не впопад; и ты должен сам увидеть теперь, что ты ими — убил бобра. А как искатель и друг истины, ты ужели не отречешься от своего нового и напрасного слова, будто в Киевской летописи нет следов малороссийского наречия?.. Это наречие так часто пробивается сквозь основу письменного языка церковно-славянского! Развернем еще несколько раз Киевскую летопись на удачу и с каждой открывшейся страницы выпишем по одному месту:

1. С. 39. «И того еста съступила, и *досыти* ми *пересердия* учинила еста».

К этому месту приведу из украинской думы о Гетмане Самойле Кошке:

«На що ты на мене такее великее пересердие маешь,
Що од мене сегодня барзо рано выезжаешь»?

2. С. 140. «Изъехаша (половци) *город* Чюрнаев и острог взяша, и двор зажгоша, и *статок* его весь поимаша и... ту *перепочивше*... и возвратишася к *ватагам* своим».

Тут все отмеченные мной слова — малороссийские.

---

* См. на с. 68 во 2 томе «Жизнь князя А. М. Курбского» превосходный труд профессора Иванишева, изданный Киевской Временной Комиссией. К., 1849.

3. С. 144. «В тоже лето паде снег велик в *Киевской сторони, коневи до черева на Великдень*».

4. С. 55. Оттоле (Изяслав) шед, и ста у *Святославли Криниче*».

Вот кстати тебе приднепровская местность, названная чисто малороссийским словом *криниця*, которое у Галицкой и Карпатской Руси перевернуто в *кирниця* (как слово *долонь, длань, длонь* московским наречием перевернуто в *ладонь*). Ты говоришь в своем письме: «При географических моих исследованиях я был *поражен* характером многих собственных имен там, вовсе не малороссийским». Жаль, что ты не привел этих имен: назови их, пожалуйста, для нашего вразумления. Я и сам, как ты знаешь, немало занимался «исторической географией» Южной Руси; однако не был *поражен* таким явлением, о котором ты говоришь. Между географическими именами, конечно, есть многие, происхождение которых трудно изъяснить, которые иногда взяты из языка половцев и прочих одноплеменных им народцев (напр. Инжир-брод); но в большинстве — имена *малороссийские*, начиная с *Киева* (от собственного имени князя *Кия*, по нарицательному имени *Кий*) и названной теперь *Святославовой Криници*, до острова *Хортичего* (от *хорт, хортиця*, борзая собака).

Не надо только придавать южно-русским географическим именам окончаний по великорусскому наречию, как мы видели выше на *Росухе*. Ты в «Исследованиях» ставишь: *Серебреной, Боровой, Дерновое*: это несвойственно; надо: *Серебреный, Боровый, Дерновый* (*город*, ныне село *Деренковец*). По-моему, и именам, кончащимся по-южно-русски на *ця* (как видно и по тексту Летописному) можно бы не придавать великорусского окончания *ца*, по крайней мере, в их географическом списке. Переделаете на северные звуки южно-русские имена, да потом и будете говорить, что они поражают характером вовсе не малороссийским!

5. С. 145. «А *думай, гадай*, о Русской земли, и о своей части, и о нашей».

Думати-гадати — это одно из любимых выражений песенного и разговорного языка южно-русского. Так и помянутая выше дума о походе в Молдавию начинается следующими стихами:

«Из низу Днепра тихий ветер вее-повевае,
Войсько Козацьке в поход выступае;
Только Бог Святый знае,
Що Хмельницький *думае-гадае*!»

6. С. 72. «И вложиша и (Галицкого князя, Володимера) в *укроп*, и молвяхуть, яко *дна* есть подступила».

Редакция пояснила, что «*дна* — слово польское и чешское: лом в составах или костях». Но я пояснил бы это из малорос-

сийского наречия тем, что *днами* называется внутренняя середка живота, и что *подступила дна* значит уже смертельную болезнь, схватившую Князя, от которой и был он посажен в *укроп* (чтобы ему *спарить живот* — первейшее средство и у нынешних малороссийских *лекарок*). Украинские женки очень примечают, пока у них еще «дн бьють, як курчята клюють!» («*Дна подступила* — в Летописи, множественное число среднего рода).

Новгородцы в XII веке «пили укроп» (уже не збитень ли?)

Но это слово *укроп* или *окроп* поныне самое повседневное малороссийское слово, означающее горячую воду. (Не следует смешивать его с словом *окреп* — *окоп*, укрепление. Буквы *е* и *о* выговариваются одинаково, как тонкое *и*.)

7. С. 6. «Князем за ракою идущим, *межи вором*, и не бе лзе везти от множества народа, поламляху *вор*».

Писец позднейшего Ермолаевского списка[17] поставил: а *межи возом*, поламляху *двор* (так и Псковской летописи[18], изданием которой мы обязаны тебе) вместо *бродове заворены ворами* переписчики ставили и *заворонены* и *затворены*.

Но в малороссийском наречии весьма известны слова *ворьё*, *вор*, огорожа из жердей; а каждая жердина в такой огороже зовется *кориною*. Отсюда и названье приднепровского места *Воровичи* (К. Л. 1150 г.).

Но довольно выписок из Киевской летописи. Обратимся к Нестору.

Письмо восьмое

20 августа

Вопрос о языке Несторовой летописи можно было считать решенным: это язык церковно-славянский с примесью из народного южно-русского языка по его киевскому наречию, также как и в Киевской летописи XII века. Это решение, я думаю, выдержит всякую пробу, точно так, как и подлинная, неподложная древность Несторовой летописи, и «Песни о Полку Игореве», и трех Договоров с греками, выдержали все пробы скептицизма. В 3 томе «Исследований» ты говорил тоже: «У Нестора находите вы отражение малороссийское», и заступался горячо за это мнение (с. 357); но теперь ты уже против него и называешь его предубеждением, вследствие своего нового убеждения, будто в Несторе, как и в Киевской летописи, нет и следов малороссийского наречия, а есть следы великороссийские, и будто летописи в Киеве писали *великороссияне*, как древнейшие жители Киевской страны, и писали на своем природном, *великороссийском*, наречии, тождественном с так называемым *церковно-славянским*.

Ты говоришь: «Воображаю себе летописателя Нестора или другого монаха: как могло придти ему в голову ломать себе язык и завести новую речь, постоянно соображаясь с церковными образцами, которых не знал же он сполна наизусть. Можно ли писать на чужом наречии, не зная его? А знать его было нельзя! За всякой формой ему надо бы справляться? Как бы не забыл он ту или другую, и не запутался в своих выражениях? Что за насилие должно было делать себе? Кто мог выдержать это? Вероятно ли это?..

Что это? Уж не скептицизм ли Каченовского[19], в отмщение за себя, подсказал тебе такие речи и навеял на воображение твое «дух отрицанья, дух сомненья»!.. От чего же военный человек, молдавский воеводич, Петр Могила, поступивший в Печерские монахи, через 6 1/2 веков после Нестора, писал свободно на трех родственных языках: на церковно-славянском, польском и на тогдашнем письменном языке западнорусском?.. От чего в Киеве, несколько ранее Нестора, князь Всеволод Ярославич, «дома седя, изумеяше *пять язык*?» А любознательный, книжный Нестор, возмужавший в великом училище Руси, в Печерском монастыре, когда был жив еще и преподобный Феодосий, писавший столько поучений к братии и посланий к князьям, в пещерной келии которого инок Илларион проводил дни и ночи в списываньи книг, блаженный Никон занимался обделкой их, для которой сам «начальник» прял волну и вервие... Нестор, среди Печерской братии, в которой тогда был и «творец канонов, Григорий», не мог знать церковного языка!.. Не мог знать, через сто лет после того, как великий «Просветитель Руси» начал отдавать детей на ученье книжное, и церковно-славянский язык стал молитвенным языком русского человека!.. Да если бы нашим богослужебным языком при Владимире стал греческий или латинский и на них писали бы свободно киевские грамотники XI века, как впоследствии киевляне, Яворский и Прокопович, можно сказать, играли латинским языком в своих стихотворениях, свободно писавши и на польском, и на церковно-славянском, и на тогдашнем русском в двух его видах. А с какой правильностью и отчетливостью писали, прежде Нестора, на церковном языке и новгородский диакон Григорий, в Евангелии Остромировском (1056 г.), и дьяк Иоанн, вероятно киевский, в «Изборнике» Святославовском (1073 г.). Но — то были уже записные знатоки и мастера в языке церковном, вероятно, из Ярославовой школы писцев и переводчиков, о которой Нестор говорит с такой любовью: «Якоже бо се некто землю разóреть, другой же насееть, ини же пожинають и едять пищу бескудну, тако и сь: отець бо сего Володимер взора и умягчи, рекше крещеньем просветив; сь же насея книжными словесы сердця верных людий; а мы пожинаем,

ученье приемлющее книжное». Нестор и его киевские преемники не заводили новой речи: прежде их церковный язык был уже на Руси богослужебным и письменным языком, на котором писали Илларион и Иаков, и Лука, и Феодосий; и еще прежде другие русские грамотники написали «Русскую Правду» и Уставы церковные. Для Нестора и его продолжателей церковный язык был уже не мертвым, но живым языком, усвояемым с детства, вместе с народным языком южно-русским, который в их писаниях и входил свободно в основу церковно-славянскую, как это видим мы и в «Русской Правде», и в «Песни о Полку Игореве». Да и ты сам, несмотря на свое нынешнее утверждение о тождестве церковного языка с великороссийским, различаешь в Несторе: слова и обороты не церковные, а великороссийские, от прочих — каких же? Церковных, не великороссийских! Видишь, в твоем новом убеждении есть уже противоречие, которое ты можешь оправдывать разными диалектическими изворотами, но об котором, по истине, можно сказать словами белорусской присказки: «Круци, верци, а треба вмерци»!

В твоих доказательных выписках из Нестора столь же мало доказательной силы, как и в выписках из Киевской летописи.

Вот первая, а в счете мною рассматриваемых 17: «*Сзывая безчисленное множество народа*» (так напечатано в твоем письме); напишем, как у Лаврентия: «сзывая бещисленное множество народа» (См. в издании Тимковского, с. 88). Тут нет ни одного слова не церковного и не малороссийского.

18. «Егда же *подпьяхуться*, начняхуть роптати на князь, глаголюще: зло есть нашим головам!»

Подпьяхуться — разве это «чисто по-великороссийски»? Нет! Это глагольная форма, как и *начняхуть*, есть церковнославянская, с окончанием *ху* (в единственном числе *ше*), которому наши киевские писатели XI века придавали нередко свой привычный глагольный прибавок 3 лица *ть* (*бяще-ть*, *бяхуть*): а в XII веке эта форма была в ходу и у Северной Руси (с той разницей, что там писали и *ть* и *тъ*). Так я изьяснил эту особенную глагольную форму (*шеть*, *хуть*) в моей «Истории древней русской словесности» (гл. VIII) и остаюсь при прежнем мнении. Что же касается до выражения «*нашим головам*», то это у киевского писателя — *по-малороссийски*, у новгородца или суздальца было бы — *по-великороссийски*.

Пропускаю две выписки твои, со словами: *молчалив*, *боголюбив* (отмеченными, как чисто великороссийские, не церковные) и беру в рассмотрение следующие:

19. «Володимер же нача *размышлятн*» (с. 93).

20. «Володимер — *расплакався*» (с. 112).

21 «Половци землю нашю несуть *розно*» (с. 109).

Слово *розно* у Нестора пишется и по-церковно-славянски —

разно (на с. 112; «разидошася *разно*»; на с. 34: «расточи я разно»), и по южно-русски — *розно*. А что это слово издавна в наречии малороссийском, тому в пример приведу соответственное место из стихов гетмана Мазепы об Украине:

«Мати моя старéнькая,
Чом ты вельми слабéнькая?
Розно тебе росшарпали»*

Так и в Киевской лéтописи: «Половци *розшлися розно*» (1174 г.), *росплакався* («се слышав Володимер, *росплакався и* рече» — это у Нестора по-малороссийски, равно как и *розглядаютъ городъ*» и проч. Или в Киевской летописи: «*Розирая* наряд его, и како город стоить». Малороссийское наречие присвоило себе исключительно *роз*, тогда как в великороссийском допускаются и *роз*, и *раз*. Глагол *размышляти* написан по-церковно-славянски; но он весьма известен и в малороссийском наречии: *розмышляти*, *замышляти* и т. п.

22. «Бяше пришел Славята... на некое *орудье*».

Ты справедливо говоришь: «Выражение самое употребительное», но это в летописаньи. *Орудье*, в смысле *дела*, слово не очень употребительное в великороссийском наречии, равно и в малороссийском: однако в малороссийском остались от него весьма употребительные глаголы: *орудовать* (делать, работать), *зорудовать* (выиграть дело, или сделать что в свою пользу). Видишь, что этой выпиской ты ничего не сорудовал для своей новороссийской системы!

23. «Не бе лзе *вкрастися* в град».

И тут нет ничего такого, что можно бы назвать чисто великороссийским, не церковным и не малороссийским.

Но вот уже кончается предположенное мной число твоих выписок. Беру последнюю из Нестора:

24. «Олег не всхоте сего, вину река: не *сдравьлю*».

25. В дополнение приведу еще одну из Киевской летописи: «И шел спать *здоров*».

У тебя оба слова *сдравьлю* и *здоров* отмечены, как *великороссийские*; но первая форма — церковно-славянская, вторая — общерусская; у киевского летописца она малороссийская. Коренное и первообразное слово *здоров*, в западно-славянской речи переменилось в *здров*, *здрав* и *съдрав* (*так в Остромировом* Евангелии); таково и Несторово *сдравьлю*. По Малороссии *здоров*, *поздоровляти*, *поздоро́вити* (поздравить), *поздоровети*, и *поздорови́ти*: «Поздоров Боже вас»! — любимое присловье украинского селянина.

И так по твоим выпискам из Нестора видно, что и здесь, как в Киевской летописи, все, что названо тобой *великороссийским*,

* См. «Историю Малой России» Бантыш-Каменского. Т. III. 1822. С. 296.

принадлежит или *церковно-славянскому* языку, или *малороссийскому* наречию. И так основание новой системы твоей рушится, а с ним рушится и самая система твоя, измечтанная всей хитростью! Ты говоришь, что заключения твои о заселенности Малороссии искони великороссиянами, а не малороссиянами, и о тождестве великорусского наречия с церковным с первого раза *испугали* тебя... Не был ли то голос исторической совести?.. Доказывать, что до нашествия татарского на Киев не было малороссийского народа на Руси Киевской,— для меня всеравно, если бы доказывать, что до нашествия польского на Москву не было великороссийского народа на Руси Московской!

Письмо девятое

21 августа

Взглянем на Волынскую летопись, писанную в продолжение XIII века. Хотя в Галиче, на Подолье и Волыни ты допускаешь малороссиян и в дотатарское время, однако написание Волынской летописи ты поручаешь своим «киевским великороссиянам», даже и написание второй половины ее до нашествия татарского. Ты говоришь: «Может быть, малороссияне тогда еще недостаточно возобладали в стране, и оставались еще следы великороссийские в княжеских родах боярских, в духовенстве, в военном сословии. Пришли же туда еще позднее литовцы или белоруссцы, с Гедимином, и ввели в письменное употребление свой язык, ведшийся даже до позднейшего времени, между тем как там несомненно уже жили малороссияне. Я говорю о времени после татар, и даже хоть до Петра I. Как белорусское употреблялось в этот период, так великорусское, господствовавшее сначала при великороссиянах, могло вестися там между грамотеями еще в XIII столетии. Укажу и на значительный пример из Волынской (под 1205 г.): «Бе Тимофей в Галиче премудр книжник, *отцество имея в граде Киеве*».

Т. е. ты хочешь, чтобы и в Галиче писали не малороссияне, а твои киевские великороссияне! Да так и говоришь ты далее, что наречие «малороссийское существовало в устах своего племени, а летописи писаны великороссиянами, которые потому и оставили свои следы, а не малороссийские». (Мы видели уже эти следы по твоим выпискам). Но ты и малороссиянам, переселенным тобой из Карпат в киевскую сторону после татар и всем вообще, не даешь писать у себя дома, говоря, что и после татар «писали белоруссцы и писали на своем наречии, а не малороссияне»,— и это продолжаешь,— «даже хоть до Петра I»!..

Тут, припомнив митрополита Кирилла III, уроженца Волын-

ского (1250 г.), с его красноречивым современником, Серапионом из Киева, и святого Митрополита Петра Волынца (1326 г.), и Вассиана, и наконец старца Епифания Славинецкого, с его киевскими сотрудниками в Москве,— подумаешь, что ты малороссиянам предоставляешь писать только за пределами Малороссии; а в ней назначаешь писать только белоруссцам на их языке!.. Но я не стану здесь входить ни в эти дальнейшие подробности твоей новороссийской системы, столь не прочной (как сам видишь) в ее филологическом основании, ни в твои исторические выводы, по которым ты так произвольно выживаешь из киевской первозванной *Русской земли малороссийский народ*, искони здесь обитающий, и замещаешь его новопридуманными *киевскими великороссиянами.* (Это понадобилось тебе, кажется, для того, что,— говоришь,— «недаром же Нестор, описывая расселение племен по пространству нынешней России, оставляет нашу Великую Россию *почти пусту*!» Так из-за этой, едва ли действительной, пустоты надо тебе нашу Малую Россию оставить совсем *пусту* при нашествии татар — выводом из нее на север мнимых великороссиян, а на их место свято перевесть не книжных карпаторуссцев, да пишущих белоруссцев!) Я обратился к Волынской летописи в видах филологических, чтобы сказать, что она, также как Несторова и Киевская летопись, писана церковно-славянским языком с примесью наречия малороссийского. *Южно-русский* язык состоит в *двух* главных наречиях: в *малороссийском* и *червонорусском.* Оба они, при всех местных своих разностях, запечатлены *единством* одного языка, что и свидетельствует о *древнем* его образовании. А потому разные мнения о происхождении южно-русского языка после XIII века несправедливы также, как и мнение Калайдовича[20], будто *церковно-славянский* или моравский язык был общим и нераздельным языком всех славян еще в IX веке! Южно-русский язык ближе и роднее всех к *северно-русскому*, состоящему в двух главных наречиях *великороссийском* и *белорусском* и составляет с ним одну великую *речь русскую* или восточно-славянскую. Русская речь соответствена всей западно-славянской речи, состоящей тоже в двух уделах: юго-западном (куда принадлежат 5 задунайских языков: церковно-славянский или македонский, болгарский, сербский, хорватский и хорутанский) и северо-западном (где также 5 языков: польский,чешский, словацкий, лужицкий и полабский). Припоминаю весь круг славянской речи для того, чтобы еще раз сказать, какое несвойственное проповедал ты *тождество* великорусского наречия с церковно-славянским, и как несправедливо у тебя разлучение малороссийского с великорусским, которые северским поднаречием — с одной стороны, и среднерусским (по племени Вятицким) — с другой стороны, сходятся многими

признаками близко. Но в отношении к церковно-славянскому языку, малороссийское наречие во многих приметах ближе к нему, чем великороссийское, хотя при позднейшем образовании *московского* поднаречия в нынешний, собственно так называемый *русский язык*, церковный язык вошел в состав его гораздо глубже и обильнее, чем в какой-либо другой; и от того-то тебе показалось однородство и даже тождество великороссийского наречия с церковным: позднейшее живое сочетание ты признал за первородное единство, чего филология не признает никогда. Карпаторусское поднаречие есть самое далекое от украинского; и по месту, и по приметам это последнее есть наиболее развитое и образцовое в южно-русском языке, по принадлежности своей издревле к Киеву и Переяславу (подобно тому как в кругу великороссийском поднаречие московское). Украинское наречие не может быть признано непосредственно отростком и пересадком карпато-русского в XIII веке. Вот и филологическое возражение против твоего вывода украинского народа от Руси Карпатской после нашествия татар, вывода, не имеющего себе исторической опоры. Ты думаешь, что исследование особенностей малороссийского наречия прольет свет на происхождение казаков. Нет, здесь исторические свидетельства были бы важнее филологических; и сколько можно проникать сквозь мглу, еще не сошедшую с этого исторического вопроса, то наши *казаки* не иные кто, как *украинцы*, даже и при той догадке или мечте моей, что первым началом нашего казачества были древние тмутороканцы, по прекращении их княжества (а слово *казак* было и в языке половецком). Что же касается до составления *нового племени казацкого* из торков и волынских малороссиян, то я этого никак не понимаю и не провижу. К чему и как тут именно волынцы, и что за новое племя казацкое?.. Казачество было *звание*, сословие, а не *племя*.

Письмо десятое

22 августа

Может быть, в летописи Киевской ты думал видеть такие особенности малороссийского наречия, как, например, обращение гласных звуков в тонкое *и*: *конь —кинь*, *нож — ниж*, *неж — ниж* и т. п. Но этот выговор не есть повсеместный в южно-русском языке и грамотные малороссияне до исхода прошлого столетия не вводили в свое правописание таких особенностей, писали: *конь*, *нож*, *неж* и т. п. Учась грамоте по Букварю, Часословцу и Псалтырю, они и в правописании своем соблюдали, по возможности, правописание церковное; по крайней мере оно было главной основой. Так и московские грамотники: они не выра-

жали буквами точь-в-точь особенностей своего выговора, не писали: *фсе* (вместо *все*), *званят в калакала* и т. п. Равно и белорусское наречие (как ты и говоришь, что на нем писали в Малороссии с половины XIV века и даже хоть до Петра) никогда, даже в самой Белоруссии, не являлось на письме со своими главными особенностями, ни со своим *а*, вместо *о*, более твердым, чем московское и средне-русское, ни со своим *дз* и *ц* вместо отончаемых *д* и *т*; (а эти особенности принадлежат белорусскому наречию, конечно, с незапамятных времен, не то, чтобы с XIII или даже XI века). И так отсутствие разных областных особенностей у древнерусских грамотников не должно быть поводом к заключению, что их и не было в наречиях. Некоторые из них, например, выговор *е*, как *и*, у новгородцев, случайно обличается под пером диакона Григория в самом тексте Евангелия (в повелительном наклонении). Так и у Нестора встречаем: *посмихаяся* вместо *посмехаяся*, можешь приписать это описке «киевлянина» для которого *е* — *и*. Еще, для заключения о древних принадлежностях наречий надо иметь в виду, что с течением веков многие слова переменяли свое значение, например: в Киевской летописи *заворожити* (1149 г.) значит поссорить, завести *ворожду* (вражду); а теперь значит загадать; 2) совершенно забывались, например: *папорз*, *веверица*, или слово *хоробрый*, которое теперь непонятно для простолюдина, и он подумает, что оно значит больной (*хороба*), между тем в украинских думах XVII века это слово еще употребительно; в Волынской летописи *Святослав Хоробрый*; или : «Ее же король Данило Князь добрый, *хоробрый* и *мудрый*» (1264). Тоже и в Киевской летописи: «Яша *Дмитра хороброго и Олексу дворьского*»(1171 г.); тоже и в Игоревой песне. Надо иметь в виду и то, что как не все города и села поименованы у летописцев и не все события исторические описаны и упомянуты, и не все князья названы поименно; тем менее могли войти в летопись все слова языка своенародного и церковного. Отрицая присутствие следов малороссийского наречия, ты говоришь: «Еще более слова, относящиеся до жилища, до одежды, до пищи, *отнюдь не малороссийские*. Везде видите *избу*, *истопку*, а не *хату*; *сапоги*, *лапти*, а не *чоботы*; *квас*, *мед*, *жито* и т. п.». Не только *хата* и *чоботы*, но большая часть слов, относящихся к жилью и одежде, пропущена в Летописаньи!

Относительно одежды я уже упомянул о *кожухе*, *свите*, *свитке* и *сорочке;* они отнимают у тебя всякое право говорить, что названья одежд в летописях «отнюдь не малороссийские»; напротив, они подтверждают собой право на признание в летописи *малороссийских* одежд.

«*Кожюх* же оловира Грецького и круживы златыми плоскыми ошит и *сапози* зеленого хъза шити *золотом*» (В. Л. 1262).

Припомним и *кожухы* в Игоревой песне. Слово *сапоги* у Нестора и прочих киевлян никак нельзя назвать великороссийским уже потому, что оно есть и в церковном языке: «Дадите прьстень на руку его и *сапогы* на нозе его». Остр. А что это слово было в южно-русском языке в древности, о том свидетельствует и названье *засапожник* (нож, кинжал в Игоревой песне) и волынский городок *Сапогынь* (1151 г.), нынешнее село Сапожин. Ты говоришь, что в летописи видим *лапти*; но упомянутые у Нестора лапотники не относятся к Южной Руси. Когда одержана была победа над волжскими болгарами, Добрыня говорил Володимеру: «Съглядах колодник, оже суть вси в *сапозех*: сим дани нам не даяти; но искать лапотников». На Украине вместо лаптей носят кожаные *постолы* или *постоли*, известные и за Днепром (и есть народная сказка, как Бог дал деду *золотые постолы с серебрянными волоками*, т. е. повязками); но в лесных местах Северии ходят и в *лаптях*, называем еще *лычаками*.

У Нестора, в сказаньи о старце Исакии, говорится об его «*свите* вотоляной» и «*червьях* протоптаных»; в Киевской летописи (1147), в сказаньи об Игоре Ольговиче, говорится, что его «из *свиткы* изволокоша». Позабыты уже в народе украинском имена многих прежних одежд: и *корзно* или *кирзно*, и *прилбица*, и многие другие одежды позднейших веков; но *свита* или *свитка*, *свитина* и *кожух* остались постоянными и главными принадлежностями украинской одежды.

Почему названье *избы*, *истьбы* или *истопки* заменилось на Украине преимущественно словом *хата* — это также трудно решить, как и то, почему у карпаторусцев изба называется обыкновенно *хижею*? Но как можно было тебе назвать «отнюдь не малороссийским» слово *изба*, принадлежащее не только всем почти наречиям славянским, но вошедшее даже и в Половецкий словарь, вместе со словом *печь*? Это отрицанье твое стóит Сабининского утверждения, что слово *изба* в русском языке есть *скандинавское*. Между тем в Волынской летописи (1202 г.) встречаем малороссийское слово *господа*, от которого и *господарь*, хозяин дома. В Киевской летописи (1185 г.), при описании осады Римова, т. е. нижнего Ромна (Засулья) Кончаком, сказано: «И летеста две *городнице* с людьми». Это слово *городница* известно и в XVI и в XVII в., при описании городовых и замковых оград украинских. У Нестора встречаются слова: *стреха*, *колодязь*; так именно произносятся они и теперь по-малороссийски. Припомню кстати волынский городок *Володимеров-Колодязь*, под пару *Святославлевой Кринице*. В Уставе Володимеровом говорится об *овине;* это, конечно, не относится к Украине; но за р. Сеймом в Северской Малороссии, начинаются уже овины.

Слово *хоромы* поныне употребительно и в языке народно-украинском. Относительно пищи и питья, как можно было тебе отнести к разряду не малороссийских слов: *мед*, *квас*, *жито*!

«Жито поспело, приспело дело».

Украину поляки называли *медовою* страною; отсюда и к Святославу Хороброму на Дунай, где была «*середа* земли его», приходил мед, вместе с воском, скорою и челядью. Вольно было Сабинину, в его чрезмерном скандинавстве, признать наш напиток мед скандинавским; между тем, как слово это обще языкам семьи индоевропейской и произносится каждым из говорящих ими согласно с непременными свойствами того или другого. Об этом можешь справиться, пожалуй, хоть в самой Москве, где тебе все это подтвердят, да еще прибавят, что нет славянского народа, который бы не знал его, и вся разница ограничивается только оттенком произношения *е* (из *а*), звучащего то как твердое *е*, то как отонченное *а*, то как *е*; последнее замечаем в выговоре великороссиян, белоруссов, поляков и нижнелужичан; предпоследнее у верхнелужичан, а первое у всех прочих славян. А почему вольно и тебе относить его к напиткам «отнюдь не малороссийским»! Извини — деревлянские меды при Ольге и киевские меды Володимеровы ведутся поныне. Как в храмовой праздник Преображенья, в Василькове, продолжавшийся при Владимире (996 г.) восемь дней, варили 300 *провар меду*; так в малом виде поныне на Украине — к храмовым дням варят *мед*, на который идет весь окольный народ, по пословице: «Де храм, и мы там»! В песнях осталась память о великой охотнице до меду — Лемерихе:

«Ой пила, пила Лемéриха на медý,
Да пропила свою дочку молоду».

У зажиточных казаков в старину вместо древних *медуш*, были *пивницы*. Так в песне прошлого столетия удалец *Савва Чалый* говорил:

«Пойди, девко, у пивницю,
Да принеси *пива*,
Ой нехай же я напьюся,
Да за свого сына!
Пойди, девко, у пивницю
Да принеси *меду*,
Чогось мене трудно нудно,
Головы не зведу»!

Батый говорил князю Данилу: «Не обыкли пити *молока* (т. е. молока *черного*, кумысу) — *пий пиво*»! (Вол. Л. 1250 г.). Тут мимоходом замечу, что по-малороссийски, сходно с церковнославянским, говорится *пий*, *бий*, *ший* и т. п.

«Ой пий, да не лий,
Люби жонку, да не бий!»

А потому в Киевской летописи (1174 г.) слова «*побейте, побейте*!» написаны, очевидно, северно-русским переписчиком, вместо «*побийте, побийте*!» *также, как написано там тысяцкой* или *тысячкой* вместо *тысяцкый** и т. п.

Как в Игоревой песне битва на Каяле уподоблена свадебному *пиру* и говорится там о *кровавом вине*, так в думе о славной битве Хмельницкого Корсунской (1648 г.) она сравнивается с вареньем *пива*. Есть и пословицы украинские: «Не диво пиво; дивнейше люди, що его пьють. Или: «Що з того пива; за квас буде!»

А как несправедливо ты отбираешь даже и *квас* у наречия малороссийского, еще с древнего времени употребительного, как Володимер в Киеве «*велел*, и *мед* и *квас* возити по городу!» Для больных и нищих не переводился на Украине освежительный квас; делают его из яблок, груш, березового соку; а *буряковый квас* (свекловичный) настаивается для борщу, как и хлебный *сыровец*; к свадьбам приготовляют *квас* хлебный, как обрядное питье, называемое и *брагою*. Упоминаемый у Нестора «квас уснеяный», т. е. кожевенный, тоже употребителен на Украине в этом деле. Есть и каррикатурная песенка о *кожемяке*:

«Ой подожди, девчинонько,
Бо не маю часу:
Одну шкурку в зубах держу,
Другу тягну з квасу».

Кстати о глаголе *тягну, тягнути*: ведь наречие великороссийское издревле выпускает коренной звук *г* — *тяну, тянуть*. Но в Киевской летописи (1157 г.) читаем: «И один с города *потягнув* стрелою». А как знаменательно слово: «*Потягнем*!» в устах Святослава Хороброго (971 г.). Подобно ему и Святослав Ярославич (1067 г.) на реке Снови, против половцев, говорил: «*Потягнем*, уже нам нельзя камо ся дети». Так и Игорь Святославич (1185 г.). входя в половецкую землю, говорил: «Сего есмы искали, а *потягнем*» — малороссийское наречие постоянно сохраняет коренной звук *г* в этом глаголе. Так в песне, сложенной в XVII веке про Запорожца *Грицька Сагайдачного* (бывшего после кошевым), он говорит:

«Гей, хто в лесе — озовися!
Да выкрешем огню,
Да *потягнем* люлькы,
Не журися!»

---

* Кстати: помнишь мое изъяснение древнерусского *тысяцкого* званием городовых *полковников* в Украине казацкой? Тебе оно правилось в 1849 году: принял ли ты его?

К слову: не знаю, ведется ли у Северной Руси ребячья игра в *волосянку*, которая по всей Малороссии любима не только хлопцами, но и девчатами. Сперва пропевают:

«Ой нум, братця, волосянкы *тягти*;
А хто не *дотягне*, того за чуб *тягти*!»

И тянут все *о*... а кто первый отстанет, того все дерут за чуб. Таким же порядком тянут волосянку и на все гласные звуки.

Письмо одиннадцатое

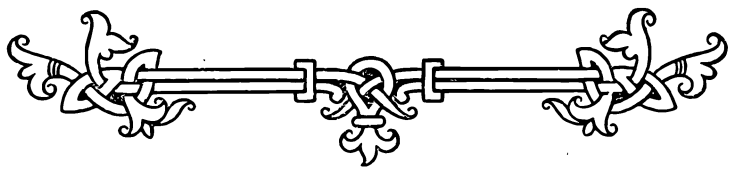
Люблю язык моей родины и уже лет тридцать наблюдаю звуки его в сравнении с северно-русскими и с западно-славянскими; примечаю все его отголоски в народных песнях и в письменных памятниках разных веков. Во всех древних памятниках, писанных некогда на нашем Русском Юге, вижу ясно следы южно-русского языка в тексте церковно-славянском; и их набирается *множество*; а ты говоришь, что там *нет* и следов малороссийского наречия!.. Неужели и теперь это несправедливое *нет* не переменишь ты на прежнее и непреложное *есть*?..

Можно пожалеть всем нам, что древние южно-русские произведения не дошли к нам в древних южно-русских списках, что мы знаем их по позднейшим спискам северно-русским. Но я не согласен с нашим почтенным Шевыревым, который, относительно Игоревой песни, сказал, что филологическая критика по недостатку списков будет всегда блуждать ощупью. За что такая грустная, безвыходная доля для филологии?.. Взамен списков, где буква часто зависит только от пишущей руки, есть живые звуки языка. Изучив их на Русском Юге и Севере, как они живут в устах народных, мы и без множества списков, можем верно различать, что Игоревой песни, например, повелительное наклонение — *вонзить* мечи, *понизить* стяги (вместо вонзите, понизите); *трубять* трубы, *вещий* Боян, *сулици*, *девици*, *полунощи* — принадлежат древнему подлиннику южно-русского певца; а *трубят* трубы, *вещей* Боян, *иноходьци*, *полунощы* — принадлежит позднейшему писцу северно-русскому. Так и в Несторовой летописи по Лаврентьевскому списку; *меншей* сын (992 г.), *старейшей* брат (1024 г.) написано, конечно, не Нестором, а суздальским писцем по выговору великороссийскому.

Возьму опять твою единственную выписку из летописи Волынской (1205 г.): «Бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, *отцество* имея во граде Киеве». При этой выписке ты повинился, что за 15 лет несправедливо ты называл *новым* наше слово *отечество* в смысле patria. Это сознание делает честь правдолюбию твоему; а с тем вместе оно показывает, как

необходимо положительное знание о каждом слове для верного о нем заключения. Я, со своей стороны, замечу, что слово *отцество* в Волынской летописи поставлено тем же северно-русским писцем ее в Ипатьевском списке, который писал *отце* вместо *отче*, *Концак* вместо *Кончак* и т. п. и который принадлежал, очевидно, к так называемым *цуканам*. Чтобы восстановить достолюбезное нам слово в его древней подлинной форме, я приведу его из Киевской летописи, где оно пощажено *цуканом*. Под 1115 годом о святых князьях наших, Борисе и Глебе, сказано: «Поборника *отечьству* своему». Под 1148 г. о князе Игоре Ольговиче: «Бяшеть бо добрый поборник *отечьства* своего». Наконец приведу это слово из послесловия достопамятного суздальца Лаврентия, к Несторовой летописи: «Радуется... странник в *отечьство* свое пришед, такоже радуется и книжный списатель, дошед конца книгам; также и аз худый, недостойный и многогрешный раб Божий»... Тут, исполненный той же радости, я поставлю свое имя.

М. М.

АВТОБИОГРАФИЯ

Любезнейший Степан Петрович!

Спеша исполнить Ваше поручение мне для «Словаря», принимаюсь за перо, чтобы написать биографическое известие о себе самом.

Теперь, когда я доживаю 50 год на этом вольном свету, для меня ближе мой внутренний, потаенный сердца человек, а Вам для «Словаря» нужен внешний я,— бывший профессор ботаники в Москве и русской словесности в Киеве... Впрочем, мое профессорство было не внешним и не случайным положением и делом в жизни: оно было назначением моим и любимой мечтой с детства, средоточием и подвигом юношеской жизни, моим самолюбием в возмужалые годы, при котором не было уже места во мне ни властолюбию, ни иному подобному любию, как в том я не раз имел случай проверить себя и убедиться вполне... Отделенный от профессорства моего давностью 13-летнею, я позволяю себе говорить о нем с откровенностью историка, глядя на него, как на «дела давно минувших лет»... Перечитав аттестат, выданный мне из университета св. Владимира 26 апреля 1841 года, и мой позабытый альбом московский,— я перебираю в памяти моей полвека жизни.

«И душу хладную разогревает
Опять тоска по благам прежних лет,
Все близкое мне зрится отдаленным,
Отжившее, как прежде оживленным».

Я родился 1804 года, 3 сентября, на той прекрасной полосе украинских степей, которая на восток от Днепра простирается

от города Золотоноши, через Згарь и Крапивну до текущей «серебряными струями» Суле. Моя родина — в Згарском хуторе Тимковщине, в дому бабки моей Анны Савичны Тимковской. Там проживал еще, и я помню его,— святой муж, Иван Назарьевич Тимковский,— по смерти брата своего, воспитавший и передавший Москве пятерых племянников своих, которые все были писателями, и два из них профессорами[1]. Меньшая сестра их, Гликерия Федоровна, родившаяся 1788 года, была моей матерью. Отец мой Александр Иванович, оставил в 1803 году, по воле отцовской, едва начатую службу в Киеве, и женился на 21 году от роду, жил под Переяславом, в хуторе Староселье, над речкою Каранью,— где и я пробыл до трехлетнего возраста. После того мы около году жили в приднепровском селе Прохоровке, Золотоношского уезда, у деда моего Ивана Ивановича, любившего суровую, старосветскую простоту жизни, и в народе известного под именем «старого майора». Прадеда моего не помню: он жил здесь же в Прохоровке, служил сотником «Бубновской Сотни», а в 80-тых годах, по преобразовании Малороссии[2], служил он по выборам сперва судьей, а потом предводителем Золотоношского дворянства. В этом звании находился он в числе провожавших Екатерину Вторую Днепром от Киева до Кременчуга, в апреле 1787 года. После того, оставаясь в чине бунчукового товарища, дожил он век свой в Киеве (где некогда жил и служил его прадед, родоначальник мой Максим Печерский) и в конце 1801 года погребен на горе Щековице.

Пятый год жизни моей прошел в Тимковщине. Оттуда я отдан был в Благовещенский женский монастырь, бывший в Золотоноше, в котором училась грамоте и мать моя, и все дяди мои Тимковские. Там у черницы Варсонофии, сестры генерала Голенки, прошел я Граматику, Часловец и Псалтырь (монастырский курс наук, установленный еще св. Кирилом-философом первоучителем славянским). Между тем отец мой переместился на должность в Черниговскую губернию. В ту же пору и старший дядя мой, Илья Федорович Тимковский, доктор обоих прав и философии, бывший профессором русского законоведения в Харьковском университете,— оставив по болезни службу, поселился в Турáновке на р. Шостке в 18 верстах от Глухова (в имении жены своей Софии Ивановны, урожденной Халанской). Туда взял меня И.Ф. к себе, в 1811 году, и учил меня началам разных наук и по-латыни. Под конец достопамятного 1812 года отдали меня в Новгород-северскую гимназию[3], которая в 1808 году открыта была им же, Ильей Федоровичем (как визитатором харьковского округа с 1803 года) и в которой директором был тесть его, статский советник Иван Иванович Халанский.

В гимназии семь лет прошли для меня как семь месяцев.

Живописное положение Новгород-Северского над Десной, с его древним Спасским монастырем[4] на каменистой горе, давали поэтическое настроение. Учили нас всему по верхам: Г. П. Македонский, назидая нас в русской словесности, декламируя нам Ломоносова и Державина[5], поучал нас и эстетике, и психологии, и даже политической экономии. Молодой учитель Затеплинский (которого в 1832 году видел я в Харькове уже профессором астрономии) преподавал нам физику, а после уроков ее декламировал «Людмилу» и другие, одно за одним появлявшиеся стихотворения Жуковского[6]. Учитель Сухомлинов преподавал естественную историю, называя латинскими именами разные растения: и ему-то обязан я моим первоначальным знанием ботаники. Я так пристрастился к ней тогда, что для собирания новгород-северской флоры то и дело бывало бродил в Троицком монастырском саду или в Цуприцком рву, или в гаю Полковницком... Зато мои успехи в науках, в двух высших классах гимназии, спустились с прежней превосходной степени на очень хорошую, и даже очень хорошую!

В июне 1819 года, проговорив речь «об истинном просвещении» на публичном экзамене, я получил аттестат, которого не помню... Помню только, что учитель Затеплинский на прощанье желал мне исполнения гимназической мечты моей: быть московским профессором ботаники. Тогда я побывал на родине, где находилась и мать моя для поправления в здоровье. Бабки моей Тимковской не было уже на свете с 1813 года. Иван Назарьевич, пробыв несколько лет послушником в Печерской Лавре, доживал свой век отшельником, в Мошногорском монастыре за Днепром. В августе ездил я за Сулу за дворянским свидетельством от маршала Булюбаша, поразившего меня своей гоголевскою оригинальностью. В начале сентября, когда мне исполнилось 15 лет, я простился с родиной. Дед мой, напутствуя своим благословением, наградил меня 115 р. асс. на московскую жизнь. Я спешил к отцу, в Шостенский пороховой завод[7], оттуда в Турановку, а там и в Москву. Около 25 сентября с сердечным трепетом увидел белокаменную. К вечеру того же дня был уже в университетском доме у дяди своего Романа Федоровича Тимковского; он первый был моим путеводителем по Кремлю. Записав меня в студенты словесного отделения, он (по праву директора педагогического института) поместил меня в одном из кандидатских нумеров, окнами на Никитскую, в верхнем этаже. Об определении на казенный кошт и слышать не хотел он... Но я не долго пользовался его руководством: он скончался 15 января 1820 года. Дедовских денег едва стало мне до января; и для меня глубокий тогда смысл имел Мерзляковский стих: «Вина трудолюбия — бедность». Проезд через Москву в Китай младшего дяди Егора Федоровича Тимковского памятен мне

определением меня в казенно-коштные студенты. В том же 1820 г., в августе, увидал я в Москве и Василия Федоровича Тимковского, запечатленного гениальной силой ума и слова. Его проезды через Москву из Оренбурга, в Грузию и обратно воодушевляли меня новой силой. Я строго следовал совету его не пускаться в ремесло уроков и не тратить на то золотого времени студентства. Весь досуг мой от лекций я посвящал любимой своей науке. Неутомимо обходил я Воробьевы Горы и другие окрестности Москвы, собирая себе московскую флору. Первым наставником и помощником моим в ботанике был адъюнкт Лев Федорович Гольдбах[8]. Ему обязан я и поездкой в Горенки, весной 1821 года, и первым знакомством с ботаником Фишером[9].

Два года пробыл я в словесном отделении, где всего более пленялся обязательным красноречием Мерзлякова[10], о котором ныне могу я, как о древнем Бояне, возгласить: «О соловию старого времени!»

В августе 1821 года, имев право пробыть еще два года на казенном коште, перешел я в отделение физико-математическое. Тут я познакомился с профессором ботаники Гофманом. Но звездой сего отделения в университете заблестел тогда прибывший из-за границы профессор минералогии и сельского хозяйства Павлов[11]. Его лекции о природе, в духе натуральной философии, тщательно обработанные, строго логические и округленные как яблоко, питали новой жизнью наши молодые умы.

Пробыв два года в физико-математическом отделении, я удостоен был 30 июня 1823 года степени кандидата, «за отличные успехи и примерное поведение». В то время началось и мое авторство; но о нем речь впереди.

Сладким отдыхом после студентства была вакация, проведенная в ботаническом саду за Сухаревою башней, у профессора Гофмана.

С кандидатства началась моя служба при университете. В июле 1823 года я назначен был в библиотеку заниматься разборкой и приведением в порядок книг для систематического каталога, под руководством библиотекаря, профессора Рейса[12]. А через год мне поручено было заниматься разборкой университетских гербариев у профессора Гофмана. Кроме того мне поручено было от университета, в летние месяцы 1824 года, обозреть Московскую губернию относительно естественных ее произведений и преимущественно растений... Под непрерывными дождями, в продолжение июня и июля, я успел обозреть только южную половину губернии и, добравшись до ботаника Адамса, жившего в Можайском уезде, я отложил, по совету его, мое путешествие на лето 1825 года. Собранные в эти два лета растения и минералы представил я университету: «Путевые Записки» мои помещались в «Новом Магазине»[13], издававшемся

ст университета проф. Двигубским[14]», а «Список растений московской флоры» напечатал я в 1826 году.

Тут с благодарностью вспомяну о ректоре А. А. Прокоповиче-Антонском[15]. Имея на примете постоянную любовь к естествознанию (которого некогда был он профессором) и предназначив меня в преемники проф. Гофману, он снарядил мне помянутое путешествие по московской губернии. Его же участием началось и авторство мое, еще в студентстве.

Был тогда обычай, что кончающие курс студенты подавали рассуждения возможно большему числу профессоров своего отделения. Я помню, что профессору зоологии знаменитому Фишеру, подал я целую *мастонозію*, пальца в два толщины, переписанную набело товарищем моим Николаем Смирновым, в доме которого на Смоленском рынке и готовился я к экзамену, удаляясь от шума казенных нумеров. Профессору Гофману подал я монографию De cynarocephalis, в которой был и новосоставленный мной род (из одной кавказской центавреи или волошки), названный Lampolepis; с пристановкой соблазнительного для натуралистов mini ! Были там и виды, перемещенные мной из рода в род; но они уже ушли из моей памяти. А профессору Павлову, прежде всех подал я сочинение мое «О системе растительного царства», где ботаническое знание преисполнилось учения натурально философского. Павлов осыпал меня похвалой и благодарностью, вполне довольный сочинением, как первым плодом его учения о природе?! По совету его, я тотчас же отдал мое сочинение Двигубскому для помещения в «Новом Магазине», еще до экзаменов. Двигубский чуть не обругал меня в неистовстве, называя статью мою «сумасбродством, Павловщиною» и т. п., и она очутилась в руках ректора, бывшего цензором «Магазина...» Антон Антонович позвал меня к себе, ободрительно советовал поубавить философии, оставляя более ботаническую сущность в статье моей, и в этом виде подать ему; и она была тогда же напечатана в «Новом Магазине», в мае 1823 года. Студент с авторитетом, я уже смело поднес Двигубскому, в полном собрании отделения, как начался экзамен, рассуждение мое по предмету физики: о постоянной пребываемости атмосферного воздуха с нарочитым эпиграфом из Ширенгеля «Я охотно последую новейшим авторам, которые полагают, что воздух для сохранения своего вида, подобно органическим телам, превращает в себя непрерывно все чуждые вещества». Эта статья была прочтена в первом собрании педагогического института, в присутствии тогдашнего директора его Мерзлякова и ректора Антипского,— и по их одобрению и желанию была напечатана в «Магазине», (не помню когда) — во свидетельство, что педагогические собрания в университете бывают.

Ставши кандидатом, мне следовало бы торопиться в магистры, чтоб не пропустить и месяца в дозволенном сроке... А я в августе 1823 года записался в медицинское отделение, на лекции Лодера[16], Мухина[17] и прочих преподавателей, находя это необходимым для полноты моего естествознания; я посещал еще лекции профессора Давыдова[18], ставшего тогда оракулом в отделении словесном... (На тех лекциях впервые сошелся я с вами, любезный Шевырев... и помню живо мое первое посещение Вас, с сожителем Вашим В. И. Титовым[19], когда вы меня, поклонника флоры, угостили вкусным даром Волжской Помоны, большой грушей, которая, разрезанная пополам на блюдце, точила из себя сладкий сок!..) Было у меня в предмете и то, чтобы ученую степень доктора получить по отделению медицинскому; ибо над математическими науками, в степени необходимой для докторства, не хотелось мне трудить головы, вопреки склонности. Записавшись в медики, я согласился с адъюнктом Гольдбахом издать вместе естественную историю для слушателей медицинских студентов. Он взял на себя написать ботанику по руководству Нейса-фон Эзенбена; а я взялся написать зоологию, по руководству Океиовой натуральной истории и его же «Эскиза», изданного в Париже на французском языке и подаренного мне Павловым... Но мой добрый Гольдбах умер в марте 1824 года: и я помянул его тогда биографическим известием, помнится в «Сыне Отечества»[20].

Декан Е. О. Мухин, завалиший тогда университетскую типографию горами медицинских книг, которые снабжал он своими примечаниями и вставками, узнав, что я пишу зоологию, предложил мне: «Вообще, так сказать, мы издадим на казенный кошт, сделаем примечания...» Предупреждая это, я представил ему главные основания зоологии, напечатанные мной от себя в типографии Августа под цензурой Павлова, в мае 1824 года. Прежняя благосклонность Мухина ко мне была утрачена... Но когда я воротился на осень в Москву, из моего путешествия, моя зоология была уже в ходу: князь В. Ф. Одоевский[21] написал об ней похвальный отзыв (кажется в «Сыне Отечества») — отыскал меня по ней в кандидатских нумерах, пригласил меня в круг собиравшихся у него литераторов... И с той поры началась моя принадлежность к литературному миру, богатая воспоминаниями, начиная с той первой поры и до моего последнего возвращения из Москвы в Малороссию, в июне 1850 года, вместе с моим незабвенным земляком и другом Гоголем. В этом пути он был моим новым и последним учеником в ботанике. Я простился с ним 18 августа, прогостив у него 10 дней, на его родине... А за 25 лет, докончив свое ботаническое странствие по Московской губернии, я провел август месяц в

кругу своей семьи, посетив и Новгород-Северск, где видел тогда императора Александра на пути в Крым и Таганрог.

Воротясь в Москву, я стал, в ноябре 1825 года, преподавателем хозяйственной ботаники и садоводства, в земледельческой школе, по приглашению директора ее, моего незабвенного наставника и товарища Павлова: и был я там преподавателем 4 года, а в феврале 1826 года начал я преподавание естественной истории в университетском благородном пансионе, в котором я и преподавал ее 7 лет. В то же время, т. е. в феврале 1826 года, я назначен был, по предложению попечителя А. А. Писарева[22], к заведыванию университетским ботаническим садом, к болевшему профессору ботаники Гофману. Он скончался марта 5; мне предписано было занять его место в ботаническом саду, куда и переместился я тогда из университетского дома. В то время напечатал я в «Новом Магазине» «Жизнь московского профессора ботаники Гофмана».

С начатием нового академического года, т. е. в августе 1826 года, преподавание ботаники поручено было временно старшему товарищу моему Александру Фишеру, доктору медицины, бывшему адъюнктом при отце своем в медико-хирургической академии московской. А мне, оставшемуся начальником сада и гербария университетского, поручено было в том году преподавать в университете общий курс естественной истории, а для слушателей ботаники заняться показанием и объяснением живых растений. Для занятия кафедры ботаники, которую предположено было занять мне после Гофмана, надобно мне было, по тогдашнему положению, получить степень магистра, и я будучи уже преподавателем в трех заведениях, принялся за позабытую мною уже половину оставленного мною факультета и в январе 1827 года выдержал магистерский экзамен. Утомленный этим экзаменом, я взял отпуск на 21 день и отгулял Масляную в Малороссии в доме отцовском и воротился в Москву с богатой жатвой малороссийских песен... В продолжение Великого поста написал я магистерское рассуждение: «О системах растительного царства», и напечатав оное, публично защитил 30 июня. А между тем уже печатались мои «Малороссийские песни», с объяснением и сравнительным словарем, для которого я, в продолжение вакаций прочел и славянскую грамматику Дубровского, и Сербский словарь Вука Стефановича. (Вы первый почтили разбором эти песни, в «Московском Вестнике»[23] напечатались они иждивением С. А. Соболенского.)... И вошли они тогда в славу, и у нас на Руси, и в славянщине западной).

В продолжение сего времени, знаменитый профессор Фишер де Вольгейм предлагал мне быть адъютом зоологии при нем,

чтобы кафедра ботаники осталась за его сыном... Мне бы следовало принять это предложение. Зоология у меня шла постоянной спутницей ботаники, и я скорее стал бы профессором... но не профессором ботаники. После обеда у знаменитого натуралиста, когда он мне предложил это, я просил его сделать все это мимо меня, не вызывая моего отречения от науки, которой я посвятил себя, и выразил удивление мое, что сын не наследует ни славы, ни богатых способов, стяжанных отцом по зоологии.

Дело это решилось и тем, что Двигубский, ставший ректором после Антонского, занял кафедру ботаники,— с тем будто бы, что через два года, когда свершится его эмеритура, он передаст ее мне. Чего же и желать еще! В каталоге лекций на 1827—1828 год, объявлено было, что Иван Двигубский и проч. по вторникам, четвергам и субботам, в 10 часу утра, будет читать ботанику по собственным сочинениям и утвержденному конспекту: вспомоществовать ему будет кандидат физико-математического отделения Михаил Максимович. (Это значило, что читать лекции будет кандидат Максимович, а получать жалованье по кафедре будет профессор и ректор Двигубский). В конце того же каталога объявлено, что ботаническим садом заведывает кандидат Максимович, который в летнее время будет изъяснять свежие растения; он же показывает и университетский травник (т. е. гербарий).

Кандидат Максимович, пробыв в этом звании 4 года и 5 месяцев, утвержден был в степени магистра физ. матем. наук 28 ноября 1827 года. Отрекшись от предлагаемого ему путешествия вокруг света, довольный надеждой на близкое профессорство и пребыванием в ботаническом саду, он работал в нем, как украинский вол на подножном корму. Успех его лекций в университете, его писаний в литературном мире, окрылял его в трудах... Много потрудился он безвозмездно и для своего профессора-ректора, и в журнале и в других его изданиях.

В мае 1828 года, окончивши первый курс моих ботанических лекций, начал я печатать 1 часть «Оснований ботаники, содержащую органологию растений». Книга вышла не дурна, достоинства современного (по крайней мере, ото всех ботаников была ей похвала). Профессор Черняев[24] тогда же принял ее за руководство; да и берлинский профессор Линк привел из нее мое определение растения в своей «Elementa Philosophiae Botanicae», 1867 г. После вакации, когда воротился в Москву из деревни мой профессор (издавший Вильдекова ботанику под именем Двигубского), я поднес ему экземпляр новой книги моей, в нарядном белокожаном переплете. Взглянув на заглавный лист, он бросил книгу на стол с небрежением, провещав мне: «Рано нам еще писать ботаники!» — «Время всем и всякой вещи под небесем, Иван Алексеевич!» — сказал я и ушел от

него. Мне грустно стало положение мое особенно потому, что я не мог действовать для науки моей из-за ректора-профессора моего, заслонившего собой мне путь, как китайской стеной. Стану ли говорить об улучшении сада. «На кой чорт,— говорит он,— нет денег,— сад (учрежденный Петром Великим) надо продать: для показания студентам растений довольно и садика на университетском дворе, или при обсерватории...» Ему и не говори, что сад нужен для науки и для профессора, который должен непрестанно уравниваться с современным состоянием науки! При бедности московских средств заниматься ботаникой, я тогда же порывался переместиться в Петербург, где и Академия, и Императорский сад, и ботанический Фишер; но все места заняты и на два вакантные места в саду были уже «сильно рекомендованные люди» (т. е. немцы).

В половине декабря того года приехал в Москву министр просвещения князь Ливен[25] и начал посещать лекции. Вот, думаю, случай благоприятный: и подготовил лекцию добрую... Входит министр: ожидаю, что ему представять меня, но обо мне и помину нет; мой ректор-профессор сам вступает на кафедру, с охапкой своих «Изображений растений...» Не мастер на лекции был он и в физике, которые тянулись у него усыпительно и вяло: а тут, не читавши Ботаники, в присутствии министра он переконфузился и вместо лекции стал он студентов моих, привыкших к живым растениям, экзаменовать по своим рисункам; ответы были невпопад, не лучше вопросов... Министр через несколько минут вышел из аудитории. Только что начал я лекцию, как возвращается мой не «великолепный» ректор и до того забылся, что начал мне при студентах говорить: «Чему вы их учите! Они ничего не знают у вас! Читайте-ка, я послушаю, как вы преподаете!...»

Студенты у меня были один одного лучше — Алексей Савич, Диомид Пассек и другие; и некоторые из них уже знали ботанику — Бог свидетель — лучше Двигубского. Они были поражены его обидной выходкой и удивились, как достало духу у меня, побледневшего как полотно, сесть и начать лекцию спокойно... Как бы иначе мне тогда поступить?.. Взволнованный сильно первую минуту, я тотчас же овладел собой и чувствуя совершенное преимущество свое в этой сцене,— я подумал только, взглянув на Двигубского: «Сова, ты, сова! (совой прозывался он в университете), и начал говорить лекцию, как бы его не было... Вдруг он, при каком-то сказанном мной ботаническом термине, заговорил: «К чему эти все нововведения!... Все это вздор!». «Это из нашей ботаники,— сказал я со смирением так, что студенты захохотали,— и мой профессор вышел из аудитории... На другой день министр опять ходит по лекциям; Двигубский присылает ко мне в сад студента спросить, буду ли я сегодня читать лекцию. «Доложите господину ректору, что я

уже совсем не буду читать лекций в университете...» Тогда он крепко струсил, боясь, чтобы эта история не дошла до министра; начал перед студентами хвалить меня преувеличенно, объясняя бывшее «недоразумение» тем, что у всякого своя метода и т. п.

Вот, любезный Степан Петрович, какие выдерживал я сцены на кафедре ботаники!... А между тем мое отречение от зоологии поставило меня в разлад с Фишером... И была мне препона, как русскому натуралисту, например, в обществе Испытателей Природы[26], где был я членом... На то собрание, которое было для Гумбольдта[27]... и на другое торжественное собрание, в котором был и президент Академии Наук Уваров[28], предъявленные мной и назначенные для прочтения статьи мои — прямо скажу, блестящие,— оставались недопущенными к чтению... Выпускали даже Петрозилиуса читать шутовскую поэму о фарфоре; а Максимович оставался в тени. Когда кончилось второе собрание, в котором собственно для меня был целый ряд наших москвичей, Фишер, мягко стелющий, подошел с извинением, что не стало времени... «Я знаю, В. П., причину»,— сказал я во всеуслышание. «Какую же?». «Ту, что я русский!...» Это была сущая правда: естествоиспытательные науки в России словно на откупу были у немцев, еще и в мою пору; русскому человеку вельми трудно еще было тогда на этом поприще...*

Но я отдалился от моей истории. Докончив второй год преподавания ботаники, я ездил в Петербург, в августе 1829 года и там, в Императорском саду и в беседах с Фишером, проверил и пополнил свои ботанические знания. В то же время был я представлен от университета в адъюнкты и утвержден министром 28 октября — «без производства однако жалованья», так как я был представлен в адъюнкты сверх штата..., а магистерское жалованье состояло в 400 рублях ассигн.; и мне надо было прибавлять к этому еще много, ибо у меня на руках были в Москве два брата.

В начале 1830 года, когда кончилось 75-летие Московского университета, в собрании 12 января говорил я «Речь об участии Московского университета в просвещении России».

В 1832 году, тоже в университетском собрании 12 января, я сказал другую речь — «О русском просвещении». Университет московский и просвещение русское были предметы близкие душе моей и потому я добровольно вызвался на эти две речи.

Был уже пятый год, как я вспомоществовал, а Двигубский читал ботанику, не читаючи... Он был уже заслуженный профессор, но кафедру мне не передавал. Большая часть профессоров смотрела на это с неудовольствием. Отделение физико-математических наук 26 января 1832 года представило совету о возвышении меня в экстро-ординарные профессоры сверх ком-

* Эти факты, рассказанные на с. 333—335, пропущены в «Словаре».

плекта. С разрешения попечителя происходило баллотирование в Совете. Погодин и я получили большее число избирательных шаров. Но министр Ливен не утвердил нас, поскольку штатное число экстр.-орд. проф. было наполнено. Между тем, когда я представлен был в экстра-ординарные профессоры,— и Двигубский вошел тогда в Совет о посылке меня в Кавказскую область для собирания растений и для поправления минеральными водами моего расстроенного здоровья. Попечитель князь С. М. Голицын утвердил это, 23 марта, с назначением мне на путешествие двух тысяч р. асс. из хозяйственных сумм университета.

С мая по сентябрь пробыл я в Кавказской области: и эта поездка была для меня не трудом, а благотворным развлечением и отдыхом. Когда я вернулся в Москву, помощник попечителя, Д. И. Голохвастов того же дня представил меня товарищу министру С. С. Уварову, обозревавшему тогда университет... «Я завтра слушаю вашу лекцию!» — сказал мне Сергей Семенович.

Лекций я никогда не писал: написанная лекция меня связывала и сбивала... Я подбирал только содержание лекции, а обдумывал ее изложение, едучи от Сухаревой на Моховую... И помня, что после четырехмесячной вакации, со свежими впечатлениями Кавказа, ту первую лекцию сказал я так хорошо, что и сам ею остался вполне доволен. Видно было, что красноречивый президент Академии Наук не ожидал такой ботаники от московского адъюнкта: ибо, когда я приехал в назначенный день к нему на обед (он стоял у камина, возле него одесную А. С. Пушкин, и ощую И. П. Давыдов),— он тотчас же сказал: «А я только что говорил с Иваном Ивановичем о вашей лекции... Я удивляюсь вашему дару слова... у вас совершенно литературное выражение...» — На это заговорил Пушкин: «Да мы г. Максимовича давно считаем нашим литератором; он подарил нас малороссийскими песнями»... et cetera... (На этом обеде были, если не ошибаюсь, и Вы, и Погодин, и Строев, с надетою в тот день на шею Анною... И после того М. Г. Павлов, подгуливая надо мною, спрашивает бывало: «Да объясните мне, какое различие между *ученым* и *литератором*!»).

По окончании академического года, в августе 1833 года, Двигубский уволен был от университета с пенсией: кафедра ботаники, оставшаяся вакантной, доручена была мне,— и 23 августа я выбран был в Совете в ординарные профессоры ботаники и утвержден 27 сентября.

Я стал, наконец, тем, к чему стремился, едучи в Москву, за 14 лет. И будь это годами четырьмя ранее, я почел бы себя счастливцем. А теперь... грустно и даже совестно было, что Павлов и некоторые другие товарищи мои более меня радовались моему профессорству!...

Они видели мое болезненное истомление, знали, что я не

мог уже читать правым глазом: но никто не знал, чем больна у меня душа... Еще в 1829 году, когда я был в Петербурге, я получил там известие о смерти матери моей, которой любовь ко мне была моим гением хранителем и которую радовать собой было для меня первейшим счастьем. И это сбылось тогда, когда у нас положено было, что она переедет ко мне в Москву, с семилетней сестрой моей, и я ждал уже их к себе в ботанический сад... Любимый и привычный план жизни расстроился. Моя живая печаль о ней обратилась в томительную для меня тоску по родине... Может быть я и перемог бы эту тоску, как перемогал я многое в душе, но назначение нового университета в Киеве повлекло меня туда неодолимой силой. Туда же согласился со мной переместиться и мой незабвенный земляк Гоголь: но ему не удалось этого, да и мне для того надо было вместо ботаники взять кафедру русской словесности. Мая 4 1834 года назначен был я ординарным профессором русской словесности в университет св. Владимира и вместе деканом 1-го отделения философского факультета.

Готовясь к новому поприщу, я доканчивал в Московском университете преподавание ботаники, которое кончил 30 июня, пробыв только 9 месяцев в звании профессора, после четырехлетнего адъюнктства. Всего же прослужил я в Московском университете 11 лет, в том числе преподавателем — 8 лет. Мне предписано было от министра поспешить в Киев и явиться прежде 15 июля, в которое предположено открытие университета. Я выехал из Москвы 5 июня, после университетского акта, где в исторической записке прочтена была лестная для меня аттестация о моих трудах (в университете, в котором прошло второе, лучшее 15-летие моей жизни).

Поспешая в Киев, мимоездом побывал я у отца моего и на могиле матери, и 13 июля был уже я в Киеве, не виденном мной с младенчества. Того же дня я был уже в университетском заседании; и того же дня попечитель фон Брадке возложил на меня исправление должности ректора. Июля 15 был я участником и свидетелем торжественного открытия университета св. Владимира. В сентябре начал я преподавание русской словесности; а октября 16 того же 1834 года, по положению комитета гг. министров, Высочайше утвержден я ректором университета св. Владимира.

«Мы с вами все как на пожаре или на войне!» — сказал я однажды моему попечителю... а он тому и рад!.. Многотрудные занятия по устройству нового университета (в котором тогда был и училищный комитет для управления округом),— и в то же время занятия по новой для меня кафедре еще сильнее изнурили мое здоровье... Я видел ясно, что мне надо было или оставить преподавание, или сложить с себя ректорство, которо-

му конца не мог я выждать, ибо был ректором не на срок избранным. В три полугодия, все, для чего нужен был я как ректор, и что зависело от меня, было уже сделано и университет был уже в ходу; а в науке моей чем дальше в лес, тем больше дров; и надо было в ней, почти на каждом шагу, пролагать себе новые пути. (Вы, Шевырев, лучше других это знаете по себе, работавши над тою ж наукою, в том же объеме и самобытно, почти в одно со мною время... Да у нас под рукой в Москве были большие, чем в Киеве, книжные средства для истории русской словесности... Почему и сказал я об Вас,— в одном письме моем к покойному Н. М. Языкову: «Ему и книги в руки!»). При наступившей на меня болезни, в один прекрасный вечер, подал я попечителю прошение об увольнении меня, за болезнью, от должности ректора; и 11 декабря 1835 года последовало на то Высочайшее соизволение. Декабря 21, в заседании совета, прочтено было об этом предложении попечителя и его письмо ко мне, выражавшее благодарность за управление университетом; после чего я сказал следующее прощальное слово к членам университета.

«Прощальное слово к членам императорского университета св. Владимира от ректора Максимовича, по прочтении предложения об увольнении его от сей должности, в заседании совета 21 декабря 1835 г.

Из предложения сего видите, любезные товарищи, причину моего преждевременного увольнения от ректорства. При всей слабости моего здоровья, я старался, сколько мог, исполнять сию должность; и тогда только пожелал освобождения от оной, когда стал чувствовать, что не в силах уже продолжать ее так, как бы желал и как должно. Никакая другая причина не дала бы мне права, оставаясь здесь, оставить должность, вверенную мне правительством, и притом столь важную и для меня лестную: ибо каково бы ни было еще мое служебное поприще, но я, конечно, никогда уже не мог бы сказать себе ничего лучшего, как то, что я был первым ректором университета св. Владимира. Самым лучшим воспоминанием моей гражданской жизни будут мне эти три полугодия, когда я вместе с вами принимал столь близкое участие в образовании нового университета, когда я имел честь быть председателем сословия, состоящего из членов столь достойных. Да! Я почитаю обязанностью сказать теперь открыто, как результат моего наблюдения, что в нашем сословии, при такой готовности и безкорыстном усердии к труду, при таком общем стремлении к точному исполнению своих обязанностей, было редкое уважение и доверие друг к другу, редкое согласие и единодушие.

Сему то единодушию и согласию мы обязаны за успех наших первых трудов,— за эту простоту и легкость, с которой трудные

дела мы решали как самые обыкновенные и ежедневные,— за то внимание, которое так постоянно сохраняет к нам наш попечитель, служащий нам образцом службы и деятельности, и наш просвещеннейший министр,— и, наконец, за благосклонность к нам нашего возлюбленного государя!

Несомненны наши и будущие успехи, если в сословии нашем сохранится то братское согласие и та общая забота о своем долге, которыми отличалось оно доселе; если мы все, стремясь к пользам просвещения, заботясь о благе, чести и славе университета нашего, будем дорожить добрым именем каждого нашего товарища.

Благодарю вас, любезные товарищи и сотрудники, за ваше внимание ко мне и содействие! Если я был полезен университету, то этим я обязан вам; и если в ком-либо из вас произвел собой неприятное впечатление, прошу великодушно простить, ибо то было безнамеренно. Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться с общим законом необходимости; и в оправдание моего управления скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностью и прямотой мнения и вместе желанием, чтобы все предприятия и решения совета были исполнимые на самом деле. Так ли я действовал, о том — вы лучшие судьи мои. Я же теперь, оставляя, может быть навсегда, мое ректорство, буду с благодарностью к вам вспоминать об нем, как об лучшем времени моей гражданской жизни. Дай Бог, чтобы и всем будущим преемникам моим было так хорошо служить, как было мне с вами».

Этим словом, и прощальным обедом мне от университета и попечителя, покончилось мое ректорство, в продолжение которого я трижды исправлял должность попечителя (на основании § 6 проекта Устава Университета Св. Владимира).

Занявшись тогда привольно своей кафедрой и наукой, я отказывался и был увольняем от университетских выборов; и только раз, по просьбе новоизбранного ректора К. А. Неволина, я согласился на выбор меня в деканы на один год и был утвержден министром 12 августа 1837 года.

В том же году я два раза в Киеве был оратором. В первый раз, 10 апреля, сказал я речь над гробом генерал-фельдмаршала князя Ф. В. фон-дер-Остен-Сакена (бывшего в 1814 году генерал-губернатором города Парижа).

В другой раз, 2 октября, в торжественном собрании университета, бывшем в присутствии министра народного просвещения С. С. Уварова. Тогда ожидали к этому дню в Киев наследника цесаревича и собрание было великолепное, со всех трех западных губерний. Я произнес речь — об участии и значении Киева в общей жизни России. Вспоминая живое впечатление, произ-

веденное этой речью, я с удовольствием могу сказать, что в этом великолепном собрании было — мое торжество. С. С. так был одушевлен, что когда я кончил речь, словами: «Во свете твоем узрим свет!», он был уже у кафедры и приветствовал меня одобрительными рукопожатиями. Митрополит сказал мне: «Никогда вас и речи вашей не забуду!» «Златоустый вития киевский» назвал ее бриллиантовой — и этим названием словно напророчил мне большой бриллиантовый перстень, который я получил 7 октября от наследника, за поднесение его высочеству речи моей, тогда уже напечатанной, записки о Киеве и некоторых других моих киевских сочинений. Сергий С. прислал мне этот перстень со своим, тогда еще новым сыном Алексеем, которому я был путеводителем по Киеву.

Моей лекцией, которая случилась тогда,— о народных песнях великорусских — С. С. тоже был совершенно доволен и сказал: «Почему Вы не печатаете этого», а при первом представлении университета ему в пансионском доме, он спросил меня о здоровье и сказал: «Я только для этого и согласился отпустить его в Киев; он был нужен мне для Москвы!» К довершению удовольствия моего в то время прибыл в Киев вместе с наследником Жуковский (к сожалению после 2 октября)... Три памятных дня провел я с ним, обозревая и обходя все примечательные места Киева... до тесной пещеры Варяжской, где он на стене начертил свое имя. В пещерах мы провожали его с преосвященным Иннокентием, поздно вечером, когда был фейерверк в дворцовом саду для наследника. Октября 8 простился я с Жуковским, и навсегда!

Я распространился Вам об этой осени, как о последней, когда жизнь моя была в полном цвету своем, подживленная 1836 года 4-месячной гульбой в Одессе и в Крыму по Черному морю: в ту пору уволен был я на 4 месяца, для пользования здоровья, по положению комитета министров, высочайше утвержденному 21 апреля, с выдачей мне в пособие 2.000 руб. ассигн. из сумм университета.

С 1838 года жизнь моя пошла уже под горку и в 1839 году я с трудом уже передвигал ноги и левым глазом моим читать мог уже не в очки, а в увеличительное стекло. С половины того года лекции преподавал я уже в квартире моей, где производились и все те экзамены, в которых мне надо было участвовать. Под конец 1840 года я не в силах был уже и лекций читать и принужден был подать в отставку, по совершенно расстроенному здоровью. Университет и попечитель князь С. И. Давыдов представили меня к полной пенсии. Министр С. С., возвращавшийся тогда из чужих краев и бывший в Киеве, тоже больным, обещал мне сделать со своей стороны все, что может: и я в начале 1841 года, 36 лет от роду, получил отставку, с выдачей

мне единовременно годового оклада жалованья из государственного казначейства и с производством в пожизненную пенсию двух третей оклада жалованья ординарного профессора, т. е. по 762 р. 45 коп. серебром в год. Получив аттестат от университета 26 апреля, я через три дня выехал из Киева, приняв прощальное благословение преосвященного Иннокентия, отправлявшегося тогда в Вологду на епархию.

Я думал, как и все предполагали, что скоро уже и Богу душу отдам. Но прожив два года сиднем на моей Михайловой Горе (что над Днепром против устья Роси), не читающим и не пишущим селянином-отшельником, отрекшимся от всякого врачевства и отложившим всякое попечение житейское, я опять стал на ноги, стал в силах читать и писать понемногу...

Между тем в университете, на оставленную кафедру не могли найти профессора; и князь С. И. Давыдов просил меня письмом, а потом и официальным приглашением, занять хотя временно кафедру, до приискания профессора. По этому случаю я опять преподавал в университете русскую словесность поурочно,— с сентября 1843 года; и от занятия сего уволен 12 июля 1845 года, с объявлением мне признательности министерства народного просвещения за труды по преподаванию. На кафедру же определен был кандидат московского университета А. И. Селин.

При этих занятиях, в ноябре 1843 года, приглашен был я генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым в учрежденную при нем по высочайшему повелению временную комиссию для разбора древних актов; и будучи членом ее, при самом ее начале, был я редактором и 1-го отделения в первом томе памятников, изданных в 1845 году.

С возобновлением пристальных трудов, воротилась было ко мне прежняя болезнь на все лето 1845 года. А потому я, поправив себя несколько искусственными минеральными водами и гульбой в дворцовом саду, воротился опять в свою михайлогорскую хату. Отсюда, в мае 1847 года, опять ездил я в Киев, на десять месяцев , для книгопечатания чужих и своих сочинений. А в 1849 году, посетив дядю моего Илию Федоровича в Турановке, продвинулся оттуда в Москву, на 5 году моего из нее отбытия, и увидел — под вечер 21 октября...

Спознавшись с нею вновь, я стал думать опять о ней, о моем перемещении в нее, тем более, что с 1850 года здесь на родине была мне утрата за утратой: похоронил отца, и сестру-питомицу мою и еще нескольких близких сердцу людей: а оставшись одинок на моей Михайловой Горе и увидя, «яко не добро человеку быти единому», женился весной прошлого 1853 г., на украинке, родившейся на той же Згари, что и я. Вот чем увенчалась моя жизнь, которой в этом году сентября 3 свершится полвека. Мой прадед, и дед, и отец, кончили свой век на 70-м

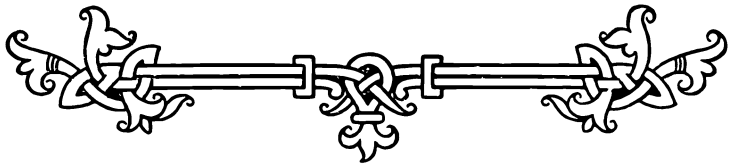
году: если бы и мне суждено было тоже, то в 20 лет, живучи в Москве, я написал бы, кажется, что-нибудь дельное, но не в том дело. Мне надобно еще мое письмо к вам дополнить тем, что относится к прожитой мною жизни, о которой краткую историю и дружескую исповедь написал я вам теперь, на память о себе, по запросу вашему...

* * *

Вот Вам, любезнейший Степан Петрович, полвека жизни моей, сжаты в одну горсть: передаю ее в Ваши дружеские руки; делайте из нее, что Вам угодно! Со своей стороны, попрошу только поручить кому-либо списать для меня уютную копию сего письма, чтобы оставить ее на память о себе моей Марусе. Обнимаю Вас и желаю Вам всякого благополучия в жизни и в науке!

Ваш М. Максимович.

2 апреля 1854 года на Михайловой Горе.

БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ М. О. МАКСИМОВИЧА*

І. Зібрання творів

Собрание сочинений: В 3 т. К., 1876—1880.

Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. К., 1876.

Т. 2. Отделы: Историко-топографический, археологический и этнографический / Под ред. В. Б. Антоновича. К., 1877.

Т. 3. Отделы: Языкознание, история словесности / Под ред. А. А. Котляревского. К., 1880.

ІІ. Природничі науки

К чему служат листья на растениях. Перевод из Мирбеля // Нов. магазин естеств. истории, физики, химии и сведений экономических. 1821. Ч. IV, № 3. С. 247—251.

О системе растительного царства // Там же. 1823. Ч. II, № 1. С. 3—22.

Главные основания зоологии, или науки о животных, изданные М. Максимовичем. М., 1824. Кн. 1.

Афоризмы или основные положения зоологии М. Максимовича (138 афоризмов) // Нов. магазин естеств. истории... 1824. Ч. II, № 1. С. 3—28; Ч. III, № 1. С. 12—20.

Некролог Карла Людовика Гольдбаха // Лит. листки. 1824. Ч. 9. С. 370—374.

Отрывки из путешественных записок о Московской губернии, в отношении преимущественно к естественным ее произведениям. (Стаття без підпису, але в примітці на стор. 1 редакція вказує на авторство М. Максимовича) // Нов. магазин естеств. истории... 1825. Ч. I, № 3. С. 147—157; Ч. I, № 4. С. 209—222; Ч. II, № 1. С. 3—16; Ч. II, № 2. С. 77—92.

Нечто о естественной системе растительного царства аналитической (по поводу книги Касселя) // Там же. Ч. III, № 1. С. 3—26.

Обозрение работ по естествознанию за 1825 год (Підп.: W. W.) // Моск. телеграф. 1826.Ч. VII, № 3. С. 263—270.

Нечто об оплодотворении растений // Нов. магазин естеств. истории... 1826. Ч. I. № 1. С. 13—21.

Наблюдение над образованием Пристлеевой зелений // Там же. № 1. С. 63—64.

---

* Бібліографія праць М. О. Максимовича укладена працівниками наукової бібліотеки Київського університету ім. Тараса Шевченка (Прим. ред.).

Жизнь Московского профессора ботаники Гофмана // Там же. № 4. С. 238—256.

О постоянном стремлении воздуха сохранять свой вид и восстановлять равновесие свое, беспрерывно нарушаемое многоразличными действиями на земном шаре // Там же. Ч. II, 1. С. 2—28.

Список растений московской флоры, составленный Михаилом Максимовичем // Там же. № 3. С. 203—224.

Прибавление к списку растений московской флоры // Там же. Ч. III, № 3. С. 215.

О системах растительного царства. М., 1827.

О превращениях насекомых // Моск. вестник. 1827, № 5. С. 48—58.

О разделении естествознания на ветви или особенные науки // Нов. магазин естеств. истории... 1827. Ч. I, № 1. С. 3—22.

О летучей ржи // Там же. Ч. I, № 1. С. 65—69.

О новой человекообразной обезьяне // Там же. Ч. I, № 4 С. 255—262.

Жизнь растения // Там же. Ч. IV, № 3. С. 161—170.

Шесть замечаний о русских растениях из семейства Артишоковых // Там же. Ч. II , № 3. С. 219—222.

Основания ботаники. Органология растений. М., 1828. Ч. I, кн. 1.

Список многолетних оранжерейных и тепличных растений ботанического сада при Московском университете. М., 1828.

О физике «Афенея» // Моск. телеграф. 1828. Ч. XX, № 7. С. 344—354.

Комментарий на возражения «Афенея» // Там же. Ч. XXI, № 10. С. 234—240, 301—305.

О русских подмаренниках // Нов. магазин естеств. истории... 1828. Ч. I, № 1. С. 3—18.

Четыре области растительного царства // Там же. № 2. С. 135—141.

Общее сравнение грибов и поростов // Там же. № 3. С. 155—177.

О разделении поростов на порядки // Там же. №4. С. 250—260. Замечание о венчике // Там же. Ч. II, № 1. С. 57—59.

Уродливые плоды на черемухе // Там же. С. 59—61.

Семена мужской и женской конопли // Там же. С. 61—63.

Два различия льна // Там же. С. 63.

Об устранении и размножении трюфелей // Там же. № 3. С. 201—202.

О пузырьках, находящихся в цветочной пыли // Там же. С. 203—204.

Превращение тычинок в пестики и пестиков в тычинки // Там же. С. 204—205.

Обозрение водорослей // Там же. Ч. III, № 4. С. 261—287.

О породах Цитрона // Там же. 1829. Ч. I, № 3. С. 170—175.

О Диатомеях // Там же. Ч. II, № 1. С. 17—28.

О цветке // Лит. газ. 1830. № 1. С. 3—4.

О разнообразии и единстве вещества в природе // Там же. № 39. С. 21.

Нечто о значении и взаимном превращении частей цветка // Нов. магазин естеств. истории... 1830. Ч. I, № 4. С. 295—297.

Краткое обозрение папоротников и мхов // Там же. Ч. II, № 1. С. 3—16.

Систематика растений. Основания ботаники. М., 1831. Кн. 2.

Классификация животного и растительного царства // Телескоп. 1831. Ч. IV, № 14. С. 257—262.

О человеке. Из сокращенной системы животного царства // Там же. Ч. V, № 17. С. 1—11.

О жизни растений // Север. цветы. 1832. С. 133—149.

Книга Наума о великом божьем мире, изданная М. Максимовичем (1833—1876 г., вышло 12 изданий). М., 1833; М., 1834; К., 1845; СПб., 1847; 1848; СПб, 1851; 1853; М., 1859; К., 1865; К., 1867; К., 1868; К., 1876.

Размышления о природе. М., 1833.

О степенях жизни и смерти // Телескоп. 1833. Ч. XIII, № 4. С. 447—453.

Обозрение органологии растений, изданное профессором Михаилом Максимовичем для своих слушателей. М., 1833.

Письмо о философии // Телескоп. 1833. Ч. XV, № 12. С. 423-431.

Письмо к шведскому ботанику Илии Фрису // Учен. зап. имп. Моск. ун-та, 1833. Ч. I, № 1. С. 1—11.

Историческое изложение системы растительного царства // Там же. Учен. зап. имп. Моск. ун-та, 1833. Ч. I, № 1. С. 23—50.

Об ученых трудах профессора зоологии и минералогии в Харьковском университете И. А. Криницкого // Там же. № 3. С. 710—712.

О границах и переходах царств природы // Б-ка для чтения. 1834. Т. 1. С. 112—118; Т. 2. С. 176—182.

Явноцветные и тайноцветные растения // Журн. м-ва нар. просв. 1834. Ч. I. С. 140—151; Ч. II. С. 153—169.

Мысленное и телесное бытие жизни растений // Телескоп. 1834. Ч. XIX, № 2. С. 65—69.

О двух приворотных зельях, упоминаемых в летописях // Моск. мед. газ. 1859. № 16.

О старописьменной книге «Благопрохладный Ветроград здравия» // Там же. № 20.

III. Гуманітарні науки

Історія. Археологія. Етнографія

Об участии Московского университета в просвещении России // Русский зритель. 1830. Ч. VI, № 21, 22. С. 1—19.

Речь о русском просвещении, говоренная адъюнктом Михаилом Максимовичем в собрании имп. Московского университета, 1832 г. 12 января // Телескоп. 1832. Ч. VII, № 2. С. 169—190.

Об участии и значении Киева в общей жизни России. (Речь в торжественном собрании имп. университета св. Владимира, бывшем по случаю раздачи медалей студентам... 2 октября 1837 г., произнесенная проф. русской словесности М. Максимовичем) // Журн. м-ва нар. просв. 1837. Ч. XVI, № 10. С. 1—29 и отд. отт.; Журн. для чтения воспитанникам военно-учебных завед. 1839. Т. 17, № 68. С. 331—363; Калуж. губ. ведом., 1845. № 21; Киевлянин. 1837. Кн. 1; Черниг. губ. ведом., 1845. № 9. С. 29—30.

То же. Отд. изд. К., 1847. 31 с.

Откуда идет Русская земля, по сказанию Нестеревой повести и по другим старинным писаниям русским. К., 1837.

Речь над гробом генерал-фельдмаршала князя Ф. В. фон-дер Остен-Сакена (бывш. в 1814 г. генерал-губернатором г. Парижа), сказанная проф. имп. ун-та св. Владимира М. Максимовичем 10. IV—1837 // Журн. м-ва. нар. просв. 1837. Ч. XIV, № 4. С. 1—6 и отд. отт.; Киев. старина. 1887. Т. 19, № 10. С. 331—335.

Обозрение Старого Киева (с планом его) // Киевлянин. 1840. Кн. 1. С. 5—68.

О надгробиях в Печерском монастыре // Там же. 1840. Кн. 1. С. 131—165.

Воспоминание о городах Пересопнице и Дубровицах и о князьях ими владевших // Там же. 1840. С. 231—253.

Выдубицкий монастырь // Там же. 1841. Кн. 2. С. 5—26.

О монастыре Гнилецком // Там же. С. 27—47.

Топографические заметки «Киевлянина» // Там же. С. 102—118.

Волынь до XI века (отрывок) // Там же. С. 289—297.

Два письма князя Острожского // Там же. С. 289—301.

Родословные записки «Киевлянина» // Там же. С. 302—311.

О памятниках Луцкого Крестовоздвиженского братства // Там же. С. 311—322.

О происхождении варяго-руссов. Письмо М. П. Погодину // Москвитянин. 1841. Ч. III, № 5. С. 198—211.

Исторический быт России, или повествование о достопамятных событиях в русской земле и о деяниях ее православных государей. М., 1842.

Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном (По поводу труда Срезневского «Запорожская старина») // Там же. 1843. Ч. V, № 10. С. 347—370.

Известия о гайдамаках (Замечания на книгу Г. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии» // Там же. 1845. Ч. III, № 5, 6. С. 45—68.

Описание города Острога // Чтение в имп. о-ве истории и древностей рос. 1847. Кн. 5. С. 137—142.

О Лаврской Могилянской школе // Там же. Кн. 6. С. 77—80.

Очерк Киева // Обозрение Киева в отношении к древностям, изданное Иваном Фондуклеем. К., 1847.

Город, ныне местечко Степань // Журн. м-ва. внутр. дел. 1848. Ч. XXII, № 5. С. 187—196; Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 45—50.

Воспоминания о Золотоноше // Там же. Ч. XXIII, кн. 9. С. 410—428; Украинец. 1859. Кн. 1. С. 123—145.

Бубновская сотня // Там же. Ч. XXIV, кн. 11. С. 212—243; 1849. Ч. XXVI, кн. 4. С. 26—68; кн. 6. С. 315—393.

Святые врата Печерской Лавры // Москвитянин. 1848. Ч. IV, № 7. С. 39—43.

Заметка о первых гетманах казацких и первых полковниках Прилуцких. Письмо к Н. А. Маркевичу // Там же. 1849. Ч. III, № 9. С. 1—6.

О библиотеке И. Я. Лукашевича // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей рос. 1849. Кн. 4. С. 9—12.

Поминки о М. Ф. Берлинском // Там же. 1850. Кн. 5. С. 39—40.

Переяславские сказания М. Максимовича: 1. О городе Переяславе в первоначальные времена; 2. О празднике св. Бориса под Переяславом // Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 1—18.

О построении и освящении Киевской церкви св. Георгия // Там же. С. 66—67.

Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Там же. С. 151—183.

Лубочные изображения малороссийских городов // Там же. С. 186—188.

О десяти городах и некоторых селах древней Украины // Москвитянин. 1854. Ч. I, № 1. С. 1—5.

Родина Гоголя (Историко-топографические заметки о некоторых местностях Полтавской губ.) // Там же. С. 6—7.

Известие о «Летописи» Григория Грабянки, изданной 1854 года Киевской Временной комиссией // Там же. 1855. Ч. 5, № 17, 18. С. 145—158.

Дни и месяцы украинского селянина (март — май) // Рус. беседа. 1856. Т. 1. кн. 1. С. 61—83; Кн. 3. С. 73—108; Полтав. губ. ведом. 1857. № 10—20.

«Дни и месяцы украинского селянина», «Лето» и последующие сезоны по неопубликованным рукописям М. А. Максимовича (Подготовлено к печати П. Н. Поповым) // Наук. зап. Ін-ту мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР. 1947. Т. 1—2. С. 206—254.

Обозрение городовых полков и сотен, бывших на Украине до смерти Богдана Хмельницкого (отд. 1и 2) // Вестн. имп. рус. геогр. о-ва. 1856. Ч. XVII, кн. 4. С. 222—242.

Воспоминание о Богдане Хмельницком // Рус. беседа. 1857. Т.1. кн. 5. С. 65—80; Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. 1858. кн. 1. С. 75—100.

Украинские письма к П. А. Кулишу: Письмо 1. О сотнике Харьке и запорожце Чуприне; Письмо 2. Объяснение некоторых украинских песен // Рус. беседа. 1857. Т. 1, кн. 5, отд. V. С. 38—64.

Известие о южно-русских летописях, изданных Николаем Белозерским в Киеве // Там же. 1857. Т. 3, кн. 7. С. 45—59.

Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии // Там же. Т. 4, кн. 8. С. 22—78.

Об историческом романе г. Кулиша «Черная Рада» // Там же. С. 22—78.

О древней епархии Переяславской // Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. 1858. Кн. 4. С. 145—150.

Записка генерала Неверовского о службе своей 1812 г. // Там же. 1859. Кн. 1. С. 77—82.

О Звенигороде, бывшем под Киевом // Рус. беседа. 1859. Т. 6. С. 80—93.

Заметка о казацких гетманах // Рус. вестник. 1859. Т. 24, № 22. С. 163—166.

Путевое воспоминание о Полтаве // Украинец. 1859. Кн. 1. С. 113—122.

Письма о Богдане Хмельницком к М. П. Погодину (Письма 1—4) // Там же. С. 148—174.

О приезде Богдана Хмельницкого в Киев из Замостья. (Письмо 5 к М. П. Погодину) // Рус. беседа. 1859. Т. 2, кн. 18. С. 93—100.

Письма о Богдане Хмельницком к Н. И. Костомарову. (Письма 6—7) // СПб ведом. 1860. № 8.

Письма о Богдане Хмельницком к Н. И. Костомарову. (Письма 8—18) // Основа. 1861. Кн. 2. С. 105—120; Кн. 5. С. 1—23.

Заметка для истории университета св. Владимира // СПб. ведом. 1860. № 3.

Заметка о словутном певце Митусе, упоминаемом в Волынской летописи под 1241 годом // Основа. 1861. Кн. 6. С. 19—20.

Исторические письма о казаках Приднепровских // День. 1863. № 44, 46; Киевлянин. 1865. № 23, 25.

Надгробная суета (По поводу заметки «О могилах Искры и Кочубея») // Там же. 1864. № 10. С. 19.

Где теперь находится могила Кочубея и Искры (Подп. «Л. А.») // Киев. старина. 1898. № 7, 8. С. 23—24.

Нечто о Межигорьи // Киев. епарх. ведом. 1864, № 20. С. 630—632.

Воспоминание о стародавнем монастыре Каневском // Там же. № 24. С. 757—765.

Нечто о земле Киевской // Украинец. 1864. Кн. 2. С. 1—11.

Заметка о земле Волынской // Там же. С. 12—17.

О литовском гетмане князе Острожском // Там же. С. 17—22.

Сказание о Межигорском монастыре Михаила Максимовича // Там же. С. 23—34; Киев. епарх. ведом. 1865. № 6. С. 221; № 7. С. 263 и отд. изд. К., 1865.

Сказания о стародавних людях Киевской земли. Выход 1. К., 1865.

Письмо к П. И. Бартневу, о путешествии в святую землю Московского священника Иоанна Лукьянова // День. 1865, № 33. С. 795—796.

Заметка (О «Киевском месяцеслове на 1798 г.» Иринея Фальковского) // Там же. № 39. С. 936—937.

Слухи о Межигорьи // Там же. № 45, 46. С. 1106—1107.

Критические замечания о «Киевском народном календаре на 1865 год» // Киевлянин. 1865. № 2. С. 20—27.

О Богдане Братковском // Там же. № 116.

Воспоминание о епископе Исаакии Борисковиче XVI в. // Киев. епарх. ведом. 1865. № 4. С. 146—149.

Лист гетмана Ивана Скоропадского к митрополиту Киевскому Иосафу Кроковскому — о снятии церковной клятвы с Дмитрия Горленка и прочих // Там же. № 16. С. 614—618.

Записки о первых временах Киевского богоявленского братства // Там же. № 21. С. 783; № 23. С. 878; № 24. С. 930. Труды Киев. духов. акад. 1869. № 9. С. 349—386.

Биографическое примечание о преподобном архимандрите Макарие Токаревском // Полтав. епарх. ведом. 1865. № 19.

О храме Богоматери Влахернской в Киеве // Киев. епарх. ведом. 1866. № 2. С. 82—83.

Письма о князьях Острожских к графине А. Д. Блудовой Михаила Максимовича // Там же. № 3, 4, 6, 7, 9, 10.

Археологические записки о Киеве. О месте Киевской церкви св. Андрея // Вестн. Зап. Рос. 1866. № 12. С. 154—161.

Надгробные стихи Кочубею и Искре в Печерской лавре // Киев. епарх. ведом. 1866. № 23. С. 717—719.

Украинские стрелы древнейших времен, собранные над Днепром возле Михайловой горы // Древности. Археол. вестн. Моск. археол. о-ва. 1867. № 5. С. 204—219.

О времени основания Киево-Софийского собора // Киев. епарх. ведом. 1867. № 1. С. 11—21.

Воспоминание о Никифоре Туре, архимандрите Печерском // Там же. № 5. С. 150—160; Киевлянин. 1867. № 29.

Акт избрания Петра Могилы в митрополиты киевские // Киев. епарх. ведом. 1867. № 8. С. 243—248.

Два письма И. И. Мелисино к И. И. Шувалову. 1786 и 1794 гг. // Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. 1867. Кн. 3. С. 109—111.

О названии Киевской Руси Россией // Вестн. Зап. Рос. 1868. Т. 1, кн. 1. С. 59—69; Киев. епарх. ведом. 1868. № 1. С. 5—9; Киев. телеграф. 1869. № 7; Москвич. 1868. № 25.

О Киевском Синопсисе (и о некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в «Описании Киева» Закревского) // Киев. епарх. ведом. 1868. № 9. С. 352—358.

О митрополите Евгении // Там же. № 5. С. 198—203.

Память о киевском воеводе Григории Ходкевиче // Утро. 1868. № 3. С. 378—380.

О значении имени «Троян», упоминаемом в «Слове о полку Игоря» // Труды первого археол. съезда. 1869. Т. 1. С. CXXVIII—CXXXII.

Приветствие Киевской духовной академии (по поводу 50-летней годовщины ее) 29-IX-1869 // Киев. губ. ведом. 1869. № 122, 124, 125.

О создании Киевской церкви св. Кирилла // Киев. епарх. ведом. 1869. № 1. С. 21—34.

Объяснительные параграфы о Киеве // Там же. № 2. С. 61—72; № 3. С. 99—114; № 4. С. 133—150.

Воспоминание о Леванде // Там же. № 10. С. 369—384.

О древнем вале, бывшем еще при Владимире, южнее Киева, на границе земли печенегов // Труды первого археол. съезда. 1869. Т. 1. С. CXXV—CXXVII.

О предметах древности, сообщенных автором в музей Московского археологического общества // Там же. С. CXXVII—CXXVIII.

Прибавление к украинским древним стрелам медяного разряда // Древности. Труды Моск. археол. о-ва. 1870. Т. 3. С. 180.

Орфографическая заметка о том, как писать фамилию Богдана Хмельницкого // Киевлянин. 1870. № 127.

Заметки о некоторых летописных названиях местностей // Труды первого археол. съезда. 1869. Т. 1. С. XXXII—CXXXIV.

О Киевском урочище Копыреве-Конце, по поводу статьи о нем г. Закревского // Киев. епарх. ведом. 1871. № 7. С. 178—190.

В каком веке жил Илья Муромец? // Там же. № 15. С. 350—356.

Два слова, сказанные в сентябре 1871 года М. А. Максимовичем в день своего юбилея. К., 1871.

О фофудиях // Летоп. занятий археограф. комиссии. 1871. Вып. 5. С. 169—170.

Заметка о записи Владимира Ольгердовича на евангелии Смединской Никольской церкви // Там же. С. 172—173.

Письмо В. Ф. Тимковского к матери. 1813 г. // Рус. архив. 1871. № 12. С. 2118—2119.

Нечто об учреждении в Киеве исторического общества // Киевлянин. 1872. № 149.

Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение на службу // Рус. архив. 1874. № 6. С. 1377—1465.

Сказание о Колиивщине // Там же. 1875. Кн. 2, № 5. С. 5—27.

Воспоминание о Тимковских // Киев. старина. 1898. Т. 63, кн. XI. С. 260—272.

Філологія

Видання збірників українських пісень М. О. Максимовича

Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. (В 4 книгах).

О малороссийских народных песнях. (Предисловие к сборнику «Малороссийские песни», изд. М. Максимовичем. 1827) // Вестн. Европы. 1827. Ч. 155, № 15. С. 184—200.

Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. Ч. I, кн. 1—3. М., 1834. Кн. 1 «Украинские думы»; кн. 2 — «Песни казацкие былевые»; кн. 3 — «Песни казацкие бытовые».

Голоса украинских песен, изданные М. Максимовичем. М., 1834.

Сборник украинских песен, издаваемый Михаилом Максимовичем. Ч. I. К., 1849.

Літературознавчі, мовознавчі та фольклористичні студії

О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении // Атеней. 1829. Ч. II. С. 501—515; Киев. старина. 1899. Т. 55, № 5. С. 249—259.

Мнение о малороссийском языке и правописании оного // Рус. зритель. 1829. Ч. VI, № 21, 22. С. 72—78.

Обозрение русской литературы за 1830 год // Денница. 1931. Кн. 2.

О значении и происхождении слова (Вступительная лекция орд. проф. русской словесности в университете св. Владимира М. Максимовича, прочитанная в ун-те в сентябре 1834 г.) // Журн. м-ва нар. просв. 1835. Ч. V, № 1. С. 14—27.

Песнь о полку Игореве (Критический разбор. Из лекций о русской словесности, читанных 1835 года в университете св. Владимира) // Там же. 1836. Ч. X, № 4. С. 1—22; № 6. С. 459—470; 1837. Ч. XIII, № 1. С. 29—58.

Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII века на древнем русском языке К., 1837.

Критико-историческое исследование о русском языке //Журн. м-ва нар. просв. 1838. Ч. XVII, № 3. С. 533—563.

История древней русской словесности. К., 1839.

Письмо к издателю «Москвитянина» // Москвитянин. 1841. Ч. III, № 5, С. 198—211.

О стихотворениях червонорусских // Киевлянин. 1841. Кн. 2. С. 119—150.

О правописании малороссийского языка // Там же. С. 151—180.

О малороссийском произношении местных имен (Об именах южнорусских городов) // Москвитянин. 1843. Ч. V, № 10. С. 455—468.

О народной исторической поэзии в древней Руси // Там же. 1845. Ч. II, № 3, 4.

Русская речь в сравнении с западнославянскою. К., 1845.

Об имени человек // Моск. лит. и учеб. сб. 1846. С. 325—337 и отд. отт.

Объяснение некоторых географических названий, особенно славянских, из языка финикийского Иваном Ивановичем Кохом // Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. 1847. Кн. 9. С. 1—4.

Начатки русской филологии. Кн. 1. Об отношении русской речи к западнославянской. К., 1848.

Книжная старина южно-русская // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей рос. 1849. Кн. 1. С. 1—12; Кн. 4. С. 1—12; Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 117—138.

О первом издании «Дидаскалии» Сильвестра Комсова // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей рос. 1850. Кн. 7. С. 77—78.

Замечания на «Песнь о полку Игореве» в стихотворном переводе Н. Гербеля // Москвитянин. 1855. Ч. I, № 1. С. 157—172; № 2. С. 105—134.

Темное место в «Песне о полку Игореве» (Отрывок из отчета об исправлении текста «Песни о полку Игореве», подготовленного к новому изданию // Там же. Ч. II, № 6, кн. 2. С. 175—178.

Воспоминание о Н. И. Надеждине // Там же. 1856. Ч. I, № 3. Кн. I. С. 225—234.

Филологические письма к М. П. Погодину // Рус. беседа. 1856. Т. 3, кн. 3. С. 78—139.

Ответные письма к М. П. Погодину (Письмо 1 и 2) // Там же. 1857. Т. 2, кн. 6. С. 80—104.

«Песнь о полку Игореве», переведенная на украинское наречие М. Максимовичем. К., 1857.

Объяснение г-ну Гатцуку о моем «Украинце» // Моск. ведом. 1859. № 105.

Ответное слово на новое замечание г. Гатцука // Там же. № 115.

Краткий букварь для русского народа, изданный Михаилом Максимовичем. М., 1859.

Псалмы, переложенные на украинское наречие // Украинец. 1859. № 2. С. 1—41.

Оборона украинских повестей Гоголя // День. 1861. № 3. С. 15—16; № 5. С. 15—16; № 7. С. 18—20; № 9. С. 15—16; 1862. № 13. С. 15—16.

Новые письма к М. П. Погодину (О старобытности малороссийского наречия) // Там же. 1863. № 8, 9, 15, 16.

Три песни 1863 г. и одна 1864 г. (На малороссийском языке) // Там же. 1863. № 27; Украинец. 1864. С. 35—39.

О двух стихотворениях: «Плач Малой России» и «Милость Божия» // Киев. епарх. ведом. 1865. № 22. С. 837—842; Рус. архив. 1872. Кн. 10. № 5. С. 999—1004. Пять псалмов, переложенных на украинское наречие, в привет Галичанину из Киева // Галичанин. (Львів). 1867. № 10—12.

«Слово о полку Игореве», переведенное на нынешний русский язык, с примечаниями // Сб. статей для народного чтения. К., 1868. Т. 2. С. 145—169.

Библиографическое объяснение Г. Гильтебрандту // Киев. епарх. ведом. 1871. № 15. С. 357—363.

О «Грамматике» Ломоносова // Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. М., 1872. Кн. 3. С. 18—24.

О начале книгопечатания в Киеве, мнимом и действительном // Киевлянин. 1872. № 63. С. 1—2.

Нечто о стихотворениях Феофана Прокоповича // Рус. архив. 1872. Кн. 10, № 5. С. 997—1004.

Плач Ярославны (Перевод на украинский язык М. А. Максимовича) // Рус. старина. 1882. № 11. С. 436—437.

Трезвон о Квиткиной «Марусе» // Киев. старина. 1893. Т. 42, № 8. С. 47—55.

Спор о вещем Бояне // Там же. 1898. Т. 53. С. 222—253.

Адам Мицкевич // Рус. архив. 1898. № 7. С. 480.

IV. Художні твори М. О. Максимовича

Казки

Веселые злыдни // Денница. 1834. Кн. 3. С. 67—86.

Марко богатый // Там же. С. 5—21.

Снегурка // Киевлянин. 1840. Кн. 1. С. 72—78.

Три сказки и одна побасенка // Денница. 1834. Кн. 3.

Вірші

Первоцвет // Урания. 1826.

К Розалии // Северная лира. 1827. С. 336—337.

К звезде. Киевлянка. Весеннее чувство // Киев. старина. 1891. Т. 35.

Привет Шевченку. На смерть Шевченка 12. III. 1861 г.; На похорон Т. Г. Шевченка під Каневом 12. V. 1861. р. // Основа. 1861. Кн. 6. С. 8—9, 18, 35—38.

Что б за жизнь была без песен // Рус. старина. 1872. Т. 6. С. 224.

Стихотворения (М. А. Максимовича), сообщенные С. И. Пономаревым // Там же. № 8.

Прощай, Тарасе, брате милий // Киевлянин. 1881. № 272.

Стихи М. А. Максимовича // Киев. старина. 1883. Т. 5, № 4. С. 829—852.

Частичный перечень стихотворений М. А. Максимовича // *Петров Н. И.* Очерк истории украинской литературы XIX ст. К., 1884. С. 181.

От Максимовича к Погодину. Старому товарищу // Рус. архив. 1886. № 13. С. 125.

На смерть юного П. И. // Киев. старина. 1896. Т. 5, № 11. С. 48—50.

Современные песни Украинца: Горе; До задунайців; На осаду Одеси; Одесские гости; Варна, До мого московського товариша; До мого земляка; Золотоношця; Песня на Тарасову годовщину // Там же. 1898. Т. 35, № 11. С. 33—34.

Мои украинские стихи // Там же. 1904. Т. 87. С. 9—10.

V. Видавнича та редакторська діяльність М. О. Максимовича

«Денница». Альманах, изданный М. Максимовичем. М., 1830—1834 (3 кн.):

На 1830 г., кн. 1. М., 1830.

На 1831 г., кн. 2. М., 1831.

На 1834 г., кн. 3. М., 1834.

От издателя альманаха «Денница» // Молва. 1831. № 14. С. 9—15.

«Киевлянин», издал Михаил Максимович. К., 1840—1841. Кн. 1 и 2; М., 1850. (3 кн.):

На 1840 г., кн. 1. К., 1840.

На 1841 г., кн. 2. К., 1841.

На 1850 г., кн. 3. М., 1850.

«Украинец», издаваемый Михаилом Максимовичем: Кн. 1. М., 1859; Кн. 2. К., 1864.

Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Т. 1. М., 1845. (Редактор М. О. Максимович).

Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ в Киевской губ. К., 1847. (Редактор М. О. Максимович).

Обозрение Киева в отношении к древностям [С. П. Крыжановского]. К., 1847. (Редактор М. О. Максимович).

ПРИМІТКИ

До одного видання творів М. О. Максимовича, що приурочене 190-річчю від дня його народження та 160-річчю Київського університету, ввійшла найвагоміша частина українознавчої спадщини автора. Статті й дослідження друковано за тематичними напрямами — історичним (тут перевага надавалася творам «київської орієнтації»), етнографічним, філологічним.

Авторський текст залишився недоторканим. Узгоджуючи із сучасним правописом його пунктуацію, упорядник, однак, прагнув зберегти основний характер авторського синтаксису. Літера Ѣ замінена відповідно на е або і.

Твори подаються за виданням: *Максимович М. А.* Собрание сочинений: В 3 т. К., 1876. Т. 1; К., 1877. Т. 2; К., 1880. Т. 3.

Очерк Киева

Стаття була вміщена як вступ до книги «Обозрение Киева в отношении к древностям». К., 1847.

[1] *Нестор* (? — після 1113) — видатний давньоруський письменник і літописець. У 70-х роках XI ст. став ченцем Києво-Печерського монастиря. На думку багатьох дослідників, Нестор був автором і упорядником «Повісті временних літ». Похований у Києво-Печерському монастирі.

[2] *Кий, Щек, Хорив* — три брати й сестра Либідь, які, за переказами, нібито були засновниками Києва. Легенда з «Повісті временних літ» має реальну історичну основу: археологічними розкопками на згаданих у цьому творі горах знайдено залишки поселень і городища, що передували Києву. Ймовірно, що Кий був реальною історичною особою — полянським князем, який жив наприкінці VI — на початку VII ст.

[3] *Аскольд і Дір* — київські князі (друга половина IX ст.). За деякими відомостями були нащадками Кия, за літописною версією — дружинниками Рюрика. Близько 860 р. очолили руську військову дружину під час першого походу на Константинополь. Близько 882 р. вбиті в Києві за вказівкою Олега.

[4] *Царгород, Цареград* — назва Константинограду (тепер Стамбул), поширена в офіційних документах, літературі, фольклорі часів Київської Русі (до XVII ст.). У XVIII — на початку XX ст. ця назва уживалася в історичній літературі, часом у публіцистиці й поезії.

[5] *Козари, хозари* — напівкочові тюрко-язичні племена, що з'явилися у

Східній Європі після гуннів (IV ст.). У 883—885 рр. князь Олег визволив більшість племен від хозарів. У X ст. після падіння Хозарського каганату хозари розчинилися у тюрко-половецькому середовищі.

[6] Детальніше про запровадження й утвердження християнства на Русі див. книгу М. Ю. Брайчевського. Утвердження християнства на Русі. К., 1988.

[7] *Старокиївська гора* — історична місцевість у Києві, де було розташоване Верхнє місто.

[8] *Андріївське її відділення* — йдеться про Андріївську гору, де було найдавніше поселення, яке пов'язують із містом полянського князя Кия. На вершині гори стояв дерев'яний ідол головного слов'янського бога Перуна. Після утвердження християнства на місці Перуна було поставлено хрест, що його народна легенда пов'язувала з освяченням київських гір апостолом Андрієм Первозванним. У 1747—1753 рр. тут споруджено Андріївську церкву.

[9] *Печерськ* — історична місцевість у південно-східній частині Києва. До деякої міри збігається з територією сучасного Печерського району. Назва пов'язана з печерами, які існували тут ще до заснування міста.

[10] *Почайна* — права притока Дніпра на території Києва. Починалася на Оболоні і впадала в Дніпро поблизу Володимирського узвозу. Довжина була 8 км. У Почайну впадали притоки Сетомль, Сирець, Глибочиця. Гирло її називали «Притокою». У косі, що відокремлювала Почайну від Дніпра, 1712 р. було прорито канал. У XIX ст., коли головну течію Дніпра спрямували до правого берега, коса була остаточно розмита, й Почайна зникла. Тепер басейн Почайни забудовано. У Києві є Почайнинська вулиця.

[11] *Боричів узвіз.* Тепер простягається від Борисового току до Набережно-Хрещатицької вулиці. Згадується в «Слові о полку Ігоревім». Після хрещення киян 988 р. цим шляхом було стягнуто вниз поганського бога Перуна, щоб утопити його в Дніпрі.

[12] *Либідь* — притока Дніпра на території Києва. Починається з джерел поблизу ст. Київ-Волинський, впадає в Дніпро з правого берега біля селища Корчуватого. Довжина 14 км. Басейн річки розділений глибокими ярами, які відкривають численні джерельця: Буслівське — на Саперній Слободі, Лукрець — під Дівич-Горою, Живець — під горою Бусовиця та ін. Основні притоки: Скоморох, Китаївський старик, Буслівка, Відрадний, Шулявка, Кадетська роща, Паньківський, Клов, Звіринець, Протасів Яр та ін., взяті в колектори. У басейні були стави — Шулявський, Паньківський, Печерський, Совки, Голосіївський.

[13] *Олег* (? — 912, за даними Лаврентіївського літопису; 922, за даними Новгородського літопису) — давньоруський князь із варягів. Після смерті Рюрика (879 р.) князював у Новгороді, будучи правителем при малолітньому Ігорі. 882 р. на чолі новгородської дружини, в складі якої були наймані варяги, Олег здобув Смоленськ, Любеч і, вбивши Аскольда й Діра, оволодів Києвом.

[14] *Вишгород* — місто на правому березі Дніпра за 18 км. від Києва. Вперше згадується в літописах під 946 р. як резиденція київської княгині Ольги — «Ольжин град». У XI—XIII ст.— центр удільного князівства. Був важливим стратегічним пунктом, що захищав Київ.

[15] *Щекавиця* — історична місцевість у Подільському районі Києва, одна з трьох гір, на яких, за літописом, оселилися Кий, Щек і Хорив. Названа ім'ям Щека. Згадується ще в літописі під 1151 р. у зв'язку з обороною Києва від військ князя Юрія Долгорукого.

[16] *Глибочиця* — річка, що починається на Лук'янівці, на Лермонтовській вулиці, протікає через Кмитів Яр, виходила на Глибочицьку вулицю і далі до вулиці Смирнова-Ласточкіна, звідти повертала до Дніпра, перетинаючи Поділ. До середини XIX ст. впадала в Почайну, а після з'єднання останньої з Дніпром — у Київську гавань. Довжина — 9 км.

[17] *Киянка* — потік, що починався з джерелець під Старокиївською горою, протікав між Кудрявським узвишшям і Замковою горою по урочищах Гончарі й Кожум'яки, впадав у річку Глибочицю на Подолі, поблизу сучасної площі Житнього базару. Висохла. Від найменування потоку збереглася лише назва Киянівський провулок.

[18] *Ярослав Мудрий* (978—1054) — державний діяч Київської Русі, великий князь київський з 1019 р. Син Володимира Святославича. За його князювання була написана збірка законів — т. з. «Правда Ярослава».

[19] *Печеніги* — союз тюркських племен, який склався у VIII—IX ст. Важливим джерелом збагачення були набіги на сусідні країни (Київську Русь, Візантію та ін.). Напади на Русь тривали до 1036 р., коли Ярослав Мудрий завдав їм рішучої поразки. В середині XI ст. печеніги відійшли до Карпат, а їх місце у Причорномор'ї зайняли половці.

[20] *Храм св. Софії* — всесвітньовідома пам'ятка історії, архітектури й монументального мистецтва першої половини XI ст. Згідно з Іпатіївським літописом, його засновано 1037 р. (згідно з Новгородським — 1017 р.). Споруджено як митрополичий храм Русі. У давні часи був суспільно-політичним і культурним центром Київської держави. У соборі відбувалися «посадження» послів; біля нього збиралося київське віче; тут велося літописання і діяла створена Ярославом Мудрим перша бібліотека. У 30—40-х роках XVII ст. митрополит П. Могила заснував тут чоловічий монастир. У 1685—1707 рр. на кошти гетьмана Івана Мазепи собор був перебудований у стилі бароко.

[21] *Георгіївський монастир* — заснований у середині XI ст. Згадується у Лаврентіївському літописі.

[22] *Іринінський монастир* — заснований у XI ст. Під час монголо-татарської навали церкву було зруйновано.

[23] Київську митрополію, що підлягала константинопольському патріарху, засновано 1039 р.

[24] Йдеться про Печерський монастир, Києво-Печерську Лавру — православний монастир, заснований 1051 р. ченцями Антонієм і Феодосієм у печерах біля літньої князівської резиденції Берестове поблизу Києва. В XI ст. монастир став центром поширення й утвердження християнства у Київській Русі.

[25] *Половці* (кипчаки, кумани) — середньовічна народність тюркської групи. Вперше згадуються в руських літописах під 1054 р. З 1055 р. вони систематично нападали на Русь, руйнуючи Київську, Переяславську і Чернігівську землі. У другій половині XII ст. хан Кончак об'єднав значну частину половців у єдину державу, яку на початку XIII ст. розбили монголо-татари.

[26] *Андрій Боголюбський* (бл. 1111—1174) — син Юрія Долгорукого, князь Володимиро-суздальський (1157—1174), 1169 р. оволодів Києвом, добився права одержувати данину. Вбитий боярами в побудованому ним замку Боголюбове.

[27] *Михайлівський Золотоверхий собор* — споруджений 1108—1118 рр. на території Михайлівського Золотоверхого монастиря внуком Ярослава Мудрого київським князем Святополком Ізяславичем.

[28] *Дітмар* (Тітмар) (975—1018) — німецький хроніст, єпископ (з 1009 р.). Його хроніка охоплює період з правління Генріха до 1018 р. У ній є відомості з історії Русі, про руcько-польсько-печенізькі стосунки.

[29] *Лаврентіївський літопис* — пергаментний рукопис, що містить копію літописного зведення 1305 р., складену 1377 р. невідомими переписувачами під керівництвом ченця Дмитрія Костянтиновича. Відкривається «Повістю временних літ». У рукописі немає відомостей за 818—922, 1263—1283, 1288—1294 рр. З цього літопису до нас дійшли «Повчання Володимира Мономаха».

[30] *Новгородський другий літопис* — добірка виписок із різних новгородських літописів, здійснена наприкінці XVI ст. (зберігся в одному дефектному списку).

[31] *Алімпій, Алапій Печерський* — перший відомий із писемних джерел художник кінця XI — початку XII ст. (помер 1114 р.).

[32] *Батий, Бату, Саїн-хан* (? —1255) — монгольський хан і полководець, онук Чінгісхана. Протягом 1237—1240 рр. війська Батия завоювали Русь (1239 захопили і зруйнували Переяслав і Чернігів, 1240—Київ).

[33] Київський митрополит грек Максим 1299 р. переїхав до Володимира-Суздаля й заснував тут свою резиденцію. 1347 р. переїхав до Москви.

[34] Велике Литовське князівство оволоділо Києвом 1362 р.

[35] *Кипріян* (? — 1406) — митрополит Київський і Литовський, 1381 р. став

московським митрополитом, але через рік утік із Москви. Повернувся туди 1390 р. уже за Василя Дмитровича, політику якого підтримував.

[36] *Казимир IV Ягеллончик* (1427—1492) — великий князь Литовський з 1440 р. й король Польщі з 1447 р. У 1452 р. перетворив Луцьке, а 1471 р.— Київське князівства на литовські провінції.

[37] *Гаштольд (Гаштовт Мартин)* — литовський феодал XV ст., призначений київським воєводою. 1471 р. прибув до Києва з військом, здобув його й поклав кінець існуванню удільного князівства. Та, не маючи підтримки населення, був змушений залишити місто.

[38] *Менглі-Гірей, Менгли-Герай* (? — 1515) — кримський хан у 1468—1515 рр., з перервами.

[39] *Олександр Казимирович* (1461—1506) — великий князь Литовський з 1492, король Польщі з 1501 р.

[40] *Сигізмунд I* (1467—1548) — польський король і великий князь Литовський з 1506 р.

[41] *Гедимін, Гединінас* (? —1341) — великий князь литовський (1316—1341).

[42] *Сигізмунд III* (1566—1632) — польський король і великий князь Литовський з 1587 р.

[43] *Рогоза Михайло* (? —1589) — київський митрополит з 1589 р., один з організаторів Брестської церковної унії 1596 р.

[44] *Острозький Костянтин* (1526—1608) — київський воєвода, великий меценат української культури, князь.

[45] *Тур Никифор* (? — 1599) — антиуніатський церковний діяч, архімандрит Києво-Печерської Лаври (1593—1599). Походив з української православної шляхти.

[46] *Плетенецький Єлисей* (1554—1624) — український церковний і культурний діяч. З 1592 р.— архімандрит Києво-Печерської Лаври.

[47] *Сагайдачний Петро Кононович* (Конашевич) (? — 1622) — гетьман українського реєстрового козацтва. Під його керівництвом було здійснено успішні походи проти Туреччини і Кримського ханства. Очолюване Сагайдачним 40-тисячне козацьке військо, яке приєдналося до польської армії, відіграло вирішальну роль у розгромі 1621 р. під Хотином турецької армії.

[48] *Хмельницький Богдан Зиновій* (бл. 1595—1657) — гетьман України (1648—1657 рр.).

[49] *Косов Сильвестр* (? — 1657) — український церковний діяч і письменник. До 1631 р. був учителем Віленської та Львівської братських шкіл, 1631—1633 рр.— Київської лаврської школи та Києво-Братської колегії. З 1634 р.— могилівський і мстиславський єпископ. У 1647 р. обраний київським митрополитом.

[50] *Славинецький Єпіфаній* (? — 1675) — філолог, педагог, письменник і перекладач. До 1632 р. вчився у Київській братській школі. Прийняв чернецтво і бл. 1642 р. став учителем у Києво-Могилянській колегії. Згодом виїхав до Москви. 1653 р. заснував у Чудновому монастирі першу греко-латинську школу.

[51] *Ростовський Дмитрій, Туптало Данило* (1651—1709) — письменник і церковний діяч. У 1662—1665 рр. вчився в Києво-Братській колегії. 1668 р. постригся вченці, прийнявши ім'я Дмитрія. З 1702 р. митрополит Ростовський.

[52] *Яворський Стефан*, до постригу — *Симеон* (1658—1722) — церковний діяч, письменник-полеміст. Народився у м. Яворові (тепер Львівської обл.). Вчився у Києво-Могилянській колегії, де згодом був професором. 1700 р. висвячений на митрополита Рязанського і Муромського. Був президентом Слов'яно-греко-латинської академії в Москві. З 1721 р.— президент Синоду.

[53] *Прокопович Феофан*, до постригу — Єлизар (1681—1736) — письменник, учений, культурний діяч. Народився у Києві. Закінчивши Київську академію, продовжував навчання в польських школах і Римському колегіумі. Близько 1704 р. повернувся до Києва, постригся вченці й став професором риторики й піїтики у Київській академії. 1716 р. за викликом Петра I виїхав до Петербурга, фактично став на чолі російської православної церкви.

[54] *Голіцин Дмитро* (1665—1737) — російський державний діяч. У 1711—

1721 рр. — київський генерал-губернатор. 1736 р. був запідозрений в антиурядових настроях і ув'язнений у Шліссельбурзькій фортеці, де й помер.

[55] *Микільський монастир на Печерську* — йдеться про спорудження наприкінці XVII ст. Микільської церкви у стилі українського бароко у Микільському шпитальному монастирі, заснованому в XII ст.

[56] *Братський Богоявленський монастир* — заснований 1615 р. Містився неподалік нинішнього контрактового майдану. До ансамблю монастиря входив Богоявленський собор, споруджений 1690—1693 рр. архітектором О. Старцевим у стилі українського бароко.

[57] *Заборовський Рафаїл* (? — 1747) — київський митрополит з 1743 р. За Заборовського були збудовані: Велика лаврська дзвіниця (1731—1744), дзвіниця Софійського собору (1744—1748), колишній головний в'їзд до митрополичого будинку на території Софійського собору — брама Заборовського в стилі бароко (1746—1748).

[58] *Кловський (Стефанівський) монастир* збудував у XI ст. ігумен Печерського монастиря Стефан в урочищі Клов. Зруйнований монголо-татарами 1240 р.

[59] *Царський (Маріїнський) палац* — споруджений у 1750—1755 рр. за проектом архітектора Б. Расстреллі для імператриці Єлизавети.

[60] Йдеться про Миколу I (1796—1855) — російського імператора (1825—1855).

[61] Інститут шляхетних дівчат відкрито 1834 р., а будинок для нього споруджено у 1838—1842 рр. за проектом архітектора В. Беретті.

[62] Перший капітальний міст через Дніпро (ланцюговий) споруджено 1833 р.

[63] Генерал-губернатором Поділля і Волині було призначено київського військового губернатора 1832 р. Тоді ж створено й Київський навчальний округ.

Нечто о земле Киевской

Вперше надруковано в альманасі «Украинец». 1864. С. 1—11.

[1] *Розумовський Кирило* (1728—1803) — останній гетьман Лівобережної України (1750—1764).

[2] *Кокошкін Григорій* — ймовірно, йдеться про письменника *Івана Кокошкіна*, з 1818 р. члена Вільного товариства шанувальників словесності, наук і мистецтв або ж письменника-драматурга *Федора Кокошкіна* (1773—1838).

[3] *«День»* — слов'янофільська газета, виходила в Москві раз на тиждень за редакцією І. Аксакова в 1861—1865 рр.

[4] *Бантиш-Каменський Дмитро* (1788—1850) — історик і археограф. З 1816 р.— правитель канцелярії київського військового губернатора. У 1825—1828 рр.— тобольський, 1836—1837 —віленський губернатор. Працюючи в Україні, Бантиш-Каменський зібрав цінні архівні матеріали, на основі яких написав 4-томну «Історію Малої Росії» (М., 1882).

[5] *Симоновський Петро* (1717—1809) — історик. Походив із козацької старшини. Закінчив Київську академію. Автор «Короткого описання про козацький малоросійський народ та його військові справи» (М., 1847).

[6] *Шафонський Опанас* (1740—1841) — історик та лікар. Автор дослідження «Чернігівське намісництво» (К., 1851).

[7] *Граб'янка Григорій* (? — бл. 1738) — український козацький літописець.

[8] *Жигимонт-Август II* (1520—1572) — король Польщі в 1548—1570 рр.

[9] *Люблінська унія* — акт 1569 р. про об'єднання Литовського Великого Князівства з Польщею у федеративну польсько-литовську державу Річ Посполиту.

[10] *Михайло Олелькович* (? — 1481) — брат останнього київського князя Семена Олельковича. Мав володіння в Україні. Брав участь у підготовці повстання проти литовського уряду. Страчений 1481 р. у Києві.

[11] *Косинський Кришгоф* (? — 1593) — гетьман українських реєстрових козаків, керівник селянсько-козацького повстання проти Польщі 1591—1593 рр.

[12] *Лобода Григорій* (? — 1596) — запорізький гетьман у 90-ті роки XVI ст. Восени 1594 р. й навесні 1595 р. разом із Северином Наливайком брав участь у походах на Молдавію, у селянсько-козацькому повстанні 1594—1596 рр.

[13] *Голуб Олифер* (? — 1628) — гетьман реєстрового козацтва. Брав участь у морських походах проти Туреччини.

[14] *Тарас Трясило-Федорович* — гетьман запорозьких нереєстрових козаків (з 1629 р.). Очолював похід козаків на Кримське ханство, керував селянсько-козацьким повстанням на Придніпров'ї.

[15] *Сулима Іван* (? — 1635) — гетьман нереєстрових запорізьких козаків. Брав участь у морських походах.

[16] *Павлюк, Бут Павло* (? — 1638) — гетьман нереєстрового запорізького козацтва, керівник селянсько-козацького повстання в Україні 1637 р.

[17] *Остряниця, Острянин Яків (? — 1641)* — один із керівників селянсько-козацького повстання 1638 р.

[18] *Гуня Дмитро* — один із керівників селянсько-козацьких повстань у 30-х роках XVII ст.

[19] Див.: Документи Богдана Хмельницького. К., 1961. С. 209.

[20] *Вишневецький Михайло* (1633—1673) — син Яреми Вишневецького, польський король (1669—1673).

Обозрение старого Киева

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1840. С. 5—58.

[1] *Святослав Ярославич* (1027—1076) — князь Чернігівський (1054—1073), великий князь Київський (1073—1076). Був одним із складачів т. з. «Правди Ярославичів», що увійшла до «Руської правди». На його замовлення 1073 і 1076 рр. було складено «Ізборники Святослава».

[2] *Видубицький монастир* — заснований у другій половині XI ст. князем Всеволодом Ярославичем як родинний монастир. Мурований Михайлівський собор споруджено в 1070—1088 р. Сучасний вигляд монастиря склався наприкінці XVII — на початку XVIII ст.

[3] *Китаївська пустинь* — місцевість на околиці Києва. У XIV ст. тут був створений печерний монастир, підпорядкований із XVII ст. Києво-Печерській Лаврі. В 1763—1767 рр. архітектор С. Ковнір збудував тут Троїцьку церкву.

[4] Йдеться про *Турову божницю*, що містилася поблизу сучасної Турівської вулиці.

[5] *«Степенная книга»* — пам'ятка російської історичної літератури. Складена з ініціативи митрополита Макарія царським духівником Андрієм — майбутнім митрополитом Афанасієм між 1500—1563 рр.

[6] *Предславине* — село, що містилося на лівому схилі долини р. Либеді. За літописом, у 980 р. Володимир Святославич оселив тут свою дружину Рогніду (половецьку княжну) та їхню дочку Предславу, ім'ям якої й названа ця місцевість.

[7] *Богоявленське братство, Київське братство* — національна громадська організація київських міщан, що виникла 1615 р. Включала духовенство, частину шляхти, козацтво. До її складу входив Братський монастир. Петро Сагайдачний, вступивши з козацьким військом до братства, заповів частину майна братській школі. З ініціативи цієї організації була відновлена православна церковна ієрархія. Наприкінці 30-х років XVII ст. припинила діяльність.

[8] *Спаська церква на Берестові* — споруджена на переломі XI—XII ст. (ймовірно, Володимиром Мономахом). Вперше згадується в літописі 1072 р. Під час монголо-татарської навали була зруйнована. Відбудована в XV ст. У 1640—1642 рр. храм реставровано у стилі українського бароко, розписано 1644 р. на замовлення Петра Могили.

[9] *Десятинна церква* — перша мурована церква в Київській Русі. Збудована в 988—996 рр. за часів князювання Володимира Святославича, який на

будівництво й утримання її виділив десяту частину князівських доходів. Зруйнована ордами Батия в грудні 1240 р. Відбудована в XV ст. Вдруге зруйнована 1482 р. У 30-ті роки XVII ст. П. Могила збудував каплицю над південно-західним кутом старої церкви. У 1828—1842 рр. руїни храму були знищені, а на фундаментах споруджена нова Десятинна церква у псевдовізантійському стилі. Знищена у 30-ті роки XX ст.

[10] *Стасов Василь* (1763—1848) — архітектор, представник пізнього класицизму, академік Петербурзької Академії мистецтв (з 1811 р.).

[11] *Болеслав I Хоробрий* (967—1025) — польський князь (992—1025) і король (1025). У 1018 р., підтримуючи Святополка Окаянного проти Ярослава Мудрого, здійснив похід на Київ.

[12] Йдеться про *Олександра I* (1777—1825) — російського імператора (1801—1825).

[13] *Святополк-Михайло* — Святослав Ізяславич (1050—1113) — князь Полоцький (1069—1071), Новгородський (1078—1088), Туровський (1088—1093), великий князь Київський (1093—1113), син Ізяслава Ярославича.

[14] *Ізяслав Ярославич* (1024—1078) — великий князь Київський (з 1054 р.), син Ярослава Мудрого.

[15] *Берлинський Максим* (1764 —1848) — український історик і археолог. Автор «Короткого опису Києва» (1820), «Історичного огляду Малоросії та міста Києва» (1844).

[16] *Гедеон-Святополк Четвертинський* (? — 1690) — київський митрополит. У 1686 р. порвав зв'язки з константинопольським патріархом і визнав зверхність московського патріархату над православною церквою в Україні.

[17] *Всеволод Ярославич* (1030—1093) — син Ярослава Мудрого і батько Володимира Мономаха. З 1054 р.— удільний князь у Переяславській та Суздальській землях, з 1076 р.— великий князь Київський.

[18] *Судислав Володимирович* (? —1063) — князь Псковський. 1036 р. Ярослав Мудрий ув'язнив Судислава «у погребі», де він просидів 24 роки. Звільнили його з ув'язнення брати — князі Ізяслав, Святослав і Всеволод.

[19] *Болеслав II, Сміливий* (1039—1081) — польський князь (1058—1077) і король (1077—1079). Здійснив два походи на Київську Русь (1069 і 1077). Під час першого походу на короткий час захопив Київ. Скинутий з польського престолу внаслідок повстання великих феодалів.

[20] *Лиса гора.* Тепер у Києві є три Лисі гори. Одна з них поблизу Дніпра на території колишнього села Вигурівщина. Дві інші — на кручах правого берега: при впадінні в Дніпро Либеді й південніше Щекавиці (інша назва останньої — Юрковиця). З нею ототожнюється літописна Хоревиця. Назва «Лиса» означає вільна від лісу, гола.

[21] *Боплан Гійом-Левассер де* (бл. 1600—1673) — французький військовий інженер. Перебуваючи у 1630—1648 рр. на службі в польській армії, керував будівництвом фортець на півдні України. Досліджував Дніпро та його пороги, прикордонні райони Польщі й склав цінні карти. Повернувшись до Франції 1650 р., видав «Опис України або областей Королівства Польського, розташованих між кордоном Московії й Трансільванії», що містить відомості з історії, географії, культури й етнографії України.

[22] *Київський замок* — збудований наприкінці XIVст. в часи київського князя Володимира Ольгердовича на горі, піднесеній на 70 м. над Подолом, яка відтоді стала називатися Замковою (в середині XVII ст. за іменем останнього польського воєводи Адама Киселя гора одержала назву Киселівка, ще пізніше, з переходом у власність Флорівського монастиря — Флорівська). Неодноразово горів і відбудовувався. Найдостовірніше зображення замку подане на рисунках голландського художника Я. Вестерфельда близько 1651 року.

[23] *Вітовт* (1350—1430) — великий князь Литви (1392—1430). Після Кревської унії 1385 р. боровся за незалежність Литви від Польщі й добився визнання за собою (на правах намісника) Великого Князівства Литовського. Ліквідував на території України та Білорусії удільні князівства і створив замість них області з литовськими намісниками. У боротьбі з татарами біля Ворскли

(1399) зазнав поразки, але в 20-ті роки XV ст. йому вдалося розширити володіння Литви до Чорноморського узбережжя.

[24] Очевидно, йдеться про Гвагніна (*Гваніні*) *Олександра* (1534—1583) — польського хроніста, автора історико-географічного опису Польщі, Литви, України і Білорусії, створеного за працями польських хроністів XVI ст. М. Кромера і М. Стрийковського.

[25] *Біскупщина* — історична місцевість у північній частині Подолу (район довкола теперішнього Житнього ринку). В середині XVI ст. належала католицькому єпископові (біскупові). На Біскупщині був кафедральний Петропавлівський собор (розібраний у 30-х роках XX ст.).

[26] *Кроковський Іоолаф* (? — 1718) — митрополит Київський, письменник і вчений, професор і ректор Київської академії. 1718 р. на місці давньої церкви кінця XI ст. збудував Вознесенську церкву в Кудрявській слободі, що містилася поза фортецею за Львівською брамою (існувала до кінця 90-х років XIX ст.). На цьому місці тепер стоїть будинок Академії мистецтв.

[27] *«Київський синопсис»* — перший короткий нарис історії України з найдавніших часів до останньої чверті XVII ст. Укладення Синопсису вчені пов'язують з ім'ям І. Гізеля (1600—1683) — ректора й професора Києво-Могилянської колегії. Вперше надруковано 1674 р. в друкарні Києво-Печерської Лаври.

[28] *Козине болото* — назва колишнього пониззя між схилами київських пагорбів і Хрещатим яром (тепер територія північно-західної частини майдану Незалежності та навколишніх забудов за часів Київської Русі). Козине болото, як і Хрещатий Яр, входило до літописного Перевісища — місцевості, де полювали на дрібних звірів. По краю Козиного болота пролягав південний вал Верхнього міста з Лядською брамою. Тут точився запеклий бій із татаро-монголами. У 70-х роках XIX ст. частину болота обнесли новим захисним валом і спорудили кам'яну Печерську браму, через яку простягався Іванівський шлях на Клов, Печерськ, Берестове. За генеральним планом 1833 р. почалося перепланування й забудова Козиного болота. У 40-х роках із Софійської площі сюди перенесено ринок і названо цю частину Торгом, Товкучим або Хрещатим базаром. З 60-х років Козине болото — громадський осередок. Тут у різні роки жив Т. Шевченко. У 1874—1876 рр. було споруджено будинок міської думи.

[29] *Мініх Бургард-Крістоф, Христофор Антонович* (1683—1767) — російський військовий діяч, граф, генерал-фельдмаршал. Мав великі маєтності в Україні. Обстоював скасування політичної автономії Лівобережної України.

[30] *Карамзін Микола* (1766—1828) — російський письменник, публіцист, історик. Автор «Історії держави Російської» в 12-ти томах.

[31] *Мстислав Володимирович, Хоробрий, Удалий* (? — 1036) — князь Тмутараканський і Чернігівський, син київського князя Володимира Святославича.

[32] *Ігор Святославич* (1151—1202) — князь Новгород-Сіверський (з 1178) і Чернігівський (з 1198), син чернігівського князя Святослава Ольговича.

[33] *Мстислав Мстиславич Удалий* (? — 1228) — князь Новгородський (з 1210), Галицький (з 1219). У 1193 і 1203 рр. здійснив успішні походи проти половців.

Об участии и значении Киева в общей жизни России

Ця промова була видана окремою брошурою (К., 1837).

[1] *Іоан III*, Іван Васильович (1440—1505) — князь Московський (з 1462).

[2] *Петро I* (1672—1725) — російський цар (з 1782), імператор (1721—1725).

[3] *Боян* —давньоруський співець-дружинник другої половини XI — початку XII ст., уславлений у «Слові о полку Ігоревім». Ім'я Бояна виявлено також в одному з написів у Софійському соборі в Києві.

[4] *Михайло Всеволодович* (80-90-ті роки XII ст.— 1246) — князь Чернігівський. Вперше згадується у джерелах під 1206 р., коли одержав від батька

Переяслав. Брав участь у битві на Калці (1223), після чого князював у Чернігові. Від монголо-татар утік до Угорщини. 1245 р. повернувся до Чернігова. Поїхав до Батия. За відмову виконати поганський обряд татари вбили Михайла Всеволодовича.

[5] *Кирило* (? —1280) — митрополит Київський, церковно-політичний діяч, зв'язаний з колами книжників. Уперше згадується 1241 р.

[6] *Донській Дмитро* (1350—1389) — великий князь Московський (1359—1389), який першим очолив збройну боротьбу проти монголо-татарського іга.

[7] *Ягайло, Ягелло, Йогайло, Владислав II Ягайло* (1348—1434) — великий князь Литовський (1377—1434) і польський король (1386—1434). Поклав початок династії Ягеллонів.

[8] Йдеться про публіциста й дипломата, посла папи римського, єзуїта *Антонія Посевіна.*

[9] *Іоан IV, Іван Васильович Грозний* (1530—1584) — великий князь Московський (з 1533), перший російський цар (з 1547).

[10] *Федір Іванович* (1557—1598) — російський цар (1584—1598), син Івана IV Грозного.

[11] Йдеться про Брестську церковну унію 1596 р.

[12] *Баторій Стефан* (1533—1586) — семиградський (трансільванський) князь (1571—1576), польський король (з 1576) і полководець.

[13] *Самойлович Іван* (? —1690) — гетьман Лівобережної України (1672—1687).

[14] *Никін* (1605—1681) — патріарх Московський.

[15] Карл XII (1682—1718) — король Швеції (1697—1718) і полководець.

[16] *Бужинський Гавриїл* (? — 1731) — церковний діяч. З 1721 р.— архімандрит Костромського Троїцько-Іпатіївського монастиря, з 1726 р.— єпископ Рязанської єпархії, де відновив слов'яно-латинську школу.

[17] *Максимович Іоан* (1651—1715) — уродженець Ніжина, вихованець, а згодом і професор Києво-Могилянської колегії. З 1696 р.— архімандрит Чернігівського Єлецького Успенського монастиря, а 1697 р.— архієпископ Чернігівський, засновник Чернігівського колегіуму. Автор численних віршованих і прозових творів, перекладач.

[18] *Лопатинський Феофілакт* (? — 1741) — уродженець Волині, вихованець Київської академії. У 1706—1708 рр. професор, а потім до 1722 р.— ректор Московської академії. За свої твори в 1732 і 1735 рр. притягався до відповідальності Синодальним судом. З 1735 до 1740 р. перебував в ув'язненні.

[19] *Кониський Григорій*, у чернецтві *Георгій* (1717—1795) — український письменник, церковний діяч. Уродженець Ніжина, вихованець Київської академії, її професор, згодом ректор (з 1751). Автор трагікомедії «Воскресення мертвих» (1746), віршів, проповідей. Кониському приписувалось авторство «Історії Русів».

[20] *Ломоносов Михайло* (1711—1765) — російський учений і поет. У 1734 р. навчався в Київській академії.

[21] *Єлизавета Петрівна* (1709—1762) — російська імператриця (1741—1762).

[22] Московський університет засновано 1755 р. з ініціативи М. Ломоносова.

[23] *Катерина II, Олексіївна* (1729—1796) — російська імператриця (1762—1796).

О месте Киевской церкви св. Андрея

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные Ведомости». 1866. № 11.

[1] *Київський літопис* — одна з найдавніших історичних і літературних пам'яток Київської Русі, складова частина Іпатіївського літопису (продовження «Повісті временних літ»). Охоплює події з 1111 до 1200 р. Зібраний у Видубицькому монастирі з літописів, складених у Києві, Чернігові, Переяславі, Галицько-Волинській землі та ін.

[2] *Мстислав, Борис Романович Старий* (?—1223) — син Романа Рости-

славича, князь Псковський, князь Друцький, князь Смоленський, князь Білгородський, князь Київський (1212—1223).

[3] *Густинська хроніка* — український літопис початку XVII ст. За твердженням деяких дослідників, його склав 1623—1627 рр. український культурний і церковний діяч З. Копистенський. Відомі дві редакції. Охоплює історію України з найдавніших часів до 1597 р.

[4] *Трубецький Юрій* — російський воєвода в Києві (1673—1675).

О времени основания Киево-Софийского собора

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные Ведомости». 1867. № 1.

[1] *Іларіон, Ларіон* — давньоруський церковний письменник XI ст., оратор, перший митрополит Київський (1051—1052 або 1053). Автор «Слова о законі і благодаті», написаного між 1037 і 1050 рр.

[2] *Феопемпт* — митрополит Київський (1037 ? — між 1039—1051).

[3] *Іоакимовий літопис.* Ймовірно, що його автором був єпископ Новгородський Іоаким (? — 1030), згадуваний у Новгородському першому літописі.

[4] *Закревський Микола,* псевд. *М. Шагіняк* (1805—1871) — український історик, фольклорист, етнограф, лінгвіст, письменник. Автор «Нарису історії міста Києва» (1836). У 1858 р. видав доповнене видання у двох частинах під назвою «Опись Киева».

О горе Щекавице
(Письмо М. П. Погодину)

Вперше надруковано в книзі «Письма о Киеве». СПб., 1871. С. 19—23.

[1] *Лохвицький Кіндрат* (бл. 1774 — кінець 30-років XIX ст.) — український археолог. З 1823 р. жив у Києві, де проводив археологічні дослідження. 1824 р. відкрив фундамент Десятинної церкви, 1832 — розкопав руїни Золотих воріт.

[2] *Гончарі* — історична місцевість у Києві, на Подолі, де за часів Київської Русі жили ремісники-гончарі. Майстерні цеху гончарів існували до початку XIX ст.

[3] *Кожум'яки* — історична місцевість у Києві. Розташована між Старокиївською і Замковою горами. Тут за часів Київської Русі жили ремісники-кожум'яки, які своїм цехом пізніше ввійшли до Братства. Збереглася давня легенда про Микиту Кожум'яку, який переміг у двобої змія-людожера.

[4] *Дитинець* — центральна укріплена частина Києва. Розташовувався на Старокиївській горі. Наприкінці X—XI ст. охоплював місто Володимира.

[5] *Перевозчиков Дмитро* (1788—1880) — російський астроном і математик, академік Петербурзької Академії наук.

[6] *Журавський Дмитро* (1810—1856) — статист-економіст. Автор праць «Про джерела і використання статистичних відомостей» (К., 1846), «Статистичний опис Київської губернії» (СПб., 1852).

[7] *Кочубей Василь* (1640—1708) — генеральний писар (1687—1699), генеральний суддя (1699—1708).

[8] *Скоропадський Іван* (1646—1722) — генеральний осавул, полковник Стародубського полку (1706—1708), гетьман Лівобережної України (1708—1722).

[9] *Гамалія Григорій* (? — 1702) — полковник Лубенський (1665—1702).

[10] *Савич Семен* (? — 1725) — писар Генерального військового суду (1701—1706), генеральний військовий писар (1709—1725).

[11] *Мазепа Іван* (1644—1708) — гетьман Лівобережної України (1687—1708).

[12] Йдеться про публікацію 154 актів (грамот, листів, та ін.) *Мухановим Павлом* (1798—1871) — збирачем і видавцем матеріалів з історії під назвою «Сборник Муханова» (М., 1836; 2-ге вид.: СПб., 1876).

О создании Киевской церкви св. Кирилла

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные Ведомости». 1869. № 1.

[1] *Потьомкін Григорій* (1739—1791) — російський державний і військовий діяч, генерал-фельдмаршал, фаворит Катерини II. 1775 р. з його ініціативи було ліквідовано Нову Запорізьку Січ. У даному випадку йдеться про закриття Кирилівського монастиря (1786) й організацію на його території лікарні.

[2] *Дорогожичі* — історична місцевість на північній околиці Києва. У XI—XII ст. тут сходилися шляхи з Вишгорода, Чернігова, Новгорода, Смоленська та ін. міст; шлях, який вів до північних воріт Києва — т. з. Дорожище. Пам'ять про цю місцевість збереглася в назві Дорогожицької вулиці.

[3] *Всеволод Святославич* (?—1212) — князь Чернігівський, син великого князя Київського Святослава Всеволодовича.

[4] *Татищев Василь* (1686—1750) — російський історик, природознавець і державний діяч. Збирав давні писемні пам'ятки. Автор «Історії Російської з найдавніших часів» (Кн. 1—5. М., 1768, 1848).

[5] «Киевские епархиальные ведомости» — журнал, виходив у 1861—1917 рр.

[6] *Святослав Всеволодович* (бл. 1125—1194) — князь Новгород-Сіверський (1157—1164), Чернігівський (1164—1176), великий київський князь (1176—1180, 1181—1194), син Всеволода Олеговича.

[7] *Казимір II* (1138—1194) — польський король (1160—1194).

[8] *Суздальський літопис* — умовна назва загальноруського за своїм характером літопису кінця XV ст. Починається з «Повісті временних літ» і доводить виклад до 1418 року.

[9] *Стрийковський Матвій* (бл. 1547—1582) — польський історик і поет. Автор «Хроніки польської, литовської, жмудської і всієї Русі» (доведена до 1572 р., надрукована вперше в Кенігсбергзі).

[10] *Всеволод II Олегович* (? —1146) — великий князь Київський (1139—1146), син чернігівського князя Олега Святославича, родоначальника князівської династії Ольговичів.

[11] *Кенігсберзький список, Радзивіллівський літопис* — ілюстроване літописне зведення, що містить «Повість временних літ», у редакції, близькій за змістом до Лаврентіївського літопису.

[12] *Фундуклей Іван* — київський губернатор (1839—1852).

[13] *Іпатіївський літопис* — найдавніше руське літописне зведення, створене в Україні на початку XV ст. Назву свою дістав від Іпатіївського монастиря (Кострома), в якому зберігався і де його на початку XIX ст. виявив російський історик М. Карамзін. Складається з трьох частин: 1) «Повість временних літ»; 2) Київський літопис; 3) Галицько-Волинський літопис.

[14] *Похилевич Леонтій* (1816—1893) — український краєзнавець. Автор праць «Сказання про населені місцевості Київської губернії» (1864), «Повіти Київський і Радомишльський. Статистичні історичні замітки...» (1887).

Записки о первых временах Киевского Богоявленского братства

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные Ведомости». 1865. № 21, 23, 24.

[1] *Ставровецький Кирило Транквіліон* (? — 1646) — український письменник, церковно-освітній діяч, друкар, видавець. З початку XVII ст.— провідний діяч Львівського братства. Організував пересувну друкарню, яка працювала у Почаєві, Рахманові, Чернігові. Автор книги «Зерцало богослов'я» (1618), збірки проповідей «Євангеліє учителное» (1619), збірки морально-релігійних повчань «Перло многоценное» (1646).

[2] *Копистенський Захарій* (? —1627) — український письменник, культурний і церковний діяч. 1616 р. вступив до Київського братства, де розвинув видавничу й полемічно-літературну діяльність. З 1624 р. архімандрит Києво-Печерської Лаври. Видав Часослов (1617), трактати: «Книги про віру єдину...» (1619—1621), «Книга про правдиву єдність православних християн...» (1623) та ін.

[3] *Плетенецький Єлисей* (1550—1624) — церковно-культурний діяч, архімандрит Києво-Печерської Лаври, керував її друкарнею.

[4] *Карпович Леонтій*, світське ім'я *Логвин* (бл. 1580—1620) — літературний і церковний діяч, борець проти унії. Відомі кілька його проповідей.

[5] *Сакович Касіян* (бл. 1578—1647) — український церковний діяч, письменник-полеміст. У 1620—1624 рр. був ректором Київської братської школи. 1622 р. написав панегірик «Вірші на жалостный погреб... Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска... Запорозкого». 1625 р. прийняв унію, 1641 р. перейшов у католицтво.

[6] *Тетеря Павло* — гетьман Правобережної України (1663—1665). З 1648 р.— полковий писар, з 1653 р. — переяславський полковник.

[7] *Сомко Яким* (? — 1663) — наказний гетьман Лівобережної України (1660—1663). Його сестра Ганна була першою дружиною Б. Хмельницького. 1652 р. обіймав посаду прилуцького полковника.

[8] *Міллер Герард Фрідріх* (1705—1783) — історик і археограф, член Петербурзької Академії наук з 1731 р.

[9] *Рубан Василь* (1742—1795) — письменник та історик. За допомогою О. Безбородька видав «Короткі географічні, політичні та історичні відомості про малу Росію».

[10] *Гулевичівна Єлизавета, Галшка Василівна Лозчина* (1575 —1642) — одна із засновниць Київського братства, монастиря і школи при ньому.

[11] *Луцьке хрестовоздвиженське братство* засноване 1617р. До нього входили окремі представники старшин Війська Запорізького. Братство займалося громадсько-культурницькою та благодійною діяльністю і відігравало значну роль у боротьбі православ'я проти засилля католицизму й унії на Волині у 20—40-х роках XVII ст.

[12] *Львівське братство, Успенське Ставропігійське у Львові, Львівська ставропігія* — національно-релігійна громадська організація православних українських міщан Львова. Статут братства був затверджений у січні 1586 р. антіохійським патріархом Іоакимом IV і встановлював за братством право зверхності над іншими подібними організаціями.

[13] Йдеться про *Рутського Йосифа, Веніаміна*, який був греко-католицьким митрополитом у 1613—1637 рр.

[14] *Курцевич Єзикиїл, Коріятович Йосиф* (? — 1642) — православний діяч, нащадок княжого литовського роду, архімандрит Запорізького Терехтемирівського (Трахтемирівського) монастиря.

[15] *Земка Тарасій* (? — 1632) — ігумен Братського монастиря у Києві, ректор братської школи та керівник друкарні Києво-Печерської Лаври. Переклав і видав «Синтаксар» 1627 р. з віршами, написав трактат про літургію (1628), інші твори.

[16] *Беринда Павло, Памво* (? — 1632) — український діяч культури, лексикограф, письменник. Працював друкарем і гравером у Стрятині, Перемишлі, Львові. З 1619 р. жив у Києві, був головним друкарем, редактором, перекладачем у Києво-Печерській Лаврі. Автор першого друкованого українського словника «Лексікон славенороссκій».

[17] *Терехтемирівський, Трахтемирівський монастир* — шпиталь українського реєстрового козацького війська з 70-х років XVI до 60-х років XVII ст. Час заснування не встановлено. Містився поблизу містечка Трахтемирова і с. Зарубинців (тепер села Переяслав-Хмельницького району на Київщині). За привілеєм польського короля Стефана Баторія 1578 р. монастир було передано реєстровому козацькому війську й перетворено на шпиталь-притулок для поранених і старих козаків.

[18] *Густинський чоловічий монастир*. Заснований 1600 р. у с. Густині на

Полтавщині (тепер Прилуцького району Чернігівської області), 1786 р. монастир перетворено з позаштатний. 1799 р. закрито, на початку XIX ст. відновлено.

[19] *Ладанський Покровський монастир жіночий.* Заснований на початку XVII ст. біля с. Ладин (тепер селище міського типу Ладан Прилуцького району Чернігівської області). Первісно називався Підгірським і діяв як чоловічий. 1786 р. закритий, 1817 р. відновлений.

[20] *Вишневецька (Могилянка) Раїна* (1589—1619) — мати князя Яреми Вишневецького, двоюрідна сестра київського митрополита П. Могили. Підтримувала православне духівництво.

[21] *Дворецький Василь* був лише наказним полковником Київським у травні й грудні 1656 р. У джерелах він згадується з 1653 до 1668 року.

[22] *Філарет*, до чернецтва *Романов Федір Микитович* (бл. 1554—1633) — російський політичний діяч, з 1619 р.— патріарх.

[23] *Терлецький Кирило* (? — 1607) — церковний діяч. З 1572 р. — єпископ Пінський і Турівський. З 1585 р.— Луцький і Острозький. Був у Римі, де готував Берестейську унію.

[24] *Потій Іпатій*, світське ім'я *Адам* (1541—1613) — київський і галицький митрополит, письменник-полеміст. Один з ініціаторів Берестейської унії 1596 р.

[25] *Жолкевський Станіслав* (1547—1620) — польський державний і військовий діяч. Брав участь у Хотинській війні 1620—1621 рр. проти Туреччини.

[26] Битва польського війська з турецько-татарським військом під Цецорою відбулася 27—28 вересня 1620 р. У бою загинули Станіслав Жолкевський і Михайло Хмельницький, а Богдан Хмельницький потрапив у полон.

[27] *Енгель Йоганн-Христіан* (1770—1814) — австрійський історик. Автор праць «Історія Галича й Володимира» (1792), «Історія України й українських козаків» (1796) та ін., у яких використано значні документальні матеріали та літературні джерела.

[28] *Смотрицький Мелетій*, до прийняття чернецтва *Максим* (бл. 1578—1633) — український письменник-полеміст, філолог, церковний та освітній діяч. Автор «Грамматіки славенския...» (1618), яка тривалий час була єдиним посібником з мови.

[29] *Старокиївське підгір'я, проти Різдва церкви* — місцевість між Хрещатою долиною та Киселівкою, біля колишньої Хрещатицької застави, на розі сучасної вулиці Сагайдачного і Поштової площі. 1564 р. було збудовано церкву Різдва, на місці однойменної церкви, збудованої за часів Володимира Святославича, яка згоріла під час пожежі. 1643 р. під цією назвою споруджено нову дерев'яну церкву. 1810—1814 рр. за проектом архітектора А. Маленського зведено мурована церкву Різдва в стилі ампіру. В ніч на 22 травня 1861 р. тут було поставлено труну Тараса Шевченка. Споруду розібрано в 30-х роках.

Святые врата Печерской лавры

Вперше надруковано в журналі «Москвитянин». 1846. № 7.

[1] *Симон* (бл. 1166—1226) — володимиро-суздальський єпископ, один із ймовірних авторів «Києво-Печерського патерика» — збірки релігійних та інших оповідань про Києво-Печерський монастир, пам'ятки оригінальної літератури Київської Русі. З 1214 р.— єпископ Суздальський і Володимирський.

[2] *Полікарп* (кінець XII — початок XIII ст.) — чернець Києво-Печерського монастиря, один з авторів «Києво-Печерського патерика».

О Лаврской Могилянской школе

Стаття ця була прочитана на засіданні Товариства історії та старожитностей російських при Московському університеті 25 січня 1847 р. Вперше надрукована в «Чтениях» цього товариства. 1847. Кн. 6. С. 77—80.

[1] *Почапський Софроній* (? — ?) — церковний і освітній діяч. Освіту здобув за кордоном. Після повернення був проповідником Києво-Печерської Лаври. 1638 р. призначений ректором Києво-Могилянської колегії. З 1640 р.— настоятель Молдавсько-Ясського монастиря.

[2] *Кальнофойський Атанасій* — український письменник XVII ст. Автор книги «Тератургіма» (1638), де зроблено спробу пов'язати тодішнє богослов'я з традицією княжих часів.

[3] *Гізель (Кисіль ?) Інокентій* (бл. 1600—1638) —український освітній і церковний діяч, історик. З 1656 р. — архімандрит Києво-Печерської Лаври. Автор трактату «Мир з богом людині» (1669). Редагував «Києво-Печерський патерик» (1661). Гізелю приписують укладення «Синопсису» (1674), але ряд дослідників заперечують його авторство.

[4] *Острозька Біблія* — пам'ятка друкарства в Україні. Надрукована 1581 р. І. Федоровим у м. Острозі (тепер Рівненської області). Це перше повне видання Біблії в перекладі церковно-слов'янською мовою в давньоукраїнському варіанті.

[5] *Литовський Статут* — кодекс права Великого Князівства Литовського, що діяв на приєднаних українських землях. У ньому використовувалося поточне законодавство, судові постанови, російське, римське, польське, німецьке та звичаєве право. Діяв до 1840 р.

О надгробиях в Печерском монастыре

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1840. С. 131—165.

[1] *Гольшанський Міндовг, Міндаугас* (? —1263) — великий князь Литовський (з 30-х років XIII ст.). Протягом 1230—1240 рр. об'єднав під своєю владою більшу частину литовських земель. 1251 р. прийняв католицтво, 1253 р. був коронований папою. Убитий внаслідок змови феодальної знаті.

[2] *Ольгерд Гедиминович, Альгірдас* (бл. 1296—1377) — великий князь Литовський (1345—1377).

[3] *Скиргайло Ольгердович* (1354—1396) — литовський князь.

Выдубицкий монастырь

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1841. С. 5—26.

[1] Йдеться про Іоана III — митрополита Київського в 1089—1090 рр.

[2] У 1097 і 1105 рр. Боняк знову напав на руські землі. 1107 р. біля Лубен його розгромили війська дружини давньоруських князів.

[3] *Рюрик Ростиславич* (? —1212) вів тривалу боротьбу за великокнязівський київський стіл, дев'ять разів займав його.

[4] *Милонег Петро* — будівничий кінця XII — початку XIII ст. Був архітектором при дворі київського князя Рюрика Ростиславича. Крім підпірної стіни біля Видубицького монастиря у Києві, ймовірно, він збудував собор Апостолів у Білгородці під Києвом і церкву Василя на Новому дворі в Києві (обидві — 1197 р., не збереглися).

[5] *Галицький Данило Романович* (1201—1264) — князь Галицько-Волинської землі, політичний діяч, дипломат і полководець, син князя Романа Мстиславича.

[6] *Борецький Іов* (? —1631) — український церковний політичний і освітній діяч. На початку XVII ст. був учителем братської школи у Львові, згодом її ректором (1604—1605). З 1610 р.— священик у Києві, де відкрив парафіяльну школу. Один із організаторів братської школи (1615) та її перший ректор.

[7] Вітебський єпископ *Іосафат Кунцевич* був убитий 1622 р.

[8] Це сталося 1610 року.

[9] *Владислав IV Ваза* (1595—1648) — король Польщі (1632—1648). Його

уряд видав так звані «Статті для заспокоєння руського народу», які узаконили існування в Україні й Білорусі православної церкви і повернули їй частину земельних володінь.

[10] *Корсак Рафаїл* був греко-католицьким митрополитом у 1637—1640 рр.

[11] *Ясинський Варлаам* (1627—1707) — церковний та культурний діяч; з 1690 р.—митрополит Київський.

[12] *Миклашевський Михайло* (? —1706) — стародубський полковник у 1689—1706 р.

[13] *Крюковський Йоасаф* з 1708 р. був митрополитом Лівобережної України.

[14] *Могилянський Арсеній* був митрополитом Київським у 1758—1770 рр. Похований у Софійському соборі.

Нечто о Межигорьи

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные Ведомости». 1864. № 20.

[1] *Іоаким* — патріарх Московський (друга половина XVII ст.).

[2] *Калнишевський Петро* (бл. 1690—1803) — останній кошовий Запорізької (Нової) Січі (1762, 1765—1775). Під час зруйнування Січі в червні 1775 р. закликав не чинити збройного опору царському військові. Після ліквідації Запорізького війська Калнишевського заарештували, а все його майно конфіскували. За наказом Катерини II був ув'язнений і направлений до Соловецької в'язниці. Там помер.

[3] *Тимофій Щербацький* (? —1767) — митрополит Київський (1747—1757).

Волынь до XI века

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1841. С. 289—297.

[1] Древляни — східнослов'янське плем'я в VI—XII ст. у Поліссі на Правобережжі Дніпра. Згадуються в «Повісті временних літ». Найбільшими містами у древлян були Іскоростень (Коростень), Вручий (Овруч), Малин, Городськ та ін. Землі цього племені складали окреме князівство, ліквідоване 945 р. княгинею Ольгою.

[2] *Поляни* — східнослов'янське плем'я (союз племен) VI—IX ст., жили у Придніпров'ї між гирлами Десни й Росі. Займалися рільництвом, скотарством, мисливством, рибальством. З ними пов'язуються літописні легенди про початок Русі. Востаннє ім'я полян згадується 944 року.

[3] *Костянтин VII, Багрянородний*, Порфиродний (905—959) — візантійський імператор (з 913) з македонської династії.

[4] *Галицьке князівство* — давньоруське князівство, що займало північно-східні схили Карпатських гір, верхів'я Дністра, Пруту й Серету. На південь його територія доходила до Чорного моря й Дунаю. Наприкінці X ст., за Володимира Святославича, Галицька земля увійшла до складу Київської Русі. Наприкінці XI ст., за князювання правнуків Ярослава Мудрого — Рюрика, Володара і Василька Ростиславичів, відокремилася від Києва.

[5] *Шафарик, Шафаржик Павло-Йосиф* (1795—1861) — чеський і словацький учений, діяч чеського й словацького відродження. Найважливіші праці: «Історія слов'янської мови та літератури всіма наріччями» (1826), «Про походження слов'ян» (1828), «Слов'янські старожитності» (1837).

О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево в населении ее новопришлым народом (Письмо М. П. Погодину)

Вперше надруковано в журналі «Русская беседа». 1857. Кн. IV.

[1] *Погодін Михайло* (1800—1875) — російський історик, письменник і журналіст, професор Московського університету. Автор шовіністичної «теорії»,

нібито до татарської навали Подніпров'я було заселене великоросами, а українці вийшли з Карпат і поселилися над Дніпром щойно в XVI ст. На думку Погодіна, козаки були окремим слов'янсько-тюркським плем'ям тощо. Ідеолог російського панславізму могутнього Московського царства, яке мало б об'єднати всіх слов'ян. Духовний батько москвофільства. Ці «теорії» й спростовує М. Максимович у своїх відкритих листах до М. Погодіна.

[2] *«Русская беседа»* — журнал слов'янофільського спрямування, виходив у Москві в 1856—1860 рр.

[3] *Бодянський Осип* (1808—1877) — філолог, історик, письменник і перекладач; один із засновників славістики. 1834 р. закінчив Московський університет. У 1835 р. опублікував «Наські українські казки Іська Материнки». У «Чтениях Московського общества истории и древностей российских» опублікував багато матеріалів з історії України, народні пісні.

[4] *Плано Карпіні, Карпіні Джованні* (бл. 1182 — не пізніше 1252) — італійський мандрівник. У 1245—1247 рр. очолював дипломатичну місію до Монголії. Залишив описи Русі XIII ст., зокрема Києва за часів монголо-татарського іга.

[5] *Серапіон* (? —1275) — єпископ Володимирський, проповідник і письменник. Відомості про нього надто скупі. У літописі згадується, що до висвячення 1274 р. у єпископи він був архімандритом Печерським. Вважають, що йому належить п'ять повчань.

[6] *Володимир Василькович* (? —1288) — князь Волинський з 1272 р., син Василька Романовича. За літописом, «бысть книжник велик и философ», мав велику бібліотеку й сам переписував книги.

[7] *Лев Данилович* (бл. 1228—1301) — галицький князь. Приєднав до Галицького князівства частину Закарпаття з Мукачевим (бл. 1280) і Люблінську землю (бл. 1292). За його ім'ям названо м. Львів.

[8] *Дмитро* — київський воєвода, намісник Данила Романовича Галицького. 1240 р. керував обороною Києва від монголо-татарських орд хана Батия. Під час оборони міста був поранений і потрапив у полон, але за мужність Батий дарував йому життя.

[9] *Волинський літопис* — зберігся в складі Іпатіївського та Хлебниковського списків Іпатіївського літопису, є другою частиною Галицько-Волинського літопису. Складений на Волині бл. 1290 р. У ньому використана князівська придворна хроніка, Новгородський літопис про литовських князів та ін.

[10] *Воскресенський літопис* — літописний звід XVI ст. московської орієнтації. Зберігся в 13 списках (назва за списком, що належав Воскресенському монастиреві у Новому Єрусалимі). Розрізняють чотири редакції літопису.

[11] *Галич* — давньоруське місто, великий економічний і культурний центр Русі. Був розташований на березі р. Лукви (притоки Дністра) на місці сучасного с. Крилоса Галицького району Івано-Франківської області. Вперше згадується в Іпатіївському літописі під 1140 р., з 1144 р.— центр Галицького князівства, з 1199 — Галицько-Волинського князівства.

[12] *Троїцький літопис* — літописний звід початку XV ст., згорів під час московської пожежі 1812 р. Був написаний на пергаменті. Починався з «Повісті временних літ» і доводив розповідь до 1408 р. Останні 20 аркушів містили життєпис Сергія Радонезького. В основі літопису лежав звід митрополита Кипріяна, що мав промосковське спрямування.

[13] *Куремша, Курумші, Курумші* — золотоординський воєвода, засновник Білої Орди. Здійснив невдалий похід 1253—1254 рр. на володіння Данила Галицького — пониззя й південну Волинь.

[14] *Суздальська земля* — історична територія у Північно-Східній Русі заселена фінськими племенами: муроми, мері і весі. У давніх пам'ятках називалася Залеською землею. Головними містами були Ростов, Суздаль, Володимир. 1125 р. Володимир Мономах посадив тут князем свого сина Юрія Долгорукого.

[15] *Мономах Володимир, Володимир-Василій Всеволодович* (1053—1125) — великий князь Київський (1113—1125), державний і політичний діяч, письмен-

ник. Автор вміщеного в Лаврентіївському літописі «Повчання» своїм дітям — видатного давньоруського літературного світського твору. Засуджував князівські міжусобиці.

[16] *Мей Лев* (1822—1862) — російський поет. Співробітник журналу «Москвитянин» (до 1853). Перекладав «Слово о полку Игореве».

[17] *Каяла* — річка, ймовірно, одна з приток Дону (Сіверського Дінця).

[18] *Кончак* — половецький хан, що в другій половині XII ст. об'єднав під своєю владою племена східних половців. У 1172, 1180 рр. підтримував сіверських князів у їхній боротьбі з іншими князівствами. 1185 р. завдав поразки Ігореві Святославичу на р. Каялі, взяв його в полон. Згодом Кончак оточив Переяслав, але зазнав поразки.

[19] *Срезневський Ізмаїл* (1812—1880) — філолог-славіст, професор Харківського університету (1837—1846). У ранніх працях вважав українську мову окремою слов'янською мовою, а пізніше розглядав її як наріччя російської. У 1847—1880 рр.— професор слов'янознавства Петербурзького університету. Створив словник давньоруської мови.

[20] «*Филологические письма*» — див. нижче. С. 341.

[21] *Грамотин Іван* (? —1638) — російський дипломат. За Лжедимитрія (1605) став думним дяком Посольського приказу.

[22] *Греч Микола* (1787—1867) — журналіст і письменник. Разом з Ф. Булгаріним видавав журнал «Сын отечества» (1812—1839) і газету «Северная пчела» (1831—1839).

[23] *Сахаров Іван* (1807—1863) — російський фольклорист і етнограф. Опублікував «Розповіді російського народу про сімейне життя своїх предків» (1836—1837), «Пісні російського народу» (1838—1839), де вміщено й українські обрядові, ліричні та історичні пісні.

[24] *Лавровський Микола* (1825—1899) — філолог, академік Петербурзької Академії наук (з 1890). Був професором Харківського університету (1855—1875), директором Ніжинського історико-філологічного інституту (1875—1882), ректором Варшавського університету (1882—1890).

[25] *Рогволод* (? — бл. 980) — полоцький князь.

[26] *Рогніда Рогволодівна* (? — 1000) — дочка полоцького князя Рогволода, дружина великого князя Київського Володимира Святославича, мати князя Ізяслава Володимировича. Наприкінці 70-х років X ст. Рогніда відмовила Володимирові — тоді новгородському князеві. Володимир бл. 980 р. захопив Полоцьк, убив батька і двох братів Рогніди, дав їй ім'я Горислави й зробив своєю дружиною.

Исторические письма о казаках Приднепровских (К М. В. Юзефовичу)

Вперше надруковано: два перші листи — в газеті «День». 1863. № 44, 46; три наступні — в газеті «Киевлянин». 1865. № 23—25.

[1] *Юзефович М.* (1802—1889) — помічник попечителя Київського шкільного округу, голова Київської археографічної комісії (1857—1889), ворог українського руху. Уславився доносами на представників української інтелігенції, сприяв появі Емського указу 1876 р., який був спрямований на придушення української культури. Цим указом заборонялося ввозити до Росії з-за кордону українські книжки, видавати оригінальні твори українською мовою та українські переклади з інших мов, не дозволялися театральні вистави українською мовою. На підставі акта було закрито Громади, припинив діяльність Південно-Західний відділ Російського географічного товариства в Києві тощо.

[2] *Антонович Володимир* (1834—1908) — український історик, археолог, етнограф і археограф. Як головний редактор Київської археографічної комісії (1862—1880) Антонович особисто займався відбором і підготовкою до друку

видань комісії. Ним особисто підготовлено до друку 9 томів (з 37) «Архива Юго-Западной России» та ряд інших видань.

[3] *Лянцкоронський (Лянскоронський)* — польський браславський воєвода, комендант Кам'янця.

[4] *Володимир Ольгердович* (? —1398) — князь Київський (1362—1394), син великого князя Литовського Ольгерда.

[5] *Олелько (Олександр) Володимирович* (? —1455) — князь Київський (1443—1455), онук Ольгерда.

[6] *Несецький Каспер* (1682—1744) — хроніст, польський дослідник генеалогії і геральдики. Склав гербар «Корона польська» (Т. 1—4. 1728—1743).

[7] *Вишневецький Олександр* — черкаський староста. 1590 р. одержав грамоти польського короля на Посулля (територія вздовж річки Сули).

[8] *Вишневецький Дмитро* (? —1563) — походив із князівського роду. У 30-х роках XVI ст. був черкаським і канівським старостою. Бл. 1654—1655 рр. на острові Мала Хортиця збудував замок. 1558 р. перейшов на службу до російського царя Івана IV Васильовича, де брав участь у поході на Кримське ханство. За наказом султана його було страчено в Константинополі.

[9] *Альбрехт* — князь Пруський.

[10] *Кременецький замок* уперше згадується 1226 р. Входив до складу Галицько-Волинського князівства і був одним із наймогутніших його укріплень. 1261 р. татарські орди зруйнували Кременець.

[11] *Хортиця* — острів на Дніпрі загальною площею близько 3 тис. га. Входить до міської зони Запоріжжя. Вперше згадується під назвою о. Святий Григорій у праці Константина VII Багрянородського «Про управління імперією» (складена у 946—953 рр.). Іпатіївський літопис згадує Хортицю під 1103 р. як збірний пункт руських князівських дружин, що йшли проти половців. Хортиця відігравала роль важливого стратегічного опорного пункту Запорізької Січі.

[12] Напевно, йдеться про *Маркевича Олександра* (1790—1865) — українського історика й етнографа, автора праці «Опис Малоросії».

[13] *Радивіл (Радзивілл) Юрій* — воєвода в Києві від 1511 р.

[14] *Костомаров Микола* (1817—1885) — видатний український історик, етнограф, письменник, археограф.

[15] *«Основа»* — перший український громадсько-політичний і літературно-мистецький двомісячник. Виходив у 1861—1862 рр. у Петербурзі українською і частково російською мовами.

[16] *Свирговський Іван, Сверчовський* (? — не раніше 1574) — козацький гетьман на початку 70-х років XVI ст. На початку 1574 р. брав участь у визвольній боротьбі молдавського народу проти турецького панування.

[17] *Шах Яків* — козацький гетьман другої половини XVI ст. Мартин Бельський у «Хроніці польській» згадує козацького ватажка Якова Шаха, який очолював загін козаків на службі у київського воєводи Костянтина Острозького. Очолював морські походи запорізьких козаків проти Кримського ханства.

[18] *Підкова Іван* (? —1578) — молдавський господар (1577—1578). До 1577 р. був запорізьким козаком у м. Немирові. За наказом польського уряду 1578 р. скарано у Львові.

[19] *Скалозуб Семен* (? —1599) — осавул Запорізького Війська. 1599 р.— кошовий отаман.

[20] *Іванишев Микола* (1811—1874) — український історик права, фахівець з історії права слов'янських країн. Один із засновників Київської археографічної комісії, до 1863 р.— головний редактор її видань.

[21] *Зубрицький Денис* (1777—1862) — український історик, архівіст, етнограф.

[22] *Курбський Андрій* (бл. 1528—1583) — князь, московський боярин, воєвода. Через терор Івана Грозного емігрував до Литовсько-Руської держави й отримав від короля Жигмонта II маєток на Волині, у Ковелі. Мав деякий вплив на князя Костянтина Острозького у релігійних справах.

[23] *Глинський Михайло* (? —1534) — князь. Мав великі земельні маєтності на Чернігівщині, Київщині і в Білорусі.

[24] *«Літопис Самовидця»* — український козацько-старшинський літопис XVII ст. Охоплював події в Україні від 1648 до 1702 р. Автор анонімний. В історичній літературі висловлено думку, що ним був Ракушка Романовський.

[25] *Рігельман Олександр* (1720—1789)— російський історик, військовий інженер, топограф, генерал-майор.

[26] *Ружинський Богдан* — гетьман, відомий у 1575—1576 рр.

[27] *Золотаренко Іван* (? —1656) — ніжинський полковник (1653—1656), наказний гетьман. Висланий у Білорусь, запровадив там козацький лад; з цього приводу був конфлікт із Москвою, яка на цю територію мала свої претензії. Загинув при облозі Старого Бихова.

[28] *Безбородько Олександр* (1747—1799) — українець за походженням, російський державний діяч, дипломат, князь. З 1765 р. служив у канцелярії малоросійського генерал-губернатора П. Рум'янцева. Брав участь у російсько-турецькій війні 1768—1774 рр. З 1775 р.— особистий секретар Катерини II. 1797 р. дістав чин канцлера. Допоміг В. Рубану видати «Короткий літопис Малої Росії...» (1777).

[29] *Полетика Василь* (1765—1845) — збирач документальних матеріалів з історії України XVI—XVIII ст. До 1790 р. був на військовій службі, а потім — предводителем дворян Роменського повіту Полтавської губернії. На думку історика О. Лазаревського, В. Полетика та його батько Григорій Полетика (1725—1784) були авторами «Історії Русів».

[30] Зборовський договір укладено 18 серпня 1649 р. в м. Зборові (тепер Тернопільської області) після Зборовської битви, в ході якої селянсько-козацьке військо завдало нищівних ударів польській армії. Проте зрада кримського хана Іслам Гірея, який перейшов на бік Польщі, звела нанівець перемогу і змусила Б. Хмельницького прийняти невигідні для України умови (встановлювався 40-тисячний реєстр, влада переходила до казацької адміністрації у Брацлавському, Київському і Чернігівському воєводствах. Водночас польським панам поверталися їхні маєтки і селяни, що не потрапили до реєстру, переходили у підданство своїх власників).

[31] *Кохановський Веспасіян* (1633—1700) — польський історик і письменник. Автор ряду історичних праць.

[32] *Громика, Громека* (? —1651) — білоцерківський полковник (1649—1651).

[33] *Носач Тимофій* був прилуцьким полковником у 1649—1652 рр.

[34] *Жданович Антін.* До 1648 р. був сотником реєстрового Чигиринського полку. 1649 р. призначений київським полковником. Очолював посольства до Туреччини (1650) і Польщі (1653).

[35] *Савич Семен* був козаком реєстрового війська. Полковником Канівського полку призначений 1648 р.

[36] *Гладкий Матвій* (? —1652) — миргородський полковник. Восени 1648 р. керував козацькими загонами, які вели боротьбу в Білорусі. У Берестецькій битві (коли татари тимчасово полонили Б. Хмельницького) виконував обов'язки гетьмана.

[37] *Короткий літописець.* Напевне, йдеться про «Короткі географічні, політичні та історичні відомості про Малу Росію» (1773).

[38] *Мацейовський Вацлав* (1793—1883) — польський історик культури, права і літератури.

[39] *Коялович Михайло* (1828—1891) — російський історик, професор (з 1862) Петербурзької духовної академії. Відверто антипольськими були його «Лекції з історії Західної Росії» (1864).

Сказание о гетмане Петре Сагайдачном

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1850. С. 151—183.

[1] Йдеться про похід 1600 р. українських козаків на чолі з гетьманом Самійлом Кішкою (на пропозицію польського уряду в Молдавію для підтримки

молдавського господаря Могили — васала Польщі) у боротьбі з валаським воєводою Михайлом.

[2] Українські козаки на чолі з гетьманом Самійлом Кішкою взяли участь у війні Польщі зі Швецією 1601 р. (Похід в Інфлянти).

[3] *Єрлич Йоахим* (1598—1673) — польський хроніст. Автор «Літопису або хроніки різних справ і подій». Охоплює період з 1620 до квітня 1673 р. Почав писати 1648 р. в Києво-Печерській Лаврі, переховуючись від повстанців.

[4] *Величко Самійло* (1670— після 1728) — український літописець. Його 4-томна праця «Літопис...» охоплює історичні події другої половини XVII — початку XVIII ст. (зберігся не повністю). Текст «Літопису...» Величка надрукувала Київська археографна комісія в 1848—1864 рр. за списком М. Погодіна.

[5] *Пожарський Дмитро* (1578—1642) — російський державний і військовий діяч, князь, боярин. Керував воєнними діями проти польського війська у 1613—1618 рр. Очолював ряд московських приказів.

[6] *Деулінське перемир'я* 1618 р.— перемир'я між Росією і Польщею, підписане 1 грудня 1618 р. в с. Деуліні (тепер м. Загорськ Московської області) про припинення російсько-польської війни 1617—1618 рр.

[7] *Сапіга Лев* (1557—1633) — канцлер великий Литовський з 1588 р. Помітну роль відіграв при дворі Казимира Вази.

[8] *Кішка Самійло* (? —1602) — гетьман реєстрового козацтва (1599—1602). Учасник морських походів запорізьких козаків на султанську Туреччину. В 70-х роках XVI ст. потрапив у турецький полон. Пробувши на галері близько 25 років у полоні, організував 1599 р. на турецькій галері біля м. Гезлева (тепер Євпаторія) повстання невільників, які перебили яничарів і повернулися в Україну. Загинув під час спільного походу козаків і польського війська (1601—1602) на Лівонію.

[9] *Бородавка (Неродич) Яцько* (? — 1621) — гетьман запорізького козацтва. Обраний у кінці 1619 р. виписними і нереєстровими козаками, які повстали проти польсько-шляхетського гніту й оволоділи Запорізькою Січчю.

[10] *Ходкевич Ян Кароль* (1560—1621) — гетьман Литовський. Помер під Хотином.

[11] *Собеський Яків* — автор записок про Хотинську кампанію.

[12] *Ян III Собеський* (1629—1696) — польський король (1674—1696) і полководець.

[13] *Могила Петро* (1596—1647) — церковний і освітній діяч України першої половини XVII ст. З 1627 р.— митрополит Києво-Печерський, а з 1632 р.— митрополит Київський і Галицький.

[14] *Осман II* (1605—1622) — турецький султан (1618—1622). За його правління Туреччина 1620—1621 рр. вела війну проти Польщі. Був убитий яничарами, невдоволеними поразками Туреччини у Хотинській війні.

Воспоминание о Богдане Хмельницком

Вперше надруковано в журналі «Русская Беседа». 1857. Кн. 1.

[1] Пам'ятник Богдану Хмельницькому в Києві відкрито 23 червня 1888 р. на Софійському майдані. Скульптор М. Микешин.

[2] Вперше Переяслав згадується під 911 р. За князювання Володимира Святославича став міцною фортецею — основним опорним пунктом Київської Русі в її боротьбі проти половців.

[3] *Бутурлін Василь* (? — 1656) — російський військовий діяч, дипломат, боярин. Очолював російське повноважне посольство на Переяславську раду 1654 р.

[4] *Матвєєв Артамон* (1625—1682) — російський державний і військовий діяч, дипломат, боярин (з 1674). Разом із І. Фоміним у травні 1653 р. вів переговори з Б. Хмельницьким. У складі посольства, очоленого В. Бутурліним, брав участь у Переяславській раді 1654 р.

[5] *Бій під Жванцем.* У вересні 1653 р. велике військо під командуванням

Яна II Казимира вирушило в похід в Україну. Під Жванцем військо Б. Хмельницького і загони Іслам-Гірея III оточили королівське військо. Понад два місяці тривала облога. Над польським військом нависла загроза поразки. Але Іслам-Гірей III віроломно припинив воєнні дії і уклав з Яном II Казимиром сепаратне перемир'я. Крім великої грошової винагороди за зраду, Іслам-Гірей дістав від Яна II Казимира згоду брати ясир в Україні.

[6] Статейний список російського посольства в Україну на чолі з Василем Бутурліним (1653 р., жовтень — 1654 р., листопад), опублікований в «Актах Юго-Западной России» (М., 1878. Т. 10 С. 141—276).

[7] *Зорка Самійло* — вигаданий український літописець XVII ст. Служив писарем на Запорізькій Січі. 1648 р. став особистим секретарем Б. Хмельницького і вів до смерті гетьмана діаріун (щоденник).

[8] *Договір Віленський* — Віленське перемир'я, укладене 1656 р. між Росією і Польщею. Переговори у Вільні тривали з серпня до жовтня 1656 р. (представники України на переговори не були допущені).

[9] *Петро II* (1715—1730) — російський імператор з 1727 р., син царевича Олексія, внук Петра I. Влада фактично знаходилася в руках Меншикова. Після арешту останнього під тиском боярської аристократії Петро II проголосив себе противником перетворень Петра I. На ньому закінчилася чоловіча вітка роду Романових.

[10] *Апостол Данило* (1654—1734) — миргородський полковник (1683—1727), гетьман Лівобережної України (1727—1734).

Сказание о Колиивщине

Стаття була написана М. Максимовичем 1839 р. для альманаху «Киевлянин», але через позитивне ставлення автора до Коліївщини і виправдання ним народного повстання публікація не була дозволена цензурою. Авторові можна закинути явне перебільшення жертв повстання.

Вперше надрукована вже після смерті автора в журналі «Русский архив», 1875. № 5. С. 5—27.

[1] *Кребс Вероніка* (бл. 1750—1832) —дочка польського губернатора і коменданта Умані Я. Р. Младановича.

[2] *Грабовський Амвросій* (1792—1868) — польський книгар, історик, видавець історичних джерел.

[3] За минулі понад 150 років після написання М. Максимовичем цієї праці з'явилося чимало публікацій документів, досліджень, які розширюють наші уявлення про Коліївщину. Бібліографію їх, складену І. Шпитковським, опубліковано в збірнику документів «Гайдамацький рух на Україні у XVIII ст.» (К., 1970. С. 567—574). З видань, що вийшли пізніше, слід назвати: Коліївщина 1768. Матеріали ювілейної наукової сесії, присвяченої 200-річчю повстання (К., 1870); Др. Петро Мірчук. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. (Нью-Йорк, 1973).

[4] Йдеться про остаточну ліквідацію гетьманства 1764 р. і передачу функцій гетьмана другій Малоросійській колегії. 1782 р. з утворенням Київського, Чернігівського і Новгород-Сіверського намісництв полковий адміністративно-територіальний устрій було ліквідовано і Гетьманщина перестала існувати.

[5] *Харко* — жаботинський сотник, керівник гайдамацького руху в 1764—1765 рр.

[6] *Барська конфедерація* — військово-політичне об'єднання польських магнатів і шляхти, метою якого було збереження необмежених прав і привілеїв. Конфедерати виступали проти спроб польського короля С. Понятовського посилити свою владу, а також проти впливу Росії на політику Польщі. Створена 29 лютого 1768 р. на з'їзді польської шляхти у м. Барі.

[7] *Мотронинський Троїцький монастир* — один із осередків антиуніатського руху на Правобережній Україні у XVII—XVIII ст. Заснований 1568 р. в Мотронинському лісі поблизу Чигирина. Його роль особливо зросла 1753—1768 рр., коли ігуменом був М. К. Значко-Яворський.

[8] *Мелхіседек Значко-Яворський* (1716—1890) — ігумен Мотронинського Троїцького монастиря в 1753—1768 рр., із 1761 р.— правитель православної церкви і монастирів на Правобережжі. 1768 р. обвинувачений у зв'язках із М. Залізняком. Після 1768 р .— ігумен Переяславського (1769—1771), Київського Видубецького (1771—1781), Лубенського Мгарського (1781—1786) і Глухівського Петропавлівського монастирів.

[9] Безперечно, маємо справу з легендою. Ніхто ніколи не бачив «Золотої грамоти».

[10] Шило — ватажок гайдамацького загону, сотник. У червні 1768 р. здобув штурмом м. Балту (тепер Одеської області).

[11] *Неживий Семен* — один з керівників Коліївщини. Прийшов із Запоріжжя разом із М. Залізняком. Навесні 1768 р. створив гайдамацький загін, який діяв у районі Чигирина, Сміли, Черкас, Крилова, Канева і Медведівки. За вироком Київської губернської канцелярії був засуджений до покарання батогами і заслання в Нерчинськ на довічні каторжні роботи.

[12] Бердичівський замок збудовано в кінці XVI ст. 1627 р. засновано Бердичівський монастир ордену «Босих кармелітів».

[13] Йдеться, напевне, про *Любомирського Станіслава* (1719—1783) — великого королівського маршалка з 1766 р.

О десяти городах и некоторых селах древней Украины (Письмо М. П. Погодину)

Вперше надруковано в журналі «Москвитянин». 1854. № 1. С. 1—7.

[1] Йдеться про працю М. Максимовича «Обозрение городовых полков и сотен, бывших на Украине со времени Богдана Хмельницкого».

[2] *Оболенський Михайло* (1805—1873) — князь, історик, архівіст. У 1840—1873 рр.— директор Московського архіву іноземних справ. Зібрав і видав багато писемних і речових джерел з історії Росії XVI—XVII ст.

[3] *Гліб Юрійович* — князь Переяславський (1155—1171), син князя Юрія Суздальського. Двічі займав київський великокнязівський стіл.

[4] *Надеждін Микола* (1804—1856) — російський критик, журналіст, учений. У 1831—1835 рр.— професор Московського університету. З 1831 р. видавав журнал «Телескоп» з додатками газети «Молва».

[5] *Неволін Костянтин* (1806—1855) — російський історик права, професор Київського (з 1835) і Петербурзького (з 1843) університетів, а також училища правознавства (Т. 1—2. 1839—1840).

[6] *Воронцов Михайло* (1782—1850) — князь, фельдмаршал, російський державний і військовий діяч. У 1823—1844 рр.— генерал-губернатор Новоросії і намісник Бессарабської області, пізніше — намісник Кавказу.

[7] Працю М. Максимовича «Бубновская сотня» див.: Собр. соч.: У 3 т. К., 1876. Т. 1. С. 747—834.

Сказание о празднике св. Бориса под Переяславом

Вперше надруковано в альманасі «Киевлянин». 1850. С. 9—18.

[1] *Арцибашев Микола* (1773—1844) — російський історик. Головна праця «Повествование о России» (Т. 1—3. 1838—1843).

[2] *Пассек Вадим* (1808—1842) — етнограф, історик, археолог. З дворян Харківської губернії.

О малороссийских народных песнях

Вперше надруковано як передмова до книги «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827. С. 1—36.

[1] *Бродзінський Казимир* (1791—1835) — польський поет, перекладач,

літературознавець, публіцист. Професор Варшавського університету (1822—1882). Один із перших перекладачів польською мовою поезій слов'янських народів, зокрема українських народних пісень.

[2] *«Вестник Европы»* — історико-політичний і літературний журнал, виходив у Петербурзі з березня 1866 до березня 1918 р.

[3] *Цертелев (Цертелі) Микола* (1790—1869) — фольклорист, один з перших дослідників і видавців української народної поетичної творчості. Навчався в Харківському і Московському університетах. З 1839 р.— помічник попечителя Харківського навчального округу. Упорядкував і видав збірку «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (1819) та записав 12 дум.

[4] *Ходаковський Зоріан, Чарноцький Адам* (1784—1825) —історик, археолог й етнограф. Запровадив в історичну науку нові методи дослідження: археологічний, мовознавчий, географічний, етнографічний. Найважливіша праця «Про християнську слов'янщину» (1818).

[5] *Котляревський Іван* (1769—1839) — український письменник, класик нової української літератури періоду її становлення. Автор поеми «Енеїда» (1798 р. вийшли ч. 1—3. 1842 р.— повний текст п'єси «Наталка Полтавка» (1838) та водевіля «Москаль-чарівник (1841).

[6] *Твардовський Самуель* (бл. 1600—1660) — польський поет і хроніст. Автор ряду римованих творів, у т. ч. поеми «Громадянська війна з козаками, татарами і Москвою, пізніше з шведами і угорцями» (Ч. 1—1660; Ч. 2-бл. 1654), в якій основне місце відведено подіям Визвольної війни під керівництвом Богдана Хмельницького.

[7] *Павловський Олексій* (1773 — ?) — український мовознавець. Автор першої друкованої граматики живої української мови «Грамматика малороссийского наречия» (СПб., 1818).

[8] *Шпигоцький Опанас* — український письменник. Навчався в Харківському університеті, був членом гуртка харківських романтиків І. Срезневського. Збирав і досліджував фольклор. Друкувався в «Украинском альманахе» (1831).

[9] *Левицький Йосип* (1801—1860) — український письменник, педагог, культурний діяч. Викладав церковно-слов'янську мову в Перемишльській семінарії, був священиком. Автор праць «Приручний словар славено-польський...» (1830), «Граматика руської або малоросійської мови в Галичині» (німецькою мовою, 1834), підручників для початкових шкіл.

[10] *Лозинський Йосип* (1807—1889) — український етнограф і мовознавець. Видав збірку українських весільних пісень «Руське весілля» (1835). Автор «Граматики руської мови» (1846), де наголошував, що мовою літератури повинна бути народна мова.

[11] *Аляб'єв Олександр* (1787—1851) — композитор. Гармонізував українські народні пісні в збірці «Голоса украинских песен» М. Максимовича.

[12] *Киреєвський Петро* (1808—1856) — російський літератор, публіцист, слов'янофіл. Понад чверть сторіччя (1830—1856) Киреєвський присвятив вивченню народних пісень (зібрав понад 10 тис. пісень, але надрукував лише 31).

Что такое «Думы»

Вперше надруковано як передмову до книги «Украинские народные песни». М., 1832. С. 2.

[1] *«Український альманах»* — перший в Україні альманах, виданий 1831 р. І. Срезневським та І. Розковшенком у Харкові. Видавці мали намір скласти альманах виняткова з українських творів, однак лише половина була пов'язана з Україною тематично. Вона складалася з народних пісень та дум, українських віршів Л. Боровиковського, перекладів пушкінської «Полтави» та А. Міцкевича. Віршем «Рогдаев пир» у альманасі дебютував Є. Гребінка. Йому ж належав і етнографічний нарис «Неженские греки».

[2] *«Запорожская старина»* — фольклорно-історична збірка у двох частинах,

шести випусках, підготовлена і видана І. Срезневським (Ч. 1, вип. 1—3 — 1833, 1834; Ч. 2, вип. 1—3 — 1834, 1835, 1838). Прагнучи відтворити історію запорізьких козаків і українського народу в цілому, Срезневський подав у збірці уривки з козацьких літописів, тоді ще не опублікованої «Історії Русів», а також повісті, перекази, історичні пісні і думи XVI—XVIII ст.

Заметка о бытовых песнях

Вперше надруковано як аргумент приміток до книги «Украинские народные песни». М., 1832. С. 136.

Книжная старина южнорусская

Вперше надруковано в журналі «Временник обществ. Истории и древн. Истории». 1850. Кн. 2. С. 117—138.

У цій праці М. Максимович зробив спробу викласти історію книгодрукування в Україні, назвати відомі йому видання кожної друкарні зокрема. Для того часу був істотний крок у розвитку українського книгознавства.

О начале книгопечатания в Киеве, мнимом и действительном

Вперше надруковано в журналі «Киевские Епархиальные ведомости». 1872.

К истории малорусского языка (Филологические письма к М. П. Погодину)

Вперше надруковано в журналі «Русская Беседа». 1856. № 3. С. 78—139.

[1] Напевне, йдеться про «Обозрение Киева в отношении к древностям, изданное... Ив. Фундуклеем». К., 1847.

[2] *Добровський Йозеф* (1753—1829) — чеський філолог; творець славістики; член багатьох академій наук, у т. ч. Петербурзької і Берлінської, численних наукових товариств. Його багатогранна діяльність на ниві славістики, чеської мови і літератури спричинилася до чеського відродження, зробила вплив на славістичні дослідження в інших країнах.

[3] *Остромирове Євангеліе* — одна з найвидатніших пам'яток давньослов'янського письменства в давньоруській редакції. Містить євангельські читання для неділі і свят. Переписане у 1056 —1057 рр. із староболгарського оригіналу, як гадають, у Києві дияконом Григорієм для новгородського посадника Остромира. Написане уставом на 294 аркушах пергаменту.

[4] *Венелін Юрій* (1802—1839) — історик-славіст, етнограф і філолог. Виступав проти теорії норманського походження Київської Русі.

[5] *Палацький Францішек* (1798—1876) —чеський історик, філософ, діяч культури і чеського національного руху XIX ст.

[6] *Востоков (Остенек) Олександр* (1781—1864) — філолог-славіст, поет. Автор праць з історії слов'янських мов, укладач словника давньослов'янської мови, палеограф.

[7] *Шишков Олександр* (1754—1841) — російський письменник, філолог, публіцист, перекладач, державний діяч. Належить до числа перших перекладачів «Слова о полку Ігоревім».

[8] *Катков Михайло* (1818—1887) — російський журналіст і публіцист. У 1850—1855, 1863—1887 рр. редагував газету «Московские ведомости». У 1856—1887 рр. видавав журнал «Русский вестник».

[9] Йдеться про «Русский вестник» — літературний і політичний журнал, що виходив у 1856—1906 рр. (до 1887 р.— у Москві, потім — у Петербурзі, у 1902—1906 рр. знову в Москві).

[10] Напевне, йдеться про *М. Сухомлинова* — автора праці «О древнерусской летописи как памятнике литературном...».

[11] *Коллар Ян* (1793—1853) — чеський і словацький поет, фольклорист, етнограф та історик. Автор трактату «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями» (1836) та ін.

[12] *«Руська Правда»* — складені переважно в XI—XII ст. збірники норм давньоруського права, основне джерело для вивчення суспільних відносин. Тепер відомо 106 списків «Руської Правди», складених у XIII—XVIII ст., що їх прийнято поділяти на три редакції — Коротку, Розширену та Скорочену.

[13] *Туровський Кирило* (між 1130 і 1134 — бл. 1182) — письменник-проповідник і церковно-політичний діяч Київської Русі.

[14] *Дубенський Дмитро* (? — 1863) — історик російського права і літератури, магістр словесних наук. Був одним із активних захисників «Слова о полку Ігоревім» від скептиків і одним із перших його коментаторів.

[15] *Гнєдич Микола* (1784—1833) — поет, перекладач. Україні присвятив ряд віршів (зокрема «Ластівка»), писав українською мовою, листувався з І. Котляревським.

[16] *Строєв Павло* (1796—1876) — російський історик-археограф. Брав участь у виданні літописів.

[17] *Єрмолаєвський список, Єрмолаєвський літопис* кінця XV ст., що включає ряд відомостей про будівельну діяльність руських архітекторів і будівельників Є. Єрмолаєва за 1462—1472 рр. Був відкритий О. Шахматовим, який дав цю назву. Доведений до 1481 р. і має ще приписки (іншим почерком) за 1485—1488 рр.

[18] *Псковський літопис* — літописи XV—XVII ст., пов'язані єдністю походження, але становлять кілька самостійних пам'яток. Видавці 1848—1851 рр. виділили два літописи під цією назвою — Псковський перший літопис (Архівський 1-й, Архівський 2-й, Строєвський та інші списки) і Псковський другий літопис (Синодальний список). Містить багатий матеріал з історії Псковської землі.

[19] *Каченовський Дмитро* (1827—1873) — вітчизняний правознавець. Працював у Харківському університеті спочатку ад'ютантом, а з 1859 р.— професором.

[20] *Калайдович Костянтин* (1792—1832) — історик-археограф, фахівець з давньослов'янської палеографії, писемності, мови, дослідник білоруської мови, фольклорист.

Автобиография

Автобіографія була написана М. Максимовичем на прохання упорядників «Биографического Словаря». що готувався до видання у 1854 р. до 100-річчя від дня заснування Московського університету. Автор написав її у формі листа С. Шевирьову — професору Московського університету, який упорядковував словник.

Вперше надруковано в журналі «Киевская старина». 1904. Т. 86. С. 322—346.

[1] *Тимківські* 1) *Іван* (1773—1853) — педагог, письменник, освітній діяч. Викладав право у Петербурзькому сенатському юнкерському інституті (1797—1801), працював у Міністерстві юстиції. Брав активну участь у заснуванні Харківського університету. З 1805 р.— доктор права Московського і Харківського університетів. У 1825—1838 рр.— ректор Новгород-Сіверської гімназії; 2) *Василь* (1781—1832) — політичний діяч і письменник; у 1826—1828 рр. — губернатор Бессарабії; перекладав із західноєвропейських мов на російську; 3) *Роман* (1785—1820) — професор грецької і римської літератури у Московському університеті. Досліджував творчість Нестора; 4) *Юрій* (1790—1875) — дипломат і письменник. У 1820—1821 рр. був у Китаї. Автор праці «Мандрівка в Китай через Монголію». Його спогади були опубліковані в журналі «Киевская старина».

[2] Йдеться про остаточну ліквідацію московським урядом автономного уряду Гетьманщини на початку 1780-х років XVIII ст.

[3] *Новгород-Сіверська гімназія* заснована 1804 р. на базі Головного народного училища, відкритого 1789 р. Тривалий час була центром освіти колишньої Чернігівської губернії.

[4] *Спаський монастир* — Спасо-Преображенський монастир у Новгороді-Сіверську, заснований в XI — на початку XII ст. на пагорбі понад заплавою р. Десни.

[5] *Державін Гаврило* (1743—1816) — російський поет.

[6] *Жуковський Василь* (1783—1859) — російський поет. Один з основоположників російського романтизму. Учасник війни 1812 р.

[7] Шостинський пороховий завод почав діяти 1739 р.

[8] *Гольдбах Лев* (1739—1824) — син астронома Фрідріха Гольдбаха (1763—1811). Після закінчення Московського університету (1816) захистив докторську дисертацію. З 1819 р. читав історію природи на медичному факультеті Московського університету.

[9] *Фішер Федір* (1782—1854) — ботанік, доктор медицини (з 1804). З 1823 р.— директор імператорського ботанічного саду в Петербурзі.

[10] *Мерзляков Олексій* (1778—1830) — російський критик і поет.

[11] *Павлов Михайло* (? — 1840) — професор фізики, мінералогії і сільського господарства, доктор медицини (з 1818).

[12] Напевне, йдеться про *Рейса Федора* (1778—1852) — заслуженого професора хімії Московського університету, доктора медицини і хірургії.

[13] «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономичеких» — журнал, виходив у 1820—1829 рр. у Москві.

[14] *Двигубський Іван* (1771—1839) — природознавець. З 1807 р.— професор, у 1826—1833 рр.— ректор Московського університету.

[15] *Прокопович-Антонський Антін* (1762—1848) — природознавець, професор Московського університету.

[16] Йдеться про лейб-гвардії медика *Х. Лодера*, який 1812 р. взяв на себе влаштування й управління госпіталем московського ополчення.

[17] *Мухін Єфрем* (1766—1850) — лікар-хірург, анатом, фізіолог, гігієніст, судовий медик. Автор посібників з хірургії (1806) та анатомії (1813—1815). Був обраний почесним членом Харківського університету.

[18] *Давидов Іван* (1794—1863) — педагог і письменник. Професор латинської філології та філософії у Московському університеті.

[19] *Титов В.*— літератор, перекладав твори Есхіла. Був членом-засновником у березні 1823 р. Московського літературного товариства С. Раїча (туди входив і М. Максимович), а також членом таємного гуртка «Любомудров», створеного 1823 р. В. Одоєвським.

[20] *«Сын Отечества»* — історичний, політичний і літературний журнал, виходив у 1812—1844, 1847—1852 рр. у Петербурзі. Засновник М. Греч.

[21] *Одоєвський Володимир* (1804—1869) — російський письменник і музикознавець, засновник таємного літературного гуртка «Любомудров» у Москві (1823). Один з організаторів «Російського музичного товариства» у Петербурзі.

[22] Йдеться про генерал-майора *А. Писарєва*, який 1825 р. був призначений попечителем Московського учбового округу.

[23] *«Московский вестник»* — російський двомісячний літературний журнал, що видавався в Москві у 1827—1830 рр. Офіційним редактором був М. Погодін.

[24] Йдеться, напевне, про професора ботаніки *Василя Черняєва*, батька відомого діяча на сільськогосподарській ниві Валерія Черняєва (1844—1892).

[25] *Лінен Карл* — учасник російсько-шведської війни в 1789—1790 рр.; був ад'ютантом кн. Потьомкіна, Павла I, військовим губернатором в Архангельську. У 1828—1833 рр.— міністр народної освіти.

[26] *«Товариство дослідників природи»* при Московському університеті. Засноване 1804 р. Організовувало екскурсії для дослідження природи околиць Москви та довколишніх губерній.

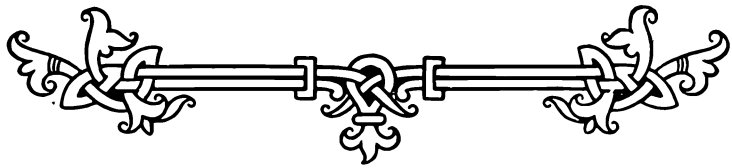
[27] *Гумбольдт Олександр* (1769—1859) — німецький природознавець, географ і мандрівник.

[28] *Уваров Сергій* (1786—1855) — російський державний діяч, граф, міністр

народної освіти і президент Академії наук (1833—1849). Перший висунув підхоплену слов'янофілами формулу «православие, самодержавие и народность» як основу освітньої політики.

[29] *Голохвостов Дмитро.* Службу розпочав у Колегії іноземних справ. Тривалий час був помічником попечителя Московського навчального округу, а з 1847 р.— попечителем. Автор кількох статей з російської історії, надрукованих у «Москвитянине».

[30] *Языков Микола* (1803—1847) — російський поет.

ЗМІСТ

Переднє слово *(Віктор Скопенко)* 7

Патріарх української науки (Володимир Замлинський) 10

ОЧЕРК КИЕВА 32

НЕЧТО О ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ 44

ОБОЗРЕНИЕ СТАРОГО КИЕВА 49

ОБ УЧАСТИИ И ЗНАЧЕНИИ КИЕВА В ОБЩЕЙ ЖИЗНИ РОССИИ 74

О МЕСТЕ КИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. АНДРЕЯ 88

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КИЕВО-СОФИЙСКОГО СОБОРА 94

О ГОРЕ ЩЕКАВИЦЕ (ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНУ) 101

О СОЗДАНИИ КИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. КИРИЛЛА 104

ЗАПИСКИ О ПЕРВЫХ ВРЕМЕНАХ КИЕВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСТВА 112

СВЯТЫЕ ВРАТА ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ 137

О ЛАВРСКОЙ МОГИЛЯНСКОЙ ШКОЛЕ 141

О НАДГРОБИЯХ В ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ 145

ВЫДУБИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ 162

НЕЧТО О МЕЖИГОРЬИ 171

ВОЛЫНЬ ДО XI ВЕКА 174

О МНИМОМ ЗАПУСТЕНИИ УКРАИНЫ В НАШЕСТВИЕ БАТЫЕВО И НАСЕЛЕНИИ ЕЕ НОВОПРИШЛЫМ НАРОДОМ (ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНУ) 179

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА О КАЗАКАХ ПРИДНЕПРОВСКИХ (К М. В. ЮЗЕФОВИЧУ) 191

СКАЗАНИЕ О ГЕТМАНЕ ПЕТРЕ САГАЙДАЧНОМ 221

ВОСПОМИНАНИЕ О БОГДАНЕ ХМЕЛЬНИЦКОМ 237

СКАЗАНИЕ О КОЛИИВЩИНЕ 245

О ДЕСЯТИ ГОРОДАХ И НЕКОТОРЫХ СЕЛАХ ДРЕВНЕЙ УКРАИНЫ (ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНУ) 269

СКАЗАНИЕ О ПРАЗДНИКЕ СВ. БОРИСА ПОД ПЕРЕЯСЛАВОМ . . 274

О МАЛОРОССИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ 282

ЧТО ТАКОЕ «ДУМЫ» 296
ЗАМЕТКА О БЫТОВЫХ ПЕСНЯХ 299
КНИЖНАЯ СТАРИНА ЮЖНОРУССКАЯ 300
О НАЧАЛЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В КИЕВЕ, МНИМОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ 339
К ИСТОРИИ МАЛОРУ́ССКОГО ЯЗЫКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА К М. П. ПОГОДИНУ) 345
АВТОБИОГРАФИЯ 388
БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ М. О. МАКСИМОВИЧА 405
ПРИМІТКИ (*Іван Бутич*) 414

Пам'ятки історичної думки України

Максимович Михайло Олександрович

КИЕВЪ ЯВИЛСЯ ГРАДОМЪ ВЕЛИКИМЪ...

Вибрані українознавчі твори

Художник обкладинки *О. Г. Григір*
Художній редактор *О. Г. Григір*
Технічний редактор *Є. Г. Рубльов*
Коректори *З. П. Чиркова, Т. А. Лукашина*

Здано на складання 09.02.94. Підп. до друку 13.07.94. Формат 84×108 / 32. Папір друк. №2.
Гарн. Тип Таймс. Ум. друк. арк. 23,52. Ум. фарбовідб. 23,52. Обл.-вид. арк. 23,65.
Вид. № 3528. Зам. № 210

Видавництво «Либідь» при Київському університеті,
252001 Київ, Хрещатик, 10

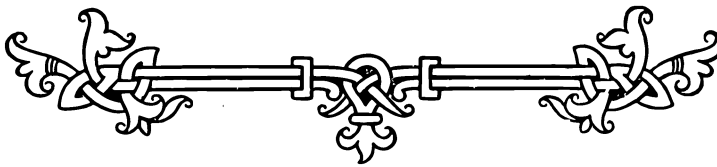
Білоцерківська книжкова фабрика, 256400, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4

Максимович М. О.
М 17 Киевъ явился градомъ великимъ...: Вибрані українознавчі твори / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису В. О. Замлинський; Приміт. І. Л. Бутича. Переднє слово В. В. Скопенка.— К.: Либідь, 1994.— 448 с. («Пам'ятки історичної думки України»)
ISBN 5-325-00534-0.

До книги ввійшли історичні, етнографічні, фольклористичні та мовознавчі студії вченого, в основі яких правдиве і пристрасне слово про замовчувані або спотворені протягом десятиліть сторінки нашої непростої історії, про самостійність і самобутність української мови, культури в цілому. Ряд досліджень присвячені пам'ятним місцям української столиці. Серед творів, що друкуються вперше,— серія сказань про Коліївщину, Переяславщину, гетьманів Сагайдачного, Хмельницького, козаків придніпровських, дослідження з історії української мови, а також автобіографія автора.

Для всіх, хто цікавиться вітчизняною культурою, джерелами духовності українського народу.

М 0503020902-059 / 224-94 Б3 23-6-93 ББК 63.3 (4 УКР)

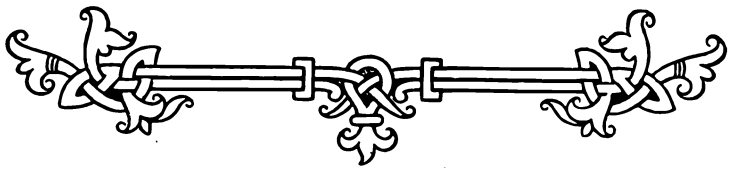
У ВИДАВНИЦТВІ «ЛИБІДЬ»
ПРИ КИЇВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ
У 1994 РОЦІ ВИХОДЯТЬ ДРУКОМ:

Грушевський М. С. Історія української літератури: У 6 т. 9 кн. Т. 4. Кн. 1 /Упоряд. О. М. Таланчук; приміт. С. К. Росовецького: К.: Вид-во «Либідь» при Київ. ун-ті, 1994 (III).— 23 арк.— (Бібліотека «Літературні пам'ятки України»).— Мова укр. (В опр.).

Книга містить результати захоплюючого наукового пошуку: автор відтворює сюжети й поетичні особливості українського епосу XI—XIII ст., що передували думам. Він спирається як на відгомони прадавньої дружинної поезії у фольклорі України, так і на рудименти її в північноросійських билинах. Значна увага приділена проблемі взаємозв'язків героїчної та християнської епічної творчості.

Для всіх, хто цікавиться вітчизняною культурою, джерелами духовності українського народу.

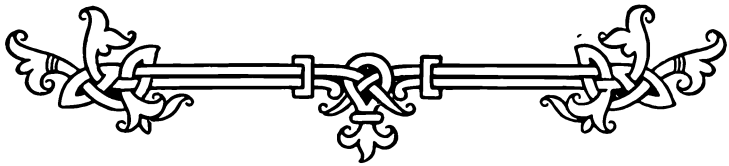

Грушевський М. С. Історія української літератури: У 6 т. 9 кн. Т. 4. Кн. 2 /Упоряд. О. М. Таланчук; приміт. С. К. Росовецького: К.: Вид-во «Либідь» при Київ. ун-ті, 1994 (IV).— 23 арк.— (Бібліотека «Літературні пам'ятки України»).— Мова укр. (В опр.).

Книга є найгрунтовнішим в українській фольклористиці дослідженням народної християнської поезії та легенди, демонструє естетичне багатство й дивовижне розмаїття цих витворів народної віри і фантазії, окреслює напрями їхнього розвою протягом XIV—XIX ст.

Для сучасного читача справжнім відкриттям стануть тексти релігійних колядок, щедрівок, легенд, духовних віршів, дбайливо зібраних автором із малодоступних джерел і очищених від пізніших нашарувань і мовних спотворень.

Для всіх, хто цікавиться вітчизняною культурою, джерелами духовності українського народу.

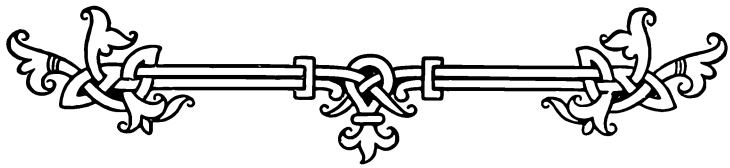

Огієнко І. І. Історія українського друкарства /Упоряд., авт. передм. та приміт. М. С. Тимошик: К.: Вид-во «Либідь» при Київ. ун-ті, 1994 (III).— 30 арк.— (Бібліотека «Пам'ятки історичної думки України»).— Мова укр. (В опр.).

Видана 1925 р. (у Львові) монументальна праця визначного діяча українського відродження Івана Огієнка «Історія українського друкарства» більше ніж шість десятиліть зберігалася в бібліотечних спецсховах і тому практично була недоступною навіть для фахівців.

У книзі переконливо і аргументовано простежується не лише розвиток специфічної друкарської галузі в Україні від початків її заснування, а й доля самої української культури, непроста, почасти трагічна історія українського друкованого слова, яке в умовах заборон, обмежень усе ж пробивалося до читача. Видання спонукає до роздумів про передумови розквіту й причини занепаду українського друку, української культури в цілому, про шляхи її відродження в нинішній складний для нашої держави час.

Для студентів вузів, усіх, хто цікавиться вітчизняною культурою, джерелами духовності українського народу.

Лю Біюй, Фань Бінь (КНР), Наталія Тоцька (Україна). Вчимося говорити китайською: Навч. посібник.— К.: Вид-во «Либідь» при Київ. ун-ті, 1994 (IV).— 18 арк.— Мови кит., укр., рос. (В опр.).

Для тих, хто хоче оволодіти таємничою магією ієрогліфів, доторкнутися до тисячолітньої гілки людської цивілізації, що дала світові таку багату історію, науку й культуру, пропонуємо спільне видання Народного видавництва провінції Цзянсу (Китай) та видавництва «Либідь» при Київському університеті «Вчимося говорити китайською». Це — навчальний посібник багатоцільового призначення. Він допоможе зробити дійовий внесок в оволодіння азами китайської мови — познайомить з її звуковою і тоновою системами, дасть змогу опанувати традиційну китайську транскрипцію, вести прості бесіди в розрізі ряду побутових, культурно-освітніх та ділових тем і засвоїти близько півтори тисячі найбільш уживаних слів китайської мови.

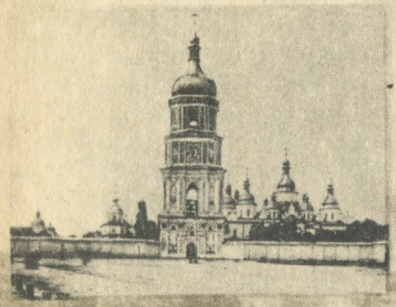
Для студентів вузів, усіх, хто прагне самостійно вивчати китайську мову.

Книги можна замовити в місцевих магазинах книготорговельних об'єднань та облспоживспілок, а також у державному підприємстві «Гамаюн» (252117 Київ, вул. Попудренка, 26), яке надсилає книги накладною платою.

137500 сар.

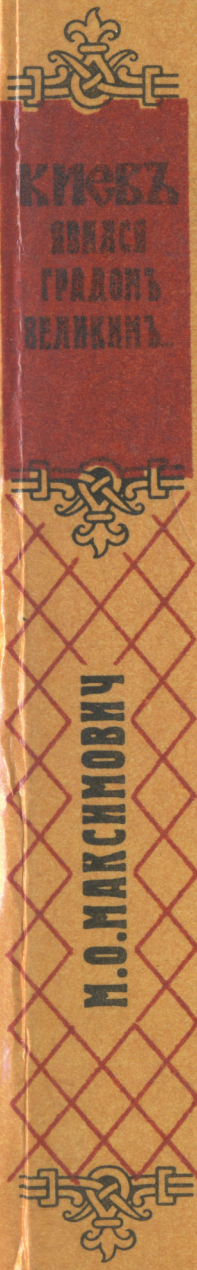

КИЕВЪ
ЯВЯЯСЯ
ГРАДОМЪ
ВЕЛИКИМЪ.
М.О.МАКСИМОВИЧ

Либідь